

СЕРИЯ «АРХИВ»

Е. В. Пчелов

РЮРИКОВИЧИ

История династии

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2003

ББК 63.3(2)
П 925

*Посвящается всем потомкам
первой династии России*

*Исключительное право публикации книги Евгения Пчелова
«Рюриковичи. История династии»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения или его части без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.*

Разработка оформления серии
Петра Волкова

Подбор иллюстраций — *Е. В. Пчелов*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Крещение Руси»
художника В. М. Васнецова

На форзацах: В. М. Васнецов. «Баян»;
А. М. Васнецов. «Строительство московского кремля
Юрием Долгоруким».

Пчелов Е. В.
П 925 Рюриковичи. История династии. — М.: ОЛМА-ПРЕСС,
2003. — 479 с. — (Архив).
ISBN 5-224-03160-5

В 2001 году исполнилось 1139 лет династии Рюриковичей. В 862 году на Руси появился варяг Рюрик, который основал великую династию русских правителей. Потомки Рюрика властвовали над русскими землями 740 лет, создавая и укрепляя Русское государство. Этот великий род сыграл колоссальную роль в историческом процессе и дал России множество замечательных людей в самых разных областях. Тысячелетней истории Рюриковичей и посвящена эта книга.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-224-03160-5

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2001

ВСТУПЛЕНИЕ

В 2001 году исполнилось 1139 лет Русскому государству. Многим это утверждение покажется странным. Разве датой начала истории страны может считаться какой-нибудь один год? И разве возникновение государства — не сложный и долгий процесс, результат экономического и политического развития? Всё это, конечно, так. Государства не создаются в мгновение ока, по мановению волшебной палочки. Да и определить, когда государства всё ещё нет, а когда оно уже есть, — для историка не так-то легко. Но речь идёт не об этом. Просто в русской истории, как и в любой другой, существует дата, начиная с которой и идёт отсчёт жизни нашей страны. И пусть она условна или даже «легендарна», она существует, не нами придуманная и не нами введенная, — и уже поэтому её нужно уважать.

В прежние времена эту дату стремились вычеркнуть из истории — слишком очевидна была её «монархическая» и, как кому-то казалась, непатриотическая окраска. Поэтому её не найти в школьных учебниках советской поры. Она исчезла, как исчезли и имена тех первых князей, с которых и начала история России «движение своё». Вместо четкого и ясного начала появилось нечто аморфное и расплывчатое: «IX век — образование государства у восточных славян». Во-первых, тем самым лишний раз подчёркивалось, что славяне сами создали свою державу, а во-вторых, постулировалось, что произошло это благодаря «производительным силам» и «производственным отношениям». Так теперь выходит.

Я совсем не хочу умалить значение производительных сил, равно как и подвергнуть сомнению самостоятельность восточнославянских племён. Но в истории любой страны есть какая-то начальная точка, какой-то пункт отсчёта, который становится основанием всей последующей хронологии. Да, это традиция мифологического сознания. Да, это некая архаика представлений, но в этом и состоит великий смысл таких дат. Римляне верили, что их Великий город основан 21 апреля 753 года до Рождества Христова, как это определил историк Варрон. И греки вели счёт лет от первой, мифической, Олимпиады. А вся христианская цивилизация зиждется на летосчислении от Рождества Христова, хотя мы знаем теперь, что Иисус появился на свет на несколько

лет ранее. Но это — начало начал, те необходимые, важнейшие вехи, благодаря которым и формируется представление человека об истории. Сознание ищет начало и находит его. И пусть это — легенды и мифы, но они были необходимы людям и в их истинность верили.

Сейчас, разумеется, историческая наука достигла колоссальных высот. И после периода отрицаний начинается более внимательный и более взвешенный подход к легендарным первоосновам. Оказывается, не всё и не во всех легендах — выдумка, а есть и некое рациональное зерно. Так и с датой «начала русской истории». Она снова входит в общественный обиход. Попытки ниспровергателей «выбить» почву из-под русской истории ушли в прошлое. Легендарные образы предков возвращаются к нам.

К слову сказать, в дореволюционный период отношение к историческим преданиям «изначальной Руси» было иным. Летописные повествования и хронология оставались необходимым фундаментом, той исторической канвой, по которой изучали российскую историю русские люди. И недаром в сентябре 1862 года в Великом Новгороде произошло торжественное и знаменательное событие: в присутствии императорской семьи состоялось открытие уникального памятника — «Тысячелетие России». Его создали два замечательных скульптора — Михаил Осипович Микешин и Иван Михайлович Шрёдер. Тогда ещё совсем молодые, начинающие мастера, они осуществили этот грандиозный замысел с удивительным вдохновением. Авторы словно погрузились в мир русской истории, смогли «пропустить» её через себя, представив в бронзе длинную вереницу подвижников, героев и творцов — более ста персонажей украшают беспримерный в мировой истории монумент, и каждому дана верная и пронзительная характеристика.

Памятник «Тысячелетие России» стал подлинным шедевром русского искусства, одним из величайших его свершений. К сожалению, это было понято далеко не всеми. И в середине XIX века, и много позже находились люди, поносившие творение Микешина и Шрёдера последними словами, навешивавшие ему ярлыки «безвкусицы» и «эклетики». Одним из первых хулителей был критик В. В. Стасов, который откровенно признавался, что поскольку сам ничего создать не может, то свою задачу видит в том, чтобы «помогать другим». «Помощь» эта была весьма своеобразной. С высоты своего всезнайства он судил всех и рассуждал обо всём. Сколько желчи обрушивал он на замечательных мастеров русского искусства, «посмевших» отклониться от основной «разночинно-либеральной» линии, предполагавшей правдивое изображение всех «мерзостей жизни». И уж, конечно, ножом по сердцу было ему сооружение небольшого, но величественного монумента, прославлявшего родную историю и её великих героев. Не унимались ниспровергатели и потом. Памятник чудом уцелел в первые годы Советской власти. Затем во время войны его разрушили фашисты. Удивительно, но монумент восстановили, и так он и сохранялся долгие годы в полузабвении, а сейчас наконец вновь занял достойное место среди других великих памятников Российской земли.

Микешин и Шрёдер создали немало и других шедевров. Микешину, в частности, принадлежат киевский Богдан Хмельницкий и питер-

ская Екатерина Великая. А Шрёдер является автором превосходного памятника великому И. Ф. Крузенштерну в Петербурге. Но «Тысячелетие России» так и осталось их самым известным произведением.

Через 100 лет русская эмиграция вновь вспомнила о знаменательной дате и отмечала уже 1100 лет Российского государства. На Родине же об этой дате предпочитали не упоминать. А между тем на пьедестале микешинского памятника высилась фигура грозного воина, державшего щит, на котором виднелись древнерусские буквы — СТО. По принятой в средневековой Руси системе «буквенной цифири», в которой цифры обозначались буквами кириллического алфавита, это соответствовало числу 6370. А если учесть, что на Руси использовалась не эра от Рождества Христова, а византийская эра от Сотворения Мира (начало — 5508 год до Рождества Христова), то по современной эре это был 862 год. Именно в этом году, по указаниям русских летописей, на Руси и появился варяг Рюрик, который основал великую династию русских правителей.

Потомки Рюрика властвовали над русскими землями 740 лет. Они правили непрерывно с 862 по 1598 год и в 1606—1610 годах. Почти семь с половиной веков династия Рюриковичей создавала, берегла и укрепляла Русь. Но она не исчезла. Во многих своих ветвях Рюриковичи продолжают существовать и до сих пор. Этот великий род сыграл колоссальную роль в историческом процессе и дал России множество замечательных людей в самых разных областях. Его тысячелетней истории и посвящена эта книга.

* * *

В основе изложения материала — генеалогический принцип, т. е. вся династия Рюриковичей рассматривается в соответствии с родовым старшинством её ветвей. Вот почему потомки черниговских князей следуют прежде смоленских, а те, в свою очередь, — прежде ростовских или стародубских. Но единственный раз принцип генеалогического старшинства нарушен. Это касается рода московских Рюриковичей. Нам представлялось целесообразным завершить повествование именно рассказом о них, дабы тем самым очертить хронологические рамки правящей династии. Однако нужно сразу оговориться: автор не ставил перед собой задачи создать энциклопедию, и любопытный читатель не найдёт здесь сведений о всех потомках варяжского князя. Да это и было бы просто невозможно в рамках одного тома — пришлось бы писать десятки томов огромным авторским коллективом. Я выбирал лишь тех лиц, которые мне казались чем-то интересными, и в любом случае этот выбор — субъективен, а перед читателем предстаёт «собранье пёстрых глав, полусмешных, полупечальных...»

В русских землях династия Рюриковичей началась на севере. Здесь, в районе Балтийского моря, возник один из очагов древнерусской государственности. Издавна жили там финно-угорские племена. Их названия донесли до нас исторические памятники — чудь, меря, весь. Но постепенно Восточно-Европейская равнина заселялась славянами, шедшими с запада. На север Руси двинулись славяне с Балтики. Так образовался интернациональный регион, в котором славяне соседствовали с финно-уграми и балтами. На территории всей будущей Руси славянские племена составляли восточную ветвь славянства. В VII — IX веках ее представляло полтора десятка племен.

Центральным из них было племя полян (от слова поле). Они жили в среднем Поднепровье, их центром был город Киев, возникший к IX веку. К северу от полян, по рекам Десне и Сейму, обитало племя северян, центром которых был Чернигов. К западу от полян, на правом берегу Днепра, жили древляне (от слова дерево), по словам летописца, «сидевшие в лесах». К северу от древлян, между реками Припятью и Западной Двиной, находились дреговичи (от слова дрягва — болото). Их соседями были полочане (названы по реке Полоте), населявшие земли по Западной Двине, а еще дальше на север — кривичи. По рекам Оке и Москве располагались вятичи. Южнее них, по реке Сож, — радимичи. На юго-западе было ещё четыре племени: между Днепром и Южным Бугом — тиверцы, на самом Буге — бужане и волыняне, между Днепром и Прутом — уличи. Наконец, самым северным племенем были ильменские словене, населявшие земли в районе озера Ильмень и рек Волхов и Мста. В их земле потом возник город Новгород. Нетрудно заметить, что большинство названий племен произошло от мест их обитания или географических объектов.

Обо всём этом нам рассказывает самая знаменитая из русских летописей — «Повесть временных (то есть минувших. — Е. П.) лет». Считается, что её составил в начале XII века монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Но он, конечно, пользовался более ранними, не дошедшими до нас записями, устными рассказами и сочинениями иноземных историков. Нестор красочно живописует свободную и близкую к природе жизнь славянских людей: «Все эти племена име-

ли свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сёстрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверьями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит её накануне, а на следующий день приносят за неё — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели всё нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нём тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Как все это похоже на описания славян византийцами и арабами. Вот, например, что говорит о славянах византиец Прокопий Кесарийский, советник полководца Велисария, писавший свою «Историю войн» в середине VI века: «Ведь племена эти, склавины и анты (так именовали тогда славян. — *Е. П.*), не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. (...) Они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут её, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав смерти, жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идёт на врагов пешими, имея небольшие щиты и копьё в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют на себе ни хитона, ни грубого плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни их грубый и непрехотливый».

А вот наблюдения арабского автора Ибн Русте из его труда «Дорогие ценности», написанного на рубеже IX и X веков: «Путь в эту сто-

рону идет по степям и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находится мёд. Называется это у них улишдж (*улей?*), и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов мёду. И они народ, пасущий свиней, как мы овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать или больше мёда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладки верёвку, она становится на скамейку и конец верёвки завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под неё, и она остается повисшей, пока не задохнётся и не умрёт, после чего её бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зёрнами, поднимают к небу и говорят: «Господи, ты, который до сих пор снабжал нас пищей. Снабди и теперь нас ею в изобилии». Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длинной в два локтя, лютня же восьмиструнная. Их хмельной напиток из мёда. При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом. Рабочего скота у них немного. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют».

Впрочем, о военном деле и воинской доблести славян лучше всего сказал византийский император Маврикий в своем трактате «Стратегикон» (конец VI века): «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по безопасности принявшего причинён вред, против него начинает вражду тот, кто привёл гостя, почитаая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределённое время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не счи-

тая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озёр, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки. Они опытнее всех других людей и в переправе через реки и мужественно выдерживают пребывание в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки; лежа на-взничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счёт никакого подозрения. Но даже если тростинки окажутся заметными снаружи, неопытные посчитают их растущими из-под воды. Поэтому опытные в этом деле, распознав тростинку по срезу и положению, либо пронзают им рты, либо, выдернув тростинки, поднимают их из воды, поскольку они оказываются не в состоянии оставаться дольше в воде.

Каждый мужчина вооружён двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом, которое оказывает действие, если поражённый им заранее не намазался соком тириака (высокогорное растение. — *Е. П.*) или другими средствами, известными врачевным наукам, либо если тотчас же не вырезал рану, чтобы отравы не распространилась на все тело. Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придётся им отважиться на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах. Ведь нередко, неся добычу, они, при малейшей тревоге, пренебрегая ею, убегают в леса, а когда нападающие сгрудятся вокруг добычи, они, набрасываясь, без труда наносят им вред. Они стремятся различными способами и преднамеренно проделывать это, с целью заманивая своих врагов».

Впрочем, цитировать разных авторов можно очень долго. Ясно одно, славяне мало чем отличались от других племен, живших еще родовым строем. Но постепенно у восточных славян возникали первые очаги государственности, в племенах появлялись вожди. «Повесть временных лет» называет несколько таких имен. Это — первоначально славянских племён, их основатели и герои. У полян таким князем был Кий. Вместе с двумя братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью он основал город Киев, будущую столицу Древней Руси. На Восточно-Европейской равнине зарождалась государственность. Но сейчас нас

интересует не юг, а север. Вернемся на Балтику и посмотрим, что же происходило там.

На севере русских земель жило несколько племён. Из славянских здесь были кривичи и словене. Кривичи занимали большую территорию, и, поскольку являлись ближайшими соседями балтов, их имя не пропало втуне. Литовцы до сих пор называют русских *krievas*, а латыши — *krievs*. Словене же расселились по берегам озера Ильмень, поэтому их иногда именуют «ильменские словене». Когда мы произносим «Ильмень», сразу вспоминается былинный Садко. Но до времени его литературного рождения оставалось еще несколько сотен лет. Само же слово «словене» очень близко к истокам слова «славяне». Так называли себя люди, владевшие «словом», в отличие от говоривших на непонятных языках — «немых» (отсюда русское «немцы»; хотя существуют и другие объяснения этого слова). Бок о бок со славянами жили финно-угорские чудь и меря. Все это сообщество некоторые историки даже назвали «северной федерацией племён». Но вряд ли термины современной политологии можно применить к IX веку. Как бы то ни было, к этому времени на севере Руси уже сложились зачатки государственности. А в середине VIII века там появились незваные гости — новая и энергичная, но жестокая и агрессивная сила.

Под полосатыми парусами на кораблях, носы которых украшали страшные звериные головы, плавали по европейским морям отважные мореходы и бесстрашные воины — жители Древней Скандинавии. Скандинавию тогда населяли несколько племен — предки современных датчан, норвежцев и шведов. Мужчины уходили в дальние походы, грабя и разоряя соседние и не слишком соседние страны. Сами себя они называли викингами. Это название означало не национальную принадлежность, а профессию. На Западе викингов именовали норманнами (северными людьми). На Востоке — варягами. Считается, что древнерусское слово «варяг» происходит от древнескандинавского *var*, что означает обет, клятва, которую давали викинги, отправляясь воевать. Впрочем, в историографии существуют и другие мнения. Полагают, что варяги на самом деле являлись балтийскими славянами, и даже, что они имели кельтское происхождение. Но большинство историков всё-таки предпочитают видеть в варягах жителей Северной Европы — Скандинавского региона. Исследователи выделяют целую историческую эпоху — «эпоху викингов в Северной Европе», хотя не только в Северной и не только в Европе побывали они. Начало этой эпохи пришлось на 793 год, когда один из норманнских отрядов разграбил монастырь святого Кутберта на острове Линдисфарн, неподалёку от восточного побережья Британии. Закончились походы викингов 14 октября 1066 года знаменитой битвой при Гастингсе, когда нормандский герцог Вильгельм Завоеватель разгромил войско английского короля Гарольда и в Англии установилась новая, Нормандская, династия.

«Корабль — жилище викинга» — так можно определить один из главных принципов жизни норманнов. Ведь большую часть жизни викинг проводил в море, а если находил смерть в битве, его хоронили в боевой ладье. Такие захоронения известны примерно

с 500 года н. э. Ещё римский историк Тацит, писавший в начале нашей эры, говорил о высоком уровне морского дела у древних свионов — предков шведов. Вначале скандинавские ладьи не имели мачты и паруса и передвигались лишь с помощью вёсел. Но в VI—VII веках устройство кораблей изменилось. Благодаря не только рулю и вёслам, но и мачте с парусом кораблями стало удобнее и легче управлять. Устойчивость ладье придало появление киля, а небольшая осадка позволяла причаливать даже на мелководье. Борты судов состояли из узких, гибких планок. Ну и, конечно, совершенствовались чисто профессиональные навыки.

Все это не могло не сказаться на активности и размахе действий викингов. В пору расцвета эпохи походов в них участвовал каждый четвертый мужчина, а общее число задействованных одновременно составляло около 7000 человек. Во второй половине IX века викинги «охватили» своими набегами всю Северную Европу. Они наводили такой ужас на благочестивых европейцев, что католический собор в городе Меце 1 мая 888 года решил включить в официальные молитвы слова: «И от жестокости норманнов избави нас, Господи!»

К началу VIII века норманнам уже были известны Фарёрские, Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова. В начале IX они вторглись в Ирландию, где основали Дублин. В Британии от их нападений страдали Лондон, Портсмут, Кентербери, Йорк, Линкольн. А в начале XI века Британия вообще попала под власть датского короля Кнута Великого. Особенно часто подвергались набегам земли Франкской империи. Под ударами викингов оказались Гамбург, Аахен, Кёльн, Майнц, Трир, Утрехт, Антверпен, Гент и многие другие города. Не остались в стороне и французские Тур, Нант, Бордо, Лимож, Руан, Шартр, Реймс, Тулуза, Орлеан, Суассон... Несколько раз викинги брали в осаду Париж. Особенно крупный поход пришелся на 885—886 годы, в нём участвовало около 700 норманнских кораблей.

Далее простирался Пиренейский полуостров, где угроза нависла над Лиссабоном, Севильей, Кадисом. Вражеские паруса маячили также у побережья Северной Африки, приводя в смятение местных мусульманских правителей. Норманны обогнули Европейский континент и вышли в Средиземное море. Здесь они высадились на Сицилии, затем в Италии, которую называли Лангабардаланд, то есть землёй лангобардов. В 860 году норманны достигли Пизы. Целью некоторых отрядов являлся захват Рима, но до столицы мира викинги так и не добрались. Путь на восток привел их к землям Византийской империи (Грикланд, или Грикьяр, — Греция). Скандинавские руны обнаружены на мраморном льве из Пирея, портового города неподалеку от Афин. Познакомились норманны и с византийской столицей — Константинополем, который они называли Миклагардом, то есть «великим городом», что вполне соответствовало действительности. Уже в X веке варяги были хорошо известны в Византии и даже входили в состав личной гвардии императоров. Наконец, скандинавы соприкоснулись и с миром мусульманского Востока. Здесь находился город Йорсалир — Иерусалим, а викинга, побывавшего там, именовали йорсалирсфари.

Отряды норманнов отличались высокой маневренностью, быстротой действий и натиска. Превосходная организация войска позволяла им совершенно неожиданно для противника появляться в разных местах тогдашней ойкумены, наводя ужас на христиан и мусульман. До христианизации самой Скандинавии тогда было ещё далеко, хотя отдельные попытки европейскими монахами предпринимались.

В IX веке викинги достигли неведомых земель, абсолютно неизвестных ни Европе, ни Азии. Речь идёт об открытии Исландии и территорий к западу от неё. Первые открытия происходили случайно. Мореплавателей относил течением, или они сбивались с курса и блуждали по океану. Еще до норманнов в Исландии побывали ирландские монахи, но освоить остров они не смогли да и, вероятно, такой задачи себе не ставили. Около 860-х годов некий викинг Наддод (судя по имени — не скандинав) достиг острова и назвал его Сньеланд (Снежная земля). Его спутник Гардар Свафарсон обошел Исландию кругом и там зазимовал. Он назвал эту землю Гардарскольм. Затем норвежец Флоки Фильгерварсон приплыл из Фарёр на побережье острова и переименовал его в Исландию (Земля льда). Колонизацию возглавил около 874 года Ингоульф Арнарсон, которого за убийство изгнали из Норвегии. В 877 году он основал Рейкьявик (буквально Дымящаяся бухта). Затем хлынул поток переселенцев, и вскоре Исландия стала обитаемой землей. В 930 году на острове был учреждён альтинг — общий сход всех жителей, решавший государственные дела (сейчас в Исландии парламент так и называется — альтинг). В 1000 году альтинг принял христианство.

В X веке наступила очередь Гренландии. Норвежец Гуннбьёрн Ульф-Краккасон сбился с пути и увидел очертания острова, но не пристал к нему. В 981 году изгнанный из Норвегии опять же за убийство конунг Эрик Торвальдсон, по прозвищу Рауди (Рыжий), который не смог прижиться и в Исландии, отправился на поиски этой земли и достиг её в 985—986 годах. С его лёгкой руки остров получил наименование Гренландия (Зелёная страна). Зелёной она стала потому, что в то время климат там был более тёплым, чем сейчас, и на побережье, куда причалил Эрик, росла трава. Гренландская колония просуществовала несколько веков, потом она вымерла в связи с похолоданием, и европейцам пришлось вновь открывать Гренландию.

Аналогичная судьба ожидала и другую terra incognita. Летом 986 года норвежец Бьярни Херьюльфсон, направлявшийся в Гренландию, был отнесён к новой неведомой земле, но пристать к ней не решился. Это была Северная Америка. Около 1000 года сын Эрика Рыжего Лейф Эриксон на том же корабле, что и отец, отправился на поиски новой земли, и удача пришла к нему. Он открыл Хеллюланд (Земля плоских камней) — остров Баффинова земля; затем Маркланд (Лесная земля) — по-видимому, Лабрадор, и Винланд (Богатая или Виноградная земля) — остров Ньюфаундленд. Некоторые ученые даже полагают, что Лейф проник ещё южнее и достиг района современного города Бостона, где Лейфу сооружен памятник. За свои открытия Лейф получил прозвище Счастливейший. В Америке норманны встретились с аборигенами (скрелингами) — индейцами. Вскоре стали прибывать и другие

поселенцы. Родился и первый европеец Нового Света — Снорри, сын Торфинна Карлсфени. Поселения существовали ещё в XII веке. В 1059 году папа Николай II назначил в Винланд епископа для распространения христианства. В 1121 году в Винланд из Гренландии направился епископ Эрик Гнупсон, но его судьба неизвестна. Потом об Америке забыли, и европейцы открыли её заново лишь в конце XV века благодаря плаваниям Христофора Колумба. Не исключено, что Колумб знал о путешествиях викингов.

Всё это показывает нам, насколько обширной была сфера активности норманнов. Конечно, не могла остаться в стороне и Восточная Европа, прежде всего север будущей Древней Руси. На этих землях уже возникали первые города. Одним из важнейших была Ладога. Через неё шла оживлённая торговля, она связывала Русь с северными странами. Поселение появилось и на так называемом городище под Новгородом (археологи называют его Рюриковым городищем). Сам Новгород возник позднее, в начале X века. Летописи говорят и о существовании поселений в Изборске и на Белоозере (городище Крутик, исследованное археологами). Варяги знали эти города. В Ладоге скандинавские древности находят в слоях уже середины VIII века. Норманны называли Ладогу Альдейгьюборг, а Новгород — Хольмгард. Всю же Русь — Гарды или Гардар. Позднее уже в книжной литературе стало употребляться название Гардарики. Под словом «гард» подразумевалось укрепленное поселение.

С севера Руси торговые пути шли на юг. Так сформировался знаменитый «путь из варяг в греки», начинавшийся в Бирке на озере Меларен — крупном торговом центре Скандинавии, и заканчивавшийся в византийской столице. Другой путь шел через Волгу на Каспий. Он связал русские земли со странами Востока. Описание этих путей находим в «Повести временных лет»: «Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду (*Константинополю*), а от Царьграда можно приплыть в Понт море (*Чёрное море*), в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течёт на юг, а Двина из того же леса течёт, и направляется на север, и впадает в море Варяжское (*Балтийское*). Из того же леса течёт Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское (*Каспийское*)».

На торговых путях стояли первые русские города. Одним из важнейших пунктов был Смоленск. Под Смоленском археологи раскопали Гнёздовское городище, где обнаружили немало русских древностей. Вообще же по торговым путям находят разнообразные предметы, связанные с разными народами. Ведь, хотя путь этот был нелёгок и небезопасен, на всем его протяжении шла бойкая торговля. Плыли купеческие лодки «из варяг в греки» и «из грек в варяги»: из Руси везли меха, воск и мёд, из Византии — ткани и золото. Даже купцов из восточных стран можно было встретить здесь.

Международные связи того времени столь обширны, что в одном из скандинавских торговых городов при раскопках обнаружили небольшую статую Будды! Русь торговала с восточными соседями — Волжской Булгарией и Хазарским каганатом, а арабский географ Ибн Хордадбех, в середине IX века составивший «Книгу путей и стран», отмечал: «Если говорить о купцах русах, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому (*Чёрному*) морю. Владетель ар-Рума (*Византии*) взимает с их десятину. Если они отправляются по Танису (*Дону*) — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа (*Итиля*), города хазар. Их владетель также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан (*Каспийскому*) и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов (*около 3000 километров*). Иногда они везут свои товары от Джурджана (*город на южном побережье Каспия*) до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются славянские слуги. Они утверждают, что они христиане, и платят подушную подать (*взимающуюся в мусульманских государствах с иноверцев*)».

Варяги были хорошо известны славянским и финно-угорским племенам. С этими северными воинами и связано начало династии Рюриковичей.

РЮРИК: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

Предоставим слово «Повести временных лет».

«В год 6367 (859). Варяги из-за моря взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей по белке от дыма (*очага*).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные урмане (*норвежцы*) и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а наряда (*управления*) в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Вот она, знаменитая «легенда о призвании» варяжских князей. Сколько «копий было сломано» из-за неё! Споры начались ещё в XVIII веке и с тех пор длятся уже третьей сотню лет. Камнем преткновения стала так называемая «норманнская теория» образования Русского го-

сударства. В советской историографии основателями этой теории были признаны три совершенно разных и мало связанных друг с другом ученых.

Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738) ещё в первые годы существования Петербургской академии наук был приглашен в неё в качестве профессора филологии. Сам он был крупным востоковедом и знатоком древних языков, а вот русского языка не знал и летописи читал в латинском переводе. В изданиях Петербургской академии наук появились написанные Байером на латыни сочинения «О варягах» и «О происхождении Руси». В них он доказывал норманнское происхождение первых русских князей и самого Древнерусского государства.

Идеи Байера развил его младший коллега Герард Фридрих Миллер (Мюллер) (1705—1783). В отличие от лингвиста Байера, Миллер был профессиональным историком и являлся профессором русской истории в Петербургской академии наук. Он также официально занимал должность историографа (кроме Миллера этой чести в России удостоились только князь Михаил Михайлович Щербатов при Екатерине Великой и Николай Михайлович Карамзин при Александре I). Заслуги Миллера перед русской наукой действительно велики. Он ввёл в оборот несколько важных исторических памятников. А в 1733—1743 годах Миллер участвовал в прославленной Великой Северной экспедиции. Он входил в состав отряда, исследовавшего Сибирь. Миллер побывал во многих сибирских книгохранилищах, составил множество выписок из различных источников, и сейчас это собрание под названием «портфели Миллера» хранится в Государственном архиве древних актов в Москве. Оно поистине бесценно для историков, ибо оригиналы ряда документов, с которыми работал Миллер, не пощадило время. В 1749 году Миллер представил в академию свою большую работу «Происхождение имени и народа Российского». Он опирался на скандинавские источники, почти не уделяя русским внимания. В результате роль норманнов в формировании Русского государства была им преувеличена. Диссертация Миллера вызвала неудовольствие императрицы Елизаветы Петровны и по указу Канцелярии Академии наук была уничтожена. Так что «норманнизм» отнюдь не пользовался государственной поддержкой.

Почему же дочь Петра Великого возмутили выводы Миллера? Императрица Елизавета желала выглядеть спасительницей России от «немецкого засилья». Свергнув с престола императора Иоанна Антоновича и окружавших его иностранцев немецкого происхождения, Елизавета совершила, как ей хотелось представить обществу, патриотический шаг. Все эти Бироны, Минихи и Остерманы отправились в ссылку, а слава России и русского народа засияла ещё ярче. Концепция Миллера не вписывалась в тогдашнюю официальную идеологию.

По распоряжению Елизаветы Петровны написать русскую историю поручили Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711—1765). Он более внимательно отнёсся к анализу исторических свидетельств, но впал в другую крайность. Обрушившись на Миллера, Ломоносов не

только пламенно защищал самобытность государственности в России, но и отрицал какое-либо существенное влияние на русскую историю норманнов. С Ломоносова начались в историографии попытки представить варягов не скандинавами, а племенами иного этнического происхождения. Впрочем, ещё Василий Никитич Татищев (1686–1750), капитальный труд которого «История Российской» как бы стоял в стороне от основной линии споров, выдвинул версию о финском происхождении Рюрика и пришедших с ним варягов.

Третий основоположник «норманнизма» — Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) пробыл на русской академической службе недолго. Но и по возвращении на родину не оставил научных занятий в области русских древностей. Итогом его исследований явился фундаментальный труд «Нестор», в котором Шлёцер провел скрупулёзный историколингвистический анализ «Повести временных лет». С этого времени, по сути, началось научное летописеведение. Шлёцер не сомневался в значительной роли норманнов при образовании государства на Руси, но ко многим скандинавским источникам относился с преувеличенным недоверием. Так, например, этот заклятый, по определению советских историков, норманист считал скандинавские саги «глупыми выдумками» и предлагал «выбросить эти исландские бредни из всей русской древнейшей истории». Весьма странная позиция для закоренелого норманиста.

Но научная мысль развивается. То, что было приемлемо в XVIII веке, вряд ли может быть продуктивным в начале XXI. Но и до сих пор, несмотря ни на что, околонорманистская полемика периодически возрождается, обретая былую остроту. Спад наметился ещё в начале XIX века, благодаря совершенно новому уровню исследований, заданному Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826). Вдумчивая работа с источниками, спокойное, довольно беспристрастное изложение и аргументированность выводов поставили его «Историю государства Российского» в ряд великих достижений русской научной мысли. Авторитет Карамзина, а затем и академика Михаила Петровича Погодина (1800–1875) на время притушил норманистские дискуссии. И Карамзин, и Погодин предпочитали следовать за русскими летописями, подкрепляя их данные иностранными источниками, и сформировали официальную историческую доктрину, согласно которой и Рюрик, и другие первые русские князья были норманнами по происхождению.

Но с середины XIX века возродились идеи Ломоносова. В 1876 году увидел свет капитальный труд «Варяги и Русь». Его автор — Степан Александрович Гедеонов (1815–1878). Сын директора Императорских театров, почетный член Петербургской академии наук, он с 1863 года служил директором Императорского Эрмитажа. Эрмитаж в то время был крупнейшим хранилищем русских древностей, а научная школа этого учреждения находилась на большой высоте. С. А. Гедеонов камня на камне не оставил от «норманнской теории». Его главный тезис заключался в тождестве варягов и балтийских славян. Получалось, что государственность и династия на Руси были хоть и иноземными, но все равно славянскими.

«Варяги и Русь» стали поворотным пунктом в изучении норманнской проблемы. Во второй половине XIX века, да и в дальнейшем споры переместились в область происхождения самих варягов. Одни историки (академик А. А. Куник (тоже работавший в Эрмитаже), скандинавист К. Ф. Тиандер, датский востоковед Вильгельм Томсен, академик и ректор Московского университета С. М. Соловьев) считали варягов норманнами, другие (например, автор пятитомной «Истории России» и популярнейших гимназических учебников Д. И. Иловайский) — балтийскими славянами. Дмитрий Иванович Иловайский в своих обобщающих работах по русской истории даже вовсе не упоминал Рюрика, будто его и не существовало. К слову сказать, выдвигались и иные версии о происхождении варягов, но широкого распространения они не получили.

Где же пролегал основной рубеж между двумя сторонами, почему, казалось бы, вокруг чисто научной проблемы ломалось столько копий? Вероятно, всё дело заключалось в понимании патриотизма. Эта идея стала доминирующей при решении вопроса о происхождении Руси в советское время, не обходится без неё и сейчас. Почему-то считали, а многие считают и ныне, что иностранное влияние в начале русской истории, присутствие иноземцев на Руси и неславянское происхождение правящей династии ущемляют чувство национального достоинства русских, показывают их неспособность к самостоятельной самоорганизации. Такое понимание патриотизма выглядит весьма странным. Ведь Древняя Русь не была какой-то жесткой, «закрытой» системой, в которую не должны были проникать никакие zahraniчные веяния. Не была такой наша Родина и в дальнейшем. Вспомним, какой след в русской истории оставили монголы или те же немцы при Петре I. Что уж говорить о древнейших временах, когда границы были настолько расплывчаты, что и пределы государства в IX веке обрисовать сложно. Русь находилась на пересечении разных путей, этнических и культурных влияний, и стыдиться этого по меньшей мере нелепо. Англичане, например, гордятся тем, что в их истории оставили след и римляне, и норманны, но для нас это почему-то унижительно. Как аргумент часто выдвигают знаменитую летописную фразу «земля наша велика и обильна, лишь порядка в ней нет», понимая ее абсолютно неверно. Не о порядке идет речь в летописи, а о «наряде», то есть управлении. Нужен был князь, его и позвали.

Этот ультрапатриотический настрой особенно был характерен для советской исторической науки 1930–1950 годов. Да и позже его накал не снижался. Тогда говорить не то что о влиянии скандинавов, но даже об их присутствии на Руси в древнейший период было невозможно. А страшный ярлык «норманиста» мог перечеркнуть всю деятельность ученого. Одновременно с этим история Древнерусского государства непрерывно удревнялась. Вообще стремление «прибавить» к своей истории одно-два, а то и десяток столетий — весьма распространённое явление, но в советское время оно проявилось очень уж сильно. Апофеозом стало празднование в 1982 году 1500-летия города Киева. Получалось, что Киев возник в конце V века, при византийском императоре Анастасии, с именем которого связывалось появление в Констан-

тинополе основателя Киева — князя Кия (о самом Кие речь впереди). Дата 862 год, как уже говорилось выше, вообще со страниц учебников истории исчезла. Рюрика считали чисто легендарной фигурой. Но всё же проводились и серьёзные исторические исследования, которые позволили более внимательно отнестись к проблеме.

Нужно заметить, что полемика по поводу норманнизма имела смысл лишь тогда, когда считалось, что происхождение династии напрямую связано с образованием государства. Такая традиция характерна скорее для средневекового мышления. Но даже у автора «Повести временных лет» эти явления разделялись. Ещё в начале своего повествования он как бы поставил три вопроса, на которые даёт ответ летопись. Первый — «откуда есть пошла Руская земля» — связан с происхождением Руси, то есть народов, её населяющих, прежде всего славянского. Второй — «кто в Киеве нача первее княжити» — касался происхождения княжеского рода. Ответом были рассказы о Кие и его братьях, Рюрике (хотя сам Рюрик в Киеве не княжил, но там княжили его потомки), Аскольде и Дире, Олеге, Игоре и Ольге. А описание самого процесса образования государства отвечало на третий вопрос: «и откуда Руская земля стала есть», то есть «как она создалась». Таким образом, сначала летописец рассказывал о происхождении народа, потом о происхождении династии, распространившей из Киева свою власть на другие племена, а ответ на третий вопрос получался после объединения двух первых — этнического, основного, и династического, «наложенного» на этнический. Только после этого становилось понятно (согласно представлениям летописца), что сформировалось Древнерусское государство благодаря деяниям первых князей среди данных народов.

На современном же уровне развития исторической науки совершенно ясно, что от национальной принадлежности правящего рода сам процесс образования государства не зависит. Формирование государства происходит в результате долгого исторического развития. Поэтому в настоящее время околонорманнистские споры просто потеряли всякий смысл. Древнерусское государство возникло у восточных славян независимо от варягов в IX веке. Двумя центрами, откуда оно началось, были Киев на юге и Новгородская земля на севере. Варяги же, хоть и сыграли определенную роль в ранней русской истории, конечно, не были создателями нашего государства, и поэтому происхождение династии Рюриковичей никак не может умалить «национальную гордость великороссов».

Благодаря исследованиям многих учёных — историков-источниковедов, археологов, лингвистов выявлен сложный характер самого летописного рассказа о призвании варягов. В нём как бы переплелись реальные, исторические, и легендарные черты. Отделить одно от другого сложно, но в этом особенность средневекового исторического сознания, когда реальность и миф сочетались в нём и составляли нераздельное целое. И всё же мы можем отметить несколько реалий в летописном повествовании.

Прежде всего, подтверждается археологически этническая ситуация, которая сложилась тогда на севере русских земель. Эти территории были зоной активных контактов между разными народами. Архе-

ологи обнаружили немало славянских, угро-финских, балтских и скандинавских древностей в регионе, о котором говорит летопись. Вероятно, там сложилось и объединение нескольких племен, призвавших Рюрика на княжение. Это чудь, словене, кривичи и весь. Важно отметить, что это финно-угорские и славянские племена, причем финно-угорское — чудь стоит в летописном рассказе даже на первом месте. Это может свидетельствовать о том, что в исторической памяти долго сохранялся факт позднего (около VI — VII веков н. э.) прихода славянского населения на север Руси, в район Новгорода, где исконно обитали именно финно-угры.

В летописном рассказе упомянут и «ряд», то есть своеобразный договор, заключённый местными племенами с пришлыми князьями. «Ряд» определял права и обязанности варяжских князей на чужой территории и ставил их в определённую зависимость от местного населения. Практика подобных соглашений известна и в других регионах Европы, например, в Англии.

Наконец, необходимо признать и реальность самой фигуры Рюрика. Ведь его имя не мифично и не является искусственно созданным. Оно не объясняет тех или иных географических названий, как, например, присутствующие в летописи имена основателей Киева Кия и его братьев, родоначальников вятичей и радимичей — Вятко и Радима. Имя Рюрик историки выводили из разных языков, и существует несколько версий на этот счёт.

В самом факте приглашения иноземного правителя на Русь также нет ничего удивительного. Ведь при решении межплеменных конфликтов, о которых в той же «Повести временных лет» сказано вполне определённо под 859 годом, обращение к третьей, как бы независимой этнической силе было вполне естественным. Можно привести аналогию из истории западных славян, которые избрали своим королём иноземца, по-видимому франка, — Само. В качестве такой силы могли выступать и ютландец (датчанин) Рорик и ободрит (балтийский славянин) Рерик (таковы главные интерпретации личности Рюрика, о которых будет сказано в дальнейшем). Ни тот ни другой этнически не были связаны ни с варягами — шведами, собиравшими дань с северорусских областей, ни с самим населением этих территорий.

В то же время в летописном рассказе воплотились и некоторые легендарные и фольклорные мотивы. Уже дореволюционные историки А. А. Куник и К. Ф. Тиандер обратили внимание на схожесть русского сказания с иностранными легендами об основателях государства. Так, у англосаксов тоже была подобная легенда. Там в Англию прибыли со своими соплеменниками два брата-сакса Хенгист и Хорса, они создали свое государство и основали династию. Об этом известно из труда «Деяния саксов», написанного средневековым автором Видукиндом Корвейским. Историки даже называли такие предания «переселенческими сказаниями». К. Ф. Тиандер считал, что в «Повести временных лет» сохранилось не одно, а целых три «переселенческих сказания» — в сообщениях о Кие, Рюрике и Аскольде и Дире.

Столь же легендарен, вероятно, и мотив троичности братьев-князей. Можно предположить, что летописец выстраивал единую родо-

словную русских князей. Вот почему Синеус и Трувор могли «превратиться» в братьев Рюрика. Но интересно, что троичность вообще отразилась в самых разных культурных традициях, и не только применительно к истории Руси (достаточно вспомнить христианский догмат о Святой Троице). В «Повести временных лет» троичность также присутствует неоднократно. Кий основывает Киев с двумя братьями Щеком и Хоривом. На три части делит свои владения князь Святослав Игоревич для своих трёх сыновей — Ярополка, Олега и Владимира. После смерти Ярослава Мудрого старшими на Руси остаются три его сына — Изяслав, Святослав и Всеволод, так что историки говорят даже о некоем «триумvirате». Арабские учёные, рассказывая о Руси, говорят о трёх центрах русов — Куйабе (Киеве), Славии (Новгороде) и Арсе (?). Даже европейский хронист Титмар Мерзебургский, описывая русские события после смерти князя Владимира, говорит о том, что он оставил трёх сыновей-наследников, хотя на самом деле у Владимира сыновей было гораздо больше. А скифская легенда о прародителях народа — трёх братьях Липоксае, Арпоксае и Колаксае? Такова традиция мышления, проявляющаяся в разных памятниках и у разных народов. Может быть, глубинный «архетип» оставил свой след и здесь?

Наконец, в рассказе о призвании князей воплотились и исторические идеи летописца. Прежде всего — идея единства княжеского рода. В соответствии с ней автор летописи создаёт и единую генеалогию династии, связывает всех деятелей родственными и функциональными отношениями: Синеус и Трувор — братья Рюрика, Олег — его родственник, а Аскольд и Дир — его соратники. Эта мысль нашла особенно яркое отражение в летописях значительно более позднего времени и в работах историков XVIII века. Здесь даже Аскольд и Ольга «оказались» генеалогически связанными с родом Рюрика. Впрочем, присутствие этой идеи в летописи само по себе не даёт еще историкам права отрицать всю раннюю родословную русских князей.

С помощью добровольного призвания оправдывалась власть иноземной династии над Русью. Происходило узаконение, или, говоря научным языком, легитимизация Рюриковичей на Руси. Не захват или вторжение, не насильственное подчинение, а приглашение на престол служило оправданием власти варяжских князей в Древнерусском государстве.

Но призвание варягов также включало Русь в контекст общеевропейского и, шире, мирового исторического процесса. В «Повести временных лет» вообще очень много внимания уделено этому контексту, вот почему летописец начинает свой рассказ о происхождении и расселении народов, опираясь, конечно, на Библию. Славянские народы, в том числе и русский, занимают среди них своё особое и важное место. И наконец, призвание подчеркивало мысль о «даровании» Руси определённой династии и соответствующей формы правления. Призвание было сродни законному обретению княжеской династии, а власть князя из Рюрикова Дома считалась необходимым элементом государственной системы на всей территории Древнерусского государства. Даже в Новгороде, традиционно именуемом историками «боярской республикой», формально правили князья

Рюриковичи. Приглашение Рюрика могло стать основой новгородской традиции приглашения князя на стол, или напротив, в летописном рассказе могли видеть историческое оправдание этой традиции.

Следует обратить внимание и ещё на некоторые аспекты сказания. Сам факт появления династии да и правящей элиты (братья-варяги пришли «с роды своими») извне уже являлись существенным фактором легитимизации. Князья и их приближенные происходили, таким образом, не из местной, «своей» среды; они — принципиально «иные», как бы из другой системы, другого мира — и уже этим оправдывалось их высокое положение. Таким образом, иностранное происхождение совсем не лишало династию и элиту прав, а, напротив, оправдывало их власть и ведущее положение в обществе.

В этом плане можно, вслед за Куником и Тиандером, сопоставить русскую легенду с подобными преданиями других европейских традиций. В иностранных сказаниях тоже есть мотивы прихода родоначальника династии со своими приближёнными, которые и составляют правящий слой, на земли каких-либо местных племён. В целом в европейских генеалогических легендах можно выделить несколько мотивов.

Родоначальник, первый правитель имеет местное происхождение. Он оказывается или порожденным землёй, как греческий Эрихтоний — получеловек-полузмея, или же связанным с землёй по роду своих занятий, как польский пахарь Пяст, основатель древней королевской династии в Польше. В этом случае родоначальник носит черты «культурного» героя, «возделывающего», «обрабатывающего» свою Родину. Можно вспомнить и римскую легенду о пахаре Цициннате, в момент угрозы принимающем власть, а затем возвращающемся к своему делу.

Родоначальник имеет божественное происхождение, то есть генетически связан с богами. Уже тем самым обеспечивается его законность в глазах подданных. Такие легенды были очень широко распространены. Греческие правившие династии возводили себя к богам-олимпийцам, а скандинавские и британские — к богам северо-европейского пантеона. Основатели Древнеримского государства Ромул и Рем считались сыновьями бога войны Марса. Римские императоры династии Юлиев — потомками Венеры. Даже великие античные учёные Платон, Аристотель, Гиппократ среди своих предков считали богов. Этим подчеркивалась их уникальность.

Родоначальник мог появиться и «извне». Иногда вообще неизвестно откуда — как своеобразный «дар богов». Например, основатель датского королевского рода Скильд (Скьёльд), по свидетельству англосакского эпоса «Беовульф», был найден младенцем в лодке, причалившей к датскому берегу. Как не вспомнить здесь и библейский рассказ о Моисее, младенцем найденным египетской царицей у берегов Нила. Или же основатель государства, народа, династии появлялся из другой, далёкой, а иногда и вовсе мифической страны. К примеру, английские хронисты XII века писали, что основателем Британии был Брут, представитель древнего римского рода. Таким образом они связывали свою историю с мировой (в данном случае через антич-

ность). Античную прародину придумывали себе и другие народы. А в средневековой Скандинавии возникла легенда о происхождении верховных скандинавских божеств. Их именовали асами и по созвучию предположили, что они пришли из Азии.

Очевидно, что сказание о Рюрике и его братьях сходно именно с последним комплексом легенд. Хотя в той же «Повести временных лет» мы видим и другую легенду о прародителях, относящуюся ещё к недатированному, как бы «доисторическому» периоду. Это рассказ о Кие, его братьях и сестре. Он, судя по происхождению имени самого князя, близок, по всей видимости, к первому пласту. Кий предстает в мифологизированном образе героя-кузнеца, приобретшего черты «культурного героя» местного происхождения. Он первопродок полян, их первый князь, почти равный по значимости самому императору Византии.

В летописном рассказе о призвании важно отметить и мотив неопределённости происхождения князей. Нет четких географической («из-за моря» — из какой страны?), социальной (братья — кто?) и этнической (варяги — какие?) локализаций. Эта неопределенность усиливается и отсутствием в летописи каких бы то ни было сведений о самих князьях до момента призвания. Да и их биографии удивительно кратки. Пришел — умер: Рюрик, Синеус, Трувор, отчасти Аскольд, Дир. Вообще более или менее развёрнутые биографии князей Рюриковичей начинаются в «Повести временных лет» только с третьего поколения династии, то есть со Святослава Игоревича. Конечно, летописец просто мог и не знать конкретных фактов о жизни и деяниях первых русских князей. Поэтому в данном случае, может быть, корректнее говорить не о том смысле, который был заложен в летопись изначально, а о том, который сформировался в процессе дальнейшего развития средневекового исторического сознания.

Тем не менее важно подчеркнуть особенности работы древнерусского летописца. Ведь во времена создания «Повести временных лет» книжная письменность была делом очень узкого слоя лиц, преимущественно относившихся к среде духовенства. Процесс письма, медленный и тщательный, и отношение к письму как к некоему важному и значимому действию определяли и отношение самого летописца к своему труду. Письмо воспринималось им как своего рода священнодействие, послушание, даже подвижничество. В этих условиях создатель летописи стремился скорее отразить как можно больше исторической информации и сделать это наиболее объективно, нежели путём субъективной редакторской работы исказить историческую правду, как зачастую предполагали историки. Естественно, субъективное отношение к тем или иным событиям у летописца проявлялось в том числе и с помощью использования библейских аналогий. Однако личный взгляд кардинально не снижал уровня объективности автора. Впоследствии летописи XVI—XVII веков, например Никоновская, пытались расцветить правления первых князей какими-либо деталями. Но это опять-таки не означает домысливания событий абсолютно во всех случаях: и в поздних источниках могли найти отражение сведения, не зафиксированные ранними памятниками.

Легендарные мотивы в известии о появлении Рюрика на Руси именно как основателя княжеского рода могли способствовать некоторой «сакрализации» самого этого имени. Исследователей не раз удивлял факт очень редкого использования имени Рюрик в дальнейшей истории династии. Но в принципе такая судьба значительной части имен родоначальников других раннесредневековых династий. Примерами могут служить основатели французской династии Меровей (равно как и Гуго Капет), польской — Пяст, венгерской — Арпад, датской — Скъельд. Как правило, имена таких предков не становятся родовыми именно из-за мифологизированной значимости их носителей. И имя Рюрик⁶ в данном случае не является исключением. Оно появилось вновь только в середине XI века у одного из сыновей внука Ярослава Мудрого — князя Ростислава Владимировича. Следует отметить, что эта ветвь рода была «изгойской», «выпавшей» из общей системы престолонаследия. Возможно, поэтому Ростислав и назвал трёх своих сыновей именами основателя династии Рюрика и основателя христианской её «части» святого Владимира (в крещении Василия) — Рюрик, Василько, Володарь. Так он стремился подчеркнуть свою преемственность от общего княжеского корня. Среди потомков Ростислава эта традиция существовала и далее: князья Владимирко Володаревич, Ярослав Осмомысл, Владимир Ярославич. В середине XII века имя Рюрик появилось ещё два раза. Его носили Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого, и Рюрик Ольгович из черниговской ветви Рюриковичей (по женской линии тоже потомок Мстислава).

Происхождение правителя извне, из другой культурной или этнической среды само по себе, повторяю, способствовало укреплению прав его потомков на власть. Полагаю, что именно с этой точки зрения можно рассматривать и генеалогические легенды русской аристократии. Дело в том, что большинство русских древних дворянских родов также имели легенды об иноземном происхождении своих родоначальников. Эти предания сформировались в XVI—XVII веках, а может быть, и раньше. В исторической науке такие легенды именуется «легендами о выездах». Направлений «выездов» было два: Европа и Орда. Причем Европа «покрывалась» словом «немцы», а затем иногда следовало уточнение, например, «из Немец, из Свейской (то есть шведской) земли», «Из Немец, из Фряжской (итальянской — варяжской) земли» и т. д. Романовы происходили от выходца из Пруссии Гланды Камбилы, Пушкины — от пруса Ратши, Толстые — от литовца Индриса, Лермонтовы — от шотландца Лермонга, Годуновы — от татарского мурзы Чета и т. д. Так чуть ли не вся русская аристократия, оказывается, имела иностранные корни.

Позже «легенды о выездах» всё больше и больше стали превращаться в фантастические сказки. Вымыслы их авторов, как правило, представителей самих родов, не знали границ. Русская фамилия Козодавлевы искала предков в Германии — Кос фон Давен, Колмнины возводили себя к итальянскому роду Колонна, Бестужевы придумали предка шотландца Беста, а Супоневы (чисто русская фамилия) «обнаружили» в предках испанского короля Сула (!). На этом

РЕРИК СЛАВЯНСКИЙ И РОРИК ЮТЛАНДСКИЙ

фоне легенды о знатном происхождении безродного Меншикова или мелкопоместного дворянина Потёмкина выглядят невинными баснями. А Римские-Корсаковы ещё в конце XVII века выдвинули идею о происхождении своего рода со времён Римской империи и стали так носить двойную фамилию!

Отношение к этим легендам у историков всегда было критическим. Один из основателей русской научной генеалогии Леонид Михайлович Савелов считал все эти рассказы абсолютно ничего не имевшими с действительностью. Но за критицизмом стали звучать и иные голоса. Историки в России и в эмиграции анализировали некоторые из этих легенд, наиболее древние, и обнаруживали отдельные исторические реалии, в них отразившиеся. Такие исследования были проведены по предку Пушкиных — Ратше, по предку Романовых — Гланде Камбиле. А эмигрант-генеалог Н. П. Михайлов даже обнаружил в архивах Ватикана документы о приезде на Русь некоего итальянца Савелли, который стал предком русского рода Савёловых и, следовательно, самого Леонида Михайловича Савёлова. В Италии Савелли занимали не последнее место среди нобилей и два римских папы — Гонорий III и Гонорий IV принадлежали к этой фамилии. В России представителем рода Савеловых тоже было высшее духовное лицо — только Русской православной церкви — девятый московский патриарх Иоаким (патриарх в 1674—1690 годах). Такова ирония истории!

Но независимо от того, содержалось или нет в «легендах о выездах» историческое зерно, они имели большое значение для русского дворянства. Это тоже были своего рода «переселенческие» сказания, хотя и появившиеся достаточно поздно, по сути сходные с легендой о Рюрике. Как основатель самой главной, первой династии правителей Руси оказался иноземцем, так и предки второй династии — Романовых произошли из Пруссии, так и другие роды в позднее средневековье стали фиксировать тот же мотив иноземного прародителя. Своеобразное этническое дистанцирование элиты ставило её как бы «над» остальным обществом и тем самым оправдывало её руководящее социальное положение.

Но вернемся к Рюрику. Если он был реальным историческим лицом, то что мы знаем о нём? «Повесть временных лет» свидетельствует о призвании Рюрика на княжение в Новгород. В то же время другие летописи, в том числе Новгородская Первая и Ипатьевская, говорят о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге и лишь потом в Новгороде. По всей видимости, Рюрик действительно сначала стал правителем Ладоги, которую некоторые современные археологи именуют «первой столицей Руси». Затем, может быть, центром княжения Рюрика стало городище под Новгородом. Потом постепенно власть Рюрика распространилась и на другие окрестные территории (Изборск, Белозеро, Ростов, Муром), где княжили его братья — Синеус и Трувор и «мужи» Рюрика. Но главный вопрос остаётся: каково же происхождение первого русского князя, а значит, и династии, которую он основал?

Интересные сведения по древней истории новгородской земли до нас некоторые русские летописи. В Новгородской Первой летописи в списке посадников города первым стоит имя некоего Гостомысла. Более подробно о нём говорит целый ряд летописей позднего происхождения. В Новгородской Четвёртой, Софийских, Ермолинской, Львовской летописях в части, посвященной предыстории Руси, рассказывается о том, что ильменские словене основали Новгород и посадили там старейшину Гостомысла. Наконец, Воскресенская летопись (XVI в.) рисует красочную картину: Гостомysl перед смертью обращается к новгородским мужам с призывом искать князя, которым и оказывается пришедший с братьями Рюрик. Исследователи давно занимались определением характера этого предания. В эпоху Василия III (начало XVI в.) австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках» привёл известие о Гостомысле как историческое. Очевидно, что традиция новгородского летописания сохранила это имя, взятое, возможно, из каких-то местных преданий, бытовавших исстари в Новгороде. Такое предположение в какой-то степени объясняет и дальнейшее развитие сюжета легенды в Иоакимовской летописи. Она была составлена, вероятно, в XVII веке, но не сохранилась. Известна лишь по «Истории Российской» уже упоминавшегося В. Н. Татищева, использовавшего её в своём труде. Здесь рассказывается о древней истории славян и родословной их князей: о Славене, его потомке Вандале, жене Вандала «от варяг» — Адвинде и трёх их сыновьях — Изборе, Владимире (Древнем) и Столпосвяте. В девятом поколении от Владимира Древнего указывается некий Буривой, воевавший с соседями, но побеждённый ими при реке Кумени. Ему наследовал сын — Гостомysl, имевший, в свою очередь, трёх дочерей и четырёх сыновей, старшим из которых был Выбор. Все сыновья погибли в битвах с врагами или умерли «дома». Дочери были выданы замуж, но неизвестно «доподлинно» за кого: старшая, как пишет Татищев, за князем в Изборске. Сыном средней — Умилы — был Рюрик. Рассказывается также и о чудесном сне Гостомысла. Новгородскому старейшине снится, что из чрева его средней дочери вырастает огромное дерево, покрывающее своими плодами и ветвями весь «Великий

Град», то есть всю страну. Волхвы объясняют это как доброе предзнаменование, свидетельствующее, что потомство Умилы чрезвычайно разрастётся и будет править всей славянской землёй. Перед смертью Гостомысл велит пригласить в Новгород своего внука Рюрика, и таким образом династия Рюриковичей оказывается по женской линии своеобразным продолжением рода древних славянских правителей.

Отношение к этим рассказам было неоднозначным. Слишком уж очевиден их мифичность. Ряд имён вообще возник, вероятно, лишь из желания объяснить соответствующие топонимы (например, название Выборга, которое на самом деле имеет шведское происхождение). Против достоверности Иоакимовской летописи выступали и Н. М. Карамзин, и другие историки. Но всё же какое-то реальное зерно в ней есть. Легенда о Гостомысле возникла, конечно, чтобы как-то объяснить призвание Рюрика на Русь. Но имя «старейшины» в новгородских летописях свидетельствует об отголосках древних преданий. Ведь некий «король Гостимусл» упоминается в немецких латиноязычных анналах, где под 844 годом сообщается о походе короля Людовика Немецкого на земли ободритов, то есть балтийских славян, в результате которого и погиб этот вождь. Другие западнославянские князья присягнули на верность Людовику, но, как только опасность миновала, тотчас же нарушили свою клятву. Некоторые исследователи попытались отождествить ободритского Гостимусла и новгородского Гостомысла, полагая, что сведения о славянском правителе могли сохраниться в русских источниках.

Татищев рассказывает и об удивительном сне Гостомысла. Похожие легенды были широко распространены в эпических сказаниях и других народов, например, известна такая легенда, повествующая о рождении Кира Великого. В своде скандинавских саг «Круг Земной», составленном знаменитым исландским учёным Снорри Стурлусоном в XIII веке, также имеются схожие мотивы. В этом произведении рассказывается о древней истории Норвегии и её королей, начиная с легендарных богов-асов. Жена одного из норвежских правителей, конунга Хальвдана Чёрного, Рагнхильд перед рождением сына видит похожий сон, точно так же объяснённый прорицателями. И действительно, сын Рагнхильд, великий конунг Харальд Прекрасноволосый, не только объединил всю Норвегию под своей властью, но и стал основателем разветвлённого рода норвежских королей.

Мотив вешего сна вообще широко известен в древних преданиях. Он как бы предвосхищает последующие знаменательные события. Но сам по себе рассказ о Гостомысле заставляет задуматься: не имел ли Рюрик славянских корней, не был ли связан родством с предшествующими славянскими правителями? Совпадение имён Гостомысла и ободритского князя дало серьёзный аргумент тем исследователям, кто отстаивает славянское происхождение древнерусских князей.

Ободриты были не восточными, а западными славянами. Они жили на южном побережье Балтийского моря. Их земли располагались по рекам Одер и Эльба (Лаба), поэтому их ещё именуют полабскими славянами, позже на эти территории пришли германцы, и местная славянская история закончилась. На северо-западе ободриты сосед-

ствовали с Ютландией, то есть датскими землями. Одним из ободритских городов являлся Рерик. Историки склонны видеть в нём древний Мекленбург. Примечательно само название города, напоминающее имя древнерусского князя. По названию столицы и самих ободритов иногда именовали рарожанами или рериками. Рерик был крупным торговым центром во второй половине VIII — начале IX века. В 808 году датский конунг Готтрик захватил Рерик и перевёл оттуда купцов в датский город Хедебю. С этого времени значение «ободритской столицы» начинает падать вплоть до её завоевания в 844 году. Название города произошло, по всей вероятности, от слова «ререг» или «рарог», что означает сокол. На этом основании некоторые историки начиная с Мюллеровского и Геденова выдвинули предположение, что имя Рюрик имеет западнославянские корни. Эта мысль органично вплеталась в гипотезу о западнославянском происхождении варягов. Подобные предположения небеспочвенны. Археологические раскопки действительно зафиксировали проникновение поморославянского населения на север Руси. Так что какие-то связи русских земель с ободритами, безусловно, существовали. Но признание варягов западными славянами представляется всё-таки поспешным.

Помимо этого, приверженцы «ободритской теории» ссылаются на так называемые знаки Рюриковичей. Речь идёт о широкоизвестных знаках, которые обнаружены на древнерусских монетах, на печатках князей, на плинфе каменных сооружений, глиняной посуде, украшениях, мечах и многих других предметах. Эти знаки представляют собой тамгообразные изображения в виде двузубцев, а затем трезубцев. Ещё со времён Карамзина их стали считать родовой принадлежностью, родовыми знаками князей Рюриковичей, хотя о том, как же в действительности изображали эти знаки, разгорелась длительная дискуссия. Какие только предположения не высказывались! В знаках видели и воинскую эмблему — якорь (И. А. Бартоломей), щитом, возможно норманнский (П. Н. Милюков), секиру или топор (А. В. Орешников), так называемую францискку (П. М. Сорокин), лук со стрелой. И некое условное геральдико-нунизматическое изображение: светильника (А. Воейков, И. П. Сахаров), хоругви (Ф. А. Жиль, Я. Волошинский), церковного портала (С. Г. Строганов), птицы — норманнского ворона (барон Б. В. Кёне) или голубя (А. А. Куник). Распространённой была версия о том, что это государственная эмблема: трезубец (Н. М. Карамзин), часть византийского скипетра (граф И. И. Толстой), держава (А. А. Куник), даже скифский скипетр (Д. Я. Самоквасов). Существует мнение, что знак являлся символом княжеской собственности, весьма распространённой в домонгольский период. Встречается и несколько более «формальных» прочтений: монограмма (руническая или византийская), геометрический орнамент (византийский, скандинавский, восточный, славянский), наконец, некая церковно-христианская эмблема (христовграмма), представлявшая собой лигатуру альфы и омеги.

Не вполне ясна и эволюция знаков — от простого к сложному или наоборот. Некоторые исследователи полагают, что знаки могли иметь

ожное, возможно, боспорское происхождение. Дело в том, что в Боспорском царстве известны аналоги русского трезубца. Другое дело, что там они могли обозначать трезубец морского бога Посейдона или иметь какое-либо иное значение. Одни из последних интерпретаций знаков — символ «якорь-крест» и условное изображение скандинавского корабля.

И среди всего этого многообразия есть версия, впервые высказанная С. А. Геденовым. Знаки Рюриковичей, оказывается, не что иное, как схематическое изображение летящего вниз сокола — рерика. Вспомним русские былины и сказки (богатырь Вольга или Финист Ясный Сокол). В то же время ни у славян, ни у скандинавов сокол не являлся божеством. Но, по мнению приверженцев гипотезы Геденова, он был древним тотемом русского княжеского рода, имевшего западнославянскую прародину.

Однако нужно помнить, что это лишь одна из десятков интерпретаций знаков Рюриковичей. Только в последнее время трудами видного историка С. В. Белецкого примерно установлено наследование изображений знаков в династии Рюриковичей и принадлежность различных форм знаков тем или иным князьям. На Руси эти знаки известны с конца IX века, то есть со времени образования единого Древнерусского государства с центром в Киеве. Теперь осталось мало сомнений в том, что это лично-родовые эмблемы древнерусских князей. Однако каково их происхождение и что конкретно они означали (а на Руси интерпретация знаков могла быть совершенно другой и меняться со временем), до сих пор остаётся неясным и вряд ли когда-либо прояснится окончательно.

В XX веке трезубец (тризуб) обрёл второе рождение. Теперь он является гербом независимой Украины, которая претендует на древнерусское историческое наследие.

Ещё один аргумент в пользу «ободритской теории» — легенда о Рюрике, зафиксированная в Мекленбурге в XVII веке. Якобы у ободритов был князь по имени Годлав (или Годолюб, или Готлиб) — отец трёх братьев: Рурика, Сивара и Трувара. Они пришли в Руссию, где стали князьями — Рюрик в Новгороде, Сивар — в Пскове, Трувар — в Белоозере. Рюрик основал княжескую династию. Эта легенда была записана несколькими европейскими авторами, в том числе французом Ксавье Мармье в его книге «Письма о севере» (Париж, 1840). На этот рассказ впервые обратили внимание русские эмигранты Сергей Лесной (Парамонов) и протоиерей С. Ляшевский. В своих трудах, где домыслы сопровождают исторические данные, они построили целую концепцию древней русской, «доолеговой» истории. Годлав, Гостомысл и Рюрик оказались связанными единым родством — представителями некоей разветвлённой мекленбургской династии. Но к легендам XVI–XVII веков отношение должно быть крайне внимательное и осторожное. В них отголоски исторической правды столь сильно переплетены с вымыслом, что отделить одно от другого — задача невероятно сложная. Дилетантский же подход — слепо верить всему, не утруждая себя анализом источников. Сергей Лесной прославился как активный пропагандист так называемой

«Велесовой книги» — фальшивки, якобы рассказывающей о древней истории славян.

Итак, какие-то славянские предки у Рюрика могли быть, возможно, он по женской линии являлся потомком местных славянских вождей, таких, как Гостомысл. Но известно ли что-нибудь о его скандинавских прародителях? Любопытная гипотеза на этот счёт появилась в первой половине XIX века. Ординарный профессор Дерптского университета Ф. Крузе в 1836 году предположил, что Рюрик новгородский тождествен скандинавскому конунгу Рорику (Roricus), бывшему в IX веке правителем областей в Ютландии и Фрисландии. Ютландия — полуостров, на котором находится Дания, а Фрисландия — земля к западу от неё, на побережье Северного моря. О Рорике сообщают латинские анналы Франкской империи, составлявшиеся в IX веке.

Рорик принадлежал к династии правителей Ютландии. У конунга Хальвдана было четверо сыновей: Ануло, Харальд Клак, Регинфрид и Хемминг. К этой же семье принадлежал и Рорик. В одних источниках он представлен братом Харальда, в других — его племянником. Ануло и Регинфрид были убиты в начале 810-х годов в стычках с врагами, и известно о них очень мало. Хемминг погиб позже, в 837 году. Как бы то ни было, Рорик принадлежал к потомству Хальвдана. Вполне возможно, что именно этот Хальвдан к 782 году потерял свои владения и отправил посольство к Карлу Великому, пытаясь выхлопотить себе какой-нибудь лен. Харальд начинает активно действовать в конце 810-х годов. В 819 году он попытался вернуться в Данию, где находились его родовые земли, но не смог там укрепиться, и в 823 году начал искать поддержку у императора Людовика Благочестивого. Наконец, в 826 году в столицу Франкской империи — город Ингельгейм-на-Рейне, недалеко от Майнца, прибыл Харальд Клак с женой, сыном Готфридом и племянником в сопровождении 400 датчан (знают, чуть более сотни кораблей) и торжественно принял крещение с семьёй в присутствии самого императора. Этот шаг позволил ему получить от Людовика в удел область Рюстрингению во Фрисландии, находившуюся в его владении довольно долго. Таким образом, совершенно ясно, что крещение преследовало определённые политические цели. В источниках не говорится о присутствии в Ингельгейме Рорика. Но если признать его племянником новообращённого, то факт крещения вполне мог иметь место. Рорик, по всей видимости, к этому времени был ещё ребёнком.

Таким образом, после крещения род Харальда получил некоторые земли, но уже в 837 году погиб Хемминг, названный в источниках «христианнейшим». В начале 840-х годов умер и Харальд Клак, и тогда на политическую арену выходит сам Рорик. После смерти Людовика Благочестивого Рорик поссорился с новым императором Лотарём и бежал к Людовику Немецкому. При этом он потерял владения во Фризии. Лишённый удела, Рорик пиратствовал, разоряя Фрисландское побережье. Вероятно, он же участвовал в крупной операции в 845 году. Тогда большая флотилия вошла в устье Эльбы и угрожала Гамбургу. Нападение нескольких сот кораблей было отбито, а затем среди викингов началось моровое поветрие, и Рорик приказал своей

дружине поститься в течение двух недель и отпустить всех пленников-христиан. На основании этого известия некоторые историки делали вывод, что Рорик или был христианином, или испытывал симпатии к христианству.

Следующий удар был нанесён по городу Дорестадту, крупному центру Фрисландии. В 850 году Рорик заключил мир с императором Лотарём и вернул себе Фризию с Дорестадтом. В этот период начал активно действовать сын Харальда Клака Готфрид, который иногда помогал Рорику в его авантюрах. В 854 году умер датский владетель Хорик I, и начались усобицы между его родичами. Этим не преминул воспользоваться Лотарь, разделивший Фризию между своими сыновьями и, вероятно, оставивший Рорика и Готфрида опять без уделов. Новый датский правитель Хорик II пожаловал в 857 году Рорику часть своих земель между Северным морем и рекой Эйдер, и начался ютландский период жизни нашего героя.

На шесть лет Рорик исчезает затем со страниц хроник. Появился он только в 863 году. В январе его флотилия поднялась вверх по Рейну и дошла до Нейсса. Только к апрелю, разорив прирейнские земли, Рорик ушёл, оставив Лотаря напуганным и растерянным. При этом Рорик в анналах назван недавно принявшим христианство. Те же анналы сообщают, что осенью 867 года изгнанный из Фризии Рорик вновь вместе с датчанами угрожал императору, и Лотарю пришлось собрать ополчение для защиты от набегов этого конунга. Наконец, в 869 году давний враг Рорика Лотарь умер, и в 870-м его братя Карл Лысый (Плешивый) и Людовик Немецкий в Мерсене разделили его владения, за исключением Италии, оставшейся у сына Лотаря — Людовика II вместе с императорским титулом. Рорик не упустил случая добиться земель и для себя. По сообщению Фульденских анналов, в том же году, осенью, Рорик встречался с Карлом в Нимвегене. Затем через два года, осенью 872 года, произошла очередная встреча, на этот раз Рорик был с сыном Харальда Клака — Родульфом. Переговоры проходили в городе Трейэктуме (теперь Маастрихт) на Маесе. Рорику были возвращены земли во Фризии, и он признал себя верным вассалом Карла. Родульф же чем-то не угодил королю и остался без удела. В июне следующего, 873 года Рорик присягнул на верность Людовику, а после этого о нём ничего неизвестно. Во всяком случае, в 882 году родственник Рорика — Готфрид окончательно укрепился в его бывших владениях во Фрисландии.

Заманчивое отождествление Рюрика и Рорика поддержали несколько исследователей. Особенно основательную работу прозёл русский эмигрант Н. Т. Беляев, опубликовавший свой труд в Праге в 1929 году. С тех пор гипотеза Крузе — Беляева популярна в исторической науке. Её поддержали и Г. В. Вернадский, и Б. А. Рыбаков, и другие учёные. Конечно, окончательно доказать её невозможно. Ведь нет источников, в которых прямо бы говорилось о тождестве Рюриков. Как не существует, впрочем, и источников, делающих это отождествление нереальным. Но в его пользу можно привести лишь косвенные доводы. Прежде всего, сходство имён: имена «Рорик» и «Рюрик» восходят к одному скандинавскому прототипу *Rroegrek* —

«могучий славой». Большие лакуны в сообщениях европейских анналов: в эти промежутки Рорик вполне мог оказаться на Руси. Фрисландия, как и ободриты, поддерживала торговые связи с северной Русью. Археологические находки свидетельствуют, что уже во второй половине VIII века Ладога была вовлечена в сферу не только восточнобалтийской, но и фризской торговли, которая шла через Данию. Причём эти находки позволяют предполагать присутствие в Ладоге фризских ремесленников. Так что обращение местных племён именно к ютландскому правителю выглядит вполне логичным. Ведь он не был непосредственно связан ни с Русью, ни со шведами, нападавшими на восточных славян. Расстояния, отделявшие Рорика от Русского Севера, для варягов, разумеется, не были непреодолимыми. Тем более знакома была им и Русь, где варяги побывали задолго до Рюрика. Датировка же русских летописей, как это неоднократно подчёркивалось многими историками, довольно условна, и зачастую события, растянувшиеся во времени, могли быть сведены к статье под одним годом.

Тем не менее серьёзным возражением тождеству Рюриков являются сведения о встречах Рорика с Карлом Лысым в начале 870-х годов. Конечно, одновременно управлять землями во Фрисландии и на севере Руси Рюрик не мог. Но его правление в Новгороде могло быть неспокойным (на это есть намёки в Никоновской летописи), не исключена возможность его длительной отлучки, возможно, он использовал Новгород и как своеобразный запасной вариант в своей бурной деятельности.

Интересно, что только в 882 году владения Рюрика окончательно переходят к его родичам. Не связано ли это с походом на Киев Олега, преемника Рюрика, и временным исключением Новгорода из сферы великокняжеского влияния? Вполне возможно, что, только потеряв тесную связь с новгородскими правителями, владетели в Северной Европе решили распорядиться оставшимся леном Рорика во Фризии по собственному усмотрению. В любом случае у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отвергнуть версию о тождестве Рорика и Рюрика, как не имеющую под собой никакой почвы. Но если действительно Рюрик новгородский и Рорик фрисландский — одно и то же лицо, то каково его происхождение?

Рорик принадлежал к династии ютландских правителей, связанных родственными узами с датскими и норвежскими династиями. Попытаемся рассмотреть его восходящую родословную. Для этого нам необходимы данные скандинавских саг, которые являются основным источником при построении родословий конунгов. Хотя саги и нельзя рассматривать как исторический источник без должной критики, тем не менее некоторые моменты в них в определенной степени достоверны. В особенности это относится к генеалогии, являвшейся важным элементом жизни каждого героя. Родовое начало в сагах чрезвычайно значимо, что связано, прежде всего, с пониманием древними скандинавами исторического развития. Для них история — результат деятельности конкретных личностей в конкретных обстоятельствах, поэтому саги и отличаются своеобразной «приземлённостью».

По мужской линии Рорик, по всей видимости, происходил от древней датской династии Скьельдунгов. Предок (вероятно, прадед) Рорика и отец Хальвдана — легендарный конунг данов Харальд Хильдитенн (Боезуб, Боевой Клык, Клык Битвы), уже будучи стариком, погиб в битве при Бравалле во время усобной войны со своим племянником, конунгом Уппсалы Сигурдом Кольцо (Сигурд Ринг). Исторически обычно относят это знаменательное в скандинавской истории событие примерно к 770—775 годам. Харальд Боезуб был сыном Хрёрика Метательное Кольцо (Колец Расточитель) и Ауд Богатой, дочери Ивара Приобретателя (Многославного). Отметим, что весьма вероятно сам Рорик получил имя в честь своего выдающегося предка. Это имя употреблялось и среди представителей датской и норвежской династий конунгов IX—X веков, известно оно также по шведским руническим надписям XI века.

Скьельдунгам была посвящена отдельная сага, записанная в конце XII века и относящаяся к разряду королевских саг. К сожалению, сохранился только её небольшой исландский фрагмент и латинское переложение. Сага рассказывает о происхождении Скьельдунгов от Скьельда — одного из многочисленных сыновей верховного бога Одина, «отдавшего» ему Данию в управление. По другой версии, изложенной в англосаксонской эпической поэме «Беовульф», Скильд (так называет Скьельда поэма) был бездомным ребёнком, которого море прибило в лодке к датским берегам. Среди потомков Скильда — Хрольв Жердинка, вероятно, действительно являвшийся правителем данов и имевший резиденцию в Лейре на севере Зеландии (близ современного Роскилле).

Помимо рода Скьельдунгов, Рорик и ютландские правители по другим линиям тоже вели своё происхождение от Одина, что замыкает все династии конунгов в единый генеалогический комплекс.

Родословие матери Харальда Боезуба — Ауд Богатой известно из «Саги о Хервёре», которая относится к сагам «о древних временах». Эти саги традиционно считаются малодостоверными, а потому их ещё называют «лживыми». Но всё-таки и они, по-видимому, несут в себе крупинцы исторической информации. «Сага о Хервёре» повествует об истории чуть ли не V—VI веков и объединяет различные легенды, бытовавшие в Северной Европе. В них рассказывается о берсерках — свирепых и неуязвимых воинах, родословие которых начинается тоже от Одина через его сына Сигрлами. Подобно другим сыновьям Одина, ставшим правителями разных стран, Сигрлами был якобы королём Гардарики, то есть Руси. Его жена — некая Хейдис, дочь Гилфи — потомка древних шведских правителей. Сигрлами наследовал сын — Свафрлами, тоже король Гардарики-Руси, он же был первым владельцем волшебного меча Тюрфинга, вокруг которого разворачиваются последующие события саги. Дочь Свафрлами — Эйфур вышла замуж за потомка великанов Арнгрима, который жил в Галогаланде, области на севере Норвегии. От этого брака родилось 12 сыновей — берсерков, и среди них король готов Ангантюр. Он погиб в одном из сражений (под именем Онгентеов фигурирует и в «Беовульфе»). Ангантюр женился на Свафе (или

Тофе), дочери Бьяртмара, ярла Альдейгыюборга, то есть Ладоги. Их дочь — Хервёр, которой и посвящена сага, вышла замуж за судью Гофунда и имела двух сыновей — Ангантюра и Хейдрика, убившего брата в усобной стычке. Хейдрик стал великим героем, королём Рейдготаланда (Южная Швеция). Он был женат несколько раз: от Хельги, дочери короля Рейдготланда Харальда, родился Ангантюр (уже третий), от дочери Гумли, короля Гуноланда (гуннов), родился Хлёдр, король гуннов, воевавший с братом Ангантюром, королём готов. Ещё одной женой Хейдрика была некая Сифка из Финнланда (Западная Финляндия). Наконец, от дочери короля Холмгарда (Новгорода) Роллауга родилась дочь Хервёр, которую убил брат Хлёдр. Сам Хейдрик тоже погиб от руки одного из своих рабов. Его сын Ангантюр и был предком Ивара и Ауд Богатой.

Конечно, это родословие, имевшее целью связать знаменитого исторического конунга с легендарными героями, потомками богов и великанов, носит чисто мифический характер. Но реальность присутствует даже здесь. «Житие святого Виллиброрда», написанное Алкуином, свидетельствует о том, что этот англосаксонский миссионер около 714 года посетил «дикий народ данов», королём которых был некий Онгенд (Ангантюр?). Центр владений Ангантюра находился, вероятно, в Риббе на западном побережье Ютландии.

Родословие Хервёре интересно и тем, что в нём упоминаются мифические правители Руси, Новгорода, Ладоги. Это лишний раз показывает, что тесные контакты северорусских областей со Скандинавией оставили глубокий след в сознании людей и трансформировались в свидетельства легенд. Причём эти связи были устойчивыми и для скандинавов весьма важными, что отразилось и в генеалогии, где очень почётным является родство сагических героев с новгородскими и ладожскими правителями.

Более реальна генеалогия Инглингов, норвежских правителей, тоже родственников Рорика. Вторым браком Ауд была замужем за «королём Гардарики» Радбардом. А Радбард происходил из рода Инглингов. Существуют две версии начальной генеалогии Инглингов. Их родоначальником считался сын Одина — Ингви, правитель Швеции, от имени которого произошло название династии. Это имя носил и бог Фрейр, сын морского бога Ньёрда: «Имя Ингви долго считалось в его роде почётным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами», — писал Снорри Стурлусон. Одна из ветвей Инглингов правила в Норвегии (к этому роду принадлежал и Харальд Прекрасноволосый), другая — в Швеции. Её основателем считался сын Радбарда и Ауд — Рандвер. Потомок Рандвера — Олаф Шётконунг христианизировал Швецию. А его дочь Ингигерд в 1019 году стала женой Ярослава Мудрого, потомка Рюрика. Поскольку Рюрик также происходил от Ауд и Хрёрика Колец Расточителя, то Ярослав и Ингигерд, возможно, доводились друг другу дальними родственниками. Так причудливо переплетались династии Рюриковичей, норвежских, шведских и датских правителей.

«ЕГО РОД И ВЕРНАЯ ДРУЖИНА»

Но если Рюрик — личность реальная, хотя почти и неидентифицируемая, то его летописные братья, казалось, и вовсе пришли из сферы легенд и преданий. И действительно, летописный рассказ лаконичен. Оба брата недолго княжат в двух городах, а через два года умирают, оставив свои владения Рюрику. Это всегда вызвало подозрения, так же как и троичность приглашённых князей. Другое дело, если летописец условно назвал Синеуса и Трувора братьями Рюрика, ведь именовали же себя братьями древнерусские князья, хотя на самом деле таковыми не являлись. Мог летописец и искусственно объединить имена трёх князей, создавая таким образом общую родословную всего княжеского рода. Предположений может быть много, но существовали ли Синеус и Трувор в действительности?

Прежде всего, историков настораживали их имена. Прототипы искали у разных народов. Например, скандинавские — Торвар («страж Тора», Тор — древнескандинавский бог) и Сигньот («победу использующий»). Или западнославянские — Трубор и Синуш. Однозначного мнения так и не сложилось. И если в случае с Синеусом напрашивается, хоть и странная, но естественная аналогия — «сине-ус», то Трувор близко подходит к скандинавскому «оригиналу» — Торвар. Тем не менее до сих пор в большинстве учебников по русской истории можно прочесть, что ни Синеус, ни Трувор в реальности не существовали. Сомнения, зародившиеся благодаря пресловутой троичности, переросли в отрицание самих героев.

Основателем этой, казалось бы, нигилистическо-антинорманистской мысли был, как ни странно, «основатель норманизма» Г. З. Байер. Именно он первый предположил, что имена Синеус и Трувор есть не что иное, как неправильно понятые скандинавские словосочетания. Синеус вроде бы означает «свой род» (сине-хус), а Трувор — «верная дружина» (тру-варинг). Таким образом Рюрик пришёл на Русь со своим домом и с верной дружиной. Летописец же не понял скандинавские словосочетания и решил, будто это имена братьев Рюрика. Потом он якобы придумал братьям княжения,

а чтобы выпутаться из этой ситуации, ещё и одновременную смерть через два года.

«Свой род» и «верная дружина» совершили поистине победное шествие по страницам исторических сочинений. Особенно определённо поддержал эту гипотезу академик Б. А. Рыбаков. Благодаря его авторитету данная версия получила всеобщее распространение и до сих пор присутствует чуть ли не во всех учебниках русской истории. Более того, если Б. А. Рыбаков считал, что летописец не понял устное шведское предание, то некоторые авторы пошли дальше, предположив, что летописец не понял скандинавский текст, написанный руническим алфавитом. Слабо знакомый со шведским языком летописец не смог разобраться в грамматических хитросплетениях рассказа или в рьящей череде рун надписи.

Конечно, такой взгляд привлекателен, но мало реален. Не говоря уже о том, что нет свидетельств о скандинавских источниках русской летописи, сама по себе версия о «роде» и «дружине» покоится на слишком шатких основаниях. Такая этимология совершенно противоречит нормам синтаксиса и морфологии древнескандинавских языков. Более того, даже семантически предлагаемые слова отнюдь не означали ни «рода», ни «дружины». Подобные предположения могли существовать в начале XVIII века, когда ещё лингвистика и изучение древних языков находились в стадии формирования. Но ныне примитивные аналогии вряд ли можно использовать для объяснения имён.

Кроме того, становится странным контекст, в котором упомянуты Синеус и Трувор. Вспомним сам летописный рассказ: «И избрались трое братьев с роды своими, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске». Получается, что летописец дважды перевёл одно и то же, только один раз верно («с роды своими»), а другой раз неправильно («Синеус»). И ещё. Оказывается, что родичи Рюрика отправились в Белоозеро, а дружина — почему-то в Изборск. А ведь это конкретные указания, а не просто вымышленная информация.

Есть и ещё одно объяснение. Синеус и Трувор — эпитеты Рюрика: «победоносный» и «верный». Но не видим ли мы здесь буквального перевода имён? Ведь всякое имя несёт в себе определённое значение, зачастую и эпитет, и разве допустимо таким образом интерпретировать их? Тогда можно сказать, что подавляющего большинства исторических героев не существовало вовсе, раз их имена — всего лишь эпитеты. Конечно, это парадокс абсурда, но он показывает, к чему на самом деле ведёт подобная логика.

Поэтому оставим наших несчастных персонажей с их подлинными, но не совсем понятными именами в покое и зададимся вопросом, откуда возникли эти образы? Может быть, это какие-то местные правители, память о которых сохранилась в летописном повествовании? Оказывается, в Белоозере и в Изборске бытовали местные легенды о Труворе и Синеусе. В Белоозере даже показывали могилу Синеуса. А в Изборске до сих пор стоит крест Трувора.

Что это — «реализованная» летопись или летописная реальность? Ответа на этот вопрос нет, но ясно одно — и Синеус, и Трувор, по всей видимости, действительно существовали, но были ли они родственниками Рюрика, неизвестно.

В 864 году, после смерти братьев, Рюрик стал правителем всей северной Руси. Власть его распространилась на значительную территорию. «Повесть временных лет» вплоть до его смерти ничего не сообщает об основателе княжеской династии. Поздние летописи, например Никоновская XVI века, добавляют некоторые детали, но насколько они реальны — сказать трудно. Так, в Никоновской летописи рассказывается о мятеже в Новгороде против Рюрика, происшедшем в 864 году. Его предводителем был некий Вадим Храбрый. Само имя «Вадим», вероятно, происходит от русского слова «вадить», то есть возмущать, подстрекать. Так могли называть человека, призывавшего людей к бунту. Видимо, варяжская власть не всем была по душе. Но действительность покрыта мраком тайны.

После смерти Рюрика в 879 году к власти пришёл другой варяжский князь, возможно, родственник Рюрика — Олег.

«МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ»

А что же в это время происходило на юге, в Поднепровье? У полян также существовало своё княжество, первым правителем которого считали основателя Киева — Кия. «Повесть временных лет» содержит противоречивые данные о нём. С одной стороны, Кий — князь полян, основатель города, деятельный правитель, ходивший на Византию, с другой — перевозчик на Днепре. Летописец явно склоняется к первой точке зрения: могущественный князь, конечно, предпочтительнее, чем скромный паромщик. Но если взглянуть на легенду о Кие непредвзято, в ней проявится немало интересных и загадочных черт.

Легенда о Кие удивительным образом соотносится с легендой о призвании варяжских князей. И там, и здесь, мы видим трёх братьев, только на севере они — пришлые, а на юге — местного происхождения. Соответственно и имена у варяжских — иноземные, а у полянских — свои, «киевские», ведь они объясняют местную топонимику. Город Киев назван в честь старшего брата Кия, горы Щековица и Хоривица по именам двух других братьев — Щека и Хорива. И сестра их Лыбедь оставила свой «след» — так называется киевская речка. Та же троичность основателей-первопредков, только в киевском рассказе присутствует четвёртый персонаж — сестра.

Легенда о Кие выглядит более древней, чем легенда о варягах. Означает ли сказанное, что это — только легенда, или же в ней присутствует и реальность?

Долгое время полагали, что летописный рассказ об основании Киева — реален, а о призвании варягов — вымысел. Историки говорили о времени Кия, о городе Кия, относили его деятельность к VI, а то и к концу V века, когда в Византии правили императоры Анастасий и Юстиниан, при которых византийцы воевали со славянами. Апофеозом явилось празднование 1500-летия Киева в 1982 году. Но если рассмотреть летописные известия повнимательней, то в них обнаруживаются и некоторые мифологические черты.

Например, Кий — перевозчик. Он связывает два берега реки, он перевозит людей через Днепр — важнейшую реку полян (этимология

названия «Днепр» восходит к индоевропейскому слову «река»). Не есть ли это воплощение одного из архетипов сознания — связи двух миров, жизни и смерти, подобно образу Харона в древнегреческих мифах. Кий — сакральный первопредок полян, превратившийся в их первого князя, основателя города. А само имя Кий имеет славянские корни, это «молот» — и не имеется ли здесь в виду герой-кузнец, создатель, строитель, демиург?

Видные учёные В. В. Иванов и В. Н. Топоров исследовали легенду о Кие и его братьях, сопоставив её с другими легендами и мотивами. Они пришли к выводу, что в ней отразился широко распространённый миф о герое-кузнеце, даже братьях-кузнецах, победивших змея. Кузнец воплощал доброе, созидательное начало, в то время как змей — злое, отрицательное. Даже топография Киева оказалась связанной с мифом: киевские горы и подол. Кузнец одолел змея и использовал его силу на благо дело — так появились под городом Змиевы валы.

Итак, легенда о Кие несёт в себе черты мифа, отголоски древнего народного предания. Первоначально Кий — герой, прародитель, который лишь потом в сознании людей превратился в первого князя, реального правителя. Но когда же сформировалась эта легенда?

У летописного рассказа обнаружилась интересная параллель. В «Истории Тарона» армянского автора Зеноба Глака, писавшего в VIII веке, содержится похожая легенда. Там также действуют три брата — Куар, Ментей и Хоран, которые основывают в стране полуни (поляны?) на горах город, названный по имени старшего из братьев. Эта армянская легенда настолько хорошо соотносится с русской, что впору считать её заимствованной от Руси. Получается, что уже в VII—VIII веках, может быть, через посредство Византии, славянская легенда об основателях Киева проникла в Армению, где, возможно, какое-то время бытовала в устной форме, а затем была записана. Это показывает, насколько древние пласты сохранились в составе «Повести временных лет» и насколько глубоко корни славянских исторических преданий. Археологически в Киеве выявлены слои и отдельные находки VII—IX веков, что позволяет считать реальным существование там поселения в это время. А это значит, что легенда об основателях города сложилась, по крайней мере, уже в VII веке. Если прототип легендарного Кия существовал в действительности, то он должен был жить примерно в ту же эпоху.

Итак, к середине IX века на юге Руси, в Поднепровье, сложилось княжество полян с центром в Киеве. И вот, по летописному рассказу, к городу подошли лады с дружинами Аскольда и Дира. Аскольд и Дир укрепились в Киеве и стали там княжить. Летописи практически ничего не сообщают об их происхождении. «Повесть временных лет» отмечает, что оба князя не были родственниками Рюрика, а являлись его «боярами», то есть знатными приближёнными. Вероятно, Аскольд и Дир возглавляли небольшие отряды варягов, которые двигались по русским рекам, по пути «из варяг в греки». Известны и другие, подобные, правители древнерусских городов — Рогволод в Полоцке, Туры — в Турове.

Существует несколько этимологий имён князей, в том числе скандинавская (Hoskuldr, Dutt). Но были ли Аскольд и Дир современниками? Это тоже ставится под сомнение. «Двоичность», так же как и «троичность», князей почему-то вызывает подозрения у историков. Дмитрий

Сергеевич Лихачёв полагал, что соправительство «необычно для Руси». Но всё-таки оно существовало, хотя и в более поздний период. А в Древней Скандинавии, например, соправительство было распространено.

В то же время некоторые свидетельства как бы разделяют Аскольда и Дира. Когда князья погибли от руки Олега, их похоронили не вместе, а порознь. Аскольд был похоронен на месте, где потом некий Олма построил церковь святого Николая. А Дира погребли на месте, недалеко от которого впоследствии соорудили церковь святой Ирины (вблизи Софийского собора). Это, впрочем, можно объяснить тем, что Аскольд мог быть христианином, в то время как Дир оставался язычником (об этом чуть позже). Византийская «Хронография» Продолжателя Феофана сообщает о крещении русов в период правления императора Василия Македонянина (царствовал в 867—886 годах) и упоминает у них только одного князя (не называя имени). О «князе русском» Аскольде говорится и в Никоновской летописи XVI века. Но самым известным, конечно, стало сообщение арабского писателя и путешественника ал-Мас'уди. Учёный-энциклопедист, работавший в первой половине X века (умер в 956 году), он написал книгу «Мурудж аз-захаб» (название обычно переводят как «Золотые луга», хотя правильнее «Промывальни золота и рудники самоцветов»). В ней сказано следующее: «Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами». Мас'уди, вероятно, пользовался трудами арабских авторов середины IX века, поэтому приведённые сведения относятся, по-видимому, к этому столетию. Об Аскольде у Мас'уди ни слова. Но далее он пишет: «Вслед за ним (то есть Диром. — *Е. П.*) следует царь ал-Олванг (так примерно прочёл это имя видный востоковед А. П. Новосельцев. — *Е. П.*), у которого много владений, обширная страна, большое войско и обильное военное снаряжение». Имя второго князя, вероятно, означает Олега, то есть идёт речь о двух русских князьях накануне их столкновения: южном (Дира) и северном (Олега). Следовательно, в целом Мас'уди не противоречит «Повести временных лет», а значит, вопрос о соправительстве Аскольда и Дира остаётся открытым.

Нужно сказать и ещё об одной гипотезе. Польский хронист Ян Длугош в XV веке написал свою прославленную «Историю», в которой уделил внимание и киевским князьям: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Оскалду, очевидно, и Диру...» В своё время А. Л. Шлёцер назвал этот пассаж «недоразумением». Однако академик А. А. Шахматов, опираясь на Длугоша, возвёл род Аскольда и Дира к Киею, сочтя это известие более древним, чем сведения «Повести временных лет». С тех пор в советской науке версия о происхождении Аскольда и Дира (или одного Аскольда) от Кия стала распространённой, особенно благодаря поддержке академика Б. А. Рыбакова.

Но всё-таки фраза Длугоша не даёт оснований для далеко идущих выводов. Во-первых, она носит неопределённый характер: «очевидно», «наследование перешло» — каким образом это произошло, Длугош не

уточняет. Из отрывка лишь следует, что на земле, где когда-то правили Кий с братьями, потом княжили Аскольд и Дир. Во-вторых, непонятно, почему польскому хронисту XV века должно доверять больше, чем русским летописям значительно более раннего времени. Тем более что известия Длугоша о древнерусских событиях (например, в описании убоицы сыновей святого Владимира 1015–1019 годов) зачастую не всегда точны. Но самое главное, известия Длугоша непосредственно связаны с его концепцией происхождения русского народа от поляков. Длугош обосновывал претензии Польши на древнерусские, в том числе и киевские, земли. Сопоставив этнонимы «поляки» и «поляне» (которые в действительности имеют похожую этимологию, но не связаны между собой), хронист пришёл к заключению, что поляки были этнической основой русских, а сам Кий — поляком (вспомним мнение автора «Повести временных лет» о том, что радимичи и вятичи — «от рода ляхов»). Поскольку Аскольд и Дир были его потомками, то Киевом управляла изначально польская династия, считает Длугош. А это значит, что Рюриковичи узурпировали власть над Киевом.

«Повесть временных лет» описывает поход руси на Константинополь: «Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним... Царь же (*византийский император*) был в это время в походе на агарян (*арабов*), дошёл уже до Чёрной реки, когда епарх (*правитель города*) прислал ему весть, что русь идёт походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда (*залив Золотой Рог*), множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошёл в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и омочили в море её полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русов, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».

Это событие приурочено в летописи к 866 году. Однако в иностранных источниках оно датировано 860 годом. Известна даже точная дата появления русских кораблей у стен столицы Византии — 18 июня. Это первая точная дата русской истории. Странно после этого выглядит празднование в 1996 году 300-летия русского флота. В этом году следовало праздновать, по крайней мере, его 1136-летие. Вот как о походе русов говорится в «Хронографии» Продолжателя Феофана: «Потом набег русов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские (*византийские*) земли, сам Понт Евксинский (*Чёрное море*) предали огню и оцепили город (*Константинополь*). Михаил в то время воевал с исамилитами (*арабами*). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их к Божьему крещению. Что и произошло».

О крещении русов упоминает и сам константинопольский патриарх Фотий. Эти сообщения позволили некоторым историкам считать, что киевский князь Аскольд был крещён, причём в качестве его воз-

можного христианского имени называют имя Николай (на месте могилы Аскольда, как мы помним, была впоследствии построена церковь Святого Николая). Крещением князя объясняется и лёгкий захват Олегом Киева. Большинству горожан-язычников князь-христианин оставался чуждым, поэтому они и не поддержали его. Но всё это пока только предположения, однако несомненно одно: уже во второй половине IX века на Русь проникла христианская вера.

Появление русов у стен Константинополя в 860 году не было первым выходом Руси на международную арену. В византийских житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского сообщается о нападениях русов на византийские земли примерно в конце VIII — начале IX века. А 18 мая 839 года ко двору франкского императора Людовика Благочестивого (сына Карла Великого) в город Ингельгейм-на-Рейне прибыло посольство от византийского императора Феофила. Вместе с послами находились и послы хакана русов. Вот как об этом сообщается в латиноязычных Бертинских анналах, написанных придворным капелланом императора Пруденцием: «Он (*император Феофил*) также послал с ними (*византийскими послами*) неких людей, которые утверждали, что они, то есть народ их, именуется Рос; чей король, называемый хаканус, направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. И он (*Феофил*) просил в упомянутом письме, чтобы, если возможно, по милости императора (*Людовика*) и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться (на родину), потому что путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не хотел бы, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав (*цели*) их прибытия, император выяснил, что они из народа свеонов (*шведов*), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он не замедлил (...) сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить».

Значит, правитель Руси уже тогда носил титул «хакан», так же как и правитель соседнего могущественного Хазарского каганата. Следует думать, что уже в середине IX века Древнерусское государство представляло собой реальную силу, в том числе и в международных делах. «Русами» назвали напавших в октябре 844 года на Севилью язычников-норманнов («маджус» — «огнепоклонников») арабские авторы. А по известию того же ал-Мас'уди Чёрное море называли «русским» (о том же говорится и в «Повести временных лет»).

ВЕЛИКАН ИСТОРИЧЕСКОГО СУМРАКА

Среди первых русских князей, образы которых овеяны преданиями и легендами, одно из почетных мест принадлежит князю Олегу. «Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» — эти пушкинские строки знакомы всем нам с детства. А вот о том, кем же был на самом деле этот «вещий» князь и каковы плоды его деятельности, знают немногие. Эпитет «вещий», теперь уже неотделимый от имени князя Олега, словно стал символом таинственности и загадочности его фигуры. И правда, в истории Олега так причудливо переплетены реальность и вымысел, что отделить одно от другого сложно, а выявить саму историческую канву — задача ещё более трудная. Впрочем, то же самое относится и ко всем русским князьям заманчивой языческой эпохи — «детства» нашего государства. Один из историков XIX века даже назвал Олега «великаном русского исторического сумрака».

На свет, тогда еще не Божий, выходит эта масштабная личность, по летописным данным, в 879 году, после смерти Рюрика. Сын Рюрика — Игорь был в момент смерти отца ещё ребенком. Потом историки будут часто задавать себе вопрос: как могло получиться, что малолетний в 879 году Игорь погибнет от рук представителей одного из восточнославянских племён — древлян в 944-м? Сколько же прожил этот князь? Окажется, что около 65 лет. И историки не поверят этому. Многие решат, что летописец нарочно придумал, будто Игорь был сыном Рюрика, чтобы связать двух русских князей узами родства и представить династию Рюриковичей в виде единого рода, непрерывной линии.

Основаниями для сомнений станут два текста. Один — «Слово о законе и благодати» Илариона, киевского митрополита XI века. Второй — «Повесть и похвала князю Владимиру» некоего Иакова Мниха, то есть монаха Иакова, жившего также в XI веке. Оба источника, называя предков святого Владимира, остановятся в своём перечислении на деде крестителя Руси — «старом», то есть «прежнем, древнем» в смысле последовательности поколений, Игорь. А где же Рюрик? Но спросим себя, а зачем нужно было авторам этих творений перечислять всех предков Владимира? Почему обязательно они должны были дойти до прадеда своего героя?

И потом, ведь перечисляли они только киевских князей, указывали тех Рюриковичей, которые в Киеве княжили. А Рюрик был князем Новгорода. Первым же Рюриковичем, правившем в Киеве, был именно Игорь. Да и сам характер сочинений Илариона и Иакова (по сути это проповедь и панегирик) не предполагал генеалогической точности. Это же не историческая хроника, не летопись, в конце концов. Оставим всякие гипотезы и версии на совести их авторов. Признаем одно: ВСЕ летописные источники однозначно говорят — Игорь был сыном Рюрика. И пока нет других, в которых говорилось бы обратное, мы обязаны верить имеющимся. Неупоминание же — не есть аргумент в пользу отрицания. Внимательное отношение к историческому источнику должно быть всегда на первом месте! Итак, Рюриковичи — именно так называлась эта великая династия. И продолжилась она от Игоря, сына Рюрика.

Но младенец, конечно, править государством не мог. И поэтому власть Рюрик передал Олегу, по всей видимости, своему сподвижнику. Олег стал своего рода «кормильцем» Игоря, регентом в период его малолетства. Но и потом, когда Игорь вырос, Олег не выпускал княжескую власть из рук. В договоре Руси с Византией он именуется «великим князем русским». Может быть, эпитет «великий» здесь означает просто первенство, высший статус, а не власть над всей Русью. Но факт остается фактом, Олег был русским князем и, вероятно, оставался им до самой смерти.

Кем же был Олег? На этот счёт летописи молчат. Лишь позже появились версии, связывающие его с родом Рюрика. Согласно им, Олег — брат Рюриковой жены, то есть дядя Игоря по матери. Нужно заметить, что значение материнской линии родства было немало важным в те времена, а дядя по матери мог считаться более близким родственником, чем родные по отцу, и даже мог воспитывать племянника. Может быть, составители легенды решили таким образом «увязать» Олега и Рюриковичей, объяснить его высокое положение при Игоре? Так ли это было на самом деле, не знает никто.

Эпитет «вещий» тоже вызывает вопросы. Что он означает? Возможно, князь обладал даром предсказания, предвидения, ведь к концу жизни Олега относится знаменитая легенда о его смерти от своего коня. Возможно, князь был одновременно и языческим жрецом, главой какого-то культа. Об этом могут свидетельствовать те атрибуты, которые с ним связаны: конский череп, змея — символ мудрости. Летопись показывает Олега очень умным, хитрым человеком, умеющим избежать опасности, а когда нужно, и обмануть. Именно так был взят Киев, так подошел князь к стенам Царьграда, так отказался от византийских яств, догадываясь, что они отравлены. В этом проявилась его «вещая» сущность, этим он поразил даже славившихся своей хитростью и лицемерием византийцев. Но «вещий» Олег все-таки был посрамлен. Не поверив жрецам, презрев их «вещие» способности, самонадеянно положившись лишь на свою интуицию, он пал жертвой собственного неверия. «Вещий» князь преступил свои функции, он вторгся в чужую, неведомую область, отверг её и не выдержал испытания. «Вещие» волхвы оказались сильнее «вещего» Олега. Может быть, именно в этом смысл легенды о нём? От судьбы не уйдёшь...

Но вернемся к реальным Олеговым делам. Став князем, он продолжил подчинение славянских племен. В 882 году Олег вместе с Игорем двинулся в поход на юг. Его дружина была большой. Здесь и варяги, и чудь, и словене, и меря, и весь, и кривичи — все подвластные славянские и угро-финские племена. Олег подошел к Смоленску, столице кривичей, стоявшему на важном торговом пути. Князь «принял власть в городе» и посадил в нем своего «мужа», то есть наместника. Видимо, овладение Смоленском было безболезненным, может быть, жители сами отдались под власть могучего правителя. Следующий город — Любеч взяли, вероятно, с боем. Там тоже остался Олегов наместник. А дальше вниз по Днепру князь спустился к Киеву. Этот город, стоявший в земле полян, уже тогда был крупным центром, важным и в торговом, и в хозяйственном отношении. Здесь правили Аскольд и Дир.

С помощью хитрости Олег захватил город, а князей убил. Князь, отряд которого был не очень большим, спрятал своих воинов за бортами кораблей, а сам назвался купцом, идущим в Византию. Он позвал Аскольда и Дира к себе, а когда они пришли, воины Олега выскочили из ладей и убили гостей. Основанием для захвата Киева явился маленький Игорь. Олег якобы показал его киевским князьям со словами: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода (*может быть, и вправду родственник Рюрика?*). А это сын Рюрика». «И сел Олег, княжа в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава» (Ярослава Мудрого). Так рассказывает летопись о правлении Олега. Слова «мать городов» есть не что иное, как греческое слово «метрополия», то есть столица, центр большого государства. На этом примере видно, что государство Олега было уже весьма большим и силилось не уступать Византии.

И действительно, в 883 году Олег покорил соседних с полянами древлян и обложил их данью по черной кунице. В 884 году победил северян и возложил на них легкую дань, потому что большую дань платили северяне хазарам. «Я враг их (*хазар*), и вам им платить незачем», — заявил Олег северянам. В 885 году Олег так же поступил и с радимичами. Только с дальними уличами и тиверцами не воевал. Так князь освобождал славян от дани Хазарскому каганату — присоединяя их к своему, славянскому, государству. Хазары стали смертельными врагами Олега, но открыто он с ними не враждовал — только у Пушкина Олег предает «мечу и пожару» хазарские земли. Ликвидацию Хазарского государства осуществит лишь сын Игоря — Святослав в 960-х годах. Однако Олег уже подрубил основу его могущества: он вырвал данников-славян из рук хазар и прервал хазарскую торговлю со славянами и Северной Европой. Археологические находки показали, что поток восточного серебра на север начал иссякать. На Восточно-Европейской равнине возникло новое сильное государство. В 882 году север и юг Руси были объединены. Некоторые историки считают 882 год годом образования Древнерусского государства.

В 907 году Олег собрал большое войско из всех подвластных ему племён и на 2000 кораблях двинулся в поход. Его целью была Византийская империя, на которую уже и раньше нападали русы. Вскоре воины Олега приплыли к Константинополю (Царьграду) и начали разорять его окрестности. Но греки преградили путь русским воинам. Константинополь находился на берегу залива Золотой Рог, а при входе в него от одного берега на другой была протянута массивная золотая цепь. В минуту опасности византийцы поднимали ее со дна моря и перегораживали проход в залив. Так они сделали и на этот раз. Корабли Олега не могли подойти близко к городу, и тогда князь отдал приказ поставить их на большие деревянные колеса. Когда подул сильный попутный ветер, на кораблях подняли паруса, и ладьи якобы по суше, как по морю, подошли к стенам византийской столицы (на самом деле корабли, вероятно, волоком перетащили по земле). Греки были поражены случившимся. Видя, что военным путём русов не победить, они отправили Олегу, как бы в знак мира, отравленные яства и вино, но князь разгадал их замыслы и отказался от даров. С византийцами он заключил мир, взяв большую дань, а в знак победы, по легенде, прибил свой щит к воротам Константинополя.

В 907 и 911 годах были оформлены мирные договоры между Византией и Русью, тексты которых сохранились в «Повести временных лет». Это первые дошедшие до нас международные договоры молодого Русского государства. Они определяли порядок взаимоотношений между странами, их жителями, в том числе и в области торговли. Русь уверенной поступью вышла на международную арену. Теперь она заявила о себе как о серьезной и самостоятельной силе, проводящей свою внешнюю политику. На некоторое время между двумя странами установился мир. В 907 году византийские императоры «заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утврдили мир». Этот отрывок говорит о том, что в государстве Олега существовали свои законы, по которым жили люди, что Русь была еще языческой страной и что русские, как и византийцы, имели свой текст этого международного договора. Договор 907 года многие историки считали предварительным, но видный историк А. Н. Сахаров пришёл к выводу о его большом самостоятельном значении в истории международных отношений того времени. Русские же послы, заключившие договор, в 911 году получили от императора богатые дары — золото, шелка, драгоценные ткани — и отпущены были из Константинополя с «великою честью». Договор 911 года утвердили 2 сентября.

«И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами». Но недолго пришлось храброму князю наслаждаться своими победами. Вскоре киевский правитель скончался. «Повесть временных лет» так рассказывает об этом: «И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ез-

дишь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Шековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три».

И вот у этой-то истории Олеговой смерти обнаруживается интересная аналогия. Это история норвежского конунга Одда Стрелы, изложенная в соответствующей скандинавской саге («Орвар-Одд сага»). Следует, однако, учитывать, что этот памятник принадлежит к такому специфическому виду саг, как «саги о древних временах», называвшиеся также «лживыми», «баснословными». Древнейшая ее запись относится, вероятно, к XIII веку, а сам Одд упоминается и в других «сагах о древних временах» («Сага о Хервёре»), и в исландских родовых сагах («Сага об Эгиле», «Сага о Гисли»).

Согласно саге, Одд был сыном Грима Бородатого (Мохнатые Шеки) с острова Рафниста (область Халогаланд на северо-западе Норвегии) и с детства воспитывался в доме друга отца Ингиальда с сыном последнего Асмундом. Однажды дом Ингиальда посетила пророчица Гейдр, которая предсказала судьбу всем, кроме Одда, который никак не хотел выйти к ней и узнать свое будущее. Однако Гейдр все-таки рассказала Одду о его дальнейшей жизни: якобы он проживет 300 лет, совершит множество подвигов, обретёт славу и большое богатство в дальних краях, но умрёт на родине. Причиной его смерти будет любимый конь. Одд обиделся на колдунью, поскольку лучшим концом для викинга была гибель в бою, а вовсе не спокойная смерть дома, и ударил прорицательницу до крови, за что Ингиальду пришлось заплатить ей большие деньги. На следующий день Одд с Асмундом убили коня Одда Факси (буквально — грива) и навалили над трупом курган из камней. Потом Одд, Асмунд и другие норвежские юноши отправились странствовать. Одд оказался в Финмаркене, то есть Финляндии, где стал владельцем волшебных стрел короля Гузи (отсюда у Одда появилось прозвище Стрела), потом в районе Вины (Северной Двины) и в Бьярмаланде (так назывались, вероятно, территории Беломорья). Затем Одд побывал на острове великанов, вернулся в Скандинавию, где участвовал в битве на острове Самсэ между местными конунгами, а затем отправился на Орнейские острова, был в Шотландии, Ирландии (здесь погиб его друг Асмунд), на Готланде, в Греции, Аквиании, на Сицилии (здесь Одд даже принял крещение от некоего аббата Гуто),

то есть объездил почти весь мир. По дороге в Иерусалим Одд был отнесен бурей в Хуналанд (страну гуннов), где в городе Кэнугарде (так норманны называли Киев) правил король Геррауд. Он оставил Одда жить при своём дворе, поскольку даже в Хуналанде было известно, что Одд — великий герой. Во время службы у Геррауда отважный конунг совершил поход на Бьялкаланд, соседнее государство с Хуналандом, подчинил эту страну Геррауду и разрушил там языческие идолов. Потом Одд женился на дочери Геррауда Силькисиф («шелковая дева»), а после его смерти долгое время сам правил Хуналандом. Уже будучи стариком, Одд решил побывать на родине, чтобы узнать, кому теперь принадлежат его наследственные владения на острове Рафниста. Узнав о правильном переходе наследства, на обратном пути Одд посетил Берурьод, где когда-то находился дом его воспитателя Ингиальда. Высадившись на берег, Одд показал своим спутникам места его детства и рассказал о предсказании колдуньи, которое, как он думал теперь, уже и не исполнится. Вдруг герой наткнулся на какой-то холмик, а пошевелив в земле копьем, нашел конский череп (это был череп Факси), из которого выползла змея и ужалила Одда в ногу. Через некоторое время Одд умер, был похоронен в каменной гробнице, а в Хуналанде стали править Силькисиф с сыновьями. У Одда от дочери ирландского короля была дочь Рагнхильд, а от Силькисиф — сыновья Асмунд (назван в честь друга Одда) и Геррауд (назван в честь своего деда).

Как видим, в саге отражены многие «ходячие» легендарные мотивы: сбывающееся, несмотря ни на что, пророчество колдуньи, магическое значение коня и конского черепа, остров великанов (вспомним соответствия в приключениях Одиссея и Синдбада Морехода) и т. д. Но в то же время здесь присутствуют и конкретные географические названия Восточной Европы: Вина (Северная Двина) и Бьярмаланд, куда часто в сагах отправляются навстречу подвигам герои; Кэнугард (Киев), упоминаемые в саге русские города Сурдалар (Суздаль), Морамар (Муром) и другие. Мотивы крещения Одда и уничтожения им идолов в Бьялкаланде появились, вероятно, в уже христианизированной Скандинавии, хотя и в эпоху викингов Иерусалим был известен норманнам (они называли этот город Йорсалир). Маршрут путешествия из Халогаланда в Бьярмаланд аналогичен реальному путешествию норвежца Оттара, рассказ о котором был записан британским королем Альфредом Великим в 880-х годах и в таком виде дошел до нас. Некоторые географические названия в рассказе об Одде непонятны, например, Бьялкаланд, в которой некоторые исследователи видели глухие земли к северо-востоку от Руси или даже Сибирь. Впрочем, столь же неопределенна и географическая локализация Хуналанда. Очевидно, что речь идёт лишь о какой-то территории на юге Восточной Европы, ведь саму Русь викинги называли Гардар, а впоследствии Гардарики. Смерть Одда от змеи как бы замыкает логический круг саги, объединяя её начало и конец. Каменная гробница, в которой похоронили героя, по мнению историков, могла представлять собой ладьеобразную ограду из камней, использовавшуюся при погребениях.

В исландских родовых сагах генеалогия Одда освещена более подробно. Согласно «Саге о Гисли», Одд был не сыном, а братом Грима

Мохнатые Щёки (от которого еще идет целая ветвь потомков), а оба они — сыновья Кетиля Лосося и внуки Халльбьёрна Полутролля. В «Саге об Эгиле» отцом Халльбьёрна с острова Рафниста назван Ульв Бесстрашный. По условной хронологии родовых саг, Одд мог действовать где-то в конце IX — начале X века. Имя Силькисиф упоминается и в некоторых других сагах, где оно обозначает принцессу из Руси, как, например, в «Саге об Ингваре-путешественнике». Таким образом, Одд мог быть и реальной исторической фигурой, но в саге, ему посвященной, этот образ получился в результате многочисленных напластований очень сложным, как бы собирательным. Разнообразные мотивы, распространённые в сагах, сопутствуют ему, и за ними разглядеть черты реальной личности очень сложно.

Интересен заключительный пассаж саги, где говорится, что после смерти Одда Силькисиф «стала сама управлять землей гуннов вместе со своим сыном. Очень знаменитый человек вышел со временем из этого сына Одда». По всей видимости, здесь имеется в виду старший сын Одда — Асмунд. Рассказ саги, таким образом, обнаруживает параллели с известиями «Повести временных лет». Ведь воспитателя Святослава, сына Игоря, звали Асмуд. Так выстраивается привлекательная логическая картина: Олег — воспитатель Игоря, его сын Асмуд — воспитатель сына Святослава Игоревича. Слова о «знаменитом человеке» из концовки саги могут служить косвенным подтверждением вышесказанного.

И конечно же, сам рассказ о смерти Одда явно перекликается с летописным известием о гибели Олега от укуса змеи, выползшей из черепа любимого коня князя. Интересно, что место смерти Олега по-разному определяется русскими летописями. «Повесть временных лет» сообщает, что Олег умер в Киеве и был похоронен там же на горе Щековице. Известия же других годов летописей указывают другое место захоронения: у киевских Жидовских ворот. А Новгородская Первая летопись называет ещё два места: в Ладогe (там до сих пор, кстати, существует могила) и «за морем».

Исследователи пытались определить, где же в действительности был похоронен Олег. А. А. Шахматов полагал, что в древнейшей летописной традиции, нашедшей отражение в новгородском летописании, была зафиксирована смерть Олега «за морем», а сообщение о смерти в Киеве является позднейшей вставкой. Но важно отметить, что «могилой» на Руси называлось не само захоронение, а холм, насыпанный для отправления тризны по герою, поэтому на Руси могло существовать несколько таких могил как в Киеве, так и в Ладогe, поскольку тризну по русскому князю справляли наверняка в разных местах.

Так как же объяснить то обстоятельство, что сведения об Олеге нашли отражение в саге? Только одним — древнерусский князь Олег был настолько значительной фигурой в истории того времени, настолько известным правителем и объединителем русских земель, что предания, связанные с его личностью, сохранились как в «Повести временных лет», так и в далекой полумифической саге — русском историческом и скандинавском эпическо-литературном произведении.

Олег остался в русской истории как объединитель северной и южной Руси в одно государство, слава о котором гремела и в Византии, и на Европейском Севере.

Когда сын Игоря и внук Рюрика — отважный князь-воин Святослав сражался с византийским императором Иоанном Цимисхием, он получил от последнего предупреждение с напоминанием о «жалкой судьбе» его отца, убитого одним из «германских племён» (так византийский историк назвал древлян). Правда, император умолчал о победоносном походе руси на Византию в 944 году и заключении выгодного для «варваров-скифов» мира. Но судьба князя Игоря действительно была печальной. Смерть настигла его не на поле брани, а на родной земле, от рук своих же подданных.

Игорь принял власть над Русью после смерти Олега. Таким образом, он был первым князем Рюриковичем, занявшим киевский престол. О ранних годах его жизни ничего неизвестно, за исключением того, что в 903 году ему привели жену Ольгу, родом из Пскова. Правление Игоря ознаменовалось несколькими крупными военными походами, причём не только в южном, но и в восточном направлении. Помимо Византии, русов привлекали берега Каспийского моря, манившего своими богатствами, ведь по Волге через море шёл знаменитый торговый путь, который связывал Русь со странами арабского Востока. На побережье Каспия раскинулись богатые земли и города, утопавшие в роскоши и достатке. Теперь это территории современных Азербайджана и северного Ирана. Сюда стекались товары купеческих караванов, плывших по Волге, здесь стоял город Дербент, ставший опорным пунктом арабского влияния на Северном Кавказе. Изобилие Каспия притягивало хищные взоры русов, недаром много позже, уже в другую историческую эпоху, сюда же в походы «за зипунами» отправлялись ватаги донских казаков (вспомним Степана Разина и персидскую княжну).

Но преградой на пути стоял Хазарский каганат. Однако поскольку Дербент и прикаспийские земли соперничали в торговых делах с Хазарией, правители каганата пропускали через свои земли отряды русов. Кроме того, по свидетельству уже упоминавшегося ал-Мас'уди, русы и славяне (арабские авторы, как правило, разделяют два этих понятия) состояли на службе у хазарского царя и даже находились в его войске.

Так что жителей Руси хорошо знали в Хазарии. В течение конца IX — первой половины X века русы совершили несколько походов русов на Каспий. Они удивительным образом соотносятся с походами Руси на Византию, что дало возможность историкам связывать оба направления русской военной активности между собой. Но сложно сказать, насколько каспийские походы были делом государственной политики того времени. Можно думать, что, по крайней мере, некоторые из них предпринимались на свой страх и риск отдельными отрядами русской дружины или просто организованными военными группами русов. О первом каспийском походе известно очень мало, и некоторые учёные даже сомневаются в его существовании.

Персидский автор XIII века Ибн-Исфендийар в своей «Истории Табаристана» (написана в 1216 — 1217 годах) упомянул о набеге русов на город Абаскун (Абесгун), который располагался на южном побережье Каспийского моря. Это произошло во время правления ал-Хасана ибн-Зайда, то есть между 864 и 884 годами. Более точно датировать это событие невозможно, но вероятно его связь с походом русов на Византию в 860 году. Пройдя через территорию хазар, с которыми, по всей видимости, существовала какая-то договорённость, русы двинулись вдоль каспийского побережья, всюду на своём пути производя «опустошения» и «грабежи». Захватить сам Абаскун не удалось. Подоспевшее войско ибн-Зайда разбило русов. Тот же Ибн-Исфендийар сообщает ещё о двух русских набегах, состоявшихся около 909—912 годов: «...В море появилось шестнадцать кораблей, принадлежавших русам, и пошли они в Абаскун, как и во время Хасана Ибн-Зайда Алида, когда русы прибыли в Абаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари (*город в северном Иране*)... увели в плен людей и поспешно удалились в море. Дойдя до Чашм-руда в Дейлемане, часть их вышла на берег, а часть осталась в море. Гилы (*жители Гиляна, ныне провинция Ирана*) ночью пришли на берег моря и сожгли корабли и убили тех, которые находились на берегу; другие, находившиеся в море, убежали. Поскольку царь ширваншах получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и в конечном счёте ни одного из них не оставил в живых, и так частое появление русов в этой стороне было приостановлено».

Как видим, набеги преследовали чисто грабительские цели. Такой же характер имел и поход, описанный ал-Мас'уди. Он состоялся вскоре после 912/913 года. Около 500 русских кораблей, на каждом из которых было по сотне человек, прошли через Чёрное и Азовское моря в Дон. Русы просили хазарского правителя пропустить их через земли каганата. Царь согласился при условии, что половину добычи русы отдадут хазарам. Поднявшись вверх по Дону, флотилия достигла Волги, потом суда перетаскивали волоком, и русы спустились в Каспийское море. Здесь они хозяйничали несколько месяцев: «...Их отряды отправились в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный го-

род Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли (дома)... При возвращении от набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда».

Царь Ширвана Али, собрав флот, попытался выбить русов с островов, но потерпел неудачу. Захватив большую добычу, войско вернулось на Волгу, и половина богатств, как и было условлено, отошла хазарскому царю. Однако хазарские мусульмане потребовали от царя расправиться с русами, чтобы отомстить за смерть своих единоверцев на Каспии. Царь не смог предотвратить стычку, но послал к русам предупредить о готовящемся нападении. Это не спасло русские отряды. В жестокой битве в низовьях Волги русы были уничтожены, а уцелевшая часть спаслась бегством на север, где была истреблена буртасами и волжскими булгарами. Так трагически завершился этот стремительный рейд на Каспий, и, вероятно, следует согласиться с мнением М. И. Артамонова, что этот поход «не был официальным предприятием Русского государства, а был организован на свой страх и риск варажско-русской дружиной».

Последний русский поход на Каспий произошёл, очевидно, уже после гибели князя Игоря. О нём сохранились сведения в нескольких источниках, наиболее важным из которых является труд персидского историка, писавшего по-арабски, — Ибн-Мискавейха, умершего в 1030 году. Его «Книга испытания народов и осуществления заданий» представляет собой историческую хронику, доведённую до начала 980-х годов. При описании каспийского похода русов Ибн-Мискавейх ссылается на свидетельства очевидцев. На этот раз русы направили свой главный удар на город Бердаа, стоявший близ реки Курь. Для нападения они выбрали удачный момент, поскольку местный правитель Марзубан Ибн-Мухаммед в это время воевал в Сирии. Небольшой гарнизон города не смог оказать сколько-нибудь заметного сопротивления. Русы без труда овладели городом, но, в отличие от предшествующих набегов, заявили местным жителям, что обещают им свободу и защиту при условии подчинения. Иными словами, русы пытались установить в Бердаа свою власть. Но мирные отношения длились недолго. Горожане сопротивлялись, и русы часть их перебили. Оставшимся пришлось выкупать свою жизнь, причём в обмен на ценности русы выдавали кусок глины с печатью, что было гарантией от последующих грабежей. Тем временем Марзубан подоспел со своим войском к Бердаа, но так и не смог выбить оттуда русов. Осада затянулась. Среди русов начался эпидемия, возможно, вызванная попытками горожанок их отравить. Измотанные болезнями и беспрестанными стычками, потеряв в одной из вылазок своего предводителя, захватчики решили оставить город. Ночью с большой добычей они прорвались к Куре, сели на свои корабли и отплыли на родину.

Об этих событиях рассказывают также армянский историк X века Мовсес Каганкатваци, арабский автор XIII века Ибн ал-Асир и некоторые другие. Поход на Бердаа, по-видимому, следует датировать 945 годом. Он интересен, прежде всего, тем, что, как мы уже отмечали, русы не просто грабили прикаспийские земли, но и пытались установить в них свою власть.

Однако с князем Игорем все эти набеги непосредственно не связаны. Он возглавлял «главные» походы Руси — на Византию. Первый из них состоялся в 941 году. Вот как его описывает «Повесть временных лет»: «Пошёл Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать... А кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли. Хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и сёла пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины... то окружили русь. Русские же, посоветавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же (*византийский военачальник*) встретил их в ладьях с огнём (*смесь горючих веществ, разливавшаяся по воде*) и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламя, бросились в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились домой. И придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки и, пуская её, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них».

Рассказ об этом походе сохранился и в «Хронографии» византийского автора, условно называемого Продолжателем Феофана: «Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта (941 г.) на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы... Против них со всеми дромонами и триерами (*военные корабли*), которые только оказались в городе, был отправлен патрикий (*высокий титул в Византии*). Он снарядил и привёл в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (*Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь идущим в ночи*), патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт... неожиданно напал на них... Первым вышедший на своём дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнём, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а ещё больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу... И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов (*военная должность*) патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию (*византийская провинция на побережье Малой Азии*) изрядный отряд, чтобы заставить провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов... Много злодеяний совершили росы до прихода ромейского войска: предали огню побережье, а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продоволь-

ствие, они боялись наступающего войска... не меньше опасались и морских сражений и искусных манёвров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта (*сентябрь того же 941 г.*) ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не сумели укрыться от его неусыпной и до блестной души. Тотчас же завязывается второе сражение, и множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтён саном паракимомена (*высокий придворный титул*)».

А вот как о том же пишет кремонский епископ Лиудпранд, дважды побывавший в Византии в качестве посла (в 949 и 968 годах), в своём произведении «Возмездие»: «Королём этого народа (*руси*) был (некто) по имени Ингер (*Игорь*), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман (*византийский император Роман Лакапин*), услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь его флот был отправлен против сарацин (*арабов*)... После того как он провёл немало бессонных ночей в раздумьях, а Ингер разорял всё побережье; Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландий (*тип кораблей*), брошенных их владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе корабельных плотников и сказал им: «Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнемётные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того — даже по бортам». Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытейших мужей и приказал им двинуться против короля Ингера. Наконец они прибыли. Завидев их расположившихся в море, король Ингер повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить почитающих Его, поклоняющихся и молящихся Ему, но и даровать им победу, сделал так, что море стало спокойным и свободным от ветров — иначе грекам было бы неудобно стрелять огнём. Итак, расположившись посреди русского флота, они принялись метать вокруг себя огонь. Увидев такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обременённые панцирями и шлемами, шли на дно, и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн. В тот день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не могли сделать греческие хеландии из-за своей глубокой посадки. После этого Ингер в великом смятении ушёл восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, везя с собой многих оставшихся в живых русских пленных, которых Роман повелел всех обезглавить...»

Итак, первый поход закончился поражением. Но в 944 году Игорь решил повторить кампанию. «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошёл на греков в ладьях и на конях, стремясь

отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы (*жители крымского города Херсонеса*) послали к Роману (*византийскому императору Роману Лакапину*) со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море кораблями». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, царь послал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и ещё к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и стал с ней держать совет, и поведал ей речь царёву. Сказала же дружина Игоря: «Если так говорит царь, то чего нам ещё нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть, нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришёл к Киеву восвояси».

После этого похода византийцы поспешили заключить с Русью мир. Он был скреплён договором, утверждённым осенью 944 года. Этот русско-византийский договор вошёл в текст «Повести временных лет», и благодаря ему мы многое знаем о политической и экономической жизни Древнерусского государства, о его международных связях. Этот договор интересен ещё и тем, что в нём упоминается целый ряд русских князей, которых представляли их послы. Свои послы были у Игоря, его жены Ольги и Святослава. Кроме того, согласно договору, у Игоря были племянники от сестёр — Игорь и Акун. Упомянуты и другие лица, возможно, также принадлежавшие к роду Рюрика: Володислав, Улеб, Предслава, но в какой степени родства они состояли с Игорем, неизвестно. Историки неоднократно по-разному пытались очертить родственный круг упомянутых в договоре людей, но все эти гипотезы так и остаются не более чем гипотезами. Ясно одно — династия Рюриковичей уже в середине X века была довольно большой и разветвлённой, однако сведений о её боковых ветвях русские летописи не сохранили.

Известен и ещё один русский князь — некий Хелгу (скандинавский прототип имени Олег), который упомянут в так называемом Кембриджском документе. Это письмо некоего хазарского иудея, подданного хазарского царя Иосифа, неизвестному лицу, отправленное, вероятно, из Константинополя. Оно было обнаружено в 1912 году американским учёным С. Шехтером среди рукописей Кембриджской университетской библиотеки. Исследователи считают его подлинным документом X века.

Среди прочих, в письме описываются и события, имеющие непосредственное отношение к Руси. После гонений на иудеев в Византии при Романе Лакапине и ответных гонений на христиан царя Иосифа Роман послал большие дары царю Руси Хелгу и побудил его напасть на город Самкрай (Самкерц), то есть Тмутаракань, принадлежавший хазарам. Хелгу захватил город ночью, воспользовавшись отсутствием градоначальника. Тогда хазарский наместник в Керчи по имени Песах начал разорять византийские владения в Крыму, взял три города и осадил Шуршун (Херсон). Взяв дань с горожан, Песах освободил многих пленных хазар в Херсоне и начал войну с Хелгу, которая закончилась поражением последнего. Песах принудил Хелгу напасть на Византию,

и русское войско четыре месяца с моря осаждало Константинополь. Оно было разгромлено византийцами с помощью «греческого огня», Хелгу бежал, «постыдился вернуться» в свою страну, ушёл морем в Парас (Персию) и там погиб со всем своим войском. Тогда Русь подчинилась хазарам — завершает рассказ автор письма.

События, описываемые в документе, относятся ко времени между 932 годом (когда Роман Лакапин устроил гонения на иудеев, а царём Хазарии примерно в это же время стал Иосиф) и 944 годом (конец правления Романа). Ясно, что в письме говорится о походе Руси на Византию в 941 году. Но дальнейшая судьба Хелгу заставила некоторых исследователей связать сведения Кембриджского документа с известиями о походе русов на Бердаа. Конечно, больше всего вопросов вызвала личность самого «царя» Хелгу. Одни считали, что речь идёт об Игоре, а Хелгу — это его титул («священный»), другие — что о самом вешем Олеге (в связи с этим хронология жизни Олега удлинялась), наконец, третьи видели в Хелгу правителя какой-то самостоятельной части Руси (может быть, причерноморской или тмутараканской) или просто независимого от Киева воеводу, названного почему-то «царём». Вопросы так и остаются пока без ответа. Очевидно лишь, что сведения об Олеге и русском походе 941 года всё-таки отразились в этом источнике, достоверность которого повышается временем его создания, но не бесспорна из-за тенденциозного преувеличения (русы попали под власть хазар) или плохой информированности автора. Не удаляясь в область перагагировок, можно лишь отметить, что в середине X века на Руси действовал какой-то князь Олег, возможно, родственник династии Рюриковичей.

Вскоре после заключения договора 944 года князь Игорь отправился в полюдье. Каждый год поздней осенью, в ноябре, русские князья отправлялись по подвластным племенам собирать с них дань. В полюдье князя сопровождала его дружина, роль которой в государственном управлении того времени была необычайно велика. Так и осенью 944 года Игорь, как всегда, поехал за данью и в том числе собрал её с племени древлян. Древляне, столицей которых являлся город Искоростень, жили недалеко от полян, чьим центром исстари был Киев. Однако княжеская дружина потребовала большей дани, чем обычно, и потому Игорь взял с древлян вдвое больше. Но, возвратясь в Киев, он подумал, что добыча могла бы быть ещё большей. Тогда с малой дружиной он повернул назад и вновь появился в Искоростене, требуя дополнительного сбора. Древляне во главе со своим князем Малом собрались на вече. «Если поведится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьём его, то всех нас погубит», — решили они. «И послали к нему, — свидетельствует летопись, — говоря: «Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало».

По сообщению византийского историка Льва Диакона, смерть князя была ужасной. Древляне привязали его за руки к двум согнутым стволам деревьев, потом отпустили их, и тело несчастного князя оказалось разорванным надвое.

Ясным осенним утром жители столицы могущественной Византии — Константинополя стали свидетелями примечательного события. В городской гавани стояли большие богато украшенные ладьи, на которых с многочисленной свитой к императору Константину Багрянородному прибыла правительница северной варварской страны — Ольга, «архонтисса росов». Русскую княгиню сопровождало целое посольство, среди которого выделялся и христианский священник Григорий. Гордо ступила правительница Киева под своды императорского дворца. В огромном, поражавшем великолепием тронном зале состоялся прием у василевса. Константин долго беседовал с Ольгой и дивился её разуму и красоте. По словам летописи, он даже сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Ольга же, поразмыслив, отвечала: «Я — язычница, если же хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». «И крестил ее царь с патриархом, — продолжает летопись. — И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил её патриарх, и отпустил. После крещения призвал её царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Переключала (*перехитрила*) ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки (*ткани*), и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью».

Так повествует «Повесть временных лет» о крещении княгини Ольги. Ольга стала первой христианкой в княжеской семье, и потому Русская православная церковь причислила её к лику святых и почитает в качестве равноапостольной, то есть крестительницы, провозвестницы русского православия. Между тем земная жизнь русской княгини была бурной и неоднозначной. Мы мало что знаем о ней, ведь исторических источников от той далекой эпохи сохранилось слишком мало, и скупы они на многие фактические подробности. Тем не менее попытаемся рассказать о жизни и государственной деятельности этой примечательной женщины, первой женщины на Руси, о которой сохранила история память. Происхождение Ольги окутано туманом тайны. Русские летописи говорят лишь, что родом она была из древнего рус-

ского города Плескова, который позже стал называться Псковом. Да и сам Псков впервые упоминается в летописи как раз в связи с рождением княгини. Кем она была по происхождению — славянкой или варяжкой, из бедной семьи или из знатной, — неизвестно. Знаем только, что в 903 году её «привел» в качестве невесты княжичу Игорю его воспитатель и пестун князь Олег. Тогда Игорь уже возмужал, пришло ему время жениться, и Олег выбрал для своего подопечного жену. Интересно, что само имя Ольга представляет собой женскую форму имени Олег. Связаны эти два исторических персонажа и в другом смысловом контексте: ведь Олег в русских летописях называется вешим, а Ольга — мудрой. Она как бы продолжила духовную традицию своего великого предшественника и «передала» свою мудрость внуку Владимиру. Эта внутренняя связь была для русских книжников очень важна, может быть, именно поэтому имена Ольги и Олега в летописных известиях связаны друг с другом. Уже позже в исторических памятниках появится и псковское село Будутино (или Выбутино), исстари принадлежавшее Ольге, там потом якобы появится на свет и Владимир. Вот почему некоторые историки прошлого даже предполагали, что Ольга являлась родственницей вешему Олегу, и семья его таким образом породнилась с княжеской династией Рюриковичей. Но все это лишь предположения.

Много позже, в XV—XVI веках, возникли разные легенды о происхождении Ольги, так или иначе пытавшиеся объяснить, почему же именно её взял в жены князь Игорь. Одна из таких легенд считала, что происходила Ольга якобы из рода болгарских князей и родилась в древней болгарской столице городе Плиске (так преобразилось в сознании создателя легенды название русского Пскова — Плескова). Теперь всё становилось на свои места. Ольга — не просто неизвестная девушка, а ровня русскому князю. Болгария в те времена уже была христианской страной, там развивалась и славянская письменность, распространяемая учениками солунских братьев — Кирилла и Мефодия. Потому и была Ольга милостива к христианству, потому и хотела крестить всю Русь. А если она и вправду была болгарской княжной, тогда понятной становится и внешняя политика её сына Святослава, воевавшего с Византией и Болгарией, буквально «рвавшегося» из Руси на юг и хотевшего даже сделать своей столицей город Переяславец-на-Дунае. Ведь Святослав оказывался потомком болгарских царей! Но эта красивая легенда вряд ли соответствует истине. Ведь возникла она спустя много веков после жизни княгини, когда на Руси широко распространилось влияние культуры балканских, южнославянских народов, а сама Русь стала наследницей гибнувшей Византии.

Когда Ольгу канонизировали, когда прославили её русский народ, появились и легенды о её жизни, а некоторые из них даже вошли в её жития. Одно из таких преданий рисует Ольгу простой крестьянской девушкой, родившейся в селе Выбутино. Как-то раз в тех местах появился Игорь. Он охотился в псковских лесах, а Ольга перевезла его в лодке через реку. Игорь был поражен её красотой и потом женился на ней. Эта сказочная легенда сделала Ольгу плотью от плоти, кровью от крови русского народа — и её простое происхождение подчеркивало её величие. Крестьянская девушка, ставшая русской княгиней, крестив-

шаяся в Константинополе, принесла христианскую веру — православную — на нашу родину, и весь народ обратился к ней. Выходит, местной была эта девушка, привнесшая исконные традиции в иноземную княжескую династию.

А первый русский историк В. Н. Татищев даже сделал Ольгу внучкой новгородского старейшины Гостомысла, правившего на Руси еще в дорюриковы времена. Ольга теперь появилась на свет не в Пскове или в Выбутине, а в другом древнем городе — Изборске, да и подлинным именем ее было Прекраса, Ольгой стала она «в супружестве». Такова «участь» героев древней истории всех народов. Скупые слова исторических памятников оставляют слишком много вопросов, и последующие поколения стремятся добавить что-нибудь новое, наполнив известные факты интересным содержанием и расцветив рассказ яркими подробностями. Говоря об Ольге, мы не раз ещё столкнемся с разнообразными легендами и многочисленными загадками, которыми так изобилует начальная русская история.

После сообщения о женитьбе Игоря и Ольги летопись ничего не говорит о судьбе княгини на протяжении целых 40 лет. Да и о самом князе Игоре известно не слишком много. Его внешняя политика была столь же активной, хоть и не столь удачной, как деятельность его предшественника Олега. Игорь ходил войной на Византию в 941 году, но потерпел сокрушительное поражение. Через три года он решил повторить поход. На этот раз собрав громадное войско, Игорь двинулся на империю через территорию соседней Болгарии, и приближение столь внушительной силы не на шутку встревожило византийцев. Греки прислали посольство и поспешили заключить мир, не доводя дело до войны. Русско-византийский договор 944 года вошел в текст «Повести временных лет», и благодаря ему мы многое знаем о политической и экономической жизни Древнерусского государства, о его международных связях. Воевал Игорь и с печенегами, в начале X века появившимися в южнорусских степях. Совершали русы походы на Каспий, приводя в ужас местных мусульманских правителей. Но жизнь Игоря оборвалась трагически.

Гибель мужа потрясла Ольгу. Вскоре к ней явилось древлянское посольство. Двадцать «лучших мужей» приплыли в ладье в Киев и пришли к княгине, говоря: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойді замуж за князя нашего за Мала». С точки зрения современного человека, такое предложение выглядит по меньшей мере странным, однако в древних обществах такое вполне могло быть: победитель, убийца правителя, мог вместе с властью взять в жены и вдову убитого. Таким образом, как бы обеспечивалась законная преемственность власти. Но Ольга не согласилась с этим предложением. Она задумала жестоко отомстить древлянам за смерть мужа.

Первому посольству она сказала, что хочет воздать ему честь и завтра пригласит в княжеский терем. Но на приглашение княгини послы должны были отвечать: «Ни едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье». Так и случилось, а перед этим княгиня при-

казала выкопать во дворе большую яму. Когда же послов принесли в ладье, Ольга приказала бросить их в яму и живых засыпать землей. При этом она спросила их: «Хороша ли вам честь?» — на что посланцы Мала отвечали: «Горше нам Игоревой смерти». После этого Ольга послала к древлянам сказать: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Древляне отправили второе посольство (странно, что, согласно летописи, даже не поинтересовались, что же случилось с первым). Новым послам Ольга приказала вымыться в бане, прежде чем прийти к ней. Древлян заперли в бане и подожгли. Так погибло второе посольство древлян. Тогда княгиня послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте мёды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему мужу». Древляне свезли к могиле Игоря много мёда (под мёдом в Древней Руси подразумевался терпкий, хмельной напиток), туда же пришла с небольшой дружиной и Ольга. Началась тризна, то есть большой поминальный пир. Древляне напились, и Ольга приказала своим дружинникам перебить их. 5000 древлян погибли от мечей киевских воинов.

После этого Ольга вернулась в Киев и собрала войско. Вместе с ней отправился на войну и сын Святослав. Летопись рисует его маленьким мальчиком, но поскольку, по традиции, именно князь должен был начать битву, бросив во врага копье, то и Святослав бросил своё копье, упавшее прямо перед его конем. Киевское и древлянское войско схлестнулись в сражении. Древляне были разбиты и бежали в Искоростень. А Ольга, подойдя к городу, начала его осаду. Взять древлянскую столицу с ходу не удалось. Осажденные отчаянно сопротивлялись. Все лето простояла Ольга под Искоростенем и, наконец, придумала новую хитрость. Она предложила древлянам мир, с условием, что они выплатят ей дань. «Нет у вас теперь ни мёду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости», — лгливо заявила она. Получив требуемую дань, княгиня раздала своим воинам по птице и распорядилась привязать к лапкам голубей и воробьев паклю и зажечь её. Вечером голуби и воробьи были пущены на волю и полетели в свои гнезда, в город. Скоро весь Искоростень запылал в огне страшного пожара. Обезумевшие люди бросились за крепостные стены, но тут их настигали дружинники Ольги и безжалостно убивали. От города остались дымящиеся руины, население было частью убито, а частью пленено. Оставшиеся должны были платить непомерную дань, треть которой шла в личную казну княгини в город Вышгород. Так рассказывает «Повесть временных лет» о расправе Ольги над древлянами.

Все это повествование пронизано легендарными мотивами. Историки давно обратили внимание на то, что три мести Ольги древлянам соответствуют элементам языческого похоронного обряда: сначала покойника несли в ладье, затем сжигали, а потом следовала тризна по умершему. Мотив сожжения в доме (или вообще в замкнутом прост-

ранстве) распространен в легендах ряда народов. В качестве примера можно привести рассказ о шведской королеве Сигрид Гордой, которая сожгла двух своих женихов во время пира в доме. Кстати, одним из них был некий конунг Виссавальд (Всеволод) из Руси. Сигрид жила в конце X века, и, может быть, мотив об Ольге отразился и в рассказе о Сигриде? Но как бы то ни было, сказания о мести Ольги вполне вписываются в общий контекст языческой обрядности. Так, например, описание тризны, во время которой погибло 5000 древлян, исследователи сопоставили с описанием похоронного обряда гуннов над их вождем Аттилой, который умер в 453 году, — и оба описания свидетельствуют о схожести обрядов.

Сожжение Искоростеня с помощью птиц легендарно. На самом деле практически такое неосуществимо, ведь птицы с горящей паклей не летят обратно в свои гнезда. Однако обычай поджигать птицам хвосты вообще очень древний — он имел культовое значение. Его применение в качестве военной хитрости (реально невозможной) отмечено в легендах многих северных народов, в том числе в Англии, в Скандинавских странах. Вполне вероятно, что эти предания имеют какой-то общий фольклорный источник, отразившийся и в летописном рассказе об Ольге.

Разгромив древлян, Ольга решила предотвратить подобные мятежи впоследствии. Поэтому она установила точные размеры полюдьи и определила конкретные места сбора дани. Такие нововведения она сделала не только в Древлянской земле, но также и в Новгородской, и на тех территориях, которые подчинялись киевской власти. Таким образом она стремилась укрепить внутреннее единство Древнерусского государства. И действительно, за время её правления мы не встретим упоминаний о том, чтобы какие-либо из племен вышли из-под контроля киевской княгини.

Наконец, важнейшим достижением Ольги следует считать установление мирных отношений с Византийской империей. Империя, разумеется, относилась к Руси как к варварской стране, разговор с которой возможен только с позиций силы. Все предшественники Ольги — Аскольд и Дир, Олег, Игорь — воевали с Византией. После нескольких походов заключались и мирные договоры, но целью русских князей в основном оставалась нажива. Русским купцам необходимо было обеспечить свободу торговли в Средиземноморском регионе, и достигалось это также военными походами. Ольга пошла совсем по другому пути. С этой целью она и совершила свою знаменитую поездку в Константинополь.

До сих пор точно не определена сама дата этого знаменательного события. Русские летописи в большинстве своем датируют поездку Ольги 955 годом. Но упоминания о приемах русской княгини оставил и сам император Константин Багрянородный в своём сочинении «О церемониях византийского двора». Однако он, к сожалению, тоже не указал год, хотя пометил два приема архонтиссы росов 9 сентября, в среду, и 18 октября, в воскресенье. Путем соотнесения числа и дня недели можно определить, что приемы Ольги, о которых говорит Константин, состоялись или в 946 или в 957 году. Конечно, Ольга могла

добывать в Константинополе и не один раз, но ситуация осложняется тем, что русские летописи свидетельствуют о крещении княгини именно в Византии, а Константин совершенно не упоминает об этом. Хотя, в общем, это можно объяснить, ведь цель сочинения византийского императора состояла совсем в другом — дать конкретные рекомендации на конкретных примерах по дипломатическому этикету. Однако и имя княгини в его трактате — Эльга, а никак не Елена, то есть она фигурирует в сочинении императора под своим языческим, а не христианским именем.

Все эти противоречия породили множество разнообразных гипотез в исторической науке. Одни историки считали, что Ольга ездила в Константинополь и крестилась там в 957 году, и объявляли дату русских летописей ошибочной. Другие полагали, что Ольга побывала в Константинополе дважды или даже трижды. Третьи вообще считали, что княгиня крестилась уже в Киеве, а в Византию отправилась христианкой. Основанием для этого служил и факт присутствия в свите Ольги священника Григория. Но ведь само по себе это ещё мало о чем говорит. Григорий мог быть переводчиком, духовником одного из послов — христианина или же готовил Ольгу к принятию такого важного таинства. Возникло предположение, что княгиня вторично крестилась в Константинополе, уже официально, а до того времени была тайной христианкой. В общем, версий достаточно. Сейчас распространено несколько мнений, в том числе и о поездке Ольги в 946 году. Такая дипломатическая миссия, когда Ольга только-только утвердилась на киевском престоле, выглядит вполне естественной — необходимо было заручиться поддержкой могущественного южного соседа. В то же время Ольга могла приезжать в Византию и в дальнейшем.

Как бы то ни было, поездка Ольги имела два важнейших результата. Во-первых, между Русью и Византией надолго установился мир, а русские воины в качестве союзников или наемников даже участвовали в военных действиях византийской армии и флота в Сирии, на юге Франции и в Италии. А во-вторых, и это самое главное, — Ольга стала христианкой. Она приняла новое имя Елена, так звали мать римского императора, основавшего Константинополь, Константина Великого, и жену самого Константина Багрянородного.

Конечно, рассказ летописи о сватовстве императора к Ольге не следует воспринимать буквально. Константин тогда был женат и, разумеется, прекрасно знал, что крестный отец не может жениться на крестной дочери. Легенда о сватовстве подчеркивала высокое положение Ольги и её общение на равных с правителем могущественнейшей в ту пору державы. С другой стороны, она объясняла крещение Ольги, демонстрировала её хитрость, которая помогла ей принять новую веру.

Ольга стала первой христианкой в княжеской семье, но поездка в Византию показала ей, что, пока Русь остается языческой страной, она не сможет на равных поддерживать отношения с другими сильными государствами. Поэтому Ольга, как могла, пыталась распространить христианство на Руси. Однако все её усилия оказались тщетны. Когда она предложила креститься своему сыну Святославу, он лишь

презрительно усмехнулся в ответ. Против крещения была настроена княжеская дружина, ей выгодно было воевать с другими странами и безнаказанно грабить их. А против княжеской дружины князь выступать не мог — он был силен лишь до тех пор, пока его поддерживали его дружинники. Поэтому отношения Ольги и Святослава оставались натянутыми. Кроме того, видимо, не находя поддержки у Византии, Ольга обратилась к западному христианству.

В латинской хронике, которую на рубеже IX—X веков начал аббат Прюмского монастыря, расположенного к северу от города Трира, по имени Регинон, а продолжил первый архиепископ города Магдебурга Адальберт, рассказывается об этой попытке. Причем Адальберт писал о себе самом, поскольку именно он и возглавил миссию на Русь. В 959 году к немецкому королю Оттону I прибыло посольство от «королевы ругов Елены» с просьбой отправить на Русь епископа и священников. В 961 году Оттон назначил епископом Адальберта, и тот поехал на Русь. Но его миссия провалилась. Через год «Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся». Вот, вероятно, почему князь Владимир ответил посланцам Рима на призыв принять христианство «их образца»: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Все же пусть небольшая, но христианская община в Киеве существовала. Стояла и первая русская церковь — Святого Ильи.

Итак, Ольга стала русской княгиней, но когда же князем сделала её сын Святослав? Во всех источниках мы видим Ольгу самостоятельной, полноправной княгиней. Описание её приема Константином Багрянородным говорит о том, что дары, поднесенные послам Святослава (в отличие от послов Ольги), были чрезвычайно скромными. Цифры денежных сумм настолько малосопоставимы, что «объем полномочий княгини во время малолетства Святослава следует трактовать не как простое регентство, а как абсолютное полномочие, при котором окружавшие подраставшего наследника люди занимали третьеразрядное место в киевской придворной иерархии» (Г. Г. Литаврин).

В известии Адальберта о посольстве к королю Оттону I упоминается только Ольга как «королева» Руси. Везде Ольга выступает как полноправная правительница. Но, открыв любой учебник истории, мы почему-то увидим такие даты княжений: Ольги — 945–964 годы, а Святослава — 964–972. Почему же возникли такие датировки? В летописях ничего не говорится о передаче Ольгой власти сыну в 964 году. Просто сообщается, что он «возмужал» (странно поздно — в 22 года, если исходить из даты его рождения — 942 год, в таком случае «регентство» Ольги слишком затянулось) и начал военные походы, что отнюдь не свидетельствует о начале самостоятельного княжения. Резкий переход Святослава к активным внешнеполитическим действиям истолковывался некоторыми историками даже как государственный переворот. С этим, в частности, связывался факт неудачи миссии Адальберта, а следовательно, и всей политики христианизации, про-

водимой Ольгой. Языческая сила взяла верх, и власть ушла из рук христианской партии.

Но в любом случае и добровольная передача власти, и государственный переворот предполагают, прежде всего, захват рычагов управления, контроль над внутренней ситуацией. В случае Святослава этого не наблюдается. Он проявляет исключительно внешнеполитическую активность, его внимание направлено вовне Руси, а Ольга всегда находится в Киеве и даже пытается защищать город от печенегов в 968 году. Думается, что Ольга никогда не отдавала власть сыну. Она вплоть до своей смерти сохраняла положение полновластной правительницы, а бурная военная деятельность Святослава, буквально рвавшегося за пределы Руси, ясно показывает, КТО на самом деле управлял государством. Интересно отметить, что Святослав, вернувшись из очередного похода, раздал сыновьям уделы на Руси в 970 году, только после смерти матери, когда уже вся полнота власти принадлежала ему.

В 968 году Ольга с сыновьями Святослава жила в Киеве, в то время как сам Святослав был на Дунае. В этот год, по рассказу летописей, на Русь пришли орды степного народа — печенегов, кочевавших по бескрайним просторам к югу от Древнерусского государства. Они взяли Киев в осаду, «и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды». Уже хотели было киевляне сдать врагу, не надеясь на помощь русских дружин во главе с воеводой Претичем, стоявших далеко за Днепром, но тут один мальчик решил отправиться за подмогой. Ночью он перебрался через городскую стену и вошел в печенежский стан. Враги не спали, они сидели вокруг костров и мечтали о богатой добыче, которую надеялись захватить в Киеве. Мальчик шел между кострами, держа в руках уздечку, и спрашивал, не видел ли кто его коня. Поскольку он говорил по-печенежски, степняки принимали его за своего. Так добрался молодой киевлянин до Днепра и под градом печенежских стрел переплыл на другую сторону. Русский воевода узнал, что творится в Киеве, и на следующее утро его воины стали собираться в поход. Поднявшийся шум испугал печенегов, подумавших о подходе дружинников Святослава. В страхе бежали они из-под стен города. Киевляне сразу же послали за Святославом: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Святослав спешно вернулся со своей дружиной, в жарких схватках разбил печенегов и отогнал их в степь. Киев был спасен.

Но Святослав не хотел оставаться на Руси и вновь собрался на Дунай. Ольга же заболела и просила сына не уезжать до её смерти. «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь», — сказала она. Через три дня, 11 июля 969 года Ольга умерла и была похоронена по христианскому обряду. В 1007 году её останки перенесли в Десятинную церковь, построенную в 996 году. Дело княгини продолжил её внук — князь Владимир, крестившийся в 988 году и затем распространивший христианство по всей Руси.

СВЯТОСЛАВ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Время рождения сына Игоря и Ольги — князя Святослава вызывает вопросы. «Повесть временных лет» не датирует это событие, отмечая лишь, что в 945–946 годах Святослав был ещё ребёнком. Когда войска Ольги и древлян стояли напротив друг друга, готовые к битве, сигналом к сражению послужило копье, брошенное Святославом в сторону врага. Но поскольку он тогда ещё был мал, копье упало впереди его коня. Некоторые древнерусские летописи, в том числе Ипатьевская, отмечают рождение Святослава под 942 годом. Это, впрочем, противоречит другим летописным данным: ведь Игорь родился в конце 870-х годов, Ольга в 880-х — самое позднее в начале 890-х, а поженились они в 903 году. Получается, что только через 40 лет брака у двух пожилых людей родился сын, что выглядит маловероятным. Поэтому учёные пытались как-то объяснить эти противоречия.

К сожалению, и здесь не обошлось без нигилизма. Так, археолог С. П. Толстов писал даже, что «генеалогия Рюриковичей до Святослава шита белыми нитками», а Л. Н. Гумилёв полагал, что Святослав вообще не был сыном Игоря (или был сыном другого Игоря, не Рюрика). Но источники не дают возможности усомниться в прямом родстве Святослава с Игорем и Ольгой. Не только русские летописи, но и иностранные авторы, такие, как Лев Диакон и Константин Багрянородный, называют Святослава сыном Игоря и Ольги.

Найти выход из сложной хронологической ситуации могут помочь дополнительные сведения из некоторых исторических произведений. Согласно «Летописцу Переяславля-Суздальского», Владимир, умерший в 1015 году, прожил 73 года, то есть родился в 941–942 годах, а ведь он не был первенцем Святослава. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский также писал о преклонном возрасте Владимира, умершего «отягчённым годами». А по данным В. Н. Татищева, сославшегося в данном случае на Ростовскую и Новгородскую летописи, Святослав родился в 920 году. И наконец, сообщение Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении Империей» (составлен в 948–952 гг.) о том, что сын Ингора Сфендослав сидел в Немогарде (большинство исследователей видят в этом названии Новгород). Повидимому, Святослав княжил в Новгороде до того, как официально

стал князем киевским, то есть до осени 944 года. В таком случае совершенно непонятно, как двухлетний младенец мог княжить в таком крупном центре Руси да ещё и посылать своего представителя на русско-византийские переговоры (при заключении договора 944 года Святослав был представлен отдельным послом). Конечно, можно предположить, что за Святослава правил его кормилец Асмуд, то есть и княжение, и посольство были простыми формальностями, но тогда какой они имели смысл? Княжичи на Руси могли принимать участие во взрослой жизни с семи-восьми лет, но чтобы младенец двух лет был представлен особо на внешнеполитических переговорах и формально был князем во втором по значению русском городе (причём Константин пишет, что Святослав именно «сидел», княжил, а не просто владел) — такого никогда не бывало ни до, ни после Святослава!

Всё это позволяет сделать вывод, что Святослав родился раньше 942 года, возможно, в начале 920-х годов, то есть на 20 лет ранее датировки Ипатьевской летописи. Ошибку можно объяснить, предположив, что около 942 года родился не Святослав, а кто-то из его сыновей. На ещё одну сторону этой проблемы обратил в своё время внимание великий историк С. М. Соловьёв. По летописям известен рассказ о том, что мать Святополка Окаянного была приведена сыну Святослава Ярополку в жёны отцом, причём первоначально она была монахиней. Если за этой легендой стоит исторический факт, то в 970 году Ярополк уже был женат, что плохо согласуется с датой рождения Святослава в 942-м. Соловьёв объяснил это тем, что князья могли женить и своих малолетних детей, даже если невеста намного старше: «Разница лет при многожёнстве ничего не значила». Однако само летописное известие лишний раз свидетельствует о сложности рассматриваемой проблемы.

При анализе датировки рождения Святослава бросается в глаза аналогия с таким же поздним рождением Игоря. По летописным данным, Игорь в момент смерти Рюрика был ещё очень мал (по Воскресенской летописи — двух лет от роду). Святослав как бы повторяет эту ситуацию: ему примерно три года (если признать, что Игорь погиб поздней осенью 944 года, то Святославу тоже было два года). При Игоре воспитатель Олег, который фактически является самостоятельным князем вплоть до своей смерти. При Святославе — Ольга, которая также удерживает бразды правления в своих руках очень долго. Может быть, с помощью аналогии с Игорем летописец попытался объяснить фактическую узурпацию власти Ольгой, представив Святослава ребёнком?

Если Святослав родился раньше, то получается, что Ольга просто отстранила сына от верховной власти. Может быть, в этом следует видеть одну из причин его безудержной военной активности?

Интересно, что, принадлежа к варяжской по происхождению династии, Святослав носил чисто славянское имя. У Константина Багрянородного и Льва Диакона имя князя передано как Сфендослав, что доказывает сохранение в то время в славянском языке носовых гласных. Факт первоначального княжения Святослава в Новгороде можно рассматривать, по сути, как самое раннее проявление династической

традиции Рюриковичей сажать на новгородский стол старшего сына, наследника или одного из сыновей великого князя. Таким образом, подчёркивалось и единство двух важнейших древнерусских центров и особое положение Новгорода в системе Древнерусского государства. Святослав начал эту традицию, возникшую почти сразу после оформления Киева как древнерусской столицы (Игорь — первый киевский князь из рода Рюриковичей).

Святослав прославился как отважный и доблестный витязь, деливший со своими дружинниками все трудности и лишения. Он не возил с собой шатра, постели, посуды и котлов, не любил дорогой одежды, а вместе с воинами спал под открытым небом, на земле, положив под голову седло, ел полусырое мясо, испечённое на углях. Под стать образу жизни была и внешность князя — могучего богатыря, закалённого в лишениях и грозного на вид. Святослав был смелым и талантливым полководцем — враги боялись его. «Иду на Вы!», то есть иду на вас, — так обычно предупреждал он противника перед началом войны.

Почти всю свою жизнь Святослав провёл в войнах с соседними государствами. В 964 году он двинулся в земли вятичей, плативших дань хазарам. Это был первый удар по могуществу Хазарского каганата. Вятичи жили в междуречье Оки и Волги, этот глухой край отделяли от остальной Руси дремучие, труднопроходимые леса, и поход туда стал первым подвигом Святослава (много позже Владимир Мономах с гордостью писал, что прошёл сквозь землю вятичей). Затем в 965 году Святослав разгромил Хазарский каганат. Он взял важную крепость, защищавшую Хазарию с Дона, — Белую Вежу (Саркел). Саркел был построен для хазар византийцами ещё в конце 830-х годов. Теперь вся Волга оказалась под контролем Руси, и это не могло не обеспокоить византийцев. С богатыми дарами в Киеве появился посланец Константинополя сановник Калокир, который предложил Святославу направить свой удар на Дунайскую Болгарию. В то время она вышла из-под контроля Византии и перестала соблюдать условия мирного договора, ранее заключённого между двумя странами. Святослав, преследовавший свои цели, согласился. Князю показалась заманчивой мысль овладеть Нижним Дунаем. Ведь это был богатый в хозяйственном и торговом отношении край. Если бы он вошёл в состав Руси, то её границы расширились бы и вплотную подошли к рубежам самой Византийской империи.

В 967 году Святослав начал войну с болгарами. Удача сопутствовала ему. По сообщению летописей, русы взяли 80 городов по Дунаю, а Святослав обосновался в дунайском городе Переяславец. Сюда византийцы присылали ему всевозможные дары, в том числе золото и серебро. В 968 году Святославу пришлось отлучиться, чтобы спасти Киев от нашествия печенегов, но потом он вернулся на Дунай. Летопись сохранила его слова: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мёд и рабы». Такая позиция усилила пропасть между Святославом и киевской верхушкой. Киевляне упрекали своего князя: «Ты, князь,

ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул...» Вероятно, поэтому и не прислали ему на помощь войска, когда Святослав возвращался после войны с византийцами в Киев.

Но всё-таки Святослава тянуло на Дунай. Вскоре он опять был там, вновь взял Переяславец, вернувшийся за время его отсутствия к болгарам, а затем вспыхнула и война с Византией. Императором тогда являлся армянин по происхождению Иоанн Цимисхий (Цимисхий в переводе на русский язык означает «туфелька»). Он был известен как опытный полководец, но и Святослав не уступал ему в воинском мастерстве. Столкновение двух героев становилось неизбежным. Византийский историк Лев Диакон донёс до нас подлинные слова русского князя: «Сфендослав (*Святослав*) очень гордился своими победами над мисянами (*жители византийской провинции Мисия*); он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью (*здесь, конечно, нужно учитывать, что Святослав являлся для византийцев смертельным врагом*). Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами (*так Лев Диакон называет жителей Руси*)».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неосквернённым и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и оговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключённого в давние времена мира. (...) если вы сами не уйдёте из страны, то мы изгоним вас из неё против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря (*Игоря*), который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору (*Керченский пролив*) прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его дальнейшей жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев (*вернее, на древлян*), он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернёшься в своё отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — ты найдёшь погибель здесь со всем своим войском, и не один факелonosец не придёт в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи». Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествии в сию страну — мы сами разобьём вскоре свои шатры у ворот Ви-

занятия (Константинополя) и возведём вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих (византийское войско состояло во многом из крестьян, в то время как в дружине Святослава были воины-профессионалы), а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами». Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие Сфендослава и преградить ему доступ к столице...»

Известие о приближении дружин Святослава привело в смятение коварных греков. Русы продвигались к Константинополю. Но Цимисхию удалось мобилизовать свои силы, и Святослав отступил. В кровопролитных битвах решалась судьба Балкан. Наконец Святослав оставил столицу Болгарии — Преслав Великий и укрепился в крепости на Дунае Доростоле (ныне Силистра). Здесь в 971 году его войско было окружено стотысячной армией императора византийцев. Воеводы Святослава считали дальнейшую борьбу бессмысленной и предложили князю сдаться. Но он решительно отказался и обратился к своим немногочисленным воинам с призывом: «Не посрамям землю русскую, но ляжем костями. Мёртвые срама не имут. Станем крепко, я впереди вас пойду!»

О той же битве рассказывает и Лев Диакон: «В то время как государь (император Иоанн) медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император опустил поводья и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это злодеяние. Телохранители Иоанна, тщательно обыскав окрестные леса и кустарники, схватили этих разбойников и связанными привели к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и телохранители, без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски. Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Доростолом... тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и приказав им безостановочно стрелять, повёл фалангу в бой. Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба при мысли о том, что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую

славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, оба войска сражались с непревзойдённой храбростью; росы, которыми руководило их врождённое зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, исподвзвывая свой опыт и военное искусство. Много воинов пало с обеих сторон, бой шёл с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на скифов всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были отсечены за стены; они потеряли в этом бою многих своих воинов. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах».

Но, несмотря на «победные гимны», Иоанн понял, что Святослав стоит насмерть. Видя, что ему не удастся сломить сопротивление русских, византийский император пошёл на мир. Лев Диакон так описал встречу Святослава с Цимисхием: «Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на вёслах и грёб вместе с его приближёнными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны её свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдет золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамлённым двумя жемчужинами. Одежда его была белым и отличалась от одежды его приближённых только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами».

В результате Русь и Византия заключили новый мирный договор — не во дворце или в канцелярии, а прямо на поле брани. Русы обязались впредь не нападать на Болгарию и византийские земли, а греки обещали беспрепятственно пропустить войско Святослава домой, снабдив его небольшим запасом продовольствия. Восстановились и торговые отношения между двумя державами. Текст договора, как и обычно, составлялся в двух экземплярах и скреплялся печатями. Следует думать, что на печати русского князя красовалось изображение двузубца — родового знака Рюриковичей.

Возвращаясь на родину, русское воинство разделилось. Одна его часть, во главе с воеводой Свенельдом, направилась по суше, а Святослав с дружиной поплыл по Дунаю в Чёрное море. Затем вошли в Днепр и двинулись на север. Но весной 972 года на днепровских порогах, где суда приходилось перетаскивать волоком, на русскую

дружину напали печенеги. Святослав погиб в бою. А печенежский хан Куря сделал из черепа князя, оковав его золотом, чашу. Из этой чаши он пил вино, надеясь, что к нему перейдут ум и мужество славного полководца.

Князь Святослав Игоревич навеки остался в русской истории как отважный воин и великий полководец, покрывший славою русское оружие и укрепивший международный престиж Руси.

У Святослава было трое сыновей. Ещё при жизни он сделал старшего сына Ярополка своим наследником в Киеве, второго сына Олега — князем древлянским, а младшего Владимира, родившегося от наложницы Малуши, по требованию самих новгородцев, князем Новгорода.

Происхождение Малуши неизвестно. В летописях лишь глухо сообщается, что она была дочерью некоего Малка Любечанина. Братом Малуши был Добрыня, далёкий прообраз былинного богатыря Добрыни Никитича. Сама же Малуша являлась рабыней княгини Ольги, а потому Владимира княжна Рогнеда и назвала «робичичем», то есть сыном рабыни (но об этом чуть ниже). В историографии возникла интересная гипотеза о родословной Малуши. Выдвигалось предположение о том, что она на самом деле дочь древлянского князя Мала, ставшая после гибели отца рабыней победительницы — княгини Ольги. Но эта версия наталкивается на такие неразрешимые противоречия, что не может быть признана заслуживающей внимания.

Любопытно, что о матери Владимира, правда, не упоминая имени, говорит и скандинавская «Сага об Олаве Трюгвасоне». У конунга Гардарики Вальдамара была старая, дряхлая мать. Она считалась языческой пророчицей, и многие её предсказания сбывались. В Гардарики был обычай: в первый день йоля (языческий зимний праздник, впоследствии отождествлённый с Рождеством), вечером, мать Владимира выносили в кресле в палату, ставили напротив места князя, и старая пророчица предсказывала будущее. Владимир относился к матери с большим уважением и почтением, спрашивал её, не угрожает ли какая опасность Гардарики. В один из вечеров княгиня предсказала рождение в Норвегии Олава Трюгвасона, впоследствии побывавшего на Руси.

Мотив пророчества распространён в средневековой литературе. Но при всей легендарности этого рассказа (исследователи полагают, что в образе матери Владимира могли отразиться черты мудрой княгини Ольги) он добавляет новые краски начальной русской истории.

После смерти Святослава Ярополк стал уже полноправным князем Киева. Но его правление оказалось недолгим. Воеводой при Ярополке, так же как и при его отце и деде, остался Свенельд. «Повесть временных лет» рассказывает, как однажды сын Свенельда — Лют охотился в лесах недалеко от Киева. В это же время на охоту поехал и князь Олег Святославич. «Кто это посмел охотиться на княжеских землях?» — спросил Олег своего воеводу, увидев вдалеке нескольких всадников. «Лют Свенельдич», — отвечали ему. Тогда князь решил наказать ослушника. Догнав Люта, Олег в гневе убил его. С тех пор Свенельд затаил злобу на Олега и начал уговаривать Ярополка пойти войной на брата.

Киевская Русь X—XII веков

В 977 году между Святославичами началась усобица. Ярополк двинулся в поход на Древлянское княжество. В первой же битве Олег потерпел поражение и бежал в город Овруч. Как и многие русские города, Овруч был окружён рвом, через который к городским воротам был перекинут мост. Воины Олега и окрестные жители со всех сторон стеклись под стены города, надеясь укрыться от приближавшихся дружин Ярополка. На мосту, ведущем в крепость, столпилось множество людей, они теснили и отталкивали друг друга. В эту давку попал и сам Олег. Он с трудом пробивал себе дорогу среди обезумевших от страха людей и, наконец, был сброшен с коня прямо в ров. Сверху падали на него тела задавленных воинов и трупы коней... Когда Ярополк захватил Овруч, он нашёл в городском рву бездыханное тело брата. Князь сокрушался, что начал войну, но остановить её уже было нельзя.

Владимир, княживший в Новгороде, узнал о случившемся и бежал к родственникам в Скандинавию. В 980 году он вернулся на Русь с большой варяжской дружиной и двинулся на юг, к Киеву. По пути молодой князь решил захватить большой и богатый город Полоцк, где княжил Рогволод. У Рогволода было два сына и красавица дочь, которую звали Рогнедой. Владимир посватался к Рогнеде, но гордая княжна отказала ему («не хочу розути робичича», сказала она, так как по обычаю жена разувала своего мужа после свадьбы), тем более что на ней собирался жениться Ярополк. Тогда Владимир внезапно напал на Полоцк, захватил город и сжёг его. Рогволод и его сыновья погибли, а Рогнеде поневоле пришлось стать женой победителя. Она родила Владимиру четырёх сыновей, одним из которых был Ярослав Мудрый.

Теперь настал черёд и Ярополка. По совету воеводы Блуда, которого Владимир подкупил, Ярополк бежал из Киева, бросив город на произвол судьбы. Лишённые предводителя киевляне даже не сопротивлялись надвигавшемуся войску. Ворота Киева открылись, и Владимир торжественно сел на княжеском престоле своего отца. Ярополк между тем укрылся в небольшом городке Родень, но силы его были истощены. Когда Владимир подошёл к городу, приближённые Ярополка посоветовали своему князю сдаться без боя. С тяжёлым сердцем отправился Ярополк в ставку брата. И только вошёл он в сени дома Владимира, как два охранявших двери варяга подняли его мечами за пазухи. Окровавленное тело князя безжизненно повисло на острых мечах...

Так началось киевское княжение Владимира.

Став киевским князем, Владимир объединил русские земли под своей властью. Он создал большую державу, но она оставалась языческой, в то время как в соседних странах уже утвердились религии, основанные на монотеизме. Будучи проницательным политиком, князь прекрасно понимал, что, пока Русь исповедует язычество, она не может встать вровень с другими сильными государствами.

Чтобы скрепить единство Руси, Владимир, по всей видимости, сначала решил создать единый пантеон славянских богов. Под 980 годом, рассказывая о первых годах княжения Владимира, «Повесть временных лет» отмечает: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот». В исторических исследованиях эти деяния Владимира обычно именуют «языческой реформой». Отвлекаясь от конкретной идентификации божеств (о функциях многих из них до сих пор не существует единого мнения), можно заметить, что в принципе сам летописный текст ещё не свидетельствует о какой-то «развёрнутой» реформе. Владимир приказал поставить в Киеве идолов, то есть создал ещё одно языческое капище. Возможно, за этим стояло желание объявить данных богов едиными для поклонения на всей Руси. Ведь ранее славянские племена поклонялись разным богам, каждое племя — своим, и богов, вероятно, было много. Но не свидетельствует ли летописный рассказ и об общей примитивности языческих культов на Руси до Владимира? Летописца как бы удивляют человеческие жертвоприношения, судя по всему весьма рьяно осуществлявшиеся Владимирскими жрецами. Возможно, Владимир попытался укрепить язычество и из разрозненных, мелких культов, создать общий, более «организованный» пантеон. Примечательно, что среди названных богов отсутствует Велес. Видимо, он уже тогда воспринимался как бог «негативный», «отрицательный», своего рода противоположный Перуну и другим «светлым» богам (Хорс, Дажьбог).

Но язычество, пусть даже и «организованное», уже не могло отвечать потребностям времени. Оно тормозило развитие Руси и обрекало её на безвестное прозябание, подобно другим аборигенным племенам. Единство государства требовало единой веры и единого Бога.

Летописи донесли до нас красочные рассказы о выборе веры Владимиром. Князь для начала решил познакомиться со всеми религиями окрестных государств. В Киев прибыли посланцы разных стран: и православные священники из Византии, и католические — из Германии, и мусульманские муллы из Волжской Булгарии, и иудейские раввины из Хазарского каганата. Все они выступили перед князем, и каждый расхваливал свою веру: «Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина...» Нелюбо было Владимиру воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звёзды и месяц и всё, что дышит, а ваши боги — просто дерево»... Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские иудеи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля»... Владимир же спросил: «А где земля ваша?»... И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

После этого Владимир отправил послов в разные страны, чтобы они сами рассказали ему о увиденных богослужениях. Наибольшее впечатление на послов оказала православная литургия (которая тогда, вероятно, была несколько иной, чем теперь), и они восторженно описали её князю. Владимир изучил христианское вероучение и остановил свой выбор на православии.

Крещению русского князя помог случай. В то время византийскими императорами были братья Василий II Булгароктон (Болгаробойца) и Константин VIII — сыновья императора Романа II от брака с дочерью простого харчевника Анастасией, ставшей императрицей Феофаной, и внуки Константина Багрянородного. Их военачальник Варда Фока поднял мятеж и провозгласил себя императором. Войскам братьев никак не удавалось справиться с популярным самозванцем. Тогда они обратились к русскому князю с просьбой о помощи. Владимир согласился, но поставил условие. Он хотел жениться на сестре императоров — принцессе Анне, родившейся буквально за два дня до смерти отца, 13 марта 963 года. Но брак не мог состояться без крещения князя,

ведь Владимир был язычником, а Анна — христианкой. Несмотря на помощь, посланную Владимиром византийцам, императоры не спешили выполнить данное ему обещание. Тогда Владимир с большим войском подошёл к крымскому городу Херсонесу (в Древней Руси он назывался Корсунь), входившему во владения Византии. Город пал, и Анне волей-неволей пришлось отправиться на встречу с будущим мужем. И вот в Херсонесе греческий священник в 988 году крестил русского князя и его дружинников. Владимира нарекли христианским именем Василий.

Вернувшись из Херсонеса в Киев, Владимир приказал разрушить идолов, стоявших на высоком холме над Днепром. Деревянные статуи языческих богов были повалены и разрублены в щепки, а самого главного идола, изображавшего златоусого Перуна, сбросили в реку. Греческие священники, приехавшие с Владимиром, ходили по городу и проповедовали новую веру. Затем Владимир приказал собрать всех киевлян у Днепра. Несколько дней длилось крещение. Все входили в воду, кто по шею, кто по пояс, а младенцев взрослые держали на руках. Священники же на берегу совершали обряд крещения. Так началось распространение христианства по Русской земле.

Владимир направил в русские города священников для крещения всех славянских племён. Покорные княжеской воле, многие принимали христианство, но в душе ещё долго оставались язычниками. Другие и вовсе не хотели креститься, бежали в отдалённые места и глухие леса. Долго ещё ходили по русским городам и сёлам волхвы и кудесники, призывая народ исполнять древние религиозные обряды. Власть жёстко подавляла эти выступления, которые, впрочем, были немногочисленны и локальны. Постепенно жители Руси приобщились к христианской вере, и старые языческие убеждения исчезли. Ушли в прошлое кровавые жертвоприношения, было запрещено многожёнство.

Введение христианства способствовало бурному развитию русской культуры, сближению Руси с Византией и европейскими странами. В городах строились красивые храмы и монастыри, при них создавались школы, распространялась грамотность. Сам креститель Руси князь Владимир почитается одним из главных христианских святых — равноапостольным (также и в католической церкви).

В памяти народа он остался как славный и мудрый правитель, его образ — Владимир Красное Солнышко — вошёл в былины. С эпохой князя Владимира русский народ связывал самые героические деяния древности: при дворе князя служили прославленные богатыри — Илья Муромец (на самом деле живший в конце XI века и закончивший свой земной путь в Киево-Печерском монастыре), Добрыня Никитич (его прообраз — родной дядя Владимира по матери), Алёша (Александр или Алексей) Попович (погибший в битве на реке Калке в 1223 году (?)).

В устном народном творчестве Владимир не всегда изображался безупречным князем, да и в действительности он не отличался безудержной храбростью и удалью своего отца — Святослава. Но для дружины он ничего не жалел. Летописи сохранили красочные рассказы о пирах Владимира, когда каждое воскресенье на его дворе собирались

бояре, дружинники и знатные горожане, и лилось рекой вино, а столы ломились от всевозможных яств. Заботился князь и о бедняках. Всякий неимущий человек мог прийти к князю и получить от него пищу, питьё или деньги из казны. А кроме того, различную снедь нередко развозили на телегах по Киеву и раздавали немощным и больным. «Решил он на дворе своём в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было всё в изобилии. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь» («Повесть временных лет»).

Владимир был книжником, читал много духовной литературы, строил церкви и стремился к распространению на Руси христианства. С западными соседями установились мирные, добрососедские отношения. Но большую опасность для Руси представляли печенеги. Этот воинственный кочевой народ совершал постоянные набеги на Русь, стремясь захватить богатую добычу, в том числе и русских пленников, которых затем продавали в рабство. Поэтому Владимир решил укрепить южные рубежи страны. Для этого на русском порубежье насыпали земляные валы, строили крепости, где создавали пограничные заставы. Службу на них несли воины из северных племён Руси. В числе других городов Владимир основал Белгород и Переяславль. Переяславль был построен на месте победы над печенегами. Сохранилась легенда, что перед этой битвой с сильнейшим печенежским воином сразился молодой киевлянин, который мог на скаку остановить разъярённого быка и вырвать ему клочок кожи с бока. Киевлянин одолел печенега в единоборстве, а потом русские ратники рассеяли печенежское войско. Новый же город Владимир назвал так потому, что русский юноша «перенял славу» печенежского богатыря.

Объединив Русь, Владимир организовал и новую систему управления страной. Прежние племенные династии исчезли, а в главные города и земли Руси Владимир направил княжить своих сыновей.

До крещения Владимир был многожёнцем. От разных жён у него родилось, по данным «Повести временных лет», 12 сыновей. Кроме того, «наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берёстове, в сельце, которое называют сейчас Берёстовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц». Далее летопись сравнивает его с библейским царём Соломоном. Может быть, чисто литературный приём? Но вот свидетельство современника Владимира немецкого хрониста Титмара Мерзебургского (умер в 1018): «(Владимир) был великим и жестоким распутником... носил венерин набедренник, усугублявший его врождённую склонность

к блуду. Но Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла, обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-либо соблазн. Услышав от своих проповедников о горящем светильнике (о христианской вере), названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни». Хотя Титмар явно не принадлежал к почитателям русского князя, его информация полностью соответствует летописному повествованию.

Владимир предпринял первую попытку создать на Руси удельную систему, посадив своих сыновей на княжение в различные русские города. Но в отличие от последующего времени князья выступали не как самостоятельные правители, а как наместники отца, выполнявшие на местах его волю и следившие за отправлением дани в Киев. Новые княжества создавались, как правило, на месте бывших племенных княжений.

Старший сын Владимира от какой-то чешки Вышеслав до своей смерти в 1010 году был князем Новгорода. Второй сын Изяслав, родившийся от полоцкой княжны Рогнеды, стал князем Полоцка. Он умер в 1001 году, прожив чуть более 20 лет. От него пошла династия полоцких князей, исчезнувшая в конце XIII века.

Сын Владимира Святополк (в крещении Пётр) родился от бывшей наложницы Ярополка, которую Владимир взял себе в жёны, некой монашки-гречанки, попавшей в плен ещё к Святославу во время его походов. Таким образом, Святополк был как бы «от двух отцов». Этим летопись объясняла его будущие злодеяния. Святополк стал князем Турова. Этот город находился в глухой земле дреговичей, располагавшейся недалеко от Киевского княжества. Святополк женился на дочери польского князя Болеслава Храброго, но в последние годы жизни Владимира вместе с женой и приехавшим с ней епископом Рейнберном находился в заточении, заподозренный в каком-то заговоре против отца.

Святослав Владимирович (тоже сын чешки) был князем древлянским, он погиб после смерти Владимира, оставив сына Яна, родившегося в самом начале XI века, судьба его неизвестна.

Всеволод Владимирович, сын Владимира и Рогнеды, был князем волынским. Город Владимир-Волынский в этой земле основал сам Владимир. Возможно, Всеволод под именем Виссавальда упоминается в скандинавских сагах в качестве одного из женихов шведской королевы Сигрид Сторрады (Гордой). Сигрид сожгла его вместе с другими женихами в доме после пира, тем самым желая проучить «мелких конунгов» свататься к ней. По относительной хронологии саги это произошло около 995 года. В это время Всеволод ещё не достиг взрослого возраста, да и вряд ли сына русского князя можно было назвать «мелким конунгом». Тем не менее версия о гибели Всеволода в Скандинавии выглядит очень привлекательной.

Ярослав Владимирович (в крещении Георгий, в скандинавских источниках Ярислейф), тоже сын Рогнеды, очевидно, младший; был сначала князем ростовским, а затем новгородским.

Мстислав Владимирович (в крещении Константин), по прозвищу Храбрый, получил далёкую Тмутаракань. Эта бывшая греческая коло-

ния Таматарха находилась на противоположном от Крыма берегу Керченского пролива. Она принадлежала хазарам (крепость Самкерц), а затем, вероятно при Святославе, перешла под власть Руси. Причерноморский город Тмутаракань был отделён от основной русской территории степными пространствами. Теперь на месте древней Тмутаракани находится поселение Тамань. Мстислав воевал с северокавказскими племенами, победив князя касогов (адыгов) Редедю, затем столь же успешно сражался с братом Ярославом, в результате чего стал князем Чернигова. Скончался он, разболевшись на охоте, в 1036 году. Его сын Евстафий умер ещё при жизни отца.

Станислав Владимирович был князем Смоленска, его судьба неизвестна.

Позвизд (возможно, в крещении Василько) сидел где-то на Волыни, вероятно в Луцке, он скончался при жизни Владимира.

Судислав Владимирович был князем Пскова. В 1036 году Ярослав лишил его удела и посадил по ложному навету в поруб. Он был выпущен из тюрьмы лишь сыновьями Ярослава, принял постриг и скончался в 1063 году.

Святой Борис (в крещении — Роман), сын Владимира от некоей болгарки, княжил первоначально на Волыни, затем в Муроме, с 1010 года в Ростове.

Святой Глеб (в крещении — Давыд), единоутробный брат Бориса, правил в Суздале, а с 1010 года в Муроме. Об их дальнейшей судьбе речь впереди.

По некоторым источникам известны ещё сыновья Владимира — Родослав, возможно, ещё один Мстислав, Вячеслав. Последний якобы княжил в Чернигове.

Владимир имел также нескольких дочерей. К Предславе сватался польский князь Болеслав Храбрый. Но брак не состоялся, и позднее княжна попала в плен к Болеславу при взятии им Киева в 1018 году. Мария-Добронегга в начале 1040-х годов стала женой польского короля Казимира Восстановителя, внука Болеслава Храброго. Она, очевидно, родилась от последнего брака Владимира.

Дело в том, что после крещения Владимир женился на принцессе Анне. Неизвестно, были ли от этого брака дети, во всяком случае, летописи называют всех сыновей князя родившимися ещё в языческий период. Анна скончалась в 1011 году. Но после её смерти Владимир женился ещё раз. О последней жене Владимира упоминает Титмар Мерзебургский в своей «Хронике». Княгиня попала в плен к Болеславу Храброму во время взятия им Киева в 1018 году (она упоминается как «мачеха Ярослава»). В историографии высказывалось предположение, что последней женой крестителя Руси была немецкая принцесса — дочь швабского герцога Конрада (Куно). В немецких источниках говорится, что она вышла за «короля рогов», то есть Руси. Но анализ германских памятников показал, что, по всей видимости, информацию о состоявшемся браке немецкой принцессы и русского князя следует относить к более раннему времени. Высказывалось даже предположение, что женихом дочери герцога мог быть старший брат Владимира — Ярополк. Но эта гипотеза наталкивается на непреодолимые противо-

речия (Ярополк не был христианином, а брак в источниках обозначен как состоявшийся). Остаётся вопрос: кем же был тот русский князь, который породнился со швабским герцогским родом? Но то, что Владимир женился ещё раз после 1011 года, незадолго до своей смерти, бесспорно.

Итак, Владимир направил своих сыновей на княжение по русским землям. И наиболее деятельные из них стали стремиться ко всё большей самостоятельности. Организовал какой-то заговор Святополк, вероятно, считавший себя сыном Ярополка и не простивший Владимиру смерти своего отца. Отказался платить дань Киеву сидевший в Новгороде Ярослав. Святополк оказался в темнице. Владимир собрался было в поход на север Руси, но смерть князя 15 июля 1015 года прервала эти замыслы. Наследником Владимира стал сразу же обретший свободу Святополк, вошедший в историю под прозвищем Окаянный. Однако сложно сказать, насколько его прозвище справедливо.

КТО УБИЛ БОРИСА И ГЛЕБА?

После смерти святого Владимира в 1015–1019 годах за киевский престол развернулась ожесточённая борьба между несколькими его сыновьями, в которой трое из них нашли свою смерть. В русских источниках события этой усобицы выглядят следующим образом. Князь Владимир скончался 15 июля 1015 года в селе Берёстове под Киевом. В самой столице в это время находился старший из оставшихся к тому времени в живых сыновей князя — Святополк. Он утаил смерть отца от своих братьев, и похороны умершего князя состоялись чуть ли не тайно. Желая укрепить свою власть и прежде всего избавиться от одного из наиболее близких к Владимиру сыновей — Бориса, Святополк задумал убить и его, и остальных младших братьев. Борис в то время возвращался из похода на печенегов, и на реке Альте весть о смерти отца дошла до него. Святополк же в это время приказал верным людям убить Бориса, что они и сделали, ночью зарезав князя в его шатре. Затем настал черёд еще одного Владимировича — Глеба, который княжил в далеком Муроме. Святополк прислал ему весть, что отец болен, и Глеб тронулся в путь. На реке Смядыне люди Святополка напали на корабль, на котором плыл Глеб, и зарезали князя. В «Повести временных лет» говорится, что жертвы Святополка догадывались или были предупреждены о своей судьбе, но добровольно пошли на заклание, не оказав никакого сопротивления. Уже в конце XI века оба брата были причислены Русской православной церковью к лику мучеников-страстотерпцев и стали первыми национальными русскими святыми. Поэтому летописный рассказ, конечно же, полон свидетельствами о кротости и добродетельности двух братьев. Потом Святополк решил уничтожить вообще всех своих братьев и отправил убийц к Святославу, княжившему в Древлянской земле. Спасавшийся от погони Святослав погиб на границе с Венгрией, куда бежал, очевидно, намереваясь укрыться у каких-то родственников. Но тут преступлением Святополка пришел конец. Находившийся в Новгороде ещё один сын Владимира — Ярослав получил известие от сестры Предславы о деяниях их брата, собрал войско и двинулся в поход на Киев.

Осенью 1015 года войска Ярослава и Святополка подошли к Днепру и встали по обе стороны реки. Три месяца продолжалось это стоя-

ние, пока не начались заморозки и река не стала покрываться слоем льда. Наконец сражение состоялось, Святополк был разбит и бежал в Польшу, а Ярослав вокняжился в Киеве. Под 1017 годом «Повесть временных лет» содержит странное известие: «Ярослав пошел в Киев и погоре церкви». По сведениям же Новгородской Первой летописи, в этом году Ярослав ходил на пограничный с Польшей город Берестье, взял его и вернулся восвояси.

Между тем Святополк, живший в Польше у своего тестя князя Болеслава Храброго, уговорил его начать войну с Русью. В 1018 году во главе большого войска Болеслав и Святополк у реки Буг разбивают войско Ярослава, который бежит в Новгород, а оттуда даже намеревается отправиться в Скандинавию. Только решимость новгородцев не отпустить своего князя удерживает его от этого шага. Болеслав и Святополк вступают в Киев, и Святополк вновь становится киевским князем. Пробыв несколько месяцев в Киеве, польский князь возвращается в свое отечество, поскольку жители Руси начинают убивать поляков, остановившихся в русских селах и городах. С собой Болеслав захватывает большую добычу, в том числе увозит киевскую казну. Ярослав в Новгороде собирает полки и идет в поход на Киев. Без всякого сражения, понимая, что он не в состоянии оказать сопротивление, Святополк бежит к печенегам. Ярослав становится киевским князем вторично, а в 1019 году встречается с печенежским войском, которое ведет на Русь Святополк, на реке Альте, где ранее погиб Борис. В кровопролитном сражении Святополк разгромлен, он бежит на запад. У братоубийцы начинается мания преследования, и в какой-то пустыне он погибает. По поздним фольклорным преданиям, Святополк был поглощен землёй, а летописец говорит, что от его могилы «идёт смрад».

События борьбы Владимировичей нашли отражение и в иностранных источниках. Из латинских памятников большой интерес в этом отношении представляет «Хроника» епископа города Мерзебурга Титмара (975 — 1018), которая написана буквально во время рассматриваемых событий. Здесь говорится о том, что Владимир разделил свои владения между двумя сыновьями, а третий (Святополк) сидел тогда в тюрьме. На самом деле, конечно, сыновей у Владимира было больше. Под «вторым» сыном исследователи подразумевали то Бориса, то даже внука Владимира Брючислава, племянника Ярослава и Святополка. То, что эти «братья» могли находиться и в разной степени родства, — неудивительно, если помнить о том, что русские князья называли друг друга условно «братьями». Но в принципе имя «второго» брата не имеет значения, так как по ходу повествования он больше и не появляется. Далее Титмар говорит о захвате королем Руси (Ярославом) какого-то города, принадлежавшего Болеславу, затем о вторжении Болеслава на Русь, в результате которого на русском престоле был восстановлен Святополк, «долго пребывавший в изгнании». После этого польский князь «довольный вернулся на родину». Исследователи обычно сопоставляли эти известия с захватом Ярославом Берестья в 1017-м и походом Болеслава на Русь в 1018 году.

Однако «довольное» возвращение Болеслава плохо сопоставимо с его возвращением из Киева в 1018 году, почти бегством. Недавние исследования показали, что сведения о возвращении Болеслава не успели войти в хроника Титмара, поэтому возможно, что здесь имеется в виду какой-то неизвестный другим источникам поход на Русь и восстановление Святополка на престоле какого-то из городов, ранее ему принадлежавших. Таким городом мог быть Туров, в котором княжил Святополк еще при Владимире, или какой-нибудь другой. С другой стороны, далее в своей хронике Титмар вновь говорит о захвате Ярославом города, но на этот раз принадлежавшего Святополку. В этом сообщении как раз и можно увидеть аналогю с захватом в 1017 году Берестья, которое могло принадлежать Святополку. Тем более что далее у Титмара следует фраза: «На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара». Пожар Софии, по Титмару, произошёл в 1017 году. А эти данные хорошо согласуются с туманным по смыслу сообщением «Повести временных лет» под 1017 годом. Таким образом, сведения латинской хроники позволяют значительно расширить наши знания о борьбе Святополка с Ярославом.

Далее Титмар подробно рассказывает о походе Болеслава на Русь: сражение на Буге он датирует 22 июля, а захват Киева, после недолгого сопротивления, 14 августа 1018 года, что опять-таки хорошо согласуется с летописными известиями.

Но самое интересное начинается при обращении к скандинавскому источнику, в котором тоже отразились события ушибы 1015—1019 годов. Это так называемая «Прядь об Эймунде Хрингссоне» (в нашей историографии — также «Сага об Эймунде»), которая относится к исландским королевским сагам и написана в конце XIII века. Рассказ саги весьма примечателен. Конунг Гардарики Вальдимар перед смертью наделил своих троих сыновей землями, причём старшему досталась большая часть владений отца: Бурицлав княжил в Кэнугарде, Ярицлейв — в Хольмгарде и Вартилав — в Палтескья. Узнав о смерти Вальдимара, в Гардарики отправились потомки норвежского короля Харальда Прекрасноволосого Эймунд Хрингссон и Рагнар Агнарссон. Они приехали к Ярицлейву и его жене Ингигерд. Заключив договор о службе у князя на год, викинги поступили в дружину Ярицлейва, и вскоре началась война, спровоцированная Бурицлавом. В битве у какой-то реки Бурицлав был разбит и бежал в Бьярмаланд, а Ярицлейв занял его владения. Потом летом и зимой было мирно, а договор с Эймундом кончился. Тогда Ярицлейв и Эймунд продлили договор ещё на год, поскольку Эймунд узнал, что Бурицлав не погиб (как полагали), а жив и идёт снова войной на Ярицлейва. Бурицлав осадил город, где находился Ярицлейв, во время осады Ярицлейв был ранен в ногу, но Бурицлав вторично был разбит и бежал. Снова думали, что он погиб. Следующие лето и зима прошли в мире, и вновь закончился срок договора, а Бурицлав опять пошёл войной на Ярицлейва, на этот раз из Тюрккланда. Тогда Эймунд ещё раз продлил договор, но теперь варяги тайно убили Бурицлава и принесли его отрубленную голову Ярицлейву. Войско, лишённое предводителя, быстро распалось. После очеред-

ных мирных лета и зимы Эймунд с варягами ушли служить конунгу Вартилаву в Палтескья.

Литературную форму саги, ее сюжетную повторяемость (три года службы варягов, три битвы с Бурицлавом, три совета Эймунда и т. д.) отмечали многие исследователи, но даже с учётом этого обстоятельства сага удивляет своими параллелями с русским летописным рассказом. В скандинавском памятнике упоминаются русские князья: Вальдимар — Владимир Ярославич, Ярицлейв — Ярослав Мудрый, князь Хольмгарда-Новгорода, его жена Ингигерд (дочь шведского короля), Вартилав, конунг Палтескья — Брячислав, князь Полоцка; географические названия: Кэнугард — Киев, Тюрккланд — земля степняков, печенегов, союзников Святополка в войне с Ярославом, наконец, Бьярмаланд — район Беломорья. События саги и события летописи совпадают. Рассказ о первом столкновении Ярицлейва и Бурицлава соответствует Любечской битве, происшедшей у Днепра. Рассказ о нападении Бурицлава на город соответствует осаде Киева печенегами. И даже ранение Ярослава на крепостной стене, происшедшее примерно в 1017 году, находит подтверждение в совсем неписьменном источнике. Антропологическое исследование скелета князя, проведённое в конце 1930-х годов группой антропологов, медиков и историков во главе с М. М. Герасимовым, показало, что Ярослав сильно хромал на одну ногу. Это было результатом перенесённой в молодом возрасте травмы, и следует полагать, что именно о ней сообщает скандинавская сага.

« Согласно летописи, после Любечской битвы Святополк бежал в Польшу, по рассказу саги — в Бьярмаланд, то есть на далекий северо-восток. Но можно думать, что до составителей саги дошли лишь сведения о бегстве Святополка в какие-то отдаленные земли, а для скандинавских авторов территориями, окраинными по отношению к Гардарики-Руси, и выступал как раз Бьярмаланд. Таким образом, отдельные элементы повествования саги находят подтверждения в летописном тексте. Если Любечская битва произошла поздней осенью 1015 года, то, исходя исключительно из внутренней хронологии саги (которая, разумеется, лишь приблизительно соответствует времени реальных событий), Эймунд приехал на Русь и заключил договор с Ярославом в начале осени того же 1015 года. Потом он продлил его на год, в течение которого весной — летом 1017 года на Киев напали печенеги, потом ещё на год, до конца 1018 года, а уже потом ушёл к конунгу Вартилаву. По этой хронологии, Бурицлав, оказывается, погиб в 1018 году, и история третьего витка борьбы конунгов вызывает естественные вопросы.

Здесь неизбежно встает проблема странного имени Бурицлав. В принципе эта форма соответствует имени Болеслав. Называние Святополка Болеславом, конечно, может быть объяснено тем, что оба они были союзниками, а в некоторых летописях Болеслав даже выступает в качестве главного члена этого тандема, и говорится даже, что именно он вокняжился в Киеве. Но всё же такая путаница слишком странна, и поэтому уже давно некоторые историки стали предполагать, что, может быть, имя Бурицлав — это видоизменённое имя друго-

го русского князя — Бориса Владимировича? Ведь имя Борис — славянское и происходит скорее всего от имени Борислав. Подтверждением этой мысли может служить описание сагой самого убийства Бурицлава, которое соответствует описанию гибели Бориса в «Повести временных лет». Но тогда получается, что летописные датировки условны, и, более того, Святополк не убивал, по крайней мере, одного из своих младших братьев. Борис пал жертвой варяга Эймунда, служившего Ярославу. Таким образом, усобная борьба развернулась на Руси не только между Святополком и Ярославом, но и Борис принял в ней самое активное участие. Вероятно, он не был лишь безгласной жертвой. Можно полагать, что Борис, как наиболее близкий к Владимиру из сыновей, представлял для обоих братьев серьезную опасность. Ведь именно Бориса дружина хотела провозгласить киевским князем после смерти крестителя Руси. Конечно, гибель Бориса была выгодна и Святополку, и Ярославу, но, поскольку именно последний стал в конечном итоге киевским князем, он мог приписать это преступление Святополку, который надолго в русской истории остался изувером и братоубийцей.

Что же касается других братьев — Глеба и Святослава, то об их гибели мы можем судить только по летописным памятникам. Как бы то ни было, долгая борьба за киевский стол завершилась сражением между Ярославом и пришедшим из степей с печенегами Святополком на той же самой реке Альте, где якобы раньше погиб Борис. Последняя попытка Святополка вернуть власть окончилась полным провалом. Его поражение оказалось столь сильным, что князь потерял рассудок. Мучимый манией преследования, Святополк окончил свою жизнь в какой-то пустыне, по славянской поговорке, между «чехами и ляхами», то есть неизвестно где. Как уже отмечалось, существовали предания, что его живым поглотила земля и из этого места еще долго шёл зловонный смрад. Поговорку долгое время воспринимали буквально, и историки писали, что Святополк погиб на русско-польской границе, так и не добравшись до спасительного прибежища у тестя Болеслава. Согласно новгородским летописям, братоубийца вновь бежал к печенегам. Куда на самом деле отправился Святополк и где он окончил свои дни, по всей видимости, навсегда останется загадкой.

Ярослав Владимирович остался в русской истории с прозвищем Мудрый. Следует заметить, однако, что при жизни его так никто не называл. Вообще большинство прозваний древнерусских князей — плод размышлений значительно более позднего времени. Они были зафиксированы только в период Московского государства и являются не более чем фактами историографии. Тем не менее некоторые из них настолько «слились» со своими персонажами, настолько точно и ёмко отражают их сущность, что теперь в сознании людей составляют с ними единое целое. Поэтому и Ярослава будем называть Мудрым, и других князей — их прозваниями-эпитетами.

Надо сказать, что Ярослав единственный из древнерусских правителей удостоился чести именоваться Мудрым. Вероятно, здесь сыграла свою роль его любовь к книжному учению, к знаниям, к православной церкви. Эти качества особо отмечены в той характеристике, которую дал Ярославу автор «Повести временных лет»: «И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же монахов, и книги любил, читая их часто и ночью и днём. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением Божественным. Отец его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное. Ярослав же положил книги в церкви Святой Софии, которую создал сам. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан».

В этом отрывке идёт речь и об основании на Руси первой библиотеки (при Софийском соборе), и о начале российского образования.

«Мудрость» князя определялась не только его природными наклонностями (весьма умным, хитрым и осторожным человеком рисуют Ярослава также скандинавские саги), но и некоторыми особенностями его жизни, о которых речь впереди.

Христианским патроном Ярослава был святой Георгий Победоносец. С этого времени культ святого Георгия получил на Руси широкое

распространение, а имя Георгий в его русском варианте — Юрий — обрело в княжеской семье популярность. В народе возник и свой, просторечный, вариант имени Георгий — Егор.

Именно ко времени Ярослава Мудрого относится основание Юрьевского монастыря в Киеве и Юрьева монастыря под Новгородом. В 1030 году Ярослав ходил на чудь (угро-финское племя, предки современных эстонцев). Чудь издавна находилась в орбите древнерусского влияния. В земле чуди князь поставил город Юрьев. Потом Юрьев (иногда его называли Юрьев Ливонский, чтобы отличить от других городов с таким же названием) именовался Дерптом, а теперь это город Тарту в Эстонской республике.

С именем Ярослава связывается и основание Ярославля на Волге. Собственно, название города — одна из форм притяжательного прилагательного («город Ярослава»). Точная дата основания города (как и большинства древнерусских городов) неизвестна, но можно думать, что он возник во время ростовского княжения нашего героя (то есть на рубеже X и XI веков, незадолго до 1010 года). С основанием Ярославля связана красивая легенда. Якобы город был построен на том месте, где молодой князь в противоборстве победил медведя. Это было воспринято как символ победы христианства над язычеством, поскольку у племён тех мест медведь считался священным зверем. Теперь же Ярослав приступил к христианизации Ростовской земли. Сцена охоты на медведя изображена на одной из фресок основанной Ярославом Киевской Софии. Предполагают, что в образе охотника изображён сам князь. А память о поединке с медведем сохранилась в городском гербе Ярославля, где изображён бурый медведь, держащий на плече протазан.

Строительство киевского Софийского собора началось в 1037 году. Ярослав заложил храм на месте решающей битвы с печенегами, подступившими в 1036 году к русской столице. Ярослав в то время был в Новгороде, но успел собрать войско и подоспел на подмогу к осаждённым киевлянам. Печенежские приступы оказались безрезультатными. Князь наголову разгромил кочевников, бежавших с поля боя.

Святая София возводилась приглашёнными из Византии архитекторами. До наших дней она дошла в сильно перестроенном и искажённом виде. Это был очень большой храм, увенчанный тринадцатью куполами и окружённый просторными галереями. Само его строительство символизировало рождение нового православного государства, ведь Софийский собор был и главным храмом Константинополя. Позже храмы Святой Софии были построены также в Полоцке и Новгороде. И Полоцк и Новгород претендовали на главенство в соответствующих частях Руси. В первом из этих городов правила самая первая ветвь династии Рюриковичей, обособившаяся раньше других. Второй город считался северной столицей Русского государства, вторым после Киева важнейшим государственным центром.

Время правления Ярослава отнюдь не было спокойным. После того как он одолел Святополка в борьбе за наследие отца, ему пришлось столкнуться и с другими родственниками. Уже в 1021 году произошёл

конфликт с племянником — полоцким князем Брячиславом Изяславичем, сыном старшего брата Ярослава — Изяслава Владимировича. Брячиславу удалось захватить и разграбить Новгород, но Ярослав настиг его и отбил пленных новгородцев.

Через два года на авансцену русской политики вышел укрепившийся к тому времени на юге Мстислав Владимирович, известный под прозвищем Храбрый. Князь далёкой Тмутаракани, он в 1022 году подчинил своей власти северокавказское племя касогов, убив местного князя Редедю. На следующий год с хазарами и касогами он пошёл на Русь. Выбрав удачный момент, когда Ярослав находился в Новгороде, Мстислав подступил к Киеву. Но киевляне не приняли его, и тмутараканскому князю пришлось обосноваться в Чернигове. Узнав о делах своего младшего брата, Ярослав обратился за помощью к варягам и нанял у них дружину. Во главе её стоял некий отважный воин Якун. Долгое время полагали, что в летописях зафиксировано прозвище этого Якуна — Слепой («слеп»), но потом выяснилось, что, по-видимому, Якун был «леп», то есть красив. «И пришёл Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришёл к Ярославу, и пошёл Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполнил дружину и поставил северян (*жителей черниговской земли*) прямо против варягов, а сам стал с дружиною своей по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдём на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиною своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришёл в Новгород, а Якун ушёл за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посечённых своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина моя цела». (Из этих слов можно понять, насколько больше ценили князья свою дружину — профессиональных воинов, чем ополченцев из простолюдинов.)

И далее продолжает летопись: «И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в моём Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава». Только в 1026 году братья «разделили по Днепру Русскую землю». «И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

С Якуном «слепым» связано и продолжение этой истории. Племянник Якуна — Шимон (Симон) Африканович позднее вернулся на Русь. Он служил уже сыновьям Ярослава Мудрого и вместе с ними сражался в неудачной битве с половцами на Альте в 1068 году. Затем Шимон был крещён Феодосием Печерским и сделал в Кие-

во-Печерский монастырь богатый вклад — золотые венец и пояс. Пояс затем послужил мерой длины при строительстве Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, а также храмов в Ростове и Суздале, где сын Шимона — Георгий Симонович был тысяцким. Георгий воспитывал Юрия Долгорукого, а его потомки служили владимирским, а затем и московским князьям. От Шимона произошёл знаменитый род московских тысяцких Вельяминовых, а также дворянские фамилии Воронцовых (пресекшихся ещё в средневековье), Аксаковых, Протасовых (впоследствии графы), Исленьевых, Соловцовых и Башмаковых. Кроме того, к этому предку возводили свою генеалогию роды Чихачёвых, Горсткиных, Линёвых, Ершовых, Сомовых и Окунёвых.

После 1026 года Ярослав и Мстислав действовали сообща. Так, в 1031 году они ходили войной на Польшу и отвоевали пограничные червенские города, бывшие долгое время яблоком раздора в отношениях Руси и Польши. Вообще же Ярослав проводил активную внешнюю политику. Совершал успешные походы на западные племена: литву и ятвягов, а в 1043 году русские воины направились в поход на Византию. Возглавлял войско старший сын князя — Владимир Ярославич. Но эта война окончилась для Руси неудачно, и русские князья более уже с Византийской империей не враждовали. Эпоха русских набегов на богатого южного соседа, начатая ещё походами IX века, закончилась.

В 1036 году Мстислав умер. Тогда же Ярослав расправился с последним из оставшихся в живых своим братом — Судиславом, тихо сидевшем в Пскове. Оклеветанный, он очутился в темнице, откуда вышел уже после смерти Ярослава. Так Ярослав укрепил свою власть и на короткое время воссоздал единое Древнерусское государство.

С именем Ярослава Мудрого связано и создание первого русского свода законов. Этот законодательный памятник именуется по первым его словам «Русской Правдой». Она создавалась постепенно, но первая её часть была разработана по инициативе Ярослава ещё в 1016 году, потому и называется «Правдой Ярослава». Потом, в 1072 году, сыновья Ярослава дополнили её и изменили некоторые положения. Так возникла вторая часть «Русской Правды» — «Правда Ярославичей». Позже и другие русские князья вводили в «Русскую Правду» новые правила, поэтому окончательно этот свод законов сформировался только в начале XII века при Владимире Мономахе. В целом он оставался действовавшим на территории Руси на протяжении нескольких столетий.

Киев в эпоху Ярослава Мудрого стал одним из крупнейших городов Европы. В нём было около 400 церквей, активно велось каменное строительство, развивались ремёсла и торговля. Укрепление Древнерусской державы позволило Ярославу даже сделать русским митрополитом соотечественника Илариона, который был избран на этот пост собором русских епископов, а не назначен Константинопольским патриархом, как было ранее. На Руси Ярослава именовали также царём, то есть он носил императорский титул, подчёркивая свое равное положение с византийскими императорами. Имен-

но так назван Ярослав в надписи о его смерти, обнаруженной в Софийском соборе.

В 1939 году учёные вскрыли гробницу Ярослава Мудрого в Киевском соборе св. Софии. Останки князя были подвергнуты тщательному антропологическому анализу, и тогда же была опубликована целая серия статей, посвященная этому событию (авторы — Д. Г. Рохлин, В. В. Гинзбург, Е. А. Рыдзевская, М. М. Герасимов и М. К. Каргер). Великий антрополог М. М. Герасимов, используя разработанный им уникальный метод, создал по черепу скульптурный портрет Ярослава Мудрого, который является и до сего дня самым ранним достоверным изображением не только древнерусского князя, но и правителя нашей страны вообще (таким же методом Михаил Михайлович воссоздал образы Андрея Боголюбского, Ивана Грозного и Фёдора Иоанновича, а уже совсем недавно его метод был применён для воссоздания облика Софьи Палеолог, Елены Глинской и других персонажей). Медицинское исследование костей Ярослава Мудрого привело учёных к выводу, что этот князь прожил не 76 лет, как о том сообщают летописи в известиях о его кончине под 1054 годом, а, по крайней мере, на 8 лет меньше. Найденный скелет принадлежал мужчине 60–70 лет, его примерный возраст был определён как 66 лет. Таким образом, можно думать, что Ярослав родился примерно в 986 году, а не в 978-м, как думали раньше. Историки высказывали догадку, что летописцы могли сознательно увеличить возраст князя, чтобы обосновать законность его претензий на Киевское княжество, ведь Ярослав, по сути, узурпировал власть на Руси: не являясь старшим наследником отца, он военным путём сверг с престола старшего брата.

Тогда же прояснился и вопрос о знаменитой хромоте Ярослава. Дело в том, что в Тверской летописи содержится известие о чудесном выздоровлении больного отрока в момент ссоры родителей. Якобы Ярослав с детства не мог ходить. И вот однажды, когда Владимир разгневался на Рогнеду и хотел разорвать с ней супружеские отношения, потрясённый юный княжич внезапно встал на ноги и с тех пор смог ходить. Скандинавская «Сага об Эймунде» рассказывает о ранении Ярослава в ногу во время осады Киева печенегами, когда шла борьба между сыновьями Владимира за власть на Руси. «Повесть временных лет», описывая события этой усобицы, тоже упоминает хромоту Ярослава. Когда войска враждующих братьев стояли по обеим сторонам Днепра три месяца друг против друга, воевода Святополка разезжал по берегу и подзадоривал сторонников Ярослава, новгородцев, крича им: «Что пришли с хромцом этим?» Исследователи пришли к заключению, что Ярослав ещё в грудном возрасте перенёс гнойное поражение, приведшее к подвывиху правого тазобедренного сустава в раннем детстве, это, в свою очередь, задержало нормальное физическое развитие княжича примерно на два года. Затем Ярослав оправился и начал ходить, но уже в зрелом возрасте получил травму правого коленного сустава, и это сделало его хромцом на всю жизнь.

Медицинский анализ показал также, что рост Ярослава был 172–175 сантиметров, антропологи сделали также вывод о лёгкой воз-

будимости и быстрой раздражимости Ярослава. Это хорошо согласуется с тем образом Ярослава, который предстает перед нами в скандинавских источниках. В «Саге об Эймунде» князь показан очень осторожным, хитрым и коварным человеком (историк Е. А. Рыдзевская, видимо, стремясь сгладить негативные черты, назвала эти качества «дипломатичностью» и «нерешительностью»), а в своде саг «Гнилая Кожа» — раздражительным, самолюбивым, резким в минуты гнева. С годами, возможно, эти качества усиливались, поскольку усиливался и физический недуг — хромота (с соответствующими изменениями костей ног, позвоночника и т. д.). Справедливо отмечал Д. Г. Рохлин, что неупоминание в летописях «пиров» Ярослава с дружиной напрямую могло зависеть от этого физического недостатка. Видимо, Ярослав не был «дружинным» князем, таким, как Владимир, и, может быть, в этом причина его обращения к церкви, к культуре, что обеспечило Ярославу благодарное почитание летописцев и в конечном итоге прозвание Мудрый.

Ярослав был женат, вероятно, дважды. От первого брака у него был сын Илья, который недолго был князем Новгорода (как старший сын великого князя киевского) и умер в детском возрасте в 1019/20 году. Второй раз Ярослав женился в 1019 году, о чем сохранилась запись в «Исландских анналах». Его женой стала Ингигерд, дочь шведского короля Олава Шётконунга (Грудного конунга). Брак укрепил международные позиции династии Рюриковичей. Ярослав в данном случае действовал вполне традиционно, будучи сам почти чистокровным скандинавом, он бывал в Швеции и неоднократно нанимал там варяжскую дружину. Сестра Ингигерд — Астрид в том же 1019 году вышла замуж за норвежского конунга Олава Святого из династии Инглингов, который начал христианизацию Норвегии и почитается в качестве христианского патрона Скандинавских стран. В Новгороде среди живших там скандинавов был распространен культ св. Олава, а в самом городе существовала даже церковь Св. Олава. Ингигерд приняла в крещении имя Ирина. От неё у Ярослава было шесть сыновей и четыре дочери.

Старший сын св. Владимир (1020—4.10.1052) был князем в Новгороде. От него пошла небольшая династия галицких князей (так называемая Первая галицкая династия).

Следующим сыном Ярослава был Изяслав (в крещении Дмитрий) (1024—3.10.1078). Его женой была Гертруда, дочь польского короля Мешко II (потом Изяслав женился вторично). От Изяслава произошла династия турово-пинских князей, пресекавшаяся в XIII веке.

Святослав (в крещении Николай) Ярославич (1027—27.12.1076) был князем черниговским, а одно время и киевским. Первым браком он женился на некоей Килликии (Цецилии?), а вторым на Оде, немецкой графине, которая была внучатой племянницей римского папы Льва IX и императора Священной Римской империи Генриха III. Ода была потомком многих знатных европейских династий и исторических деятелей, в том числе Карла Великого, английского короля Альфреда и Генриха Птицелова. От первого брака у Святослава было несколько сыновей, особую известность из которых приобрел Олег, ак-

тивно участвовавший в княжеских усобицах и названный в «Слове о полку Игореве» Гориславичем. От него произошла большая династия черниговских и новгород-северских князей. От второго брака у Святослава Ярославича был только один сын — Ярослав-Панкратий, князь муромский. Он стал родоначальником мурома-рязанской династии Рюриковичей, которая владела Рязанью вплоть до начала XVI века, когда Василий III ликвидировал независимость этого последнего удельного княжества Руси. Потомками рязанской династии по женским линиям были Мстислав Удатный и Александр Невский (а следовательно, и Дмитрий Донской), знаменитые военные деятели средневековой России. Они, таким образом, являлись и потомками Карла Великого!

Следующий сын Ярослава Всеволод (в крещении Андрей) (1030—13.04.1093) был князем переяславским, потом и киевским. Первым браком он был женат на Марии (?), дочери византийского императора Константина IX Мономаха.

Наконец, младшие сыновья Ярослава: Вячеслав-Меркурий (1036—1057), князь Смоленска, и Игорь-Георгий (или Константин?), князь владимиро-волынский и смоленский, умер в 1060 году. Потомство первого пресеклось на сыне Борисе, погибшем в 1078 году. От второго пошла небольшая веточка городенских князей. Поскольку оба Ярославича умерли рано, их дети оказались фактически на положении изгоев в княжеском роду.

Дочери Ярослава вышли замуж за правителей различных европейских стран. Елизавета Ярославна в середине 1040-х годов стала женой норвежского конунга Харальда Сигурдарсона, потомка объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого. Муж Елизаветы был одним из последних крупных деятелей эпохи викингов, он принимал участие во многих походах и получил прозвище Суровый. Не сразу добился он руки русской княжны, совершил для этого немало подвигов и написал в честь своей возлюбленной песню («Висы радости»), которая, таким образом, является первым памятником русско-норвежских, а быть может, и русско-скандинавских литературных связей. В 1066 году Харальд во главе войска вторгся на территорию Британии. В битве под Стэнфордбриджем 25 сентября он погиб, разгромленный тогдашним английским королем Харальдом II, также имевшим скандинавское происхождение (его дочь потом стала женой Владимира Мономаха). Сражение под Стэнфордбриджем иногда в историографии условно считается концом эпохи викингов в Европе. Согласно отечественной исторической традиции, овдовевшая Елизавета (по-скандинавски — Эллисив) вышла замуж вторично, за датского короля Свена II Эстридссена. Однако, как показали новейшие исследования, на самом деле женой Свена стала другая вдова Харальда — Тора. Кстати, мать короля Свена II — Эстрид (Маргарет) одно время была женой какого-то русского князя, возможно, одного из сыновей Владимира Святого.

Анна Ярославна известна как королева Франции. И действительно, 19 мая 1051 года в Реймсе состоялось ее венчание с королём Франции Генрихом I (23.05.1005—04.08.1060), который был сыном короля Роберта II и внуком основателя династии Капетингов Гуго Капета (это

был второй брак Генриха). После рождения первенца, будущего короля Франции Филиппа I, во исполнение обета Анна построила в честь св. Винцента монастырь в Санлисе (там находится её скульптурное изображение). Благодаря Анне греческое имя Филипп благополучно прижилось в Европе, стало пользоваться популярностью и часто употреблялось и во французском королевском доме, и в других европейских династиях, происходивших от Филиппа I по женским линиям (испанские короли Филиппы, например, и другие). Овдовев, Анна некоторое время управляла королевством от имени малолетнего сына, но затем ушла в основанный ею монастырь. Оттуда она была похищена Раулем де Перенном, графом де Крепи-Валуа, и стала его женой. Папа не благословил этот брак. Тем не менее Анна и Рауль прожили вместе более десяти лет. Граф скончался 8 сентября 1074 года в замке Мондидье. Последнее упоминание об Анне относится к 1075 году. Сохранился ее автограф на жалованной грамоте монастырю Суассона. По одной из версий, впрочем малодостоверной, после смерти второго мужа Анна вернулась на Русь. Потомками Анны Ярославны являются все представители французского королевского дома Капетингов, включая династии Валуа и Бурбонов, в том числе и Король-Солнце Луи XIV, король Луи XVI и испанская королевская династия (тоже Бурбоны), до сих пор сохраняющая свой престол.

Анастасия Ярославна была выдана замуж за венгерского короля из династии Арпадов Эндре I (умер в 1061 году). Она скончалась между 1073 и 1074 годами и похоронена в одном из штирийских монастырей.

Наконец, еще одна дочь Ярослава изображена на фреске Софийского собора в Киеве, но её судьба остаётся неизвестной.

Ярослав Мудрый скончался в ночь на 20 февраля 1054 года в Вышгороде. Великим киевским князем стал его сын Изяслав. «Мудрый» князь определил всем сыновьям после своей смерти уделы — завещал княжить в разных землях Древней Руси, которая считалась совместным владением Ярославичей. Второй сын Ярослава — Святослав начал править в Чернигове. Третий — Всеволод — в Переяславле. Младшие — Игорь и Вячеслав — отправились на княжение во Владимир-Волынский и в Смоленск. После Изяслава киевский престол должен был занять следующий по стражинству Святослав, потом Всеволод и так до конца поколения, после чего князем будет старший сын Изяслава. Таким образом, наследование княжеств происходило не от отца к сыну — по вертикальной линии, а от старшего брата к младшему, и только потом к племянникам — как бы по горизонтали. Такая система престолонаследия получила наименование *лествицы* (по-древнерусски «лестница»). Она упорядочивала порядок замещения княжеского стола и, казалось, предотвращала недовольство младших членов рода, которым в свой черёд предстояло княжить в Киеве.

Игорь и Вячеслав через несколько лет умерли, и фактически правителями Руси стали три старших Ярославича — Изяслав, Святослав и Всеволод. Умирая, Ярослав Мудрый завещал своим сыновьям: «Имейте любовь между собой, потому что все вы братья. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в расприх и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли её трудом своим великим».

Первоначально Ярославичи действовали сообща, но вскоре вновь запыхал огонь междукняжеских усобиц. Ярославичам пришлось воевать с полоцким князем Всеславом Брячиславичем, правнуком Владимира Святого, затем и с князем-изгоем Борисом Вячеславичем. По мере разветвления княжеского рода все новые и новые его представители включались в борьбу за власть, и постепенно складывалось то, что получило в историографии название «удельная система», «удельная Русь».

В 1067 году Всеслав полоцкий напал на Новгород, взял его и разграбил Софийский собор. Но уже 3 марта на реке Немиге Ярославичи разбили войско Всеслава, а потом, уговорив его приехать на переговоры, хитростью пленили и посадили в киевскую темницу. Однако в следующем, 1068 году на Русь обрушилось половецкое нашествие. Ярославичи не смогли организовать отпор врагам. Собравшиеся на вече киевляне потребовали от своего князя Изяслава выдать им оружие, чтобы они могли защитить родную столицу. Но князь не решился вооружить горожан. Тогда в Киеве произошёл мятеж. Двор Изяслава был разорён, а казна разграблена. Сам князь спасся бегством в Польшу (ведь он был женат на польской принцессе). А на освободившийся киевский стол горожане возвели сидевшего до того в тюрьме Всеслава полоцкого.

Однако семь месяцев спустя, уже в следующем, 1069 году Изяслав при помощи польских войск вновь занял киевский стол. Не надеясь на победу, при приближении отрядов Изяслава Всеслав бежал из Киева в Полоцк, и вновь разгорелась борьба. Изяслав изгнал Всеслава из Полоцка, и только через несколько лет неутомный князь вернулся в свой исконный удел.

В эти годы жестоких княжеских усобиц новые беды и несчастья обрушились на Русь. Половцы постоянно совершали стремительные набеги на русские земли. Внося смуту в умы и души людей, в Ростове и Новгороде объявились языческие жрецы — волхвы, подстрекавшие население к мятежу. Дабы укрепить православную веру, Ярославичи организовали в 1072 году перенесение останков и прославление князей Бориса и Глеба. Но успокоения не произошло. Напротив, вскоре уже сами Ярославичи начали враждовать друг с другом. В 1073 году Святослав и Всеволод изгнали Изяслава из Киева, и тому вновь пришлось искать счастья на чужбине. Недолгое правление Святослава Ярославича (с 22.03.1073) завершилось его смертью в 1076 году от неудачной операции какого-то нарыва: «от разрезания желвака». Новый киевский князь Всеволод Ярославич уступил престол Изяславу, вновь вернувшемуся из Польши, но уже в октябре 1078 года в битве с племянниками Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем у Нежатиной Нивы Изяслав, так же как и Борис, был убит. Последний из оставшихся в живых сыновей Ярослава — Всеволод вновь занял киевский стол. Его княжение продолжалось почти 15 лет. Оно было не столь бурным, как у Изяслава, но последние годы спокойный и незлобивый князь провёл в недугах и печалях из-за своих амбициозных племянников. Скончался Всеволод «тихо и кротко» в 1093 году.

После его смерти на киевский стол сел один из сыновей Изяслава (старший из оставшихся в живых к тому времени) Святополк-Михаил (1050—16.04.1113). Он был женат сначала на дочери половецкого хана Тугоркана (память о нем сохранилась в образе былинного Тугарина Змеевича), а затем на дочери византийского императора Алексея Комнина Варваре. Святополк был малопопулярным князем, вероятно, потому, что всеми силами пытался приумножить княжескую казну, вводя новые поборы и налоги. Он не блистал особыми талантами и не пользовался любовью своих подданных. К тому времени династия Рюрико-

вичей сильно разрослась. Она разделилась на несколько самостоятельных ветвей, и сохранять прежнюю систему власти сделалось невозможным. Некоторых князей оттесняли их более опытные и старшие сородичи, другие были недовольны своими уделами, всё это рождало почву для новых усобиц и распрей.

Борьба между Рюриковичами то затихала, то начиналась вновь. Особенную активность проявляли в ней двоюродные братья Святополка — Олег Святославич и Давыд Игоревич. Они считали себя несправедливо обойдёнными в порядке наследования и потому не стеснялись в выборе средств для борьбы. Так, Олег Святославич неоднократно просил помощи у половцев и с их кочевыми отрядами разорял русские города, а Давыд Игоревич запятнал себя кровавым преступлением: вместе с самим Святополком в 1097 году он пленил, а потом ослепил своего дальнего родича князя Василько Ростиславича (правнука Ярослава Мудрого от его старшего сына Владимира, умершего ещё при жизни Ярослава). Представители этих ветвей рода Рюриковичей находились на положении изгоев. Они по различным причинам «выпали» из общей системы наследования столов и потому нещадно боролись с более могущественными родственниками.

В конце концов русские князья решили урегулировать все споры на совместном съезде. С тех пор такие княжеские съезды неоднократно собирались на Руси вплоть до начала XIII века. Но первый из них имел самое существенное значение. В 1097 году в городе Любече собрались шесть князей во главе со Святополком Изяславичем. «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? — говорили они. — А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны». В конечном итоге князья решили, что Русь остаётся общим владением их рода: «Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю». А за каждой из ветвей династии закреплялись свои наследственные владения. Так, потомки Святослава Ярославича владели Черниговом и Муромом, а потомки Всеволода Ярославича — Переяславлем и Ростово-Суздальской землёй: «И пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой (отчиной), Владимир — Всеволодовой, Давыд, и Олег, и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод раздал города: Давыду — Владимиру (волинский), Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Тереволь». И на том целовали крест: «Если теперь кто на кого покусится, против того будем мы всеи крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская».

Киевский же престол переходил по наследству так же, как и прежде: от брата к брату. Киевский князь считался «старшим» среди всех остальных князей, он разбирал их споры, организовывал совместные военные походы на врагов. Но каждая из ветвей рода Рюриковичей имела теперь и свои собственные княжества. Так законодательно на Руси оформилась удельная система. В последующие годы состоялось ещё несколько княжеских съездов. Так, в августе 1100 года двоюродные братья — Святополк Изяславич, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи собрались в городе Витичеве (Уветичах) и призвали к себе Давыда Игоревича, который нару-

шил мир между Рюриковичами, ослепив Василька Ростиславича. Родственники осудили Давыда («вверг ты нож в нас, чего не бывало ещё в Русской земле») и отправили его на княжение в далёкий Бужск (на Западном Буге). Потом Святополк дал Давыду Дорогобуж, где тот и скончался в 1112 году.

Съезд 1101 года состоялся под Киевом и касался отношений русских княжеств с половцами. В 1103 году Святополк и Владимир собрались у Долобского озера в преддверии готовящегося большого похода в половецкую степь. Княжеские съезды происходили и в дальнейшем: последний имел место в 1223 году, накануне столкновения с монголами на Калке. Хотя съезды и пытались официально закрепить удельный порядок на Руси, они не прекратили княжеских усобиц.

В апреле 1113 года Святополк Изяславич умер. Сразу же после его смерти киевляне подняли мятеж. Они громили дома богачей и лавки зажиточных купцов, избивали ненавистных ростовщиков. Четыре дня бушевала народная стихия. Наконец, городское вече решило пригласить на престол Владимира Мономаха. Приехав, он успокоил страсти, и порядок был восстановлен. Но очерёдность престолонаследия оказалась нарушена: ведь в соответствии с лестницей киевским князем должен был стать старший из сыновей Святослава Ярославича, и лишь потом наступал черёд Владимира Мономаха. Этот «сбой» и явился одной из причин длительной и жёсткой борьбы за киевское княжение между двумя ветвями Рюриковичей — старшими Ольговичами (потомками сына Святослава Ярославича — Олега) и младшими — Мономашичами (потомками Владимира Мономаха). Эта вражда с особой силой разгорелась с конца 1130-х годов.

А пока 60-летний Владимир Мономах занял киевский стол. Во время его правления (1113—1125) на Руси установились порядок и покой. Одним из первых дел князя стало создание «Устава», который дополнил «Русскую Правду». «Устав Владимира Мономаха» ограничил произвол ростовщиков. Теперь их доход за ссуду не мог превышать 20 процентов. Кроме того, «Устав» облегчил положение некоторых зависимых слоёв населения. «Всё это на некоторое время сняло социальное напряжение в обществе. По существу, Мономах выступил в истории Руси как первый серьёзный реформатор. Он сумел устранить наиболее откровенные язвы складывающихся отношений. Тем самым на время был достигнут социальный мир и упрочены основы развивающегося общества» (А. Н. Сахаров).

Как уже говорилось, Мономах был сыном Всеволода Ярославича от первого брака и внуком византийского императора Константина Мономаха. Он родился в Киеве 1 января 1054 года и носил христианское имя Василий (так же как и его предок, Владимир Святой). После смерти византийской принцессы Всеволод Ярославич женился на некоей Анне (ум. 7.10.1111). От обоих браков у него было два сына и четыре дочери.

Младший брат Мономаха Ростислав Всеволодович (1070—26.05.1093), князь переяславский, утонул в реке Стугне во время очередного русско-половецкого конфликта, закончившегося для русских князей тяжёлым поражением.

Об одной из дочерей Всеволода известно только, что она умерла в 1089 году, вероятно, малолетней. Янка Всеволодовна и Ирина Всеволодовна не выходили замуж, обе скончались в Киеве в начале XII века. Янка оставила о себе память благодаря тому, что в 1086 году собралась при Андреевском монастыре около трёхсот учениц, которых обучала письму, пению и ремёслам. Таким образом возникла первая женская школа на Руси, и сестра Владимира Мономаха может считаться родоначальницей «женского образования» в России. А вот Евпраксия Всеволодовна получила большую известность в Европе, так как сначала была женой саксонского маркграфа Генриха, а затем императора Священной Римской империи Генриха IV. Однако поведение Генриха заставило русскую княжну порвать с ним, впоследствии она даже выступала обличителем бывшего мужа на церковном соборе в присутствии папы, боровшегося со строптивым императором. Позже Евпраксия вернулась на Русь и была похоронена в киевском Печерском монастыре.

За свою жизнь Владимир Мономах сменил много уделов: он был князем ростовским, смоленским, владимири-волынским, туровским, черниговским, переяславским, наконец, киевским. Ему приписывается основание города Владимира на Клязьме. На некоторое время ему удалось «потушить» пожар княжеских усобиц, укрепить Русь, добиться определенной стабилизации русско-половецких отношений. Это был очень талантливый и разносторонне развитый человек. С детских лет приученный к суровым условиям военной жизни, он проявил себя отважным и умелым воином. Первым был и в бою, и на княжеской охоте, не боясь сразиться ни с диким кабаном, ни с медведем. Но он закалил не только своё тело, а прежде всего душу и разум. Духовные силы черпал в молитве, любил православное богослужение, заботился о церковном благочестии. Многие часы князь проводил с книгами, прекрасно владел словом, сам мог образно и ярко писать.

Владимир Мономах пользовался большим авторитетом на Руси. Он прославился как талантливый полководец, защитник Русской земли от врагов. Ведь именно он организовал ряд удачных походов русских князей на половцев. Причём несколько раз русские полки проникали далеко в глубь бескрайних половецких степей. Наиболее крупные походы на половцев произошли в 1103 и 1111 годах. Весной 1111 года князь вернулся на Русь «со славой великою», наголову разгромив крупное половецкое войско на речке Сальнице (недалеко от современного города Изюма). По мнению А. Н. Сахарова, «Мономах, бывший вдохновителем этой войны, придал ей характер крестового похода по образцу крестовых походов западных рыцарей против мусульман... Весть о русском крестовом походе в степь была доставлена в Византию, Венгрию, Польшу, Чехию и Рим. Таким образом, Русь в начале XII века стала левым флангом общего наступления Европы на Восток».

Владимир Мономах известен был и как справедливый правитель, стремившийся к правде и законности. Любой обездоленный мог найти у него поддержку и понимание. Князь не спорил с братьями за уделы, не начинал смут, а напротив, всегда стремился примирить вражду-

ющих, помня о заветах своего деда Ярослава. Эти качества обеспечили Мономаху широкую популярность в народе.

При князе Владимире Всеволодовиче возрос и международный престиж Древнерусского государства. Недаром именно с этим деятелем русской истории московские книжники XV века связали легенду о появлении на Руси царских регалий, будто бы полученных Владимиром от византийского императора. «Шапка Мономаха», сделанная, вероятно, на мусульманском Востоке в начале XIV века, была истинным символом русского самодержавия и государственного величия. В период создания Московского царства легенда об унаследовании Мономахом царских регалий из Византии служила прекрасной опорой замечательной идее о Москве как о Третьем Риме, наследнице Первого Рима, центра античной цивилизации, и Второго Рима — Константинополя, центра цивилизации православного христианства. Падение Константинополя в 1453 году ознаменовало превращение Москвы в новый центр христианской цивилизации, средоточие православной духовности. Преемственность государственной власти от византийских императоров как нельзя более точно иллюстрировалась фигурой Владимира Мономаха, внука «василевса ромеев» (и носившего, кстати, имя Василий, то есть царский).

До сих пор актуально звучат слова Мономаха из его «Поучения», обращённого к детям: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра.

Бога ради, не ленитесь, молю вас; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

Всего же более убоги не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели.

Что надлежало делать отроку (*младшему дружиннику*) моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в жару и стужу, не давая себе покоя. Сам делал, что было надо; весь распорядок в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтёт: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого (*плохого*), столько лет оберегал от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, сохранил, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, по-

страйтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлёт».

Владимир Всеволодович скончался 19 мая 1125 года на реке Альте, недалеко от того места, где погиб князь Борис. У Мономаха была большая семья. В начале 1070-х годов Мономах женился на принцессе Гюде (Пите). Она была дочерью английского короля Харальда (Гарольда II) Бодвинсона, павшего в битве с норманнами Вильгельма Завоевателя в 1066 году при Гастингсе. Принцесса доводилась родственницей уже упоминавшемуся датскому королю Свену Эстридсену и некоторое время жила при датском дворе. Имя и происхождение последней жены Мономаха неизвестно (ум. 11.06.1126).

Старшим сыном Мономаха был Мстислав, в крещении Фёдор, носивший также имя Харальд, в честь деда по матери (1076—15.04.1132). Он был князем киевским в 1125—1132 годах и вошел в историю с прозвищем Великий. Мстислав был причислен Русской православной церковью к лику святых. Долгое время Мстислав, еще при жизни отца, был князем новгородским. Первой его женой была дочь шведского короля Инге Стейнкельсона Кристин (Христина), умершая 18 января 1121 года в Новгороде. Второй женой — дочь новгородского посадника Дмитрия Завидича. Семья Мстислава поддерживала тесные связи со Скандинавией. Три его дочери носили скандинавские имена: Мальмфрид (Малфрида), Ингибьёрг (Ингеборга) и Рагнхейд (Рогнеда). Мальмфрид сначала вышла замуж за норвежского конунга Сигурда Магнусона (Сигурд Крестоносец), потомка Харальда Прекрасноволосого, затем за датского конунга Эрика Эмуне («Очень памятный», король Дании Эрик II), внука уже упоминавшегося короля Свена Эстридсена. Ингибьёрг была женой датского конунга св. Кнута Лаварда, младшего брата Эрика II. То есть оба брата были женаты на родных сестрах. Кнут являлся герцогом Шлезвига. Сын Ингибьёрг и Кнута получил имя Вальдемар, Владимир, в честь своего прадеда по матери Владимира Мономаха. Он был королем Дании под именем Вальдемара I и женился тоже на русской княжне Софии. Так династия Рюриковичей оказалась тесно переплетенной с датской королевской династией. Благодаря этому имя Вальдемар встречалось у датских королей и в дальнейшем.

Вслед за старшим сыном Мстиславом у Мономаха родилось еще семь сыновей и три дочери.

Изяслав Владимирович, князь курский и муромский, погиб 6 сентября 1096 года во время княжеской усобицы.

Святослав Владимирович, князь смоленский и переяславский, скончался 16 марта 1114 года.

Ярополк Владимирович, князь переяславский, наследовал Мстиславу Великому на киевском великокняжеском столе, но правил недолго (ум. 18.02.1139).

Вячеслав Владимирович, бывший некоторое время князем Смоленска, Турова, Переяславля, занял киевский стол после смерти брата Ярополка, но удержался на нем меньше двух недель — его выгнал Всеволод Ольгович, сын Олега «Гориславича». Неудачливый князь умер в 1154 году.

Роман Владимирович был князем владими́ро-во́лынским, на этом столе он и скончался 6 января 1119 года.

Андрей Владимирович, прозванием Добрый, самый младший сын Мономаха (11.08.1103—22.01.1142), наследовал брату Роману во Владимире-Волынском, а потом княжил в Переяславле. Переяславль Андрею отдал его старший брат Ярополк, бывший тогда киевским князем, когда же власть в Киеве сменилась и новый князь Всеволод Ольгович предложил Андрею Курск, младший из Мономашичей отказался от этого: «Лучше мне смерть с дружиной своей на земле отца и деда, нежели княжение в Курске». Тем самым он не признал прав Всеволода на Киев и тем более Переяславль.

Все шестеро Мономашичей или не оставили потомства совсем, или их роды пресеклись на детях и внуках. Чего нельзя сказать о еще одном сыне Мономаха — Юрии (Георгии) Долгоруком (1090—15.05.1157), считающемся основателем Москвы (о нем далее).

Дочери Мономаха: Мария Владимировна (ум. 19.01.1147) была женой Леона (Льва), выдававшего себя за сына византийского императора Романа IV Диогена (их сын Василько «Маричич» погиб в 1136 году); Евфимия Владимировна (ум. 4.04.1139) недолгое время была второй женой венгерского короля Кальмана; Агафья Владимировна вышла замуж за городенского князя Всеволодко Давыдовича. Интересно, что брак Кальмана и Евфимии Владимировны распался из-за того, что король обвинил жену в супружеской неверности и отослал обратно на Русь, где и родился у неё сын Борис. Он получил своё имя, вероятно, в честь святого Бориса Владимировича, культ которого активно поддерживал Владимир Мономах. Впоследствии Борис Коломанович безуспешно боролся за венгерский престол, опираясь на поддержку Византии, и погиб во время очередного венгерско-византийского столкновения в 1155 году.

К середине XII века Русь окончательно распалась на несколько самостоятельных княжений, в каждом из которых «сидели» представители тех или иных ветвей рода Рюриковичей. В первой половине XII века на Руси возникло около 10—15 княжеств, которые, в свою очередь, по мере разветвления княжеского рода дробились на ещё более мелкие. К тому же постоянная усобная борьба между отдельными династиями Рюриковичей не способствовала политической стабильности: многие княжества постоянно переходили из рук в руки. Тем не менее князья неоднократно предпринимали попытки установить строгую систему наследования столов. Однако княжеские съезды лишь ненадолго «успокаивали» ретивых Рюриковичей, и усобицы через некоторое время вспыхивали с новой силой.

Безусловно, главнейшим русским княжеством являлось Киевское. Наследование его велось по так называемой «лествичной» системе, но, по сути, уже в 1113 году она была нарушена.

К владениям киевских князей относились также Белгород, Вышгород и другие мелкие городки, куда киевские князья сажали своих родственников. Практически в унии с Киевом находилось Переяславское княжество. Там обычно княжили братья киевских князей. Переяславль считался владением Всеволодовичей, и Всеволодовичи же с 1113 года (с перерывами в 1139—1146 годах и после 1157 года) занимали киевский великокняжеский стол. В политическом отношении до середины XII века от Киева зависела и Волынь (столица — основанный ещё св. Владимиром город Владимир-Волынский). Затем — это самостоятельное княжество, которым владели представители одной из ветвей потомков Мстислава Великого — Изяславичи (потомки одного из его сыновей — киевского князя Изяслава Мстиславича).

Родовым владением Всеволодовичей являлась и Ростовская земля. Политическим центром её был Ростов, но здесь находился и другой крупный город — Суздаль. В последнем располагалась резиденция князя. Во второй половине XII века центром княжества стал Владимир, и постепенно именно владимирское княжение стало преобладающим на Руси (окончательно это было подтверждено монголь-

скими ханами). Владимирская Русь находилась во владении потомков Юрия Долгорукого.

Смоленское княжество тоже принадлежало Всеволодовичам (лишь изредка смоленский стол занимали потомки Святослава Ярославича). Здесь возникла в середине XII века своя династия, основателем которой был один из сыновей Мстислава Великого — Ростислав Мстиславич.

Потомкам другого сына Ярослава Мудрого — Святослава также принадлежали значительные владения. Святославичи разделились на две большие ветви: от Олега «Гориславича» пошли так называемые «Ольговичи», а от его младшего брата Ярослава — династия муромских князей. Ольговичи были очень активны. Они боролись за киевский стол, и зачастую одерживали победы, но их родовым владением оставалось Черниговское княжество, довольно большое территориально и сильное в экономическом отношении. Чернигов был одним из крупнейших русских городов и играл значительную роль в жизни русских земель. В конце XII века от Черниговского княжества откололось Новгород-Северское. Во владения новгород-северских князей попал и Курск.

Помимо вышеперечисленных, на Руси существовало еще 4 «династийных» и 2 «нединастийных» княжения. Ветвь одного из старших сыновей св. Владимира — Изяслава, «Изяславичи», ещё с конца X века княжила в Полоцкой земле, бывшей родовым владением Рогнеды и её отца Рогволода. С 1101 года в Полотчине правили потомки правнука св. Владимира — Всеслава Вещего. Княжество постепенно дробилось, впоследствии из него выделились более мелкие княжения.

Род старшего сына Ярослава Мудрого и Ингигерд — Владимира довольствовался маленькими городками — Звенигородом, Перемышлем и Теребовлем. Но в 1141 году правнук Владимира Ярославича Владимирко Володаревич (имя Владимир было в этой династии родовым) сумел объединить мелкие уделы в единое целое, сделал столицей княжества город Галич. Так возникло Галицкое княжество, самое южное из всех русских, его граница доходила до Черного моря. Впоследствии Галич перешел к потомкам Мстислава Великого.

Родовым владением династии князей, идущей от еще одного сына Ярослава Мудрого — Изяслава Ярославича, точнее от сына последнего — Святополка II, был Туров. Это было очень «плохонькое» княжество, находившееся на древней земле дреговичей. Местность лесистая и болотистая, а городов очень мало. В середине XII века один из потомков Святополка II — Юрий Ярославич стал князем Пинска. Таким образом, Туров и Пинск стали принадлежать одной династии.

Наконец, потомки одного из младших сыновей Ярослава Мудрого — Игоря довольствовались мелкими владениями на Волыни. Это были изгои рода Рюриковичей. В середине XII века им удалось закрепиться в небольшом городке Городене (современный Гродно), и там недолго существовало маленькое Городенское княжество. Из Игоревичей особенно выделяется внук Ярослава Мудрого — Давыд (ум. 25.05.1112), сменивший на своём веку множество уделов, побывавший и в Тмутаракани, и на Волыни, и в Дорогобуже. Это был

Общая схема русских княжеств XII века.

князь-авантюрист, чрезвычайно деятельный и не гнушавшийся ради достижения своих целей никакими средствами. Потомками Игоревичей считается польский род князей Любомирских.

Особое положение среди русских земель занимали Новгород и отделившийся от него в политическом отношении Псков. Они приглашали к себе князей, и потому эти княжества, называемые часто «феодалными республиками», не принадлежали какой-то одной династии. Это были крайние северные области Руси.

В состав русских земель входила также Тмутаракань, там находили пристанище князья-изгои, потомки сыновей Ярослава Мудрого — Владимира, Святослава, Вячеслава и Игоря. С конца XI века политическое положение Тмутаракани неясно, вероятно, город перешел во владения Византийской империи. «Русским» городом считалось и Олешье, находившееся в устье Днепра, оно было оторвано от основной территории подобно Тмутаракани, и там тоже закреплялись князья-изгои, например, внук Ярослава Мудрого — Давид Игоревич.

Что же происходило в сердце русских земель — в Киеве? После смерти Владимира Мономаха Киев остался в руках его потомков — династии Всеволодовичей. Наследником Мономаха был его старший сын Мстислав Великий (правил в 1125—1132 гг.). В период его княжения на Руси установился относительный покой. После смерти Мстислава Киевом управляли его братья Ярополк Владимирович (1132—1139) и Вячеслав Владимирович (1139). Но последний смог продержаться на киевском столе всего восемь дней. Из Чернигова к городу подступил с войском князь Всеволод Ольгович (1139—1146), принадлежавший к другой княжеской ветви — Ольговичам. Он был сыном Олега Святославича и внуком Святослава Ярославича черниговского. В крещении Всеволод носил имя Кирилл и, по мнению академика Б. А. Рыбакова, послужил прообразом быллинного богатыря Чурилы (форма от имени Кирилл) Пленковича. Захватив Киев, Всеволод II сумел на несколько лет установить в нём свою власть, мало считаясь с местным боярством. Киевляне не любили его. Хитрый, жадный и коварный, Всеволод больше заботился о пополнении своей казны и любовных утехах, чем о защите и славе Киева. Враждовал он даже со своими братьями, столь же строптивыми князьями. В. Н. Татищев приводит такую характеристику Всеволода: «...ростом был муж велик и вельми толст, власов мало на голове имел, брада широкая, очи небольшие, нос долгий... Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах упражнялся... И как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых, заплакал, а более были рады». Женой Всеволода была дочь Мстислава Великого, внучка Мономаха, Мария (ум. в 1179). Киевский князь скончался 1 августа 1146 года в Вышгороде.

Его преемником стал брат Игорь, но он совсем не пользовался доверием киевлян и был нелюбим киевским боярством. Всеволод незадолго до смерти буквально «навязал» младшего брата горожанам, заставив их принести клятву, что следующим князем будет Игорь. Сам Игорь присягнул киевлянам на вече. Но не успел он уехать в свой те-

рем, как в городе вспыхнул мятеж. Игорь не выполнил одного из требований горожан — отстранить от власти соратников Всеволода — тиунов Радшу (не это ли предок Пушкиных?) и Тудора. Посадский люд бросился громить дворы богачей и княжеских приближённых. Напуганные киевские бояре отправили посольство к Изяславу Мстиславичу (сын Мстислава Великого и внук Мономаха) с приглашением на киевский стол. Когда Изяслав с войском подошёл к Киеву, горожане открыли ему ворота, а Игорь был разбит, четыре дня скрывался по каким-то болотам, но потом его отыскали, посадили в темницу, а позднее постригли в монахи. 13 августа 1146 года Изяслав Мстиславич стал киевским князем. Но на этом злоключения Игоря не кончились. 18 сентября 1147 года по приговору веча Игорь Ольгович был убит. Горожане выволокли его из церкви, но брат Изяслава Владимир вступился за князя-инока. Он пытался спрятать его на дворе своей матери. Однако разъярённые киевляне выломали ворота, отбили Игоря у его защитников и расправились с ним. Потом труп князя за верёвку, привязанную к ноге, вытащили со двора на торговую площадь. Впоследствии Игорь Ольгович был причислен Русской православной церковью к лику святых-мучеников.

Изяслав Мстиславич был одним из наиболее ярких Рюриковичей XII века. Он носил в крещении редкое в княжеской семье имя Пантелеймон. Его появление в именослове Рюриковичей имеет свою историю. Как известно, св. Пантелеймон является покровителем врачей, святым-целителем. С середины X века в знаменитом немецком городе Кёльне существовал монастырь св. Пантелеймона, в синодике которого упоминается имя «регины» Гиды. Это жена Владимира Мономаха Гита (Гюда), которая после битвы при Гастингсе, где погиб её отец, некоторое время жила во Фландрии. Фландрия была диоцезом Кёльнской епархии. Среди произведений, связанных с монастырём в Кёльне, существует похвальное слово св. Пантелеймону, где среди чудес святого упоминается случай с неким русским королём Арольдусом, которого святой исцелил после ран на медвежьей охоте. В Арольдусе без труда можно увидеть Мстислава Великого, носившего, как мы знаем, и имя Харальд. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Мстислав назвал одного из своих сыновей в честь святого, которому был обязан жизнью и которого, очевидно, почитала его мать Гита.

Правление Изяслава было беспокойным, его право на киевский стол оспаривал Юрий Долгорукий, князь ростовский и суздальский, его родной дядя. Об этом примечательном человеке следует сказать особо.

ДОЛГОРУКИЙ ОСНОВАТЕЛЬ МОСКВЫ

Князь Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий (около 1090—1157), безусловно, принадлежит к числу наиболее известных и популярных деятелей древнерусской истории. Конечно, остался он в исторической памяти народа, прежде всего, как основатель столицы Русского государства, как князь, положивший начало династии владимиристо-суздальских и московских правителей, устроитель Северо-Восточной Руси, ставшей ядром будущей Великороссии. Имя его прекрасно соответствует и широко распространенной трактовке московского герба — изображению Георгия Победоносца, поражающего копьём змея. Именно как создатель Москвы Юрий упоминается во всех учебниках истории, он был ключевым историческим образом в дни московских празднеств, включая и широко отмечавшееся 800-летие Москвы в 1947 году, когда Юрию был поставлен величественный памятник в центре столицы (правда, монумент был открыт через несколько лет). В связи с новым юбилеем города (вернее, первого упоминания Москвы в историческом источнике) интерес к личности и деяниям Юрия Долгорукого, князя, построившего в Москве первую крепость — кремль, заметно возрос. Его имя вновь замелькало на страницах прессы, в научных и не совсем научных исследованиях, был снят даже фильм «Юрий Долгорукий» (изобилующий, кстати, грубейшими историческими ошибками). Однако эта волна интереса повлекла за собой, как это часто бывает, не столько попытку анализа самой личности Юрия, сколько создание его мифологизированного образа, весьма далекого от исторической реальности.

Каким же предстает теперь Юрий Долгорукий в современном общественном сознании? Без преувеличения можно сказать, усилиями любителей истории перед нами своего рода идеальный правитель, некий «великий муж» уровня Владимира Мономаха или даже Владимира Святого, мудрый и бесстрашный, гениальный полководец, прозорливый политик и даже, как это ни странно, ревнитель единства и собиратель русских земель. Повторяются расхожие штампы нашей историографии, только теперь они возводятся в превосходную степень, приближаясь к заоблачным высям и превращая неведомое нам лицо князя в ангелоподобный лик. К примеру, можно встретить утверждения, что

Долгорукий князь прозван за то, что слишком далеко простиралась по русской земле его интересы (только теперь это трактуется как необычайная «заботливость» Юрия о всей Руси), это якобы способствовало объединению русских земель, к чему стремился Юрий (кажется, такова основная идея художественного фильма), Киев Юрия почти как бы и не интересовал (в фильме об этом вообще ни слова), Юрий оказывается фактически последним великим князем киевским, потому что якобы столица Руси переместилась во Владимир уже в следующем поколении Рюриковичей, и в этом проявилась особая дальновидность Юрия, честолюбив он был в меру, так же как и все другие князья, наконец, он был образцом благочестия в то тяжелое время, когда только-только распространялось на Руси христианство, да и к тому же из одиннадцати его сыновей пятеро — святые Русской православной церкви. Итак, создан очередной миф: Юрий Долгорукий встал в ряд великих русских князей где-то между Владимиром Мономахом и Александром Невским. Попытаемся более основательно разобраться в исторических фактах и посмотрим, соответствуют ли они созданному образу.

Во-первых, знаменитое прозвище — Долгорукий.

К сожалению, наша историография так и не может избавиться от идеологических влияний, и те прозвища князей, которые в советскую эпоху трактовались с отрицательным оттенком, теперь превращаются в положительные. Классическим примером такой метаморфозы является Иван Калита. Уже давно установлено, что означает само слово «калита», — это сумка, которую привешивали к поясу и в которой могли храниться деньги. Но ранее прозвание Калита объяснялось тем, что князь Иван Данилович был скуп, жаден на деньги, многие политические вопросы решал с помощью подкупа и к тому же получил в Орде право самостоятельного сбора ордынской дани. Теперь же о «собирателе русских земель» неудобно так говорить, и прозвание «Калита» стало трактоваться как свидетельство необыкновенного благочестия Ивана: он, оказывается, для того только и носил калиту, чтобы постоянно раздавать милостыню бедным. Этот пример показывает, как легко можно объяснить любое прозвище, исходя из сиюминутной идеологической конъюнктуры.

То же самое произошло и с Юрием. Ранее он считался «Долгоруким» за то, что постоянно пытался захватить Киев, распространить свою власть на другие, кроме Ростово-Суздальской, русские земли, теперь же оказывается, что это была забота о Руси, стремление обеспечить ее единство. Вообще, единство Руси как было, так и остаётся устойчивым рефреном всех околоисторических сочинений. Не успела Русь распасться на отдельные княжества, как тут же появились тенденции к объединению, безусловно, прогрессивные, а те князья, которые пытались сохранить свою самостоятельность или объединить земли вокруг своих владений, а не московских, объявляются противниками централизации и, следовательно, своего рода ренегатами, врагами Руси.

Но только ли потому, что князь «тянул свои руки» на юг Руси, а точнее, в её подлинное сердце — златоглавый Киев, заслужил он своё

прозвание? Действительно, начиная с конца 1140-х годов, он постоянно боролся за киевский великокняжеский престол, воюя с племянником Изяславом Мстиславичем. Но само по себе стремление Юрия стать киевским князем вполне естественно и отнюдь не удивительно. Вспомним, что на Руси бытовала лестничная система наследования. Трое братьев Юрия: Мстислав, Ярополк и Вячеслав Владимировичи последовательно занимали киевский стол в 1125—1139 годах, затем произошла узурпация власти Всеволодом Ольговичем, после смерти которого последовало недолгое правление его брата Игоря. Ольговичи принадлежали к тому же поколению Рюриковичей, что и Мономашичи. И те и другие приходились друг другу троюродными братьями и являлись правнуками Ярослава Мудрого. Причём Ольговичи по генеалогическому счету были даже старше Мономашичей, потому что их дед Святослав Ярославич был старшим братом деда Мономашичей — Всеволода Ярославича.

Тем не менее киевский стол в 1125—1146 годах находился в принципе в руках одного поколения, но затем произошло коренное нарушение лестницы. Киевский престол вернулся во владение Мономашичей, но князем стал представитель другого поколения Рюриковичей, уже праправнук Ярослава Мудрого Изяслав (в крещении Пантелеймон) Мстиславич, сын Мстислава Великого и соответственно племянник Юрия. Это было прямое нарушение прав, так как дядя, безусловно, всегда считался «старше» племянника. Имевший же место факт приглашения киевлянами князя принципиально не менял ситуации. Поэтому вполне естественно, что Юрий счёл себя обойденным и не согласился с тем, что Киев занял его племянник (пусть даже и сын старшего брата).

К 1146 году из сыновей Мономаха в живых оставалось только двое: Вячеслав и Юрий. Вячеслав имел печальный опыт, будучи уже свергнутым с киевского стола, и теперь начал поддерживать племянника Изяслава. Юрий же оставался, таким образом, последним Мономашичем этого первого поколения, не занимавшим киевского стола, и, значит, не мог мириться с реальным старшинством племянника. Поэтому его права на Киев были весьма законными.

Может ли такая ситуация стать причиной появления прозвища Долгорукий? Думается, это маловероятно. Помимо Юрия, в роду Рюриковичей было ещё два человека, носивших такое прозвище. Это родоначальник князей Вяземских, потомок Мстислава Великого Андрей Владимирович Долгая Рука, который лишь однажды в 1300 году упоминается летописями; и потомок святого Михаила Всеволодовича черниговского, князь Иван Андреевич Оболенский, по прозвищу Долгорукий, родоначальник князей Долгоруковых. Прозвище первого объяснить сложно, вероятно, оно могло быть связано с его военными делами. Второй якобы был прозван Долгоруким за свою мстительность. Уже эти объяснения показывают неоднозначность трактовки характеристики «Долгорукий». Но столь же вероятно, что прозвище Юрия могло отражать конкретные физические особенности. И может быть, не стоит искать скрытый смысл там, где его не было изначально.

Русь того времени, по сути, представляла собой конгломерат вполне самостоятельных в политическом отношении княжеств-государств, но тем не менее киевское княжение оставалось главным. Процесс раздробления Руси начался ещё при Владимире Святом, хотя княжения, которые он выделил своим сыновьям, были скорее «держаниями», нежели отдельными княжествами.

Но после смерти Ярослава Мудрого, когда княжеский род стал разрастаться всё сильнее и сильнее, распад Руси оказался неизбежным. Раздробленность продолжалась вплоть до 1520—1521 годов, когда было ликвидировано последнее княжество в пределах династии Рюриковичей, и до 1591 года, когда исчез последний удел в пределах ее московской ветви. Следовательно, можно сказать, что Древнерусское государство по-настоящему единым при Рюриковичах было лишь очень непродолжительное время: в 980—1013/14, 1036—1054 и 1521—1598 годах.

Раздробленность Руси была закономерным явлением, более того, подобного рода ситуации существовали и в других европейских странах. Ничего катастрофического в этом не было. Князья, прежде всего, ощущали себя владельцами своих земель, они всячески укрепляли их и способствовали их процветанию. Удельный период — это время бурного экономического роста, активного культурного и духовного развития отдельных княжеств, а значит, и в целом Руси. Высочайшие культурные достижения XII—XV веков — во многом результат самостоятельного существования русских княжеств. Поэтому раздробленность была не только закономерным, но и во многом положительным явлением русской истории.

Обычно считается, что именно из-за своей раздробленности Русь не смогла противостоять монгольскому завоеванию. Тем не менее, к примеру, в то же самое время было остановлено западное военное продвижение на северные русские земли. Дело, думается, не столько в отсутствии единства русских сил, сколько в несопоставимости военной и пассионарной мощи монголов и русских в период завоевания. Хорезм, Китай, Венгрия и другие государства были отнюдь не беспомощными, однако и они были сметены монгольским смерчем достаточно быстро, несмотря на жестокое сопротивление. В ту эпоху в Евразии, вероятно, вообще не существовало государственной и военной силы, способной не только остановить, но и разгромить монгольские войска. Поэтому русские княжества лишь стоят в ряду других побежденных государств (хотя именно Русь способствовала пространственному ограничению военной активности монголов), и сложно сказать, было бы по-иному, если бы наше государство было единым.

Процесс объединения начал происходить в силу естественного стремления князей расширить границы своих владений, причём этот процесс характеризовался полицентризмом, то есть объединительные тенденции присутствовали в различных княжествах, а не только в Московском. Но это признаки более позднего времени, а в середине XII века, бесспорно, никаких объединительных тенденций не существовало да и не могло существовать. Когда Юрий Долгорукий встался

в Киев, он вовсе не хотел присоединить его к своим собственным владениям, он желал занять лидирующее положение среди других русских княжеств. А свои земли он не столько расширял, сколько укреплял от внешней опасности, чем и объясняется его бурная градостроительная деятельность.

Если рассматривать деятельность Юрия в общерусском масштабе, а не с точки зрения Ростово-Суздальской земли, следует признать ее в целом малозначимой. Остановимся на ней подробнее.

Первым княжением Юрия была Ростовская земля. В 1096 году князь Олег Святославич (кстати, его явно недоброжелательное прозвище Гориславич, упомянутое автором «Слова о полку Игореве», почему-то закрепилось за ним и в исторических трудах) совершил поход на эти земли и очень быстро захватил и Ростов, и Суздаль. Олег поставил здесь своих посадников и начал собирать дань. Но в 1097 году Любечский съезд князей признал Ростов и Суздаль владениями Всеволодовичей-Мономашичей (Олег принадлежал к старшей ветви — Святославичам).

Когда начал здесь княжить Юрий — неясно. В историографии почему-то утвердилась дата — 1096—1097 годы, но в источниках нет никаких сведений на этот счет. Юрий вообще впервые упоминается только в 1107 году в связи с женитьбой. Вероятно, тогда он уже был ростовским князем. В то время обычно князь мог послать своего сына на княжение в какую-то землю в возрасте примерно 14 лет, а чаще и еще более взрослым. В 1096 году Юрию было примерно 6 лет. Конечно, поставление на княжение 6 — 7-летнего ребенка выглядит совершенно нелепым, даже если учесть, что Юрия воспитывал и оберегал тогдашний ростовский тысяцкий Георгий Симонович. Да и сама Ростовская земля находилась на значительном отдалении от Переяславля, где княжил Мономах. Это была очень беспокойная окраина Руси, соседствовавшая с Волжской Булгарией. Впрочем, в письме к Олегу Святославичу, написанному после гибели своего сына Изяслава Владимировича (убит 6 сентября 1096 года в сражении с Олегом), Владимир Мономах говорит о «малом брате» Изяслава, сидящем недалеко от Олега. Но именно в это время Олег готовился к захвату и Суздаля, и Ростова. Поэтому, вероятно, Юрий мог начать княжить там только в более менее взрослом возрасте, и уж никак не ребенком. По всей видимости, начало ростовского княжения Юрия следует отнести ко времени незадолго до 1107 года.

Итак, пестуном Юрия был ростовский тысяцкий Георгий Симонович (умер после 1130 года). Он являлся и воеводой Юрия, и его ближайшим советником и помощником. Георгий происходил из знатной семьи, его дедом был некий «варяжский князь» Африкан, брат Якуна (Хакона) «слепого», служившего еще Ярославу Мудрому. Это, вероятно, была дружинная аристократия, которая в качестве наемников служила русским князьям, а потом осела на Руси. Потомки Георгия Симоновича вошли в состав русской знати: один из них — Протасий Фёдорович был московским боярином при Иване Калите, его потомки — Вельяминовы, в свою очередь, были московскими тысяцкими при Семёне Гордом, Иване Красном и Дмитрии Донском (последним мос-

ковским тысяцким был Василий Васильевич Вельяминов, умерший 17 сентября 1373 года, по некоторым сведениям можно заключить, что его сестра была матерью Дмитрия Донского). Таким образом, род Симона Африкановича, служивший основателю Москвы, позже служил и первым московским князьям. Род Вельяминовых разросся и дал начало нескольким родам русского дворянства, из них наиболее известными были Аксаковы (даввшие нескольких замечательных деятелей русской культуры), Исленьевы (по одной из линий это предки Софьи Андреевны Берс — графини Толстой), Протасовы (впоследствии даже получившие графский титул) и Воронцовы-Вельяминовы. К последнему роду принадлежал и знаменитый астроном, академик Российской академии педагогических наук, автор классического школьного учебника по астрономии, по которому обучалось не одно поколение советских школьников, Борис Александрович Воронцов-Вельяминов (1904—1994). Он много занимался историей своего рода, начиная с Симона Африкановича, и написал большую работу об этом, которую назвал весьма забавно: «От варягов к строителям коммунизма».

Но вернёмся в начало XII века. Несмотря на то что политическим центром княжества был Ростов, сам князь Юрий жил в Суздале. Вероятно, это было вызвано определенным настороженным отношением местной ростовской знати к Юрию, но, пока был жив Георгий Симонович, ему как тысяцкому удавалось удерживать обе стороны от конфликтов.

Владимиро-Суздальская земля в тот период находилась на подъёме: процветала торговля, развивались ремесла, строились города. Определённый приток населения шёл с юга, наиболее сильно страдавшего от княжеских усобиц и нападений степняков. Недаром на северо-востоке возникли города — «тёзки» южных: Переяславль, позже Галич. Однако очень сильной оставалась опасность со стороны Волжской Булгарии: у христианства с исламом были не очень теплые отношения. Города на границе с Булгарией укреплялись, незадолго до 1107 года были сооружены валы около Суздаля. В 1107 году болгары напали на город. Суздаль был осаждён, но «чудом» спасся от разгрома. Горожане «из града изшедше, всех избиша». Это событие, вероятно, подтолкнуло Мономаха к союзу с половцами против болгар, который был скреплён 12 января 1108 года женитьбой Юрия на дочери половецкого хана Аепы Осенева. В том же 1108 году, по свидетельству Львовской летописи, Владимир Мономах строит город Владимир-Залесский и ставит в нём церковь Св. Спаса. Впрочем, в историографии существует мнение, базирующееся на других источниках, что Владимир был построен ещё святым Владимиром Святославичем. Однако, возможно, Мономах и не строил город, а лишь значительно укрепил его, создав мощные стены, валы и рвы. Стройка была очень большой и потребовала мобилизации усилий тысяч людей. Юрий, возможно присутствовавший на ней, понимал значение градостроительства для нормального развития княжества и как бы «перенял» у отца стремление создавать новые города и укреплять старые. За свою жизнь он построил не один город.

В последующее десятилетие в русско-булгарских отношениях наступило некоторое затишье. Половецкий хан Аепа, враждовавший с Булгарией, не оставлял надежду договориться с противником. Но на переговорах в 1117 году Аепа и другие половецкие ханы были отравлены булгарами. Это привело к прямому конфликту Юрия с Булгарией.

В 1120 году ростовский князь совершил поход на Волгу. Войско булгар было разбито, и Юрий захватил большую добычу. Эта победа на некоторое время ликвидировала булгарскую опасность для северо-восточной Руси. Но с запада Ростовская земля граничила с другим не менее опасным соседом — Новгородом. Опасность новгородского набега заставила Юрия построить город Коснятин в устье реки Нерли, который защищал его княжество с запада. Около 1134 года Коснятин был значительно укреплен. Такая предосторожность оказалась очень своевременной: в 1135 году новгородцы совершили два похода в Ростовскую землю. Тогдашний новгородский князь Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Великого, хотел захватить Суздаль и посадить там на княжение своего младшего брата Изяслава (будущего князя киевского). Первый поход, однако, оказался недолгим и закончился около города Дубна. Второй поход был подготовлен значительно лучше. 26 января 1135 года объединенное войско новгородцев, псковичей и ладожан встретилось близ Ждан-горы с ростовскими и суздальскими полками под командованием сына Юрия Долгорукого Ростислава. Новгородцы были разбиты, многие знатные горожане погибли, были убиты даже посадник Иванка Павлович и тысяцкий Петрила Микулич. Князь Всеволод Мстиславич бежал с поля боя и вскоре был изгнан горожанами с новгородского стола.

Видимо, Юрия не очень устраивало его положение в качестве ростовского князя. Существовавшая внешняя опасность не способствовала стабильности, к тому же Ростовские области были слишком далеко от Киева, где вершилась русская политика. Поэтому Юрий неоднократно пытался сменить княжение. После смерти Мстислава Великого, в 1132 году, он захватил Переяславль и сидел в нём восемь дней. Но новый киевский князь Ярополк изгнал Юрия оттуда и отправил назад в Суздаль. Тогда же Юрий попытался стать полоцким князем (в это время Полоцк недолго принадлежал Мономашичам), но и эта попытка не увенчалась успехом. В 1135 году Юрий снова становится князем переяславским. Он обменял у Ярополка Переяславль на Ростов и Суздаль, но опять не удержался на юге и вернулся на своё первоначальное княжение. Конечно, Переяславль был нужен Юрию как шаг на пути к киевскому столу, да и по сложившейся традиции в этом городе обычно сидел один из братьев великого князя киевского.

В 1146 году киевский стол занял Изяслав Мстиславич, второй сын Мстислава Великого. Он сменил несколько княжений: правил в Курске, Полоцке, Турове, Владимире-Волынском, Переяславле. Занятие Изяславом киевского стола стало поводом для многолетней усовицы Рюриковичей, когда были созданы две враждующие группировки князей. На стороне Изяслава Мстиславича выступили его младший брат Ростислав (в крещении Михаил), князь Смоленска, с 1150 года — старший брат Юрия Долгорукого, бывший киевский князь Вячеслав,

и Новгород, традиционный противник Юрия. Изяслав пользовался поддержкой киевского боярства, которое и пригласило его на великокняжеский стол. Ориентировался Изяслав и на союз с западными соседями, прежде всего с Польшей и Венгрией (венгерской королевой была сестра Изяслава Евфросинья). Другую княжескую группировку возглавлял Юрий, союзниками которого выступали Владимирко Володаревич, князь галицкий (младший брат Юрия, рано умерший Роман был женат на сестре Владимирка, а в 1150 году сын Владимирка Ярослав Осмомысл женился на дочери Юрия — Ольге), и сын Олега «Гориславича» Святослав Ольгович (в крещении, как и дед Святослав Ярославич, — Николай), будущий князь черниговский (он был братом обоих предыдущих киевских князей Всеволода II и св. Игоря, а женился в один день с Юрием тоже на дочери половецкого хана только другого, Аепы Гиргенева). Как брат киевских князей он имел все основания быть недовольным Изяславом, поскольку, очевидно, тоже считал его узурпатором (Святослав вполне мог быть потенциальным претендентом на киевский стол). Разумеется, эту группировку поддерживали половцы, а также Византия (вторым браком Юрий был женат на родственнице византийского императора Мануила Комнина, а сестра Владимирка галицкого Ирина была в своё время женой сына императора Алексея Комнина — Исаака). В преддверии войны обе стороны вели переговоры с возможными союзниками.

В 1146 году Святослав Ольгович, князь курский и новгород-северский, был изгнан из Северной земли своими двоюродными братьями Давыдовичами, которые после свержения Ольговичей с киевского стола, решили с ним не церемониться. Изгнанник отправился в землю вятичей, где засел в небольшом городке Лобынске. Сюда к нему прибыло посольство Юрия Долгорукого, передавшее князю знаменитые слова: «Приди ко мне, брате, в Москову». Святослав отправился на встречу с Юрием с сыновьями Олегом (это отец Игоря, героя знаменитого «Слова...») и Владимиром. Встреча в Москве состоялась «в пяток на Похвалу святей Богородицы» начавшегося 1147 года, то есть в пятницу пятой недели Великого поста. Этот день приходился на 4 апреля 1147 года, первый день исторического существования города Москвы. Олег, ехавший впереди отца, подарил Юрию «пардуса», то есть шкуру барса. Потом подросли и Святослав с Владимиром. Юрий устроил «обед силен» и одарил князей «дары многы». Святослав вернулся в Лобынск, а через некоторое время смог возратить себе и свой удел в Северной земле.

Известие 1147 года является первым летописным упоминанием о Москве, однако оно не свидетельствует о существовании Москвы как города. Напротив, в ряде летописей под 1156 годом говорится о закладке Юрием города Москвы. Исследование этого свидетельства было проведено известным петербургским историком Ю. А. Лимоновым, который пришел к выводу, что Москва была построена Юрием в середине 1153 года, между апрелем и ноябрем. И действительно, в 1147 году могло существовать какое-то небольшое поселение (позднейшие памятники связывают его существование с именем убитого Юрием некоего Степана Ивановича Кучки, на дочери которого, Ули-

те, якобы был женат Андрей Боголюбский; Улите даже приписывалось участие в убийстве мужа). А в 1153 году или около того Юрий поставил «град», то есть укрепил Москву, создал кремль с крепкими крепостными стенами, превратив город в форпост на границе со Смоленской землей (напомним, что там княжил враг Юрия — Ростислав Мстиславич).

С началом киевского княжения Изяслава Мстиславича Юрий прекратил отправлять в Киев суздальскую дань, что явилось важным шагом на пути укрепления политической самостоятельности Ростово-Суздальской Руси. Борьба Юрия с Изяславом началась с похода ростовского князя на новгородские области. В 1147 году Юрий «пришел взя Новый Торг (Торжок) и Мьсту всю взял». Ответный удар был нанесен в следующем, 1148 году. Зимой Изяслав прибыл из Киева в Новгород, где был торжественно встречен горожанами, и во главе большого новгородского войска выступил в поход на Ростовскую землю. Изяслав взял шесть волжских городков, разорил и пожёг окрестности Коснятина и Ярославля и с 7000 пленных вернулся в Новгород. Посчитав, вероятно, что это поражение надолго «выбьет Юрия из седла», киевский князь возвратился в свою столицу.

1148-й и первую половину 1149 года Юрий использовал для накопления сил и сбора войска. В это же время он сооружает великолепный храм в Суздале и строит церковь и княжеский дворец в загородной резиденции Кидекше. Тогда же в семье Юрия происходит разлад. Его старший сын Ростислав (в крещении Яков), обидевшись на то, что отец не дал ему удела в Суздальской земле, уехал в Киев, к Изяславу. Конечно же, Изяслав Мстиславич обрадовался, что сын его главного врага теперь является его союзником, и дал ему в удел Городец-Остерский, Бужск и некоторые другие города.

В 1149 году борьба киевского и ростовского князей развернулась с новой силой. Поводом для решительных действий стали события на юге. Киевские бояре донесли Изяславу, что Ростислав Юрьевич собирается захватить Киев. Тогда великий князь отобрал у Ростислава пожалованные ему города и выслал его в Суздаль, к отцу. 24 июня 1149 года Юрий выступил в поход на Киев. У городка Ярышева к нему присоединилось войско Святослава Ольговича (В. Н. Татищев датировал это событие 1 августа), а на реке Супой подоспели и половцы. Узнав о движении противников, Изяслав собрал войско и двинулся им навстречу. Местом решающего боя оказался Переяславль. Войска Юрия и Святослава заняли позицию под городом на берегу реки Трубеж. Долгорукий расположил свои отряды в центре, войска под командованием сыновей Ростислава и Андрея поставил на левый фланг, а войско Святослава расположилось на правом фланге. Вначале Юрий обратился к Изяславу с предложением мира, но киевский князь отказался от переговоров. Тогда Юрий и Святослав на заходе солнца 23 августа 1149 года начали битву. Воинство Изяслава не сдержало натиска союзников и дрогнуло. Несмотря на то что Изяславу удалось рассечь войско противника, пройдя между ростовскими и черниговскими отрядами, в результате чего он зашел к ним в тыл, перевес оказался на стороне Юрия. Смятение в отрядах киевского князя и переход переяславцев на сторо-

ну Долгорукого привели к поражению Изяслава, который бежал с поля боя в Канев, а оттуда в Киев. Наутро Юрий вошел в Переяславль, где был торжественно встречен горожанами, и пробыл там три дня. Оттуда Юрий направился к Киеву и, не дойдя до города, остановился близ Выдубицкого монастыря, ожидая войска Изяслава. Но горожане отказали своему князю в сборе ополчения, и Изяслав, покинув столицу, бежал во Владимир-Волынский, где княжил его младший брат Святослав (в крещении Иоанн) Мстиславич. В начале сентября 1149 года Юрий без боя вошел в Киев и стал великим князем. Началось первое киевское княжение Юрия Долгорукого. Переяславским князем Юрий поставил своего сына Ростислава, который занимал этот стол вплоть до смерти (6 апреля 1151 года).

Между тем Изяслав, находившийся во Владимире-Волынском, обратился за помощью к Польше и Венгрии. Несколько тысяч польских и венгерских наемников пришли к нему на помощь, и началась подготовка к походу на Киев. Одновременно Изяслав решил «разбить» единство Мономашичей, предложив брату Юрия Вячеславу Владимировичу перейти на его сторону. Вячеслав в то время княжил в Турове. Изяслав даже обещал ему в случае захвата Киева великокняжеский стол. Вероятно, Вячеслав колебался, и, подкрепляя слова делом, Изяслав начал концентрировать свои войска вдоль западной границы Туровского княжества. Угроза войны испугала нерешительного Вячеслава, и он обратился за помощью к Юрию. Вместе с половцами Долгорукий направился к границе Волынского княжества и приблизился к городу Пересопница. Изяслав, в свою очередь, выступил из Владимира к Луцку. В этой ситуации очень важной была позиция Владимирка галицкого, чье княжество непосредственно примыкало к Волыни. Он направил помощь Юрию, и передовые отряды войска киевского князя под водительством всё тех же его сыновей Ростислава и Андрея вошли в Пересопницу. Вскоре подошел и сам Юрий. Большое войско, подкрепленное к тому же галичанами, испугало Изяслава. Через поляков и венгров он попытался склонить Юрия к переговорам. Венгерские воеводы и польский князь Болеслав IV Кудрявый обратились с посланием к Мономашичам, где изложили позицию Изяслава. Бывший великий князь соглашался с потерей Киева, но взамен требовал признание его прав на владими́ро-во́лыньское княжение и возвращение новгородской дани, которая была захвачена Юрием. В ответном послании братья недвусмысленно дали понять, что венгры и поляки не имеют права вмешиваться во внутренние дела Руси, и потребовали ухода иностранных войск и возвращения Изяслава во Владимир. Изяславу ничего не оставалось, как согласиться с требованиями дядьев: наемники были отпущены, сам князь уехал во Владимир. Начались мирные переговоры, в ходе которых Изяслав продолжал настаивать на возвращении ему новгородской дани. Разумеется, ему необходимы были средства для найма войск. И вот тут начались разногласия между Юрием и Вячеславом. Последний, опасаясь за судьбу своего княжества, настаивал на принятии условия Изяслава и быстром заключении мира. Но у Юрия были свои соображения на этот счёт. Ему не нужен был мир, он хотел изгнать Изяслава из Руси, чтобы надолго избавиться

ся от своего врага. И конечно, речи не могло быть о том, чтобы вернуть Изяславу новгородскую дань, так необходимую самому Юрию для найма половцев. Кроме того, вполне возможно, Юрий «подобрал» и удачного претендента на волынский стол. Таковым, по мнению Ю. А. Лимонова, являлся внук Святополка II Юрий Ярославич (его отец был когда-то князем Владимира-Волынского). Переговоры о мире были прерваны, и Изяслав вновь призвал иностранных наемников.

Юрий начал военные действия и осадил Луцк. Здесь особенной храбростью отличился сын Юрия — Андрей, едва не погибший в одной из стычек. Конь под ним был ранен, но Андрей, пронзив мечом нападавшего на него какого-то немца, сумел спастись, вынесенный из окружения истекавшим кровью конем. Изяслав двинулся на подмогу горожанам, изнемогавшим от трехнедельной осады, но тут снова вмешался Владимирко галицкий. Он поставил своё войско между Владимиром и Луцком и потребовал от обоих князей заключения мира. Владимирко обратился к Юрию и Вячеславу, последний сам хотел мира и тоже начал уговаривать Юрия. Наконец, в качестве примирителя выступил и Андрей Юрьевич, будущий Боголюбский. Совместными усилиями трёх князей сопротивление Юрия было сломлено, и мир был заключен. Юрий оставался киевским князем и возвращал Изяславу новгородскую дань.

Мир оказался хрупким. В 1150 году Изяслав обрёл союзника в лице Вячеслава Владимировича. Будучи старшим братом Юрия, Вячеслав, возможно, надеялся, что по праву старшинства Юрий уступит ему киевский стол. Но этого не произошло, и Вячеслав склонился на сторону Изяслава. Мстиславич собрал войско, нанял черных клобуков (оседлые половцы), внезапно совершил быстрый марш-бросок и подошёл к Киеву. Юрий, застигнутый врасплох, не смог оказать сопротивление и бежал в Городец-Остерский. В Киев спешно приехал Вячеслав, надеявшийся вновь стать великим князем, но тут подоспел и Изяслав с войском. Заняв город, Изяслав потребовал от дяди, чтобы тот уехал из Киева. Поначалу Вячеслав сопротивлялся, но горожане открыто выступили против него, угрожая расправой («Тогда Вячеслав сидел на снях, а народ кричали, чтоб Вячеслава взять, иные, чтоб сени подрубить»). Удерживая горожан от убийства, Изяслав уговорил дядю, и тот уехал в Вышгород. Изяслав вновь стал великим киевским князем.

Однако его триумф длился недолго. Юрий, собрав у верного союзника Святослава Ольговича черниговские полки, двинулся отвоевывать Киев. В то же время с запада на Киев направилось войско Владимирка галицкого. Оказавшись меж двух огней, Изяслав поехал к Вячеславу и уговорил его фактически стать своим соправителем. Выступив против Владимирка, киевский князь потерпел поражение. В битве на реке Стугне, не выдержав напора галицких войск, киевляне дрогнули и обратились в бегство. Изяслав тщетно пытался спасти положение, удерживал бегущих, но, видя, что рядом с ним остались лишь поляки и венгры, с горечью сказал: «Одни только чужеземцы теперь остались моими защитниками?!» Изяслав бежал из Киева во Владимир-Волынский, а Вячеслав перебрался в Вышгород.

Юрий и Владимирко в конце августа заняли Киев и заключили в Печерском монастыре договор.

Изяслав же обратился к венгерскому королю Гезе II за помощью и получил от него десятитысячный конный отряд. В марте 1151 года Изяслав начал новый поход на Киев. Избежав столкновения с Андреем и Владимирко, он занял Белгород и непосредственно приблизился к столице. Юрий спешно сел в лодку и 6 апреля бежал в Городец, а Изяслав стал великим киевским князем в третий раз. Он снова позвал Вячеслава, и тот 20 апреля приехал в Киев как старейший в роде Мономаха. Но Юрий не сдался — бесконечная война продолжалась.

Закрепившись в Городце и Переяславле, Юрий вновь собрал большое войско, к которому присоединились отряды Святослава Ольговича и значительные силы половцев, и начал новый поход на Киев. Подойдя к Днепру, он попытался перейти на правый берег реки. Но войска были обстреляны лучниками Изяслава, который спрятал гребцов на своих ладьях за высокими бортами и поставил на ладьи по два руля, что увеличивало их маневренность и боеспособность. Юрию пришлось перейти к броду около городка Заруба. Здесь ростовский князь пустил вперед половцев, которые опрокинули отряды Изяслава и таким образом открыли путь основным силам Юрия. Переправившись через Днепр, войнство двинулось к городу Василеву. Изяслав, силы которого намного уступали противнику, обратился к Долгорукому с предложением о мирных переговорах, но получил отказ. Юрий подошел к Киеву, но здесь при переправе через реку Лыбедь потерпел поражение (в сражении погиб воевавший на стороне Юрия сын половецкого хана Боняка). Рассчитывая на помощь Владимирка галицкого, Юрий отступил. Но Изяслав начал преследование, надеясь навязать Юрию сражение до подхода войск Владимирка. Наконец, Изяслав настиг Юрия в районе Василева на реке Рутец. Эта битва поставила точку в попытке Долгорукого отвоевать Киев. Войнство Юрия оказалось зажатым между болотами и речкой Малой Рутец. Первый же удар Изяслава принес ему победу. Начавшаяся в рядах половцев и черниговцев паника решила исход сражения. Киевский князь разбил войска Юрия, хотя сам чуть не погиб в сражении. Изяслав был ранен в руку и ногу, сбит с коня и едва не убит своим же ратником, который на крик раненого Изяслава: «Я же князь!» — отвечал: «Этот мне и нужен!» Разгоряченный дружинник продолжал наносить удары и мечом рассек шлем князя, на котором «блистало золотое изображение Святаго Пантелеймона» (Н. М. Карамзин). Только теперь отчаянный «храбрец» увидел, что перед ним его князь. (Этот эпизод удивительно напоминает рассказ из хроники польского автора магистра Винцентия Кадлубка: «Самого Мешко (краковский князь Мешко III Старый (1126—1202) какой-то рядовой воин, ранив, хочет убить, но Мешко, откинув шлем, восклицает: «Я князь!» Узнав его, воин просит за ошибку прощения и, защищая его от нападения других, помогает покинуть поле боя». Речь идёт о сражении в 1195 году. Кста-

ти, вторым браком Мешко был женат на дочери Изяслава — Евдокии.)

Тем не менее победа была полной, и Юрий с сыновьями и остатками дружины бежал в Переяславль, а затем в Городец. Здесь он попытался организовать оборону города, но после многодневной осады покинул юг Руси и ушел в Суздаль.

Разделавшись с Юрием, Изяслав решил избавиться и от другого своего врага — Владимирка. Галицкому князю удалось уничтожить венгерское войско, которое шло на подмогу Изяславу. Войнство вел сын Изяслава — Мстислав. Вступив в пределы Волыни, Мстислав оказался под угрозой нападения Владимирка, но проявил полную беспечность. После очередного пира князь спокойно лег спать, понадеявшись на венгров, которые были абсолютно пьяные. Ночью Владимирко ударил по лагерю Мстислава. Венгры, разумеется, не смогли даже подняться, и Мстислав с немногими приближенными еле удалось спастись. В 1152 году в союзе с венгерским королем Гезой киевский князь двинул полки на Галич. В битве у реки Сан Владимирко оказался побежденным и бежал в Перемышль.

Юрий не преминул воспользоваться моментом, собрал войско и направился к Чернигову. Как всегда, вместе с ним выступили Святослав Ольгович, половцы, а также союзные рязанские и муромские князья. В Чернигове с 1151 года княжил союзник киевского князя, двоюродный брат Святослава Ольговича Изяслав Давыдович. Осада Чернигова и заступничество венгерского короля заставили Изяслава заключить мир с Владимирком. Киевский князь ушел из Галицкой земли и начал поход против Юрия. Однако ростовский князь не принял боя. Оставив вспомогательный отряд Святославу Ольговичу, Долгорукий вернулся обратно в Суздаль. Таким образом, он отвлек силы Изяслава от Галича и спас своего союзника Владимирка от разгрома.

Неудачи Юрия на юге подтолкнули к решительным действиям его давних врагов болгар. В том же 1152 году болгары внезапно напали на Суздальскую землю и осадили Ярославль. Маленький городок еле сдерживал натиск неприятеля. В Ярославле начался голод, люди изнемогали от жажды. Необходимо было срочно дать знать ростовцам, и какому-то юноше удалось ночью выбраться из осажденного города, переплыть реку и прискакать в Ростов (невольно вспоминается здесь рассказ «Повести временных лет» об осаде Киева печенегами в 968 году, когда некий отрок совершил аналогичный подвиг). Ростовцы поспешили на подмогу и разгромили болгар.

Этот набег вызвал усиленное строительство городов в Ростово-Суздальской земле, особенно пограничных. Был построен Звенигород на Москве-реке, укреплена Кидекша, прикрывавшая княжескую резиденцию — Суздаль. В 1152 году строится Юрьев-Польской, переводится на новое место Переяславль-Залесский, основан Городец-Мещерский (будущий Касимов). Как уже отмечалось выше, около 1153 года была сооружена крепость в Москве. В 1154 году Юрий закладывает Дмитров, названный так в честь христианского святого, покровителя

только что родившегося сына Юрия — Всеволода, будущего Большого Гнездо. Это строительство позволило укрепить также границы Ростовского княжества и способствовало дальнейшему экономическому развитию этого региона.

В феврале 1153 года в Галиче умер союзник Юрия Владимирко Володаревич. Преемником стал его сын и зять Долгорукого Ярослав Владимирович Осмомысл.

Тем временем в 1154 году Юрий решил вновь попытаться овладеть Киевом, но, дойдя до вятичей, повернул назад из-за мора коней. В Киеве же произошли крупные изменения. В ночь с 13 на 14 ноября 1154 года Изяслав Мстиславич умер. Сразу же после смерти он был похоронен в монастыре Св. Феодора. Вскоре в Киеве скончался и Вячеслав Владимирович, брат Юрия и союзник Изяслава.

Смерть Изяслава дала толчок новой волне усобиц. В Киев приехал его брат Ростислав, но его княжение оказалось мимолетным. Узнав о смерти киевского князя, Изяслав Давыдович черниговский двинул на Киев свои войска. К нему присоединился и сын Юрия — Глеб, приведший половцев (он был послан отцом договариваться с половцами еще во время подготовки к несостоявшемуся киевскому походу Юрия 1154 года). Ростислав, даже не успевший заключить «ряд» (то есть договор) с киевлянами, выступил навстречу Изяславу, но был разбит в сражении под Переяславлем и бежал в Смоленск. В Киев вступил новый правитель — Изяслав Давыдович. Но и он недолго удержался на великокняжеском столе. С севера надвигалось войско Юрия, на этот раз решившего во что бы то ни стало стать великим киевским князем. При подходе к Смоленску навстречу Юрию вышел Ростислав Мстиславич, который целовал ему крест как отцу, признав тем самым его старшинство и свою зависимость от него. Юрий начал переговоры с Изяславом Давыдовичем, и в конечном итоге последнему пришлось уступить. 20 марта 1155 года Юрий Долгорукий стал киевским князем уже в третий раз.

Во время этого, последнего, княжения Юрия ему удалось на короткий период установить относительный мир на Руси. Святослав Ольгович и Ярослав галицкий были верными союзниками Юрия. Святослав получил Сновск и ряд других городов. Удалось заключить мирный договор и с братьями покойного Изяслава Мстиславича Ростиславом, княжившим в Смоленске, и Владимиром, ненадолго закрепившимся на Волыни. Изяславу Давыдовичу, оставшемуся без союзников, ничего не оставалось делать, как тоже целовать крест Юрию. Их союз был скреплен и родственными связями: зимой 1155 года Глеб Юрьевич женился на дочери Изяслава Давыдовича. Долгорукий использовал войска союзных князей в переговорах с половцами. Он дважды собирал «снемы» с половцами в Каневе (1155 г.) и в Зарубе (1156 г.). Результатом был мирный договор с южными соседями. Впрочем, договориться было несложно, поскольку половцы были давними союзниками и друзьями Юрия.

Новгородским князем стал сын Юрия — Мстислав, но он недолго удержался на новгородском столе. Горожане подняли мятеж и выгнали

Мстислава Юрьевича, пригласив на княжение Ростислава Мстиславича смоленского.

Важным моментом правления Юрия было установление тесных отношений с Византией, прерванных во время княжения Изяслава Мстиславича. Вторым браком Юрий был женат на родственнице (дочери?) византийского императора Мануила Комнина — Елене (?). С Византией тесным образом была связана и церковная политика Юрия. Изяслав Мстиславич пытался порвать с традицией назначения русских митрополитов в Константинополе, стремясь подчинить главу русской церкви интересам своей политики. Важным шагом на этом пути было избрание на соборе епископов и поставление в киевские митрополиты 27 июля 1147 года (в день именин князя Изяслава-Пантелеймона) Клима (Климента) Смолятича. Это был второй после Илариона киевский митрополит русского происхождения. Климент поддерживал Изяслава, и потому его полномочия не были признаны во всех русских землях.

Русская православная церковь в это время оказалась на грани раскола. В начале 1155 года Климент уехал из Киева. Юрий Долгорукий обратился к Константинопольскому патриархату с просьбой о посвящении нового русского митрополита. Осенью 1155 года в Константинополе был рукоположен в митрополиты Константин (киевский митрополит Константин I). Он приехал в Киев летом 1156 года и при поддержке Юрия начал жесткую борьбу со сторонниками Климента. Сам Климент и покойный князь Изяслав были преданы анафеме, а все прошлые действия Климента объявлены незаконными. Все епископы, являвшиеся сторонниками Климента, были смещены, а некоторые и изгнаны. Однако отдельные русские княжества, и прежде всего Волынь, где находился Климент, не признали действия Константина. Активная деятельность нового митрополита прервалась уже после смерти Долгорукого, в конце 1158 года, когда Киев оказался в руках сына Изяслава Мстиславича — Мстислава. Константин бежал в Чернигов, а между княжеский договор марта 1159 года решил не признавать митрополитом ни Климента, ни Константина, а просить Константинополь о новом киевском митрополите (им стал Феодор). Вскоре всеми оставленный Константин скончался в Чернигове.

Самой острой проблемой во время киевского правления являлась для Юрия ситуация во Владимир-Волынском княжестве. В 1156 году сын Изяслава Мстиславича — Мстислав (христианское имя — Фёдор, так же как и у его деда Мстислава Великого), который княжил в Луцке, выгнал из Владимира своего дядю Владимира Мстиславича. Волынь стала опасным соседом для Киева. В качестве претендента на владимирский стол Юрий выдвинул своего племянника, сына Андрея Владимировича Доброго, Владимира. Долгорукий предпринял большой поход на Волынь, но этот поход оказался неудачным. После десятидневной осады Владимира-Волынского Юрию пришлось отступить. Владимир Андреевич стал князем дорогобужским.

На службе Юрия некоторое время находился двоюродный брат Ярослава Осмомысла — князь-изгой Иван Ростиславич, носивший

прозвище Берладник. Изгнанный из Галицкой земли Владимирком, Иван Берладник служил разным князьям, переходя от одного к другому, пока наконец не оказался среди приближенных Юрия Долгорукого. В 1156 году Юрий внезапно приказал его арестовать и привезти из Суздаля в Киев. Вероятно, хотел выдать опасного соперника своему зятю Ярославу Осмомыслу. Но заступничество духовенства во главе с киевским митрополитом спасло несчастного князя. Впоследствии Берладник бежал на нижний Дунай, а позже оказался в Византии и был отравлен в Фессалониках в 1161 году.

Киевское княжение Юрия омрачила и его размолвка с сыном и одним из главных помощников во всех начинаниях Андреем (будущим Боголюбским). В отличие от отца, который рассматривал свое ростово-суздальское княжение как ступеньку на пути к киевскому, Андрей считал себя «природным» суздальским князем. Не захотев оставаться на юге Руси, хотя Юрий и сделал его князем вышгородским, Андрей вместе с дружиной и духовником покинул великого князя и отправился в Суздаль (в то время там вообще не осталось никого из княжеской семьи, кроме калеки Святослава Юрьевича; Борис, Глеб и Василько Юрьевичи получили от отца княжения в «Русской земле»). Долгорукий не хотел отпускать сына, который уже зарекомендовал себя и прекрасным полководцем, и способным дипломатом, и хорошим советником. Но Андрей настоял на своем и против воли отца вернулся в Ростовскую землю. Тогда же он забрал с собою из Вышгорода знаменитую Владимирскую икону Богоматери, в свое время «принесенную» из Константинополя. Появление такой святыни на далекой окраине русских земель сразу подняло духовный авторитет Ростово-Суздальского княжества, выдвинуло его в число важных русских духовных и культурных центров. Впоследствии Владимирская Богоматерь стала не только великой святыней Северо-Восточной Руси, но и символом духовного могущества Московской Руси, ее духовной преемственности от Византии.

Несмотря на определенные успехи, Юрию так и не удалось сделать самого главного: расположить к себе киевлян. Горожане относились к нему с неприязнью. Юрий не заключил «ряда» с городом, и киевское вече не могло терпеть такого нарушения своих традиционных прав. Киев затаил злобу на самовластного князя, которая выплеснулась на улицы города сразу после его смерти. Юрий умер неожиданно. До этого он пировал у киевского осменника (сборщика торговой пошлины) Петра, потом разболелся и через пять дней, в ночь на 15 мая 1157 года скончался. На следующий день он был похоронен в селе Берёстово в монастыре Святого Спаса. Сразу после смерти Юрия киевляне разгромили его городскую и загородную усадьбы и перебили всех суздальцев по городам и селам Киевской земли. Грабежи и беспорядки продолжались четыре дня. В Киеве и области избивали всех приближенных Юрия, растаскивали их имущество, волнение переросло в бунт против княжеской администрации. Вдова с младшими детьми Юрия спешно отправились в Суздаль. Между тем какие-то киевляне принесли весть о смерти Юрия черниговскому князю Изяславу Давыдовичу. Тот быстро направился к Киеву и уже 19 мая 1157 года, заняв город,

стал великим киевским князем. Впоследствии он упорно воевал за киевский стол с Ростиславом Мстиславичем смоленским и погиб в сражении с ним 6 марта 1161 года.

Время Георгия Владимировича Долгорукого завершилось.

«История» В. Н. Татищева дает такую характеристику Юрию Долгорукому: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не велики велики, нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких писч и пития; более о веселиях, нежели о разправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но большее дети и князи союзные, для того весьма худое счастье имел и три раз от отлошности своей Киева изгнан был». И несколько ранее: «Юрий хотя имел княгиню любви достойную и её любил, но при том многих жён подданных часто навещал и с ними более, нежели со княгинею, веселился, ночи, сквозь на скомонех проигывая и пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младыя, последуя более своему уму, нежели благочестному старейших наставлению, в том ему советом и делом служили».

По мнению Б. А. Рыбакова, эти слова принадлежат Петру Бориславичу, тому самому приближенному киевского князя, который приехал с посольством к Владимирку галицкому в начале 1153 года. Он был сторонником Изяслава Мстиславича, потому характеристика Юрия и не кажется слишком лестной.

Однако жизнь и дела Юрия свидетельствуют, что он был достаточно умным и энергичным человеком. Князь имел неплохие организаторские способности, достаточно вспомнить его деятельность в Северо-Восточной Руси, способствовавшую укреплению Ростово-Суздальского княжества, его экономическому развитию, росту городов. Юрий умел ладить с церковью, и духовенство всегда оказывало ему помощь и поддержку. Он удачно действовал и на международной арене, и в области междукняжеских отношений, заключая постоянные союзы с русскими князьями, поддерживая дружественные связи с соседними народами и государствами: с половцами, Византией. Юрий был очень активным политиком, впрочем, ему, видимо, при огромном упорстве не всегда хватало взвешенности. В его характере, как верно подметил Ю. А. Лимонов, проступают «черты капризности и непостоянства». Безусловно, он обладал лучшим самомнением, недаром несколько не сомневался в своих законных правах на киевский стол, хотя в борьбе с хитрым и популярным у киевлян Изяславом не раз терпел поражение.

Изяслав олицетворял собою князя-воина, лихого и умного «молодца», в меру коварного, в меру осторожного, но в решительную минуту способного личным примером воодушевить ратников, с малыми силами блестящим манёвром овладеть Киевом и, совершая другие подобные поступки, завоевать любовь и уважение подданных. Эти черты во многом роднят Изяслава с Андреем Боголюбским. Юрий же был человеком иного плана. Тоже умный и талантливый, деятельный и упор-

ный, но при этом всегда остававшийся немножко «над» ситуацией. Его окружали советники и помощники, воеводы и сыновья, которым он доверял проводить сиюминутную «черную» работу. Его войсками руководили Андрей или Ростислав, вперед он часто пускал половцев, сам же, лишь когда дело было почти сделано, появлялся с триумфом победителя. Недаром он так не хотел отпускать от себя Андрея, понимая, как тяжело ему будет без самого близкого и деятельного помощника. Юрий, вероятно, большое значение придавал внешнему эффекту. Как верно заметил Ю. А. Лимонов, его легко можно представить в минуту торжественного въезда в Киев, во главе княжеского съезда, ведущего дипломатические переговоры, в ставке войска, руководящего сражением, но не в пылу самого сражения, разящим врагов и отбивающимся на раненом коне. В Юрии проступают черты такого князя-«самодержца» восточного, может быть, византийского типа, в то время как его противник Изяслав скорее похож на европейского рыцаря и мог бы, наврное, безуспешно сражаться в каком-нибудь крестовом походе.

Юрий, судя по «татищевской» характеристике, был человеком веселого нрава, не чуждый человеческим слабостям, любивший «ублажать» себя, отвлекаясь от дел. Тем не менее в нужный момент он мог и самоорганизоваться, собраться в минуту опасности и встретить противника во всеоружии.

Каковы же результаты деятельности Долгорукого? Мы видели, что его «киевская одиссея» окончилась крахом. Он рвался на Киев, исходя из законности своих прав, но пренебрег правом горожан и не смог завоевать их расположения. Его упорная и кровопролитная борьба за киевский престол не могла служить источником доверия к нему. Напротив, он мог восприниматься если не как враг, то, по крайней мере, как чужак, князь «другой» Руси, разжигающий усобицы, источник войны и нестабильности. К тому же с собой в Киев он привел и своих соратников, суздальцев. Поэтому, когда наконец-то желанная цель была достигнута (а достиг он ее только после смерти Изяслава, поскольку противника, равного ему, среди князей больше не было), плоды победы оказались эфемерными. Непопулярный князь, не сумевший расположить к себе киевлян, закончил жизнь от яда, после чего последовал разгром всего его имущества и гибель приближенных. В этом отношении гораздо мудрее поступил Андрей, понявший, что не призрачный киевский стол, а реальное могущество Владимирской Руси может обеспечить ему славу и силу.

Конечно, Юрий много сделал для Ростово-Суздальской земли. По сути, он подготовил ту почву, на которой и произошел расцвет княжества при Андрее и особенно при Всеволоде Большое Гнездо. Во время правления Юрия далёкое захолустье, почти дикий край, стало постепенно превращаться в один из наиболее высокоразвитых регионов Руси. Уже говорилось и о притоке населения, и об активной колонизации края, о развитии торговли и экономическом росте. И безусловно, важнейшую роль в этом процессе сыграла градостроительная политика Юрия. Дмитров, Переяславль-Залесский, Ка-

симов, Юрьев-Польской, Звенигород и Москва — вот реальные, остающиеся и по сей день результаты жизни и деятельности Юрия Долгорукого.

Но задумаемся на минуту, а если не было бы этого, какой след оставил бы Юрий в русской истории? Если бы во время его правления летопись не упомянула Москву, если бы он не создал в ней первую крепость? Юрий Долгорукий остался бы в истории одним из князей Рюриковичей, бесспорно, ярких, талантливых, но вряд ли великих. Он, конечно, не был ни Мономахом, ни Александром Невским. Впрочем, это прекрасно понимали дореволюционные историки. Возьмем, к примеру, популярнейший гимназический «Учебник русской истории» М. Острогорского. Здесь Юрию посвящено всего две строчки, зато об Андрее — целый раздел. И, кстати, даже не говорится о первом упоминании Москвы в 1147 году. Меньше всего хотелось бы мне принизить личность Юрия Долгорукого, преуменьшить его заслуги, но убежден: эта личность не требует ни умиления, ни слезливого восхищения. Они вообще не нужны историческим деятелям, а там, где появляются подобного рода чувства, история заканчивается, и начинается миф.

КИЕВ В РАЗГАР КНЯЖЕСКИХ УСОБИЦ

После смерти Юрия Долгорукого и гибели Изяслава Давыдовича начался длительный период постоянных усобных войн за Киев между представителями рода Мстислава Великого и потомками Олега Святославича, чьим родовым гнездом был Чернигов. Вражда двух княжеских ветвей привела к тому, что киевляне создали у себя интересную систему княжеского управления. Возникло соправительство, когда было одновременно по два князя, из разных ветвей Рюрикова рода. Один князь, считавшийся старшим, жил в Киеве, а другой — в Вышгороде или Белгороде, неподалёку от столицы. Но в военные походы эти князья ходили вместе, вместе вели и внешнюю политику. Таким образом, возникало пусть недолгое, но всё же прочное равновесие, и усобицы прекращались.

Одним из ярких киевских князей второй половины XII века был Святослав Всеволодич (ум. в 1194), сын Всеволода Ольговича. Он остался в памяти народа как незаурядный, умный и справедливый правитель, стремившийся объединить силы других князей для защиты от половецких набегов. Святослав несколько раз занимал киевский стол. Во время одной из попыток отвоевать его у потомков Мономаха в 1181 году союзниками Святослава выступили его родичи, в том числе двоюродный брат Игорь Святославич (будущий герой «Слова о полку Игореве») и половецкие ханы Кобяк и Кончак. Но силы союзников были разгромлены киевским войском, а Игорь и Кончак (два будущих противника) едва спаслись, переплыв Днепр в одной лодке.

Святославу всё же удалось стать киевским князем, а в 1184 году — организовать большой и успешный поход князей против недавних союзников-половцев. Женой Святослава была дочь полоцкого князя Мария Васильковна, дальний потомок Всеслава Вещего

Деятельной личностью рисует нам летопись и князя Рюрика (в крещении Василий) Ростиславича, потомка Владимира Мономаха и соправителя Святослава Всеволодовича. «Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, «мудролюбивый» и непостоянный, Рюрик провёл всю жизнь в походах на половцев и в феодальных распрях, сражался и за Русь, и за свои личные интересы» (Д. С. Лихачёв). Шесть раз изгоняли его из Киева горожане и другие князья-со-

перники. В 1203 году неугомонный Рюрик с огромным половецким войском захватил город. «И сотворилось великое зло в Русской земле, и такого зла не было над Киевом от крещения, город сожгли, и Святую Софию, и Десятинную церковь разграбили, и монастыри все, и иконы одрали, и в полон всё взяли!» — восклицал летописец. Союзники Рюрика — половцы изрубили множество монахов и священников, а жён и дочерей киевлян увели в плен. Тогдашний киевский князь Роман Мстиславич (кстати, зять Рюрика, он когда-то был женат на его дочери Предславе) отомстил Рюрику за разгром столицы. Строптивного князя пленили и постригли со всей семьёй в монахи. После гибели Романа в 1205 году Рюрик вернулся в мирскую жизнь и снова сделался киевским князем. Он умер, вероятно, в 1212 году в Чернигове.

Несмотря на все грехи, Рюрик являлся одним из образованнейших людей своего времени. По его инициативе был создан летописный свод 1200 года, в составе которого сохранилась киевская летопись XII века. Князь имел «любовь несытну о зданьих» и дружил с выдающимся архитектором Петром Милонегом.

В начале XIII века князья в Киеве менялись с невероятной быстротой (см. приложения). Но город столь сильно притягивал к себе взоры Рюриковичей, что даже в преддверии монгольского нашествия война за него не прекращалась. А между тем тучи над Русью сгущались... Первый гром прогремел в 1223 году.

НАШЕСТВИЕ

В начале XIII века разрозненные монгольские племена объединил вождь одного из них, Темучин. Нет нужды рассказывать о его жизни: любознательного читателя можно отослать к книгам Р. Груссе, Э. Хара-Давана и Л. Н. Гумилёва — лучше их никто о Чингисхане не писал. В 1206 году на курултае (съезде монгольской знати), проходившем недалеко от полноводной реки Онон, колыбели монгольского народа, Темучина провозгласили ханом с титулом Чингис. О точном значении этого слова до сих пор идут споры, по одной из версий, его можно перевести как «великий хан», по другой, более поэтической, «чингис» означает «океан» или «море», что также подчёркивало величие этого звания. Так в азиатских степях образовалось Монгольское государство.

Чингисхан сразу же начал завоевания соседних народов. Для этого он создал огромное войско, в которое на время войны входило почти всё взрослое мужское население страны. Войско делилось на десятки, сотни и тысячи. Тысяча называлась тумен, а на Руси — тьма (отсюда выражение «тьма народа»). Каждый из воинов был хорошо вооружён. Он обычно имел два или три лука, колчан со стрелами, топор, аркан и саблю. Прекрасные наездники, монголы на своих конях могли быстро преодолевать большие расстояния. Конница в один день иногда проходила до 80 километров. Чтобы кони не уставали, монголы нередко вели с собой запасных лошадей, и на узких дорогах войско растягивалось на не-

сколько километров. Тем не менее натиск монголов был стремительным. Быстрота и манёвренность позволяли достичь превосходства над противником. Этому способствовала и железная дисциплина. Порядки в монгольском войске отличались строгостью и даже жестокостью. Так, если один из десятка бежал с поля боя, то весь десяток приговаривался к смерти. В монгольском обществе существовали законы — яса, которые окончательно утвердились при Чингисхане. Каждый воин монгольского войска имел право на свою часть добычи. Покоряя другие народы, монголы грабили их, опустошали цветущие города, уводили в плен жителей. Не разоряли они лишь те страны, которые добровольно сдавались на милость победителей и соглашались выплачивать дань. Тех же, кто оказывал сопротивление, монголы нещадно уничтожали, убивая всех, вплоть до грудных младенцев.

Начались монгольские завоевания с соседних племён. Были покорены уйгуры, якуты, эвенки, буряты. В числе прочих подчинённых власти монголов оказалось и небольшое племя татар, почти полностью истреблённое. Однако название этого племени не исчезло. Позже им стали именовать самих монголов. При этом жестокие всадники с раскосыми глазами воспринимались европейцами как пришельцы из подземного мира — Тартара (ср. русскую поговорку «Провалиться в тартарары»). Поэтому название татар и закрепилось за монголами, в том числе и на Руси, а в исторических трудах их обычно называют монголо-татарами. Хотя на самом деле, конечно, это было многоликое и пёстрое в этническом отношении воинство, руководящая роль в котором принадлежала монголам.

Затем монголы вторглись в Китай. В 1215 году они взяли Пекин, а к 1279 году покорили всю страну. От китайцев монголы переняли многие технические новшества в военном деле. Теперь они использовали при осаде городов стенобитные орудия, катапульты и другие приспособления. Китайские специалисты высоко ценились в монгольских войсках. Вслед за Китаем была захвачена Корея. А уже позже, во второй половине XIII века, монголы предприняли несколько попыток доплыть до Японии. Своих кораблей у них не было, поэтому использовали они китайские суда. Однако внезапно налетевший тайфун потопил корабли, и только небольшим монгольским отрядам удалось высадиться на побережье. Там их быстро уничтожили японские войска. Тайфун, спасший страну от монголов, японцы называли камикадзе, что значит «священный ветер». Монголы высаживались даже на островах Индонезии. Пекин (называвшийся при монголах Ханбалык) стал при вьнке Чингисхана — Хубилае столицей всей Монгольской империи вместо расположенного в степях Каракорума), а потомки Хубилая — китайской императорской династией Юань.

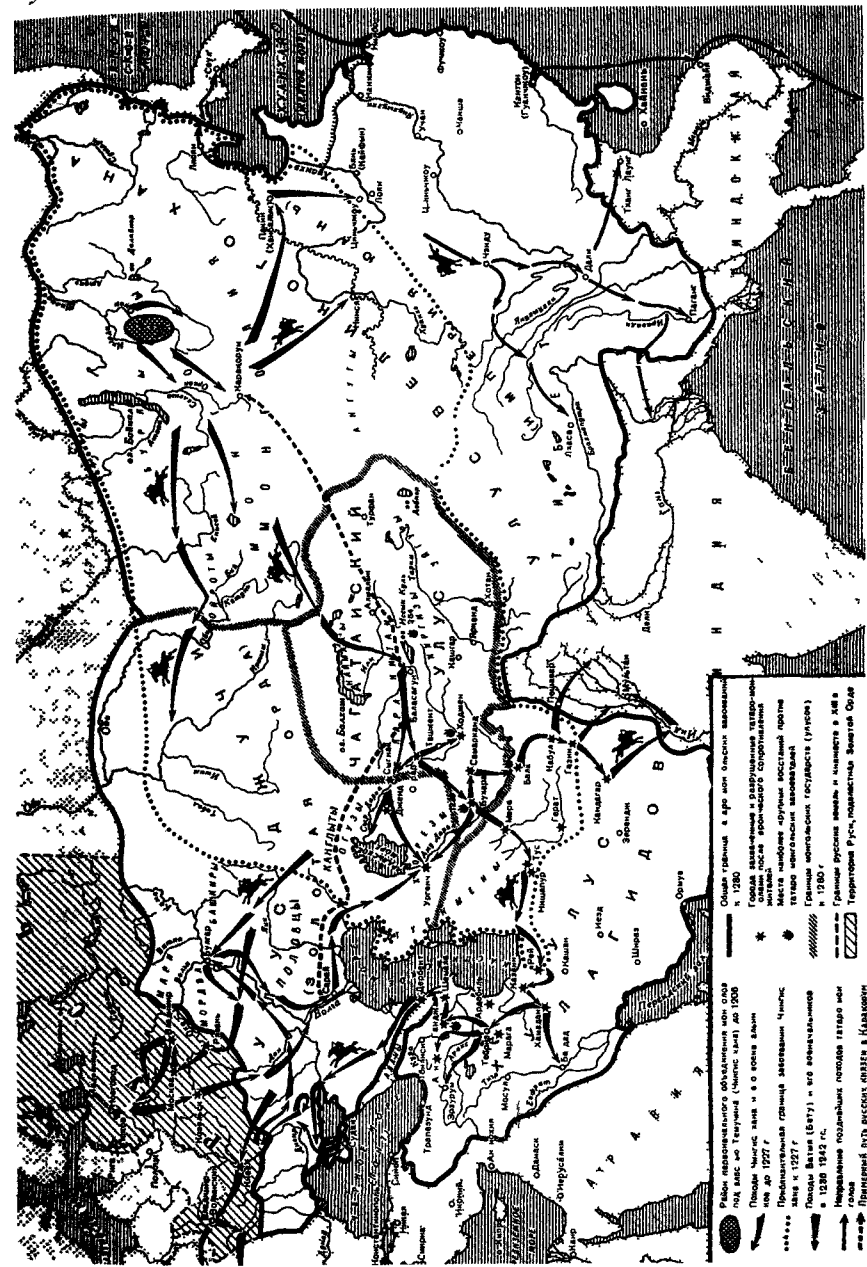
Летом 1219 года монголы начали завоевание Средней Азии. В то время там находилось богатое и могущественное государство Хорезм. Его правителем был хорезмшах Мухаммед. Воспользовавшись случайным убийством жителями города Отрара своих купцов, монголы ворвались на земли Хорезма. Войска захватчиков встречали упорное сопротивление. Однако после кровопролитных осад пали Ходжент, Бу-

хара и многие другие города. Войско хорезмшаха терпело одно поражение за другим. Не имея сил обороняться, он бежал из своей столицы, Самарканда, который сдался победителям 17 марта 1220 года. Мухаммед направился в Иран, а потом укрылся, спасаясь от погони, на острове Ашур-Адэ в Каспийском море, где и умер. Средняя Азия была завоевана. Хозяйство страны пришло в упадок. Погибло множество мирных жителей, превратились в руины древние города, запустели поля, строившиеся веками системы ирригации были разрушены.

Монгольский натиск катился все дальше. Для поимки Мухаммеда Чингисхан образовал большой отряд из 30 тысяч всадников, во главе которого поставил опытных военачальников Джэбэ, Субэдея и своего зятя Тучагара, который вскоре погиб в бою. Они обрушились на Иран, а затем с юга устремились на Кавказ. После захвата Нахичевани полчища были остановлены у города Гянджи и повернули в сторону грузинского царства Багратидов. Спешно собранное войско под командованием сына Тамар Великой Георгия IV Лаши и его полководца Ивана Мхаргрдзели в битве с неприятелем было полностью разгромлено. Монголы повернули на восток и через Дербентский перевал на своих лошадях в весьма тяжелых условиях преодолели Кавказские горы. Дальше лежали северокавказские степи, где жило племя алан, предков современных осетин. Рассеяв их плохоорганизованные силы, монголы вышли в половецкую степь. Здесь их встретило войско хана Юрия Кончаковича (сын Кончака в «Слове о полку Игореве»), которое также было побеждено. Теперь настал черед Руси.

В панике один из половецких ханов — Котян прибежал на Русь к своему зятю галицкому князю Мстиславу Мстиславичу Удатному (одному из потомков Мстислава Великого). Мстислав пообещал помощь русским князьям. В 1223 году в Киеве состоялся последний княжеский съезд домонгольского времени. Князья южных русских земель решили выйти навстречу врагу и, объединившись с отрядами половцев, сразиться с монголами в степи. Во главе русских войск встали три Мстислава — Мстислав Романович, великий князь киевский, Мстислав Святославич, князь черниговский, и Мстислав Мстиславич Удатный, князь галицкий. С ними шли и другие русские князья, в том числе тогда еще совсем молодой Даниил Романович, будущий князь Галицко-Волынской Руси. Однако владимирский князь Юрий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, не принял участие в походе.

Силы русских князей были разобщены, каждый командовал своей дружиной, и единое управление быстро нарушилось. Монгольских послдов, прибывших с предложением мира, убили. Это послужило для монголов поводом к войне. Долгий переход по половецкой степи растянул княжеские войска. Монголы применили военную хитрость. Делая вид, что отступают, они заманивали русских все дальше и дальше в глубь степей. Наконец в конце мая 1223 года на небольшой речке Калке (под Калкой летописцы, вероятно, имели в виду речку Кальчик или Калецу, притоки реки Кальмиуса, впадающей в Азовское море) произошло решающее сражение. В стремительной схватке монгольская конница опрокинула половецкие отря-

Татаро-монгольские завоевания в XIII веке

ды и погнала их на основные силы русских. После недолгого сопротивления черниговские и галицкие полки обратились в бегство. В критический момент половцы предали своих союзников, начали сбивать их с коней и грабить. А киевский князь Мстислав Романович, расположив своё войско в укрепленном повозками лагере на холме, не мог оказать помощь гибнущим русским дружинам. Разгромив двух Мстиславов, монголы подошли к киевскому лагерю. На третий день осады, 31 мая, поверив обещаниям пощады в случае добровольной сдачи, Мстислав Романович сложил оружие. Воспользовавшись этим, монголы перебили всё киевское войско. Пленных русских князей они связали, повалили на землю и придавили досками, на которых устроили победный пир.

Остальные монгольские силы продолжали преследовать бегущих галичан, волынцев и половцев, которые отступали, оказывая врагу лишь нерешительное сопротивление. Русские воины направлялись к Днепру. Здесь не лучшим образом проявил себя Мстислав Удатный. Переплыв Днепр первым, он приказал жечь и рубить лады, оттаскивать их от берега, чтобы не дать монголам его догнать. Бежавшие следом русские воины пытались переплыть Днепр, но, обессиленные от ран и тягот, тонули. Спаслась лишь небольшая часть русского войска, успевшая переправиться через реку на лёгких судах. Погоня монголов за отступающими дружинами длилась больше недели. Конечным пунктом движения захватчиков стал небольшой городок Новгород-Святополч, основанный ещё в 1095 году киевским князем Святополком Изяславичем и охранявший важный в стратегическом отношении Днепровский брод. Разграбив город, монголы повернули обратно в степь. Русское войско было почти полностью уничтожено. Погибло, по крайней мере, 9 из 18 принимавших участие в битве русских князей, в том числе киевский и черниговский князья. Новый киевский князь Владимир Рюрикович въехал в столицу лишь 16 июня, когда опасность нового вторжения уже миновала.

10 тысяч русских воинов полегло в битве на Калке. «И были вопль и печаль по всем городам и волостям», — отмечал летописец. Отряд Джэбэ и Субэдея, насчитывавший теперь только 4 тысячи, между тем двинулся в верховья Волги, но, встретив отпор болгар, отошёл обратно в заволжскую степь. Так завершился этот беспрецедентный в истории марш-бросок монгольского отряда, разгромившего войска нескольких государств и прошедшего многие сотни километров пути. Но не прошло и полтора десятков лет, как монгольские всадники вновь появились у русских границ.

В 1227 году Чингисхан умер. Его наследником стал третий сын Угэдей. После смерти «покорителя Вселенной», как называли монголы Чингисхана, созданное им государство разделилось на улусы, то есть уделы. Все западные области отошли к потомкам старшего сына Чингиса — Джучи. Сам Джучи погиб ещё при жизни отца, поэтому во главе этих земель встал один из сыновей Джучи — Бату, которого на Руси называли Батыем. Главным военным советником при нём был прославленный Субэдей-багатур. Во владения Бату от-

давались те территории на западе, «куда ступит нога монгольского коня». В 1235 году монголы приняли решение организовать большой поход на запад, к «последнему морю». Поход возглавил Батый. Его войско насчитывало примерно 120–140 тысяч человек.

Первой жертвой монголов стала Волжская Булгария. В 1236 году полчища Батыя смели с лица земли это государство. Теперь дорога на Русь была открыта. Перед лицом опасности русские князья не смогли объединиться, они по-прежнему предпочитали обороняться в одиночку. Но и силы монголов оказались распылены, и им пришлось сражаться с каждым княжеством по отдельности. Поэтому завоевание Руси было долгим и кровопролитным.

На пути монголов стояло Рязанское княжество. Князь Юрий Ингваревич просил помощи у владимирского и черниговского князей, но они отказали. Монголы отправили к рязанцам посольство, требуя подчиниться и выплатить в качестве дани десятую долю от имущества. Рязанцы же ответили: «Когда всех нас не будет, то всё ваше будет». Захватчики ринулись на приступ города. Пять дней длилась героическая оборона Рязани, а на шестой день, 21 декабря 1237 года, враги ворвались в город и сожгли его дотла. Местные жители или погибли, или попали в плен. Из всей рязанской княжеской династии чудом уцелело лишь два человека. На прежнем месте Рязань больше не возродилась. Современная Рязань, называвшаяся ранее Переяславлем-Рязанским, — это совсем другой город, расположенный в 60 километрах от старого.

Следующий удар монголы обрушили на Владимир. 3 февраля 1238 года их передовые отряды появились у стен города. Владимирцы решили обороняться до последнего. На пятый день, 7 февраля, монголы пошли на решающий приступ. С помощью горящих стрел они подожгли деревянные постройки города, и в огне и дыму погибло множество людей. Ворвавшись внутрь крепостных стен, завоеватели устроили дикую резню. Часть горожан во главе с епископом и княгиней Агафьей Всеволодовной укрылась в Успенском соборе. Монголы обложили стены храма хворостом и подожгли. Все находившиеся внутри здания задохнулись или были убиты, пытаясь выбраться наружу. Красивейший город Руси пал под ударом степных орд.

Великий владимирский князь Юрий Всеволодович тем временем собрал большое войско и сразился с монголами на реке Сити 4 марта 1238 года. В кровопролитной схватке погиб и он сам, и большинство его воинов. Далее монголы захватили и сожгли Суздаль, Коломну, Москву и множество других русских городов. Упорно сопротивлялся врагам Торжок. Только голод и мор, начавшиеся в осаждённой крепости, помогли завоевателям взять его. Торжок прикрывал дорогу к Новгороду. Но из-за весенней грязи и распутицы обескровленное и уставшее монгольское войско не решилось идти на север. Отряды степняков повернули назад, и Новгород был спасён.

Бессмертную страницу в историю борьбы с захватчиком вписали жители маленького городка Козельска. Эта небольшая крепость

в течение семи недель сдерживала яростный натиск врага. Во время обороны и отчаянных вылазок козляне (так называли жителей Козельска) уничтожили 4000 монголов. Когда враги всё-таки ворвались в город, они убили всех его жителей, включая и малолетнего князя Василько (из черниговской ветви Рюриковичей), который, по словам летописи, «захлебнулся в крови». «Злым городом» назвали монголы героической Козельск.

На следующий год Батый возобновил поход. Теперь уже его войска повернули на юг и двинулись по направлению к Киеву. По пути были взяты и разрушены Муром, Чернигов и другие города. Осенью 1240 года орда подступила к русской столице. Киевский князь Даниил Романович (в юности участвовавший в битве на Калке), казалось бы, должен был организовать оборону города. Но он уехал в свой Галич, а Киев оставил в управление посаднику Дмитру. Златоглавая столица всей русской земли лежала почти не защищенной перед «покорителями Вселенной».

«Пришёл Батый к Киеву многим множеством силы своей, и окружил град, и ничего не было слышно от скрипения телег его, рёва множества верблюдов его, и ржания коней его. Поставил же Батый стенобитные орудия у города и били они день и ночь, выбили стены, и вышли горожане на разрушенные стены, и ломались тут копья, и щиты рассекались, стрелы омрачили свет побеждённым. Горожане же создали новый град около церкви Святой Богородицы (*Десятинной, старейшего символа христианской Руси*). Здесь была брань великая. Люди же забрались на церковные своды на кровле, и от тяжести рухнули стены церкви. Дмитра же нашли израненного и не убили его, ради мужества его» (Ипатьевская летопись).

Далее монгольские полчища кровавым смерчем прошли по Галицко-Волынской земле и ворвались в восточноевропейские страны. Разделившись на два потока, они разгромили польское и венгерское войска, взяли Краков, тогдашнюю столицу Польши, многие другие города, а затем через Хорватию и Далмацию вышли к берегу Адриатического моря. Западную Европу охватила паника. В отчаянии римский папа призывал к крестовому походу против пришельцев из Тартара. Но Адриатическое море стало для монголов действительно «последним». Получив известие о смерти великого хана Угэдея, Батый в марте 1242 года приказал своим войскам возвращаться назад.

Батыево нашествие имело для русских земель самые тяжёлые последствия. И здесь никак нельзя согласиться с точкой зрения Л. Н. Гумилёва, считавшего рассказы о монгольских зверствах преувеличениями русских книжников и иностранных путешественников. Резко сократилось население страны. Многие люди погибли, других увели в плен. Было разрушено 49 городов, причём 15 из них превратились в сёла, а в 14 жизнь так и не возобновилась. Итальянец Иоанн дель Плано Карпини, проезжавший по Руси, направляясь в ханскую ставку, отмечал: «Когда мы ехали через их землю, то находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавших на поле. Некогда богатый и многолюдный Киев сведён почти на нет: едва существует там 200 домов». (А в середине XIV века Ки-

ев стал жертвой ещё и литовского натиска, войдя в состав Велико-го княжества Литовского.)

Замерла хозяйственная жизнь. Полностью прекратилось каменное строительство. Непоправимый удар обрушился на культуру, многие произведения которой безвозвратно погибли. Достаточно сказать, что от домонгольского времени до нас дошла лишь сотая доля созданных тогда книг и икон. Многие ремесленные специальности, как, например, производство стеклянных окон и посуды, исчезли. Монгольское нашествие жестоко ударило не только по простому люду, но и по высшим слоям населения. Погибло большинство профессиональных воинов — княжеских дружинников, немало бояр и князей. Русь была обескровлена. Наступил новый этап её истории.

Несмотря на понесённый урон, династия Рюриковичей не исчезла. Более того, князья сохранили свои наследственные престолы, а раздробление Руси продолжалось. Рассмотрим потомство различных ветвей рода Рюриковичей, расположив их в порядке династического старшинства, для чего нам иногда придётся возвращаться в более ранние, домонгольские времена.

ПОЛОЦКАЯ ДИНАСТИЯ

Старшей ветвью Рюриковичей были полоцкие Изяславичи. История этого рода, как и ряда других ветвей Рюриковичей, известна плохо. Изяславичи среди других русских князей держались особняком, имея во владении Полоцкую землю, перешедшую к ним по женской линии через Рогнеду, и, таким образом, являлись наследниками древних полоцких князей варяжского происхождения, правивших ещё до окончательного объединения Русского государства под властью Рюриковичей. Первоначально Изяславичи представляли серьёзную опасность для младших потомков Владимира. Борьба между двумя ветвями Рюриковичей — полоцкими Изяславичами и наследниками Ярослава Мудрого — в Лаврентьевской летописи объясняется, конечно, убийством Владимиром отца и братьев Рогнеды — прародительницы полоцкой династии, а также следующей семейной легендой. Вскоре после женитьбы Владимира на Рогнеде князь, имея много других жён, стал ею пренебрегать. «Однажды, когда он пришёл к ней и уснул, она хотела зарезать его ножом; и случилось ему проснуться, и схватил он её за руку. Она же говорит: «Опечалилась о себе самой, потому что отца моего ты убил и землю его пленил из-за меня, а теперь не любишь меня вместе с младенцем этим (*сыном Изяславом, впоследствии полоцким князем*)». И Владимир повелел ей облачиться во весь наряд царский, как бы в день свадьбы, и сесть на постеле светлой в горнице, чтобы, придя, убить её. Она же сделала так, и дала в руки сыну своему Изяславу обнажённый меч, и сказала: «Как увидит тебя отец, скажи ему, выступив вперёд: «Отец, ты думаешь ты здесь один?» Владимир же говорит: «А кто знал, что ты здесь?» И отбросил свой меч, и созвал бояр, и поведал им об этом. Они же сказали: «Уже не убивай её ра-

ди этого ребёнка, а восстанови её отчину и отдай ей с твоим сыном». Владимир же основал город и отдал им, и назвав город тот Изяславем. И с тех пор поднимают меч роговолодовы внуки против внуков ярославовых». Но, конечно, не только кровной мстью объяснялась эта вражда.

Сын Изяслава — Брячислав (ум. в 1044) воевал с Ярославом Мудрым, он упоминается в скандинавской «Пряди об Эймунде» как Вартилаф, конунг Палтескья (Полоцка). В 1021 году Брячислав напал на Новгород, но был отброшен Ярославом. Помимо Полоцка в его владения входили, вероятно, Усвят и Витебск. А его сын — Всеслав Вещий (ум. в 1101), рождённый от какой-то колдуньи, сам был кудесником и мог превращаться в разных животных, например в волка. «Мать же родила его от волхования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти». И носит его на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие» («Повесть временных лет»). «Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа у него в храбром теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда Божьего не миновать» — такой поэтический образ полоцкого князя создан в «Слове о полку Игореве». Как отмечает академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, «то убегая от погони, то стремясь захватить города, то отстаивая свою вотчину, Всеслав действительно носился как волк по всей Русской земле. Есть прямое свидетельство быстроты передвижений Всеслава. Владимир Мономах говорит в своём «Поучении», что он гнался за Всеславом (в 1078 г. со своими черниговцами «о двою коню» (то есть с поводными конями), но тот оказался ещё быстрее: Мономах его не нагнал». А выражение «великому Хорсу волком путь перерыскивал», вероятно, означает, что Всеслав «рыскал» до восхода солнца. Недаром князь-кудесник предпочитал действовать ночью. В народном сознании именно ночное время как нельзя более подходит для всевозможных «тёмных» и таинственных дел.

Но деяния Всеслава были вполне реальны. Он враждовал с сыновьями Ярослава, был ими захвачен в плен и, как говорилось ранее, даже некоторое время занимал киевский стол. Выражение «Слова...» о звоне колоколов на полоцкой Святой Софии, надо думать, и означает, что, пока Всеслав находился в киевской тюрьме, его поминали в Полоцке в церковных службах. «На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Он хитростями опёрся на коней и скакнул к городу Киеву и коснулся древком золотого престола киевского. Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, добыл он счастье, в три удара отворил ворота Новгорода, расшил славу Ярославу, скакнул волком до Немиги (*в битве на этой реке Всеслав был побеждён и пленён Ярославичами*) с Дудуток (местность

под Новгородом?)» — так описывает «Слова...» последующие события. Всеслав овладел киевским столом («кинул жребий о девице ему милой»), выдал восставшим киевлянам коней и оружие для защиты от половцев («хитростями опёрся на коней»), тайно бежал при приближении войск Изяслава Ярославича.

У Всеслава было 6 сыновей, и некогда единое княжество стало дробиться на уделы. Так появились Минское, Друцкое, Витебское, Логожское княжества. «Роговоложи внуки» продолжали враждовать с внуками Ярослава. В 1118 году Владимир Мономах взял Минск и захватил в плен Глеба Всеславича, который вскоре скончался в киевской темнице. В 1128 году Мстислав Великий организовал поход целой коалиции князей на Полоцк, а в следующем году полоцкие князья отказались принять участие в совместном походе русских князей на половцев — результатом стал кризис династии: 6 князей полоцкой ветви были посланы в 1129 году в Византию, где многие из них скончались. Вероятно, полоцкие князья имели династические связи с Домом Комнинов. Вернулся из Византии внук Всеслава — Роговолод-Василий Борисович, дважды занимавший полоцкий стол и женатый на дочери Изяслава Мстиславича киевского.

Потомки отдельных линий полоцкой династии княжили в своих небольших уделах вплоть до начала XIV века, в Минске, например, они правили ещё в 1326 году. Вероятно, именно к полоцкой династии можно отнести князей Вячко и Всеволода, занимавших княжеские столы в латгальских городах Кокнесе (Кукенойс) и Ерсике (Герцике), первый погиб при взятии немцами города Юрьева в августе 1224 года. В общерусских делах Изяславичи почти не принимали участия, хотя княжна Любава Васильковна была женой Всеволода Большое Гнездо, а княжна Прасковья (Александра?) Брячиславна — женой Александра Невского.

Среди женщин полоцкой династии прославилась благочестием и подвижничеством княжна Предслава Святославна (ум. 23.05.1173). Она была дочерью полоцкого князя Святослава-Георгия, внучкой князя Всеслава Брячиславича. В 12-летнем возрасте Предслава против воли родителей отказалась от мирских благ и брачных уз и приняла постриг под именем Евфросинии в обители при Полоцком Софийском соборе, настоятельницей которой была вдова её дяди Романа Всеславича. Преподобная Евфросиния занималась перепиской церковных книг, а вырученные от их продажи деньги раздавала нищим и убогим. Возможно, она участвовала в составлении Полоцкой летописи. В окрестностях Полоцка в конце 1120-х годов основала женский Спасский монастырь, где стала игуменией. Также по её почину в Полоцке возник Богородицкий монастырь, которому она передала в дар икону Богоматери Эфесской, привезённую из Константинополя от византийского императора и патриарха. Позже и сама преподобная княжна в сопровождении брата и двоюродной сестры отправилась в паломничество по святым местам, в Византию и Иерусалим. Евфросиния Полоцкая завершила свой земной путь в Иерусалиме, а впоследствии её честные мощи покоились в дальних пещерах Киево-Печерского монастыря. Почитание благочестивой княжны рас-

пространилось по всей России, а прославление преподобной состоялось на церковном соборе 1547 года. В мае 1910 года святые мощи Евфросинии Полоцкой по многочисленным ходатайствам православных были перенесены в полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Историк Н. Д. Тальберг писал: «Крестный ход из матери городов русских вышел 19 апреля. От Киева до Орши мощи перевозились по Днепру, а от Орши до Витебска — пешим путём. По пути стояли тысячи народа с зажжёнными свечами. В Киеве и Полоцке число богомольцев доходило до 20 тысяч человек». В Полоцке мощи встречали и члены Императорского Дома — королева элинов Ольга Константиновна, её брат великий князь Константин Константинович с сыном князем Игорем Константиновичем и великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Император Николай II обратился к киевскому митрополиту Флавиану с рескриптом, в котором были такие слова: «Свято прошедшая поприще, указанное ей Божественным Промыслом, да пребудет святая княжна для всего белорусского народа навеки ярко путеводительной звездой, указующей правду Православия. Проявившийся же в незабвенные дни перенесения честных мощей её дух благочестия в народе, притекавшем в великом множестве на поклонение преподобной, да послужит в назидание и тем, кто в житейской суете и душевном смятении готов покинуть спасительный путь истинно православной веры».

В Спасо-Преображенском соборе, построенном при Евфросинии в её обители, хранился напрестольный шестиконечный крест («крест Евфросинии Полоцкой») — прекрасное произведение древнерусского декоративно-прикладного искусства, изготовленный по заказу самой княжны мастером Лазарем Богшей в 1161 году (о чём свидетельствовала надпись на кресте). Начиная с XIII века эта бесценная святыня переходила из рук в руки (находилась в Смоленске, Москве, Полоцке, Могилёве...), пока не исчезла бесследно во время Великой Отечественной войны.

Исследователи предполагают, что черты полоцкой княжны отразились в образе «дочери царей русийских» — мудрой и образованной красавицы из поэмы «Семь красавиц» (1197 г.) азербайджанского поэта Низами Гянджеви, бывшего современником Евфросинии.

В XIV веке земли Полоцкого княжества вошли в состав Великого княжества Литовского, и в позднем летописании возникла легенда о происхождении литовской княжеской династии Гедиминовичей от полоцких Рюриковичей, реальных оснований под собой, видимо, не имеющая.

Здесь уместно прервать наше повествование и бросить взгляд на историю Литовского государства, волею исторических судеб ставшего одним из центров объединения древнерусских земель.

«ВТОРАЯ РУСЬ»

Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское (так официально именовалось это государство в пору его расцвета) сыграло

большую роль в истории русских земель. Оно сформировалось на той территории между реками Неман и Западная Двина, где жили древние литовские племена: ятвяги, жемайты (жмудь), аукштайты и другие, исповедовавшие язычество. В начале XIII века литовские земли оказались под угрозой захвата Тевтонским, а затем и Ливонским орденами. Это ускорило процесс создания государства, а главной задачей литовских князей стало сохранение независимости своей страны.

Литовское государство в первой половине XIII века основал князь Миндовг. Ему подчинялись Восточная Литва и земли современной Западной Белоруссии. Своей столицей Миндовг сделал русский город Новогрудок (Новгородок). Таким образом, уже изначально некоторые русские территории вошли в состав нового государства. Это определило и дальнейшее развитие Литвы: её князья стремились расширить свои владения не только за счёт исконно литовских земель, но и путём присоединения древнерусских княжеств.

Правление Миндовга было тревожным. Крестоносцы, соседняя Польша, Галицко-Волынское княжество не давали покоя молодому государству. Чтобы укрепить свою власть, Миндовг даже принял католичество и короновался присланной римским папой короной. Но вскоре он вновь вернулся к язычеству. Сложно складывались его отношения и с местной знатью. В результате заговора в 1263 году Миндовг погиб. После его смерти начались междоусобицы, а в конце XIII века литовским князем стал сын князя Будивида Витень. Подлинного же расцвета Литовское государство достигло при брате Витеня — Гедимине (правил в 1316—1341 гг.). К этому времени непосредственным соседом Литовского государства на западе стал Ливонский орден — мощная рыцарская организация, проводившая наступление на балтийские и славянские земли. После того как на Ближнем Востоке в 1291 году пал последний опорный пункт крестоносцев — Акра, Прибалтика осталась единственной «базой», откуда можно было продолжать крестовые походы. Поэтому литовские князья на протяжении многих десятилетий были вынуждены воевать с Орденом, охраняя независимость своего государства. Их союзниками в этом зачастую были Польша и Рига. Витень также сражался с немецкими рыцарями, в одном из походов он и погиб. В московском «Сказании о князьях Владимирских», созданном в начале XVI века, сохранилась красочная легенда о том, что Гедимин был конюхом Витеня. И когда литовский князь был якобы убит громом, Гедимин женился на его вдове и таким образом захватил власть в Литве. Конечно, этот рассказ — плод вымысла русского княжника, стремившегося показать происхождение Рюриковичей от рода римского императора Августа, а Гедиминовичей сделать потомками узурпатора, принизив тем самым всю династию литовских князей и польских королей.

За своё четвертьвековое правление Гедимин расширил пределы своей державы на восток и юг. Власти Литвы подчинились Витебск (на дочери витебского князя женился один из сыновей Гедимины — Ольгерд) и Минск. Спасаясь от ордынских набегов, смоленский

князь также признал себя вассалом Гедимины. После того как хан Узбек направил на непокорный город свою рать, литовцы помогли смолянам выстоять, и уж больше Смоленск дань Орде не платил. Союзником Литвы стало и Киевское княжество, и в некоторых западнорусских летописях сохранился даже рассказ о взятии Гедимином Киева. Пытался, правда безуспешно, литовский князь установить контроль и над Волинью. Наконец, и северорусские земли попали в орбиту литовского влияния. Гедимин стал союзником Пскова в его борьбе с Орденом и Новгородом, а новгородцы под давлением литовского правителя отдали Ладогу, Корелу и другие волости в кормление одному из его старших сыновей — Наримунту (поэтому в родовых гербах потомков Наримунта — князей Хованских, Голицыных и Куракиных присутствует и новгородский герб). Мирные отношения установились у Гедимины с Московским княжеством, и в 1333 году его дочь Айгуста стала женой Симеона Гордого. Так началось сплетение двух знаменитых династий — литовских и московских князей.

Но, конечно, борьба с Орденом была одной из важнейших забот Гедимины. Ради этого он заключил союз с Ригой и с её помощью отправил несколько посланий римскому папе Иоанну XXII, обещая крестить Литву в католичество. При этом Гедимин обвинял крестоносцев в том, что своими жестокими набегами они только отвращают его подданных от христианства. Когда же послы папы приехали в Литву, против крещения выступили и языческая литовская знать, и православные русские жители. Понимая, что сохранить внутреннее единство государства важнее, литовский князь отказался от крещения, придерживаясь абсолютной веротерпимости. После этого Гедимин заключил союз с Польшей, скреплённый браком его дочери Альдоны и сына короля Владислава Локетка — Казимира в 1325 году.

Ряд удачных походов против крестоносцев завершился победой польско-литовских войск в битве под Пловцами в 1331 году. Но в 1337 году германский император объявил все литовские земли будущими владениями Ордена, и немецкий «натиск на Восток» усилился. В 1341 году в битве с крестоносцами при осаде крепости Баербург Гедимин погиб, убитый выстрелом из огнестрельного оружия, только начавшего входить в употребление. Он оставил своим сыновьям большое государство, и Литва свято хранит память о своём князе, сделавшем столицей Вильно, который и до сих пор украшает башня замка Гедимины.

Сыновья Гедимины Ольгерд и Кейстут фактически поделили Литовское государство между собой. Ольгерд (по-литовски Альгирдас) родился от второй жены Гедимины русской княжны Ольги, отсюда и его имя, которое значит в переводе «радость Ольги». Начало его деятельности относится к 1318 году, когда он женился на дочери витебского князя Марии Ярославне и стал наследником этой земли. Правление в православном княжестве подготовило Ольгерда к будущему государственному служению в многоконфессиональной и многонациональной державе, научило политике компромиссов, обеспе-

чивавшей единство Литвы. После смерти Гедимины великим литовским князем стал один из младших его сыновей Явнут, Ольгерд же остался князем витебским и, хотя получил ещё Крево, не мог смириться с таким положением. Вместе с братом Кейстутом, князем Трок, Ольгерду удалось свергнуть Явнута с престола, и тот бежал в Москву, где принял православие. Впрочем, через некоторое время Явнут вернулся в Литву, но великокняжеский престол находился в руках Ольгерда, и неудачливому князю пришлось довольствоваться небольшим городом Заславлем. Став великим князем, Ольгерд получил в лице Кейстута верного друга и союзника. Фактически братья разделили управление страной, и если Кейстут, управлявший Жмудью и коренной Литвой, отражал нападения крестоносцев, то на долю Ольгерда выпало восточное направление внешней политики Литвы.

Начало правления Ольгерда оказалось малоудачным. В 1348 году в битве под рекой Стравой литовское войско было разгромлено орденами рыцарями. Польские войска заняли Галицкую землю и Брест. Потеряла Литва и сюзеренитета над Смоленским княжеством, отчаянно пытавшимся сохранить свою независимость и от Литвы, и от Москвы. Но постепенно Ольгерд переходит к наступлению на южные русские земли. Этому, конечно, способствовало и временное ослабление положения Москвы среди других русских княжеств после смерти Симеона Гордого, и жестокие междоусобицы в Орде. В такой ситуации Ольгерд начал захват русских городов. Его власть распространилась на Ржеву, Мстиславль, Любеч, затем полностью были подчинены Киевское княжество, Чернигов, Новгород-Северский, Переяславль, Брянск. В присоединённых землях Ольгерд раздавал уделы своим сыновьям и племянникам, так, в Киеве стал княжить его сын Владимир, а в Брянске — другой сын, Дмитрий.

Отпадение многих русских земель из-под власти Орды, лишившейся своих данников, заставило татар предпринять попытку реванша. Но в 1363 году три крупных ордынских отряда были разгромлены литовскими и русскими войсками в сражении у реки Синие Воды. Эта битва почти за 20 лет до сражений на реке Воже и Куликовом поле положила начало освобождению русских земель от ордынской зависимости, и роль Ольгерда в этом процессе была весьма велика. Распространив своё влияние на Волинь и Подолию, Ольгерд расширил границы своих владений далеко на юг и восток, увеличил территорию Великого княжества вдвое и создал большое государство, способное реально противостоять и Орде, и Ордену, и Москве.

Союзником Ольгерда в Северо-Восточной Руси стала Тверь. С её помощью литовский князь хотел достичь гегемонии во всех русских землях. По просьбе тверского князя Михаила Александровича он трижды пытался взять Москву и во время второго похода, как пишут литовско-белорусские летописи, преломил копье о московскую стену. Но московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) выстоял, и Ольгерду пришлось признать наследственные права потомков Калиты на владимирское великое княжение.

Жизнь Ольгерда протекала в постоянных войнах с восточными и западными соседями. Древнерусские летописцы писали, что князь воевал не столько числом, сколько умением, готовил свои походы втайне, и это часто помогало успеху. В самый разгар очередного витка борьбы с крестоносцами, которые вели постоянные атаки на литовские земли, в мае 1377 года литовский правитель скончался. Его вторая жена Ульяна, тверская княжна, позвала к умирающему мужу печерского архимандрита Давида, и тот крестил Ольгерда в православие с именем Александр. Затем Ольгерд был пострижен с именем Алексей, и тверские летописцы даже сообщают, что его похоронили в православном соборе Вильно. Но на самом деле по литовскому языческому обычаю тело князя было сожжено на костре, а в жертву Перкунасу (Перуну) было принесено 18 боевых коней. Так закончилась жизнь Ольгерда, православного язычника, князя Литвы и Руси.

Итак, во время правления Ольгерда в состав его державы вошла огромная территория Киевского, Черниговского, Брянского, Новгород-Северского, Переяславского, Волынского княжеств. Таким образом, почти вся Южная и Западная Русь объединилась в рамках Великого княжества Литовского, которое стало называться Великим княжеством Литовским, Русским и Жемайтским (Жмудским).

В пору наивысшего могущества этого Великого княжества собственно Литва составляла около одной десятой от общей территории. Причём князья династии Гедиминовичей присоединяли русские земли разными способами. Иногда захватывали их, но чаще русские князья добровольно признавали власть литовских правителей. Местное население воспринимало это, как правило, спокойно. В собирании русских княжеств Литвой многие видели даже возрождение Древнерусского государства. А ускоряли этот процесс не только слабость русских княжеств, разорённых ордынскими полчищами, но и желание избавиться от татарской зависимости. Входящие в состав Великого княжества земли больше не платили дань Золотой Орде, а от карательных набегов их защищало теперь молодое и сильное государство. Орда несколько раз пыталась воевать с Литвой, но безуспешно. В сложившемся государстве и большинство населения было русским. Государственным языком считался русский язык западного диалекта, так называемая русская мова. На нём составлялись все официальные документы, велось делопроизводство. На территории Великого княжества действовали законы «Русской Правды», которые потом легли в основу собственно литовского законодательства. Как уже отмечалось, существовала свобода вероисповедания. Часть населения оставалась язычниками, но большинство придерживалось православия. Ольгерд добился образования в своём государстве даже самостоятельной православной митрополии. Значительная часть княжеской администрации состояла из русских. Да и сами князья Гедиминовичи охотно заключали браки с Рюриковичами. Князья Рюриковичи, чьи владения поглощала Литва, переходили на службу к Гедиминовичам и органично вписывались в высший слой аристократии Великого княжества.

На его землях произошло формирование и новых восточнославянских народов. В XIV—XV веках древнерусская народность распалась. В Поднепровье, на «украине» («окраине») Великого княжества, началось образование украинского народа, а севернее, в междуречье Припяти и Западной Двины, на территории «Белой Руси», — белорусского. В то же время на северных и северо-восточных русских землях формировался современный русский народ.

Однако столь «идиллическое» существование вскоре прекратилось. После смерти Ольгерда началась борьба за престол между разными Гедиминовичами. Наиболее активными были сын Ольгерда — Ягайло и сын Кейстута — Витовт. Кейстут поначалу поддержал Ягайло, однако того беспокоил огромный авторитет Кейстута в Литве. В отличие от своих предшественников, боровшихся с Ордой и освобождавших русские земли от ордынской дани, Ягайло стал союзником ордынских правителей и даже двинулся на помощь Мамаю в 1380 году. Заключил Ягайло и тайный договор с Ордеком, направленный против Кейстута. Узнав об этом, в 1381 году Кейстут внезапно напал на Вильно, захватил Ягайло и сам стал великим литовским князем. Свергнутый князь получил в удел Крево и Витебск, но теперь он лишь ждал момента, чтобы отомстить. Обманом заманил он дядю и его сына Витовта в свой лагерь, а затем приказал схватить их и посадить в темницу Кревского замка. Вероятно, по тайному распоряжению Ягайло Кейстут был там задушен, но Витовту удалось бежать. По легенде, его спасла служанка, переодев в своё платье. Семью Витовта разгромили, мать — языческую жрицу Бируту, родом из Жмуди, утопили, обвинив в колдовстве.

Молодому княжичу не оставалось ничего другого, как только с помощью врагов Ягайло пытаться вернуть свои земли. Несколько раз Витовт, опираясь на поддержку крестоносцев, пытался захватить Вильно, но лишь небольшие успехи сопутствовали ему. Так, во власти Витовта оказались Гродно и Новогрудок.

Между тем в Литве произошли большие перемены. В 1385 году Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество и стал польским королём с именем Владислав II. Союз Польши и Литвы скрепила в том же году Кревская уния, заключённая в селении Крево под Вильнюсом. Теперь великий князь литовский становился одновременно и польским королём. Главным условием унии — союза было провозглашение католичества официальной религией Великого княжества. Ягайло провёл христианизацию Литвы и назначил литовским князем своего брата Скиргайло. Но положение в Литве оказалось шатким, против унии выступил Витовт. Его деятельность беспокоила короля, и поэтому вскоре Ягайло решил ради сохранения достигнутого межгосударственного единства попытаться договориться со строптивым кузеном. Вот как словами своего героя Мацько из Богданца описывает этот процесс в романе «Крестоносцы» великий польский писатель Генрик Сенкевич: «На ту пору Витовту воевать уж наскучило, Вильно он всё равно не мог взять, ну, а нашему королю наскучили родные бра-

тъя с их распутством. Увидел король, что Витовт побойчее и поумнее их, и послал епископа уговорить князя оставить крестоносцев и покориться ему, за что посулил отдать под его власть Литву. Витовт, охотник до всяких перемен, благосклонно выслушал посла. Начались тут пиры да ристалища». А по словам польского хрониста Яна Длугоша, Ягайло был убеждён, что Витовт «способностями превосходит его братьев и лучше всего подходит для трудной задачи управления Литвой».

В августе 1392 года Витовт заключил с Ягайло союз и стал великим князем литовским. При этом формально сюзереном Литвы оставался Ягайло, но Витовт пользовался большой автономией и начал укреплять своё государство.

Уния, впрочем, не спасла ни Литву, ни Польшу от агрессии крестоносцев. Орден продолжал своё наступление на польские и литовские земли. 15 июля 1410 года у посёлков Грюнвальд и Танненберг произошла решающая битва между объединённым польско-литовским войском и рыцарями Ордена. Объединённую армию возглавлял сам Ягайло-Владислав. Литовскими силами командовал Витовт. В их состав входили и русские подразделения: два смоленских полка сыграли в Грюнвальдской битве важную роль. Кроме того, союзниками Ягайло выступили татары, а чешский отряд привёл прославленный Ян Жижка. На помощь же Ордену прибыли рыцари со всей Европы. Так что это поистине была битва народов. Сражение при Грюнвальде закончилось разгромом крестоносцев. Орден был вынужден заключить мир, а немецкому «натиску на Восток» пришёл конец.

Витовт продолжал расширять пределы своего государства. Он сумел установить контроль над Смоленском, а после присоединения Галицкой земли границы его владений достигли Чёрного моря. Теперь его держава охватывала огромную территорию. Почувствовав свою силу, Витовт решил вмешаться и в ордынские дела. Золотая Орда тогда была уже не тем могущественным государством, как прежде. Хан Тохтамыш, в своё время сжёгший Москву, после того, как его войско было разгромлено Тимуром, бежал в Литву к Витовту, и у великого князя возник план вернуть Тохтамыша на престол и таким образом подчинить Орду своему влиянию, а значит, установить контроль и над остальными русскими землями, всё ещё находившимися в зависимости от Орды.

В 1397 году Витовт приступил к осуществлению своих замыслов. Его первый удар был нанесён по западным улусам татар. Двинув войска за Дон, литовский князь в окрестностях Волги разгромил татарские кочевья и захватил большой полон. Несколько тысяч татар было переселено в Литву, и впоследствии они составили значительную прослойку в составе служилых людей Речи Посполитой. В 1399 году Витовт подготовил второй поход, задействовав все возможные антиордынские силы. Даже Тевтонский орден, в обязанность которого входила борьба с неверными, направил к нему небольшой отряд рыцарей. Среди участников похода был и знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, сыгравший большую роль в победе на Куликовом поле. Его, вероятно, направил на помощь

к своему тестю московский князь Василий I, женатый на дочери Витовта. После недельного стояния на реке Ворскле 12 августа 1399 года войско Витовта переправилось на другой берег и начало теснить отряды эмира Едигея. Но главные ордынские силы хана Тамир-Кутлука обошли поле битвы и, разгромив отряды Тохтамыша, шедшего вместе с Витовтом, окружили литовское войско. Оно было почти полностью уничтожено, в сражении погибли и многие князья, в том числе Боброк-Волынский, сыновья Ольгерда Андрей полоцкий и Дмитрий брянский, бывший смоленский князь Глеб Святославич и многие другие. Самому Витовту с небольшим отрядом удалось вырваться, и он еле спасся бегством. На время планы храброго сына Кейстута потерпели крах.

Честолюбивый князь начал подготовку своей коронации в качестве литовского короля. Церемония была назначена на 8 сентября 1430 года в Троках. На неё собралось множество почётных гостей: московский князь Василий II, русский митрополит Фотий, тверской и рязанские князья, ордынские царевичи, послы Византии, валахский господарь, орденские магистры и другие правители. Но из-за активного противодействия польских магнатов, задержавших императорских послов, торжество расстроилось. Так и не став королём Литвы, потрясённый Витовт умер в октябре 1430 года, оставив в народе многочисленные легенды о своей храбрости, щедрости и славе. Все земли Великого княжества Литовского вновь перешли под контроль Польши, а союз двух стран окончательно скрепила Люблинская уния 1569 года. Образовалось единое государство — Речь Посполитая (в переводе на русский язык «республика»: королей в Речи Посполитой выбирала знать).

Объединение Польши и Литвы изменило положение русских земель в составе новой страны. Теперь государственной религией стало католичество. Православная церковь оказалась в подчинённом положении. Усилилось влияние польской культуры, западноевропейских традиций и порядков. Единым государственным языком сделался польский. На украинские и белорусские земли пришло и крепостное право. Всё это означало наступление новой эпохи в истории народов, живших на территории прежнего Древнерусского государства.

Обрисовав дальнейшую судьбу многих русских княжеств, вернёмся теперь к тем династиям, которые правили в них.

ПЕРВАЯ ГАЛИЦКАЯ ДИНАСТИЯ

Следующая ветвь Рюриковичей пошла от второго сына Ярослава Мудрого — Владимира, князя новгородского. Поскольку Владимир умер ещё при жизни отца, его сыновья Ростислав-Михаил и Ярополк оказались на положении изгоев. Ростиславу всё же удалось вокняжиться в далёкой Тмутаракани. В феврале 1067 года он был отравлен византийским наместником Херсонеса на пиру. От брака с дочерью венгерского короля Белы I Ланки у Ростислава осталось несколько де-

тей: Рюрик (ум. в 1092) и Володарь (ум. 19.03.1124) были князьями Перемышля, Василько (ум. 28.02.1124) — князем Теробовля, а дочь стала женой своего двоюродного дяди деятельного изгоя Давыда Игоревича. После смерти Ростислава Ланка вернулась на родину. Последнее упоминание о ней относится к 1097 году, когда она безуспешно пыталась отговорить своего племянника Кальмана от осады её сына Володаря, засевавшего в Перемышле, однако к тому времени политическая ситуация и на Руси, и в Венгрии изменилась.

У князя Василько Ростиславича судьба была печальной. В 1097 года, после Любечского съезда, на котором, казалось, Рюриковичи смогли договориться и установить, наконец, добрые взаимоотношения, Василько был пленён Святополком Изяславичем и Давыдом Игоревичем, по наущению последнего, и затем ослеплён. Жуткое описание этого преступления сохранилось в «Повести временных лет». Вероломство родичей потрясло Владимира Мономаха, сказавшего: «Не бывало ещё в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла».

Потомки Володаря и Василько владели Перемышлем и Теробовлем, из забвения этот род вывел сын Володаря — Владимирко (Володимерко), основавший первую галицкую династию Рюриковичей. Владимирко первоначально княжил в Звенигороде (ныне Львовская область) и Белзе, потом после смерти родственников присоединил к своим владениям Перемышль и Галич, который и сделал столицей своих владений. Он принимал деятельное участие в усобной борьбе на Руси в 1140–1150-х годах, поддерживая Юрия Долгорукого в борьбе за Киев (младший брат Юрия, рано умерший Роман был женат на сестре Владимирка, а сын Владимирка, Ярослав, в 1150 году женился на дочери Юрия Ольге). Смерть Владимирка в феврале 1153 года была внезапной и таинственной, о ней рассказано в главе, посвящённой Юрию Долгорукому.

Наследником Владимирка стал его сын Ярослав Осмомысл (ум. 1.10.1187), один из самых видных князей второй половины XII века. Своё прозвище Осмомысл, что значит «Восьмимысленный», он получил, по-видимому, оттого, что знал восемь языков (хотя есть и другие объяснения: «умён за восьмерых», «осномысл» — «мудрый человек» и т. д.). Галицкие бояре пытались влиять на политику Ярослава. Для давления на князя они использовали его семейное положение. Ещё в молодости Осмомысл женился на дочери Юрия Долгорукого — Ольге. От этого брака он имел нескольких детей, в том числе дочь Евфросинью (традиционно считается, что она была женой князя Игоря Святославича новгород-северского (Ярославна в «Слове о полку Игореве») и сына Владимира, князя галицкого (ум. в 1197 г., его образ обессмертил А. П. Бородин в опере «Князь Игорь»). В 1164 году на одной из дочерей Ярослава женился венгерский король Иштван (Стефан) III. Однако вскоре брак был расторгнут, и в 1167 году Иштван женился на дочери австрийского маркграфа Генриха II Язомиргота из династии Бабенбергов — Агнессе (ум. в 1182). Византии не нужен был союз двух таких мощных соседей: Венгрии и Галича.

Но помимо законной жены у галицкого князя была и любовница — Настасья, от которой тоже был сын — Олег. И именно Олега Ярослав хотел сделать своим наследником. Узнав о том, что муж хочет разойтись с нею и отправить её в монастырь, Ольга с Владимиром в 1171 году бежала в Польшу. Возмущённые галицкие бояре (развод с сестрой Андрея Боголюбского мог привести к нежелательным для Галича последствиям) сожгли на костре Настасью, перебили её родственников, а самого Осмомысла вместе с сыном Олегом посадили под арест. Только после этого Ярослав примирился с вернувшейся Ольгой, да и то ненадолго, потом она всё равно уехала во Владимирскую Русь, где приняла монашеский постриг. Но вскоре он сумел победить бояр и добиться полной самостоятельности.

Ярослав пользовался большим авторитетом среди других русских князей. На Руси он был известен как славный и могущественный правитель. Автор «Слова о полку Игореве» так писал о нём: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своём златокованом престоле, подперев горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота...» Конечно, эта характеристика несколько преувеличена — границы Галицкого княжества до Дуная не доходили, а полководческими способностями князь не блистал, тем не менее он время от времени вмешивался и в южнорусские дела, в частности поддержал киевских князей в их походе на половцев летом 1184 года.

В 1164 году при дворе Осмомысла появился бежавший из Константинополя византийский царевич Андроник Комнин. Ярослав принял его с распростёртыми объятиями и настолько с ним сдружился, что вместе они и охотились, и пировали. Когда Андроник вернулся на родину и в 1183 году стал императором Византии (Андроник I, погиб в 1185 г.), то в своём новом дворце приказал расписать стены сценами охоты на зайцев, оленей, диких кабанов и зубров. Зубр напоминал василевсу о днях его молодости, проведённых на Галичине.

Умирая, Ярослав назначил своим наследником внебрачного сына Олега и добился от бояр клятвы верности будущему князю. Но после смерти Ярослава бояре опять начали бесчинствовать. Они изгнали Олега, а потом не ужились и с его братом Владимиром. Ещё при жизни отца Владимир познал тяготы изгнания. В 1184 году он просил убежища у многих русских князей, но все ему отказали — ссориться с Осмомыслом никто не хотел. Только шурин Владимира князь Игорь Святославич новгород-северский принял своего опального родственника. Поэтому и находился Владимир в его владениях во время похода Игоря на половцев в 1185 году, потому и «попал» в качестве действующего лица в оперу А. П. Бородина. Только с помощью Игоря отец и сын примирились.

В семейном плане Владимир был подобен отцу: он был женат на княжне Болеславе Святославне из династии черниговских Рюриковичей — Ольговичей, а потом на какой-то попадье, которую он отбил у мужа и от которой родились сыновья Василько и Иван,

очевидно, последние представители этой галичской династии. Попадая стала последней каплей в недовольстве бояр своим князем, гулякой и пьяницей. Бояре прогнали Владимира, Галич захватил венгерский король, а незадачливый князь был посажен королём в темницу. Но в 1190 году Владимир бежал из тюрьмы обычным в таких случаях способом. Он спустился вниз по связанным кускам разрезанного им шатра. С помощью польских войск сын Ярослава вновь занял галичский стол, где княжил до смерти. Однако в конце XII века Галич перешёл в руки волынского князя Романа Мстиславича, потомка Изяслава Мстиславича киевского. Существует гипотеза, что именно Владимир Ярославич мог быть автором «Слова о полку Игореве».

Другая ветвь того же галичского рода Владимировичей так и осталась на положении изгоев. Князь Иван Ростиславич Берладник (получил своё прозвище по области Берладь в бассейне одноимённой реки — современная румынская река Бырлад), двоюродный брат Ярослава Осмомысла, безуспешно пытался закрепиться в Звенигороде и Галиче, пиратствовал на нижнем Дунае и служил различным князьям, в том числе и Юрию Долгорукому. Впоследствии Берладник оказался в Византии, как уже говорилось, и был отравлен греками в Фессалониках в 1161 году, вероятно, по просьбе Ярослава Осмомысла. Его сын Ростислав тоже находился в положении изгоя. Он был приглашён галичанами на княжение, но в бою у города ранен венграми, которые затем убили его, приложив к ранам «смертное зелье».

Так пресекалась династия галицких князей.

ТУРОВО-ПИНСКАЯ ДИНАСТИЯ

Следующая ветвь Рюриковичей, потомки Изяслава Ярославича, владела Туровом, а затем и Пинском. Наиболее известным деятелем этого рода был уже упоминавшийся Святополк II Изяславич. Его потомки сошли с политической арены к концу XIII века. Туров они потеряли ещё к середине XII века, а последний самостоятельный пинский князь известен в 1292 году. В начале XIV века Пинское княжество было присоединено Гедимином к Великому княжеству Литовскому. Вероятно, один из потомков турово-пинской династии — Александр, князь дубровицкий, погиб в битве на Калке в 1223 году. По родословным преданиям, именно от Изяславичей произошли роды князей Святополк-Четвертинских и Святополк-Мирских.

Князя Святополк-Четвертинские. Свою фамилию князя Святополк-Четвертинские (называемые также и просто князьями Четвертинскими) получили от названия местечка Четвертни на реке Стыри (до 1917 года находилось на территории Волынской губернии), которое являлось их родовым владением. Впоследствии род разделился на несколько ветвей. В конце XVII века большинство князей Святополк-Четвертинских перешло из православия в католичество. Из представи-

телей старшей ветви рода следует назвать князя Григория Захарьевича старшего (ум. в 1690). В монастыре Гедеон, он был православным епископом Острожским и Луцким, а затем митрополитом Киевским. В качестве главы киевской митрополии Гедеон вышел из подчинения Константинопольскому патриархату и заявил о переходе в юрисдикцию Русской православной церкви. Он прославился благочестием и праведной жизнью. Похоронен в Киево-Печерской лавре. «Родной племянник его, — писал в середине XIX века известный генеалог князь П. В. Долгоруков, — князь Юрий Андреевич обручён был, в 1687 г., с дочерью в то время богатого и могущественного гетмана малороссийского Ивана Самойловича; чрез несколько недель после обручения Самойлович был сослан в Сибирь, и всё имение его описано в казну. Новый гетман Малороссии Мазепа, личный враг Самойловича, тщетно убеждал князя Юрия покинуть невесту; благородный Четвертинский не захотел изменить данному слову; обвенчался с ней и принуждён был несколько времени скрываться с женою своею от злости Мазепиной. Донею ещё указывают, по преданию, на место, служившее убежищем юной чете, близ села Дунайца, в глубоком лесном овраге, именуемом Должик». От этого брака родился сын Василий, который принял монашеский постриг с именем Вассиана. С его смертью угасла старшая ветвь рода князей Святополк-Четвертинских.

Из представителей младших ветвей известны следующие. Князь Борис Антонович (1780—1866) — крестник Екатерины Великой, окончил кадетский корпус, служил в лейб-гвардии Преображенского полку, принимал участие в войнах с Наполеоном, с 1835 года шталмейстер, имел гражданский чин действительного статского советника. Его потомки были православными. Сестра Бориса Антоновича — Мария Антоновна (1779—1854, замужем за обер-егермейстером Дмитрием Львовичем Нарышкиным) была возлюбленной императора Александра I. От него она родила дочь Софью (1807—1824), скончавшуюся накануне свадьбы с графом Андреем Павловичем Шуваловым.

Католик князь Северин (Северин-Франциск-Каликст) Владимирович (1873—1946) окончил агрономическое отделение Политехнического института в Риге, был одним из крупных землевладельцев, членом I Государственной думы. Род князей Святополк-Четвертинских продолжается в Польше до сих пор.

Князя Святополк-Мирские. По всей видимости, родственниками князей Святополк-Четвертинских следует считать и князей Святополк-Мирских. Впрочем, об их происхождении существуют различные мнения. Официально в княжеском достоинстве Святополк-Мирские были утверждены только в 1861 году. Своим родовым гнездом эта фамилия считала белорусский замок Мир. Князь Дмитрий Иванович (1825—1899) служил на Кавказе, был начальником Терской области, кутаисским генерал-губернатором, затем помощником наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича. Во время войны с Турцией 1877—1878 годов сражался на Кавказском фронте. Именно ему Россия обязана взятием турецкой крепости Карс в 1877 году. Дмитрий

Иванович дослужился до чинов генерала от инфантерии и генерал-адъютанта, в 1880 году стал членом Государственного Совета. Его брат Николай Иванович (1833–1898) окончил Пажеский корпус, также служил на Кавказе, во время русско-турецкой войны командовал пехотной дивизией, с 1881 года — наказной атаман Войска Донского, член Государственного Совета (с 1898 г.), генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

Сын князя Дмитрия Ивановича (от брака с княжной С. Я. Орбелиани) — Пётр Дмитриевич (1857–1914) окончил Пажеский корпус (1875) и Николаевскую Академию Генштаба (1881), служил на Кавказе во время войны 1877–1878 годов, с 1895 года пензенский, а с 1897-го — екатеринбургский губернатор, в 1900–1902 годах товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенант (1901), в 1902–1904 годах — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, генерал-адъютант (1904). В августе 1904 года кн. П. Д. Святополк-Мирский был назначен министром внутренних дел, на место убитого террористами В. К. фон Плеве. Его имя связывалось с либеральным курсом. Князь выступил с проектом реформ, предполагавшим включение в Государственный совет выборных представителей от городских дум и земств. В консервативных кругах новому министру дали кличку «Святополк Окаянный». В январе 1905 года, в огне начавшихся беспорядков, князь был уволен в отставку. Последние годы жизни провёл в Петербурге. В 1913 году получил чин генерала от кавалерии. От брака с графиней Е. А. Бобринской кн. П. Д. Святополк-Мирский имел нескольких детей.

Судьба его старшего сына Дмитрия Петровича (1890–1939) сложилась трагически. Офицер белой армии, он покинул свою родину. В эмиграции прославился как видный литературовед, преподавал русскую литературу в Лондонском университете, издал книги «Современная русская литература» и «История русской литературы». В начале 1930-х годов Дмитрий Петрович вступил в коммунистическую партию Великобритании, а в 1932 году вернулся в СССР. Впоследствии он был репрессирован и умер в лагере под Магаданом.

Потомки князя Николая Ивановича Святополк-Мирского продолжают этот род и в настоящее время.

ЧЕРНИГОВСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДОМ

Потомки Святослава Ярославича наряду с Мономахичами играли активную роль в политической жизни удельной Руси. У Святослава было несколько сыновей: Глеб (убит в Заволочье 30.05.1078), князь тмутараканский и новгородский; Олег-Михаил (ум. 1.08.1115), князь тмутараканский и черниговский; Роман Красный (убит половцами 2.08.1079), князь тмутараканский; Давыд (ум. в 1123), князь новгородский, смоленский, а затем черниговский; Ярослав-Панкратий (ум. в 1129), князь муромский. Вся семья Святослава: сам князь, его вторая

жена и шестеро сыновей изображены на миниатюре из знаменитого «Изборника Святослава» 1073 года.

Князь Глеб Святославич, княживший некоторое время в Тмутаракани, оставил по себе память знаменитой надписью, выбитой на камне («Тмутараканский камень», ныне хранится в собрании Эрмитажа), из которой следует, что в 1068 году он «мерил море по леду от Тматораканя до Корчева», то есть до Керчи. Ширина Керченского пролива оказалась равной 14 тысячам сажен. Эта надпись является одним из древнейших памятников русской эпитафики.

Князь Олег Святославич — один из наиболее активных князей второй половины XI века. Долгое время он был князем-изгоем, мыкался в Тмутаракани, откуда безуспешно пытался овладеть Черниговом (именно из-за него и его двоюродного брата Бориса Вячеславича произошла битва на Нежатиной Ниве в октябре 1078 года, когда погибли и Борис, и киевский князь Изяслав Ярославич). Потом в Тмутаракани Олега пленили хазары. Они отправили его в Византию, где князь жил в ссылке на острове Родос в течение нескольких лет, но в 1083 году вернулся в Тмутаракань с новой женой — византийской аристократкой Феофано Музалон (позднее вторым браком Олег женился на дочери половецкого хана Осулука). Только в 1094 году с помощью половцев ему удалось наконец вокняжиться в Чернигове. Но на этом он не успокоился и ещё несколько лет нарушал покой на Руси. Чернигов стал наследственным владением его потомков. В «Слове о полку Игореве» Олег назван «Гориславичем» — якобы за то, что в своей борьбе за власть опирался на половцев, «наводил поганых на Русь». Прозвание «Гориславич» стойко закрепилось за Олегом в исторической литературе и, думается, его объяснение несправедливо, поскольку он действовал, как и почти все русские князья того времени в борьбе за свои законные права. Существует и иное объяснение прозвища «Гориславич» — не от «горя» («гореславич»), а от «гореть» (в этом случае получается, что Гориславич — «горящий славой», и такой эпитет в «Слове о полку Игореве» вовсе не выглядит отрицательным).

Потомство малопримечательного Давыда Святославича пресеклось на его внуках, из сыновей этого князя наиболее известны: Святослав (Святоша)-Николай, князь луцкий, добровольно отрёкся от престола и последние 40 лет жизни был иноком Киево-Печерского монастыря, канонизирован Русской православной церковью; и Изяслав (убит 6.03.1161 в битве с Ростиславом Мстиславичем), князь новгород-северский, черниговский, он даже трижды занимал киевский стол, действуя при поддержке половцев (его женой была, вероятно, половецкая). Потомство Олега и Ярослава Святославичей было большим.

Из сыновей Олега Святославича наиболее интересны Всеволод II, Святослав-Николай (ум. 15.02.1164) и Игорь. О первом и третьем уже говорилось выше в связи с борьбой за киевский стол, Святослав же сменил несколько княжений, в том числе новгород-северское и черниговское, и в середине XII века выступал союзником Юрия Долгорукого. Именно его встречал Юрий в Москве 4 апреля

1147 года в первый день исторического существования города. Святослав был женат первым браком на дочери половецкого хана Аепы Гиргенева, а вторым — на дочери новгородского посадника. Этот брак вызвал неудовольствие архиепископа, считавшего его «недостойным» князя (неравным), поэтому Святославу пришлось венчаться «своими попы».

Его старший сын — князь новгород-северский Олег Святославич (ум. 16.01.1180) в 1150 году женился на дочери Юрия Долгорукого Елене, затем, в 1164 году, на дочери Ростислава Мстиславича Агафье, а третьим браком — на дочери князя Андрея Владимировича Доброго, брата Юрия Долгорукого. Его потомки занимали княжеские столы в Курске и Рыльске.

Другой сын Святослава Ольговича — известный Игорь (Георгий) Святославич (2.04.1151—1201), князь новгород-северский, путивльский и затем черниговский, совершивший в 1185 году поход на половцев, герой «Слова о полку Игореве». От брака с Ярославной он имел шесть сыновей, один из которых Владимир (Антоний) женился на дочери хана Кончака. Сыновья Игоря выступали претендентами на галицкий стол. Их постигла печальная судьба: в 1211 году галичане повесили Игоревичей по приказу венгерского короля Эндре II, захватившего город и поддерживавшего законного галицкого наследника Даниила Романовича.

Дочь Святослава Игоревича — Агафья была женой князя мазовецкого Конрада I из династии Пястов. От этого брака пошла династия князей Мазовецких, одна из княжон в 1412 году вышла замуж за австрийского герцога Эрнста I Габсбурга. От этого брака родился император Германии Фридрих III, отец великого Максимилиана I Габсбурга. Потомки Максимилиана были австрийской императорской династией и испанской королевской династией. К Австрийскому Дому принадлежали: императрица Мария-Терезия, её дочь Мария-Антуанетта (жена французского короля Луи XVI, казнённая якобинцами), император Франц-Иосиф I. Австрийский Дом был свергнут в результате революции 1918 года. В настоящее время его возглавляет Отто фон Габсбург, известный общественный деятель современной Европы. Испанские Габсбурги правили вплоть до 1700 года. Из этого рода наиболее известны император Карл V, создавший «империю, в которой никогда не заходило солнце», Филипп II, Непобедимая Армада которого была разгромлена англичанами, Анна Австрийская (мать французского короля Луи XIV — Короля-Солнце). Через Анну Австрийскую потомками испанских Габсбургов были и французские короли Луи XIV, Луи XV, казнённый Луи XVI, Луи-Филипп («король-груша»), и испанские Бурбоны, которые в лице короля Хуана-Карлоса до сих пор правят в Испании.

Наконец, третий сын Святослава Ольговича Всеволод (ум. в мае 1196), князь трубчевский и курский, — это знаменитый Всеволод «Буй-Тур» «Слова...». Он был женат на внучке Юрия Долгорукого — Ольге Глебовне. Его сын Святослав также являлся князем Трубчевска.

Обширным было потомство Всеволода II. Его старший сын Святослав (Михаил) (ум. 25.07.1194) трижды занимал киевский стол (последний раз с 1181 года), он также упомянут в «Слове о полку Игореве» как Святослав киевский. О нём уже говорилось в разделе, посвящённом киевскому княжеству. Из его сыновей выделяется черниговский князь Всеволод (Даниил) Чермный (то есть Красный, ум. в 1212), который несколько раз был князем киевским, а его сын Михаил Всеволодович, князь черниговский и киевский, женатый на сестре Даниила Галицкого Феофании, мученически погиб в Орде 20 сентября 1246 года вместе с боярином Фёдором, отказавшись выполнить монгольские языческие обряды — пройти между зажжёнными кострами и поклониться идолам. Михаил черниговский причислен к лику святых Русской православной церкви.

От сыновей Михаила черниговского — третьего, Семёна, князя глуховского и новосильского, четвёртого, Мстислава, князя карачевского, и пятого, Юрия, князя торусского и оболенского, пошли многочисленные дворянские роды князей Белёвских, Воротынских, Одоевских (а также князей Одоевских-Масловых), Мосальских (с их ветвями — князей Кольцовых-Мосальских, Литвиновых-Мосальских, Клубковых-Мосальских, Мосальских-Корецких и дворян Мосальских-Рачко), Хотетовских, дворян Бунаковых, князей Огинских, Пузын, дворян Сатиных, князей Горчаковых, Елецких, Звенигородских (с их ветвями князей Звенигородских-Спячих, Рюминых, Барашевых, Шистовых, Звенцовых, Токмаковых и Ноздреватых), Болховских, Мезецких, Волконских, Барятинских, Мышецких, Оболенских (с их ветвями — князей Курлятевых, Ноготковых, Стригиных, Ярославовых, Нагоевых, Телепневых, Турениных, Репниных, Пенинских, Горенских, Тюфякиных, Щепиных, Золотых, Серебряных, Лыковых и Кашиных-Оболенских, а также князей Оболенских-Нелединских-Мелецких), Долгоруковых (а также светлейших князей Юрьевских), Щербатовых и Тростенских.

Это первый большой Дом потомков Рюриковичей. Однако старшей его ветвью были угасшие князья Осовицкие, потомки второго сына Михаила черниговского — брянского князя Романа (старший сын Михаила Ростислав перебрался в Венгрию, где и осталось его потомство).

Остановимся на некоторых родах — потомках Михаила Всеволодовича

Князья Белёвские. Род князей Белёвских (город Белёв на реке Оке) пресекался в середине XVI века. Последний представитель этого рода князь Иван Иванович Белёвский был в 1558 году сослан по приказу Ивана Грозного в Вологду, где и скончался. Вотчины князей Белёвских перешли во владение московского царя.

Князья Воротынские. Представители рода князей Воротынских (город Воротыньск на реке Оке близ Калуги) оставили по себе память на военном поприще. Князь Михаил Иванович Воротынский, боярин и воевода, прославился участием во взятии Казани в 1552 го-

ду. Тогда он сражался в большом полку и его воины захватили Арскую башню и проникли в крепость. Но Иван Грозный отложил штурм. Именно Воротынский руководил закладкой взрывчатки в подкопы под казанскую стену, а потом во главе большого полка двинулся на штурм татарской столицы. В 1572 году он возглавил русские войска, отразившие набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву. Воротынский разбил крымцев в сражении при Молодях под Серпуховом и таким образом спас столицу от разорения. Князь Михаил Иванович считается и одним из основателей станичной и сторожевой, то есть, по сути дела, пограничной службы в России. Он оберегал южные рубежи государства от крымских набегов, а в 1571 году по его инициативе приняли первый устав пограничной службы — «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Несмотря на все заслуги, в 1573 году Михаил Иванович по доносу своего беглого слуги был обвинён в чародействе. Его подвергли жутким пыткам: несчастного воеводу положили между двумя горящими кострами, а царь самолично подгрел под его тело угли. Искалеченного, еле живого Воротынского отправили в ссылку на Белоозеро. По дороге отважный герой, не вынеся мучений, скончался, в чём-то повторив судьбу своего отца, погибшего в ссылке.

Сын Михаила Ивановича — боярин князь Иван Михайлович (ум. в иноках схимником Ионой в 1627) принимал активное участие в событиях Смутного времени, будучи одним из членов Семибоярщины. Вторым браком он был женат на княжне Марии Петровне Буйносовой-Ростовской (ум. в 1628) и таким образом доводился свойственником царю Василию Шуйскому (вторая жена царя — княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская, родная сестра Марии). Несмотря на это Воротынский принял участие в заговоре и низложении царя Василия.

Правнук Ивана Михайловича — князь Михаил Иванович, стольник, с 1664 года ближний боярин, скончался в конце 1670-х годов. С его смертью род князей Воротынских пресёкся.

Князья Одоевские. Значительно дольше продолжался род князей Одоевских. Их фамилия восходит к названию города Одоев, которым они владели до середины XVI века (последняя доля в этом княжестве принадлежала князю Никите Романовичу Одоевскому). Из Одоевских получили известность следующие лица.

Княжна Евдокия Романовна с 1558 года была второй женой старичьего князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Ивана Грозного, и дальней родственницей князя А. М. Курбского. Осенью 1569 года царь Иван расправился со своими родичами: по его приказу Владимир Андреевич выпил яд, тогда же погибли и Евдокия Романовна, и малолетние дети от этого брака. Брат Евдокии — князь Никита Романович, один из крупнейших землевладельцев XVI века, сохранявший и при Иване Грозном свои одоевские владения, впоследствии стал одним из ведущих опричных бояр, а закончил свой путь на плахе, умученный одновременно с князем Михаилом Ивановичем Воротынским.

Его внук князь Никита Иванович Одоевский (ум. в 1689) был видным государственным деятелем XVII века. Ближний боярин и воевода, посол в Речи Посполитой, наместник астраханский и владимирский, он (в разное время) возглавлял важнейшие приказы Московского государства: Сибирский, Казанского дворца, Большой Казны (своего рода министерство финансов), Рейтарский, Иноземный, Аптекарский, руководил внешней политикой России в конце 1670 — начале 1680-х годов. Он также являлся председателем комиссии по составлению нового Уложения — свода законов, принятого Земским собором в 1649 году. Как старейший из бояр, поставил свою подпись под соборным постановлением об отмене местничества в 1682 году. В последние годы его жизни рядом с ним в Боярской думе заседали его сын Яков Никитич и внуки Юрий Михайлович и Василий Фёдорович. Князь Яков Никитич (умер в 1697) управлял приказом Казанского дворца во время знаменитого бунта Степана Разина.

На княжне Варваре Ивановне Одоевской (1758?—1844) женился граф Сергей Степанович Ланской (1787—1862), действительный тайный советник, сенатор, обер-камергер, министр внутренних дел (1855—1861).

Князь Александр Иванович Одоевский (1802—1839), корнет лейб-гвардии Конного полка, поэт и декабрист. Член Северного общества и участник восстания на Сенатской площади, он после его подавления добровольно явился к петербургскому обер-полицеймейстеру. Осуждён по IV разряду и приговорён к каторжным работам, сослан в Сибирь, позднее переведён на Кавказ. Ему принадлежит крылатая фраза (из ответа на «Послание в Сибирь» Пушкина): «Из искры возгорится пламя» («Наш скорбный труд не пропадёт; из искры возгорится пламя и просвещённый наш народ сберётся под святое знамя»), которая много позже стала девизом ленинской газеты «Искра».

Двоюродный брат Александра Ивановича — Владимир Фёдорович (1804—1869), тайный советник, сенатор, получил известность как писатель (вспомним прекрасную сказку «Городок в табакерке»), журналист, философ, композитор и музыкальный критик. Некоторое время являлся соредктором пушкинского «Современника», служил помощником директора Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, директором Румянцевского музея. Именно ему во многом обязана своим успехом постановка оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Он также собирал народные песни, считается одним из первых русских фольклористов. Его фраза из некролога Пушкину — «Солнце русской поэзии закатилось» — обрела бессмертие. Владимир Фёдорович был последним представителем рода князей Одоевских. После его кончины эта фамилия прекратила своё существование. Но в 1878 году двоюродному племяннику Владимира Фёдоровича — ротмистру Николаю Николаевичу Маслову (мать которого, Софья Ивановна, происходила из рода князей Одоевских) были пожалованы фамилия и титул князя Одоевского-Маслова с правом передачи в потомстве старшему в роде.

Князья Мосальские. Князья Мосальские (также Масальские, фамилия происходит от названия города Мосальска) сначала служили в Великом княжестве Литовском, а с начала XVI века отдельные ветви рода переходили на службу в Москву (хотя часть так и осталась служить в Литве, а позднее в Речи Посполитой).

Боярин князь Василий Михайлович Мосальский-Рубец (умер в 1611) в 1601 году основал сибирский город Мангазею, ставший опорным пунктом продвижения русских в Сибирь. Затем он принял участие в убийстве царя Фёдора Борисовича — сына Бориса Годунова, был советником и дворецким Лжедмитрия I, затем сторонником Лжедмитрия II. В 1610 году в составе посольства отправился к польскому королю Сигизмунду III просить его сына Владислава на русский престол. В Речи Посполитой он и скончался.

Одна из ветвей князей Мосальских княжеский титул утеряла. Даниил Афанасьевич (1739—1832) окончил Морской кадетский корпус в Петербурге, прославился как искусный корабельный мастер, первым в России применил металлическую обшивку для подводной части корпуса судна, построил несколько кораблей, дослужился до чина действительного статского советника. Его потомки служили в армии и на флоте. В 1862 году им было возвращено княжеское достоинство.

Князь Николай Фёдорович Мосальский (1812—1880), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, был женат на Софье Владимировне Мезенцовой, правнучке А. В. Суворова (сестре шефа жандармов Н. В. Мезенцова).

Женой генерал-лейтенанта князя Александра Александровича Кольцова-Мосальского (1826—1875), происходившего из другой ветви рода, была княжна Елена Михайловна Гика (1828—1888), племянница молдавского господаря Григория Гина. Под псевдонимом «графиня Дора д'Истрия» своими произведениями она приобрела известность в европейской литературе.

Князья Огинские и Пузыны. Род князей Огинских обосновался в Речи Посполитой. Огинские служили польским королям. Наиболее известным их представителем был князь Михал-Клеофас Огинский (1765—1833), которого в России называли Михаилом Андреевичем. Участник восстания Т. Костюшко, после подавления которого бежал за рубеж. Жил в Константинополе и Париже, во времена Директории безуспешно пытался заручиться поддержкой Франции в деле восстановления независимой Польши. Наконец, разуверившись в возможности возрождения Польши, Огинский приехал в Россию, где в 1810 году стал сенатором и тайным советником. Здесь он вошёл в круг ближайших доверенных лиц Александра I и даже выдвинул проект воссоздания Великого княжества Литовского в составе России, не получивший, однако, одобрения. После 1815 года Огинский переселился во Флоренцию, где и умер. Значительно больше, чем политический деятель, он прославился как талантливый композитор. Ему принадлежат опера «Бонапарт в Каире», мазурки, вальсы, романсы, песни и свыше двадцати полонезов, из которых самым знаменитым является полонез «Прощание с Родиной» («Полонез Огинского»).

Польским королям служили и князья Пузыны.

Дворяне Сатины. Из истории дворян Сатиных можно упомянуть тот факт, что на Анастасии Захаровне Сатиной был женат Алексей Фёдорович Адашев (ум. в 1561), ближайший сподвижник Ивана Грозного в первые годы его царствования, стоявший во главе так называемой «Избранной рады».

Князья Горчаковы. Яркий след в русской истории оставили князья Горчаковы. Князья Алексей (1769—1817) и Андрей (1779—1855) Ивановичи по матери приходились племянниками А. В. Суворову (это сыновья князя Ивана Романовича Горчакова и Анны Васильевны Суворовой). Оба поступили на военную службу и оба дослужились до чина генерала от инфантерии. Алексей Иванович участвовал в русско-шведской (1788—1790), русско-турецкой (1787—1791) войнах и в Швейцарском походе Суворова. Именно он доставил великому полководцу фельдмаршальский жезл в 1794 году после взятия Варшавы. С 1812 по 1815 год Алексей Иванович руководил Министерством военно-сухопутных сил, заменив на этом посту М. Б. Барклая-де-Толли. Его брат Андрей перед началом Бородинского сражения возглавлял русские войска, оборонявшие Шевардинский редут. Он проявил немалую храбрость и военную смекалку. Стремясь остановить накатывавшиеся на редут волны неприятельских сил, князь Горчаков, «пользуясь темнотою ночи, приказывает батальону Одесского пехотного полка ударить поход и кричать — ура!, не трогаясь с места, ни под каким предлогом не завязывать дела... Французы... приостанавливаются, не зная, откуда эти крики... Колебание неприятеля ещё более продолжается от неподвижности батальона, которому воспрещено трогаться с места. Горчаков только того и желал: он остановил неприятеля сколько нужно, чтобы дать время кирасирам подоспеть!» Этот подвиг — один из примечательных эпизодов Бородинского боя. Во время атаки французов на батарею Раевского Горчаков получил ранение. Отличился он и в кампанию 1813 года, героически сражаясь в Битве народов при Лейпциге.

Сестра братьев Горчаковых, племянница А. В. Суворова княжна Аграфена Ивановна (1768—1843) в 1789 году вышла замуж за Дмитрия Ивановича Хвостова (1757—1835). Состоявший на государственной службе Дмитрий Иванович достиг звания сенатора и чина действительного тайного советника, некоторое время он был даже обер-прокурором Святейшего Синода. Благодаря родству с Суворовым, Хвостов получил от сардинского короля титул графа, которым очень гордился. Но своим истинным призванием он считал поэтическое творчество. Его неуклюжие стихи в начале XIX века выглядели сплошным анахронизмом, и вся литературная молодёжь посмеивалась над его рифмоплётством. Граф тем не менее считал себя продолжателем Сумарокова и сочинил множество разнообразных поэтических творений: от торжественных од до бесхитростных басен. Произведения Хвостова подвергались современниками язвительному осмеянию и за свои откровенные нелепости, типа «зубастых голубей», служили неисчерпаемым источником пародий (среди их авторов можно назвать И. А. Крылова и князя П. А. Вяземского), а само имя поэта сделалось

символом бездарного графомана. С такой нелецеприятной характеристикой и остался граф Хвостов в истории русской литературы. И только в последние годы исследователи вновь обратились к его сочинениям как к интересному факту литературной жизни той далёкой эпохи — «золотого века» русской поэзии. Супругу в своих стихотворениях Дмитрий Иванович высокопарно, как и подобает истинному пииту, именовал Темирой.

Князь Пётр Дмитриевич Горчаков (1789—1868) — генерал от инфантерии, участник нескольких войн, в том числе кавказской, генерал-губернатор Западной Сибири. Его брат князь Михаил Дмитриевич (1793—1861), генерал от артиллерии, генерал-адъютант, сенатор, также принимал участие во многих войнах России начала XIX века, сражаясь под Бородином, Дрезденом, Лейпцигом... В Крымскую войну командовал войсками на Дунае, затем был назначен главнокомандующим военно-сухопутными и морскими силами в Крыму (февраль 1855 г.). Здесь он руководил обороной Севастополя на завершающем её этапе, но проявил себя нерешительным военачальником. По его приказу южная часть города была оставлена. С 1856 года занимал должность императорского наместника в Царстве Польском.

В течение четверти века (1856—1882) внешней политикой России руководил князь Александр Михайлович Горчаков (1798—1883). Лицеист пушкинского выпуска (закончил лицей с золотой медалью), он всю свою жизнь посвятил дипломатической деятельности. В 1867 году достиг высшего чина Российской Империи — канцлера, а в 1871 году получил титул светлейшего князя. Александр Михайлович добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 года, значительно ущемлявшие интересы России на Чёрном море. Он много сделал для создания «Союза трёх императоров» — России, Австро-Венгрии и Германии. Обеспечил нейтралитет европейских стран во время русско-турецкой войны за освобождение Болгарии. Руководил русской делегацией на Берлинском конгрессе в 1878 году.

Дочь Михаила Дмитриевича — княжна Наталия Михайловна Горчакова (1827—1889) была замужем за обер-камергером, генералом от артиллерии Аркадием Дмитриевичем Столыпиным (1821—1899). Она — мать известного реформатора, председателя Совета министров и министра внутренних дел (с 1906), гофмейстера Петра Аркадьевича Столыпина (1862—1911).

Князья Елецкие. Родоначальник князей Елецких — князь Фёдор Иванович принял участие в Куликовской битве. Позднее, когда войска Тимура захватили и сожгли Елец, Фёдор Иванович попал в плен. Его потомки в XVI—XVII веках служили воеводами, царскими наместниками и стольниками. Некоторую известность этой фамилии принесло то, что её использовал П. И. Чайковский для одного из персонажей своей оперы «Пиковая дама» (в самой повести Пушкина эта фамилия лишь вскользь упомянута).

Князья Звенигородские. Князья Звенигородские разделились на несколько ветвей, большинство из которых пресеклось ещё в допетровской Руси. Звенигородские, так же как князья Елецкие и князья Бол-

ховские, служили воеводами, наместничали в разных городах, были стольниками, а кое-кто из них достиг даже чина окольничего. Кажется, последним князем Звенигородским был Андрей Владимирович (1878—1961) — поэт и литературовед, автор нескольких сборников стихов и ряда исследовательских работ.

Князья Волконские. Значительно большую известность приобрёл в русской истории род князей Волконских (их фамилия происходит от названия реки Волконки, на которой находились их родовые владения). В начале XV века князья Волконские разделились на несколько ветвей. К старшей ветви рода принадлежал князь Пётр Михайлович Волконский (1776—1852). Он участвовал в антинаполеоновских войнах, сражался под Аустерлицем, в 1810 году был назначен генерал-квартирмейстером. Во время войны 1812 года Пётр Михайлович состоял при Александре I и являлся посредником между ним и Кутузовым. В конце 1812 года его назначили начальником Главного штаба при Кутузове. В кампанию 1813—1814 годов он участвовал практически во всех крупных битвах, позднее сопровождал Александра I на конгресс Священного союза в Вену, оставаясь его близким доверенным лицом. При новом императоре Николае I стал министром императорского двора и уделов. Его служебная карьера была блестящей: генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1817), член Государственного Совета (1821), канцлер российских орденов (1842), наконец, он получает высший военный чин генерал-фельдмаршала (1850). Основал училище колонновожатых, положил начало библиотеке Генерального штаба, возглавлял комиссию по строительству Исаакиевского собора в Петербурге. Пётр Михайлович отличался твёрдым характером и педантичностью, за что в светских кругах получил прозвище «каменный князь». В 1834 году император пожаловал Петру Михайловичу титул светлейшего князя, перешедший потом и к его потомкам. Князь был женат на своей дальней родственнице — княжне Софье Григорьевне Волконской (1785—1868), которая принадлежала к следующей ветви рода.

Дед Софьи Григорьевны — князь Семён Фёдорович (1703—1768), участник Семилетней войны, дослужился до генерал-аншефа. От брака с княжной Софьей Семёновной Мещерской (1707—1777) он имел нескольких детей. Князь Григорий Семёнович Волконский (1742—1824) — генерал от кавалерии, член Государственного Совета, оренбургский генерал-губернатор, был женат на княжне Александре Николаевне Репниной (1757—1834), дочери фельдмаршала, последнего князя Репнина. Поэтому старший сын Григория Семёновича — Николай Григорьевич (1778—1844) в 1801 году получил право на титул и фамилию князей Репниных и стал именоваться князем Репниным-Волконским. Генерал от кавалерии, генерал-адъютант, он, как и отец, состоял членом Государственного Совета, а в 1816—1834 годах в качестве генерал-губернатора управлял Малороссией. Его брат Никита Григорьевич (1781—1841), тайный советник, егермейстер, был женат на княжне Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской (1792—1862).

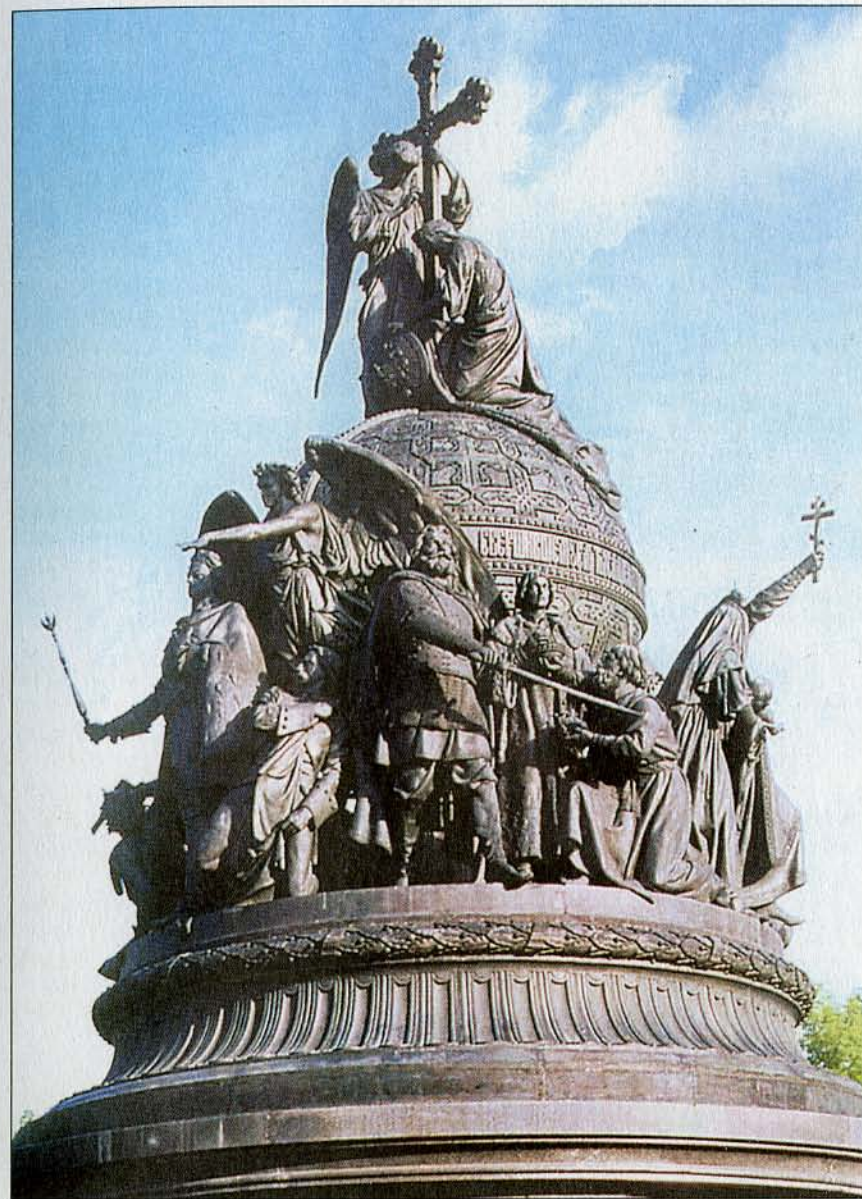
Княгиня Зинаида Александровна — видная фигура русской культурной жизни первой половины XIX века. В её московском салоне собирались многие знаменитые писатели, бывал там и Пушкин. Лучшие поэты посвящали ей свои творения. Она и сама не чуралась сочинительства, писала на русском, французском и итальянском языках. Последние годы жизни княгиня Волконская провела в Риме, где на её вилле останавливался Гоголь. Зинаида Александровна приняла католичество, умерла и похоронена в Риме.

Ещё одного брата Николая и Никиты Григорьевичей — Сергея Григорьевича (1788—1865) ждала блестящая военная карьера. Он участвовал в кампаниях против Наполеона, почти во всех крупных сражениях войны 1812—1814 годов, за отличия в боях получил чин генерал-майора. Но после войны вступил в «Союз благоденствия», затем стал членом Южного общества декабристов. Князь Волконский придерживался радикальных политических взглядов, разделяя идеи «Русской правды» Пестеля. В результате следствия по делу декабристов он был приговорён к смертной казни, заменённой 20-летней каторгой. Отправился в Сибирь. Впоследствии срок каторги сократили, а по ходатайству матери в 1835 году Сергея Григорьевича от каторжных работ освободили и оставили в Сибири на поселении. С 1845 года он жил в Иркутске, по амнистии 1856 года вернулся в Европейскую Россию. Тогда же ему и его детям возвратили княжеское достоинство.

Жена Сергея Григорьевича — Мария Николаевна (1805—1863), дочь боевого генерала Николая Николаевича Раевского и правнучка М. В. Ломоносова, отправилась за мужем в Сибирь. Их сын Михаил Сергеевич (1832—1909) служил по ведомству народного просвещения. В 1876 году в чине тайного советника был назначен попечителем Петербургского учебного округа, с 1882 года — товарищ министра народного просвещения. Ober-гофмейстер, он также являлся членом Государственного Совета и в числе прочих изображён на огромной картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета в честь столетнего юбилея со дня его учреждения». Жена Михаила Сергеевича — Елизавета Григорьевна (1838—1897), дочь светлейшего князя Григория Петровича Волконского, написала большой научный труд по истории своего рода — «Род князей Волконских», изданный в Петербурге в 1900 году.

Внук декабриста князь Сергей Михайлович (1860—1937) — театральный деятель (в 1899—1901 директор императорских театров), художественный критик, прозаик, педагог, прославился как тонкий знаток искусства. В эмиграции был директором русской консерватории в Париже, умер в США. Оставил интересные «Мои воспоминания» в двух томах, не так давно изданные и в России.

Его брат — камергер Владимир Михайлович (1868—1953) придерживался прямо противоположных убеждений, нежели их дед. Член Союза русского народа, он занимал депутатское кресло в 3-м и 4-м созывах Государственной думы, где был товарищем председателя. В думе примыкал к правому крылу. В 1915—1916 годах — товарищ министра внутренних дел. В январе 1917 года его избрали петроградским предво-

Памятник «Тысячелетие России» в Новгороде

Заморские гости. Художник Н. К. Рерих

Призвание варягов. Художник В. М. Васнецов

Памятник первым русским князьям
в Швеции

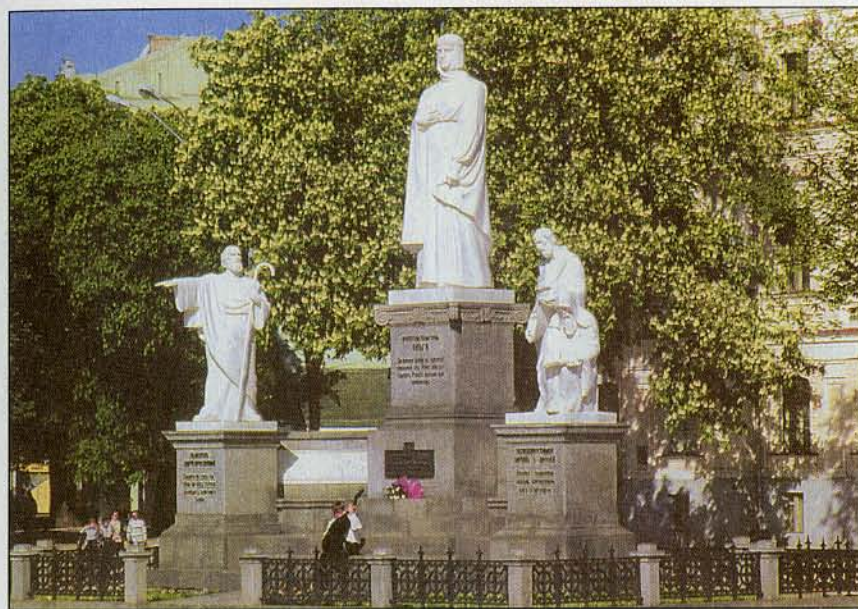

Песнь о вешем Олеге.
Художник В. М. Васнецов

Княгиня Ольга.
Художник В. М. Васнецов

Памятник княгине Ольге в Киеве

Встреча Святослава
с императором
Иоанном Цимисхием.
Художник К. В. Лебедев

Крещение князя Владимира. Художник В. М. Васнецов

Памятник князю Владимиру в Киеве

Памятник Ярославу Мудрому в Киеве

Съезд князей в Уветичах. Художник С. В. Иванов

Памятник 900-летию княжеского съезда в Любече

Отдых Владимира Мономаха после охоты.
Художник В. М. Васнецов

После побоища Игоря Святославича с половцами. Художник В. М. Васнецов

Взятие Рязани. Диорама Е. Деиальта

Утро на Куликовом поле. Художник А. П. Бубнов

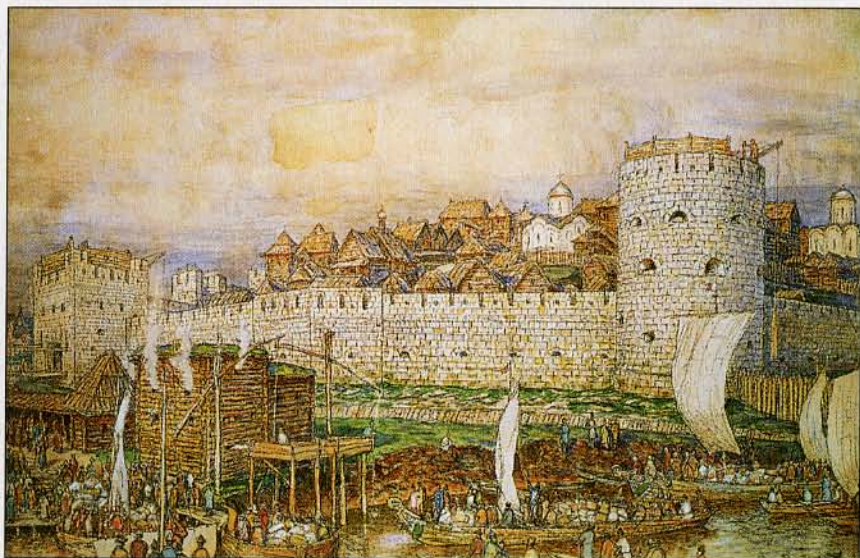
Поединок Пересвета с Челубеем. Художник М. И. Авиллов

Софья Витовтовна срывает с Василия Косого пояс Дмитрия Донского.
Художник П. П. Чистяков

Иван III разрывает ханскую грамоту. Художник Н. С. Шустов

Кремль при Дмитрие Донском. Художник А. М. Васнецов

Царевич Иван на прогулке. Художник М. И. Авилов

Иван Грозный. Художник В. М. Васнецов

Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Дж. Горсею.
Художник А. Д. Литовченко

Московский застенок. *Художник А. М. Васнецов*

Иван Грозный и сын его Иван. *Художник И. Е. Репин*

Царь Борис и царица Марфа. Художник Н. Н. Ге

В Смутное время. Художник С. В. Иванов

дителем дворянства. В эмиграции князь Волконский — один из руководителей монархического союза в Берлине.

Сестра Григория Семёновича, то есть родная тётя Николая, Никиты и Сергея Григорьевичей, Анна Семёновна (1737—1812), вышла замуж за статского советника Николая Яковлевича Оленина (ум. в 1802). От этого брака родился сын — Алексей Николаевич Оленин (1763—1843). Этот замечательный человек — одна из самых светлых личностей русской культуры. Действительный тайный советник, член Государственного Совета, он долгие годы возглавлял Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге, где в то время работали Н. И. Гнедич и И. А. Крылов. Семья Оленина покровительствовала Крылову, у них в доме он считался почти родным человеком. Вообще салон Олениных в Петербурге славился высочайшей культурой и удивительной доброжелательностью. Алексей Николаевич с 1817 года руководил также Академией художеств, много сделал для развития в России художественного образования. Эрудит, тонкий знаток древностей, Оленин занимался и научными исследованиями. Именно он разобрал древнерусскую надпись XI века на так называемом «Тмутараканском камне», найденном в конце XVIII века на Таманском полуострове. Эта надпись свидетельствовала, что князь Глеб Святославич измерял по льду ширину Керченского пролива. В письме к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, другому видному деятелю российской историографии, Алексей Николаевич отстаивал подлинность этого важного исторического памятника. Это письмо вышло отдельным изданием и явилось первым в России специальным трудом по эпиграфике — исторической дисциплине, изучающей надписи на твёрдом материале. «Оленин дал детальный палеографический анализ надписи, одновременно коснувшись и палеографического изучения рукописей (в частности им было отмечено значение миниатюр и водяных знаков для датировки). Защищая подлинность надписи XI в. и в этих целях давая палеографический разбор других памятников письменности XI—XV вв., Оленин привёл воспроизведения таких уникальных рукописей, как Изборник Святослава 1076 г. и Лаврентьевский список летописи 1377 г. В результате своего исследования Оленин пришёл к выводу о необходимости создания «палеографии Славянорусской»» (Л. В. Черепнин). Таким образом Алексей Николаевич стоял у истоков этой важной отрасли исторического знания.

От брака с Елизаветой Марковной Полторацкой (1768—1838) у Оленина родились сыновья Николай (1793—1812, погиб под Бородином), Пётр (1794—1868) и Алексей (1798—1854), а также дочери Варвара (1802—1877, замужем за своим дальним родственником Г. Н. Олениным, их акварельный портрет в Риме написал Карл Брюллов) и Анна.

Анна Алексеевна Оленина (1808—1888), в которую был влюблён Пушкин, — автор любопытных «Воспоминаний» и «Дневника», изданных впервые за рубежом, а теперь и в России. Кстати, она доводилась двоюродной сестрой другой «пушкинской даме» — Анне Петровне Керн (1800—1879), дочери Петра Марковича Полторацкого (брат

Елизаветы Марковны) и Екатерины Ивановны Вульф. В 1840 году Анна Алексеевна вышла замуж за графа Фёдора Александровича Андрю (1804–1885), впоследствии президента Варшавы (его считали внебрачным сыном графа А. Ф. Ланжерона). Их дочь Софья Фёдоровна вышла замуж за генерал-лейтенанта барона Николая Александровича Сталь фон Гольштейна (родственник французской писательницы Жермены де Сталь), их дочь Ольга Николаевна (1868–1938) в первом браке была за сенатором Николаем Александровичем Звегинцовым (1848–1920), а во втором — за Фёдором Фёдоровичем Оомом (на его родной сестре Анне Фёдоровне (1860–1950) был женат граф Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943), премьер-министр России в 1911–1914 годах). Сын Ольги Николаевны — Владимир Николаевич Звегинцов (1891–1973) в эмиграции получил известность как военный историк. Крупным военным историком был и его сын — Владимир Владимирович Звегинцов (1914–1996), родившийся от брака Владимира Николаевича с Анастасией Михайловной Раевской, правнучкой генерала Николая Николаевича Раевского. Так причудливо переплелись многие имена русской истории и культуры...

К средней ветви Волконских принадлежал и князь Михаил Никитич Волконский (1713–1788). Он отличился на полях сражений русско-турецкой (1735–1739) и Семилетней войн, был послом в Польше, состоял в Уложенной комиссии при Екатерине II. В 1771 году императрица назначила князя московским генерал-губернатором. В этой должности он пробыл до 1780 года, немало сделал для древней столицы. На его плечи легла работа по ликвидации последствий Чумного бунта. Под его руководством проводилась застройка Москвы, прошло торжественное празднование заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией.

Княжна Мария Николаевна Волконская (1790–1830) вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого (1794–1837) и принесла ему в приданое имение «Ясная Поляна». От этого брака родился великий писатель граф Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Своего деда по матери генерала от инфантерии князя Николая Сергеевича Волконского (1753–1821) Лев Николаевич вывел в образе старого князя Болконского в романе-эпопее «Война и мир». Княжна Марья и граф Николай Ростов из того же романа — родители Льва Николаевича.

Представители третьей ветви князей Волконских приняли деятельное участие в политической жизни России в начале XX века. Князь Николай Сергеевич (1848–1910), действительный статский советник, землевладелец, состоял в партии октябристов (член Центрального комитета этой партии), был депутатом Государственной думы 1-го и 3-го созывов. В Думе он изредка выступал против левых, за что получил прозвище «сердитого князя». Членами III Государственной думы являлись и его братья: родной — Сергей Сергеевич и двоюродный — Владимир Викторович.

Княжна Ольга Васильевна Волконская (1722–1800) — жена помещика, отставного капрала лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Андреевича Сеченова (1719–1783), брата митрополита Дмитрия

(1709–1767), духовника Екатерины II. Сын Ивана Андреевича и Ольги Васильевны — Алексей Иванович Сеченов (1740–1793) был женат на Александре Ивановне Хвостовой (1743–1815), сестре поэта графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Алексей Иванович и Александра Ивановна — родные дед и бабушка великого учёного, основоположника отечественной физиологии Ивана Михайловича Сеченова (1829–1905). Племянница Ивана Михайловича — Наталья Рафаиловна Сеченова (1857–1918) вышла замуж за математика, академика Александра Михайловича Ляпунова (1857–1918), связав таким образом род Сеченовых с родами Ляпуновых (композитор Сергей Михайлович Ляпунов), Филатовых (Нил Фёдорович Филатов), Крыловых (академик Алексей Николаевич Крылов) и семьёй академика Петра Леонидовича Капицы. Внучатый племянник Ивана Михайловича Сеченова (внук его брата Алексея Михайловича) — барон Георгий Николаевич Фредерикс (1889–1939), крупный геолог и палеонтолог, погиб в сталинских лагерях.

Князья Мезецкие. В конце XV века на службе в Москве появились князья Мезецкие. Свой удел они потеряли, вероятно, в самом начале XVI века. Уже к середине столетия Мезецкие измельчали и никакой существенной политической роли не играли, оставаясь на второстепенных ролях в русском войске. В начале XVII века среди Мезецких выдвинулся князь Данила (Даниил) Иванович, принимавший деятельное участие в событиях Смутного времени. Он был и среди тех, кто боролся с Болотниковым, и вступал в Москву в войске М. В. Скопина-Шуйского, и входил в состав «Великого посольства» к польскому королю, чтобы просить на русский престол его сына — принца Владислава, а в 1613 году встречал на пути в Москву нового царя Михаила Романова. Именно князь Мезецкий возглавлял делегацию, заключившую от имени России Столбовский мир со Швецией в 1617 году, завершив тем самым длительную войну и шведскую интервенцию в эпоху Смуты. За этот важный внешнеполитический успех Данила Иванович был сделан боярином. В конце XVII века род князей Мезецких угас.

Князья Барятинские. Отрасль князей Мезецких — князья Барятинские (также Борятинские, их фамилия происходит от названия Барятинской волости на реке Клетоме в Мещовском уезде Калужской губернии) от сыновей их родоначальника Александра Андреевича, первого князя Барятинского, разделились на три ветви. Наиболее знаменитой была старшая ветвь. К ней принадлежал князь Фёдор Петрович Барятинский, который в 1595 году построил сибирский город Сургут и крепость в городе Берёзове. В 1603 году он ездил с посольством в Крым. Человек деятельный, во время Смуты он успел послужить воеводой и Лжедмитрию I, и Василию Шуйскому, и Лжедмитрию II. Сохранил он своё положение и при царе Михаиле Фёдоровиче. В 1616 году он отправился с посольством в Швецию, где участвовал в подготовке Столбовского мира между Швецией и Россией.

В отличие от Фёдора его брат Яков Петрович сражался с Лжедмитрием II, будучи одним из соратников князя М. В. Скопина-Шуйско-

го. В 1610 году Яков Петрович погиб в сражении под Клушином. В XVII веке Бярятинские участвовали во многих военных походах, служили воеводами в городах, были стольниками, принимали участие в подавлении разинского мятежа. В петровское время приобрёл известность князь Иван Фёдорович (1687—1738). Он участвовал в Северной войне, в Персидском походе Петра командовал пехотным полком. Получил награду за отличие в сражении при Гренгаме. В 1730 году поддержал депутацию дворян, потребовавших отмены кондиций и восстановления самодержавной власти императрицы Анны Иоанновны, подписав соответствующее прошение. За это получил чин генерал-лейтенанта и звание сенатора. В 1735 году Бярятинский стал московским генерал-губернатором, но пробыл на этой должности недолго, уже в следующем году получил назначение командующим в Малороссию. В 1737 году стал генерал-аншефом.

Два внука Ивана Фёдоровича действовали уже в царствование Екатерины II. Иван Сергеевич (1738—1811) сражался в Семилетней войне и под Цорндорфом попал в плен. Его военная карьера закончилась в чине генерал-поручика (1779). В 1763 году императрица назначила Бярятинского состоять при её сыне наследнике Павле Петровиче. Князь практически не занимался его воспитанием, ограничившись статусом приятного и остроумного собеседника. Более десяти лет Иван Сергеевич являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром в Париже. Женат он был на дочери немецкого принца и российского фельдмаршала — Екатерине Петровне Гольштейн-Бекской (1750—1811). Впрочем, от одной из Бибиковых у Ивана Сергеевича родилось трое детей, носивших фамилию Бибитинские. Одна из них, Елизавета Ивановна Бибитинская, была первой женой Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского (1788—1850), историка и писателя, автора «Словаря достопамятных людей русской земли».

Брат Ивана Сергеевича — Фёдор Сергеевич (1742—1814) участвовал в убийстве Петра III. При Екатерине достиг чинов действительного тайного советника и обер-гофмаршала. Но когда на престол вступил Павел I, он вспомнил об убийце своего отца. Бярятинский был вынужден принять участие в церемонии перезахоронения останков Петра III в Петропавловский собор, а потом получил отставку.

Сын Ивана Сергеевича — Иван Иванович (1772—1825) поначалу находился на военной и гражданской службе, был посланником в Мюнхене, имел чин тайного советника. Но затем вышел в отставку и поселился в своём имении «Ивановское», где занялся сельским хозяйством, вводя в России всевозможные агротехнические усовершенствования. В честь своей второй супруги основал усадьбу Марьино. Графиня Мария Фёдоровна Келлер (1793—1858) прославилась как благотворительница, организатор нескольких приютов и богаделен.

Сын от этого брака — князь Александр Иванович Бярятинский (1815—1879) с 1830-х годов принимал участие в войне на Кавказе. В 1856 году стал командующим Кавказской армией в чине генера-

ла от инфантерии. Именно он завершил войну с имамом Шамилем, взяв аул Гуниб и пленив отважного горца. За эту победу Бярятинский стал генерал-фельдмаршалом (1859). Его управление Кавказом продолжалось до 1862 года, когда он по состоянию здоровья покинул свой пост, оставшись членом Государственного Совета (с 1860).

Его племянник — князь Владимир Анатольевич (1843—1914), генерал от инфантерии (1906), генерал-адъютант (1869), с 1883 года в должности егермейстера служил начальником Императорской охоты, а с 1896 года состоял при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне.

Из второй ветви рода князей Бярятинских следует назвать боярина Ивана Петровича (1615—1701). В 1661 году он возглавлял русскую делегацию, заключившую Кардисский мир со Швецией, которым завершалась очередная русско-шведская война. Позднее Иван Петрович воеводствовал в сибирских городах — Якутске и Енисейске, подписал соборное деяние об уничтожении местничества, а в 1697 году принял монашеский постриг с именем Ефрем.

К младшей ветви рода принадлежал Александр Петрович Бярятинский (1798—1844). Штабс-ротмистр Гусарского полка, он состоял членом декабристских объединений: сначала «Союза благоденствия», а с 1821 года — Южного общества. За принадлежность к ним был приговорён к вечной каторге, ограниченной затем двадцатью годами. Отбывал каторгу на Нерчинских рудниках, а в 1839 году был переведён на поселение.

По матери, представительнице младшей ветви рода, потомком князей Бярятинских был Степан Петрович Жихарев (1788—1860). Активный участник литературной и театральной жизни первой четверти XIX века, знакомец почти всех видных писателей и актёров того времени — от Державина до Пушкина, Жихарев входил в состав литературного общества «Арзамас», где носил прозвище Громобой. Собственные литературные опусы Жихарева малозначительны, зато большой интерес представляют его «Записки современника» — литературная обработка дневниковых записей и писем, дающих яркое представление о жизни русского общества в начале XIX века.

Среди потомков князей Бярятинских по женской линии — Наталья Николаевна Гончарова (1812—1863), в первом браке за поэтом А. С. Пушкиным, во втором — за генералом П. П. Ланским.

Княжна Анастасия Борисовна Бярятинская была женой генерал-аншефа Артемия Григорьевича Загряжского (1674—1754). Загряжские, по родовому преданию, происходят от выехавшего на Русь ордынца Исахара (в крещении Гавриила), который якобы женился на родственнице Дмитрия Донского. Сын Артемия Григорьевича и Анастасии Борисовны генерал-поручик Александр Артемьевич Загряжский (1716—1786) — прадед Натальи Николаевны через свою внучку Наталью Ивановну Загряжскую (1785—1848, замужем за Николаем Афанасьевичем Гончаровым).

Внучка Натальи Николаевны и Ланского (от дочери Софьи Петровны) — Наталья Николаевна Шипова (1870—1945) в 1886 году вышла замуж за Евгения Карловича Миллера (1867—1939). Генерал-лейтенант Миллер прославился во время гражданской войны. Его войска действовали на севере России: в мае 1919 года А. В. Колчак назначил Миллера главнокомандующим войсками Северной области (с центром в Архангельске), а позднее главным начальником края. С начала 1920 года Миллер находился в эмиграции. Он пользовался большим авторитетом в Русской армии и потому в 1930 году возглавил созданный ещё бароном П. Н. Врангелем Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), после похищения чекистами генерала А. П. Кутепова. Однако в 1937 году и сам Миллер оказался жертвой похищения. Оно было организовано при участии генерала Н. В. Скоблина и его жены певицы Н. Плевичкой, работавших на советскую разведку. Пленённого генерала привезли в Москву и держали в тюрьме до 1939 года, после чего расстреляли.

Князья Мышецкие. Фамилия князей Мышецких происходит от названия их вотчины — Мышага, находившейся близ Тарусы. Княжна Евдокия Петровна Мышецкая в 1748 году вышла замуж за Алексея Афанасьевича Дьякова. От этого брака родилось несколько дочерей. На Марии Алексеевне Дьяковой (ум. в 1807) в 1780 году женился замечательный архитектор, рисовальщик, гравёр, учёный, фольклорист, драматург и поэт Николай Александрович Львов (1751—1803). Он, кстати, возглавлял так называемый «львовский кружок», в который входили многие выдающиеся деятели русской культуры того времени: Державин, Хемницер, Капнист, Левицкий... А портрет Марии Алексеевны кисти Левицкого считается одним из шедевров русской портретной живописи. Затем, в 1781 году, на сестре Марии Алексеевны — Александре женился драматург Василий Васильевич Капнист (1757—1824), автор когда-то очень популярной комедии «Ябеда». А в 1795 году третья сестра Дарья (1767—1842) стала второй супругой Гавриила Романовича Державина (1743—1816), его «Миленой» (в отличие от «Плениры» — его первой жены Екатерины Яковлевны Бастидон). Так давние друзья стали родственниками.

Правнуком Николая Александровича Львова является великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов (1844—1927). А на дочери Николая Александровича — Елизавете Николаевне (1788—1864) вторым браком женился его двоюродный брат тайный советник и директор Придворной певческой капеллы Фёдор Петрович Львов (1772—1835). От первого брака с Надеждой Ильиничной Березиной (ум. в 1808), также происходившей от Рюриковичей (дворяне Березины — потомки галичско-дмитровских князей, а мать Надежды Ильиничны — самая старшая из сестёр Дьяковых) у Фёдора Петровича родилось несколько детей, и в том числе сын Алексей Фёдорович Львов (1799—1870), генерал-майор, музыкант и талантливый композитор. Он приобрёл огромную популярность благодаря тому, что сочинил музыку к русскому гимну «Боже, Царя храни!»

Совсем иной была деятельность другого потомка князей Мышецких. Сестра Евдокии Петровны — княжна Любовь Петровна Мышецкая (ум. в 1814) была женой действительного статского советника и вице-президента Камер-коллегии Михаила Васильевича Бакунина (ум. в 1803). Их внук — Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — революционер и один из основателей анархизма.

Потомки В. В. Капниста и А. А. Дьяковой в 1876 году обрели право на графский титул, который их семья утратила ещё в начале XVIII века. Вообще же этот род имеет итальянское происхождение (Капнисси). Капнисси являлись венецианскими графами. Сыновья Василия Васильевича — Семён (1791—1843) и Алексей (1796—1867), хоть и были членами «Союза благоденствия», активного участия в декабристском движении не принимали. Семён Васильевич в 1823 году женился на Елене Ивановне Муравьёвой-Апостол — сестре братьев-декабристов.

Дочь Алексея Васильевича — Александра Алексеевна Капнист состояла в браке с юристом и философом профессором Борисом Николаевичем Чичериным (1828—1904, родной дядя советского наркома Георгия Васильевича Чичерина (1872—1936)). Внук Алексея Васильевича — граф Алексей Павлович Капнист (1871—1918), после окончания Морского корпуса служил на флоте, в Первую мировую войну — помощником начальника Морского генштаба, контр-адмирал (1917), в «февральский» период — первый помощник морского министра. Большевики не пощадили потомка декабристов: граф оказался в числе заложников и вместе с генералами Н. В. Рузским, Радко Дмитриевым, министром юстиции Н. А. Добровольским и многими другими погиб в октябре 1918 года, зарубленный шашками у подножия горы Машук.

Мария Ростиславовна Капнист, чудом уцелевшая в 1930-х годах, работала на Киевской студии художественных фильмов. Она снялась во многих картинах, особенно её любили приглашать на роли контрреволюционных старух — осколков прежнего, дореволюционного режима (фильм «Бронзовая птица»). В фильме А. Л. Птушко «Руслан и Людмила» она великолепно сыграла волшебницу Наяну.

Князья Оболенские. Самым многочисленным среди всех родов, произошедших от черниговских Рюриковичей, является род князей Оболенских, насчитывающий не одну сотню предстателей. Родовым гнездом Оболенских был город Оболенск, и родоначальник этой княжеской фамилии — Константин Иванович был убит там литовцами во время похода великого литовского князя Ольгерда на Москву в 1368 году. Сыновья Константина — Иван и Семён ходили в войске Дмитрия Донского на Тверь в 1375 году, а в 1380-м сражались в Куликовской битве, причём Семён командовал сторожевым полком. Оболенские сильно разрослись. Перечислю наиболее известных лиц из этого рода.

Князь Евгений Петрович (1796—1865) — гвардии капитан, декабрист, член «Союза спасения», «Союза благоденствия» и Северного общества, принял активное участие в восстании 14 декабря 1825 года, за-

менив на «диктаторском» посту князя С. П. Трубецкого, приговорён к смертной казни, заменённой пожизненной каторгой, которую отбывал в Нерчинских рудниках, в 1839 году был переведён в Сибири на поселение, а в 1856 году амнистирован. Вернулся в Европейскую Россию, жил в Калуге. Его и его детям было возвращено дворянское достоинство и княжеский титул.

Князь Михаил Андреевич (1806—1873) находился на военной службе (участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов, за отличие при осаде крепости Варна награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость»), а затем из-за полученного ранения перешёл на гражданскую. Статский советник, гофмейстер, главный смотритель в комиссии печатания государственных грамот и договоров (с 1833), с 1840 — управляющий Главным архивом Министерства иностранных дел, в котором прослужил почти 40 лет, с 1853 — заведующий Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате. Видный археограф и знаток русских древностей. Опубликовал ряд летописей и других ценных исторических источников. Свои библиотеку и коллекции он завещал любимому архиву. Был женат на представительнице московского купеческого рода Александре Алексеевне Мазуриной.

Князь Алексей Дмитриевич (1855—1933) — тайный советник, шталмейстер, сенатор (1901), член Государственного Совета (1905), товарищ министра внутренних дел, затем товарищ министра финансов. В 1905—1906 годах — обер-прокурор Святейшего Синода. После революции — в эмиграции в Германии.

Князь Владимир Андреевич (1869—1950). Выпускник естественного отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета. Деятель земского движения. Активный член партии кадетов (в 1910 году вошёл в ЦК), депутат I Государственной думы, подписал «Выборгское воззвание», призывавшее к гражданскому неповиновению. Массон и республиканец. После октябрьских событий член «Комитета спасения Родины и Революции», занимал антибольшевистскую позицию. Умер в эмиграции, во Франции. Оставил содержательные мемуары «Моя жизнь. Мои современники».

Князь Александр Николаевич (1872—1924). Окончил Пажеский корпус, гвардейский офицер, камергер, действительный статский советник, генерал-майор. В 1914—1916 годах петроградский градоначальник. Во время гражданской войны участвовал в походе Н. Н. Юденича на Петроград. В 1920 году эмигрировал.

Князь Николай Леонидович (1872—1934). Окончил юридический факультет Московского университета, первым браком женился на дочери гр. Л. Н. Толстого — гр. Марии Львовне Толстой (1871—1906). В 1917—1922 годах был управляющим имением «Ясная Поляна», затем уехал из России. В эмиграции принял католичество, умер в Бельгии.

Князь Николай Александрович (1900—1979). Учился в Пажеском корпусе, затем в Женевском университете. Во время гитлеровской оккупации Франции принимал участие в движении Со-

противления, за что был арестован и заключён в концлагерь Бухенвальд. Его жена Вера Аполлоновна Макарова (1911—1944), известная как княгиня «Вики» Оболенская, тоже участвовавшая в Сопротивлении, погибла в нацистских застенках. В 1963 году Николай Александрович стал православным священником. Он служил протоиереем знаменитого русского собора Александра Невского на рю Дарю в Париже.

Князь Николай Николаевич (1905—1993) в эмиграции жил во Франции, служил в Иностранном легионе, возглавлял Семейный союз князей Оболенских (существующий и по сей день) и много занимался изучением генеалогии и истории своего рода.

Князь Димитрий Димитриевич (1918 г. р.) окончил Кембриджский университет. Долгие годы преподавал в Оксфорде и других университетах. Профессор, почётный доктор Сорбонны, член нескольких академий разных стран мира, в том числе иностранный член Российской академии наук. В 1983 году от английской королевы получил рыцарское звание и стал именоваться сэром (весьма странное поощрение для «природного» русского князя). Димитрий Димитриевич — один из крупнейших учёных-византистов. Его исторические труды известны во всём мире, особенно книга «Византийское содружество», недавно изданная и в России на русском языке.

Князь Сергей Сергеевич (1918 г. р.) — инженер-гидравлик, майор запаса французской армии, живёт в Париже. С 1971 года возглавляет Союз русских дворян во Франции.

Князь Николай Владимирович (1927 г. р.) — архитектор, доктор технических наук, профессор Московского архитектурного института, живёт в Москве.

В 1870 году действительный статский советник, шталмейстер князь Сергей Александрович Оболенский (1819—1882), по женской линии происходивший от угасшего дворянского рода Нелединских-Мелецких, получил право прибавить к своей фамилии фамилию Нелединских-Мелецких, чтобы в дальнейшем именоваться князем Оболенским-Нелединским-Мелецким. Эта фамилия среди его потомков передаётся старшему в роде.

Почти все ветви рода князей Оболенских, носивших также и иные фамилии (Ногтевы, Стригины, Ярославовы, Серебряные и др.), угасли ещё в допетровское время. Из их потомков нужно назвать князя Ивана Фёдоровича Овчину-Телепнева-Оболенского, боярина, который был фаворитом Елены Глинской, матери Ивана Грозного, и фактически руководил русской политикой в 1534—1538 годах. После смерти Елены, отравленной боярами, Овчину-Телепнева посадили в темницу, где он и умер в 1539 году.

Представитель другой ветви — князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский (1576—1646), боярин и воевода, оставил большой след в событиях Смутного времени. Один из членов знаменитой Семибоярщины, он находился в осаждённом Кремле в течение всей польской оккупации. На Земском соборе 1613 года поддержал кандидатуру Михаила Фёдоровича Романова, которому доводился дядей, поскольку

был женат на сестре Фёдора Никитича Романова — Анастасии Никитичне (ум. в 1655).

Последний представитель рода Лыковых — князь Михаил Иванович (1640—1701), боярин и воевода, в 1682 году по приказу царевны Софьи Алексеевны руководил арестом князей Хованских (так называемая «Хованщина»). Его дочь Прасковья (ум. в 1685) была первой женой князя Аникиты Ивановича Репнина, будущего фельдмаршала.

Князья Оболенские породнились со многими выдающимися деятелями русской истории, науки и культуры.

Княжна Анна Николаевна Оболенская (1782—1841) — жена гвардейского прапорщика Владимира Петровича Веневитинова (1777—1814), мать поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827).

Княжна Варвара Ивановна Оболенская (1765—1828) — жена камергера Сергея Герасимовича Домашнева (1743—1795), писателя и поэта, директора Академии наук (1775—1782).

Княжна Мария Петровна Оболенская (1771—1852) — жена генерала от инфантерии Дмитрия Сергеевича Дохтурова (1756—1816), героя Отечественной войны 1812 года.

Княжна Наталия Сергеевна Оболенская — жена писателя Александра Михайловича Жемчужникова (1826—1896), одного из авторов бессмертного Козьмы Прутков.

Княжна Екатерина Алексеевна Оболенская (в первом браке Мордвинова) — жена тайного советника и лейб-медика Сергея Петровича Боткина (1832—1889), великого русского врача-терапевта (кстати, на сестре С. П. Боткина женился Афанасий Афанасьевич Фет). Их сын — Евгений Сергеевич Боткин (1865—1918) был последним лейб-медиком царской семьи и погиб вместе с нею в Ипатьевском доме. Его дочь Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина оставила «Воспоминания о царской семье и её жизни до и после революции», а сын Глеб (ум. в 1969), также автор нескольких книг о Романовых, признал в Анне Андерсон великую княжну Анастасию Николаевну. Внучка Евгения Сергеевича — Марина Глебовна Боткина-Швайцер в настоящее время живёт под Вашингтоном.

Княжна Мария Леонидовна Оболенская (1874—1949) — жена действительного статского советника, гофмейстера Николая Алексеевича Маклакова (1871—1918), министра внутренних дел (1912—1915), члена Государственного Совета (с 1915). Осенью 1918 года вместе с группой других видных деятелей царской России он был расстрелян большевиками в Москве.

Князья Репнины. Одной из многочисленных ветвей рода князей Оболенских была и княжеская фамилия Репниных. Ее представители, как и члены других древних дворянских семей, внесли вклад, прежде всего, в государственную и военную жизнь России. Один из Репниных — князь Михаил Петрович (убит в 1565) известен как воевода во время Ливонской войны, но действия его оказались неудачными, и русские войска потерпели поражение от магистра Ливонского ордена Кетлера. Через несколько лет Репнин пал одной из

первых жертв самодурства Ивана Грозного. Вызванный на какой-то потешный маскарад, князь отказался надеть шутовскую маску, предложенную ему царём. Он сорвал её с лица, бросил на землю и растоптал со словами: «... чтобы я, боярин, стал безумствовать и бесчинствовать!» За это через несколько дней царские слуги убили его прямо в церкви.

Князь Борис Александрович Репнин (ум. в 1670) пользовался большим доверием первых царей из Дома Романовых — Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Он возглавлял несколько важных приказов, служил воеводой в разных городах, часто фактически руководил работой Боярской думы. В 1653 году, как раз накануне присоединения Левобережной Украины к России, он возглавлял посольство в Речь Посполитую.

В петровское время выдвинулся князь Аникита (Никита) Иванович Репнин (1668—1726). Один из ближайших сподвижников Петра, он участвовал и в Азовских походах, и в Северной войне. Отличился в битве у деревни Лесной и особенно в Полтавском сражении, где командовал центром русской армии. Пушкин отметил его в своей поэме «Полтава» в ряду героев той славной битвы: «И Брюс, и Боур, и Репнин...» Первым вошёл в Ригу и стал первым русским генерал-губернатором Лифляндии. Проявил немалую твёрдость духа во время Прутского похода. С 1724 года президент Военной коллегии. После смерти Петра поддержал Екатерину I, за что в день её коронации получил чин генерал-фельдмаршала.

Сын Аникиты Ивановича — Василий Аникитич (ум. в 1748), генерал-адъютант, генерал-фельдцейхмейстер (1745), то есть начальник артиллерии русской армии, также участвовал в военных действиях Северной войны и войны с Турцией 1735—1739 годов. Недолгое время являлся воспитателем великого князя Петра Фёдоровича, будущего Петра III, возглавлял шляхетный кадетский корпус.

Следующее поколение Репниных — князь Николай Васильевич (1734—1801) совместил в своём лице талантливого военачальника и искусного дипломата. «Одарённый от природы редким умом и великими государственными способностями, был одним из украшений блистательного царствования Великой Екатерины» («Российская родословная книга» князя П. В. Долгорукова). В его военном активе: Семилетняя война, Ларг и Кагул, командование Украинской армией во время кампании против турок 1787—1791 годов и, наконец, блестящая победа над великим визирем Юсуфом при Мачине (1791), последний аккорд той войны, вынудивший Турцию пойти на заключение мирного договора. За Мачин Екатерина наградила Репнина высшим военным орденом России — орденом Святого Георгия I степени. Памятником дипломатической службы Николая Васильевича остался написанный им текст Кючук-Кайнарджийского договора между Турцией и Россией (1774). В последние годы екатерининского царствования Николай Васильевич — виленский, гродненский, ливонский и эстляндский генерал-губернатор, а при Павле I — посол в Берлине. В 1796 году князь Репнин достиг высшего военного чина — генерал-фельдмаршала.

На его дочери Александре Николаевне (1757—1834) история рода князей Репниных могла закончиться. Но в 1801 году фамилию и титул Репниных унаследовал её сын — князь Николай Григорьевич Волконский (1778—1845), с тем чтобы передать их старшему в роде его потомков. Николай Григорьевич в 1805 году отличился при Аустерлице, затем в сражениях войны 1812—1814 годов, в авангарде армии П. Х. Витгенштейна вошёл в Берлин (1813), был русским губернатором Саксонского королевства, разорённого военными действиями. С 1816 года в течение 18 лет занимал пост генерал-губернатора Малороссии. В 1828 году произведён в генералы от кавалерии, в 1834-м назначен членом Государственного Совета. Его жена графиня Варвара Алексеевна Разумовская (1778—1864) немало сделала для развития женского образования в России, основала женский институт в Полтаве, приобрела известность как щедрая благотворительница.

Внебрачным сыном одного из князей Репниных являлся поэт Иван Петрович Пнин (1773—1805). Его фамилия представляет собой усечённый вариант фамилии отца: в XVIII—XIX веках для внебрачных детей русских дворян фамилию зачастую образовывали, отсекая первый слог или первые буквы (Трубецкой — Бецкой, Потёмкин — Тёмкина, Воронцов — Ранцов, Елагин — Агин, Лопухин — Опухин, Голицын — Де Лицын и т. д.). Пнин известен как один из писателей-просветителей, он был связан с возникшим в 1802 году в Петербурге Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, которое возглавил незадолго до смерти. В 1804 году Пнин напечатал «Опыт о просвещении относительно к России», в котором изобразил тяжкое положение крепостных крестьян и, надеясь на либеральный курс Александра I, призвал правительство облегчить их участь. Тираж этого произведения Пнина был конфискован властями. Иван Петрович в 1798 году издавал также «Санкт-Петербургский журнал», в котором появлялись его стихотворения и басни (всего вышло четыре части журнала). К сожалению, талантливый поэт прожил недолго, скончался он от чахотки.

Князья Долгоруковы. Ещё одно ответвление Оболенских «превратилось» в самостоятельную княжескую фамилию Долгоруковых. Родоначальник Долгоруковых (в XVII—XIX веках их именовали также Долгорукими) — князь Иван Андреевич Оболенский получил своё прозвище якобы за свою мстительность (имел «долгие руки»). С XVI века Долгоруковы служили при московском дворе, занимая важные посты в военном и гражданском управлении. От внуков Ивана Андреевича род разделился на четыре ветви.

В XVIII веке на авансцену русской политики выдвинулись представители старшей ветви этой знаменитой княжеской фамилии. Сыновья воеводы и окольного Фёдора Фёдоровича (ум. в 1664) вошли в круг ближайшего окружения Петра I. Особенно большим весом (в прямом и переносном смысле) пользовался князь Яков Фёдорович Долгоруков (1639—1720). Начав службу ещё при Алексее Михайловиче (стольник (1672), позднее наместник в Симбирске), он уже во время стрелецких бунтов в 1682 году встал на сторону Нарышкиных и Петра,

а в 1689-м одним из первых присоединился к Петру в Троице-Сергиевой лавре, за что потом был назначен судьёй Московского приказа. Яков Фёдорович много потрудился для создания русской регулярной армии, дважды ходил с царём под Азов, за что пожалован в ближние бояре, а в Нарвской битве 1700 года попал в плен к шведам. Там он пробыл десять лет, пока ему с группой русских пленников не удалось захватить шведскую шхуну и отвести её в Ревель, к тому времени перешедший под власть России. С 1712 года Яков Фёдорович сенатор, а в 1717 году он возглавил Ревизион-коллегию, следившую за правильным распределением государственных средств. На этом посту князь проявил себя с самой лучшей стороны, прославившись честностью и прямоотой.

Брат Якова Фёдоровича — воевода Лука Фёдорович умер в 1710 году после того, как по приказу Петра одним махом выпил пол-литра водки. Другой брат — стольник и воевода Борис Фёдорович участвовал в Азовских походах. А четвёртый из братьев Долгоруковых — Григорий Фёдорович (1657—1723), сенатор (с 1721), выдвинулся на дипломатической службе, будучи в период Северной войны послом в Речи Посполитой. Кстати, после измены гетмана Мазепы именно он руководил избранием на Украине нового гетмана, которым стал верный Петру И. И. Скоропадский.

Следующее поколение Долгоруковых ожидала печальная судьба. Двоюродные братья сенаторы дипломат Василий Лукич (1672—1739) и Алексей Григорьевич (ум. в 1734) заняли ведущее положение при дворе внука Петра I — Петра II. Этому способствовало то, что Алексей Григорьевич являлся одним из воспитателей будущего императора, а сын князя — Иван Алексеевич (1708—1739) сделался ближайшим другом молодого государя. Свою огромную власть князья Долгоруковы, представители старой русской аристократии, обрели после падения Меншикова. Молодой князь Иван быстро вошёл в доверие Петра II, участвуя в бесконечных охотах и кутежах царственного отрока. Он получил звание обер-камергера и стал майором лейб-гвардии Преображенского полка, но, конечно, никакими служебными заботами себя не обременял. Василий Лукич и Алексей Григорьевич вошли в состав Верховного Тайного Совета, распорядившегося всей русской политикой. Долгоруковы вообще стали мощным семейным кланом, задумавшим подчинить себе и императорскую династию. Для этого планировался брак Петра II с сестрой Ивана Екатериной Алексеевной (1712—1747), получившей титул «Её Высочество Государыня-невеста». Уже всё было готово для свадьбы, но тут юный царь после недолгой болезни скончался. И Долгоруковы решились на отчаянный шаг. Они изготовили фальшивое завещание Петра, подделав его подпись. Согласно этому документу, государь якобы завещал престол своей невесте Екатерине. Но подлог скоро раскрылся, и по настоянию другого верховника князя Дмитрия Михайловича Голицына на российский престол пригласили Анну Иоанновну. Власть новой императрицы должны были ограничить специальные условия — «кондиции», закреплявшие, по сути, всевластие Верховного Тайного Совета. Василий Лукич принял деятельное участие в их

составлении, а затем отправился к Анне в Митаву, где убедил племянницу Петра Великого подписать этот документ. Но «затейка» верховников с треском провалилась. Анна восстановила самодержавие, а Долгоруковы попали в опалу. Василия Лукича заточили в Соловецкий монастырь. Алексея Григорьевича с детьми сослали в Берёзов, где ранее умер поверженный Долгоруковыми Меншиков. Братья Алексея Григорьевича — тайные советники Сергей и Иван отравились: один — в Раненбург (ныне Чаплыгин), другой — на север, в Пустозерск. Бывший фаворит императора, Иван Алексеевич, к тому времени уже женился на дочери фельдмаршала Б. П. Шереметева — Наталии Борисовне (1714—1771). Ей советовали отказаться от брака, но несмотря на начавшиеся на Долгоруковых гонения она не изменила своего решения.

Отвергнув домогательства местного подьячего, бывшая царская невеста Екатерина Алексеевна невольно стала причиной гибели многих своих родственников. На её брата Ивана Алексеевича поступил донос, в результате дело возобновилось, и князя с братьями перевели в Тобольск. Там этого некогда блестящего молодого офицера держали прикованным ручными и ножными кандалами к стене. Не выдержав мучений и находясь на грани безумия, Иван рассказал о поддельном завещании Петра II и оговорил своих родственников. Расправа над Долгоруковыми была жуткой. Самого Ивана колесовали, его брату Николаю отрезали язык, Сергею, Ивану Григорьевичу и Василию Лукичу отрубили головы. Екатерину Алексеевну перевезли в Новгород и два года держали в строгом заключении в Воскресенском Горицком монастыре. Освобождённая только Елизаветой Петровной, Екатерина вернулась ко двору. По настоянию императрицы, в 1745 году она вышла замуж за генерал-аншефа графа Александра Романовича Брюса (1708—1752, его вторая жена), но вскоре умерла.

Несчастливая Наталия Борисовна долгое время не знала о судьбе увезённого из Берёзова мужа, потом ей разрешили вернуться в Москву, позднее она приняла постриг с именем Нектарии, а затем схиму в одном из киевских монастырей. Похоронена в Киево-Печерской лавре. Она оставила «Своеручные записки», в которых описала все злоключения своей семьи. Образ Наталии Борисовны запечатлён в русской литературе, в произведениях К. Ф. Рыльева и И. И. Козлова.

Племянник Ивана Алексеевича — Алексей Алексеевич (1767—1834) состоял на военной, а затем на статской службе. Был симбирским гражданским губернатором (с 1808), во время войны 1812 года — московский гражданский губернатор, сенатор (1817), действительный тайный советник (1832), с 1829 года — член Государственного Совета. В 1828—1830 годах занимал должность министра юстиции. Во время его управления министерством был завершён Свод законов Российской Империи в 15 томах.

Внук Алексея Алексеевича — князь Александр Николаевич (1873—?) служил в Кавалергардском полку (с 1912 командир полка в чине генерал-майора), участвовал в Русско-японской 1904—1905

годов (был ранен) и Первой мировой войнах. Генерал от кавалерии, в 1917 году командовал Первым кавалерийским корпусом. Во время гражданской войны гетман Украины П. П. Скоропадский осенью 1918 года назначил князя главнокомандующим своими войсками. После отречения гетмана Александр Николаевич снял с себя командование и выехал в Одессу, затем эмигрировал. М. А. Булгаков вывел его под именем «князя Белорукова» в романе «Белая гвардия».

Внук Ивана Алексеевича и Наталии Борисовны — князь Иван Михайлович (1764—1823), выпускник Московского университета, тайный советник и владимирский губернатор, оставил оригинальный след в литературной жизни своего времени. Ему принадлежат многочисленные стихотворения (оды, сатиры, песни, лирика), пьесы, прозаические произведения, а также переводы с французского. В своём московском особняке он организовал домашний театр, просуществовавший более десяти лет. По субботам проводил домашние литературные чтения, собиравшие многих интересных писателей (М. Н. Загоскин, С. Т. Аксаков), состоял в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. В 1818 году князь собрал свои мемуарные записки в виде словаря своих знакомых под названием «Капише моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В истории литературы остались и двое его сыновей. Князь Александр Иванович (1793—1868) писал салонные стихи и прозу. Князь Дмитрий Иванович (1797—1867) входил в общество «Зелёная лампа», издал несколько поэтических сборников, долгое время работал в дипломатических миссиях за рубежом. С 1854 года тайный советник, сенатор.

К старшей ветви князей Долгоруковых принадлежала и княжна Екатерина Михайловна (1849—1922). Предмет любви Александра II, она родила императору четырёх детей. После смерти императрицы Марии Александровны государь женился на своей возлюбленной, что вызвало сложную реакцию в придворных кругах. Своей новой жене и узаконенным теперь детям Александр II пожаловал фамилию и титул светлейших князей Юрьевских. Говорили о планах коронации Долгоруковой в качестве российской императрицы. Но вскоре Александр II погиб от рук народовольцев, княгиня Юрьевская удалась от двора и долгие годы жила за границей, где и умерла. Похоронена она на православном кладбище Кокад в Ницце. Её потомки до сих пор живут в Европе.

Целым рядом ярких личностей представлена одна из младших ветвей рода князей Долгоруковых.

На дочери воеводы и боярина князя Владимира (Петра) Тимофеевича Долгорукова (1569—1633) — Марии в 1624 году женился царь Михаил Фёдорович, но молодая царица умерла через четыре месяца после свадьбы. Возможно, её отравили враги Долгоруковых. Как бы то ни было, после этого случая цари династии Романовых в XVII веке предпочитали жениться на девушках из незнатных и небогатых дворянских семей, далёких от дворцовых интриг. Мария Владимировна была, таким образом, пусть и недолго, первой царицей Дома Романовых.

Князь Юрий (Софроний) Алексеевич (имел также прозвище Чертёнок, поскольку его дед носил прозвище Чёрт), боярин и воевода, отличился в войне с Речью Посполитой в 1654—1667 годах, одержав ряд крупных побед. Он же во главе царских войск подавил движение Степана Разина. В разное время возглавлял некоторые приказы, в том числе Стрелецкий, Пушкарский и Казанского дворца. Особенно большое влияние он приобрёл на молодого царя Фёдора Алексеевича, а сын князя — боярин Михаил Юрьевич слыл ближайшим приближённым государя. Близость к царю и высокое положение не спасли Долгоруковых от гибели, а наоборот, ухудшили их положение. В мае 1682 года, уже после смерти Фёдора Алексеевича, в огне полыхавшего стрелецкого мятежа отец и сын нашли свою смерть. Михаила Юрьевича, набросившегося на стрельцов с угрозами, озверевшая толпа сбросила с кремлёвского Красного крыльца на копья, а его отца, бывшего тогда уже восьмидесятилетним стариком, преданного своим слугой, долго мучили и потом умертвили.

Внучатому племяннику Юрия Алексеевича — князю Василию Владимировичу (1667—1746) тоже довелось пострадать за свою близость к престолу, хотя он и был, прежде всего, военачальником. Поступив на службу в Преображенский полк, Долгоруков побывал и на Полтавском поле, где во время сражения командовал резервной конницей, и на берегах Прута. В 1708 году он разгромил восстание К. А. Булавина. К порыву борьбы с мятежниками примешивались и личные чувства: брат Василия Владимировича — полковник Юрий Владимирович погиб от рук казаков, окружённый со всем своим отрядом.

Несмотря на доверие Петра, князь Долгоруков не разделял всех его реформаторских устремлений, и потому оказался в числе лиц, близких к царевичу Алексею. Долгорукова, поднявшего голос в защиту Алексея, лишили всех чинов и сослали в Соликамск. В армию он вернулся лишь по случаю коронации Екатерины I в 1724 году, причём в чине бригадира. Но уже в 1726 году был произведён в генерал-аншефы и назначен командующим войсками на Кавказе. Благодаря усилению Долгоруковых при Петре II Василий Владимирович вошёл в состав Верховного Тайного Совета и сделался генерал-фельдмаршалом. Однако вёл он себя крайне осторожно, не поддержал кондиции, предложенные князем Голицыным, и потому после воцарения Анны Иоанновны сохранил своё положение. Более того, он стал сенатором и президентом Военной коллегии. Но всё-таки старый вояка не мог спокойно взирать на опалу своих родственников. В разговорах он неоднократно неодобрительно отзывался об императрице. Эта неосторожность стоила ему свободы. По доносу генерал-поручика принца Гессен-Гомбургского в 1731 году Долгорукова приговорили к смертной казни, но заменили её заточением в Шлиссельбургской крепости. В 1737 году князя сослали в Ивангород, а уже в следующем году, когда раскрылось дело с фальшивым завещанием Петра II, навечно посадили в тюрьму Соловецкого монастыря. Вернулся князь только при Елизавете Петровне. Государыня возвратила ему фельдмаршальский чин и поставила во главе Военной коллегии. После этого Василий Владимирович прожил ещё несколько лет.

Его брат — Михаил Владимирович (1667—1750), один из первых сенаторов, в общих чертах повторил судьбу своего брата. Он тоже был сослан по делу царевича Алексея, потом вернулся, несколько лет губернаторствовал в Сибири, в 1729 году вошёл в состав Верховного Тайного Совета (действительный тайный советник), при Анне Иоанновне вынужденно отправился на житьё в одну из своих деревень, затем был сослан в Нарву, а в страшном для Долгоруковых 1739 году его приговорили к смертной казни. Поскольку никакого непосредственного участия в делах девятилетней давности он не принимал, казнь заменили ссылкой. Елизавета Петровна помиловала князя Михаила, но вскоре он предпочёл по старости выйти в отставку.

В екатерининскую эпоху взошла звезда талантливого полководца князя Василия Михайловича Долгорукова (1722—1782), сына Михаила Владимировича. С юных лет он пошёл служить в армию. Неоднократно отличался в сражениях русско-турецкой войны, но никакого продвижения по службе не получал. Наконец командующий русскими войсками фельдмаршал Б.-Х. Миних на свой страх и риск произвёл его за храбрость при штурме Перекопа в прапорщики. Более успешно развивалась карьера князя при императрице Елизавете. Он с самой лучшей стороны проявил себя на полях Семилетней войны, в том числе при Цорндорфе. А в день коронации Екатерины II получил чин генерал-аншефа. Триумфом князя стала русско-турецкая война 1768—1774 годов. Командующий 2-й армией, он действовал на крымском театре военных действий, и в 1771 году, преодолев отчаянное сопротивление противника, прорвался через Перекоп (уже знакомый ему по предыдущей войне с Турцией) и занял Крым. За эту победу и по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира императрица наградила Василия Михайловича золотой шпагой с алмазами, орденом Святого Георгия I степени и почётной фамилией Крымский. Так в один ряд с героями той войны Орловым-Чесменским и Румянцевым-Задунайским встал и князь Долгоруков-Крымский. Но чина генерал-фельдмаршала Василий Михайлович так и не получил. Он вышел в отставку, удалился от дел и несколько лет прожил в своём имении. Однако в 1780 году князь «воскрес» из небытия. Его назначили главнокомандующим в Москву, и на этом посту он заслужил любовь и уважение московских граждан. Среди полезных дел князя — сооружение первого каменного моста через реку Яузу. Дом Василия Михайловича на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки спустя два года после его смерти приобрело Московское Благородное (дворянское) собрание. Позднее архитектор М. Ф. Казаков перестроил его, и в таком виде здание дошло до наших дней (Дом Союзов с великолепным Колонным залом).

Несколько месяцев главой древней столицы был и другой князь Долгоруков — дальний родственник крымского героя Юрий Владимирович (1740—1830). В Семилетнюю войну его тяжело ранило в битве при Гросс-Егерсдорфе, при Цорндорфе он командовал Киевским полком и за мужество удостоился чина секунд-майора, а после осады кре-

пости Кольберг стал премьер-майором. В 1769 году выполнял важную дипломатическую миссию в Черногории, во время Чесменского боя успешно командовал кораблём «Ростислав» (хотя никакого морского опыта не имел), во главе дивизии участвовал в осаде Очакова уже во время второй екатерининской русско-турецкой войны. Генерал-аншеф при Екатерине, он дважды уходил в отставку. Третье возвращение на службу последовало уже при Павле I, назначившим Долгорукова главнокомандующим в Москву, но и тут он продержался всего полгода. В 1798 году непредсказуемый император ещё раз вспомнил о нём: Долгорукова ввели в Совет при Высочайшем дворе. Впрочем, вскоре последовала ещё одна отставка, и пятый раз на службу он вернулся уже при Александре I. Ветеран Семилетней и екатерининских войн с Турцией, Юрий Владимирович принял участие и в войне с Наполеоном, на этот раз в составе ополчения.

Боевым офицером был и другой князь Долгоруков — Михаил Петрович (1780—1808). Светский красавец геройски дрался в кампанию против Наполеона 1806—1807 годов под Аустерлицем, Пултуском и Прёйсиш-Эйлау, командовал Курляндским драгунским полком, получил рану в грудь навывлет. Уже в чине генерал-майора он воевал и со шведами, в сражении под Индельсальми его недолгая, но яркая жизнь оборвалась. Рухнули и семейные планы. А ведь с согласия Александра I он намеревался жениться на его сестре великой княжне Екатерине Павловне. Так во второй раз (после предполагавшейся свадьбы Петра II) Долгоруковым не пришлось породниться с Романовыми (это сделала потом «Катенька» Юрьевская).

Совсем иную позицию по отношению к императорской власти занял племянник Михаила Петровича — князь Пётр Владимирович Долгоруков (1816—1868). В истории, пожалуй, немного найдётся столь авантюристических личностей. Аристократ по рождению, князь окончил привилегированный Пажеский корпус, блистал в свете, но уже в молодости пользовался сомнительной репутацией. Достаточно сказать, что именно ему позднее приписывалось авторство пасквиля, погубившего Пушкина. Хотя эта версия и не нашла подтверждений, сами по себе подозрения уже о многом свидетельствовали. Своим служебным ростом князь не был удовлетворён. Он считал себя очень талантливым и способным человеком, а причины неудач искал в косности и недоброжелательности высшего общества. В конечном итоге Долгоруков решил насолить не признававшему его императорскому окружению. В 1843 году под псевдонимом «граф Альмагро» он издал за границей на французском языке «Заметку о главных фамилиях России», в которой привёл ряд фактов, порочащих правящую династию и представителей высшей аристократии. Долгорукова вызвали в Россию и сослали в Вятку, правда, вскоре от наказания освободили.

В своих обличительных сочинениях князь использовал действительно уникальные знания. Дело в том, что он серьёзно увлёкся генеалогией и собрал огромный материал о родословиях и истории знатных русских фамилий. Долгоруков задумал осуществить грандиозный замысел — издать многотомный свод родословных всего российского

дворянства. Удалившись от дел и живя в своём имении, князь приступил к реализации своего плана. В 1854—1857 годах он издал в Петербурге знаменитую «Российскую родословную книгу», ставшую с тех пор настольной книгой всех русских генеалогов. Это был, по сути, первый обобщающий научный труд по русской генеалогии, не только имевший практическое значение, но и заложивший основы данной научной дисциплины в России. Во многом он не потерял своего значения и до сих пор. Князь опубликовал только четыре тома этого масштабного исследования, дальнейшую работу прервала неумная энергия составителя.

В 1857 году он представил Александру II записку с проектом реформ государственного управления, выступил с предложением освободить крестьян с землёй за выкуп, но его активность не дала никакого результата. Разочаровавшись в реформаторских планах и вновь поняв, что его талант и знания не оценили, Пётр Владимирович в 1859 году уехал за границу, предварительно переведя туда все свои капиталы. Через год в Париже увидела свет его книга «Правда о России». В ней он обрушился на самодержавие, высший слой сановников и дворянства и на проводимую ими политику. Желчные филиппики перемежались с язвительными характеристиками — самолюбие непризнанного «гения» было удовлетворено. Кроме того, князь выдвинул идеи либеральных преобразований, которые должны были привести к установлению в России конституционной монархии с двухпалатным парламентом. Реакция правящих кругов не замедлила сказаться: Долгорукова приговорили к лишению княжеского титула, прав состояния и вечному изгнанию из России. Князь-эмигрант окончательно перешёл в стан заграничных диссидентов. Он занялся публицистической деятельностью и даже сотрудничал в герценовском «Колоколе».

К генеалогии он так больше и не вернулся. Хотя Долгоруков и пытался использовать свои знания в корыстных целях (шантажировал М. С. Воронцова, претендовавшего на происхождение от древнего боярского рода, угасшего ещё в допетровскую эпоху), он остался в истории науки прежде всего как один из крупнейших генеалогов, сделавший очень много для её развития в нашей стране. Его «Российская родословная книга» легла прочным фундаментом в этой области знаний, а собранный в ней богатый материал стал бесценным кладом исторической фактологии. Долгоруков ввёл в русскую генеалогии и определённую форму родословной росписи, считающуюся и доныне классической.

В середине XIX века развернулась государственная деятельность ещё двух братьев Долгоруковых — Василия и Владимира Андреевичей. Василий Андреевич (1804—1868), проявивший верность престолу 14 декабря 1825 года, пользовался особым доверием Николая I. С 1848 года он — товарищ военного министра, а в 1853 году занял и саму эту должность. Александр II сделал князя членом Государственного Совета, присвоил чин генерала от кавалерии и назначил шефом жандармов и главным начальником III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. На этом посту князь прослужил верой

и правдой 10 лет. Он подал в отставку в 1866 году после покушения на императора Д. В. Каракозова.

Владимир Андреевич (1810—1891), также генерал от кавалерии (1867) и член Государственного Совета (1881), в течение доброй четверти века (1865—1891) был московским генерал-губернатором (дольше, чем кто-либо на этом посту). Благодаря своему мягкому, отзывчивому характеру и добросердечию «душка-князь» пользовался огромной популярностью у москвичей. О нём рассказывали множество забавных историй, а его имя стало символом уклада старомосковской жизни. Для города князь сделал немало. При нём начали освещать Москву газом, заработала первая конка, улучшилось водоснабжение, усовершенствовалось полицейское управление, наконец, завершилось грандиозное строительство храма Христа Спасителя. В 1882 году провели однодневную перепись населения. Москва находилась в центре культурной и научной жизни страны. За заслуги перед городом в 1875 году князю было присвоено звание почётного гражданина Москвы, этой чести удостоивались единицы (среди них Н. И. Пирогов и П. М. Третьяков). Новослободская улица по просьбе москвичей получила новое название — Долгоруковская (в советское время переименована в Каляевскую, в честь террориста, убившего долгоруковского преемника по управлению Москвой — великого князя Сергея Александровича; теперь она снова Долгоруковская).

В 1891 году Александр III решил сменить высшую городскую власть. Старый князь уже не мог обеспечить той твёрдой и жёсткой политики, которую требовал от подчинённых беспокоенный нарастанием в обществе радикальных тенденций император. В феврале Долгоруков подал в отставку, уехал в Париж на лечение, где и скончался. Новым московским генерал-губернатором стал брат царя великий князь Сергей Александрович.

Внук Василия Андреевича — князь Василий Александрович Долгоруков (1868—1918) — генерал-майор, гофмаршал, входил в круг приближённых Николая II. Он остался верен своему долгу и сопровождал арестованную царскую семью в Тобольск и Екатеринбург. Затем его отделили от них, посадили в тюрьму и без всяких обвинений расстреляли. В 1981 году Русская Православная Церковь Заграницей причислила князя Василия Александровича к лику Новомучеников Российских.

Впрочем, не только верные престолу лица оказались в те времена среди князей Долгоруковых. Братья Павел (1866—1927) и Пётр (1866—1945) Дмитриевичи принадлежали к числу активных членов кадетской партии. Оба закончили Московский университет: Павел — естественное отделение физико-математического факультета, Пётр — историко-филологический факультет, оба были деятельными участниками земского движения. Павел Дмитриевич в течение десяти лет занимал пост рузского уездного предводителя дворянства, с 1902 года — статский советник, носил также придворное звание камергера (лишённого его в 1910 году). Когда образовалась кадетская партия, оба брата были в числе её организаторов. На II съезде кадетов Павла Дмитриевича избрали председателем её ЦК, позднее он был товарищем председателя ЦК. В 1907 году являлся депутатом II Государственной думы, возглав-

лял в ней кадетскую фракцию. Павел Дмитриевич пользовался огромным моральным авторитетом у своих соратников. За честность и порядочность его называли «рыцарем без страха и упрёка», «лидером без слов» (он не отличался ораторскими дарованиями), П. Н. Милюков охарактеризовал его как «кристально чистого человека», вспоминал, что «более безобидного и незлобивого человека трудно встретить». По словам его брата Петра Дмитриевича, политическое кредо Павла Долгорукова выражалось словами «консервативный либерализм». Он считал необходимым реформирование политической системы в России, но только на твёрдых основах традиций.

Помимо политической деятельности, Павел Дмитриевич выдвинулся в ряд ведущих российских пацифистов. Он возглавлял Толстовское общество, в 1909 году организовал в Москве Общество мира (филиал одноимённого международного общества), став его председателем. В 1910 году Павел Дмитриевич в качестве делегата ездил на 18-й конгресс мира в Стокгольм, где выступил с докладом. Однако после Февральской революции взгляды Долгорукова несколько изменились. Ещё в разгар революционных событий он высказался за провозглашение великого князя Михаила Александровича императором, полагая, что таким образом удастся сохранить государственность до созыва Учредительного собрания. Но с каждым днём он видел, как государство рушится, и не мог примириться с этим. Выезжал на фронт, воочию наблюдал развал армии. Летом он выступил за установление военной диктатуры: «Единственной властью, которая поможет спасти Россию, является диктатура... Кто бы ни являлся диктатором, но раз ему военная сила подчиняется и он может одолеть разбушевавшуюся стихию военной силой, он приемлем и желателен».

Твёрдая, сильная рука, за которую ратовал князь, так и не появилась. Вместо неё власть захватили большевики. В октябрьские дни 1917 года Долгоруков находился в Москве, в Александровском военном училище. Там был центр сопротивления Советской власти, и Павел Дмитриевич участвовал в организации этого сопротивления. В предполагавшийся день открытия Учредительного собрания (Долгорукова, одного из немногих кадетов, избрали его членом), 28 ноября на основании советского декрета, объявившего кадетскую партию партией «врагов народа», его арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. Пробыв три месяца в одиночной камере, Долгоруков вышел из тюрьмы в феврале 1918 года и уехал в Москву, полностью посвятив себя идее Белой борьбы. После гибели царской семьи заявил, что все русские, «не потерявшие совести и государственного разума, должны содрогнуться, узнав об этом злодеянии».

Павел Дмитриевич, этот противник насилия, работал при правительстве Деникина и призывал к вооружённой борьбе с большевиками: «Если мы считаем большевизм злом, разрушающим нашу Россию, то должны сделать всё, не смущаясь ужасами Гражданской войны, чтобы вырвать её из этого зла». В 1920 году Долгоруков был вынужден уехать за границу. В эмиграции сильно нуждался, но пе-

реносил все тяготы со спокойным достоинством. Он призывал к объединению эмигрантов, считая главной организующей силой Русскую армию генерала Врангеля. Своего отношения к Советской власти не изменил, полагал, что только вооружённые действия могут быть эффективны в борьбе с ней. Желая показать личный пример и прозондировать настроения на Родине, князь Долгоруков два раза нелегально переходил советскую границу. В первый раз его задержали, но не опознали, а потому отправили назад. Второй раз Долгорукова арестовали на пути из Харькова в Москву. В ответ на убийство в Варшаве советского посла Войкова Павел Дмитриевич был расстрелян в июне 1927 года.

Князь Пётр Дмитриевич Долгоруков, как и брат, состоял в кадетской партии, был избран депутатом I Государственной думы, а после её роспуска подписал «Выборгское воззвание». За это его осудили на три месяца тюремного заключения. Впоследствии он отошёл от партийной работы, жил в своём курском имении. Во время Первой мировой войны служил на Галицийском фронте под началом генерала А. А. Брусилова. В 1920 году эмигрировал из Крыма в Константинополь. Жил в Праге. В 1945 году, когда советские войска освободили Прагу от фашистов, начались репрессии против русских эмигрантов, во время которых Пётр Дмитриевич погиб.

Представитель самой младшей ветви князей Долгоруковых — окольный князь Григорий Борисович Долгоруков Роша (убит в 1612) прославился во время Смутного времени, в течение шестнадцати месяцев руководя обороной Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских захватчиков. «В пространстве тесном, заражённом трупами умерших и страданиями больных, с дружиною немногочисленную; при малом количестве припасов жизненных, при ещё меньшем количестве снарядов воинских, Долгоруков, при содействии иноков усердных к вере и отечеству, в особенности при содействии архимандрита Лавры, знаменитого Дионисия Ржевитина, отстоял от поляков обитель Святого Сергия, хотя с трудом невероятным» («Российская родословная книга» князя П. В. Долгорукова). Отважный воевода погиб, защищая от поляков Вологду.

Князья Долгоруковы также состоят в родстве с рядом известных лиц русской истории.

Княжна Дарья Дмитриевна была женой гетмана Левобережной Украины (с 1663) и боярина Ивана Мартыновича Брюховецкого (убит в 1668), который добивался отделения Украины от России.

Княжна Феодосия Васильевна — жена воеводы и боярина князя Василия Васильевича Голицына («Великого») (1643—1714), фаворита царевны Софьи Алексеевны, который возглавлял неудачные походы на Крым в 1687 и 1689 годах, а с 1689 года жил в ссылке.

Княжна Анна Петровна — жена боярина Алексея Семёновича Шеина (1662—1700). Участник Азовских походов Петра, он первым среди русских удостоился высшего военного звания генералиссимуса (1696).

Княжна Екатерина Александровна (ум. в 1829) — жена Николая Петровича Николева (ок. 1758—1815), поэта и драматурга, автора мно-

гочисленных сатир, од, комических опер, песен и других сочинений, пользовавшихся когда-то большой популярностью.

Княжна Прасковья Владимировна — жена Ивана Ивановича Меллиссино (1718—1795, происходил из греческого рода), тайного советника, директора (1757—1763), а позднее куратора Московского университета, обер-прокурора Святейшего Синода.

Княжна Прасковья Васильевна (1754—1826) — жена генерал-фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина (1735—1804).

Княжна Елена Ивановна (до 1785—1850) — жена Павла Ивановича Голенищева-Кутузова (1767—1829), тайного советника, сенатора, куратора, а затем попечителя Московского университета, поэта и переводчика. Их дочь Евдокия Павловна (1795—1863) — жена поэта, декабриста Фёдора Николаевича Глинки (1786—1880).

Княжна Елена Павловна (1788—1860) вышла замуж за Андрея Михайловича Фадеева (1789—1867), тайного советника, саратовского губернатора и управляющего Государственными имуществами в Закавказье. Их старшая дочь Елена Андреевна, в замужестве Ган (1814—1842), писательница-беллетристка, — мать основательницы теософии Елены Петровны Блаватской (1831—1891) и писательницы Веры Петровны Желиховской (1835—1896). Дочь Веры Петровны — Надежда Владимировна Желиховская (1864—1938) — жена прославленного генерала Алексея Алексеевича Брусилова (1853—1926), участника Первой мировой войны (главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, осуществившими «брусилковский прорыв»), Верховного главнокомандующего русской армией (май—июль 1917 года). Сестра Елены Андреевны — Екатерина Андреевна Фадеева (1819 — после 1870) — мать Сергея Юльевича Витте (1849—1915), действительного тайного советника, графа (с 1905), члена Государственного Совета, министра путей сообщения (1892), финансов (1892—1903), председателя Комитета (потом Совета) министров (1903—1906).

Дочь московского генерал-губернатора Владимира Андреевича, княжна Варвара Владимировна (1840—) — жена обер-камергера, генерал-адъютанта Николая Васильевича Воейкова (ум. в 1898). Их сын — генерал от инфантерии, последний дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков (1868—1947), автор воспоминаний «С царём и без царя» (имеется в виду Николай II). Он был женат на Евгении Владимировне Фредерикс (1867—1950), дочери долгодетного министра Императорского двора и уделов барона (с 1913 графа) Владимира Борисовича Фредерикса (1838—1927).

Княжна Ольга Алексеевна (1869—1946) — жена Александра Николаевича Волжина (1860—1933), действительного статского советника, гофмаршала, седлецкого губернатора, обер-прокурора Святейшего Синода (1915—1916), члена Государственного Совета (с 1916). Её сестра Екатерина Алексеевна была женой курского вице-губернатора Георгия Борисовича Штюрмера, сына Бориса Владимировича Штюрмера (1848—1917), председателя Совета министров в 1916 году.

Князья Щербатовы. Ещё одна ветвь князей Оболенских происходит от брата Ивана Андреевича Долгорукого — князя Василия Андреевича Оболенского. Он носил прозвище Щербатый, и потому его потомки стали именоваться князьями Щербатовыми.

Среди Щербатовых, конечно, самая известная личность — князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790). Он служил в лейб-гвардии Семёновском полку, в 1762 году вышел в отставку, в 1767—1768 годах состоял в Уложенной комиссии, где представлял ярославское дворянство. В 1771 году Михаил Михайлович возглавил Герольдмейстерскую контору при Сенате, которая занималась составлением российских гербов. Щербатову принадлежит авторство нескольких городских гербов, в том числе Олонца, Харькова, Оренбурга. В 1778 году князь получил чин тайного советника и был назначен президентом Камер-коллегии, а в следующем году стал сенатором. Но настоящее бессмертие обеспечила ему «История Российская от древнейших времён» в семи томах (доведена до 1610 года). Этот грандиозный труд был второй, после фундаментальной работы В. Н. Татищева, научной попыткой написания полной истории нашего Отечества. Михаил Михайлович удостоился официального звания «историографа» (во всей русской истории только три человека имели его: до Щербатова — Миллер, а после — Карамзин) и избрания почётным членом Петербургской академии наук (в 1776 году). Кроме того, он получил известность как талантливый публицист — сторонник усиления влияния аристократии, критиковавший придворную жизнь времён Екатерины II («О повреждении нравов в России»).

Одна из дочерей Михаила Михайловича — Ирина Михайловна (1757—1827) была женой сенатора, действительного тайного советника Матвея Григорьевича Спиридова (1751—1829), сына известного адмирала, героя Чесменского сражения. Спиридов «подхватил» историческую эстафету своего тестя. Он плодотворно занимался генеалогией русского дворянства и издал несколько книг, в том числе «Родословный Российский Словарь» в 2 томах (М., 1793—1794). Другая дочь историографа Наталья Михайловна, бывшая замужем за подполковником Яковом Петровичем Чаадаевым, — мать Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1856), знаменитого публициста и мыслителя, автора «Философических писем».

Большой вклад в развитие исторической науки внёс ещё один представитель рода князей Щербатовых — Прасковья Сергеевна, в замужестве Уварова (1840—1924). Её муж граф Алексей Сергеевич (1824—1884), сын министра просвещения Сергея Семёновича Уварова, плодотворно занимался археологией, состоял членом-корреспондентом Петербургской академии наук, много сделал для формирования коллекций Исторического музея в Москве. Прасковья Сергеевна также трудилась на ниве археологии, с 1883 года она руководила работой Московского археологического общества, организовывала и возглавляла русские археологические съезды, собиравшие лучшие исторические силы России, была членом многих научных обществ, оставила ряд интересных трудов. После революции ей пришлось покинуть Родину, скончалась она в Югославии.

Князь Алексей Григорьевич Щербатов (1776—1848) начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку, воевал в 1806—1807 годах против Наполеона (в том числе при Прейсиш-Эйлау). В период русско-турецкой войны 1806—1812 годов получил тяжёлое ранение при осаде крепости Шумлы. Отличился в Отечественную войну 1812 года и вграничных походах русской армии (одержал победу под Левенбергом в 1813-м). Генерал от инфантерии (с 1823), он участвовал и в штурме Варшавы в 1831 году при подавлении польского восстания. А в 1843 году был назначен военным генерал-губернатором Москвы. На этом посту добился запрещения детского труда на фабриках в ночную смену. В мае 1848 года вышел в отставку, сохранив звание члена Государственного Совета.

Потомок Алексея Григорьевича — князь Николай Борисович Щербатов (1868—1943), окончил Пажеский корпус, служил по военной и гражданской части, предводитель дворянства Полтавской губернии, камергер (1909), действительный статский советник (1913), выборный член Государственного Совета от полтавского земства, недолго пробыл управляющим государственным коннозаводством (1913—1915) и министерством внутренних дел (в 1915).

Княжна Анна Павловна (1749—1826) — жена генерал-фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского (1738—1809).

Княжна Анна Андреевна (1777—1848) — жена действительного тайного советника графа Дмитрия Николаевича Блудова (1785—1864), крупного государственного деятеля эпохи Николая I и Александра II, министра внутренних дел (1832—1839), президента Императорской академии наук (1855—1864), председателя Государственного Совета (1862—1864) и Комитета министров (1861—1864).

В настоящее время старейшим в роде князей Щербатовых является князь Алексей Павлович Щербатов (1910 г. р.). Он живёт в США и возглавляет Союз русского дворянства в Нью-Йорке (Russian Nobility Association in America).

Другие княжеские роды из потомства Михаила черниговского прекратили своё существование: князья Тростенские угасли в 1607 году, князья Хотетовские — в конце XVII века, последний князь Тюфякин — директор императорских театров гофмейстер Пётр Иванович (род. в 1769) скончался в 1845 году.

В гербах черниговских Рюриковичей можно видеть старинную эмблему Черниговской земли — чёрного одноглавого орла в золотом поле, держащего в лапе золотой крест. Это изображение известно, по крайней мере, с конца XVII века, оно присутствует в «Титулярнике» 1672 года.

РЯЗАНСКАЯ ДИНАСТИЯ

От младшего сына Святослава Ярославича — Ярослава (Панкратия) произошла династия рязанская, от которой отделились муромская и пронская. Этот род был поистине несчастнейшим из всех вет-

вей Рюриковичей. Внук Ярослава — Глеб Ростиславич попал в плен к владимирцам и 30 июня 1177 года умер в тюрьме (от был женат на внучке Юрия Долгорукого, а его дочь была женой Мстислава Романовича Храброго и матерью Мстислава Мстиславича Удатного).

Внук Глеба Ростиславича — тоже Глеб, только Владимирович, «прославился» тем, что, пригласив в село Исады на Оке, 20 июля 1217 года приказал убить шестерых своих родных и двоюродных братьев. Вот как об этом рассказывает летопись: «Глеб Владимирович, князь рязанский, подученный сатаной на убийство, задумал дело окаянное, имея помощником брата своего Константина и с ним дьявола, который их и соблазнил, вложив в них это намерение. И сказали они: «Если перебьём их, то захватим всю власть...» Собрались все в прибрежном селе на совет: Изяслав, Кир, Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингварь же не смог приехать к ним: не пришёл ещё час его. Глеб же Владимирович с братом позвали их к себе в свой шатёр как бы на честной пир. Они же, не зная его злодейского замысла и обмана, пришли в шатёр его — все шестеро князей, каждый со своими боярами и дворянами. Глеб же тот ещё до их прихода вооружил своих и братних дворян и множество поганых половцев и спрятал их под пологом около шатра, в котором должен был быть пир, о чём никто не знал, кроме замысливших злодейство князей и их проклятых советников. И когда начали пить и веселиться, то внезапно Глеб с братом и эти проклятые извлекли мечи свои и стали сечь сперва князей, а затем бояр и дворян множество...»

Это преступление не помогло Глебу. В Рязани вокняжился его двоюродный брат — Ингварь Игоревич (тот самый, «чей час ещё», слава богу, «не пришёл»). После неудачной попытки захватить город Глеб и Константин бежали. Константин потом оказался у старшего сына Михаила черниговского — Ростислава, правившего за пределами Руси. А Глеб скитался в половецкой степи, у своих союзников. По легенде, он сошёл с ума. Известный писатель В. Г. Ян использовал образ князя-братоубийцы в своём романе «Батый». Там Глеб является к хану в преддверии нашествия монголов на Русь и предлагает свою помощь.

Через 20 лет на рязанской земле стряслась новая беда. На этот раз опасность пришла извне. Монгольское нашествие обрушило свой самый страшный удар на это окраинное восточное княжество и нанесло рязанской династии огромный урон. В боях и при взятии Рязани, Пронска и других городов погибли почти все представители династии — не менее 10 человек. О рязанских бедствиях красочно рассказывает «Повесть о разорении Рязани Батыем». В «Повести...» перечисляются погибшие князья, среди них и сын вышеназванного князя Ингваря — Юрий, и его сын Фёдор Юрьевич, убитый ещё до взятия города, в ханской ставке, куда он был направлен с посольством, и княгиня Агриппина Ростиславна, зарубленная саблями в главной рязанской церкви. Говорит «Повесть...» и о жене молодого князя Фёдора — Евпраксии, присошедшей из «царского рода» (византийской династии Комнинов?). Узнав о смерти любимого мужа, она бросилась вместе с маленьким сыном Иваном Постником «из превысокого терема

своего... прямо на землю и разбилась до смерти». Рязанская икона чудотворца Николы Корсунского «по той причине зовётся... Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим, князем Иваном, сама себя на том месте «заразила» (разбила)». Отсюда происходит якобы и название города Зарайска.

В живых из всей рязанской династии осталось только несколько человек, в том числе князь Ингварь Ингваревич и его брат Олег Ингваревич Красный, захваченный монголами в плен. Во время нашествия Ингварь Ингваревич находился в южной Руси, в Чернигове. Узнав о случившемся, он вернулся в Рязань и стал там князем. Но городу так и не суждено было возродиться. Имя Рязани принял город Переяславль-Рязанский, старая же Рязань так и осталась лежать в руинах. «Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство её, и отошла слава её, и нельзя было увидеть в ней никаких благ её — только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленён был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный», — горестно восклицал русский книжник.

Ингварь Ингваревич (носивший в крещении имя Косьма) умер, вероятно, около 1252 года. После этого Батый отпустил в Рязань его брата Олега, до того в течение 14 лет находившегося в ордынском плену. Олег Ингваревич скончался, приняв постриг и схиму, в 1258 году. Но несчастья продолжали преследовать рязанский род. Сын Олега — Роман 19 июля 1270 года был зверски убит в Орде «за хулу на хана и его веру». Мучители отрезали ему язык, отрубили пальцы рук и ног, дробили тело по суставам. Роман Ольгович причислен Русской православной церковью к лику святых-мучеников. Его сына — Константина Романовича захватил в плен Даниил Московский, а по приказу следующего московского князя Юрия Даниловича страдальца в 1306 году убили в тюрьме. Сын Константина — Василий Константинович был убит в Орде в 1308 году. Племянник Константина Романовича — пронский князь Иван Ярославич убит татарами в 1327 году во время «Фёдорчуковой» рати. Его сын рязанский князь Иван Коротопол захватил в плен и убил своего двоюродного брата Александра Михайловича пронского, тайком вёзшего дань в Орду (1340 г.), а через три года и сам пал жертвой мести сыновей Александра.

Беспрерывная гибель князей сопровождалась постоянными набегами татар на Рязанское княжество, больше всего страдавшее от Орды. В конце XIV века большую активность проявлял князь Олег (Иаков, в схиме Иоаким) Иванович (ум. 5.07.1402), неоднократно враждовавший с Дмитрием Донским, татарами и Литвой. Это время почти беспрерывных татарских походов на рязанские земли, и князь Олег находился в очень сложном положении — как бы между нескольких огней: Москвой, Ордой, Литвой. Перед мучительным выбором стоял он в 1380 и в 1382 годах, большого дипломатического искусства потребовали от него события тех лет.

После смерти Олега Ивановича независимость Рязани начала сходиться на нет. Его сын Фёдор женился на дочери Дмитрия Донского —

Софье, а внук Василий Иванович в детстве находился на попечении Василия II. Окончательно Рязанское княжество было ликвидировано Василием III в 1520—1521 годах. Это было последнее независимое (конечно, относительно, ибо Рязань, например, не могла вести самостоятельную внешнюю политику) княжество Руси.

Князь Иван Иванович (1496—ок. 1534) бежал в Литву, где и умер. Князья Пронские также перебрались в Литву, где вошли в число крупных магнатов.

По женской линии к роду рязанских князей возводили себя потомки татарского мурзы Салохмира (в крещении Ивана Мирославича), который приехал к рязанскому князю Олегу Ивановичу и якобы женился на его сестре Анастасии. Такие легенды, связывавшие выехавшего родоначальника с теми или иными русскими князьями Рюриковичами, были весьма распространены у древних дворянских родов (Загряжские, Нагие и Собакины).

От Салохмира произошло несколько фамилий, из них наиболее известны Апраксины и Вердеревские. Апраксины выдвинулись в XVIII веке на военном поприще. Генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин (1661—1728) командовал русским флотом в Северной войне и Персидском походе Петра I, с 1718 года возглавлял Адмиралтейств-коллегию, а в 1726 году вошёл в состав Верховного Тайного Совета. Его брат Пётр Матвеевич (1659—1728) принимал в 1708 году в русское подданство калмыков, с 1722 года был президентом Юстиц-коллегии. Степан Фёдорович (1702—1758) — генерал-фельдмаршал, «прославился» крайне неудачным командованием русской армией во время Семилетней войны.

Породнились Апраксины и с Домом Романовых: сестра Петра и Фёдора Матвеевичей — Марфа Матвеевна Апраксина (1664—1715) была второй женой царя Фёдора Алексеевича, старшего брата Петра I.

Из Вердеревских наиболее известен контр-адмирал Дмитрий Николаевич (1873—1946), он командовал Балтийским флотом в 1917 году и с сентября 1917 года был морским министром Временного правительства. Об эффективности его «работы» может свидетельствовать холостой залп «Авроры» по Зимнему дворцу, где в числе других министров находился и сам контр-адмирал. После революции он эмигрировал во Францию, но незадолго до смерти принял советское гражданство.

ПОТОМКИ МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО

Потомство Мстислава Великого было очень большим, представители его рода занимали киевский великокняжеский стол, владели Смоленском, благодаря династическим связям одна из ветвей стала князьями Ярославля, другая обосновалась на Волыни и в Галиче. О двух браках Мстислава уже говорилось ранее. Всего у князя было 14 детей — 6 сыновей и 8 дочерей. Из сыновей Мстислава Великого назовём Всеволода (Гавриила) (1097—11.02.1138), занимавшего новгородский стол и в конечном итоге изгнанного горожанами; Изяслава (Пан-

телеймона) Мстиславича, о котором говорилось выше; Ростислава (Михаила) Мстиславича (ум. 14.03.1167), князя смоленского и недолгое время киевского.

С именем Всеволода связано восстание в Новгороде в 1136 году. Тогда «князю припомнили и то, что хотел обменять Новгород на Переяславль (киевский князь Ярополк Владимирович намеревался перевести Всеволода в этот южнорусский город), и что бежал с поля битвы во время сражения с сужальцами на Жабче поле. Полтора месяца князь с женою, тещей и сыновьями сидел в заключении на епископском дворе, а затем его изгнали из города. Последний год жизни Всеволод провёл псковским князем» (О. В. Творогов). В советской историографии события 1136 года стали считать началом новгородской независимости и феодальной раздробленности.

О дочерях Мстислава — Малфриде, Ингеборге и Рогнеде речь уже шла. Остальные дочери вышли замуж или за русских князей, своих дальних родственников (Святолоба, Мария, Ксения), или за иностранных принцев (Ирина, Евфросиния). Мужем Марии Мстиславны был киевский князь Всеволод II Ольгович, из черниговской ветви Рюриковичей. Мужем Ксении — логожский и изяславский князь Брячислав Давыдович. Вместе с другими полоцкими князьями Ксения в 1129 году была выслана в Византию, где и умерла в Константинополе. С Византийской империей связана судьба и другой дочери Мстислава Великого — Ирины (Добродеи). В 1122 году она стала женой Алексея Комнина, сына императора Иоанна II. Внучка Мономаха неплохо разбиралась в медицине и даже составила трактат «Мази» («Аллима»), где даны гигиенические советы и приведено описание некоторых болезней (наружных, желудка и сердца) и средств их лечения (название «мази» здесь употреблено в смысле «лекарственные средства»).

Евфросиния Мстиславна была выдана замуж за венгерского короля Гейзу II (сын Белы Слепого). В 1161 году Гейза умер. В Венгрии начались усобицы, и Евфросиния Мстиславна была выслана в Палестину. Несколько лет она жила в монастыре иоаннитов (будущих мальтийских рыцарей) в Иерусалиме, а потом, когда её сын Иштван III добился-таки венгерского престола (это он женился на дочери Ярослава Осмомысла, но вскоре с ней развёлся), по всей видимости, вернулась в Венгрию (во всяком случае, там она была похоронена).

От Изяслава и Ростислава Мстиславичей пошли наиболее значительные ветви потомков Мстислава Великого.

Волынская династия

Родовым гнездом потомков киевского князя Изяслава Мстиславича, того самого, который боролся с Юрием Долгоруким и умер в Киеве в 1154 году, была Волынская земля (Галич тогда принадлежал династии, шедшей от старшего сына Ярослава Мудрого и Ингигерд — Владимира). Старший сын Изяслава Мстиславича — Мстислав (Фёдор) Изяславич (ум. 19.08.1170) сменил несколько уделов, но закрепился во Владимире-Волынском и даже ненадолго в Киеве. Именно он являлся

великим киевским князем, когда город в марте 1169 года был взят и разорён войсками Андрея Боголюбского. Это событие в историографии, начиная с Н. М. Карамзина, традиционно считают концом истории великого киевского княжения, после которого «центр» русских земель и, следовательно, русская столица «переместились» на северо-восток, во Владимир. Эта концепция стала общепризнанной. Правда, она абсолютно не объясняет того, почему же за потерявший былое величие город продолжалась столь ожесточённая борьба между князьями Рюриковичами, не утихавшая даже в преддверии монгольского захвата «матери русских городов». Объяснить это противоречие можно, лишь признав, что Киев всё-таки русской столицей остался (по крайней мере, столицей в Южной Руси), так же как и Владимир сделался столицей Руси Северо-Восточной. Удельная система вообще вряд ли может иметь один-единственный центр.

Мстислав Изяславич был женат на Агнесе (Агнешке), дочери польского короля Болеслава III Кривоустого, а потому его внук, знаменитый Даниил галицкий, одновременно являлся и правнуком польского правителя. Родственные связи с династиями Польши и Венгрии стали обычными для этой ветви Рюриковичей.

Сын Мстислава — Роман, в детстве воспитывавшийся при дворе польского государя Казимира Справедливого, княживший на Волыни, в 1199 году окончательно присоединил к своим владениям и Галич (вскоре после смерти незадачливого сына Осмомысла — Владимира Ярославича) и, объединив под своей властью всю Юго-Западную Русь, основал мощное государство, державшееся, впрочем, в основном лишь на силе его личности. Роман был одним из самых замечательных государственных и военных деятелей Руси. Он даже в начале XIII века захватил Киев и принудил своего бывшего тестя Рюрика Ростиславича принять постриг. Сумел он на время усмирить и влиятельное галицкое боярство, причём в этой борьбе не стеснялся в средствах, говоря: «Не предавши пчёл, мёду не есть».

Следует заметить, что Юго-Западная Русь славилась плодородными почвами и природным изобилием. Здесь раньше, чем в других русских землях, возникло боярское землевладение. Крупные вотчины обеспечивали спокойную и сытую жизнь их владельцам. Немалою развития в этом крае достигли земледелие, ремесло и добыча природных богатств. Торговые пути, проходившие по территории Галицкой и Волынской земель, связывали Русь со странами Европы и Византией. Экономически независимое, сильное боярство стремилось влиять и на государственную жизнь, и поэтому одной из особенностей истории Галицко-Волынской земли была борьба князей с боярством, которая порой приобретала жестокий и непримиримый характер.

Широко известен был галицкий и волынский князь и на международной арене. Он наводил ужас на окрестные народы, побеждал половцев и Литву, причём половцы пугали им своих детей, а литовцы, принуждённые заниматься земледелием, говаривали: «Роман, Роман, худым живёшь, Литвою орёшь (то есть пашешь. — *Е. П.*)». Послы Романа бывали и в Константинополе, в Европе, его щедрые жертвования попали в монастырь Святого Петра в Эрфурте, а при его дворе

нашёл приют византийский император Алексей III Ангел, изгнанный крестоносцами из Константинополя. На Руси Романа именовали даже «царём» и «самодержцем всея Руси». Но его «царство» просуществовало недолго. Князь погиб во время похода на поляков в битве у города Завихоста на берегу Вислы 19 июня 1205 года. Польские князья Лешек и Конрад, одолевшие своего родственника, посвятили святым Гервазию и Протасию алтарь в краковском соборе, поскольку именно в день памяти этих святых Роман и погиб. Ипатьевская летопись восторженно свидетельствует, что Роман «устремлялся на поганых как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через их землю, как орёл, и был храбр, как тур» (под 1201 г.).

Первый раз Роман женился на дочери киевского князя Рюрика Ростиславича Предславе, но в конце XII века из-за конфликта с Рюриком прогнал её, а через несколько лет Предславе пришлось принять иночество вместе с отцом и другими членами его семьи. Затем Роман женился на некоей Анне, от которой родились сыновья Даниил (Иван) (1201—1264) и Василько (1203—1269), оставившие яркий след в истории Червонной Руси. О происхождении Анны среди историков до сих пор нет единого мнения. Высказывались самые противоречивые суждения: Анну считали то дочерью византийского императора Исаака II Ангела, то знатной византийкой Марией Каматерос, то дочерью волынского боярина, возможно, сестрой боярина Мирослава, занимавшего не последнее место при дворе Даниила.

Как бы то ни было, после гибели отца оба сына остались маленькими на руках матери и, конечно, не могли должным образом отстаивать свои права. Местное боярство в Галичине и на Волыни, которое всегда отличалось здесь сильными позициями, вновь подняло голову. Кроме того, на Галич стали претендовать и потомки чернигово-северских Рюриковичей — сыновья черниговского князя Игоря Святославича, воспетого в «Слове о полку Игореве». Боярство и Игоревичам удалось вытеснить вдову Романа с детьми во Владимир-Волынский, а в 1206 году тем и вовсе пришлось бежать за рубеж. Ипатьевская летопись сообщает, что бегство княгини произошло тайно, ночью, и хотя современные историки не слишком верят этому, опасность, нависшую над ней и её сыновьями, нельзя преуменьшить. Тем более что в последующие годы в Галицкой земле происходили такие бурные и жестокие события, которые даже аналогов в истории других русских княжеств не имеют.

Власть в княжестве непрерывно менялась. В 1211 году под напором венгров бояре повесили сыновей Игоря Святославича. Такая публичная расправа над собственными князьями — случай уникальный для средневековой Руси. А потом произошло и вовсе неожиданное... В 1213 году в Галиче вокняжился боярин Володислав Кормильчич — такого не бывало ни до, ни после за всю историю династии Рюриковичей! Зато в Галиче князьями становились даже пришлые принцы — венгерский «королевич» Кальман, позднее Эндре... Всё объяснялось просто: Венгрия была не прочь подчинить своему влиянию богатый край, имевший выход к Чёрному морю. Венгерский король Эндре II даже разделил с другим претендентом на «галицко-волынское наслед-

ство» — польским князем Лешком Белым сферы влияния: Галичина попадала в «зону» Венгрии, а Волынь — Польши. При дворе то одно, то другого и искала защиты Анна с детьми.

Романовичи фактически стали «разменной монетой» европейских стран в крупной игре за Юго-Западную Русь. С помощью венгров Даниилу (а точнее Анне и её приближённым) удалось ненадолго вернуть себе Галич, но потом всё пошло по-старому. Опять жизнь в изгнании, в Кракове у Лешка. Польский князь всё же помог Даниилу занять хоть какой-то стол на Волыни. Юным князьям пришлось довольствоваться малым: Берестьем, Белзом, Перемышлем, Тихомлем. Но именно отсюда постепенно распространилась власть Романовичей над всей Воынской землёй.

В Галиче же между тем появился новый правитель. Им стал новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный, с которым мы неоднократно встречались на страницах этой книги. Его натравил на венгров всё тот же Лешек. Со словами «Брат, пойдти и сяди в Галиче» хитроумный польский государь вызвал Мстислава в Юго-Западную Русь, и в 1219 году удачливый князь одним махом выбил из Галича небольшой венгерский гарнизон, а вместе с ним и венгерского принца Эндре. Даниил Романович не стал бороться с Мстиславом, а благоразумно женился на его дочери Анне, надеясь обрести в тесте хорошего союзника. Но расчёт оказался неверным. Попавший под влияние враждебных Даниилу сил, Мстислав совсем не интересовался воынскими проблемами своего зятя, и помощи от него было не дожидаться.

Между тем Даниил стал взрослым, самостоятельным человеком. Его мать Анна ушла в монастырь. О внешнем облике Даниила в те годы мы знаем мало. Известный историк Н. Ф. Котляр так характеризует его: «Даниил был среднего роста, широкий в плечах, коренастый и сильный мужчина. Словно простой ратник, он бился в пешем строю с врагами, провёл чуть ли не половину жизни в изнурительных многодневных походах, получал многочисленные раны, оставившие отметины на теле, ходил с рогатиной на медведя и кабана. Его отличали сильный характер и мужественная натура. Даниил был человеком и политиком, способным преодолевать любые преграды на своём пути». В 1223 году молодой князь принял участие в битве с монголами на реке Калке, проявив незаурядные храбрость, силу и ум. Эти качества оченьгодились ему в последующие годы, когда он начал собирать свою разорённую и развалившуюся по частям отчину.

Одним из препятствий на этом пути был и галицкий правитель Мстислав Удатный. Ещё в 1221 году он заключил договор с венгерским королём Эндре II, по которому дочь Мстислава обручилась с сыном короля, становившимся, таким образом, наследником Галича после смерти князя. Брак Марии Мстиславны и принца Эндре вскоре состоялся, а в 1227 году и сам Мстислав под напором бояр покинул своё княжество, отдав его венграм. Бояре нагло заявили старейшему князю: «Не можешь держать Галич, а бояре не хотят тебя», и тот безропко отправился в принаследжавший ему небольшой городок Торческ, на юг

Киевской земли. Вновь Галич оказался подчинённым Венгрии, и в течение трёх лет здесь правил сын короля.

Тем временем Даниил набирал силы. В конце 1220-х годов он получил владения своих родственников — двоюродного дяди Мстислава Ярославича Немого и его сына Ивана, княживших в Луцке.

В 1230 году Даниилу Романовичу удалось изгнать Эндре и занять столицу княжества. Это вызвало новую войну с Венгрией. В результате победоносного похода Эндре II в 1231 году был заключён мир, по условиям которого в Галиче вновь вокняжился венгерский принц. Второе правление Эндре продолжалось также три года. В 1234 году Даниил организовал поход на Галич, и королевич скончался во время осады от голода. Но и правление Даниила оказалось недолгим. В борьбу включились черниговский князь Михаил Всеволодович (убит в Орде в 1246 году), женатый на старшей сестре Даниила — Феофании (она родилась от первого брака Романа Мстиславича), и его старший сын, то есть родной племянник Даниила, Ростислав (ум. в 1264). Только в 1238 году, пользуясь тем, что Ростислав отправился в поход на Литву, Даниил окончательно закрепился в Галиче. По свидетельству летописи, горожане с радостью встретили своего законного правителя, чего нельзя сказать о боярах, которым тем не менее пришлось на время смириться. Тогда же Даниил отвоевал и Дрогичин, важный город на Западном Буге, который захватили с помощью князя Конрада Мазовецкого рыцари-тамплиеры. Казалось, единство Галицко-Воынской Руси возрождается.

Незадолго до Батыева разгрома Даниил занял и Киев, оставив там своего посадника Дмитра. Именно на него и легла вся тяжесть героической, но неудачной обороны города от монгольских полчищ. Взяв Киев, степняки двинулись дальше — на Волынь и Галичину, а Даниил, оставив свои земли, находился в Польше и Венгрии, тщетно ища помощи против завоевателей. Когда же кровавая волна схлынула, Даниил вернулся на родное пепелище. И вновь пришлось восстанавливать свою власть. Галицкие бояре опять подняли мятеж. Не успел Даниил подовать его, как вновь столкнулся с Ростиславом Михайловичем, претендовавшим на Галич. Ростислава поддерживала Венгрия, сам князь женился на дочери короля Белы IV Анне. Решающая битва произошла 17 августа 1245 года у галицкого города Ярослава. Даниилу и его брату Васильку противостояло войско Ростислава, подкреплённое венгерскими и польскими отрядами. Даниил применил испытанный приём: ослабив центр своих сил, он заманил противника в ловушку и разбил его, введя в бой резерв. Ростислав с остатками своего воинства убежал в Венгрию, где и остался до конца своих дней. Попавших в плен бояр Даниил приказал казнить. Больше власти галицкого князя ничто не угрожало, кроме... И могущественному галицкому правителю пришлось ехать на поклон к хану Батыю. «О злее зла честь татарская! Даниил Романович, князь великий, владетель Русской земли, Киева и Владимира (Воынского) и Галича, и иных стран, ныне сидит на коленях и холопом называется, и дани хотят, и жизни не чаёт, и грозы приходят. О злая честь татарская! Его же отец был царь в Русской земле, он

же покорил Половецкую землю и воевал во многих других странах, если сын не принял его чести, то кто иной может принять», — горестно восклицал летописец.

Даниил получил ярлык на свои владения, а вернувшись на Русь, попытался сплотить все силы для борьбы с Ордой. Дипломатические союзы скреплялись родственными: летом 1247 года князь женил сына Льва на дочери венгерского короля Белы IV (сын и наследник Эндре II) Констанции, в 1248 году выдал дочь Переяслава за сына мазовецкого князя Конрада — Земовита, в 1250-м другую дочь — за владимирского князя Андрея Ярославича, а в середине 1250-х годов сын Даниила Шварн женился на дочери литовского князя Миндовга. В то же время и сам Даниил заключил второй брак — с дочерью литовского князя Довспунга, старшего брата Миндовга, а брат Даниила Василько женился, также вторично, на дочери польского правителя Лешека V Белого Елене (ум. в 1264). В 1252 году ещё один сын Даниила — Роман женился на Гертруде из рода австрийских герцогов Бабенсбергов и ненадолго стал австрийским герцогом. Впрочем, вмешательство галицкого князя в борьбу за «австрийское наследство» окончилось неудачей.

Пытаясь создать мощный антиордынский блок, Даниил начал и переговоры с римским папой Иннокентием IV. Понтифик предлагал князю королевскую корону и военную помощь в обмен на распространение в его владениях католичества. Переговоры шли долго, и только в 1253 году к Даниилу прибыл папский легат Опицо с обнадеживающими известиями. 14 мая 1253 года Иннокентий издал буллу, призвав христиан восточноевропейских стран начать крестовый поход против Орды, однако реального значения эта декларация не имела. Осенью 1253 года в городе Дрогоичине состоялась коронация Даниила в качестве «короля Руси» регалиями, присланными Иннокентием IV. Но как папа не смог выполнить своего обещания о военной помощи, так и Даниил не отступил от православия, и через несколько лет его отношения с римской курией прекратились.

В то же время Орда нанесла ряд сильных ударов. В 1252 году Неврюева рать вынудила Андрея Ярославича покинуть пределы Руси. Одновременно на владения Даниила надвинулось войско ордынца Куремсы. «Русскому королю» удалось одолеть Куремсу, но со следующим нашествием, на этот раз Бурундая, он не совладал. В 1259 году Даниилу пришлось покориться Орде. Братья Романовичи разрушили созданные ими же укрепления галицких и волыньских крепостей. Надломленный Даниил переехал в Холм, где, почти отойдя от дел и пребывая в болезни, скончался в 1264 году. «Король Даниил был князем добрым, храбрым и мудрым, он же создал города многие, и церкви поставил, и украсил их различными красотами, очень любил своего брата Василька. Этот Даниил был вторым Соломоном» — так характеризует князя Ипатьевская летопись.

Василько Романович был князем белзским, а затем волыньским. Он умер в 1269 году. Его сын Владимир, княживший на Волыни, скончался на рубеже 1280—1290-х годов.

У Даниила было несколько сыновей. Старшего звали Иракий. Это странное для русского князя имя — производное от имени античного героя Геракла (Геркулеса) и популярно в Грузии. Может быть, тем самым Даниил пытался показать своё могущество? Вероятно, Иракий, так же как и Роман, умер ещё при жизни отца. После смерти Даниила остались сыновья Лев, Шварн и Мстислав. Владения Даниила распались. Лев, в честь которого был основан и назван город Львов, владел Галичем, Перемышлем, Дрогоичином. Мстислав получил Луцкую область, Шварн — Холм. Поскольку Холм являлся резиденцией Даниила, то, вероятно, Шварн считался непосредственным наследником отца. Некоторое время Шварн, которого связывали с литовским князем Войшелком родственные отношения (Войшелк доводился Шварну шурином), был и великим литовским князем. Он умер около 1269 года, после чего Холм перешёл под власть Льва. Лев и Мстислав Даниловичи скончались на рубеже XIII и XIV веков.

Наследником Льва стал его сын Юрий, который, как и дед, именовался королём Руси. Юрий княжил недолго, он умер в 1308 году, но успел создать в Галиче отдельную православную митрополию, подчинявшуюся Константинопольскому патриарху (киевский митрополит к тому времени уже переехал в Владимир-на-Клязьме). После смерти Юрия в Галичине и на Волыни княжили его сыновья Андрей и Лев. Андрей скончался в 1323 году, а Лев, возможно, ненадолго ранее.

Со смертью Андрея Юрьевича ветвь волыньских Рюриковичей пресеклась, и Галицко-Волыньская земля попала под контроль Польши и Литвы. Здесь княжили Болеслав-Юрий II, сын одного из польских князей Тройдена и дочери Юрия Львовича — Марии, а также сын литовского князя Гедимина — Любарт, женившийся на внучке Юрия Львовича.

Князья Острожские и Заславские. От галицко-волыньских князей пошло несколько княжеских родов. Брат Даниила Галицкого Василько Романович оставил двух сыновей. Фёдор Василькович, владевший городом Острогом, — родоначальник князей Острожских. А Юрий Василькович, князь заславский, основал род князей Заславских. Представители обеих фамилий пользовались высоким статусом в Великом княжестве Литовском. Оба рода угасли. Из князей Острожских особенно известны Константин (ок. 1460—1530), великий гетман литовский, видный полководец, руководивший литовскими войсками в битве под Оршей в 1514 году во время войны с Россией; и Константин Константинович (1526—1608), несмотря ни на что сохранявший верность православию.

Киевский воевода Константин Константинович являлся одним из богатейших магнатов Речи Посполитой. Он прославился как просветитель. Основал школы в Турове и Владимире-Волыньском, но наиболее яркой страницей его биографии можно считать создание типографии в Остроге, в которой по приглашению князя работал знаменитый первопечатник Иван Фёдоров.

Князья Друцкие и Путятины. Князь Михаил Романович Друцкий (владел городом Друцком на Волыни), конкретное происхождение ко-

тогого остаётся неясным (или внук Даниила Галицкого, или внук его двоюродного брата Александра Всеволодовича, князя белзского и владими́ро-во́лынского), стал родоначальником князей Друцких, Бабичевых, Путятинных, Друцких-Соколинских, Конопля-Соколинских, Друцких-Подберезжских (Подберезских), Друцких-Горских, Бакриновских, Друцких-Прихабских, Друцких-Озерецких и Друцких-Любецких. В настоящее время продолжают роды князей Друцких-Соколинских, Друцких-Любецких, Путятинных.

Некоторые из этих фамилий перешли на службу в Москву (как в начале XVI века Друцкие), другие так и остались в Речи Посполитой (как Друцкие-Любецкие), отдельные ветви третьих — служили как в Польше, так и в России (Друцкие-Соколинские).

Из князей Друцких можно назвать князя Даниила Андреевича (ум. в 1752). В 1730 году он подписался под петицией дворянства, просившей Анну Иоанновну восстановить самодержавие, служил в армии, потом в гражданской сфере, достиг чина действительного статского советника, был вице-губернатором в Белгороде, а с 1742 года — губернатором Нижнего Новгорода.

Князья Бабичевы в XVI—XVII веках служили воеводами московских государей. Из оставшихся в Речи Посполитой потомков этого рода князь Фома Иванович Баби́ч в 1586 году принял участие в организации Львовского православного братства, образованного для защиты православной веры от униатов и католиков на землях Западной Украины.

Князь Дмитрий Григорьевич Баби́чев (1757—1790), сын депутата Уложенной комиссии князя Григория Ивановича Баби́чева, в 1789 году занимал должность прокурора Симбирской верхней расправы, с 1788 года состоял членом Вольного экономического общества, занимался усовершенствованиями в области сельского хозяйства, за что получил от общества серебряную медаль. Оставил прозаический перевод одной французской комедии.

Князь Авраам Артемьевич Пу́тятин (ум. в 1769), сенатор (1768), тайный советник, с 1764 года являлся губернатором Оренбурга, много сделав на этом посту для благоустройства вверенного ему края.

Фамилии Бабичевых и Пу́тятинных происходят от прозвищ их родоначальников — братьев князей Друцких: Ивана Семёновича-старшего Бабы и Ивана Семёновича-младшего Пу́таты. Дворянский род Пу́тятинных (впоследствии графы), к которому принадлежал адмирал Евфимий Васильевич Пу́тятин (1804—1883), руководивший экспедицией фрегата «Паллада», по всей видимости, к князьям Пу́тятинным родственного отношения не имеет.

Князь Сергей Михайлович Пу́тятин (1893—1968), сын генерал-майора и начальника Царскосельского дворцового управления князя Михаила Сергеевича, в 1917 году обвенчался с великой княгиней Марией Павловной-младшей (1890—1958), дочерью великого князя Павла Александровича, внучкой Александра II и двоюродной сестрой Николая II. После революции им удалось эмигрировать за рубеж. В 1923 году этот брак распался.

Фамилия Друцких-Соколинских происходит от названия их владения — имения Сокольни в Витебском крае, а Друцких-Любецких — от названия имения Любича в Луцком повете (уезде). Один из князей Друцких-Соколинских — Илья Андреевич (1693—) женился на дочери полковника Анне Андреевне Гурко-Ромейко. Потомки от этого брака по указу Петра I (1714) стали с 1768 года именоваться князьями Друцкими-Соколинскими-Гурко-Ромейко. Этот род угас в конце XIX века.

Княжна Прасковья Александровна Друцкая-Соколинская, жена поручика Евстигнея Андреевича Апухтина — прабабушка замечательного поэта-лирика Алексея Николаевича Апухтина (1840—1893).

Княжна Анна Даниловна Друцкая-Соколинская в первом браке была за офицером Матвеем Херасковым (потомок знатного валашского рода бояр Хераско), а во втором — за генерал-фельдмаршалом князем Никитой Юрьевичем Трубецким (1700—1768).

Её сын от первого брака Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) воспитывался в семье отчима, учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, откуда был выпущен подпоручиком в пехотный полк. В 1755 году перешёл на статскую службу и зачислен в Коммерц-коллегию, но через несколько месяцев уехал в Москву. Здесь Херасков приступил к обязанностям асессора в недавно открытом университете. Михаил Матвеевич ведал университетской библиотекой, типографией, минералогическим кабинетом и театром, организовал издание при университете журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы». В 1763—1770 годах был директором Московского университета. При нём, в частности, начался перевод преподавания с немецкого и латинского на русский язык. Херасков стремился привнести в университет дух высокой культуры, рекомендовал профессорам воздерживаться от наказаний студентов. После недолгого перерыва, во время которого Михаил Матвеевич служил вице-президентом Берг-коллегии в Петербурге, он в чине действительного статского советника вернулся в родные стены, вступив в 1778 году в должность куратора Московского университета. По его инициативе при университете был учреждён Благородный пансион для дворянских детей. Салон Хераскова пользовался большой популярностью у талантливой московской молодёжи. В 1802 году Херасков вышел в отставку в чине действительного тайного советника.

Михаил Матвеевич Херасков — один из крупнейших русских поэтов рубежа XVIII—XIX веков. «Человек острый, учёный и просвещённый... Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и твёрд, изображение сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня, сатирические сочинения — остроты и приятных замыслов... и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу», — писал просветитель Н. И. Новиков. Херасков работал в разных жанрах. Он — автор од и лирических стихотворений, пьес и романов, вершинами его творчества можно считать героическую поэму «Чесмесский бой» и эпическую поэму «Россияда», посвящённую событиям эпохи Петра

И. Его называли «русским Гомером». Входил Херасков и в круг видных масонов своего времени. Вместе с великим композитором Д. С. Бортнянским он в 1790-х годах создал гимн «Коль славен наш Господь в Сионе...», «песнь ангелов», ставшую национальным духовным гимном России. Слова этого великого произведения вряд ли могут оставить кого-либо равнодушным:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик он в небесах на троне,
В былинках на земли велик.
Везде, Господь, везде Ты славен,
Во дни, в ноши сияньем равен.

Тебя Твой агнец златорунный
В себе изображает нам;
Псалтырю мы десятиструнной
Тебе приносим фимиам.
Прими от нас благодаренье,
Как благовонное куренье.

Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас как чад,
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град.
Ты грешных, Боже, посещаешь
И плотию Твоей питаешь.

О Боже, во твое селенье
Да внидут наши голоса,
И взыдет наше умиление
К тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебе, Господь, поём и славим!

«Коль славен...» обрёл громадную популярность в дореволюционной России.

Княжна Ольга Дмитриевна Друцкая-Соколинская (1870–1957), последняя из старшей ветви рода, была женой тайного советника, егермейстера, сенатора Николая Александровича Добровольского (1853–1918), последнего министра юстиции царского правительства (с декабря 1916). В октябре 1918 года он как заложник погиб вместе с генералами Рузским, Радко Дмитриевым и другими, зарученный большевиками в Пятигорске. Сыну Николая Александровича и Ольги Дмитриевны — Николаю Николаевичу Добровольскому (1901–?) великий князь Кирилл Владимирович, в эмиграции провозгласивший себя императором, в 1937 году разрешил с нисходящим потомством именоваться князем Друцким-Соколинским-Добровольским. Его потомки живут в Австралии. Сестра Николая Николаевича — Ольга в третьем браке была замужем за Николаем Эммануиловичем Вуичем (1897–1976), многолетним начальником Походной канцелярии великого князя Владимира Кирилловича (в 1976 году пожалованного ему титул графа).

Князь Францишек (Франц) Ксаверий (Ксаверий Францевич) Друцкой-Любецкий (1778–1846), участник Итальянского похода Суворова, а с января 1812 года гродненский губернский предводитель дворянства, после присоединения Польши к России занял пост управляющего Министерством внутренних дел, а с 1821 года — министра финансов Царства Польского. Видный финансист, он смог свести бездефицитный бюджет, наладив в Польше нормальную финансовую жизнь. По его инициативе в 1825 году начало действовать Товарищество земского кредита, сыгравшее большую роль в создании Польского банка. В России князь имел чин действительного тайного советника (с 1835) и звание члена Государственного Совета (с 1832). Его внук Александр Александрович в 1887 году вернул во владение Друцких-Любецких фабрику в Цмелёве Радомской губернии Царства Польского, которая до революции славилась своим первоклассным фарфором и фаянсом.

Двоюродный брат Александра Александровича — князь Иероним Эдвинович (1861–?), выпускник юридического факультета Петербургского университета, председатель правления Минского коммерческого банка, состоял депутатом I Государственной думы.

Князья смоленские

У сына Мстислава Великого, Ростислава Мстиславича, княжившего в Смоленске, а потом и в Киеве, было несколько сыновей, из которых следует отметить: Романа (Бориса) (ум. в 1180), князя смоленского и некоторое время киевского и новгородского; Рюрика (Василия) (ум. в 1212), боровшегося за киевский стол с Всеволодом Чермным; Давыда (Глеба) (ум. в апреле 1197), князя смоленского, и Мстислава (Фёдора) Храброго (ум. 14.06. 1180), князя белгородского, смоленского и новгородского.

О Рюрике, семь раз становившимся киевским князем, уже говорилось. Его брат Давыд сменил несколько княжений, пока в 1180 году не обосновался в Смоленске, где правил вплоть до смерти. Он, как и другие князья того времени, много воевал, в том числе помогая своему брату, но иногда проявлял осторожность. Воинские доблести Рюрика и Давыда отражены в «Слове о полку Игореве», автор которого так обращается к братьям:

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли войны золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина рыкает как туры,
раненные саблями калеными на поле незнаемом?
Вступите же, господа, в золотые стремени за обиду сего времени,
За землю Рускую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Имеется ли здесь в виду битва с половцами на реке Орели в 1183 году, в которой участвовали и Рюрик, и Давыд, или же события 1176 года, когда оба князя по вине Давыда не согласовали свои действия и потерпели от половцев поражение, сказать сложно. В конце жизни Давыд принял иноческий постриг и скончался в мо-

настыре на реке Смядыне, там, где когда-то был убит сын святого Владимира — князь Глеб. Ипатьевская летопись даёт Давыду восторженную характеристику.

Одним из сыновей Мстислава Храброго был Мстислав (Фёдор) Удатный (то есть Удачливый, зачастую неверно называемый Удалым) (ум. в 1228), в разное время княживший в Треполе, Торческе, Новгороде, Галиче, Торопце. В 1216 году Мстислав с новгородцами участвовал в Липицкой битве, сражаясь на стороне старшего сына Всеволода Большое Гнездо — Константина (о самой битве речь впереди). Перед битвой князь и его брат Владимир обратились к своим ратникам: «Забудем, братья, дома, и жён, и детей, а кто как хочет, так и умрёт — кто хочет пешим, кто хочет на коне». Новгородцы спешили и бросились в бой, окончившийся для Константина и Мстислава полной победой. С 1219 по 1227 год Мстислав правил в Галиче, откуда ушёл в Торческ, уступив город по требованию бояр венгерскому принцу Эндре. Женат Мстислав был на дочери половецкого хана Котяна. Именно к нему обратился Котян за помощью при нашествии монголов в 1223 году, именно он принял активное участие в битве на Калке и спасся, бросив, на произвол судьбы свои войска. Чего нельзя сказать о его двоюродном брате Мстиславе (Борисе) Романовиче Старом, князе киевском, задавленном под досками, на которых пировали монголы после битвы.

Одна из дочерей Мстислава Удатного — Ростислава была матерью Александра Невского, другая — Анна была женой Даниила Романовича галицкого. Внучка Мстислава Храброго от другого сына (Владимира) вышла замуж за немецкого рыцаря Теодорикса, брата основателя Риги, знаменитого архиепископа Ливонии Альберта фон Буксгевдена, возглавившего крестовый поход в Прибалтику. Потомки Теодорикса и русской княжны жили в России, это была русская ветвь рода Буксгевден. Один из них — Фёдор Фёдорович Буксгевден (1750—1811) был видным военачальником, участвовал в Аустерлицком сражении, был главнокомандующим русской армией в войне со Швецией 1808—1809 годов. Он был женат на дочери Екатерины II и Станислава Понятовского — Наталье Александровне Алексеевой (1758—1808).

Князья Вяземские. Потомками Рюрика Ростиславича традиционно считаются князья Вяземские (хотя существует и другая версия об их происхождении). Фамилия Вяземских происходит от названия города Вязьма, относившегося к Смоленской земле. Родоначальник Вяземских — князь Андрей Владимирович Долгая Рука сражался среди других русских князей в битве с монголами на реке Калке. Он попал в плен и задохнулся под досками, на которых монголы устроили пир победителей.

В начале XV века в городе Торжке погиб вместе со своей женой князь Семён Мстиславич Вяземский. Дело в том, что изгнанный из Смоленска последний князь Рюрикович Юрий Святославич влюбился в жену сопровождавшего его Семёна — красавицу Юлианию. Она отвергла его домогательства, и тогда Юрий в бешенстве убил Вяземского. Юлиания решила отомстить за мужа и даже ранила Юрия ножом в руку, но тот погнался за ней с мечом и прямо во дворе изрубил

её в куски. Княгиня, отдавшая жизнь за супружескую верность, почтается в лике русских святых.

Впоследствии род князей Вяземских дал России нескольких известных деятелей. Князь Александр Алексеевич (1727—1793), действительный тайный советник, в течение почти 30 лет (1764—1792) при Екатерине II занимал должность генерал-прокурора Сената. На этом посту он усовершенствовал финансовое управление, добился строгой отчётности в этой области, именно ему Россия обязана началом выпуска ассигнаций. При дворе императрицы он пользовался очень большим влиянием на многие государственные дела.

Государственную и литературную деятельность удачно сочетал князь Пётр Андреевич Вяземский (1792—1878). Совсем молодым человеком он в составе ополчения участвовал в Бородинском сражении. Выдвинулся на литературном поприще, оставил немало прекрасных стихотворений, состоял членом общества «Арзамас», сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Современник». Пётр Андреевич долгие годы был одним из ближайших друзей Пушкина («любезный Вяземский, поэт и камергер»). Первоначально он придерживался оппозиционных взглядов, поддерживал дружеские связи с декабристами, хотя в Северное общество вступить отказался. После разгрома движения сохранил бумаги И. И. Пущина и один из вариантов «Конституции» Никиты Муравьёва. С 1830 года князь находился на государственной службе — сначала по ведомству Министерства финансов, позднее — в Министерстве народного просвещения и в Главном управлении цензуры. Взгляды Вяземского изменились, на смену максимализму молодости пришел здравый смысл умудрённого жизнью человека. Он во многом не соглашался с политикой правящих кругов, но в то же время ему претил революционный задор отечественных ниспровергателей.

На службе государству он достиг немалых высот: сенатор, член Государственного Совета, обер-шенк двора (второй чин придворной табели о рангах). Высокую оценку получило и его литературное творчество: в 1839 году Вяземского избрали действительным членом Российской академии, а в 1841-м он вошёл в состав Императорской академии наук. Поэтическому призванию Пётр Андреевич не изменил до конца своей жизни, кроме того, был известен как публицист, написал несколько ценных мемуарных очерков и историко-литературных трудов, в том числе монографию о Д. И. Фонвизине. Князь был близок и к исторической науке — в 1866 году выступил одним из основателей Русского исторического общества. Увлечению историей способствовали и родственные связи. На его сестре — Екатерине Андреевне Колывановой (1780—1851) (внебрачная дочь князя Андрея Ивановича Вяземского (1750—1807) вторым браком был женат Николай Михайлович Карамзин (1766—1826), оказывавший покровительство своему молодому родственнику.

Сам Пётр Андреевич был женат на княжне Вере Фёдоровне Гагиной (1790—1886), из стародубской ветви Рюриковичей (троюродная сестра декабристского «диктатора» князя Сергея Петровича Трубецкого). Во многом благодаря ей возникла удивительная атмосфера на

«Русском Парнасе» — в подмосковном имении Вяземских Остафьево, где собирались выдающиеся деятели русской культуры. Сыну Вяземских — Павлу (1820—1888), когда тот ещё был ребёнком, Пушкин посвятил шутовское стихотворение:

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

«Прекрасный» адресат Пушкина вырос достойным сыном своего отца. В служебной деятельности ему сопутствовал успех — сначала по Министерству иностранных дел, затем на ниве просвещения (помощник попечителя Петербургского и попечитель Казанского учебных округов, в 1881—1883 годах начальник Главного управления по делам печати), с 1883 года Павел Вяземский — сенатор, хотя, по отзыву современника, «явления окружающей жизни мало останавливали на себе его внимание...» Ближе ему была, вероятно, иная стезя. Павел Петрович серьёзно увлёкся историей, опубликовал несколько работ о «Слове о полку Игореве», выступил с инициативой создания Общества любителей древней письменности, главной задачей которого считал издание исторических памятников. Живой интерес к прошлому вылился в коллекционирование предметов старины. В своём Остафьево Вяземский создал настоящий музей, собрал огромную библиотеку в 32 тысячи томов. Богатейший архив отца позволил ему выпустить в свет новые материалы о Пушкине. К слову сказать, Вяземский был знаком и с другим великим русским поэтом — М. Ю. Лермонтовым. Как утверждал князь, именно по его просьбе Лермонтов перевёл на русский язык стихотворение Гейне «Сосна и пальма», ставшее одним из шедевров уже русской поэзии.

И тут опять мы сталкиваемся с родственными связями. Жена Павла Петровича — Мария Аркадьевна (1819—1889) принадлежала к роду Столыпиных. Бабушка Лермонтова по матери — Елизавета Алексеевна Столыпина, в замужестве Арсеньева, приходилась Марии Аркадьевне родной тёткой. Знаменитый же премьер-министр Пётр Аркадьевич Столыпин доводился Лермонтову троюродным братом, а Марии Аркадьевне — соответственно двоюродным племянником.

Сестра Павла Петровича — княжна Мария Петровна Вяземская (1813—1849) в 1836 году вышла замуж за Петра Александровича Валуева (1815—1890). Граф (с 1880) Пётр Александрович Валуев — действительный тайный советник, министр внутренних дел (1861—1868), государственных имуществ (1872—1879), председатель Комитета министров (1879—1881).

Дочери Павла Петровича и Марии Аркадьевны связали родственными узами с семьёй князей Вяземских ещё двух видных деятелей. Екатерина (1849—1929) в 1868 году вышла замуж за графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918). Потомок известного рода, внук графа Николая Петровича Шереметева (1751—1809) и актрисы Прас-

ковья Жемчуговой (1768—1803), Шереметев занимал различные должности на государственной и дворянской службе: в 1883—1894 годах являлся начальником Придворной певческой капеллы, в 1885—1890-м — предводителем дворянства Московской губернии, с 1900 года состоял членом Государственного Совета, с 1904-го — обер-егермейстером Императорского Двора. Но яркий след он оставил не в придворной жизни или административной деятельности. Его привлекала родная старина, и изучение истории выдвинуло графа в ряд признанных специалистов в этой области. Сергей Дмитриевич возглавлял Археологическую комиссию Министерства народного просвещения (издавала исторические источники), Общество любителей древней письменности, основанное его тестем, Комитет попечительства о русской иконописи. Граф Шереметев принял культурную «эстафету» Вяземских и открыл в Остафьево музей.

А другая дочь Павла Петровича, Александра — жена действительного статского советника, егермейстера Дмитрия Сергеевича Сипягина (1853—1902). В 1899 году он сменил И. Л. Горемыкина на посту министра внутренних дел. Но его пребывание в этой должности оказалось коротким. В апреле 1902 года член Боевой организации эсеровской партии Степан Балмашёв выстрелами из револьвера смертельно ранил министра прямо в Мариинском дворце. Этот случай, наряду с убийством министра просвещения Н. П. Боголепова, открыл в России печальную статистику жертв возрождённого эсерами революционного террора, прерванную лишь энергичными действиями Столыпина.

Одну из младших ветвей рода Вяземских «прославил» своими нелицеприятными делами князь Афанасий Иванович. При дворе Ивана Грозного он занял одно из первых мест, пользовался неограниченным доверием царя и, конечно, стал одним из главных опричников. А когда царь организовал в Александровской слободе своеобразный опричный «монастырь», где сам Грозный считался «игуменом», Вяземский получил должность «келаря» — второго после игумена лица. О доверии к Вяземскому свидетельствует и то, что только из его рук принимал Иван Грозный лекарства, опасаясь, что другие могут его отравить. Но близость к трону в конце концов обернулась иной стороной. После опричного разгрома Новгорода царь расправился с некоторыми видными соратниками, попал в их число и Вяземский. На князя донёс один из его подчинённых. Якобы «келарь» предупредил новгородцев о приходе озверевшей «братии». Вяземского схватили, а потом забили насмерть палками.

Но вернёмся к «истокам» смоленской династии. Потомки Давыда Ростиславича правили в Смоленске до начала XV века. Среди смоленских князей можно назвать Мстислава (Фёдора) Давыдовича (ум. в 1230), заключившего договор с Ригой в 1229 году; его сына Ростислава Мстиславича, в 1239 году ненадолго захватившего стольный Киев и изгнанного оттуда Даниилом Романовичем галицким; представителей следующих поколений — Глеба Ростиславича (ум. в 1277), в кня-

жение которого над Смоленским княжеством установился ордынский контроль, Александра Глебовича (ум. в 1313), Ивана Александровича (княжил в 1313—1359 годы), Святослава Ивановича, павшего в битве с литовцами в 1386 году.

Его сына Глеба Святославича великий литовский князь Витовт в 1395 году изгнал из Смоленска, посадив в городе своего заместителя. Глеб Святославич погиб в августе 1399 года в битве с татарами на реке Ворскле, где сражался на стороне Витовта. Поражением литовского правителя воспользовался брат Глеба — Юрий Святославич, который в 1401 году возвратил Смоленск во владения своего рода. Но ненадолго. Хотя Юрий и пытался всячески сохранить независимость своих земель — его сестра Анна была женой Витовта, а дочь Анастасия вышла за сына Дмитрия Донского — Юрия звенигородского, родственные связи не спасли его княжество от завоевания. В 1404 году Витовт изгнал Юрия из Смоленска и занял город. Юрию Святославичу пришлось бежать в Москву, а затем в Торжок. Там он убил князя и княгиню Вяземских, а затем, терзаемый раскаянием, отправился в Орду, где и скончался, скитаясь по степи.

Сын Юрия Фёдор поначалу обосновался в Новгороде, но под напором Витовта уехал за рубеж. В 1413 году он появился на Констанцском соборе (проходил в южнонемецком городе Констанце), принявшем ряд важных для католической церкви решений. Самое известное из них — осуждение и казнь Яна Гуса.

Род смоленских Рюриковичей — потомков Давыда Ростиславича — сильно разросся. От него произошли многие княжеские и дворянские роды: князья Жижемские, Коркодиновы, Дашковы, Порховские, Кропоткины, Селеховские, Соломерецкие, дворяне Татищевы, Всеволожские, Заболоцкие, Губастовы, Шукаловские, Рожественские, Кисловские, Дмитриевы, Дмитриевы-Мамоновы, Даниловы, Внуковы, Резановы, Монастырёвы, Судаковы, Аладыны (Оладыны), Цыплетевы (Цыплятевы), Мусоргские, Полевы, Еропкины, Травины, Бокеевы, Карповы, Карповы-Долматовы, князья Козловские, дворяне Ржевские и Толбузины. Далеко не все из них оставили заметный след в русской истории, многие роды угасли ещё в допетровский период. Отметим лишь наиболее выдающихся потомков смоленских князей.

Князья Кропоткины. Князья Кропоткины известны в основном своим наиболее ярким представителем — знаменитым революционером и анархистом князем Петром Алексеевичем Кропоткиным (1842—1921). Судьба готовила ему блестящее будущее. Выпускник привилегированного Пажеского корпуса в Петербурге (окончил корпус с занесением имени на мраморную доску), камер-паж Александра II, он при производстве в офицеры просил определить его в Амурское казачье войско. В Сибири молодой князь служил сначала адъютантом военного губернатора Забайкальской области, а затем чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Здесь, в далёком и малоизученном крае Пётр Алексеевич смог практически применить свои обширные и глубокие познания. Он организовал несколько экспедиций по Северной Маньчжурии и Саянам, открыл прямой путь из Олёкминских золотых приисков в Забайкалье,

выдвинул новые идеи об орографии и геологии Сибири. Русское Географическое общество, в ряды которого князь вошёл в 1868 году, отметило его сибирские исследования золотой медалью. В 1867 году Кропоткин вышел в отставку и приехал в Петербург, где учился на физико-математическом факультете Петербургского университета и одновременно трудился в Статистическом комитете Министерства внутренних дел. В Русском Географическом обществе он стал секретарём Отделения физической географии и не прекращал интенсивных научных занятий. Их итог — несколько крупных работ, опубликованных в «Записках» общества. Пётр Алексеевич предлагает всё новые и новые идеи, которые затем полностью подтверждаются. В частности, он предсказал существование Земли Франца-Иосифа и разработал оригинальную теорию материкового оледенения в четвертичный период, чему способствовало его участие в экспедиции, работавшей в Швеции и Финляндии. Проницательный ум, высочайшая эрудиция и разносторонность интересов обеспечили исследованиям Петра Алексеевича важное место в российской науке, прежде всего в географии, геологии и статистике. Князя Кропоткина по праву можно признать одним из выдающихся русских учёных, но с начала 1870-х годов в его судьбе произошёл крутой поворот.

Вместо служения своей Родине на научном поприще Кропоткин выбрал деятельность во имя химерических идей. Он решил посвятить себя революционной борьбе, чтобы в конечном итоге осуществить переустройство общества на справедливых, как ему казалось, началах. Побывав в Швейцарии и вступив в I Интернационал, князь-революционер сделался последователем анархизма, а затем и одним из идеологов этого направления общественной мысли. Но не только теория привлекала его. От слов Кропоткин перешёл к делу: в Петербурге примкнул к революционному кружку «чайковцев», вёл революционную пропаганду среди рабочих, пока в 1874 году не был арестован. После двухлетнего заключения в Петропавловской крепости ему удалось бежать из Николаевского военного госпиталя, куда его перевели из-за болезни. Князь перебрался за границу, где обосновался в Лондоне и сразу же включился в деятельность европейских анархистов. Среди последователей этого течения Кропоткин пользовался огромным авторитетом, после смерти Бакунина он, по сути, стал главой русского анархизма и разработал собственную социальную теорию — анархокоммунизм. Вернулся на Родину он лишь в мае 1917 года.

После Октябрьской революции Кропоткин жил в Дмитрове и почти отошёл от революционной деятельности. Несколько раз он протестовал против политики «красного террора», но сам, к счастью, его жертвой не стал. «Апостол» анархизма мог вочую наблюдать гибель того старого мира, против которого он в своё время боролся. Похороны князя-революционера вылились в настоящую демонстрацию. Дело в том, что в тот день из московских тюрем были выпущены под честное слово вернуться заключённые в них Советской властью анархисты. Гроб с телом Кропоткина выставили для прощания в Колонном зале Дома Союзов (бывшем здании московского Дворянского собрания) — и это стало началом многолетней советской традиции.

Если Пётр Алексеевич Кропоткин активно участвовал в революционном движении, то его дальний родственник Дмитрий Николаевич (1836—1879) пал одной из его первых жертв. Он служил в лейб-гвардии Конном полку, на военной службе достиг чина генерал-лейтенанта, а в 1870 году был назначен харьковским генерал-губернатором. На этом посту он проявил немалое рвение в ликвидации студенческих волнений, за что и был застрелен народником Г. Д. Гольденбергом.

Большой вклад в геологическую науку внёс и ещё один князь Кропоткин — внучатый племянник Петра Алексеевича князь Пётр Николаевич (1910—1996), работавший в Геологическом институте Академии наук. Труды учёного посвящены вопросам тектоногеографии. Пётр Николаевич является одним из создателей современной теории мобилизма литосферных плит. Он одним из первых оценил возможности использования палеомагнитных данных для построения глобальных палеогеографических реконструкций, на примере различных регионов мира показал перемещение крупных блоков земной коры на многие тысячи километров. В 1992 году Пётр Николаевич Кропоткин был избран академиком Российской академии наук. Его сын — Алексей Петрович, доктор физико-математических наук, специалист в области ядерной физики. А в Институте археологии РАН работает Андрей Владиславович Кропоткин, область научных интересов которого связана с изучением черняховской культуры (его отец Владислав Всеволодович (1922—1993), доктор исторических наук, также был крупным археологом). Так научная стезя стала доброй традицией в роду князей Кропоткиных.

Дворяне и графы Татищевы. Не менее знамениты в научном мире имена представителей дворянского рода Татищевых — тоже ветви смоленских Рюриковичей. Фамилия Татищевых, по легенде, происходит от прозвища их родоначальника «Тать-ищ». Якобы первый из Татищевых Василий Юрьевич, служивший Ивану III, особенно прославился своим умением раскрывать всевозможные преступления, почему и носил такое странное прозвище («ищет татей», то есть воров, а ворами на Руси называли не просто грабителей, а любых государственных злоумышленников и бунтовщиков). Конечно, поверить в эту этимологию сложно. Вероятнее другое, слово «татище» означало просто «ворюга» (В. Б. Кобрин).

Фамилию Татищев обессмертил Василий Никитич Татищев (1686—1750), тайный советник, крупный государственный деятель и администратор, оставшийся в истории тем не менее как один из первых русских учёных-историков. Биография Василия Никитича насыщена и динамична: удивляешься, в сколь разных областях он успел оставить свой след — яркий и оригинальный. Один из «птенцов гнезда Петрова», Татищев побывал и на полях сражений Северной войны, и на уральских горных заводах, ездил в Германию и Швецию, выполнял дипломатические поручения и размышлял над вопросами науки. По разнообразию интересов и занятий его можно сравнить разве что с Ломоносовым, хотя талант Василия Никитича был неизмеримо скромнее.

В 1719 году Пётр I поручил Татищеву составление российской географии. К тому времени Василий Никитич уже имел за плечами и артиллерийское училище, и составленную им «Практическую планиметрию» для межевания земель, стажировался он и в Германии, так что его обширные знания и практические навыки как нельзя лучше соответствовали выбору царя. Татищев подготовил записку о землемерии, межевании и составлении ландкарт, но чем дальше углублялся в географию, тем отчётливее понимал, что ею нельзя заниматься без знания истории. Историю и географию он видел двумя взаимосвязанными науками — одна без другой полноценно существовать не может. И поэтому в течение следующих 20 лет он собирает материал и осуществляет свой грандиозный замысел — написать полную и фундированную историю своего Отечества.

А пока поручения следуют одно за другим. В 1720—1723 годах Татищев на Урале, руководит горными заводами только-только набравшего промышленную мощь региона. В 1724—1726-м он в Швеции, где следит за обучением русских юношей горному делу. С 1726 года работает в Монетной конторе. Новый взлёт произошёл в 1730 году, когда Татищев выдвинулся в первые ряды дворян — «шляхетства», выступивших против попыток членов Верховного Тайного Совета, навязавших императрице Анне Иоанновне кондиции, ограничить самодержавие. Во многом опираясь на поддержку таких людей, как Татищев, царица восстановила самодержавие, уничтожив связывавший её по рукам документ. Вскоре Татищев вновь на Урале, опять руководит Екатеринбургскими горными заводами, затем возглавляет Оренбургскую экспедицию.

Активность Татищева, его независимость, властный характер не позволяли ему мирно уживаться с другими администраторами. Возник конфликт с Шембергом, ставленником Бирона, волею судьбы вставшим во главе всего горного дела в России. Татищев отдал под суд, и только при Елизавете Петровне он вернулся к «нормальной» жизни. Но ещё в 1739 году он представил в Петербургскую академию наук первоначальный текст своей «Истории». С 1741 по 1745 год Татищев — губернатор в Астрахани. Последние пять лет жизни Василий Никитич провёл в своём имении, всецело отдавшись научным занятиям. Бессмертный памятник Татищеву — его много томная «История Российская с самых древнейших времён». Он не просто был летописцем, бесстрастно фиксирующим события далёкого прошлого, он был первым учёным-историком, критически работавшим с источниками, выстраивавшим собственную историографическую концепцию. Она вступила в противоречие с тогдашними официальными взглядами, а потому труд Татищева начали печатать только в 1768 году по инициативе Герарда Миллера. «История» Татищева — первая в ряду фундаментальных исторических описаний России. Именно ему мы обязаны введению в научный оборот и таких важных исторических памятников, как «Русская Правда» и Судебник Ивана IV 1550 года.

В XIX веке среди Татищевых появился ещё один историк. Сергей Спиридонович (1846—1906) окончил Александровский лицей и Сор-

бонну, находился на дипломатическом поприще, добровольцем участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, а государственную службу сочетал с историческими исследованиями. Его перу принадлежат превосходные с точки зрения исторической науки труды по истории русской дипломатии и внешней политики, двухтомник о царствовании Александра II («Император Александр II. Его жизнь и царствование») и генеалогический компендиум «Род Татишевых, 1400–1900», в котором рассматривается история этой ветви Рюриковичей на протяжении 500-летнего её существования.

Дипломатической работе 40 лет своей жизни посвятил обер-камергер Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845). Побывав послом в Неаполе, Мадриде, Гааге, около 20 лет он находился в качестве русского посланника при венском дворе. Известен как один из крупнейших русских коллекционеров, особенно примечательными были его собрания гемм и испанской живописи. Некоторые вещи из его сокровищ поступили потом в Эрмитаж. За свою деятельность в области изящных искусств Дмитрий Павлович удостоился избрания почётным членом Императорской Академии художеств.

На военной службе выдвинулся Александр Иванович Татищев (1763–1833). Он принял боевое крещение ещё в русско-турецкой войне при Екатерине II: в 1788 году секунд-майором участвовал во взятии Очакова. С 1808 года являлся генерал-кригс-комиссаром, то есть ведал всем военным снабжением русской армии, и в кампанию 1812 года докладывал Александру I об обмундировании и снаряжении войск. Генерал от инфантерии и сенатор (с 1823), в 1824 году он назначен военным министром и в этой должности оставался вплоть до своей отставки в 1827 году. Но гораздо более известен он как председатель Следственной комиссии по делу декабристов. Историки этого общественного движения сказали немало язвительных слов в его адрес. Как бы то ни было, старания Александра Ивановича увенчались успехом — в 1826 году, в день коронации Николая I, ему было пожаловано графское достоинство Российской Империи.

Надо сказать, что это не первый из Татишевых, кто удостоился такой чести. Ещё в 1801 году, в день коронации Александра I, графский титул получил генерал от инфантерии Николай Алексеевич Татищев (1739–1823), который в течение 20 лет командовал лейб-гвардии Преображенским полком — старейшим гвардейским полком России.

Столь же безупречно служил монархии и граф Илья Леонидович Татищев (1859–1918). Генерал-адъютант Свиты императора Николая II, генерал-лейтенант, он числился по гвардейской кавалерии. Когда для царской семьи настали тяжёлые дни, Илья Леонидович добровольно отправился в ссылку вместе с нею в Тобольск, а затем и в Екатеринбург («Раз государь желает этого, мой долг исполнить волю моего государя!»). В Екатеринбурге его вместе с князем В. А. Долгоруковым сразу же арестовали, а 10 июня расстреляли. Русская Православная Церковь Заграницей в 1981 году причислила графа Татищева к лику святых мучеников.

От брака Аграфены Фёдоровны Татищевой (1811–1877) с действительным тайным советником Александром Андреевичем Половцовым

(1805–1892) родился Александр Александрович Половцов (1832–1909) — государственный секретарь (1883–1892), почётный член Императорской академии наук (1884), председатель Императорского Русского исторического общества (с 1879), под редакцией которого увидели свет 13 томов уникального «Русского биографического словаря» (изданы на его собственные средства) и многочисленные тома «Сборника Императорского Русского исторического общества», незаменные издания для всех занимающихся русской историей. Сам Половцов был женат на воспитаннице барона А. Л. Штигица Надежде Михайловне Июневой (1843–1908), внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича (брат Александра I и Николая I). От этого брака родилось несколько детей, в том числе Надежда (1865–1920), жена графа Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), историка и археолога, впоследствии депутата III Государственной думы и министра земледелия, и сын Александр (1867–1944), первым браком женатый на графине Софье Владимировне Паниной (1871–1957), активной деятельнице кадетской партии (член ЦК и товарищ министра народного просвещения в последнем составе Временного правительства), падчерице председателя партии кадетов И. И. Петрункевича.

Князья Дашковы. Громкую славу роду князей Дашковых (которых не следует путать с дворянской фамилией Дашковых) принесла супруга одного из князей — Екатерина Романовна (1743–1810), урождённая графиня Воронцова. Сподвижница Екатерины Великой, участвовавшая в перевороте 1762 года, «Екатерина Малая» возглавляла два ведущих научных учреждений страны: в качестве директора — Петербургскую академию наук, куда её торжественно «ввёл» великий Леонард Эйлер, и в качестве президента — образованную в 1783 году Российскую академию — академию русской словесности. Как организатор науки, Екатерина Романовна сделала очень много для обеих академий. В частности, именно она руководила составлением первого в России толкового словаря русского языка — знаменитого «Словаря Академии Российской», созданного и увидевшего свет в рекордно короткие сроки. Именно ей принадлежит честь создания седьмой буквы русского алфавита, буквы «Ё» (ныне, увы, несправедливо унижаемой), — случай беспримерный в истории. Яркая личность эпохи, одна из самых удивительных женщин России, она и сейчас пользуется неустанным вниманием исследователей и всех почитателей её незаурядных талантов.

О муже Екатерины Романовны, благодаря которому она и получила свою фамилию, известно гораздо меньше. Князь Михаил-Кондратий Иванович Дашков (1736–1764) прожил недолго. Он служил в гвардейских полках, некоторое время был посланником в Копенгагене, достиг бригадирского чина. Екатерина Романовна вышла за него замуж в 1759 году. Существуют две версии их знакомства: по одной, графиня увидела будущего супруга на улице и познакомилась с ним благодаря дружественному ей семейству Самариных, по другой, это произошло на балу, где на ухаживания князя Екатерина Романовна ответила словами, обращёнными к своему дядюшке: «Князь Дашков делает мне честь своим предложением и просит моей руки».

От этого брака родилось трое детей (сын Михаил умер младенцем). Дочь Анастасия (1760—1831) вышла замуж за Андрея Евдокимовича Щербинина (его сестра Елена — мать знаменитого Дениса Васильевича Давыдова (1784—1839)). Сын Павел (1763—1807), которого Екатерина Романовна очень любила и старалась воспитать на свой, просвещённый лад, служил адъютантом у Г. А. Потёмкина, недолго пробыл военным губернатором в Киеве, а с 1801 года занимал должность московского губернского предводителя дворянства. Он умер в чине генерал-лейтенанта.

Поскольку детей князь Павел Михайлович не оставил, то фамилия князей Дашковых указом Александра I в 1807 году перешла к графу Ивану Илларионовичу Воронцову (1790—1854), двоюродному племяннику Екатерины Романовны, и таким образом возник графский род Воронцовых-Дашковых.

Дворяне Всеволожские. Всеволожские (фамилия происходит от отчества, поскольку родоначальником Всеволожских был один из смоленских князей Александр-Всеволод Глебович), как и многие другие потомки смоленской династии, утратили княжеский титул. Однако род этот занимал не последнее место при московском дворе. Своим возвышением он во многом обязан боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, сыгравшему видную роль в событиях династической войны между московским князем Василием II и его родственниками. Более подробно об этих событиях говорится в главе, посвящённой Василию II. Здесь же отмечу, что именно Всеволожский стал одним из опекунов малолетнего Василия и добился для него в Орде великокняжеского ярлыка, оспариваемого дядей Василия — Юрием галицким и звенигородским. Всеволожский имел далеко идущие планы. Ему удалось породниться и с родом московских тысяцких Вельяминовых, и с суздальско-нижегородскими князьями, и с серпуховско-боровской династией. Честолюбивый боярин намеревался выдать одну из своих дочерей за Василия II, а когда этот план не удался, переметнулся на сторону врагов Василия — к князю Юрию. Измена дорого стоила Всеволожскому. Он попал в плен и в 1434 году был ослеплён. Вскоре боярин умер.

Ветвь Всеволожских, его потомков, просуществовала до середины XVI века. Последним в этой семье был правнук Ивана Дмитриевича — Семён Иванович. Другие ветви рода Всеволожских «дожили» до XIX века. К одной из них принадлежали друг Пушкина Никита Всеволодович (1799—1862), на квартире которого собиралось литературное общество «Зелёная лампа» (филиал декабристского «Союза благоденствия») и его племянник Иван Александрович (1835—1909), директор Императорского Эрмитажа (с 1899).

А в XVII веке Всеволожские чуть было не породнились с Романовыми: на дочери московского дворянина Фёдора Родионовича (Рафа) Всеволожского — Евфимии в 1647 году намеревался жениться царь Алексей Михайлович. Однако из-за придворных интриг этот брак не состоялся, и вся семья Фёдора Родионовича отправилась в ссылку в Сибирь (Никита Всеволожский — потомок этого Рафа).

Дворяне Рождественские. Потомком дворян Рождественских был вице-адмирал Зиновий Петрович Рождественский (1848—1909), который

во время Русско-японской войны 1904—1905 годов командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой. Под его руководством эскадра совершила свой героический переход из Балтийского моря на Дальний Восток, но в Цусимском сражении была разгромлена.

Дворяне и графы Дмитриевы-Мамоновы. Предок Дмитриевых-Мамоновых Александр Юрьевич Нетша считается внуком смоленского князя Константина Ростиславича. А сам Константин Ростиславич был женат на дочери Александра Невского. Старшая ветвь Нетшичей по имени родоначальника стала именоваться Дмитриевыми и в XV—XVI веках сильно разрослась. Представители этого рода утратили княжеский титул и не занимали сколько-нибудь видного положения при московском дворе, что объяснялось, вероятно, службой некоторых из Дмитриевых удельным князьям московской династии. Впрочем, к концу XV века среди Дмитриевых стали появляться и окольные, одним из которых был Григорий Андреевич Мамон. В русской истории он известен тем, что в преддверии стояния на реке Угре уговаривал Ивана III не сопротивляться Орде и смириться под её властью. К счастью, осторожность окольного и его священный трепет перед «царём» (как именовали на Руси ордынского хана) не возымели никакого действия на московского князя.

С трудом пережив опричный террор Ивана Грозного, Дмитриевы заухудали. Их некоторое возвышение относится к концу XVII века, когда одна из ветвей рода, дабы отличаться от прочих дворян-однофамильцев, добилась разрешения добавить к своей фамилии фамилию Мамоновых, и таким образом возник род Дмитриевых-Мамоновых.

От стольника и воеводы Михаила Михайловича род разделился на две ветви. Старшая ветвь породнилась с царским домом Романовых. Дело в том, что внук Михаила Михайловича — Иван Ильич-старший вторым браком женился на царевне Прасковье Иоанновне, дочери царя Ивана Алексеевича и племяннице Петра I.

Племянник Ивана Ильича — Фёдор Иванович Дмитриев-Мамонов (1723—1805) был весьма незаурядной личностью. Начав службу в лейб-гвардии Семёновском полку, под конец своей военной карьеры он дослужился до бригадира. На досуге занимался историей, астрономией, философией и литературными опусами. Одним из его литературных творений был перевод поэмы Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», на сюжет которой впоследствии И. Ф. Богданович написал свою поэму «Душенька». Называя себя «дворянином-философом», Фёдор Иванович пытался создать даже собственную теорию мироздания, которая у его современников могла вызвать разве что горькую усмешку. Но манья величия Фёдора Ивановича была беспредельной. Один из самых ярких оригиналов своего времени, он отдал дань исторической хронологии, переводам римских поэтов, переложениям псалмов (очевидно, состязаясь с Тредиаковским и Ломоносовым), математическим расчётам, химическим опытам и даже пытался «изучать» историю Китая. Чужачества смоленского помещика в конечном итоге привели к полному разорению всех его имений. Современники приписывали ему жестокое обращение с крепостными, и его поступки, эпатировавшие публику, привлекли наконец внимание Екатерины II.

В результате дознания «дворянин-философ» был признан «человеком вне здравого рассудка» и над его именными учредили опеку.

Внук Фёдора Ивановича — Александр Иванович (1787—1836) — генерал-майор, участвовал в русско-французских войнах при Александре I, сражался на Бородинском поле. Современники отмечали его изрядные способности рисовальщика, передавшиеся, очевидно, и его старшему сыну Эммануилу (1824—1880), который оставил графические портреты Гоголя, Хомякова, Языкова и других деятелей культуры того времени.

Гораздо более заметными фигурами были представители младшей ветви Дмитриевых-Мамоновых. Адмирал Василий Афанасьевич (ум. в 1739) командовал Черноморским флотом при императрице Анне Иоанновне. Его сын Матвей (1724—1810) дослужился до действительного статского советника, сенатора и президента Вотчинной коллегии. В Москве ему принадлежали большие владения в районе Мамонова переулка (переулок Садовских, недалеко от Тверской). Своим продвижением по службе Матвей Васильевич всецело был обязан сыну Александру (1758—1803), адъютанту Г. А. Потёмкина, ставшему одним из фаворитов Екатерины II. По свидетельствам современников, Александр Дмитриев-Мамонов отличался не только красотой, но и умом, образованностью, честностью и скромностью, никогда не пользовался своим влиянием для сведения личных счётов. Милости сыпались на него непрерывно: камергер, генерал-адъютант, наконец, граф Священной Римской империи. В подарок от императрицы он получил замечательное подмосковное имение Дубровицы, ранее принадлежавшее князьям Голицыным. Но фавор Мамонова длился недолго. Он влюбился в фрейлину императрицы княжну Дарью Фёдоровну Щербатову и в 1789 году женился на ней. Плодом этого союза был сын Матвей. Александр Матвеевич оказался единственным из фаворитов Екатерины, сумевшим сохранить добрые отношения с Павлом I. В день коронации нового императора он получил графское Российской Империи достоинство.

Его сын Матвей Александрович (1790—1863), человек трагической судьбы, оставил заметный след в истории русского дворянства первой половины XIX века. «Человек изящных и редких качеств, скромный, нравственный. Математик и рисовальщик», он пробовал свои силы и в поэзии. Во время войны 1812 года Матвей Александрович на свои средства сформировал целый полк, получивший официальное название «Московский казачий графа Дмитриева-Мамонова полк». В полку служили, в частности, В. А. Жуковский и кн. П. А. Вяземский. В декабре 1812 года Матвей Александрович был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость», а в следующем году произведён в генерал-майоры. Но неуживчивый характер графа мешал его службе: из-за разногласий с командованием полк расформировали, а его основатель через два года подал в отставку.

Матвей Александрович поселился в Дубровицах и решил организовать тайное общество, чему способствовали и его масонские связи. Это общество под названием «Орден русских рыцарей» в действительности никогда не функционировало, что, однако, не помешало некоторым советским историкам называть его одной из самых крупных

преддекабристских организаций. К декабристам Матвей Александрович отношения не имел. Проведённые исследования позволяют полагать, что он намеревался основать в России рыцарский орден по типу Ордена тамплиеров. В свои соратники он зачислил очень разных людей, среди них были М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев, граф Ф. П. Толстой (впоследствии вице-президент Академии художеств), Денис Давыдов и даже неизвестный А. Х. Бенкендорф. Желание Мамонова окружать всё ореолом тайны порождало неверное представление о якобы разветвлённой и сильной организации, готовой к решительным действиям. Образ жизни графа лишь множил загадки. Совершенное затворничество приводило в недоумение.

Постепенно деятельность Матвея Александровича стала носить отчётливый донкихотский характер. Он приступил к строительству в Дубровицах крепостных стен, вооружил своих крестьян и начал свозить в имение пушки. «Военные забавы» графа окончились его арестом, поводом к которому послужило избиевание им своего управляющего. Мамонов оказал бурное сопротивление полиции. Его доставили в Москву и подвергли медицинскому освидетельствованию, а потом и принудительному лечению. После того как граф отказался присягнуть Николаю I, его официально объявили сумасшедшим, а над именными назначили опеку. Несчастный Матвей Александрович последние 40 лет своей жизни провёл в усадьбе Васильевское на Воробьёвых горах, которую москвичи называли «Мамоновой дачей», и скончался в 1863 году в результате несчастного случая. С его смертью графская ветвь рода Дмитриевых-Мамоновых прекратила своё существование.

В 1913 году графский титул (с передачей старшему в роде) был пожалован представителю старшей ветви рода — племяннику Эммануила Александровича Александру Ипполитовичу (1847—1915). К тому времени он уже был известным историком и учёным. Составил первое описание Великого Сибирского пути (Транссибирской магистрали), издал работы по истории пугачёвщины и пребывания декабристов в Сибири и Зауралье, являлся председателем Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества и действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Его сын граф Василий Александрович незадолго перед революцией издал руководство по банковскому делу. После 1917 года он эмигрировал, а его сын Александр Васильевич скончался в Брюсселе в 1992 году.

Мужем дочери адмирала Василия Афанасьевича Екатерины был Иван Александрович Фонвизин (тогда эта фамилия писалась Фон-Визин). Их дети прославились в екатерининскую эпоху. Денис Иванович Фонвизин (между 1743 и 1745—1792) стал великим драматургом, автором двух бессмертных пьес «Бригадир» и «Недоросль», а его брат Павел (ум. в 1803) — директором Московского университета. Их родной племянник Михаил Александрович (1787—1854) принимал деятельное участие в движении декабристов. Сестра Дениса Фонвизина — Феодосия вышла замуж за премьер-майора Василия Алексеевича Аргамачо-

ва — сына первого директора Московского университета (1755—1757) Алексея Михайловича Аргамакова (1711—1757).

Дворяне Дмитриевы. В отличие от Дмитриевых-Мамоновых другая ветвь Дмитриевых сохранила свою фамилию без изменений. Её прославил Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), знаменитый поэт и известный государственный деятель. Рано начав военную службу, Иван Иванович вступил на литературное поприще уже в зрелом возрасте. Ему покровительствовал сам Г. Р. Державин, а близким другом был Н. М. Карамзин (оба литератора являлись родственниками — отец Карамзина вторым браком был женат на родной тётке Дмитриева). Первый стихотворный сборник Ивана Ивановича, изданный в 1795 году, назывался «И мои безделки» (по аналогии с карамзинскими «Моими безделками»). Среди «безделок» было немало превосходных стихотворений. Кстати, именно в этом сборнике в печати впервые появилась буква «ё» (в слове «всё»). Иван Иванович прославился прежде всего как довольно острый сатирик и талантливый баснописец. Современники сравнивали его с Лафонтеном и Крыловым, а князь П. А. Вяземский даже предпочитал Дмитриева Ивану Андреевичу. Сюжеты своих басен Дмитриев черпал в основном из французской литературы. Считая басню основным жанром своего творчества, он видел задачу в воспитании личности молодого человека, а потому всегда усиливал морализаторское начало. Одновременно Дмитриев достиг совершенства в новом, светски-изящном литературном стиле, и его басни, написанные лёгким и грациозным стихом, долго пользовались заслуженной славой. Одной из самых известных была басня «Муха»:

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А муха у него сидела на рогах,
И муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? — мы пахали!»
От басни навсегда
Нечаянно дойдёшь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господя:
«Мы сбили! Мы решили!»

Кроме того, Дмитриев — автор од, сказок, песен, а песня «Стонет сизый голубочик» стала, по сути, народной.

При Александре I Дмитриев включился в государственную деятельность, стал членом Государственного Совета, министром юстиции (1810—1814). При этом он никогда не забывал своих собратьев по перу и всегда помогал им как мог. Скончался он в весьма преклонном возрасте, окружённый почётом и уважением, через несколько месяцев после гибели А. С. Пушкина.

Брат Ивана Ивановича — Александр — профессиональный военный, также был переводчиком и прозаиком, хотя и менее известным. И наконец, сын последнего, Михаил Александрович (1796—1866), тоже оставил поэтические опыты, а также интересные мемуары «Мело-

чи из запаса моей памяти», не так давно переизданные. Потомство Михаила Александровича пресеклось.

Дворяне Цыплетевы (Цыплетевы). Цыплетевы — ветвь рода Монастырёвых, получивших свою фамилию от того, что бабушка их родоначальника Александра Монастыря после смерти мужа приняла постриг и воспитала своего внука в монастыре. Старший сын Александра Монастыря — Дмитрий погиб в битве с татарами на реке Воже в 1378 году. Потомства он не оставил. От его младшего брата Василия Александровича произошло несколько дворянских фамилий, в том числе Цыплетевы и Мусоргские.

Родоначальник Цыплетевых — Иван Дмитриевич доводился внуком Василию Александровичу. Он служил верейскому удельному князю Михаилу Андреевичу. Его сын — Елизар Иванович (в иночестве Евфимий) известен как дьяк на Москве в 1530-х годах, в 1534—1537 годах служил думным дьяком Разрядного приказа. Сын Елизара Ивановича Иван также был думным дьяком Разрядного приказа (в 1549—1556 годах). Под его руководством около 1555 года в Разрядном приказе, ведавшим дворянской службой, был составлен «Государев родословец» — официальная родословная книга Московского государства, в которой приведены генеалогии наиболее знатных и значимых в государственном управлении того времени родов. «Государев родословец» отражал состав высшего слоя русской аристократии, сложившегося в результате объединительной политики московских князей.

Дворяне Мусоргские. Фамилия Мусоргских должна произноситься не Мусоргские, а Мусорские, поскольку происходит от прозвища их родоначальника Романа Васильевича, владевшего землями по речке Мусорге. Этот род обессмертил великий композитор Модест Петрович Мусоргский (1839—1881). Он родился в Торопецком уезде Псковской губернии. Музыкаю юный Мусоргский начал заниматься очень рано, но судьба, казалось, готовила ему иную стезю. В 10 лет мальчика привезли в Петербург, где он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков. После её окончания в 1856 году Мусоргский начал служить в лейб-гвардии Преображенском полку — старейшем и привилегированном гвардейском подразделении. Служба не слишком привлекала его. Современники вспоминали Мусоргского тех лет как красивого, молодого, изящного офицера, с безукоризненно светскими манерами и гвардейским блеском, пользовавшегося огромным успехом в обществе и неотступным вниманием дам. Будучи к тому же талантливым пианистом-импровизатором, он сразу занял место всеобщего любимца в петербургских салонах. В это время Модест Петрович познакомился с А. С. Даргомыжским, затем с Ц. А. Кюи и М. А. Балакиревым. Под их влиянием он решил серьёзно заняться музыкой и вскоре стал неизменным членом «балакиревского кружка» — знаменитой «Могучей кучки». Влияние Балакирева благотворно сказалось на развитие музыкального дара Мусоргского. Он прошёл настоящую школу композиторства и вырос в зрелого, высокопрофессионального мастера, хотя и не имел собственно музыкального образования (как, впрочем, и остальные члены «Могучей кучки»). Близкие дружеские отношения

связывали Мусоргского и с молодым Н. А. Римским-Корсаковым. Их творческий «взаимообмен» очень много дал обоим.

Ради музыки Мусоргский в 1858 году вышел в отставку. Кроме того, будучи противником крепостного права, он, находясь под влиянием либерально-демократических идей, отказался от своей доли наследства и отпустил крестьян на волю без выкупа, чем окончательно лишил себя средств к существованию. Желанная «свобода» вскоре обернулась к нему своей нелицеприятной стороной. Ради заработка великий композитор был вынужден работать на скромных чиновничьих должностях в Инженерном управлении (1863—1867), Лесном департаменте и комиссии Государственного контроля (1868—1880), а гордый, независимый нрав не позволял Мусоргскому хоть сколько-нибудь заметно продвинуться по служебной лестнице, да и сам он к тому не стремился. Жизнь, полная лишений и страданий, в конечном итоге сломила могучего «Мусорянина». В последние годы жизни он нередко пользовался бескорыстной помощью друзей и пробавлялся работой аккомпаниатора в музыкальных классах (этой сферой музыкальной деятельности он владел в совершенстве). Тяжёлые недуги подорвали здоровье, и композитор скончался фактически в полунищенском состоянии. О его трагическом внутреннем мире красноречиво свидетельствует знаменитый портрет кисти И. Е. Репина, написанный незадолго до смерти Мусоргского.

Сложной была и творческая судьба композитора. Многие его произведения остались незавершёнными, в том числе и первые оперы «Саламбо» (1863—1866) и «Женитьба» (1868). В «Женитьбе», написанной по тексту пьесы Н. В. Гоголя, Мусоргский решил воплотить идею музыкальной прозы, создав речитативную оперу. Однако вскоре он понял, что не может совсем отказаться от мелодии, и оставил свой замысел. В 1868—1874 годах композитор работал над оперой «Борис Годунов» (две редакции) — великой народно-исторической драмой в русской музыке. Созданную по пьесе А. С. Пушкина оперу восторженно встретили как многие деятели отечественной культуры, так и публика, в особенности молодёжь. Но из-за заострённого политического характера путь «Бориса Годунова» на сцену был непростым. Первоначально оперу запретили, но потом разрешили к постановке в урезанном цензурой варианте. Но даже в таком виде она производила колоссальное впечатление и сразу заняла заметное место среди других русских опер. Затем Мусоргский работал сразу над двумя операми, также ставшими событиями в мировом музыкальном творчестве. «Хованщина», либретто которой композитор писал сам, продолжала традиции исторической драмы, заложенные в «Борисе Годунове». «Сорочинская ярмарка» (по Н. В. Гоголю), напротив, представляла собой весёлую народно-бытовую оперу, но обе они не были завершены. Позже «Хованщину» закончил и оркестровал Н. А. Римский-Корсаков, «Сорочинскую ярмарку» — Ц. А. Кюи (были и другие варианты доработки — А. К. Лядова и В. Я. Шебалина), а «Женитьбу» — М. М. Ипполитов-Иванов.

Кроме опер М. П. Мусоргский сочинил и много других произведений, среди которых особенно знамениты музыкальная карти-

на «Иванова ночь на Лысой горе» (1867) и сюита «Картинки с выставки» (1874).

Дворяне Пблевы. Род дворян Полевых ничем особенным не прославился. Упомянуть о нём следует потому, что эта фамилия перешла к другому дворянскому роду, правда, иностранного происхождения — Балкам. Ещё в середине XVII века лифляндский дворянин Николай Балкен (1630—1695) перешёл со шведской службы на русскую. Его сын Фридрих (Фёдор Николаевич) (1670—1738), генерал-поручик и московский губернатор (с 1734), женился на Матрёне Ивановне Монс, старшей сестре фаворитки Петра I Анны Монс и возлюбленного Екатерины I Виллима Монса. Их сын Павел (1690—1743) первым браком был женат на Марии Фёдоровне Полевой. Указом Петра I ему позволили принять фамилию Балк-Полев. Последним её носителем являлся внук Павла Фёдоровича — Пётр Фёдорович (1777—1849), тайный советник и русский посланник в Бразилии. Пётр Фёдорович Балк-Полев оставил четырёх дочерей, одна из которых, Мария Петровна, вышла замуж за известного поэта Ивана Петровича Мятлева (1796—1844) (о самом Иване Петровиче речь впереди).

Дворяне Еропкины. Родственники Полевых, дворяне Еропкины происходят от Ивана Остафьевича Еропки (Яропки), который, оставшись без удела, приехал в Москву, к великому князю Василию II. В XVIII веке можно отметить двух выдающихся представителей этого рода. Пётр Михайлович Еропкин (1689—1740) профессионально занимался архитектурой. Он учился этому искусству за границей, а в России руководил строительными работами в Петербурге, завершив планировку северной столицы, начатую ещё Доменико Трезини. Гоф-интендант (с 1738), занимавший определённое положение при дворе, он являлся одним из ближайших соратников кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. Уличённый в самоуправстве Волынский попал под следствие. Выяснилось, что он со своими сподвижниками подготовил проект изменения государственного устройства. Они подумывали об ограничении самодержавия в пользу аристократии. Волынского обвинили в оскорблении императрицы. После жестокого дознания в июне 1740 года его с несколькими сторонниками казнили. Закончил свою жизнь на плахе и Пётр Михайлович Еропкин.

Иная судьба ожидала Петра Дмитриевича Еропкина (1724—1805). С 13 лет он находился на военной службе. Участвовал в Семилетней войне, проявив себя в сражении под Кольбергом, за что удостоился монаршего благоволения. С 1765 года — сенатор, некоторое время возглавлял Главную соляную контору. Администраторский талант Еропкина проявился во время эпидемии чумы, охватившей Москву в 1771 году. Екатерина направила туда Еропкина для «надзора за здоровьем всего города», и он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны: учредил карантин, принял все необходимые меры для борьбы с заразой, а когда выпыхнул Чумной бунт, смог в короткий срок восстановить спокойствие и порядок в древней русской столице. Выйдя в 1774 году в отставку, Еропкин вернулся на службу почти через 12 лет. В июне 1786 года в чине генерал-аншефа он был назначен московским главно-

командующим. При нём завершилось сооружение Мытищинского водопровода, «деревянным обрубом» была укреплена Москворецкая набережная, ремонтировались и строились мосты. В эти годы в Москве творили великие архитекторы В. И. Баженов и М. Ф. Казаков. В 1790 году по собственному прошению Пётр Дмитриевич ушёл со своего поста и последние годы жизни провёл «частным человеком» в своём московском доме на Остоженке. Один из переулков в этом районе называется Еропкиным.

В начале XX века в общественной жизни проявил себя Аполлон Васильевич Еропкин (1865 — после 1920). Выпускник юридического факультета Московского университета, он выступил одним из инициаторов создания партии октябристов («Союза 17 октября»), вошёл в состав её московского центрального комитета. От Рязанской губернии избирался депутатом Государственной думы 1-го и 3-го созывов, где выступал в основном по бюджетным вопросам. Опубликовал ряд статей по экономике в периодической печати, поддерживая реформы П. А. Столыпина. После революции Аполлон Васильевич уехал за рубеж.

Внук декабриста Д. И. Завалишина — Дмитрий Иванович Еропкин (1908—1938), талантливый астроном, погиб в годы сталинского террора.

По женской линии род Еропкиных дал ещё нескольких интересных потомков. Анна Михайловна Еропкина (жена бригадира Александра Григорьевича Гурьева) — мать графа (с 1819) Дмитрия Александровича Гурьева (1751—1825), гофмейстера, сенатора, действительного тайного советника, члена Государственного Совета, министра финансов (1810—1823). От брака с графиней Прасковьей Николаевной Салтыковой Д. А. Гурьев имел нескольких детей, в том числе Александра (1786—1865), действительного тайного советника, возглавлявшего департамент государственной экономии Государственного Совета (1848—1862), и Марию (1787—1849), жену министра иностранных дел (1816—1856) канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде (1780—1862).

Варвара Серафимовна Еропкина — мать генерала от инфантерии Александра Романовича Дрентельна (1820—1888), в 1878—1880 годах шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Дворяне Карповы. Предки дворян Карповых и Бокеевых Семён Бокей и Карп Фёдорович (правнуки князя Фёдора Константиновича Слепого смоленского) служили тверским князьям и только в конце XV века их потомки перешли в Москву. Среди Карповых, конечно, наиболее видной фигурой был дипломат и публицист Фёдор Иванович Карпов (ум. в 1540?). Он занимался в основном внешнеполитическими связями со странами Востока — прежде всего с Крымским ханством и Турцией, вёл дипломатические переговоры с послами этих стран, выступал консультантом по восточным делам, подготавливая соответствующие справки для русского двора. Широко мыслящий человек, Ф. И. Карпов состоял в переписке с Максимом Греком, митрополитом Даниилом, старцем Филофеем (сохранилось несколько его посланий

к ним). Произведения Карпова обнаруживают его большую образованность (знал труды Аристотеля, поэмы Гомера и Овидия, интересовался богословием, философией и астрологией, прекрасно владел искусством риторики), дают представление об общественно-политических взглядах автора (он полагал, что власть в государстве должна быть сильной, но ей следует опираться на принципы справедливости и законности). Князь А. М. Курбский называл Карпова «разумным мужем», а Максим Грек — «премудрым» и «пречестнейшим».

Князья Козловские. Фамилия князей Козловских происходит от названия их вотчины в Козловской волости Вяземского уезда. Князь Алексей Семёнович Козловский (1707—1776) в 1758—1763 годах был обер-прокурором Святейшего Синода как раз накануне секуляризационной реформы Екатерины II. Отправленный в отставку, Алексей Семёнович стал сенатором, а также генерал-поручиком. Его дочь Анна (1757—1824) приняла постриг и долгое время являлась настоятельницей Московского Алексеевского монастыря. Совсем иных взглядов придерживался её брат Фёдор Алексеевич (конец 1740-х—1770), славившийся атеистом и вольтерьянцем. Получив образование в гимназии при Московском университете, юный князь служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Благодаря своим литературным произведениям он вошёл в круг писателей и актёров: среди его друзей можно назвать драматурга Д. И. Фонвизина, поэта В. И. Майкова, артиста И. А. Дмитриевского. Козловский состоял в Уложенной комиссии, а в конце 1768 года отправился курьером в Италию к Алексею Григорьевичу Орлову, имея поручение доставить к Вольтеру в Ферней письма и подарки Екатерины II. Императрица в сопроводительном послании к Вольтеру писала, что князь «ходатайствовал как о высшей для себя милости быть посланным в Фернэ». Судя по всему, встреча с известным мыслителем произвела на Козловского большое впечатление, поскольку, по отзыву Фонвизина, его «лучшее препровождение времени состояло в богохулении и кошунстве». Фёдор Алексеевич остался при эскадре Орлова и принял участие в Чесменском сражении. Находясь в момент боя на корабле «Евстафий», он погиб при его взрыве. Смерть молодого литератора отозвалась в творениях его друзей: В. И. Майков посвятил князю одно из своих стихотворений, М. М. Херасков описал его гибель в поэме «Чесмесский бой», а Н. И. Новиков включил очерк о нём в свой «Опыт исторического словаря о российских писателях».

Произведений Козловского сохранилось немного: исследователям известно всего несколько стихотворений и переводов, хотя князь писал и в стихах, и в прозе. Державин отмечал, что творчество Козловского оказало на него некоторое влияние, а Н. И. Новиков дал ему такую характеристику: «человек острого ума и основательного рассуждения; искусен в некоторых европейских языках и имел тихий нрав: был добрый и хороший господин; имел непреодолимую врождённую склонность ко словесным наукам и упражнялся в них с самого ещё детства».

К литературным кругам был близок и князь Пётр Борисович Козловский (1783—1840). Несколько лет он находился на дипломатической службе (при сардинском, вюртембергском и баденском дворах),

состоял чиновником по особым поручениям при И. Ф. Паскевиче, наместнике Царства Польского, закончил жизнь в чине действительного статского советника. Пётр Борисович опубликовал несколько стихотворений, но впоследствии отошёл от сочинительства, посвятив себя общению с известными писателями (Дж. Байрон, Ф. И. Тютчев, Г. Гейне) и украшая своим присутствием светские и литературные салоны. Его считали одним из умнейших и образованнейших людей того времени, хотя взгляды его порой отличались непоследовательностью и экстравагантностью. Ещё в молодости Козловский перешёл в католичество, и это наложило отпечаток на его резко критическое отношение к российской действительности и прошлому своей родины. А. С. Пушкин привлёк князя Козловского к сотрудничеству в журнале «Современник», для которого тот написал несколько научно-популярных статей. «Козловский стал бы моим провидением, если бы решительно захотел сделаться литератором», — отмечал поэт. «Ничего не совершив вполне» (отзыв князя П. А. Вяземского) и выбрав «устную деятельность» своей сферой, Козловский тем не менее оказал некоторое влияние на развитие общественной мысли в России.

В отличие от брата, проболтавшего свои способности в салонных гостиных, сестра Петра Борисовича — княжна Мария Борисовна (1788—1851) в 1820-х годах часто выступала в печати со стихотворениями и водевилями. Её муж — статский советник Сергей Васильевич Даргомыжский, по-видимому, являлся внебрачным сыном подполковника Василия Алексеевича Ладыженского. От брака с Марией Борисовной у Даргомыжского родился сын — Александр Сергеевич (1813—1869), выдающийся композитор, «великий учитель правды в музыке» (отзыв М. П. Мусоргского). Среди его произведений многочисленные романсы и песни (в том числе на стихи Пушкина), оперы «Эсмеральда», «Русалка», «Каменный гость» (окончена Кюи и Римским-Корсаковым). Сестра Даргомыжского Софья (ум. в 1882) — жена художника-карикатуриста Николая Александровича Степанова (1807—1877), совместно с В. С. Курочкиным издававшего с 1859 года сатирический журнал «Искра» (это название потом использовал Ленин для своей первой в России марксистской газеты).

Дворяне Ржевские. Родоначальник Ржевских — князь Фёдор Фёдорович был удельным князем города Ржева, отсюда и произошла фамилия Ржевских. «Древность, знатность и бедность характеризуют этот род на протяжении всего генеалогически обозримого времени», — пишет исследовательница истории Ржевских Н. К. Телетова. На части земель, принадлежавших Ржевским, возник Иосифо-Волоколамский монастырь, и в течение нескольких поколений Ржевские жертвовали ему большие вклады на помин души, а некоторые члены этого рода принимали в монастыре постриг. Возвышение одной из ветвей рода Ржевских относится к середине XVII века, благодаря тому, что царь Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской, дальней родственнице жены Ивана Ивановича Ржевского. Сын этого Ивана Ивановича — тоже Иван Иванович (Иван — родовое имя в их семье) доводился царице Ма-

рии четвероюродным братом. Думный дворянин Ржевский исправно служил воеводой в разных городах, а в 1677 году был пожалован в окольничие. На следующий год он отправился на южные рубежи России, где героически сражался во время нападения турок и крымцев на город Чигирин. «Когда враги подкопами взорвали нижнюю крепость, и защита верхней крепости сделалась невозможной, Ржевский, со всем гарнизоном и всеми жителями, частью взяв с собою, частью истребив все запасы и снаряды, пробился сквозь турецкий стан и соединился с войсками боярина князя Ромодановского» («Российская родословная книга» князя П. В. Долгорукова). Во время этой операции отважный воевода погиб.

У Ивана Ивановича осталось трое сыновей. Окольничий Алексей Иванович (ок. 1638—1690) в 1689 году по делу дьяка Ф. Л. Шахловитого, приближённого царевны Софьи Алексеевны, оказался в ссылке. Тимофей Иванович (ок. 1640—1705), стольник, помогал боярину А. С. Шеину в усмирении мятежных стрельцов в 1698 году. Он погиб в 1705 году. Посланный воеводой в Астрахань, Тимофей Иванович вдали от царских глаз чувствовал себя там полноправным хозяином. Ржевский без зазрения совести придумывал всё новые и новые налоги, собирал грабительские пошлины с товаров, сократил жалованье и без того недовольным стрельцам. Насильно вводились и бытовые новшества: ношение заграничной одежды, бритьё бород. Произвол Ржевского сказался на всех слоях посада: роптали стрельцы, торговцы, ремесленники, беднота. Наконец, доведённые до отчаяния стрельцы подняли бунт. Воевода пытался спрятаться, но его нашли и казнили. Младший брат Иван Иванович (1653—1717) также был стольником, его жена Дарья Гавриловна Соковнина (ум. в 1720) во «всешутейшем соборе» Петра исполняла роль «князь-игуменьи».

Правнук Алексея Ивановича — Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804), умерший в чине действительного тайного советника, занимал целый ряд важных постов: вице-директор Академии наук, сенатор, президент Медицинской коллегии, в качестве члена Российской академии участвовал в составлении толкового словаря русского языка. Однако большую известность он приобрёл как писатель. Наставником его на этой стезе выступил А. П. Сумароков. Ржевский обращался к самым разным стихотворным жанрам. Среди его произведений оды и элегии, сонеты и стансы, поэт свободно экспериментировал в области ритма и формы (например, написал оду, состоящую только из односложных слов, или сонеты, которые можно читать двумя, а то и тремя разными способами). Поэму И. Ф. Богдановича «Душенька» Ржевский издал за свой счёт. Первая жена Алексея Андреевича — Александра Фёдоровна Каменская (1740—1769), сестра фельдмаршала М. Ф. Каменского, умерла после родов. В 1777 году Ржевский женился на Плафире Ивановне Алымовой (1759—1826), выпускнице Смольного института. Её увековечил на известном портрете художник Д. Г. Левицкий. Это та самая смолянка, которая играет на арфе.

Внук Алексея Андреевича (через его дочь Марию Алексеевну) — Пётр Николаевич Свистунов (1803—1889), корнет лейб-гвардии Кав-

лергардского полка, декабрист, осуждённый по II разряду и отправленный на каторжные работы в Сибирь (полностью амнистирован манифестом 1856 года).

К другой ветви потомков Алексея Ивановича принадлежала его внучка Сарра Юрьевна Ржевская. Она вышла замуж за Алексея Фёдоровича Пушкина, а дочь от этого брака Мария Алексеевна (1745—1818) — за Осипа Абрамовича Ганнибала (1744—1806). Мария Алексеевна — родная бабушка Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) по матери. Пушкин описал историю рода Ржевских под именем Езерских в своей поэме «Езерский».

Интересно, что другая пушкинская героиня тоже по одной из линий происходила от рода Ржевских и доводилась Пушкину родственницей. Это знаменитая «Пиковая дама» — княгиня Наталья Петровна Голицына (1741—1837). Дело в том, что её отец граф Пётр Григорьевич Чернышёв (1712—1773), так же как и его братья генерал-фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышёв (1722—1784) и флотоводец граф Иван Григорьевич (1726—1797), были сыновьями генерал-аншефа Григория Петровича Чернышёва (1672—1745) и Евдокии Ивановны Ржевской (1693—1747), дочери самого младшего из трёх братьев Ржевских, сыновей чигиринского героя Ивана Ивановича. Таким образом, Наталья Петровна приходилась четвероюродной сестрой бабушке Пушкина — Марии Алексеевне.

Сын Натальи Петровны — князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844), отважно сражавшийся в войну 1812 года (от ран, полученных в боях, скончался его брат Борис), с 1820 года в течение почти четверти века являлся московским военным генерал-губернатором. На этом посту он много сделал для благоустройства нашей столицы. Безупречная служба ознаменовалась для него чином генерала от кавалерии, членством в Государственном Совете и, наконец, пожалованием в 1841 году ему и его потомству титула светлейших князей Голицыных.

Родовым гнездом Натальи Петровны и её сыновей было подмосковное имение Вязёмы, где сейчас открыт музей А. С. Пушкина (соседнее Захарово принадлежало бабушке поэта Марии Алексеевне, и Пушкин провёл там свои детские годы).

Сестра Натальи Петровны Голицыной — графиня Дарья Петровна Чернышёва (1739—1802) была замужем за генерал-фельдмаршалом графом Иваном Петровичем Салтыковым (1730—1805). Их внуком через дочь Прасковью был Иван Петрович Мятлев (1796—1844), камергер, действительный статский советник и замечательный поэт. Именно ему принадлежит известное стихотворение «Розы» («Как хороши, как свежи были розы...»), которое вспоминали в своих не менее известных произведениях Иван Сергеевич Тургенев и Игорь Северянин. Иван Петрович Мятлев доводился Пушкину шестиюродным братом, что великолепно обыграл в шутивных стихах их общий друг князь Пётр Андреевич Вяземский:

Любезный родственник, поэт и камер-гер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер . —

причём первая строчка напоминает об обращении самого Пушкина к Вяземскому: «Любезный Вяземский, поэт и камергер...», а оно, в свою очередь, навеяно стихами дяди Александра Сергеевича Василия Львовича Пушкина, адресованными дальнему родственнику Приклонскому: «Любезный родственник, поэт и камергер...».

Дворяне Толбузины. Фамилия Толбузиных осталась в русской истории благодаря тому, что в июле 1474 года Иван III направил Семёна Ивановича Толбузина с ответным посольством в Венецию, поставив перед ним задачу «мастера пытати (искать) церковного». Дело в том, что за два месяца до того как посольство отправилось в путь, в Московском Кремле рухнул недостроенный Успенский собор. И тогда великий князь принял решение пригласить в Россию кого-нибудь из иностранных архитекторов. Видный историк Ю. Г. Алексеев пишет о поездке Толбузина: «Посольство Толбузина занимает особое место в истории становления русской дипломатической службы. Впервые в Италию во главе посольства едет не «фрязин» (так на Руси именовали итальянцев), а русский по происхождению человек. Впервые на русского посла возлагается не только чисто дипломатическая миссия, но и особое задание — привлечение на русскую службу иноземных специалистов». Это, вероятно, было первым случаем «прорубания» москвитями окна в Европу. И далее историк продолжает: «Дед Семёна Ивановича Толбузина пал на Куликовом поле, а отец был воеводой великого князя Василия Дмитриевича. Первый русский посол в Венеции проявил себя умным, наблюдательным и энергичным человеком. Рассказ его о поездке сохранился в митрополичьей летописи; составителю её Толбузин подробно рассказал о своих впечатлениях о Венеции, о порядках выборов тамошнего дожа, о своих переговорах с Фиоравенти, согласившимся поехать на Русь за баснословное жалованье — 10 руб. в месяц (деревня на Руси стоила 2—3 руб., столько же стоил хороший боевой конь, а за 100 руб. можно было купить большое село с десятками крестьянских дворов). Толбузин познакомился на месте с образцами искусства Фиоравенти — архитектора, строителя, механика. Несмотря на то что мастер запросил огромную сумму, несмотря на упорное нежелание дожа отпустить на Русь искусного мастера, русский посол добился своего. Потребность в иностранных специалистах ясно осознавалась великим князем, и для привлечения их на свою службу он решил не останавливаться ни перед чем».

Толбузин успешно выполнил свою задачу, и теперь на соборной площади в Кремле высится величественный Успенский собор, построенный по проекту Аристотеля Фиоравенти.

Роды, которые происходили от смоленских князей и пользовались гербами, имели в них и смоленскую эмблему: пушку с сидящей на ней райской птицей. Этот герб Смоленска известен с середины XVII века, в частности его изображение присутствует в «Титулярнике» 1672 года.

Ярославская династия

Один из представителей смоленских Рюриковичей — князь Фёдор Ростиславич, имевший прозвище Чёрный (ум. в 1299) и правивший в Можайске, первым браком женился на Марии, дочери ярославского князя Василия Всеволодовича (из потомков Всеволода Большое Гнездо) и с её рукой получил Ярославль. Само Ярославское княжество образовалось в начале XIII века. Первым князем здесь был внук Всеволода Большое Гнездо Всеволод (в крещении Иоанн) Константинович (1210—1238). Он погиб в битве с монголами на реке Сити, где polegло русское войско, которое возглавлял дядя Всеволода Константиновича — владимирский князь Юрий Всеволодович. Вдова Всеволода Марина, дочь курского князя Олега Святославича (черниговская ветвь Рюриковичей), скончалась в 1279 году, пережив обоих своих сыновей. Старший сын, Василий, женатый на некоей Ксении, умер в 1249 году, младшего сына Константина в 1255 или 1257 году убили татары. Дочь Василия Мария, единственная наследница ярославского престола, вышла замуж за Фёдора Ростиславича.

Фёдор Ростиславич был яркой и деятельной личностью. Как и другим русским князьям, ему приходилось бывать в Орде, и он даже породнился с ордынскими ханами. После смерти Марии Фёдор женился на дочери одного из ханов (Менгу-Тимура, Тохты или Ногая), получившей при крещении имя Анна (ум. в 1289). От второго брака родилось двое сыновей — Давыд (ум. в 1321) и Константин. Оба они, так же как и их отец, были причислены Русской православной церковью к лику святых и особо почитаются в Ярославле.

Давыд также оставил двоих сыновей (Константин, вероятно, умер бездетным). Старший — Василий Грозные Очи (или Грозный) (ум. в 1345) владел Ярославлем. За него выдал свою дочь Евдокию Иван Калита. Младший, Михаил, получил в удел Мологу и стал таким образом князем молоджским. От Василия и Михаила род ярославских князей разделился на две ветви. Ярославль принадлежал старшей ветви. Княжество сохраняло самостоятельность до середины XV века. В 1463 году правнук Василия Грозные Очи — Александр Фёдорович Брюхатый (ум. в 1471) передал свои наследственные права на Ярославское княжество великому московскому князю Ивану III, и потомки ярославских князей постепенно влились в состав московского двора.

От ярославской династии произошло немало княжеских родов. Их можно разделить на четыре ветви: три старшие — потомки Василия Грозные Очи, последняя — потомки Михаила молоджского. Василий имел трёх сыновей — Василия, участвовавшего в походе Дмитрия Донского на Тверь в 1375 году и в Куликовской битве 1380 года; Глеба и Романа, основателя города Романова (тоже ходившего на Тверь и сражавшегося на Куликовом поле). Потомками Василия Васильевича являются князья Алабышевы, Аленкины, Троекуровы, Сисеевы, Шастуновы, Гагины, Великогагины, Курбские, Пенковы, Новленские, Юхотские, Заозерские, Кубенские. От Глеба Васильевича происходят: князья Щетинины, Тёмносиние, Сандыревы (также Сандырев-

ские), Засекины, Сонцовы (Солнцева-Засекины), Жировые-Засекины и Шаховские. Роман Васильевич стал основателем родов князей Морткиных, Бельских (Б. Я. Бельский и Малюта Скуратов к этим Бельским отношения не имеют), Шехонских, Деевых, Векошкиных и Луговских (оба рода ветви князей Львовых), Зубатых, Ухорских, Охлябинных и Хворостининых.

Князья Моложские, Сицкие, Судцкие, Прозоровские, Шуморовские, Шамины, Голыгины, Ярославские-Ушатые и Дуловы произошли от князя Михаила Давыдовича молоджского.

Большинство этих родов прекратили своё существование. Остановимся на наиболее известных фамилиях.

Князья Троекуровы. Князья Троекуровы в XVI—XVII веках служили воеводами, стольниками, боярами. В XVI веке породнились с Романовыми: князь Иван Фёдорович (ум. в 1621) первым браком был женат на Анне Никитичне Романовой, сестре будущего патриарха Филарета, отца первого царя из Дома Романовых — Михаила Фёдоровича. Последний из князей Троекуровых — Алексей Иванович (1683—1740) не оставил сыновей. Его единственная дочь Екатерина была замужем за генерал-майором графом Владимиром Семёновичем Салтыковым (1705—1751), младшим братом генерал-фельдмаршала графа Петра Семёновича Салтыкова (1698—1772). Со смертью Алексея Ивановича княжеский род Троекуровых угас.

Фамилию князей Троекуровых использовал А. С. Пушкин для одного из главных героев своей повести «Дубровский» — «старинного русского барина» Кирилы Петровича Троекурова.

Однако незадолго перед революцией древняя фамилия Троекуровых возродилась. В 1915 году статс-секретарь Государственного Совета гофмейстер Владимир Анзельмович Лыщинский (1861—1935), принадлежавший к древнему польскому роду, известному с XVI века, получил высочайшее соизволение присоединить к своей фамилии фамилию Троекуровых, и стал таким образом Лыщинским-Троекуровым. А в 1916 году ему разрешили пользоваться и княжеским титулом. Основанием для этого было происхождение Лыщинского от рода князей Троекуровых по женской линии, официально признанное, но не доказанное. Приобретению титула способствовали родственные связи Владимира Анзельмовича. Дело в том, что он был женат на дочери председателя Государственного Совета Эдуарда Васильевича Фриша (1833—1907) Марии Эдуардовне (1865—1933). Их потомки до сих пор носят фамилию Лыщинских-Троекуровых и в настоящее время живут за границей (одна из ветвей пользуется только фамилией Лыщинских).

Князья Курбские. Из этого рода, исчезнувшего в конце XVII века, в истории России осталось имя князя Андрея Михайловича Курбского (ок. 1528—1583), человека сложной судьбы и незаурядных качеств. В 1550-х годах он являлся одним из ближайших соратников Ивана Грозного, участвовал в деятельности «Избранной рады», проявил себя как отважный воин, храбро сражаясь под Казанью и защищая южные рубежи от набегов крымских татар. Уже в возрасте 28 лет он стал боярином. Когда началась Ливонская война, Курбский вновь на первых

ролях в русском войске. Его гарнизон совершил успешное нападение на Витебск, в армии, взявшей Полоцк, князь в качестве второго воеводы руководил сторожевым полком. После захвата Полоцка Иван Грозный направил Курбского воеводой в Дерпт. Оттуда в ночь на 30 апреля 1564 года Андрей Михайлович бежал в Литву. Вероятно, причину этого поступка следует искать в опричной политике царя Ивана. Опалам подверглись бывшие деятели «Избранной рады», друзья и единомышленники Курбского. Перспективе закончить свою жизнь на плахе князь предпочёл излюбленный всеми знатными изгоями Московского государства путь в Литву. Туда устремлялись опальные князья, лишившиеся своих владений, там поступали на службу к новым сюзеренам.

Перейдя на сторону противника, Курбский получил от короля Сигизмунда II Августа богатую Ковельскую область с городом Ковелем и другие земельные пожалования. Однако полноправным их хозяином он не был. За владения пришлось «расплачиваться» воинской повинностью. Поэтому уже в 1565 году во главе одного из отрядов Курбский отправился в поход на город Великие Луки, гарнизоном которого командовал, когда ещё служил русскому царю. В 1579 году князь в составе войск короля Стефана Батория принял участие во взятии Полоцка, а в 1581 году должен был выступить к Пскову, но, сославшись на болезнь, вернулся в своё имение. Через два года Курбский, к тому времени печально известный жестоким обращением со своими крепостными, умер.

Память о себе он оставил не столько военными подвигами, сколько публицистическими сочинениями. Среди них особое место занимает его переписка с царём Иваном Грозным (известны три письма Курбского и два письма Грозного). Она превратилась в примечательную полемику, выявив незаурядный литературный талант обоих корреспондентов. Послания царя и князя написаны в лучших эпистолярных традициях того времени, оба превосходно владели пером и отличались высокой образованностью. Но взгляды на пути развития государства у них были разные. Курбский обвинял царя в жестокости и деспотизме, страстно обличал его тиранию. Иван Грозный, напротив, отстаивал самодержавную власть, ведь подданные для него — всего лишь холопы: не царь должен служить народу, а народ — царю. Курбский же писал об ответственности царя перед своим народом, считая, что государственная власть должна опираться на справедливость и законность. Всю неприглядную правду об опричнине и порядках, установленных Иваном в своей стране, Курбский изложил на страницах «Истории о великом князе Московском». Это произведение является настоящим приговором жестокой политике Ивана Грозного. Курбскому принадлежат и некоторые другие эпистолярные и переводные сочинения.

Князья Щетинины. Род князей Щетининых (фамилия происходит от прозвища родоначальника князя Семёна Фёдоровича Щетины) в XVI—XVII веках находился на обычной для того времени государственной службе: в основном служили воеводами в различных военных походах и городах. Более известны потомки князей Щетининых по жен-

ским линиям. Княжна Анна Щетинина — жена стольника Ивана Герасимовича Дохтурова. Их правнук Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1759—1816), генерал от инфантерии, оставил заметный след в военной истории России. Особенно прославился он в Отечественной войне 1812 года, когда командовал пехотным корпусом и храбро сражался при Бородине и Малоярославце.

Княжна Александра Ивановна Щетинина (ум. в 1811) вышла замуж за графа Андрея Ивановича Толстого (1721—1803), внука петровского сподвижника Петра Андреевича. Её внук — граф Фёдор Петрович Толстой (1783—1873), вице-президент Академии художеств, превосходный рисовальщик (графические работы и акварели) и медальер. Особенно замечательны его серия медальонов в память войны 1812 года и рисунки к поэме Богдановича «Душенька». Бесподобно удавались ему также небольшие натюрморты, с удивительным мастерством передающие натуру.

Племянник Фёдора Петровича и, следовательно, правнук княжны Щетининой — граф Алексей Константинович Толстой (1817—1875), талантливый писатель, автор многочисленных прозаических, драматических и поэтических произведений, из которых в золотой фонд русской литературы вошли исторический роман «Князь Серебряный», драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис», баллады, романсы (в том числе «Средь шумного бала...»), лирика (в том числе стихотворение «Колокольчики мои, цветики степные...») и сочинения созданного им совместно с братьями Жемчужниковыми Козьмы Прутков.

Другим правнуком княжны Щетининой был граф Лев Николаевич Толстой.

Князья Засекины. Родоначальник одной из ветвей этого рода — Иван Иванович Большой, живший на рубеже XV—XVI веков, имел весьма своеобразное прозвище Бородатый Дурак. Надо заметить, что подобного рода прозвания не являлись такой уж редкостью в средневековой Руси. Известны, например, предок князей Морткиных, Бельских и Шехонских — князь Иван Романович Неблагословенный Свистун или князь Семён Иванович Шаховской Угреватая Рожа (тоже потомки ярославских Рюриковичей). Вероятно, столь оскорбительные по нынешним меркам имена давались, чтобы уберечь человека от глаза (ср. прозвище предка Татищевых).

Из князей Засекиных нельзя не назвать героя князя Петра Фёдоровича Ноговицу (Нагавицу)-Пёстрога. В 1536 году он был воеводой в городе Себеже, южнее Пскова, на литовской границе. Когда город осадил 20-тысячное войско киевского наместника, воеводы князь Засекин и Тушин внезапной вылазкой обратили его в бегство и, захватив знамена и пушки, погнали к близлежащему озеру. Лёд не выдержал тяжести бегущих врагов, многие из них утонули. Таким образом, князь Засекин повторил ситуацию Ледового побоища. В память о победе Елена Глинская велела построить в Себеже Троицкую церковь. В следующем году в стычке с казанскими татарами князь Засекин погиб.

Князья Шаховские. Фамилия князей Шаховских происходит от прозвища их родоначальника князя Константина Глебовича Шаха.

Поскольку его внук Александр Андреевич носил прозвище Шемяка (от татарского «чимэк» — «наряд»), то в XVII веке Шаховских часто именовали Шемякиными. Их род сильно разросся. Отметим лишь наиболее ярких представителей.

В Смутное время выдвинулся князь Григорий Петрович Шаховской, боярин и воевода, один из наиболее блестящих примеров распространённого тогда типа аристократа-авантюриста. Как писал Р. Г. Скрынников, князья Шаховские «захудали» задолго до опричнины, и двери Боярской думы оказались для них закрыты. Отец Г. П. Шаховского Пётр числился младшим воеводой в Чернигове, где он и попал в плен к самозванцу (имеется в виду Лжедмитрий I. — *Е. П.*). Пётр заслужил милость Отрепьева и, по некоторым сведениям, входил в «воровскую думу» в Путивле. В московскую Боярскую думу Пётр не был допущен. В Москве ни Пётр, ни его сын Григорий Шаховской не получали никаких ответственных поручений».

Вероятно, стремление вырваться из мрака безвестности вкупе с создавшейся благоприятной ситуацией и авантурными чертами характера и предопределили бурную деятельность неугомонного князя. В 1605 году Григорий Петрович был воеводой в Рыльске и при приближении Лжедмитрия I сразу же перешёл на его сторону. В дальнейшем князь «кочевал» от одного самозванца к другому. Отправленный Василием Шуйским в Путивль, этот центр мятежного русского юга, Шаховской тут же взбунтовал народ и собрал ополчение, с которым встал под знамёна Ивана Болотникова, якобы посланца спасшегося царя Дмитрия. При этом из Путивля и из польского города Самбора рассылались грамоты, скреплённые государственной печатью, которую украл кто-то из сподвижников Шаховского (если не сам князь, то, вероятнее всего, дворянин Михаил Молчанов, который готовился стать новым «Дмитрием») во время бегства из Москвы. Таким образом, князь стал одним из главных зачинщиков болотниковского движения. Вместе с другим авантюристом-самозванцем, «царевичем Петром» (Лжепётр), приглашённым Шаховским в Путивль, когда болотниковцы уже были разбиты под Москвой, князь поспешил на помощь «воеводе» Болотникову к Туле. Там он сражался бок о бок с участниками этой «крестьянской войны», потом был посажен самими восставшими в тюрьму до появления обещанного им царя Дмитрия, а после взятия города правительственными войсками попал в плен (его выдали вместе с другими главари — Болотниковым, Лжепетром и князем Андреем Телятевским отчаявшиеся защитники Тулы, полузатопленной водами реки Упы).

Шаховского сослали на Кубенское озеро в Ярославский уезд. Но вскоре один из польских отрядов освободил его, и неутомимый князь явился в подмосковное Тушино к новому «законному» царю — Лжедмитрию II. Здесь он занял видное положение, получив «боярское» звание. Но вскоре после того как самозванец потерпел поражение от войск М. В. Скопина-Шуйского, Шаховской, как и некоторые другие тушинцы, переметнулся к ополчению Прокопия Ляпунова, начавшего освобождение России от поляков. Затем присоединился и ко второму ополчению князя Д. М. Пожарского

и Кузьмы Минина. Однако неугомонный князь по-прежнему стремился лишь к своей выгоде, призывая казаков грабить русские города и пытаясь посорить Пожарского с другим воеводой, бывшим тушинцем князем Д. Т. Трубецким. Активность Григория Петровича во время Смуты объяснялась, конечно, не столько патриотическими поисками «законного» царя, в котором многие видели Лжедмитрия, сколько желанием занять видное положение в государстве и приобрести достойное его высокого титула состояние. Удалось ли это ему в конце концов, осталось неизвестным.

Князь Семён Иванович Шаховской Харя (ум. в 1654/5) также не остался в стороне от бурных событий начала XVII века. Он побывал на службе у тушинского самозванца, но более известен своими литературными произведениями светского и церковного характера, в том числе повестями о Смутном времени и автобиографическими записками, рисующими яркие образы его современников. Составил он и «роспись земель» Восточной Сибири, когда находился на воеводстве в Енисейске.

Князь Яков Петрович Шаховской (1705—1777) служил в лейб-гвардии Семёновском, а затем Конном полках, воевал в кампаниях против турок в 1738—1739 годах, недолго управлял петербургской полицией. При Елизавете Петровне в 1742 году был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, а в 1753 году — генералом-кригс-комиссаром, который ведал снабжением армии. В 1760 году в чине действительного тайного советника занял должность конференц-министра и генерал-прокурора Сената, но уже в следующем году вышел в отставку по болезни. Современники считали его в высшей степени порядочным и достойным человеком. «Записки» Якова Петровича — ценный источник для изучения общественной жизни России XVIII века.

В литературном мире большой популярностью пользовалось имя другого князя Шаховского — Александра Александровича (1770—1846). Воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, он посвятил свою жизнь театру. Шаховской — один из выдающихся русских драматургов, автор более сотни пьес, родоначальник жанра водевиля на русской сцене. Особенно удавались ему комедии, самая известная из которых — «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Занимательность сюжета и меткость стиха обеспечили комедиям Шаховского довольно долгую жизнь на сцене. Александр Александрович принимал участие и в литературной полемике начала XIX века, входил в общество «Беседа любителей русского слова», за что попал под удар писательской молодёжи, в том числе и общества «Арзамас», где князя называли не Шаховским, а «Шутовским», хотя и признавали за ним талант («Там вывел колкий Шаховской своих комедий шумный рой» — А. С. Пушкин). Тем не менее заслуги Александра Александровича были высоко оценены: член Российской академии с 1810 года, в 1841-м он удостоился звания почётного члена Академии наук.

Военная служба была призванием князя Ивана Леонтьевича Шаховского (1777—1860). Впервые он отличился в польскую кампанию 1794 года, когда под началом Суворова русские войска штурмом взяли

предместье Варшавы — Прагу, а затем заняли и саму польскую столицу. В войну 1812—1814 годов князь сражался под Витебском, Смоленском, Бородином, Малоярославцем, Красным, при Калише, Люцене, Бауцене, под Кульмом, в Битве народов под Лейпцигом — практически во всех крупных боях, завершив свой ратный путь в Париже. В 1826 году произведён в генералы от инфантерии. Вновь оказался на польском театре военных действий в 1831 году. За отличия награждён орденом Святого Георгия II степени. С 1839 года — член Государственного Совета, в 1848—1858 годах возглавлял в нём департамент военных дел.

Род Шаховских «отметился» и в декабристском движении. Отставной майор князь Фёдор Петрович (1796—1829) состоял членом масонских лож, «Союза спасения» и «Союза благоденствия» (входил в Коренной совет союза). Хотя от декабризма князь отошёл за несколько лет до восстания на Сенатской площади, в 1826 году его арестовали и осудили по VIII разряду. Фёдора Петровича лишили дворянства и отправили на вечное поселение в Сибирь, где он жил в Туруханске и Енисейске. Пережитые волнения сказались на его психическом здоровье, и, по прошению жены, Шаховского перевели в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь. Там бывший князь объявил голодовку, в результате которой и скончался.

Его дальняя родственница княжна Прасковья Михайловна (1788—1835) была женой декабриста Александра Николаевича Муравьёва (1792—1863). Она последовала за мужем в Сибирь, где и умерла. Потом Муравьёв женился на её сестре Марфе (1799—1885). А другая сестра Прасковьи — Варвара (1792—1836) отправилась в Сибирь вслед за своим женихом декабристом Петром Александровичем Мухановым (1799—1854) (их брак так и не состоялся).

В политической жизни начала XX века видное место занимал внук Фёдора Петровича князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861—1939). После окончания юридического факультета Петербургского университета (в студенческие годы сдружился с В. И. Вернадским и С. Ф. Ольденбургем) он работал по земской части. Придерживаясь либеральных взглядов, Шаховской приложил большие усилия для сплочения всех оппозиционных правительству земских сил. Обладая незаурядными организаторскими способностями, он разъезжал по разным регионам России, за что получил шутовское прозвище «летучий голландец». Кипучая деятельность князя Шаховского увенчалась созданием «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». В 1905 году на их основе образовалась кадетская партия, и Дмитрий Иванович вошёл в состав её ЦК. От кадетов он был избран в I Государственную думу, где занял пост секретаря думы и кадетской фракции. Сумел превосходно наладить текущую работу думской канцелярии, но после роспуска думы написал «Выборгское воззвание», за что впоследствии отбыл трёхмесячное тюремное заключение. В 1910-х годах Шаховской увлёкся кооперативным движением, полагая, что оно может объединить российское общество. Вступил в масонскую ложу. После Февральской революции вернулся к активной политической жизни и в одном из

составов Временного правительства стал министром государственного призрения. Октябрьские события Дмитрий Иванович воспринял враждебно и пытался по мере сил бороться с большевиками. ВЧК приписывало ему организацию неудавшегося покушения на Ленина 1 января 1918 года. Один из организаторов антибольшевистских «Союза возрождения России» (1918) и «Тактического центра» (1919), в начале 1920 года он был арестован ВЧК, но по амнистии освобождён. Впоследствии внук декабриста некоторое время работал в кооперации и Госплане, от политической деятельности отошёл, занимался в основном историко-литературным трудом. В 1938 году его арестовали, а в апреле 1939-го расстреляли.

Потомком князей Шаховских, правда по женской линии, был и другой крупный кадетский деятель Владимир Дмитриевич Набоков (1869—1922). В пятом поколении среди его предков значатся премьер-майор Кузьма Иванович Назимов с женой княжной Еленой Дмитриевной Шаховской (ум. в 1748). Сын министра юстиции при Александре II, Владимир Дмитриевич приобрёл известность как выдающийся юрист, специалист по уголовному праву. Одновременно он входил в число наиболее примечательных лидеров кадетской партии, состоял депутатом I Государственной думы, как и Шаховской, подписал «Выборгское воззвание» и три месяца провёл в тюрьме. Февральскую революцию бывший камер-юнкер встретил с ликованием, занял важный пост управляющего делами Временного правительства. После октября 1917 года от кадетской партии входил в «Комитет спасения Родины и Революции», был арестован большевиками. Затем его избрали депутатом Учредительного собрания, но он в это время уже уехал в Крым. Там недолго пробыл министром юстиции в краевом правительстве С. С. Крыма (Неймана), а в апреле 1919 года уехал за рубеж. В. Д. Набоков погиб в Берлине, защитив П. Н. Милокова от покушения. Сын Владимира Дмитриевича — Владимир Владимирович Набоков (1899—1977), всемирно известный писатель, переводчик, литературовед, а также учёный-энтомолог.

Ещё один министр (только не Временного правительства, а царского) происходил из рода князей Шаховских. Бывший моряк, князь Всеволод Николаевич Шаховской (1874—1954) перешёл на гражданскую службу (с 1912 — действительный статский советник, с 1911 — гофмейстер Двора), руководил Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения. В 1915 году назначен министром торговли и промышленности и оставался на этом посту вплоть до падения монархии. В апреле 1919 года уехал за границу, умер в Париже. Там же в 1952 году вышли в свет его воспоминания под весьма удачным названием «Sic transit gloria mundi» («Так проходит мирская слава»).

В эмиграции прозвучали имена ещё нескольких потомков рода князей Шаховских. Князь Дмитрий Алексеевич (1902—1989), в юности сражавшийся в Добровольческой армии, выпускник университета в Брюсселе, в 1926 году принял постриг на Афоне с именем Иоанн, с 1937 года — архимандрит, с 1947-го — епископ Бруклинский и ректор Свято-Владимирской семинарии под Нью-Йорком, с 1961-го —

архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (Американской православной церкви). В 1978 году ушёл на покой. Это — неизвестный архиепископ Иоанн Шаховской, духовный писатель и проповедник, который много лет вёл религиозные радиопередачи, транслировавшиеся в Россию по «Голосу Америки». За рубежом опубликованы его избранные труды в шести томах.

Его сестра княжна Зинаида Алексеевна (1906–2001), жившая во Франции, журналист и писатель (псевдоним Жан Круазе), автор двух десятков книг, в 1970-х годах — главный редактор парижской газеты «Русская мысль». Принимала участие в движении Сопротивления. За свою плодотворную деятельность удостоилась звания лауреата Французской академии, ордена Почётного легиона и других наград.

Князь Дмитрий Михайлович Шаховской (1934 г. р.), профессор университета Верхней Бретани (г. Ренн, Франция), доктор историко-филологических наук, является ныне одним из ведущих русских генеалогов. Издаёт фундаментальный справочник «Общество и дворянство Российское» (опубликовано 4 тома), где содержатся подробные исторические, библиографические и генеалогические сведения о родах российского дворянства, расположенных в алфавитном порядке. Его дальняя родственница Людмила Евгеньевна Морозова (правнучка княжны Глафиры Осиповны Шаховской) — доктор исторических наук, сотрудник Института российской истории РАН в Москве, специалист по русской истории XVI–XVII веков, особенно эпохи Смуты. Она — автор нескольких книг, в том числе биографий царей Фёдора Иоанновича, Бориса Годунова и Михаила Фёдоровича (Романова).

Один из князей Шаховских «удлинил» свою фамилию за счёт двойной фамилии исчезнувшего дворянского рода. Князь Михаил Валентинович Шаховской (1836–1892), племянник «декабристских жён», принадлежащий к одной из старших ветвей рода, окончил школу гвардейских подпрапорщиков и Академию Генерального штаба. В 1869 году в чине полковника он стал начальником штаба Рижского военного округа, а уже в следующем году — эстляндским губернатором и вскоре произведён в генерал-майоры. В 1875 году назначен тамбовским губернатором, в 1879-м — почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета Ведомства императрицы Марии Фёдоровны, с 1881 года — генерал-лейтенант. В 1862 году он женился на дочери генерал-майора Евгении Фёдоровне Бревен. Её мать — Наталья Петровна в девичестве носила двойную фамилию Глебова-Стрешнева, поскольку по матери происходила из этого угасавшего рода и её отцу сенатору Петру Фёдоровичу Глебову было разрешено именоваться Глебовым-Стрешневым. Но мужское потомство Петра Фёдоровича закончилось на его сыне Фёдоре Петровиче, поэтому Фёдор Петрович ходатайствовал о передаче фамилии Глебовых-Стрешневых мужу своей племянницы Евгении Фёдоровны Бревен — князю Шаховскому. Таким образом, благодаря столь сложным родственным связям князь Михаил Валентинович Шаховской в 1864 году приобрёл право именоваться князем Шаховским-

Глебовым-Стрешневым. Это была одна из немногих в России тройных фамилий.

Князья Бельские. Этот род на государственной службе не поднимался выше стольников и воевод. Последняя из князей Бельских — Рюриковичей — княжна Евдокия Андреевна (ум. в 1750), дочь стольника князя Андрея Фёдоровича, во втором браке (с 1713) была замужем за Степаном Андреевичем Колычевым (1660–1735), который в 1722 году первым возглавил Герольдмейстерскую контору — новое государственное учреждение, ведавшее российской геральдикой.

Князья Львовы. Родоначальник князей Львовых — князь Лев Данилович Зубатый имел трёх сыновей, из которых старший и младший — Дмитрий Львович Векошка и Андрей Львович Луговка стали основателями двух ветвей рода князей Львовых. Младшая ветвь (первоначально именовавшаяся князьями Луговкиными, а потом уже Львовыми) прекратила существование в конце XVIII века, старшая существует до сих пор. Уже в XVII веке род князей Львовых сильно разросся. Его многочисленные представители состояли на военной и приказной службе, были стольниками, стряпчими, но до высших чинов добирались редко. Только трое из князей Львовых достигли боярского звания, а шестеро в разное время управляли приказами. Как и потомки других древних, но не слишком богатых родов, князья Львовы находились на воеводствах в различных городах, участвовали в многочисленных военных походах. Так, в сражении под Нарвой в 1700 году погибло шестеро князей Львовых.

В XVII веке из князей Львовых ветви Векошкиных выдвинулся князь Алексей Михайлович Львов (ум. в 1653). Он был одним из сподвижников князя Д. М. Пожарского во Втором ополчении, освобождавшем Москву. Участвовал в Земском соборе и подписался на грамоте об избрании Михаила Романова царём. А в 1621 году князь отправился в Данию сватать за молодого государя племянницу датского короля, но его миссия успеха не имела — европейские дворы не спешили родниться с новой московской династией. В 1627 году Львов получил чин окольничьего, в дальнейшем служил в приказе Большого Дворца и возглавлял его до 1652 года. Важной заслугой Алексея Михайловича явилось заключение Поляновского мира с Речью Посполитой в 1634 году. Он вместе с боярином Ф. И. Шереметевым, бывшим членом Семибоярщины, вёл переговоры с поляками, увенчавшиеся подписанием мирного договора в деревне Семлёво на реке Поляновка. По условиям этого соглашения, польский король Владислав IV отказался от претензий на русский трон, и таким образом положение Михаила Фёдоровича обрело законный международный статус. Это был крупный успех русской дипломатии. В благодарность царь пожаловал князя Львова боярином. В 1648 году восставшие москвичи (так называемый Соляной бунт) в числе других боярских дворов разгромили и двор князя Львова. Потомства Алексей Михайлович не имел и незадолго до смерти принял постриг с именем Авраамия в Толгском монастыре.

Из князей Львовых, живших в XIX веке, нужно назвать князя Александра Дмитриевича (1863 —?). Это один из основателей пожар-

ного дела в России. В Стрельне под Петербургом он на собственные средства организовал добровольную пожарную дружину (команду), которая стала школой для подготовки брандмейстеров и высококвалифицированных пожарных. Первое руководство для пожарников: «Городские пожарные команды» (1890) написал князь Александр Дмитриевич. Он выступил с инициативой проведения первой всероссийской пожарной выставки в Петербурге в 1892 году, стал одним из учредителей Российского пожарного общества и редактором журнала «Пожарное дело».

Князь Владимир Владимирович Львов (1805—1856) занимался литературным творчеством. Он сочинял в основном для детей, а его сказки, написанные в псевдофольклорном стиле и предназначенные не только для детской, но и для простонародной аудитории, расходились огромными тиражами. Князь недолго был цензором Московского цензурного комитета и получил отставку «за небрежное отношение к своей должности» — разрешил отдельное издание «Записок охотника» И. С. Тургенева. Великий писатель тепло относился к семье Львова, и в частности помогал его дочери Елизавете Владимировне (1853 —?), пытавшейся также заниматься литературой. Она, кстати, доводилась двоюродной сестрой писателю графу Алексею Константиновичу Толстому, потому что Владимир Владимирович был женат на С. А. Перовской, сестре писателя Антония Погорельского (А. А. Перовского) и матери Толстого. «Просветительская и филантропическая деятельность Львова, — отмечает Н. Г. Охотин, — его попытки наладить постоянный выпуск дешёвых книг для народного чтения, организация народных школ, строительство больниц для крестьян (и занятия медициной, в частности гомеопатией), участие в разного рода благотворительных организациях и предприятиях, — всё это позволило современнику справедливо причислить Львова «к числу тех действителей, которые не уклоняются ни от какого труда, ни от какого занятия, как скоро надеются быть полезными».

Племянники Владимира Владимировича также проявили себя в сфере культуры. Князь Алексей Евгеньевич (1850—1937) в 1896—1917 годах являлся директором Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а князь Владимир Евгеньевич (1851—1920), дипломат и почётный опекун, в 1901—1916 годах возглавлял Московский главный архив Министерства иностранных дел (МГАМИД).

Но всероссийскую известность приобрёл их младший брат — князь Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925). Выпускник знаменитой Поливановской гимназии в Москве, он окончил юридический факультет Московского университета, в дальнейшем занимался предпринимательством и земской деятельностью. По своим взглядам он был одним из тех прекраснодушных мечтателей, что идеализировали крестьянскую общину, верили в «народную мудрость», способную самостоятельно обустроить жизнь на справедливых началах, уповали на положительные свойства «народной души». Князь входил в состав «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», после образования кадетской партии вступил и в неё, но позже покинул её ряды, идейно, впрочем, не порывая связи с кадетскими кругами.

Был депутатом I Государственной думы. В правительственных кругах его кандидатура даже рассматривалась на один из министерских постов. После 1906 года Георгий Евгеньевич посвятил свои силы в основном благотворительности. Во время Первой мировой войны возглавил Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а после того как эта организация объединилась с Всероссийским союзом городов, стал председателем Объединённого комитета земско-городского союза (Земгора). Он координировал работу по снаряжению и отправке на фронт санитарных поездов, снабжению армии лекарственными средствами и перевязочными материалами, организации складов и госпиталей. Князь пользовался большим авторитетом в либеральных сферах и ещё весной 1916 года деятели этого направления прочили его в премьер-министры. Когда же произошла Февральская революция, князь Львов действительно стал министром-председателем и одновременно министром внутренних дел Временного правительства. Он сохранил пост премьер-министра и в его втором составе, уйдя в отставку 7 июля 1917 года («июльский кризис»). После того как к власти пришли большевики, Георгия Евгеньевича арестовали в Тюмени и перевезли в Екатеринбург, но ему удалось бежать из заключения и через Омск и Дальний Восток покинуть пределы России.

В эмиграции Львов был одним из организаторов «Русского политического совещания», организовывал биржи труда для беженцев из России, передал туда все деньги, хранившиеся на счету Земгора в Национальном банке Америки. Потом жил в Париже, пытался заняться литературой и написал интересные воспоминания, недавно опубликованные на Родине. В последние годы жизни князь остался практически без средств к существованию. Бывший премьер-министр России зарабатывал на жизнь тем, что шил на продажу бумажники и кошельки. Георгий Евгеньевич умер в большой бедности и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Бывшие соратники отзывались о его прошлой деятельности весьма прохладно: «Надо признать, что выбор князя Львова главой революционного правительства был столь же неудачен, сколько он был в своё время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленчеством и облачённая в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль, — это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера» (П. Н. Милуков). «Он не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для противодействия всё растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи. Он чужд был честолюбия и не цеплялся за власть» (В. Д. Набоков). Однако остаётся не до конца понятным, что же сделали для России сами критики первого «революционного премьера»?

Из второй ветви князей Львовых происходил князь Семён Иванович (погиб в 1671), стольник и воевода. В 1667 году его назначили помощником воеводы в Астрахани. Когда вспыхнул мятеж Степана Разина, князь выступил с отрядом против восставших казаков, но попал в плен и сидел под охраной в городе, в качестве заложника. Когда соратники Разина узнали о казни своего предводите-

ля в Москве, они подвергли Семёна Ивановича жестоким пыткам и потом убили.

Князь Пётр Григорьевич Львов, воевода в Вологде и Архангельске, в составе русского войска дважды ходил под Азов — в 1695 и 1696 годах. После взятия крепости Пётр I назначил Львова первым русским воеводой Азова. Затем князя пожаловали окольничим. На свои средства он построил в Воронеже два корабля для русского флота.

Князья Хворостинины. В XVI — начале XVII века князья Хворостинины (своей фамилией они обязаны прозвищу родоначальника князя Михаила Васильевича Хворосты) занимали видное положение при московском дворе. Даже участие в опричнине не слишком затронуло их статус (ведь многие опричники сами потом погибли). Хворостинины «прославились» и в Смутное время. Один из них — князь Иван Дмитриевич был воеводой в Астрахани и признал там власть одного из многочисленных самозванцев — «царевича» Ивана-Августа. При Лжедмитрии I особым влиянием пользовался другой князь, Иван Хворостинин, ставший близким к нему человеком. За это он поплатился ссылкой в Иосифо-Волоколамский монастырь, а потом за глумление над верой и сочинение виршей, порочащих государя, был отправлен в Кириллов монастырь. После покаяния он вернулся в Москву и умер в 1625 году. Князь Хворостинин считается одним из наиболее примечательных русских писателей XVII века.

Последняя в роде Хворостининых княжна Мария Фёдоровна (1651—1723) в 1671 году вышла замуж за князя Бориса Алексеича Голицына (1654—1714), воспитателя Петра I, владельца подмосковных Вязём.

Князья Прозоровские. Фамилия князей Прозоровских происходит от названия их вотчины — села Прозорова в Моложском уезде, на территории бывшего Ярославского княжества. Относительно происхождения этой фамилии нет единого мнения. Историки обычно говорят Прозоровские, потомки рода — Прозоровские, а знаменитый лингвист Б.-О. Унбегаун в своей книге «Русские фамилии» приводит, по его убеждению, верную форму Прозоровские.

«Князья Прозоровские в XVII веке возводились в бояре из стольников, минуя чин окольничего, занимали выгодные должности судей в приказах, полковых и городских воевод» («Дворянские роды Российской Империи». Т. 1). Этому предшествовали тяжёлые для рода времена царствования Ивана Грозного. Несколько князей Прозоровских были убиты по его приказу. Князь Василия Ивановича, например, лишил жизни его родной брат Никита, которого считали безумным. Был погублен и брат Василия — Александр Иванович, воевода во время Ливонской войны. Опала на князей Прозоровских объяснялась, вероятно, их близким родством с князем Андреем Курбским. На родной сестре Курбского был женат князь Михаил Фёдорович Прозоровский, двоюродный брат Ивановичей. Михаил находился в Юрьеве при своём родственнике вторым воеводой. Он знал о замыслах шурина, и после того как князь Курбский бежал в Литву, Михаил Фёдорович казнили за доношительство. А потом настал черёд и его двоюродных братьев.

Но род Прозоровских выжил. В первой половине XVII века на войне и в мирное время служил русским государям князь Семён Васильевич (ум. в 1660). Участник оподчтения князя Д. М. Пожарского, он успешно сражался со шведами и поляками, управлял разными городами, а в 1632 году, когда началась война с Речью Посполитой за Смоленск, направился на подмогу боярину М. Б. Шеину. Но войну Россия проиграла, Шеин пал жертвой придворных интриг и был казнён. Такая же участь грозила и Прозоровскому, но за него вступилась царица Евдокия Лукьяновна, жена Михаила Фёдоровича. Князя приговорили к ссылке в Сибирь, через месяц отправили в Нижний Новгород, а позднее и вовсе вернули в Москву. Его дальнейшая служба проходила уже без помех: в 1646 году он получил чин боярина, а во время похода 1654 года, в начале войны с Речью Посполитой за Украину, был вторым воеводой Большого полка и отличился при осаде Смоленска, за что удостоился богатых царских подарков.

Трагическая судьба ждала двух его сыновей — Ивана и Михаила. Оба они успешно командовали войсками в период русско-польской войны, а Иван Семёнович даже возглавлял русскую делегацию на переговорах со шведами, способствуя заключению Кардисского мира в 1661 году. В 1667 году братьев отправили на воеводство в Астрахань. Этот крупный город связывал Россию с восточными странами, сюда стекались товары с Востока, здесь останавливались иноземные купцы из Персии и Индии. Население Астрахани было пёстрым. Южное Поволжье привлекало вольготной жизнью. В этот богатый край, подальше от государственной власти, бежали многие обездоленные. Местный люд легко мог поддаться мятежу. Тем более что весной 1670 года с Дона двинулась казачья вольница во главе с лихим атаманом Степаном Разиным. Восставшие без особого труда овладели городом. Тем не менее боярин Иван Прозоровский защищался до последнего. В бою погиб его брат Михаил. Самого воеводу, тяжело раненного, еле живого, приволокли к атаману. Разин приказал сбросить Ивана Семёновича с городской башни, и тот разбился насмерть. Восемилетнего сына князя — Бориса повесили за ноги на городской стене. Мальчик уцелел, но до конца своих дней остался калекой. Другого сына, тоже Бориса, разинцы пощадили. Он умер в начале XVIII века, уже в петровскую эпоху.

Доверенным лицом Петра был самый старший сын астраханского воеводы — князь Пётр Иванович. Боярин с 1679 года, он являлся одним из воспитателей царевичей Ивана и Петра Алексеичей. Пётр относился к нему с огромным уважением. В 1689 году царь назначил Петра Ивановича в приказ Большой казны, ведавший финансами страны, а позже боярин руководил Оружейной палатой. Когда государь отправился вместе с Великим посольством за границу, он поручил управление государством нескольким доверенным людям во главе с князем Ф. Ю. Ромодановским. Среди них был и князь Прозоровский.

Началась Северная война. Русские войска разбиты под Нарвой. Царь срочно формирует новую армию, укрепляет и вооружает её. А для этого требовались немалые средства. Тогда Пётр попросил Прозоровского переплавить в деньги все серебряные вещи, хранившиеся в Ору-

жейной палате, и вскоре получил от князя нововыбитые монеты. Позднее в разговоре с Петром Ивановичем царь пожалел, что теперь нельзя было увидеть те серебряные изделия. Боярин ответил, что сохранил всё неприкосновенным. Оказалось, что, ведая казной, он скопил для государства много денег и потому в тяжёлый момент смог их предоставить царю. Пётр попросил Прозоровского показать ему свою кладовую. Князь выдвинул условие не брать с собой Меншикова, известного ненасытным стяжательством. Когда царь увидел сохранённые своим верным боярином в тайнике богатства, он отложил несколько мешков с деньгами и отдал Прозоровскому со словами: «Это тебе». Но князь Пётр Иванович отказался, заметив, что, если б желал, уже давно мог бы завладеть всей этой казной.

Двоюродный брат Петра Ивановича — боярин князь Алексей Петрович по поручению Петра I в 1700—1701 годах на Северной Двине укреплял Архангельск и Холмогоры от возможного нападения шведов. В 1701 году он заложил крепость Ново-Двинку. Летом того же года шведские корабли попытались атаковать русское побережье, но были отбиты, а два из них приведены в Архангельск. Нашим современникам имя Алексея Петровича может быть известно по историческому фильму «Россия молодая», где он является одним из героев, показанным, правда, в весьма нелестном свете.

На княжне Варваре Ивановне Прозоровской (1750—1806), дочери генерал-аншефа, в 1774 году женился величайший полководец Александр Васильевич Суворов (1730—1800), граф Рымникский (с 1789), князь Итальянский (с 1799), испанский гранд, князь королевства Сардинского с титулом «кузен короля», генералиссимус русской армии (1799), генерал-фельдмаршал австрийской армии, великий маршал пьемонтских войск. Семейного счастья не получилось, вскоре обнаружилась неверность Варвары Ивановны, и Суворов даже подумывал о разводе. Но супруги помирились и окончательно расстались только в середине 1780-х годов. От этого брака родились дочь Наталия, «Суворочка» (1775—1844), в 1795 году вышедшая замуж за обер-штальмейстера графа Николая Александровича Зубова (1763—1805), родного брата последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова, и Аркадий (1784—1811), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, отчаянный смельчак и талантливый военный. «Идеал офицера и солдата», Аркадий погиб во время русско-турецкой войны при переправе через ту самую реку Рымник, у которой когда-то одержал одну из своих блестящих побед его отец. Молодой Суворов утонул, спасая своего не умеющего плавать кучера, когда его коляска случайно опрокинулась.

Сыновьям Аркадия Александровича с их потомством в 1848 году Николай I пожаловал титул светлости, и таким образом они стали светлейшими князьями Итальянскими графами Суворовыми-Рымникскими. Старший сын Александр Аркадьевич (1804—1882) в молодости был связан с декабристами. После подавления восстания его привели к Николаю I, но государь со словами: «Не хочу верить, чтобы внук Суворова был злоумышленник» — приказал следствие по его делу прекратить. В дальнейшем князь Александр участвовал в нескольких вой-

нах, достиг чина генерала от инфантерии (1859), в качестве генерал-губернатора 14 лет управлял Прибалтикой (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия), и в Риге до сих пор сохранился старинный замок, где находилась его резиденция. В 1861 году назначен петербургским военным генерал-губернатором, в 1866 году — генерал-инспектором всей пехоты, состоял членом Государственного Совета. Со смертью его сына Николая Александровича в 1893 году род светлейших князей Итальянских графов Суворовых-Рымникских в мужском представительстве прекратился.

Кстати, внук «Суворочки» и Зубова — генерал-лейтенант Николай Владимирович Мезенцов (1827—1878), шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, убитый во время прогулки на площади в Петербурге революционером С. М. Кравчинским (писал под псевдонимом Степняк-Кравчинский). Правнучка «Суворочки» и Зубова — Ольга Борисовна Нейдгарт (1859—1944) была женой российского премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина (1862—1911), а её сестра Анна Борисовна (1868—1939) — женой Сергея Дмитриевича Сазонова (1860—1927), министра иностранных дел в 1910—1916 годах.

Дальний свойственник Суворова князь Александр Александрович Прозоровский (1732—1809) также был видным военачальником. Он окончил Шляхетный сухопутный кадетский корпус, получил несколько ранений во время Семилетней войны (за храбрость под Цорндорфом произведён в майоры), во время русско-турецкой кампании 1768—1774 годов разбил 20-тысячную турецкую армию, осуществил переправу через Сиваш и штурмовал Перекоп. С 1783 года генерал-аншеф, в феврале 1790 года стал московским главнокомандующим и сенатором. На своём посту в Первопрестольной он оставался до марта 1795 года. За это время много содействовал развитию города, занимался планировкой Москвы и в 1791 году организовал Комиссию сочинения городу Москве плана, в работе которой принимал участие великий М. Ф. Казаков. Князь полагал, что необходимо выработать новый подход к планировке города, в частности «рассмотреть потребно переулки, которые с такими непристойными изворотами, что стыдно видеть сию связь улиц древней столицы».

Работа комиссии не успела завершиться при Прозоровском. Павел I назначил князя командиром I-й Смоленской дивизии, но через несколько месяцев уволил с должности. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов Александр I назначил старого вояку главнокомандующим русской армией в чине генерал-фельдмаршала, и Прозоровский попросил императора дать ему в помощники М. И. Голенищева-Кутузова. Однако отношения между полководцами вскоре расстроились. Старейший и больной фельдмаршал не смог добиться успеха в военных действиях и в августе 1809 года умер в своём лагере близ Мачина.

Его дочь Анна с 1809 года была женой егермейстера князя Фёдора Сергеевича Голицына (1781—1826). Старший сын от этого брака князь Александр Фёдорович Голицын (1810—1898), внук полководца, в ноябре 1854 года получил право присоединить фамилию

Прозоровских к своей и именоваться князем Голицыным-Прозоровским. Эта фамилия просуществовала, впрочем, недолго. Последним её носителем был сын Александра Фёдоровича — генерал-лейтенант князь Александр Александрович (1853—1914). Род же собственно князей Прозоровских пресёкся в 1870 году (последний в роде — генерал-майор князь Александр Петрович Прозоровский, внучатый племянник фельдмаршала).

Князья Дуловы. Князья Дуловы происходят от моложского князя Андрея Львовича, имевшего прозвище Дуло. Он находился на службе у последнего тверского князя Михаила Борисовича и вместе с ним бежал в Литву, где и умер. Сыновья Андрея Львовича — Иван и Григорий вернулись в Москву. В XVII веке князья Дуловы не поднимались выше воевод и стольников, а в XVIII веке этот род настолько обеднел и захудал, что его потомки утратили княжеский титул и потом, начиная с середины XIX века, неоднократно возбуждали ходатайства о признании за ними княжеского достоинства. Удалось это только в 1916 году.

В XX веке князья Дуловы внесли большой вклад в музыкальную жизнь России. Георгий Николаевич Дулов (1875—1940) был известным скрипачом и сам сочинил несколько скрипичных и вокальных пьес. В 1896—1901 годах он возглавлял в Петербурге струнный «квартет Мекленбургского», организованный герцогом Георгием Георгиевичем Мекленбургским, внуком великого князя Михаила Павловича. В 1901—1924 годах преподавал в Московской консерватории, став в 1912 году её профессором. Составил «Полный курс скрипичной игры» (12 тетрадей).

Его дочь — Вера Георгиевна Дулова (1909—2000) окончила Московскую консерваторию по классу арфы. Она приобрела мировую известность как виртуозная исполнительница-арфистка, в 1932—1984 годах являлась солисткой оркестра Большого театра, а с 1943 года преподавала в Московской консерватории (с 1958 года профессор). Ей принадлежат обработки для арфы многих музыкальных произведений. Своим богатым исполнительским и педагогическим опытом Вера Георгиевна поделилась в книге «Искусство игры на арфе» (М., 1975). В 1976 году ей было присвоено звание народной артистки СССР.

В гербах родов, происшедших от ярославских князей, присутствует и герб Ярославля — идущий медведь, держащий на плече протазан. Эта эмблема известна с XVIII века (таково изображение ярославского герба в «Титулярнике» 1672 года). Напомним, что, вероятно, она уходит к легенде об основании Ярославля на том месте, где князь Ярослав Мудрый убил медведя на глазах у местных жителей, что воспринималось в средневековой Руси как символ победы христианства над местными языческими культурами (Ярославль находится на территории, где когда-то жили финно-угорские племена, одним из древних тотемов которых являлся медведь). К слову сказать, изображение охоты на медведя имеется и на фресках Софии Киевской, что также, по мнению некоторых исследователей, может служить отражением истории, связанной с именем Ярослава и основанием города Ярославля.

ПОТОМКИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Теперь обратимся к потомству Юрия Владимировича Долгорукого. Как уже говорилось, он был женат два раза: первой его женой была дочь половецкого хана Аелпы, второй — византийская принцесса, родственница императора Мануила Комнина. От обоих браков Юрий имел 14 детей. Определить, какие дети родились от первого брака, а какие от второго, очень сложно. Ясно, что, например, старшие сыновья — Ростислав и Андрей были детьми половчанки. М. М. Герасимов восстановил в своё время по черепу портрет Андрея: перед нами лицо типичного половца. Мстислав, Василько, Михаил и Всеволод — младшие Юрьевичи были детьми византийской принцессы. Предположительно Всеволод изображен на иконе Святого Дмитрия Солунского, в честь которого он получил христианское имя (ныне хранится в Третьяковской галерее), — это типично греческое лицо. Мстислав и Василько некоторое время жили в Византии, где их приняли родственники матери. Из сыновей Юрия упомянем наиболее значительных.

Старший сын — Ростислав-Иаков (ум. 1151) был князем новгородским, некоторое время бужским, а затем переяславским. Оставил двух сыновей — Мстислава-Иоанна Безокого (ум. в 1178), князя новгородского (он был ослеплён в 1177 году в темнице, став жертвой княжеских усобиц), и Ярополка-Фёдора, который был князем киевским, а затем, после убийства Андрея Боголюбского, недолго великим князем владимирским (осень 1174—15.06.1175). Ярополк воевал с дядей Михаилом за владимирский стол, но проиграл. Потом Ярополк был князем Торжка, умер он в конце XII века. Мужское потомство Ростислава Юрьевича пресеклось на сыне Мстислава Безокого Святославе. Помимо сыновей Ростислав Юрьевич имел также дочь (ум. в 1179), которая вышла замуж за рязанского князя Глеба Ростиславича (ум. в 1177 во владимирской тюрьме).

Андрей Юрьевич, прозванием Боголюбский, 4 июня 1157 года был избран князем Ростово-Суздальской земли. Андрей является одним из самых знаменитых деятелей второй половины XII века, он сделал Владимирскую Русь одной из ведущих и сильнейших русских земель. Князь Андрей Юрьевич отличался незаурядным умом и немалой храбростью, он был верным помощником отца во всех делах. Но, когда Юрий занял Киев, сын не захотел остаться на юге Руси и самовольно вернулся в Суздаль. С собой из Киева он взял икону Богородицы. Везшие её лошади неподалёку от Владимира вдруг встали как вкопанные. Это сочли добрым предзнаменованием, и на том месте Андрей основал свою резиденцию — Боголюбово. Здесь построили княжеский замок и возвели храм Рождества Богородицы. От названия города произошло и прозвище самого князя. Икону же поместили во владимирском Успенском соборе, и с тех пор она называется Владимирской. Это одна из самых почитаемых икон на Руси (ныне хранится в Третьяковской галерее).

Став князем, Андрей проявил крутой и решительный нрав. Недаром современники отмечали, что он ни перед кем не склонял головы. Внешняя «гордость» князя объяснялась просто: исследование его ске-

лета показало, что у Андрея срослись два шейных позвонка и потому его голова навсегда приобрела столь заносчивую посадку. Своих младших братьев вместе с мачехой он выслал к их родственникам в Византию. Стремясь укрепить свою власть, перенёс столицу княжества во Владимир, где вечевые традиции были слабее, чем в древнем Ростове. Андрей совершил несколько успешных походов на Волжскую Булгарию и русские княжества. В 1169 году его войска захватили Киев, но сам князь не поехал туда, а послал младшего брата Глеба. Впрочем, попытка установить контроль над Киевом не удалась. Горожане вскоре отравили Глеба и призвали нового князя, враждовавшего с Андреем. Более успешной была борьба за Новгород. Дважды разгромленный новгородцами, владимирский князь перекрыл им ввоз хлеба и заставил подчиниться своей воле.

«Самовластие» Андрея раздражало бояр. Боясь заговора, князь перебрался в Боголюбово, окружив себя преданными людьми. Однако именно в их среде и возник план его убийства. Летней ночью 1174 года слуги ворвались в спальню князя и закололи его. Ипатьевская летопись содержит красочный рассказ о гибели Андрея. Убийцы «жестоко боролись с ним, потому что он был очень силён, рубили его мечами и саблями и наносили ему раны копьём». Истекавший кровью князь нашёл в себе силы спуститься по летнице на первый этаж дворца и у лестничного столба нашёл свою смерть. Один из заговорщиков отрубил Боголюбскому правую руку. Потом труп выбросили в огород на растерзание псам, но один благочестивый киевлянин спас тело своего господина от поругания. Зачинщиками убийства летопись называет зятя Кучки Петра, слугу князя Якима Кучковича и ключника Амбала, родом ясина (осетина). Относительно Кучки существует легенда, что боярину Степану Кучке принадлежали сёла на Москве-реке, и когда Юрий Долгорукий основал город, он убил Степана. Поэтому, если Кучковичи действительно являлись родственниками бывшего владельца московских земель, то убийство ими Андрея можно рассматривать как акт родовой мести.

Кто была жена Андрея, и принимала ли она участие в заговоре — неизвестно. По летописным данным, Андрей был женат на болгарке, а В. Н. Татищев писал, что жена князя происходила с Северного Кавказа. В этом случае в заговоре принимал участие её соотечественник. Любопытно, что в богато иллюстрированной Радзивилловской летописи на рисунке, показывающем гибель князя, имеется изображение женщины, держащей правую руку убитого. Историки полагают, что это жена Андрея. Согласно очень позднему преданию, ею даже могла быть дочь самого Степана Кучки — Улита, но насколько эти сведения достоверны, сказать сложно.

Андрей почитается святым Русской православной церкви. Мужское потомство владимирского князя пресеклось на его внуках. Дочь Ростислава вышла замуж за Святослава Владимировича, князя вщижского, из рода Олега «Гориславича», но потомков не оставила. Из сыновей Андрея наиболее известен Юрий (имя Юрий тоже стало родовым именем Всеволодовичей). В 1185 году он женился на грузинской царице Тамар (св. Тамар Великая). Однако через некоторое время Та-

мар развелась с ним (Юрий был содомитом). Юрий пытался захватить грузинский престол и даже был провозглашён частью грузинских вельмож царём, но все его старания оказались тщетными. Он умер, очевидно, в 1190-х годах и был похоронен в церкви св. Георгия в Тбилиси.

Глеб Юрьевич, ещё один сын Долгорукого, был князем Канева, затем Переяславля. 12 марта 1169 года Андрей посадил его на киевский великокняжеский стол. Однако Глеб повторил судьбу своего отца. 20 марта 1171 года он был отравлен киевлянами и похоронен в том же Спасском монастыре Берёстова, где и Юрий. Два его сына Владимир и Изяслав, очевидно, потомства не оставили. Дочь Ольга (семейное имя Всеволодовичей, так звали одну из дочерей Долгорукого) вышла замуж за князя трубчевского и курского Всеволода Святославича («Буй-Тур Всеволод» в «Слове о полку Игореве», брат Игоря) и упомянута в «Слове...» («Глебовна»).

Михаил (Михалко) Юрьевич в 1171 году недолго был киевским князем, а потом владел Торческом и Переяславлем. С 15 июня 1175 года и вплоть до смерти Михалко был великим князем владимирским (ум. 19.06.1176). Мужское потомство Михалка быстро извелось, лишь вскользь упоминается его сын Борис.

Всеволода III (19.10.1154—15.04.1212, в крещении Дмитрий, в его честь основан город Дмитров) постигла участь братьев: Андрей выслал его из Руси, и Всеволод оказался в Византии. Потом он вернулся, был недолго князем киевским, владел Городцом-Остерским, наконец, после смерти Михалка занял великое владимирское княжение, где правил 35 лет. По своей матери, гречанке, Всеволод происходил от византийской императорской династии. В русской истории этот князь получил прозвище Большое Гнездо, потому что к концу XIII века во всей Владимиро-Суздальской Руси княжили его потомки.

Время правления Всеволода Юрьевича — это эпоха расцвета Владимирского княжества. Сильный правитель, он смог обуздать бояр, установив в своём государстве единоличную власть. Успешной была и его внешняя политика. Победой закончились несколько походов на Волжскую Булгарию. Под влияние Владимира попало и соседнее Рязанское княжество. Слава о Всеволоде достигла и Киева, и Галицко-Волынской земли, а автор «Слова о полку Игореве» восклицал: «Силён ты вёслами Волгу разбрызгать, а Дон шеломами вычерпать!» При Всеволоде Владимирское княжество стало называться великим.

Всеволод был женат три раза и оставил 15 детей. Дочери — Всеслава, Верхуслава, Сбыслава, Елена не имели сколько-нибудь значительных потомков. Сыновья — Борис, Глеб, Фёдор, Гавриил и Василий, вероятно, также потомства не оставили. Владимир-Дмитрий Всеволодович (25.10.1193—6.01.1228) в 1213 году недолго был князем московским. Это первый известный нам московский князь. Святослав-Гавриил Всеволодович был года два великим князем владимирским и является родоначальником князей города Юрьева-Польского, но этот род быстро пресёкся.

Великий князь владимирский во время нашествия Батыя Юрий Всеволодович (26.11.1187—4.03.1238) погиб в битве с монголами на ре-

ке Сити. Он причислен к лику святых Русской православной церковью. Почти вся его семья, включая сына Владимира, сидевшего в Москве, была истреблена монголами в 1238 году. Владимира враги захватили в плен и притащили под стены города, требуя жителей сдаться, а потом убили. В живых осталась лишь одна дочь, выданная ранее замуж за брата Даниила галицкого — Василько Романовича. Разветвлённое потомство пошло от трёх сыновей Всеволода III — Константина, Ярослава и Ивана.

Старший сын Всеволода Константин (18.05.1185 — 2.02.1218) стал родоначальником ростовской и белозерской династий Рюриковичей. Он был старше Юрия на два года, но тем не менее отец завещал владимирское княжение не ему, а Юрию. Это послужило толчком для новых усобиц. Константин начал войну. В союзе с новгородским князем Мстиславом Удатным он разбил дружины Юрия в 1216 году в Липицкой битве (произошла на Липицком поле у реки Липицы неподалёку от Юрьева-Польского). Только тогда Константин смог занять великокняжеский стол. Но после смерти Константина Юрий вновь стал великим владимирским князем.

Раздробленность и усобицы не обошли стороной и Владимиро-Суздальскую Русь. Уже после смерти Всеволода начали выделяться всё новые и новые княжества: Ярославское, Ростовское, Юрьев-Польское и многие другие, и даже монгольское нашествие не остановило этот процесс.

Сын Константин Всеволодовича — Василько Константинович (род. 7.12.1209), князь ростовский, в 1238 году принял мученическую смерть от монголов после разгрома на Сити и является одним из наиболее почитаемых русских святых. Воины Батые захватили раненого князя в плен и привели в Шеренский лес (в 25 верстах от города Кашина). Ему предложили перейти на службу к завоевателям, сулили власть и блага, но мужественный герой с презрением отверг эти предложения. Василька долго мучили и наконец убили. Его женой была дочь князя Михаила Всеволодовича черниговского — Мария (свадьба состоялась 10 февраля 1227 года в Москве). Её отец также погиб от ордынских мечей, только в 1246 году. Потеряв и мужа, и отца, Мария вместе с сыновьями установила в их честь церковное почитание в Ростове. Княгиня ушла в основанный ею на окраине Ростова Спасский монастырь, где занялась летописанием (возможно, её записи сохранились в составе Лаврентьевской летописи). Она отличалась высокой образованностью, любила книжность и почитается одной из выдающихся женщин Древней Руси. Скончалась в 1271 году и похоронена в монастыре, который создала.

Символичными оказались имена, которые дали своим сыновьям Василько и Мария, — Борис и Глеб. Эти имена первых князей-мучеников словно предопределили трагическую гибель двух членов семьи — князя черниговского и его зятя князя ростовского. От старшего сына Бориса (1231—1277), женатого на княжне муромской Марии Ярославне (ум. в 1297), пошла ростовская династия, от другого сына Глеба (ум. в 1278), женатого на ордынке, — белозерская.

В XIV веке ростовские Рюриковичи разделились на две ветви, и в соответствии с этим княжество и сам город были поделены на две части. Обе ветви происходят от двух правнуков Бориса Васильковича: потомство старшего, Фёдора Васильевича (ум. в 1331), владело Сретенской стороной Ростова; потомки младшего, Константина Васильевича (ум. в 1365), — Борисоглебской стороной. И с тех пор «род князей Ростовских пошёл надвое».

Константин был женат на дочери Ивана Калиты Марии. Московские князья постепенно присоединили к своим землям и обе части Ростовского княжества, но не путём захвата, а с помощью денег — просто купили у князей их владетельные права. Сретенская сторона окончательно утратила самостоятельность при Василии I. Внук Фёдора Васильевича — Иван Андреевич продал свои оставшиеся владения великому владимирскому и московскому князю (хотя ещё при Иване Калите московские князья приобрели какие-то права на Сретенскую часть). А Борисоглебская часть просуществовала дольше. Потомки этой линии ростовской династии (двоюродные братья, правнуки Константина Васильевича — князья Владимир Андреевич и Иван Иванович Долгой) продали свою отчину Ивану III зимой 1474 года.

Раздробленность Ростовского княжества (как и многих других русских княжеств) породила весёлую народную поговорку: «В Ростовской земле князь в каждом селе». И действительно, сильно разросшийся княжеский род дробил свои владения всё больше и больше, так что князьям уже не хватало городов, и они наделялись сёлами. Но постепенно все эти мелкие уделы вливались в Московскую Русь, а их правители переходили ко двору своих новых сюзеренов на положение служилых князей. Однако в отличие от потомков черниговской или смоленской династии ростовские князья смогли сохранить за собой свои княжеские титулы.

От старшей, «сретенской», линии ростовских князей произошли роды князей Щепиных-Ростовских, Приемковых-Ростовских, Гвоздевых-Ростовских, Бахтеяровых-Ростовских и Голениных-Ростовских. От младшей, «борисоглебской», ветви — князья Хохолковы-Ростовские, Катыревы-Ростовские, Буйносовы-Ростовские, Яновы-Ростовские, Темкины-Ростовские, Пужбольские-Ростовские, Ласткины (также Ласкины)-Ростовские, Касаткины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Голубые-Ростовские, Бригые-Ростовские и Бычковы-Ростовские. Большинство этих родов исчезло ещё в допетровской Руси, но некоторые существовали и позднее. Как всегда, отметим наиболее известных потомков ростовских князей.

Князья Щепины-Ростовские. Их фамилия произошла от прозвища родоначальника — князя Александра Фёдоровича Щепы, женатого на двоюродной сестре Ивана Ивановича Годуна (основателя рода Годуновых). В XVI—XVII веках Щепины-Ростовские служили воеводами и стольниками. Этот род не принадлежал к числу знатных.

Князь Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский (1798—1858) воспитывался в Морском кадетском корпусе, откуда выпущен мич-

маном в 1816 году. Служил на флоте: в 1817 и 1818 годах находился в плавании от Кронштадта до испанского порта Кадис и обратно. В 1819 году переведён в Гвардейский экипаж, уволен от службы капитан-лейтенантом в 1822 году. Однако через год вновь определён на службу поручиком в лейб-гвардии Московский полк, штабс-капитан (1824). Хотя князь и не состоял в тайных обществах, он принял деятельное участие в восстании декабристов на Сенатской площади. Ранним утром 14 декабря он, вместе с братьями Александром и Михаилом Бестужевыми возмущая свою воинскую часть, саблей ранил полкового командира генерал-майора барона Фредерикса, полковника Хвощинского и двух grenадер, захватив полковое знамя. Солдаты Московского полка во главе с Бестужевыми и Щепиным-Ростовским первыми пришли на Сенатскую площадь. После подавления мятежа потомка ростовских князей первым из декабристов доставили в Зимний дворец к Николаю I. Князя осудили по I разряду, но по конфирмации приговорили в каторжную работу вечно. Лишённого титула и дворянства Дмитрия Александровича отправили в Сибирь. Срок его неоднократно сокращался, и в 1839 году Щепина перевели на поселение. По манифесту об амнистии декабристов 1856 года, «дарованы ему и законным детям, рождённым после приговора, все права потомственного дворянства без титула, прежде им носимого и без права на прежнее имущество, с разрешением свободного жительство везде, кроме столиц, под надзором». С января 1857 года бывший декабрист жил в Ростовском уезде, а умер в городе Шуе Владимирской губернии. Он был последним князем Щепиным-Ростовским.

Князья Катыревы-Ростовские. Своей фамилией они обязаны родоначальнику — боярину Василию III князю Ивану Андреевичу Катырю. Род продолжался недолго. Его последний представитель — князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский женился на Татьяне Фёдоровне Романовой, родной сестре будущего царя Михаила Фёдоровича, умершей в очень молодом возрасте от многих лишений Смутного времени. В правление своего шурина князь Катырев-Ростовский служил в московском судном приказе и затем воеводой в Новгороде. Знаменитым в последующих веках сделало его предполагаемое авторство «Летописной книги», созданной в 1626 году. Это одно из лучших произведений, посвящённых Смуте. В конце него помещена великолепная портретная галерея: «Описание краткое царей московских, их внешности и нрава», в которой впервые в русской литературе дана психологическая характеристика русских правителей конца XVI — начала XVII века. Князь Иван Михайлович скончался в ноябре 1640 года, и с ним прекратился род Катыревых-Ростовских.

Князья Буйносовы-Ростовские. Основатель этого рода князь Иван Александрович Хохолков носил прозвище Буйнос. На дочери князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского в 1608 году вторым браком женился царь Василий Иванович (Шуйский). Первоначально её звали Екатериной, но по востехствию на престол нарекли Марией. В 1610 году Шуйского свергли с престола, а его жену постригли в монастырь с именем Елена. Её дочери Анна и Анастасия умерли в младенчестве.

Инокния Елена жила в московском Новодевичьем монастыре. В 1615 году царь Михаил Фёдорович прислал ей на новоселье сорок соболей. Вероятно, к тому времени для бывшей царицы были обустроены отдельные кельи. Через десять лет, в 1626 году, царственная монахиня скончалась. На сестре Екатерины — Пелагее (ум. в 1654) был женат князь Алексей Григорьевич Долгоруков (ум. в 1646), а на другой сестре, Марии, — боярин князь Иван Михайлович Воротынский (один из тех, кто сверг Шуйского с престола, а затем стал членом Семибоярщины). Род князей Буйносовых-Ростовских исчез к концу XVII века. А. Н. Толстой использовал эту фамилию для старинной боярской семьи — персонажей своего романа «Пётр I».

Князья Темкины-Ростовские. Их родоначальник воевода князь Иван Иванович Темка в 1516 году пал в бою с литовцами на Днепре. Его потомок князь Василий Иванович служил старицкою князю Владимиру Андреевичу, потом стал одним из главных опричников при Иване Грозном. Совершив немало злодеяний, он окончил свою жизнь на плахе в 1572 году. «Его не спасли ни умело выполненное грязное поручение царя в Соловецком монастыре (тогда он собирал «компромат» на митрополита Филиппа, который в своё время был игуменом этой обители. — *Е. П.*), ни палаческое усердие 25 июля 1570 года (во время массовых казней в Москве), когда этот Рюрикович как простой палач лично рубил головы. Вероятно, ему было поставлено в вину, что он не отстоял от огня опричный дворец во время набега Девлет-Гирея в 1571 году. Незадолго до казни князь Василий вынужден был отдать свои вотчины в виде компенсации отцу казнённого им без вины человека («за сына его убитую голову») (В. Б. Кобрин). Вместе с князем казнили и его сына воеводу Ивана Васильевича. Последние сведения о князьях Темкиных-Ростовских относятся к концу XVII века.

Князья Касаткины-Ростовские. Князья Касаткины-Ростовские произошли от князя Михаила Александровича по прозвищу Касатка. Его младший брат Иван Лобан — предок князей Лобановых-Ростовских. Касаткины-Ростовские из поколения в поколение были военными, но до высоких чинов не доходили.

В начале XX века развернулась литературная деятельность князя Фёдора Николаевича Касаткина-Ростовского (1875–1940). Выпускник Пажеского корпуса, князь служил в одном из старейших русских полков — лейб-гвардии Семёновском. К истории своей воинской части он относился с большим пиететом и даже опубликовал «Памятку семёновца», где в краткой и доступной форме изложил всю героическую историю полка. Профессиональный военный, Фёдор Николаевич занимался поэзией и опубликовал несколько сборников своих стихотворений. Их отличала искренность чувств, романтика образов, лёгкость и выразительность стиха. Его произведения приобрели большую популярность, более 30 романсов написаны на слова Касаткина-Ростовского. Князь занимался и переводами, в частности поэзии французских символистов и «парнасцев». Оставил след и в драматургии: некоторые его пьесы с успехом шли на сцене. Удачными были и сочинения князя на патриотические темы. Так, в 1912 году, когда праздновался столетний юбилей Отечественной войны, текст его пес-

ни был принят в результате конкурса для войск гвардии, армии и скаутов. В Первую мировую войну Касаткин-Ростовский пошёл на фронт, получил ранение и четыре контузии, но вскоре вновь встал в строй. В отставку он вышел в чине полковника в 1917 году. Революционные события изменили его жизнь. Узнав о разгроме собственного имения и гибели матери и сестры от рук большевиков, Фёдор Николаевич вступил в Добровольческую армию. Он сформировал в Новороссийске сводно-гвардейский полк и весь свой талант отдал делу спасения России. В белой армии стихи князя Касаткина-Ростовского обрели новую жизнь. Его патриотические произведения публиковались в периодической печати, их заучивали наизусть, на их тексты сочиняли песни. В 1919 году в Ростове-на-Дону вышел в свет сборник стихов «Голгофа России». А затем были нелёгкие годы изгнания. В Париже Фёдор Николаевич вместе с женой, бывшей актрисой Малого театра в Петербурге Диной Никитичной Кировой организовал маленький частный театр. Почти не имея средств, они поставили 135 русских пьес — Островского, Чехова, Тургенева, и эти спектакли привлекали многих и многих русских эмигрантов. Позднее князь жил в монастырском приюте для инвалидов и до последних дней писал стихи, проникнутые грустью и тоской по России. Он скончался под Парижем и упокоился на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. «Похоронов мужа, Дина Никитична Кирова приложила немало усилий, чтобы издать новый сборник его стихов. Она ещё долго играла в различных русских труппах Парижа. После Второй мировой войны Дина Никитична устроилась кастеляншей («бельевой дамой») в русский детский дом и помогала детям ставить самодеятельные спектакли...» (Б. М. Носик).

Князя Лобановы-Ростовские. Основатель рода, князь Иван Александрович Лобан, новгородский помещик (1495), служил воеводой в походах против литовцев, шведов и татар в 1496—1512 годах. Он имел шестерых сыновей (младший, Иван-меньшой, убит в бою под Оршею с литовцами в сентябре 1514 году), от троих из которых: Ивана Большого, Семёна и Бориса пошли три ветви рода. К XVIII веку две младшие ветви пресеклись. В XVI—XVII веках многочисленные князья Лобановы-Ростовские служили воеводами, были стольниками, окольными, боярами.

Представители первой ветви. Правнук Ивана Большого — Иван Иванович, прозванный «Козьим Рогом» (ум. в 1639), стольник, подписал грамоту об избрании царём Михаила Фёдоровича, в 1618 году находился в осаждённой поляками Москве, в феврале 1639-го был послан на воеводство в Томск, но, не доехав до места службы, скончался в Нарымском остроге. Его сын, также Иван Иванович (ум. в 1664), воевода, окольный (1649), боярин (1661), в 1653 году возглавлял Великое посольство в Персию к шаху Аббасу I, в 1656 году был наместником рязанским и в том же году отправился послом на съезд в Вильно, где решался вопрос об избрании Алексея Михайловича польским королём. Во время войны с Речью Посполитой Иван Иванович взял города Мстиславль и Старый Быхов, а в 1662 году разбил под Путивлем войско крымского хана.

От одного из сыновей Ивана Ивановича, Якова, произошли все князья Лобановы-Ростовские, жившие в XVIII—XX веках. Яков Иванович (ум. в 1732) был комнатным стольником царей Фёдора, Ивана и Петра Алексеевичей. В 1685 году на Троицкой дороге он ограбил царскую казну и убил двух везших её людей, за что был бит кнутом «в железном подклете». Участвовал в Азовских походах 1695—1696 годов. Впоследствии стал майором лейб-гвардии Семёновского полка. От двух браков князь имел 28 детей, многие из которых скончались в младенчестве. Род продолжился только от двух его сыновей, Михаила и Ивана Яковлевичей. Сестра Якова Ивановича — Степанида Ивановна (ум. в 1674) была первой женой боярина генералиссимуса А. С. Шеина.

Внуки Ивана Яковлевича оставили заметный след в русской истории. Александр Иванович (1752—1830), генерал-майор, в 1797 году был выбран московским губернским предводителем дворянства, но в 1800 году указом Павла I отстранён от должности за нарушения при определении на службу недорослей. Дмитрий Иванович (1758—1838), генерал от инфантерии, — участник многих войн России в конце XVIII—начале XIX века: ранен при взятии Измаила, награждён орденом Святого Георгия IV степени и произведён в полковники, после битвы при Мачине — кавалер ордена Святого Георгия III степени, за отличие при взятии предместья Варшавы — Праги награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость», орденом Святого Владимира III степени и произведён в чин бригадира, при Павле I генерал-майор и военный генерал-губернатор Архангельска. Дмитрий Иванович был и дипломатом, много сделавшим для подписания Тильзитского мира 1807 года, за что получил чин генерала от инфантерии и орден Святого Александра Невского от русского государя и орден Почётного легиона от Наполеона. Потом Александр I назначил князя военным генерал-губернатором Петербурга, а затем генерал-губернатором Лифляндии, Курляндии и Эстляндии — то есть всей Прибалтики. С началом Отечественной войны 1812 года Лобанов-Ростовский стал «военным начальником в пространстве Империи от Ярославля до Воронежа» и занимался формированием резервных воинских частей. Член Государственного Совета с 1813 года, кавалер ордена Андрея Первозванного, в 1817—1827 годах он руководил Министерством юстиции, и по его инициативе был создан Особый комитет «для собрания законов к искоренению лихоимства и лихоимательства». В 1826 году по поручению Николая I Дмитрий Иванович исполнял должность генерал-прокурора в Верховном уголовном суде по делу декабристов.

Яков Иванович (1760—1831), сенатор (1806), действительный тайный советник (1810), обер-камергер (1829), в службу вступил в 1781 году в лейб-гвардии Семёновский полк. Вскоре перешёл в статскую службу, в 1808—1816 годах — генерал-губернатор Малороссии, в 1812 году сформировал 17 малороссийских казачьих полков, а также земское ополчение. С февраля 1816 года состоял членом Государственного Совета, а с 1827 года возглавлял в нём департамент гражданских и духовных дел.

Внук Александра Ивановича — князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824—1896). Выпускник Александровского (Царско-сельского) лицея с золотой медалью, однокашник М. Е. Салтыкова (-Шедрина), князь служил по дипломатической части, был чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе, Лондоне, Вене. Профессиональная деятельность достойно сопровождалась высокими чинами и званиями: камергера, сенатора, статс-секретаря, действительного тайного советника (1879). В марте 1895 года Николай II назначил Лобанова-Ростовского министром иностранных дел. За время его руководства внешней политикой России был подписан важный русско-китайский договор о союзе против Японии и о строительстве Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) — Россия расширяла сферу своего влияния на востоке. Установились дипломатические отношения с Абиссинией (Эфиопией), первой из африканских стран. Алексей Борисович стремился к укреплению дружественных связей с Францией, к восстановлению отношений с Болгарией, но многого сделать не успел. В августе 1896 года он скоропостижно скончался прямо в царском поезде, по пути в Киев.

Но не только в качестве видного дипломата оставил по себе память Лобанов-Ростовский. Историки знают его как крупного генеалога, одного из тех, кто создал в этой области классические труды, не утратившие своего значения и по сей день. Алексей Борисович справедливо считал, что «родственные связи играли в нашей истории роль значительно большую, чем это обыкновенно представлялось, и что от них существенно зависел и самый ход исторических событий». Ещё в юности он помогал князю П. В. Долгорукову в сборе материалов для его «Российской родословной книги». А в конце XIX века князь и сам опубликовал составленную им «Русскую родословную книгу». Второе, последнее её издание в двух томах вышло в свет в 1895 году. Для своего труда Алексей Борисович отобрал около двух с половиной сотен родословных росписей различных дворянских фамилий, причём в основном тех, которые представляли значительный интерес с общеисторической точки зрения и оставили заметный след в русской истории, науке или культуре. Справочник князя Лобанова-Ростовского вошёл в золотой фонд российской генеалогии и до сих пор является незаменимым пособием в работе любого специалиста в этой области. Занимаясь генеалогическими изысканиями, Алексей Борисович пришёл к мысли о необходимости создания в России общественной организации, которая могла бы объединить всех тех, кому безразлична эта историческая дисциплина. Поэтому князь выступил с инициативой образования Русского генеалогического общества, начавшего свою деятельность уже после его смерти, в 1897—1898 годах. Кроме того, Лобанов-Ростовский собрал внушительную коллекцию мемуаров, писем и других документов по русской истории XVIII — начала XIX века. Ряд материалов из своего собрания он опубликовал в «Русской старине», но многие не были изданы. В частности, особый интерес представляет подённая хроника царствования Павла I, над историей которого князь долгое время работал в семейных архивах Импе-

раторского Дома. Привлекала его и биография Николая I. Коллекцию монет после смерти бездетного князя приобрёл Эрмитаж, а часть его книг поступила в библиотеку Зимнего дворца.

В 1876 году Алексея Борисовича за его плодотворную деятельность избрали почётным членом Императорской академии наук.

Другим знатоком исторической старины из рода Лобановых-Ростовских был сын Якова Ивановича и двоюродный дядя Алексея Борисовича — князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1788—1866). Будущий генерал-майор, библиофил и коллекционер воспитывался в пансионе аббата Николая, в 1801 году зачислен в Коллегию иностранных дел, служил в её Московском главном архиве (МГАМИД), а в 1806 году определён в Кавалергардский полк, в составе которого участвовал в кампании против французов в 1807 году. Затем князь служил в различных армейских и гвардейских частях и вышел в отставку в 1828 году. Увлечённый историей, Александр Яковлевич собирал материалы о дочери Ярослава Мудрого — Анне Ярославне, королеве Франции, и в 1825 году издал в Париже на французском языке «Собрание исторических источников об Анне, или Агнессе, супруге короля Франции Генриха I». Он увлекался также эпохой Марии Стюарт, издал её письма и собрал около 800 её портретных изображений, которые вместе с книгами о ней завещал Эрмитажу. Свою библиотеку по военному делу и коллекцию географических карт он продал Главному штабу, а собрание гравированных портретов Петра I (96 штук) пожертвовал Императорской Публичной библиотеке в Петербурге. Составил он и коллекцию тростей и палок различных исторических лиц. Член Русского Географического общества и парижского Общества французских библиофилов, Лобанов-Ростовский являлся также основателем и первым командором Российского императорского яхт-клуба в Петербурге.

Коллекционерство и ныне продолжается в роду Лобановых-Ростовских. Живущий за рубежом князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (1935 г. р.), геолог и финансист (окончил Оксфорд и учился в двух университетах в Нью-Йорке) — владелец значительных коллекций русской театрально-декорационной живописи (1880—1930-х гг.) и русского фарфора. Автор ряда научных работ, князь Лобанов-Ростовский является советником аукционного дома «Сотби», директором «Ассоциации театрального музея» в Лондоне и членом Союза благотворителей нью-йоркского музея «Метрополитен».

В гербы потомков ростовских князей входит и древний герб Ростова — серебряный олень с золотыми рогами и копытами в красном (червлёном) поле. Эта эмблема известна ещё с первой половины XVII века.

Князья белозерские

Белозерское княжество (центр — город Белоозеро) находилось в роду потомков Глеба Васильковича, младшего сына ростовского кня-

зя Василько Константиновича. В начале XIV века ярлык на Белозерское княжество приобрёл Иван Калита, но местная династия в Белозере сохранилась. Князья белозерские участвовали в Куликовской битве, на поле боя пали князь Фёдор Романович и его сын Иван. Последним белозерским князем был двоюродный брат Ивана — Юрий Васильевич. В конце 1380-х годов права на Белоозеро окончательно перешли к Москве.

В Белозерском княжестве также происходило образование мелких уделов. Во владения потомкам этой династии выделялись небольшие города и даже сёла. Постепенно все удельные белозерские князья переместились на службу московским государям. От белозерской династии Рюриковичей произошли роды князей: Белосельских-Белозерских, Андожских, Вадбольских, Шелешпанских, Сугорских, Кемских, Карголомских и Ухтомских. Из них к началу XVIII века существовали только Белосельские-Белозерские, Вадбольские (по одной из версий, внебрачной дочерью одного из князей Вадбольских была известная художница, певица; коллекционер, меценат и искусствовед княгиня Мария Клавдиевна Тенишева (между 1862 и 1867—1928), Шелешпанские и Ухтомские.

Князья Белосельские-Белозерские. Своё родовое прозвание они получили оттого, что владели Белым Селом, находившимся в пределах Белозерской земли. «В XVI и XVII веках князья Белосельские не играли никакой роли, неся обычную дворянскую службу и не подымаясь выше стольников. Только после женитьбы князя Александра Михайловича на дочери секретаря императрицы Екатерины II Григория Васильевича Козицкого, принёсшей в приданое огромное состояние, полученное ею от матери, урождённой Мясниковой, князья Белосельские могли занять высокое положение среди русской знати и приобрели большие родственные связи» (Л. М. Савёлов). Однако ещё отец Александра Михайловича князь Михаил Андреевич Белосельский (1702—1755) занимал важные государственные посты. Вице-адмирал, он управлял Адмиралтейств-коллегией в 1745—1749 годах, а с 1747 года занимал должность генерала-кригс-комиссара флота, то есть отвечал за всё снабжение наших военно-морских сил. Его женой была графиня Наталья Григорьевна Чернышёва (1711—1760), родная сестра фельдмаршала Захара Григорьевича Чернышёва.

Один из сыновей Михаила Андреевича — камергер Андрей Михайлович (ум. в 1779) был русским посланником в Дрездене (именно он способствовал приобретению в 1769 году коллекции картин графа Брюля, вошедшей в состав Эрмитажа), его сменил на этом посту младший брат — Александр Михайлович (1752—1809). Это была во всех отношениях очень примечательная личность. Он получил превосходное образование за границей, несколько лет жил в Берлине, путешествовал по Франции и Италии. В эти годы он завязал знакомства, личные и через переписку, с Вольтером, Руссо, Бомарше, позднее с Кантом, Лагарпом и другими выдающимися современниками. Общение с энциклопедистами сделало князя убеждённым сторонником идей Просвещения. На французском языке он написал ряд философских и пуб-

лицистических произведений, опубликованных за границей. Но сочинял и по-русски, издав, впрочем, лишь комическую оперу «Олинья, или Первоначальная любовь», которую, по его просьбе, отредактировал Н. М. Карамзин. Александр Михайлович также собирал произведения искусства, составив одну из лучших коллекций в России. С 1800 года он — член Российской академии, с 1809-го — почётный член Академии наук и Академии художеств, являлся также членом Болонского института, Нансиской академии словесности и Кассельской академии древностей. Служебная деятельность шла с перерывами: сначала в дипломатических представительствах в Дрездене, Вене и Турине, при Александре I получил чин действительного тайного советника, а в 1808 году — придворное звание обер-шенка. Ещё Павел I сделал его родовым командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского), причём как старший в роде князей Белозерских Александр Михайлович был поименован князем Белосельским-Белозерским. Право на этот титул за его потомками подтвердил Александр I в 1823 году.

Дочь от первого брака Александра Михайловича (с Варварой Яковлевной Татищевой) — Зинаида Александровна (1789—1862) вышла замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского. Это — знаменитая Зинаида Волконская, хозяйка прославленного московского салона, собиравшего крупнейших деятелей русской культуры того времени (подробнее о ней в разделе о князьях Волконских).

От второго брака (с Анной Григорьевной Козицкой) Александр Михайлович имел нескольких детей, в том числе сына Эспера (1802—1846). Он закончил Московское училище колонновожатых, служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Поручик князь Белосельский-Белозерский привлекался к следствию по делу декабристов, но выяснилось, что он не состоял в тайных обществах, хотя и знал об их существовании. Воевал с турками в войну 1828—1829 годов, затем — на Кавказе, умер генерал-майором, заразившись тифом во время ревизии лазаретов Николаевской железной дороги (Петербург — Москва). От брака с Еленой Павловной Бибиковой (1812—1888), падчерицей генерала А. Х. Бенкендорфа, у Эспера Александровича родилось шесть детей.

Князь Константин Эсперович (1843—1920), свиты генерал-майор и генерал-адъютант, член совета Главного управления государственного коннозаводства, умер в Париже, в эмиграции. Он был женат на Надежде Дмитриевне Скобелевой, сестре прославленного «белого генерала» Михаила Дмитриевича Скобелева. Их старший сын князь Сергей Константинович (1867—1951), выпускник Пажеского корпуса, кавалерист, к моменту революции был в чине генерал-лейтенанта начальником Кавказской кавалерийской дивизии. Его сестра Ольга Константиновна (1874—1923) была первой женой генерал-майора, начальника императорской Военно-походной канцелярии князя Владимира Николаевича Орлова (1869—1927). Племянница Скобелева, княгиня Орлова осталась в истории русского искусства благодаря тому, что позировала Валентину Серову для одного из лучших его портретов: изысканная дама, одетая по последней моде, гра-

циозно восседает на фоне изящного интерьера, а её слегка повёрнутую на зрителя голову венчает широкополая тёмная шляпа. Когда художника спросили, почему он столько внимания уделил этому аксессуару, Серов остроумно ответил: «Иначе это не была бы княгиня Орлова». Ныне этот шедевр украшает один из залов Русского музея в Петербурге.

Сын князя Орлова и Ольги Константиновны — князь Николай Владимирович Орлов (1891—1961) в апреле 1917 года обвенчался с княжной императорской крови Надеждой Петровной (1898—1988), принадлежавшей к ветви Николаевичей Дома Романовых и приходившейся родной племянницей верховному главнокомандующему русской армией во время Первой мировой войны великому князю Николаю Николаевичу-младшему.

Сын Сергея Константиновича — князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский (1895—1978) сыграл своими пожертвованиями и личным участием большую роль в истории Русской Православной Церкви Заграницей, был неустанным попечителем о её нуждах. К сожалению, сыновей у него не было (только две дочери), и с его смертью род князей Белосельских-Белозерских закончился.

Князья Ухтомские. Фамилия князей Ухтомских происходит от названия их владения — Ухтомской волости, находившейся по реке Ухтоме. Этот род, так же как и князья Белосельские, не занимал высоких должностей в Московском государстве, не поднимаясь выше воевод и стольников, а в XVIII веке только двое из князей Ухтомских дослужились до генеральских чинов. Но какое это имеет значение, если из рода князей Ухтомских вышло три выдающихся деятеля: искусства, науки и церкви!

В XVIII веке среди русских архитекторов заблистало имя князя Дмитрия Васильевича Ухтомского (1719—1774). Звание архитектора он получил в 1745 году. Городской архитектор Москвы, Ухтомский стремился улучшить облик города. По его проекту в 1750-х годах построили Кузнецкий мост через реку Неглинную. В Москве князь основал первую в древней столице архитектурную школу («команду»), среди её учеников — А. Ф. Кокоринов, И. Е. Старов, М. Ф. Казаков. К сожалению, творений самого зодчего почти не сохранилось. Исключение — пятиарусная колокольня Троице-Сергиевой лавры высотой свыше 80 метров. Ухтомский начал работу над ней в 1748 году. Он предполагал украсить её 32 статуями, которые аллегорически обозначали различные добродетели, например «любовь к Отечеству» или «мужество». Проект одобрила императрица Елизавета Петровна, а вот у Синода он вызвал возражения: «для строящейся колокольни украшения тем статуям, которые в упомянутом архитектора князя Ухтомского изъяснении показаны, быть неприлично». Поэтому статуи заменили вазами. Но и в таком виде колокольня, созданная Ухтомским, являет собой один из шедевров русской архитектуры стиля барокко.

В начале XX века в церковной и научной жизни России приобрели известность родные братья — Александр Алексеевич (1872—1937) и Алексей Алексеевич (1875—1942) Ухтомские. Старший воспитывался в Нижегородском кадетском корпусе, по окончании которого посту-

пил в Московскую духовную академию. В 1895 году он принял постриг с именем Андрея, в 1907-м хиротонисан во епископа Мамдышского, третьего викария Казанской епархии, с 1911-го — епископ Сухумский, с 1913-го — Уфимский и Мензелинский. Духовником епископа Андрея был владыка Антоний (Храповицкий), который затем в эмиграции возглавил Синод Русской Православной Церкви Заграницей. Кандидат богословия, епископ Андрей придерживался умеренно либеральных взглядов, выступал за свободу вероисповедания, был близок к кадетским кругам. Он вёл простую, аскетичную жизнь, пользовался широкой известностью. После Февральской революции владыка вошёл в состав нового Синода и, по словам митрополита Евлогия, «прогремел на всю Россию своим либерализмом». В мае 1917 году он посетил Рогожское кладбище в Москве и предложил старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии план соединения с Русской православной церковью на Красной площади. Октябрьские события епископ встретил враждебно. К Советской власти относился отрицательно, хотя признавал, что её цели — благо, но для их осуществления выбраны неверные методы. Рядовых большевиков считал честными, но обманутыми людьми. Когда Уфа оказалась на белой территории, епископ Андрей был избран в созданное на Сибирском Поместном соборе 1918 года Временное Высшее Церковное Управление, возглавлял духовенство Третьей армии адмирала А. В. Колчака. После поражения Белого движения в феврале 1920 года владыка был арестован большевиками в Новониколаевске, но через десять месяцев выпущен на свободу в связи с заявлением о раскаянии «в прежних нападках на советскую власть за её декрет об отделении Церкви от государства». Потом начались его мытарства и метания: в 1922 году он вновь арестован и привезён на Лубянку, но вскоре отпущен; в 1923 году — сослан в Среднюю Азию. Там в 1925-м принял миропомазание от старообрядцев-беглопоповцев, тем самым перейдя в раскол. Поэтому местоблюститель патриаршего престола митрополит Пётр Крутицкий запретил его в священнослужении. В 1927 и 1928 годах новые аресты. Просидев в одиночной камере ярославского изолятора три года, в 1931 году епископ Андрей уехал в Москву, где через несколько месяцев ещё раз был арестован и выслан в Алма-Ату. В 1932 году получил Святые Дары и миро от старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Мелетия. В письме от 1933 года, адресованном председателю Совнаркома В. М. Молотову, Андрей (Ухтомский) просил дать возможность созвать собор, цель которого заключалась бы в «нравственном оправдании социализма». В сентябре 1937 года «тройка» Управления НКВД Ярославской области приговорила князя Ухтомского к расстрелу.

Брат епископа Андрея — князь Алексей Алексеевич Ухтомский, кстати тоже видный деятель старообрядчества, получил известность на другом поприще. Как и брат, он получил образование в Нижегородском кадетском корпусе и Московской духовной академии, но затем окончил физико-математический факультет Петербургского университета и остался на кафедре физиологии животных. В 1911 году Ухтомский защитил магистерскую диссертацию «О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний».

В 1911–1915 годах преподавал физиологию в Психоневрологическом институте, которым руководил В. М. Бехтерев, с 1918 года — в Петроградском университете, а в 1922-м занял в нём кафедру физиологии животных, которую возглавлял до конца жизни. Одновременно с 1935 года Алексей Алексеевич был директором основанного им Института физиологии Ленинградского университета, а с 1937-го — также руководителем электрофизиологической лаборатории Академии наук СССР. Ухтомский разработал фундаментальное учение о доминанте как принципе деятельности нервных центров. «В настоящее время доминанта признана одним из основных механизмов деятельности мозга. Это понятие широко применяется для объяснения многих феноменов высшей нервной деятельности и поведения, например таких, как явления концентрации и иррадиации торможения, взаимодействия коры и подкорковых образований и т. д.» (Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 26). Основатель одного из крупнейших направлений современной физиологии, Ухтомский много сил отдал педагогической работе. За свои научные труды он в 1932 году получил Ленинскую премию, а в 1935-м был избран академиком Академии наук СССР.

Сын княжны Прасковьи Николаевны Ухтомской (1840–1917) Александр Николаевич Наумов (1868–1950), действительный статский советник, был в 1915–1916 годах министром земледелия царского правительства.

В гербах потомков белозерских князей можно видеть и герб этого города: «В лазуревом (голубом) поле серебряная полоса реки с положенными накрест двумя серебряными рыбами, над которыми серебряный полумесяц, рогами вверх обращённый, а над полумесяцем серебряный крест» (из описания герба князей Белосельских-Белозерских; крест мог быть и золотым). Такая эмблема известна с конца XVII века, хотя уже при Иване Грозном на белозерской печати изображалась одиноко плывущая вправо рыба.

ПОТОМКИ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА

Следующей по старшинству ветвью Рюриковичей является потомство великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского), однако представляется логичным первоначально рассмотреть потомков младшей ветви Владимиро-Суздальского Дома — стародубских князей, а уже потом вернуться к «основной» линии — владимирских, а затем московских великих князей.

Стародубская династия

Иван Всеволодович (1198–1247?), младший сын Всеволода Большое Гнездо, — основатель стародубской династии Рюриковичей, пра-

вившей в Стародубской земле до середины XV века. Центром этого княжества был город Стародуб на Клязьме, впервые упоминаемый в летописях в 1218 году. Поскольку княжество занимало небольшую территорию и находилось на периферии политической жизни Владимиро-Суздальского региона, князья стародубские существенной роли в русской средневековой истории не сыграли.

Ивану Всеволодовичу наследовали его сын — Михаил Иванович, а затем и внук — Иван-Калистрат Михайлович. Сын Ивана — Фёдор Благоверный, четвёртый князь стародубский, погиб в Орде. После его смерти князьями последовательно становились трое его сыновей — Дмитрий (его сын Семён Крапива был убит литовцами в 1368 году при нашествии Ольгерда на Москву), Иван и Андрей. Причём Иван в 1363 году лишился престола под давлением Москвы, а Андрей уже полностью подчинялся политике московского князя. Он ходил в большой рати Дмитрия Донского на Тверь в 1375 году, а в 1380-м на правом крыле сражался в Куликовской битве. У Андрея было четверо сыновей.

Старший, Василий Андреевич, владел небольшим городом Погар, и от него произошёл род князей Пожарских.

Второй сын, Фёдор Андреевич, княжил в Стародубе на рубеже XIV и XV веков. При нём летом 1410 года Стародуб взяли татары. Последними удельными князьями стародубскими были его сын Фёдор Фёдорович и внук Владимир Фёдорович, после этого Стародуб лишился всякой, даже видимой, самостоятельности и перешёл под власть Москвы. Род князей стародубских, впрочем, сильно разросся, и княжества раздробилось. От потомков Фёдора Андреевича пошли роды князей Кривоборских, Льяловских, Ковровых, Осиповских, Неучкиных, Голибесовских, Гагариных, Небогатых, Ромодановских.

Третий сын, Иван Нагавица (Ногавица), был князем ряполовским. Он стал родоначальником князей Ряполовских, Хилковых, Татевых и Стригиных.

Четвёртый сын Андрея Фёдоровича Давид носил прозвание Палица. От него произошли княжеские роды Гундоровых, Тулуповых и Палицких (Палецких).

Большинство этих родов прекратили своё существование ещё в допетровской Руси. К XIX веку существовали только князья Гагарины, Хилковы и Гундоровы. Два первых рода продолжают существовать до сих пор.

Князья Пожарские. Немеркнущую славу этой фамилии принёс князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578–1642), боярин и воевода, выдающийся полководец, спаситель России в 1612 году, освободивший вместе с Кузьмой Мининым и князем Д. Т. Трубецким Москву от поляков и вторично спасший столицу от войск Речи Посполитой в 1618 году. Князь Дмитрий Михайлович (иногда называемый Хромым, поскольку получил ранение в боях за Москву в 1611 году) был сыном стольника князя Михаила Фёдоровича, по прозвищу Глухой (ум. в 1588), принадлежавшего к младшей ветви рода Пожарских (отличился при взятии Казани и в Ливонской войне). Род князей Пожарских угас со смертью внука Дмитрия Михайловича — князя Юрия Ивановича в 1685 году.

Князья Гагарины. Их родоначальник — князь Михаил Иванович Голибесовский, имел прозвище Гагара. От его сыновей род разделился на четыре ветви, из которых первая пресеклась в XVIII, а вторая — в XVI веке. В допетровское время князья Гагарины не занимали какое-либо видное положение при дворе, не поднимаясь в чинах выше стольников. Зато в XVIII—XIX веках этот род дал нескольких выдающихся представителей.

Третья ветвь князей Гагариных разделилась на несколько линий. К старшей линии принадлежал князь Сергей Васильевич Гагарин (1713—1782) и его многочисленные потомки. Сам Сергей Васильевич выгодно женился (на дочери петровского соратника графа Павла Ивановича Ягужинского), достиг высоких чинов и званий: действительно-го тайного советника, шталмейстера, сенатора. Служил при дворе: камер-юнкером у Анны Леопольдовны, камергером у будущего Петра III. Во время царствования Екатерины II он недолго был президентом Коллегии экономии. В 1773—1778 годах управлял замосковскими имениями императрицы. Большой любитель садоводства и сельского хозяйства, он состоял членом Вольного Экономического общества.

Из сыновей Сергея Васильевича наиболее известен князь Павел Сергеевич (1747—1789). В военную службу его записали с 1757 года. В чине полковника он участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 годов и за храбрость в сражении при Гирсове, где он командовал 2-м Московским пехотным полком и обратил в бегство 11-тысячный турецкий корпус, был награжден орденом Святого Георгия IV степени. В 1788 году получил чин генерал-поручика, в последний год жизни являлся московским обер-комендантом. После его смерти в печати появились стихотворения князя и несколько его прозаических этюдов. Поэтические сочинения Павла Сергеевича написаны в духе сентиментализма, недаром некоторые из них опубликовал в своём альманахе «Аониды» Н. М. Карамзин.

Внучка Сергея Васильевича (от младшего сына Фёдора) — княжна Вера Фёдоровна Гагарина вышла замуж за князя Петра Андреевича Вяземского (подробнее о них см. раздел, посвященный князьям Вяземским.) Младший брат Веры Фёдоровны — князь Фёдор Фёдорович Гагарин (1786—1863) принимал участие почти во всех русских войнах начала XIX века, славился как отчаянный храбрец, но в то же время дуэлянт и игрок. Другая внучка Сергея Васильевича — княжна Наталья Ивановна (1778—1832) была женой знаменитого живописца Сальватора Тончи (1756—1844), с 1797 года жившего в России и прозывавшегося здесь Николаем Ивановичем. Тончи работал в жанре портрета, запечатлев многих своих современников и создав целую галерею лиц той эпохи.

Среди многочисленных внуков Сергея Васильевича можно отметить князя Николая Сергеевича (1784—1842), действительного статского советника, гофмейстера, с 1833 года вице-президента Кабинета Его Императорского Величества. Будучи шефом 1-го пехотного полка, князь сражался при Бородине. В 1830-х годах недолго управлял императорскими стекольными и фарфоровыми заводами. Князь был женат на графине Марии Алексеевне Бобринской, внучке Ека-

терины II и Григория Орлова. Жизнь Николая Сергеевича оборвалась в результате покушения своего бывшего подчинённого, ранее уволенного им со службы.

Брат Николая Сергеевича — князь Сергей Сергеевич (1795—1852), обер-гофмейстер (с 1844), в 1829—1833 годах занимал должность директора императорских театров. За время его управления было создано театральное училище и открыт Александринский театр в Петербурге. Позднее Гагарин служил в гофинтендантской конторе. Его сын (от брака с графиней Изабеллой Валевской) тоже Сергей (1832—1890), шталмейстер двора, был знатоком искусства и коллекционером. В 1860 году его избрали почётным членом Императорской академии художеств.

Внучка князя Николая Сергеевича — княжна Софья Николаевна Гагарина была женой графа Михаила Николаевича Муравьёва (-Виленского, 1845—1900), министра иностранных дел (с 1897).

Ещё один внук Сергея Васильевича (сын Павла Сергеевича) — князь Павел Павлович (1789—1872) в течение многих лет служил в Сенате, с начала 1840-х годов действительный тайный советник и член Государственного Совета. Он получил известность как член Секретного (затем Главного) комитета по крестьянскому делу, который разрабатывал планы отмены крепостного права. В комитете князь занял консервативную позицию, отстаивая интересы помещиков. Именно по его инициативе была принята статья о так называемом дарственном наделе. Суть её заключалась в том, что по взаимному желанию помещик мог передать крестьянам 1/4 часть «высшего» надела даром, сохранив права на всю остальную землю. Этот надел впоследствии получил название «сиротского» или «гагаринского». В то же время Гагарин выступил горячим сторонником Судебной реформы 1864 года. С этого года князь возглавил Комитет министров, а также Государственный Совет (на последнем посту пробыл недолго, с 1865 года председателем Государственного Совета стал великий князь Константин Николаевич). В 1866 году Гагарин был председателем Верховного уголовного суда по делу Д. В. Каракозова, совершившего покушение на Александра II. Умер Павел Павлович в чине действительного тайного советника 1-го класса (высший по гражданской службе табели о рангах).

Наконец, нельзя не упомянуть и о другом внуке Сергея Васильевича — князе Григории Ивановиче (1782—1837). С 1797 года он находился на дипломатической службе. Состоял при дипломатических миссиях в Вене, Константинополе и Париже, в 1820 — 1830-х годах являлся посланником в Риме и в Мюнхене. Ещё в Московском благородном пансионе, где Гагарин учился одновременно в В. А. Жуковским, он начал пробовать силы в литературе. Оставил несколько переводов, но потом от писательской деятельности отошёл. Тем не менее он живо интересовался культурной жизнью России, помогал молодому Ф. И. Тютчеву, покровительствовал живописцу С. Ф. Щедрину, поддерживал дружеские связи с Жуковским, Вяземским, Лениным, Брюлловым и другими видными литераторами и художниками. Гагарин был почётным членом литературного об-

щества «Арзамас», а в 1827 году избран почётным членом Академии художеств.

Племянник Григория Ивановича — князь Иван Сергеевич (1814—1882), рано выйдя в отставку, перебрался в Париж, где перешёл в католичество и вступил в орден иезуитов. Написал несколько шумевших публицистических работ по вопросам церкви. Ему необоснованно приписывалось участие в составлении писем Пушкину, послуживших причиной дуэли поэта с Ж. Дантесом.

Сын Григория Ивановича Григорий Григорьевич (1810—1893) — пожалуй, самый известный из князей Гагариных. Состоял на дипломатической, а затем на военной службе, достиг чина генерал-майора, принимал участие в военных действиях на Кавказе. Но настоящим его призванием была живопись. Князь прославился как талантливый художник (в молодости брал уроки у Карла Брюллова), дружил с Лермонтовым, иллюстрировал его произведения. В 1859—1872 годах — вице-президент Академии художеств. Среди его картин, хранящихся в Третьяковской галерее, представляет интерес полотно «Встреча генерала Клюкке фон Клюгенау с Шамилём», написанное в 1849 году. Князь расписал несколько храмов, в том числе древний Сионский собор в Тифлисе (эта роспись была варварски уничтожена уже в наши дни, когда Грузия обрела независимость).

Старший сын Григория Григорьевича — также Григорий Григорьевич (1850—1918), юрист по образованию, состоял депутатом I Государственной думы от партии октябристов; младший — Андрей Григорьевич (1855—1921) окончил физико-математический факультет Петербургского университета и Михайловскую артиллерийскую академию. Работал на Петербургском оружейном заводе, несколько лет был первым директором Петербургского политехнического института. Видному инженеру-конструктору профессору Гагарину принадлежит авторство ряда станков, приборов и приспособлений (в том числе изобрёл пресс Гагарина, предназначенный для механических испытаний металла). Один из его сыновей, Пётр Андреевич погиб в 1938 году во время сталинских репрессий. Внук Андрея Григорьевича — князь Андрей Петрович Гагарин (1934 г. р.), кандидат физико-математических наук, в настоящее время возглавляет Петербургский дворянский союз.

Племянник художника — князь Григорий Евгеньевич Гагарин (1840—1903) по матери приходился внуком тайному советнику Александру Скарлатовичу Стурдзе (ум. в 1854), представителю древнего молдавского рода. В марте 1848 года Григорию Евгеньевичу было дозволено принять фамилию князя Гагарина-Стурдза, унаследовав имение деда в Бессарабской губернии. Но князь сыновей не имел, и потому род Гагариных-Стурдза, не успев начаться, угас.

Из младшей линии третьей ветви рода Гагариных происходил князь Гавриил Петрович Гагарин (1745—1808), действительный тайный советник, сенатор, при Павле I член Государственного Совета, главный директор Государственного заёмного банка, затем президент Коммерц-коллегии, а при Александре I — член Непременного совета. Владелец винокуренных заводов, князь поставлял казне вино, но из-за его не слишком высокого качества («с дурным запахом и по-

дозрительною пеною») одно время при Екатерине II Гагарину запретили являться «ко двору и в публику». В 1770-х годах Гавриил Петрович занял ведущее положение среди петербургских масонов, получив высшие степени шведской системы. В 1780 году назначен председателем Великой национальной ложи и префектом капитула ложи «Феникс», почётный член ложи «Гармония», основанной Н. И. Новиковым, в 1783 году возглавил ложу «Сфинкс». Последние годы жизни князь провёл в Москве и своём имении Богословском (Могильцах) Дмитровского уезда.

В истории масонства оставил след и сын Гавриила Петровича — князь Павел Гаврилович (1777—1850). В молодости он служил адъютантом у Суворова, отзывавшегося о нём с похвалой, прошёл военными дорогами Итальянского похода, в 1799 году был произведён в генерал-адъютанты. В феврале 1800 года Павел Гаврилович женился на фаворитке Павла I Анне Петровне Лопухиной (1777—1805), чем упрочил своё положение. При Александре I князь выполнял ряд дипломатических поручений, в начале 1810-х годов являлся директором Инспекторского департамента Военного министерства, а в декабре 1814 года вышел в отставку в чине генерал-майора. В Петербурге Гагарин состоял почётным членом многих масонских лож, активно участвуя в деятельности таких из них, как «Астрейя» и «Орёл Российский». В молодости опубликовал несколько поэтических сочинений, а в 1811 году издал сборник «Эротические стихотворения». Современники удивлялись странному образу жизни князя в петербургский период: его дом населяло множество птиц и собак. В то же время он собрал обширную и богатую библиотеку. В 1831 году Павел Гаврилович женился на балерине М. И. Спиридоновой.

Среди Гагариных подобный брак был не единственным. Князь Иван Алексеевич Гагарин (1771—1832), обер-штальмейстер, сенатор, масон и коллекционер произведений искусства, долгое время состоял в любовной связи с великой трагической актрисой Екатериной Семёновой (1786—1849). Они узаконили свои отношения только в 1827 году. Дети князя Гагарина и Семёновой носили фамилию Стародубских (в память о происхождении этого княжеского рода). Законные потомки Ивана Алексеевича (шесть сыновей) родились от его первого брака с Елизаветой Ивановной Балабиной.

Из них нужно упомянуть о генерал-лейтенанте князе Александре Ивановиче (1801—1857). Долгое время он служил на Кавказе: воевал с горцами, сражался против турок в Крымскую войну (проявил себя при штурме Карса), был градоначальником Дербента и военным губернатором Кутаиса. Немало содействовал развитию в Грузии садоводства и виноградарства. В 1857 году князя назначили кутаисским генерал-губернатором. На этом посту он начал вводить российские административные порядки на грузинских территориях, вошедших в состав Российской Империи на правах автономии. Сложности возникли в княжестве Сванетия, где правила семья князей Дадешкелиани, две линии которой вели между собой кровавую борьбу. Стремясь водворить порядок, князь Гагарин вызвал владельца Сванетии князя Константина Дадешкелиани в Кутаис и объявил ему об аресте. В ответ

Константин убил одного из солдат и смертельно ранил самого Гагарина, который пять дней спустя скончался. За это преступление Дадешкелиани был после военного суда (он числился на русской службе в лейб-гвардии Казачьем полку) расстрелян, а княжество Сванетия окончательно упразднено.

Печально завершилась жизнь и другого князя Гагарина, представителя четвёртой ветви этого рода. Правда, в отличие от Александра Ивановича, честно служившего России, Матвей Петрович сам своими действиями подписал себе смертный приговор. Начальник Сибирского приказа, при образовании губерний в 1708 году он стал сибирским губернатором. На этом посту князь составил себе крупное состояние, укрывая доходы от торговли с Китаем. Подобными махинациями он занимался, ещё когда в конце XVII века был воеводой в Нерчинске. Но тогда дело замяли, теперь же, в 1717 году, началось следствие. Матвея Петровича обвиняли в казнокрадстве и превышении власти. В начале 1719 года его арестовали и привезли в Петербург. Имена Гагарина были конфискованы, а сам он подвергся пыткам и по приговору Сената в марте 1721 года был повешен перед окнами Юстиц-коллегии. Нити следствия вели к А. Д. Меншикову, известному своими непомерными аппетитами, но светлейшего, «покрываемого» князем, как всегда, не тронули. Казнь Гагарина свершилась в присутствии царя и родственников осуждённого. Тело оставалось на виселице в течение нескольких месяцев. Но, конечно, такой позорный случай в роду князей Гагариных — исключение, большинство из них с достоинством несли свой высокий титул.

Дочь сибирского губернатора Матвея Петровича была женой графа Ивана Гавриловича Головкина (ум. в 1734), старшего сына петровского сподвижника, канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина. А сын Алексей, которого после казни отца записали в матросы, в своё время женился на баронессе Анне Петровне Шафировой, старшей дочери другого «птенца гнезда Петрова» вице-канцлера барона Петра Павловича Шафирова (1669—1739).

Такие родственные связи среди петровского окружения — не редкость. Через дочь Анну Алексеевну (1722—1804), в замужестве графиню Матюшкину, князь Алексей Матвеевич Гагарин — прадед братьев графов Михаила (1787—1856) и Матвея (1794—1866) Юрьевичей Виельгорских. Оба они оставили заметный след в истории русской музыкальной культуры. Михаил Юрьевич был композитором, автором одной из первых русских симфоний, но наибольшей популярностью пользовались сочинённые им романсы. Матвей Юрьевич — талантливый виолончелист, один из создателей Русского музыкального общества. Ему посвящена вторая соната для виолончели и фортепиано Феликса Мендельсона-Бартольди. В доме Виельгорских был один из самых знаменитых салонов Петербурга, здесь устраивались концерты, выступали прославленные музыканты и композиторы — Гектор Берлиоз, Ференц Лист, Роберт Шуман... Большую поддержку граф Михаил Юрьевич оказывал молодому М. И. Глинке.

Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был женат сначала на принцессе Екатерине Карловне Бйрон (Курляндской) (ум. в 1813), а затем

на её сестре принцессе Луизе (1791—1853) — обе они внучки курляндского герцога Эрнста-Иоганна Бирона (1690—1772), всесильного временщика при императрице Анне Иоанновне.

Род князей Гагариных известен и двумя своими выдающимися внебрачными представителями. Оба были сыновьями князя Павла Ивановича Гагарина, старшего брата кутаисского губернатора. Николай Фёдорович Фёдоров родился в конце 1828 года в селе Ключи Тамбовской губернии (его мать звали Елизавета Иванова). Это — известный мыслитель, создатель оригинальной философии, долгие годы работавший в Румянцевской библиотеке и знавший её собрание чуть ли не наизусть. Николай Фёдорович вёл строгий, аскетичный образ жизни, всё своё время отдавал любимому делу, помогая читателям библиотеки наилучшим образом пользоваться её бесценными сокровищами. Фёдоров пользовался огромным уважением у всех, кто его знал, его советы ценили и граф Лев Николаевич Толстой и Владимир Соловьёв. Добрейший, деликатнейший и порядочнейший человек, эрудит высочайшего уровня, Фёдоров оставил яркий след в истории русской культуры и философской мысли. Николай Фёдорович скончался в 1903 году.

В 1847 году у Павла Ивановича от гастролировавшей по России итальянской певицы Ольги Вервициотти родился сын — Александр Павлович Вервициотти (ум. в 1908), известный под своим сценическим псевдонимом Ленский. Его театральные дебют относятся к 1865 году. С 1876 года и до конца жизни он работал в московском Малом театре, став одним из его ведущих артистов, а в конце жизни — главным режиссёром. Ленский сыграл множество запомнившихся публике ролей, в одних только пьесах А. Н. Островского — свыше 30, играл в произведениях как классиков драматургии, так и современных ему авторов. Пропагандировал творчество Шекспира, лучшая постановка Ленского как режиссёра — шекспировский «Кориолан». Среди наиболее удачных характерных ролей артиста — Фамусов в «Горе от ума», которого Александр Павлович играл на протяжении двух десятилетий. Ленский преподавал в Московском театральном училище, публиковал статьи об актёрском искусстве, занимался живописью и скульптурой. Разносторонне одарённый человек, «гениальный педагог» и «гениальный мастер сцены» (по словам В. Э. Мейерхольда), Ленский вводил в режиссуру и сценографию разнообразные новшества. В историю русского театра он вписал одну из ярких и оригинальных страниц.

Князя Ромодановские. Род Ромодановских пошёл от младшего сына князя Фёдора Андреевича стародубского — Василия, князя ромодановского. Представители этой семьи с конца XV века играли не последнюю роль при московском дворе, а в XVII веке входили в небольшой круг фамилий, члены которых жаловались в бояре, минуя чин окольничего.

Из князей Ромодановских отмечу боярина Григория Григорьевича, который входил в посольство боярина В. В. Бутурлина, принявшего на Переяславской раде в 1654 году украинских казаков Б. М. Хмельницкого в русское подданство. После начала войны с Речью Посполитой за Украину Ромодановский служил воеводой в русской армии и кон-

тролировал украинские дела, в частности выборы гетманов, выступавших на стороне Москвы. Во время Чигиринских походов 1677 и 1678 годов князь вновь во главе русских войск. Погиб он вместе с сыном Андреем во время стрелецкого бунта весной 1682 года.

Сын Григория Григорьевича — боярин Михаил Григорьевич (1653—1713) уже в 16 лет носил звание стольника, находился на службе при отце и вместе с ним участвовал в Чигиринском походе 1678 года, в этом же году пожалован в бояре. Входил в круг ближайших соратников Петра I и как один из участников «Всеянейшего собора» носил шутовское прозвище «Преосвященный Мишура». Михаил Григорьевич воеводствовал в Пскове, возглавлял некоторые приказы, во время Северной войны недолго заведовал снабжением русской армии провиантом. В январе 1712 года царь назначил его московским губернатором, но на этом посту князю довелось пробить только год.

Гораздо бльшую известность при дворе царя Петра приобрёл двоюродный племянник Михаила Григорьевича — князь Фёдор Юрьевич Ромодановский (1640—1717). Один из наиболее доверенных лиц Петра, Ромодановский с 1686 года руководил Преображенским приказом, занимавшимся политическим сыском. Он преданно стоял на страже интересов государя и пользовался его искренним уважением. Когда царь отправился за границу в составе Великого посольства, он оставил вместо себя для управления страной нескольких бояр во главе с Ромодановским, получившим титул князя-кесаря (то есть цесаря — царя). На этом посту Фёдор Юрьевич твёрдой рукой обеспечивал спокойствие и порядок в государстве, в частности усмирил стрелецкий бунт в 1698 году. Могучий и страшный человек, Ромодановский даже породнился с царской семьёй. Его сын Иван был женат на Анастасии Фёдоровне Салтыковой, родной сестре царицы Прасковьи (жены Ивана V). В быту князь-кесарь придерживался старорусских обычаев и очень строго их правил.

После смерти Фёдора Юрьевича титул князя-кесаря как бы по наследству перешёл к его сыну — князю Ивану Фёдоровичу. Он же возглавил и Преображенский приказ. На этом посту Иван Фёдорович участвовал в суде по делу царевича Алексея Петровича и поставил свою подпись под смертным приговором. В 1725 году Екатерина I произвела Ромодановского в действительные тайные советники, а в мае 1727 года он стал московским генерал-губернатором. Это была очень ответственная должность ещё и потому, что в 1728 году двор переехал в Москву и Первопрестольная вновь ненадолго превратилась в столицу Российского государства. В 1729 году в связи с болезнью Иван Фёдорович подал прошение об отставке. В следующем, 1730 году он скончался, и с его смертью род князей Ромодановских прекратился.

Единственная дочь Ивана Фёдоровича Екатерина (1701—1791), по матери двоюродная сестра императрицы Анны Иоанновны, в 1722 году вышла замуж за вице-канцлера и кабинет-министра графа Михаила Гавриловича Головкина (1699—1755), сына петровского канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина. Поскольку потомства они не оставили, в апреле 1798 года Павел I передал титул и фамилию князей Ромодановских их потомку по женской линии сенатору Николаю

Ивановичу Ладыженскому (Лодыженскому) (ум. в 1803). Дело в том, что его мать Екатерина Андреевна происходила из рода князей Ромодановских и была внучкой вышеупомянутого князя Михаила Григорьевича. Так возникла новая фамилия князей Ромодановских-Ладыженских. Однако этот род просуществовал недолго. Он закончился на внуках Николая Ивановича в 1871 году.

Князь Хилковы. Князья Хилковы произошли от князя Ивана Фёдоровича Рязополовского, имевшего прозвище Хилок. Его сын боярин и воевода Дмитрий Иванович отличился при взятии Казани в 1552 году — он первым ударил в городские ворота. В 1564 году по приказу Ивана Грозного героя убили. Все последующие князья Хилковы — его потомки. Среди них выделяются трое, оставившие след на дипломатическом, военном и государственном поприще.

Князь Андрей Яковлевича (1676—1718) Пётр I направил русским резидентом в Стокгольм ко двору Карла XII. С началом Северной войны Хилкова арестовали и посадили под караул, а имущество его конфисковали. В шведском плену Андрею Яковлевичу жилось несладко. Так он и умер в Швеции, не дождавшись возвращения на Родину. Князю Хилкову долгое время приписывалось историческое сочинение «Ядро российской истории», но затем выяснилось, что его около 1715 года написал секретарь русского посольства в Швеции Алексей Ильич Манкиев, разделявший вместе со своим патроном тяготы шведского пленения.

Князь Степан Андреевич Хилков (1786—1854) сражался против наполеоновских войск во всех кампаниях начала XIX века. Воевал под Аустерлицем, Фридрихсдорфом, Бородино, несколько раз был ранен, но возвращался в строй. В 1826 году произведён в генерал-лейтенанты.

Князь Михаил Иванович Хилков (1834—1909), выпускник Пажеского корпуса, посвятил свою жизнь железнодорожному делу. В 1864 году он уехал в США, где поступил на службу в англо-американскую компанию по строительству Трансатлантической железной дороги. Князь начал с простого рабочего, затем был кочегаром, помощником машиниста, старшим машинистом и, наконец, заведующим службой подвижного состава и тяги. В 1869—1870 годах он трудился слесарем на паровозном заводе в Ливерпуле. Вернувшись в Россию, Хилков работал на Курско-Киевской, Московско-Рязанской и Закаспийской железных дорогах (последней управлял в течение двух лет). В 1882—1885 годах находился на болгарской службе (управляющий министерством общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия Болгарии). С 1885 года руководил достройкой Закаспийской железной дороги, а в 1892 году был причислен к Министерству путей сообщения. В 1894 году князь Хилков занял должность главного инспектора железных дорог, а в 1895 году стал министром путей сообщения. На этом посту он зарекомендовал себя деятельным и способным администратором. Когда велось строительство Кругобайкальской железной дороги, министр несколько месяцев находился не в Петербурге, а непосредственно на месте строительства, законченно го в сжатые сроки. Своим подъёмом железнодорожное строительство

в Российской Империи обязано во многом ему. В 1905 году Михаил Иванович был уволен от своей должности и назначен членом Государственного Совета. Почётный гражданин нескольких русских городов, князь Хилков состоял также действительным членом Императорского Русского Географического общества, почётным членом Астрономического общества (за содействие экспедиции по наблюдению солнечного затмения), а в 1899 году избран почётным членом Императорской академии наук.

Князья Гундоровы. Предок рода Гундоровых — князь Фёдор Давыдович Пёстрый — один из крупных военных деятелей конца XV века. Этот воевода не только участвовал в 1471 году в знаменитом походе Ивана III на Новгород, в результате которого был заключён Коростынский мир и Новгород практически полностью лишился своей самостоятельности, но и подчинил Московскому государству Великую Пермь в 1472 году. В Приуралье он выстроил укреплённый городок Чердынь и таким образом положил основание дальнейшему продвижению русских за Урал и в Сибирь. С этого времени Пермская земля вошла в состав России, а название «пермский» с полным правом — в объектный титул московских государей. Сыновья Фёдора Пёстрого имели прозвища Гундоры, а потому и их потомки прозывались князьями Гундоровыми. Этот род малоизвестен и очень скоро захудал.

Единственным исключением может служить весьма незначительный писатель начала XIX века — князь Андрей Александрович Гундоров (1792—после 1833). Он учился в Казанском университете вместе с будущими знаменитостями — математиком Н. И. Лобачевским и астрономом Д. М. Перевошиковым. Во время Отечественной войны 1812 года находился в составе Рязанского ополчения. Далее круг занятий его был весьма разнообразен, в частности он даже намеревался стать редактором газеты «Казанские известия». Входил в состав Казанского общества любителей отечественной словесности, в основном был известен как автор эпиграмм, одна из них, довольно язвительная, но точная, посвящена попечителю Казанского университета М. Л. Магницкому. В одном из казанских журналов опубликовал также сатирическую повесть и остроумную притчу.

Князья Палецкие (Палицкие). В XVI веке князья Палецкие породнились с династией московских Рюриковичей. В 1547 году младший брат Ивана Грозного — Юрий (Георгий) (1532—1563) женился на дочери воеводы князя Дмитрия Фёдоровича Палецкого Ульяне. Несмотря на то что Юрий с рождения был глухонемым и болезненным, у них родился сын Василий, умерший в младенчестве. После смерти Юрия его вдове пришлось принять постриг с именем Александры в московском Новодевичьем монастыре. Впрочем, её жизнь не была столь уж аскетичной и тяжёлой: Иван Грозный оставил невестке двор, слуг и вотчины, а в монастыре для неё специально построили кельи, соорудили погреб, ледник и поварни. О дальнейшей судьбе Ульяны бытуют разные сведения. По одним, вероятно, малодостоверным, она погибла в 1569 году вместе с Евфросиньей Старицкой — их не то утопили в реке, не то задушили дымом (эту версию приводит в своей «Истории государства

Российского» Н. М. Карамзин). По более достоверным свидетельствам, княгиня-инокиня скончалась в мае 1574 года и была похоронена в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Из её келейного обихода сохранилось небольшое серебряное блюдо с надписью по краю — «Ульяна Удельная». Род князей Палецких к концу XVI века угас. Это была самая младшая из ветвей рода Рюриковичей (самая старшая ветвь — князья Осовицкие).

В гербах потомков стародубских Рюриковичей присутствует и старинная эмблема Стародуба: в серебряном поле на зелёной траве стоящее дерево — старый дуб. Этот герб относится к так называемым «говорящим» или «гласным» гербам, то есть на нём изображено то, о чём говорит название самого города. Подобного рода гербы сформировались поздно, уже в XVIII веке. И действительно, старый дуб в качестве стародубского герба встречается в знаменном гербовнике, по которому изготовлялись полковые знамёна с 1729—1730 годов. Но ещё на печати города 1698 года изображалась рука, держащая дуб.

Ярославичи

Ярослав II-Фёдор Всеволодович (1190—1246) был выдающимся государственным деятелем Древней Руси. После Батыева разгрома он отправился в Орду и первым из русских князей получил ярлык на великое княжение владимирское из рук хана. Князь пытался поддерживать мирные отношения с Ордой, но в 1246 году при возвращении из столицы Монгольской империи — Каракорума Ярослав был отравлен. Сделала это, по всей видимости, мать великого хана Гуюка Турукина-хатун. Изображение Ярослава можно было видеть на одной из фресок новгородского храма Спаса на Нередице, варварски разрушенного гитлеровцами во время Великой Отечественной войны.

Ярослав был женат дважды. Первый раз — на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича, внучке того самого Кончака, который воевал с новгород-северским Игорем Святославичем («Слово о полку Игореве»). А орду Юрия Кончаковича разгромили монголы Джэбэ и Субэдея в 1223 году, незадолго до битвы на Калке. Второй раз Ярослав женился в 1213 году на Ростиславе (в крещении Феодосия), дочери князя Мстислава Мстиславича Удатного, с которым мы неоднократно встречались на страницах этой книги. Она скончалась в Новгороде 4 мая 1244 года. Все сыновья Ярослава, во всяком случае Александр Невский, родились от этого последнего брака отца. Всего великий владимирский князь оставил десятерых сыновей, среди которых было пять великих князей владимирских.

Старшего, Фёдора, постигла печальная участь, он скончался совсем молодым накануне своей свадьбы и впоследствии был канонизирован Русской православной церковью. Второй, Александр Невский (13.05.1221 — 14.11.1263), также святой русской церкви, один из самых известных Рюриковичей в истории России. Следующий, Андрей Яро-

славич (ум. весной 1264), князь суздальский — тоже личность неординарная, но, к сожалению, почти забывтая. Зять Даниила Галицкого, он чуть ли не единственный среди русских князей тогда восставал против диктата Орды. Следующий сын Ярослава — Михаил Хоробрит (то есть храбрый, забияка) в 1248 году отнял у дяди Святослава Всеволодовича владимирское княжение. Сделал он это из Москвы, благодаря чему некоторые историки считают его первым московским князем. Это не совсем верно, так как он лишь использовал маленький городок в качестве форпоста для наступления на земли родственников. Сын Ярослава Даниил умер в молодости, а вот Ярослав Ярославич — Ярослав III (ум. в 1271) стал первым князем Твери и основателем тверской династии Рюриковичей. Василий Ярославич (1241—1276), удельный князь Костромы, четыре года занимал великокняжеский стол, но за это время из своего владения не выезжал, и поэтому несколько лет Кострома была как бы столицей Русского государства. Потомства он не оставил. И наконец, последний сын Ярослава II — Константин (ум. весной 1255) стал родоначальником захудалой династии, некоторое время владевшей Галичем (Мерьским, то есть находившимся на северо-востоке, в отличие от Галича Южного, где в то время правили Даниил Романович и его потомки) и Дмитровом.

Галицко-дмитровская ветвь

Сын Константина Ярославича Давыд, женатый на дочери Фёдора Ростиславича Чёрного, князя ярославского, скончался в 1280 году. Один из его сыновей, Фёдор (ум. в 1335), владел Галичем, а другой, Борис (ум. в 1334 в Орде), — Дмитровом. На внучке Фёдора (дочери его сына Ивана) в 1345 году женился младший сын Ивана Калиты Андрей, основатель линии боровско-серпуховских князей. А сам Галич относится к числу так называемых «куплей» Ивана Калиты, то есть московские князья уже с 1330-х годов имели на это княжество определённые владетельные права. Вероятно, сын Бориса Дмитрий в начале 1360-х годов попытался захватить Галич, но был изгнан оттуда московскими войсками. С тех пор род галицких князей быстро измельчал, захудал, и, как это нередко бывало, его потомки потеряли свои титулы и затерялись в среде «рядового» дворянства. По их семейной легенде, они вначале нашли приют в Новгороде, где состояли при новгородском архиепископе (так называемые «софийские дворяне»), потом потянулись в Москву.

У потомка князя Дмитрия — Бориса Васильевича было трое сыновей. От старшего сына, Дмитрия Берёзы, произошли дворяне Березины, от второго — Семёна Осины — Осинины и от третьего — Ивана Ивы — Ивины. Такое сочетание «родственных по смыслу» прозвищ не было чем-то исключительным. Достаточно привести пример рода Травинных (потомки смоленских Рюриковичей), где встречаются прозвища Пырей, Щавей (щавель), Осока и Отава. Такие прозвища (а их многочисленные примеры в изобилии рассыпаны на страницах этой книги) можно считать «некалендарными» именами.

Надежда Ильинична Березина (ум. в 1808) — мать композитора генерал-майора Алексея Фёдоровича Львова (1799—1870), автора музыки гимна «Боже, Царя храни!».

К роду Осининых возводили себя дворянские роды Ляпуновых (рязанские дворяне) и Ильиных. Якобы потомки внука Семёна Осины — Ляпуна Осинина обосновались в Рязани, где служили последним рязанским князьям. К этой семье принадлежали знаменитые братья Захарий и Прокопий Петровичи Ляпуновы, сыгравшие важную роль в эпоху Смуты. Прокопий Петрович Ляпунов был руководителем Первого ополчения 1611 года и погиб на казачьем круге, уже когда большая часть Москвы была освобождена. К роду Ильиных принадлежал писатель Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия Ильин, 1878—1942). Однако происхождение Ляпуновых и Ильиных от галицко-дмитровской ветви Рюриковичей крайне сомнительно.

ГЕРОЙ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА И ЕГО СЫНОВЬЯ

Помимо Константина разветвлённое потомство оставили три его старших брата: Александр Невский, Андрей и Ярослав. Конечно, наиболее известен из них князь Александр Ярославич, прозванный впоследствии Невским.

Ещё совсем юным он совершил яркие ратные подвиги на севере русских земель, в Новгородчине и на Псковщине. С конца XII века на территорию Прибалтики началось проникновение европейского (преимущественно немецкого) рыцарства. Были покорены местные языческие племена, созданы рыцарские организации — Орден меченосцев, позднее Ливонский орден. После Прибалтики мог настать черёд и русских земель. Одновременно с крестоносцами к северу Руси продвигались и шведы. Ещё в середине XII века они приступили к покорению финнов. Подчинив их, шведы направили удар на Приладожье, но были отброшены новгородцами. Тем не менее шведы не отказались от мысли захватить новгородские земли.

Летом 1240 года они воспользовались тяжёлым положением Руси. Шведские суда под командованием зятя шведского короля — ярла (высокий титул в Швеции, ср. англ. earl — граф) Биргера вошли в Неву и остановились у устья её притока — реки Ижоры. Шведы намеревались захватить сначала Ладогу, а потом и Новгород. Новгородское вече обратилось за помощью к Александру Ярославичу, который уже бывал в Новгороде и был известен горожанам. В то время ему исполнилось только 19 лет. Александр со своей дружиной спешно приехал в Новгород. Здесь он собрал ополчение и двинулся навстречу врагу. Юный полководец надеялся внезапно атаковать шведов, ведь силы были неравными. Перед сражением Александр сказал своим воинам: «Нас немного, но не в силе Бог, а в правде».

15 июля 1240 года Александр Ярославич стремительно и внезапно ударил по шведскому лагерю. Шведы даже не успели построиться в боевой порядок, как началась битва. В жаркой схватке ополченец Савва пробился в центр лагеря и подрубил шатёр Биргера. Теснимые русски-

ми, шведы бросились к кораблям, но путь им преградили ратники во главе с новгородцем Мишей. Битва разгорелась уже у самих судов. Дружинник Гаврило Алексич, предок А. С. Пушкина, на коне ворвался на один из кораблей и убил шведского епископа. С самим Биргером сразился Александр, ранивший его копьем в лицо. Новгородцы захватили и уничтожили три корабля, а разгромленные захватчики бежали с поля боя. Поражение шведов в Невской битве остановило их натиск на русские земли. Победа Александра Ярославича принесла ему славу, а позднее и прозвище Невский.

В том же 1240 году решили «попытать счастья» на Руси и немецкие рыцари-крестоносцы. Летом они заняли пограничную крепость Изборск, а затем вошли и в Псков. Ворота города открыли некоторые псковские бояре во главе с изменником — посадником Твердилой. Теперь опасность нависла и над Новгородом, тем более что, по требованию части городской верхушки, испугавшейся популярности своего князя, Александр был вынужден покинуть Новгород и уехать в своё прежнее владение Переяславль-Залесский. Но новгородское вече вскоре вновь призвало его.

Александр Ярославич постарался забыть прежние обиды ради спасения русской земли. Собрав войско, зимой 1242 года стремительным броском он освободил Псков, затем русские полки двинулись на запад, навстречу основным силам неприятеля. Решающее сражение между крестоносцами и воинами Александра, названное Ледовым побоищем, произошло на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года. Войско рыцарей построилось клином, или «свиньей», как называли этот боевой порядок русские. По бокам стояли конные рыцари, а в центре пешие воины. Таким клином рыцари глубоко врезались в войско противника и, внося панику и смятение, прорывались в тыл. Но Александр, как известно, не стал слишком укреплять свой центр. Он поставил там пеших ополченцев, а сзади них повозки. Когда «свинья» своим «рылом» двинулась в центр русских сил, она натолкнулась на это заграждение и рассыпалась. В этот момент с флангов ринулись на врага русские конники. Рыцарское войско оказалось зажатым в тиски. Завязалась жестокая битва. В решающий момент Александр ввёл в бой засадный полк. Рыцари дрогнули и побежали. Под их тяжёлыми доспехами хрупкий весенний лёд стал ломаться, и многие рыцари нашли свой конец на дне Чудского озера. Победа была полной. В бою погибло 25 из 150 рыцарей Ордена и более полутысячи рядовых ратников. Вскоре Орден заключил с Новгородом мирный договор.

Значение побед, одержанных Александром Невским, огромно. Северные русские земли смогли отстоять свою независимость в борьбе с западными захватчиками. В то же время политика Александра по отношению к восточным завоевателям — Золотой Орде была совсем иной. В 1252 году, после бегства брата Андрея на север Руси, а потом и за рубеж, Александр стал великим князем владимирским. Он стремился к миру с Ордой, полагая, что враждовать с таким сильным и опасным противником бессмысленно. Князь несколько раз ездил в Орду с богатыми дарами, пытаясь умиловить Батю и его наслед-

ников. Именно по настоянию Александра Новгород, не хотевший платить татарам дань, был вынужден пропустить на свои земли ордынских «численников», проводивших перепись населения Руси. Когда же в 1262 году доведённые до отчаяния жители Ростова, Суздаля, Ярославля и других городов подняли против ненавистного ордынского ига восстание, владимирский князь поспешил в Орду, чтобы восстановить мирные отношения с ханской властью. Ему, по всей видимости, удалось предотвратить участие русских войск в войне хана Берке с иранским ханом Хулагу, а также добиться, чтобы сбор «выхода» (дани) в Орду перешёл в руки русских князей. Берке не скоро отпустил Александра на Русь, он возил его с собой по зимним кочевьям. В ханской ставке Александр Ярославич разболелся и, возвращаясь на Русь, в 1263 году скончался в городе Городце на Волге.

Но если князь Александр занимал такую примиренческую позицию по отношению к Орде, разорившей Русь и высасывающей из неё все соки, то почему же Русская православная церковь установила его церковное почитание как святого? Ответ на этот вопрос связан с церковной политикой князя: ведь он был защитником православной веры, преградившей путь на Русь католической рыцарской экспансии. Что касается Орды, то она православную церковь не притесняла, освободив от уплаты дани, поэтому для русской церкви основная опасность исходила не от ордынцев, а от «латинян», остановленных дружинами Александра на Неве и Чудском озере. Кстати, именно при Александре Невском центр южнорусской переяславской епархии был перенесён в Сарай, столицу Орды, где епископ Митрофан окормлял православное население. Таким образом, Русь опередила папскую курию, посылавшую в Золотую Орду и Монголию своих миссионеров.

Конечно, в отношении Александра к Орде крылся и определённый расчёт: сложно сказать, насколько Русь того времени могла успешно противостоять сильной и могущественной Орде. Так или иначе, князь пошёл на компромисс с врагами Руси и стал верным исполнителем воли татарских ханов. Оценивать это решение можно по-разному, но очевидно, что Александр, по словам В. Т. Пашуто, «выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения». Справедлив вывод историка о том, что именно герой Ледового побоища был «родоначальником политики московских князей». И действительно, на протяжении многих десятилетий у Орды не было на Руси более надёжного союзника, чем потомки младшего сына Невского — Даниила. И Юрий Данилович, оклеветавший в Орде Михаила тверского, и Иван Калита с татарской ратью громивший тверские земли, — все они дружили с Ордой, укрепляя своё Московское княжество. А когда политика компромиссов привела к тому, что бывший вассал стал сильнее своего сюзерена, московские Рюриковичи вышли из-под власти Орды, правда, сделали это по традиции осторожно (Иван III в один момент даже дрогнул и приказал отвести русские полки с берега Угры), да так, что Россия ещё в течение двух столетий отправляла «поминки» («тыш») крымскому хану, стремясь тем самым обезопасить свои южные границы от вторжений подданных Бахчисарая.

У Александра Невского было несколько сыновей. Двое старших — Дмитрий (ум. в 1294), князь переяславский, и Андрей (ум. 27.07.1304), князь городецкий, долгое время вели борьбу за великокняжеский ярлык.

В 1280—1290-х годах на северо-востоке Руси разгорелась новая усобица. После смерти своего дяди Василия Ярославича (вслед за Александром Невским на великокняжеском столе в соответствии с лестницей побывали его младшие братья Ярослав и Василий) владимирский стол занял Дмитрий Александрович. В 1277 году, когда Дмитрий отправился в Новгород, чтобы утвердиться там на княжении, ряд русских князей — Борис Василькович ростовский и его брат Глеб белозерский, Фёдор Ростиславич Чёрный ярославский и с ними Андрей Александрович — пошли с войсками в Орду на помощь хану Менгу-Тимуру, который собирался в поход против непокорных ему алан (ясов), на Северный Кавказ. Этот поход закончился в 1279 году.

Вероятно, во время этой войны Андрей заручился поддержкой хана, что помогло ему в 1281 году, когда он поехал в Орду и принёс хану жалобу на брата. Вместе с татарским войском Андрей затем подошёл к Мурому, там собрал некоторых русских князей и двинулся к Переяславу, вотчине Дмитрия. 19 декабря 1281 года Переяславль был взят, а великий князь бежал в Новгородскую землю. Там нашёл он приют в пограничной крепости Копорье.

Андрей торжествовал победу. Из Переяславля он двинулся на Владимир, щедро отблагодарил татарских военачальников и, распустив войско, сел на великокняжеском столе. После этого Андрей пошёл в Новгород, который принял его и на свой стол. Узнав об уходе татарских войск, Дмитрий Александрович вернулся в свой Переяславль. Он начал укреплять город и собирать верные рати. Находившийся в Новгороде Андрей спешно приехал вместе с двумя новгородскими посадниками во Владимир. Здесь он пробыл недолго и через Городец отправился в Орду. Андрею опять удалось восстановить хана против Дмитрия, он получил ещё одно татарское войско, которое возглавлял знатный ордынец Турай-Темир. Дмитрий не стал ждать, когда Андрей вернётся на Русь, и решил использовать в своих целях начавшиеся в Орде усобицы. В то время самостоятельно действовал хан Ногай, отсоединившийся от Сарая, и Дмитрий бежал под его защиту в Приднепровские степи. Незадачливый князь вернулся на Русь только в 1283 году. Братьям удалось заключить мир, и на некоторое время Андрей, скрепя сердце, вынужден был стать военным союзником Дмитрия.

Однако он не терял надежды расправиться с братом. В 1285 году Андрей опять был в Орде и снова привёл небольшое войско, но оно быстро было разбито силами Дмитрия. В 1293 году удача улыбнулась городецкому князю. Собрав других русских князей, Андрею удалось склонить на свою сторону нового ордынского хана Тохту. С большим татарским войском под предводительством родственника хана — Дюдены (Туденя) Андрей двинулся в своё отечество. Татары разорили всю Суздальскую землю, сожгли Владимир, Москву, Коломну, Дмитров, Переяславль, Волок и другие города. Дмитрий в страхе бежал в Псков, а Андрей победителем вошёл в Новгород.

Чувствуя себя небезопасно, Дмитрий решил перебраться в Тверь. Он чуть было не попал в плен к Андрею, который устроил засаду на него в Торжке. И хотя сам князь благополучно добрался до Твери, весь его обоз попал в руки брата и новгородцев. Из Твери Дмитрий направил послов к Андрею. Был заключён мир, в результате которого Дмитрий отказался от великого княжения и просил позволения вернуться в Переяславль. На пути в свою отчину, в городе Волоке Ламском Дмитрий заболел, принял постриг и умер. Так в 1294 году Андрей вторично стал великим владимирским князем, пробыв им до своей смерти в 1304 году.

Его княжение не было спокойным. Очень скоро против него выступили сын Дмитрия князь Иван переяславский и другие племянники — Даниил Александрович московский и Михаил Ярославич тверской. Междукняжеские споры чуть было не вылились в открытую резню на княжеском съезде во Владимире в 1296 году, и только вмешательство двух епископов предотвратило начало новой войны. Андрей уже после этого пытался было захватить Переяславль, но вышедшие навстречу войска Михаила и Даниила быстро отрезвили его горячую голову. Мир был заключён только в 1301 году на княжеском съезде под Дмитровом. После этого Андрей смог обратиться к новгородским делам.

К этому времени Новгороду вновь стали угрожать крестоносцы, построившие в устье Невы крепость Ландскрону. В 1301 году Андрей возглавил новгородское войско в походе против них, Ландскрона была взята и разрушена, а рыцари разбиты. Так опасность, угрожавшая северным русским землям, была ликвидирована.

В борьбе Дмитрия и Андрея отразилась вся сложность политической ситуации того периода. Подвластные Орде русские князья не гнушались никакими средствами в споре за власть, в ход шли интриги, клевета, а то и прямая военная поддержка ханов. Новый виток кровавой борьбы за великокняжеский ярлык разгорелся уже в начале XIV века между тверскими и московскими князьями.

Потомство Дмитрия и Андрея пресеклось на их сыновьях. После смерти Ивана Дмитриевича переяславского этот удел захватил младший сын Александра Невского — Даниил, основатель московской династии Рюриковичей (о них ниже). Помимо сыновей, у Александра Невского была дочь Евдокия, которая вышла замуж за смоленского князя Константина Ростиславича (брат Фёдора Чёрного ярославского, смоленский Рюрикович). От этого брака произошло несколько русских родов, в том числе Мусоргские, Дмитриевы и Дмитриевы-Мамоновы, о которых говорилось ранее.

СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКАЯ ДИНАСТИЯ

Эта ветвь Рюриковичей пошла от младшего брата Александра Невского — Андрея Ярославича. В конце 1240-х годов он получил ярлык на великое княжение владимирское из рук вдовы великого монгольского хана Гююка — Огул Гаймиш. Но гордый и независимый человек,

Андрей пытался проводить антиордынскую политику (не хотел «царям служить»), за что в 1252 году был свергнут с владимирского престола ордынским нашествием. Карательный поход возглавлял ордынский военачальник Неврюй. «Неврюева рать» разгромила наспех собранное войско Андрея под Переяславлем-Залесским, и князю пришлось бежать на север Руси, сначала в Новгород, затем в Псков, Колывань (Ревель), находившуюся под датским контролем, и, наконец, в Швецию, где он пробыл несколько лет. Только в 1256 году Андрей Ярославич смог вернуться на Русь и возратить себе родовой суздальский княжеский стол.

Потомки Андрея Ярославича правили в Суздальском и Нижегородском княжествах. Эти земли находились на Волжском торговом пути и были не бедными в хозяйственном отношении, но близость к Орде нередко ставила их под удар. В 1328 году суздальский князь Александр Васильевич, примкнувший к Ивану Калите в походе на Тверь, смог добиться владимирского стола. Хан Узбек разделил великое княжение между Калитой и Александром, при этом Владимир получил последний. В 1331 году Александр Васильевич умер, и Калита сосредоточил всё владимирское великое княжение в своих руках.

После смерти Александра в Суздале стал княжить его брат Константин Васильевич (ум. в 1355). Именно он присоединил к своим владениям и Нижний Новгород, сделав этот город в 1350 году своей столицей. А в 1353 году Константин даже выступил одним из претендентов на великокняжеский ярлык, проиграв, впрочем, сыну Калиты — Ивану Красному.

Вторично владимирский стол из суздальско-нижегородских князей удалось занять племяннику Александра Васильевича, сыну Константина — Дмитрию (Фоме) Константиновичу (1324—5.07.1383), который в малолетство Дмитрия Донского добился от хана Навруза великокняжеского ярлыка. Но уже в 1362 году он был вынужден уступить его московскому князю, а дальнейшие попытки закрепить за собой в тогдашней русской столице к успеху не привели. В конечном итоге Дмитрий Константинович решил, что дружить с Москвой лучше, чем враждовать (тем более что Дмитрий помог ему в борьбе с братом Борисом, ненадолго захватившим Нижний Новгород), и в 1366 году выдал одну из своих дочерей — Евдокию замуж за Дмитрия Ивановича. Уже после смерти мужа она приняла постриг с именем Евфросинья и скончалась в основанном ею московском Вознесенском монастыре в 1407 году. Русская православная церковь причислила Евфросинью к лику святых.

Брат Дмитрия Константиновича Борис (ум. в 1394), князь городецкий, женатый на дочери великого литовского князя Ольгерда, лишился нижегородского стола в первые годы правления своего внучатого племянника Василия I. Он умер в суздальской темнице. Впоследствии сыновья Дмитрий Василий Кирдяпа и Семён, а также сыновья Бориса Даниил и Иван Тугой Лук безуспешно пытались вернуть свою отчину, но звезда Нижнего Новгорода как самостоятельного княжества уже закатилась.

Потомки Василия Кирдяпы (ум. в 1408) и его брата Семёна прозвались князьями Шуйскими (от название села Шуя, ныне город Ивановской области). От Василия Кирдяпы пошли просто князья Шуйские и князья Скопины-Шуйские, а от Семёна — князья Глазатые-Шуйские, Горбатые-Шуйские и Барбашины. Кроме того, от нижегородской династии происходит и угасший на рубеже XVI—XVII веков род князей Ногтевых (их родоначальник Дмитрий Константинович Ноготь — младший брат упоминавшегося выше тестя Дмитрия Донского Дмитрия (Фомы) Константиновича; традиция давать детям одинаковые имена — не редкость в допетровской Руси).

Князья Шуйские. Князья Шуйские занимали при московском дворе одно из первых мест. Многие представители этого рода были связаны с Новгородом и Псковом. Так, князь Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Гребёнка, внук младшего брата Василия Кирдяпы — Семёна Дмитриевича, служил в Новгороде и даже командовал новгородскими войсками, сражавшимися против рати Василия Тёмного в 1456 году под Старой Руссой (битва завершилась победой москвичей). Гребёнка оставался в Новгороде до 1477 года, потом перешёл на службу к Ивану III. После присоединения Новгорода к Москве, в 1480-х годах московским наместником там был другой князь Шуйский — Василий Фёдорович, правнук Василия Кирдяпы. В 1490-х годах он наместничал в Пскове и возглавлял псковское войско в походах против Литвы и шведов. В Пскове он и умер в 1496 году.

Его сын князь Василий Васильевич Шуйский был видной военной и политической фигурой начала XVI века. За немногословность и сдержанность его прозвали Немым. Он и вправду не любил пускаться на ветер, а предпочитал осторожные действия наверняка. Поэтому на военном поприще он не знал громких побед, зато избежал и громких поражений. Василий Васильевич участвовал в войнах с Литвой, наместничал в Новгороде, отражал набеги крымцев, в 1506 году получил боярский чин, а в 1519-м — звание владимирского наместника. Но в 1521 году после опустошительного нападения на Русь крымского хана Мухаммед-Гирея Шуйского постигла опала. В темнице он пробыл недолго и уже в 1523 году возглавил «судовую рать» (то есть войско, находившееся на кораблях, плывших по Волге) в казанском походе. Тогда же он построил крепость Васильсурск. Василий III, вероятно, настолько доверял опытному воеводе, что назначил его одним из своих душеприказчиков — членов своеобразного опекунского совета при малолетнем сыне великого князя — будущем Иване Грозном. Василий Немой убедил сделать опекуном и своего младшего брата — князя Ивана. Но тут Шуйским пришлось столкнуться с честолюбием матери маленького Ивана Елены Глинской, не желавшей ни с кем делиться властью. Только после смерти Елены (её отравили и, возможно, не без участия братьев Шуйских) Василий сумел устранить всех своих политических противников и стать, по сути, полноправным хозяином положения. В июне 1538 году он даже женился на дочери крещёного татарского царевича Петра Анастасии, которая через свою мать доводилась племянницей Василию III, а значит, двоюродной сестрой Ивану Грозному. Таким образом, князь Шуйский породнился с вели-

кокняжеской семьёй и тем самым закрепил свой высокий политический статус. Но уже в ноябре того же 1538 года всесильный временщик скончался.

Брат Василия Немого Иван, воевода, а также псковский и смоленский наместник, умер в мае 1542 года. Он оставил по себе недобрую память у маленького Ивана Грозного: «Бывало, играем мы (с братом Юрием) в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтём на постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет — ни как родитель, ни как опекун...»

Любопытна судьба его сына — князя Петра (Гурия) Ивановича Шуйского. С юных лет он на воинской службе. Во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 году князь — один из пяти государевых воевод в крепости Свияжске, специально построенной, чтобы облегчить взятие столицы татарского ханства. Позднее Пётр Иванович успешно сражался в Ливонскую войну. В начальный её период, когда русскому оружию сопутствовала удача, князь Шуйский находился в самой гуще событий. В 1559 году вместе с воеводой князем Иваном Фёдоровичем Мстиславским он взял город Вильян (ныне Вильянди в Эстонии), захватив в плен орденского магистра. Отличился князь и при взятии Дерпта и Раковора, и при обороне Полоцка. Вскоре Иван Грозный направил его в глубь литовских земель. Здесь в январе 1564 года под Оршей на реке Уле воинские силы, которыми командовал Шуйский, внезапно атаковал неприятель. Русская рать была разбита, сам Пётр Иванович потерял в бою коня и едва спасся. Пешком он пришёл в одну из соседних деревень, но местные жители узнали в нём московского воеводу, ограбили и утопили в колодце. Тело князя потом было доставлено литовским военачальником князем Николаем Радзивиллом в Вильно, где с почестями захоронено в католическом костёле рядом с могилой жены короля Александра — Елены, дочери Ивана III.

Сын Петра Ивановича — князь Иван Петрович Шуйский обесмертил своё имя героической обороной Пскова от войск Стефана Батория в 1581—1582 годах, во время всё той же Ливонской войны, только на заключительном её этапе. Но и до этого он проявлял большие полководческие способности. В частности, в 1571 году Иван Петрович служил на южных окраинах России и предупредил Москву о нападении крымского хана Девлет-Гирея. А в следующем году именно на его сторожевой полк пришёлся мощный удар татарской конницы в стычке на Сенькином броде реки Оки. Шуйский с немалым трудом обратил крымцев в бегство, но не смог противостоять подошедшим основным силам хана, а потому отступил. Вскоре он бился с ордынцами при Молодях под началом Михаила Ивановича Воротынского.

На военные успехи Шуйского обратил внимание Иван Грозный, который направил воеводу на ливонский театр военных действий. Князь стал вторым наместником в Пскове, и на этом посту стяжал себе бессмертную славу, в течение пяти месяцев руководя защитой Пскова от войск Речи Посполитой и отбив 31 атаку противника. Одну из героических страниц этой удивительной эпопеи изобразил на сво-

ём превосходном полотне «Осада Пскова» великий Карл Брюллов. Шуйский и сражавшиеся под его началом псковичи действительно спасли честь России. Именно мужество защитников древней русской крепости заставило поляков пойти на мирные переговоры, завершившиеся заключением Ям-Запольского перемирия сроком на 10 лет. Это был конец Ливонской войны.

Незадолго до смерти Иван Грозный назначил Ивана Петровича опекуном своего сына Фёдора Иоанновича, вступившего на престол в 1584 году. Тут Ивану Петровичу пришлось столкнуться с шурином нового царя Борисом Годуновым, не стеснявшимся в средствах ради устранения своих конкурентов на пути к власти. Вместе с митрополитом Дионисием князь просил Фёдора расторгнуть бесплодный брак с сестрой Годунова Ириной, что означало бы падение и самого Бориса. Но Годунов упредил удар. В 1586 году Ивана Петровича выслали из столицы в глухой поволжский город Кинешму, а через два года перевезли в Кирилло-Белозерский монастырь. Там 16 ноября 1588 года прославленного героя отравили угарным газом в его монастырской келье. Так закончилась жизнь одного из самых выдающихся военачальников русского средневековья.

Трагический конец ожидал и многих князей Шуйских из другой, старшей ветви этого рода. Троюродные братья князя Василия Немого — Иван Михайлович Плетень и Андрей Михайлович Частокол (опять близкие по смыслу прозвания в одной семье) при Василии III дважды попадали в опалу. Вновь возвыситься им удалось благодаря положению своего знатного родственника. Иван в политические интриги не вмешивался, занимаясь в основном военными делами. Во многих походах он возглавлял большой полк — центральную часть русского войска. После своего венчания на царство в 1547 году Иван Грозный пожаловал князю высокое звание дворецкого (по сути, управлявшего Государевым двором). Но Шуйского влекла военная жизнь. Отважный воевода скончался в 1559 году.

А вот его брат Андрей, напротив, больше тяготел к придворной жизни. Он тоже побывал в опале, потом в Пскове на воеводстве успел зарекомендовать себя таким беззастенчивым стяжателем, что вскоре его отозвали в Москву. Здесь Андрей попытался прорваться на первые места при дворе, но его постигла неудача. Расплатой за близость к власти стала его жуткая смерть. Поводом послужило избиевание соратниками Шуйского любимца Ивана Грозного — Фёдора Воронцова. В декабре 1543 года 13-летний Иван, по указке врагов клана Шуйских, приказал своим псарям за «безчиние и самовольство» убить князя Андрея. Это был первый смертный приговор будущего царя.

Такой конец Андрея Шуйского не мог не сказаться на жизни его семьи. Сыну Андрея Ивану, тогда ещё ребёнку, пришлось бежать из Москвы. Его спас верный воспитатель — «дядька». По семейным легендам, он увёз малолетнего князя на Белоозеро, где они прожили несколько лет. Кормились простым крестьянским трудом. Позднее во время богомолья царя Ивана в Троице-Сергиев монастырь верный слуга Шуйских бросился в ноги государю и вымолил прощение для своего подопечного. Так князь Иван Андреевич вернулся ко двору. Он

стал боевым воеводой, достиг боярского чина, командовал полками во время Ливонской войны и погиб в 1573 году под стенами Ревеля (ныне Таллинн).

У Ивана Андреевича было несколько сыновей. Старшего, Андрея, извели в темнице по приказу Бориса Годунова летом 1589 года. Второй — Василий в 1606 году стал русским царём Василием Иоанновичем (свергнут в 1610 году), это был, таким образом, последний Рюрикович на московском престоле. Его брат Дмитрий — неудачливый полководец — проиграл битву полякам у села Клушино близ Можайска, тем самым открыв врагу путь на Москву. Когда Василия низложили, его вместе с Дмитрием и самым младшим братом Иваном выдали полякам. Шуйских привезли в Варшаву, где они как живые трофеи участвовали в триумфе, устроенном королём Сигизмундом III и польским гетманом Станиславом Жолкевским в конце октября 1611 года. В парадной зале королевского дворца бывшему русскому царю пришлось отвесить земной поклон правительнице Речи Посполитой. Подобного унижения Россия не знала ни до, ни после Смутного времени. Потом братьев отправили в Гостынский замок, где Василий и Дмитрий умерли, как тогда говорили «нужной смертью». Иван же, носивший прозвище Пуговка, вернулся в Россию, когда окончательно завершилась война и состоялся обмен пленными. Царь Михаил Фёдорович Романов милостиво принял своего будущего свойственника, ведь Иван женился на княжне Марфе Владимировне Долгоруковой (её сестра Мария — первая супруга царя Михаила).

К слову сказать, Дмитрий Иванович был женат на Екатерине Григорьевне Скуратовой-Бельской, дочери опричного палача Малюты Скуратова и сестре жены Бориса Годунова, а царь Василий женился дважды: на княжне Елене Михайловне Репниной и второй раз, в 1608 году, — на княжне Екатерине Петровне Буйносовой-Ростовской. А на вдове старшего из братьев Шуйских Андрея женился князь Пётр Урусов, который в конце 1610 года убил Лжедмитрия II.

В чине боярина Иван — последний из братьев Шуйских — в царствование Михаила Фёдоровича даже руководил Московским судебным приказом. Он умер в 1638 году, и с ним род князей Шуйских в России угас. А в Речи Посполитой он, по всей видимости, ещё продолжался, поскольку там жили потомки одного из князей Шуйских (Ивана Дмитриевича Губки), бежавшего в Литву ещё при Иване Грозном.

Князья Скопины-Шуйские. Этот небольшой род происходит от князя Ивана Васильевича Шуйского (сын князя Василия Васильевича Бледного, наместника в Пскове и в Нижнем Новгороде, двоюродный брат князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских), носившего прозвище Скопа (так называется одна из хищных птиц). Внук Ивана Скопы боярин князь Василий Фёдорович Скопин-Шуйский (ум. в 1595) был первым псковским наместником во время осады города Стефаном Баторием. Его сын князь Михаил Васильевич (1587–1610), боярин в 16 лет, выдвинулся как способный полководец при своём четверюродном дяде царе Василии Ивановиче. Скопин отразил наступление Лжедмитрия II на Москву, но вскоре не-

ожиданно умер на пиру в расцвете лет. Наследников он не оставил (хотя был женат).

Князья Барбашины (Барбашины-Шуйские). О роде князей Барбашиных (ветвь князей Глазатых-Шуйских) следует упомянуть не столько потому, что его представители в XVI веке были воеводами, принимавшими участие в многочисленных войнах России, сколько из-за княжны Марии Васильевны (ум. в 1634), последней в роде, жены князя Владимира Тимофеевича Долгорукова (1569–1633). В 1624 году на их дочери Марии женился царь Михаил Фёдорович Романов. Брак оказался недолгим, молодая царица умерла всего через несколько месяцев после свадьбы. Её мать постриглась в монахини московского Новодевичьего монастыря. О «старице царицыной матери» заботился отец Михаила Фёдоровича — патриарх Филарет, посылавший ей блюда со своего стола. Так Новодевичий монастырь оказался последним пристанищем этого древнего княжеского рода.

ТВЕРСКАЯ ВЕТВЬ

Потомки Ярослава III Ярославича, тверского и великого владимирского (в 1264–1271) князя, умершего на обратном пути из Орды в 1271 году, занимали стол Тверского княжества вплоть до 1485 года. К этой династии принадлежали сын Ярослава III — святой Михаил Ярославич тверской, его сыновья Дмитрий Грозные Очи и Александр, погибшие в борьбе за владимирский стол с московскими князьями, а также младшие Михайловичи — Константин и Василий. При Дмитрии Донском активно действовал непоседливый сын Александра Михайловича — Михаил Александрович (1333–1399). Он три раза, опираясь на помощь литовского князя Ольгерда, мужа его сестры Ульяны, получал в Орде ярлык на владимирское княжение, но каждый раз ему не удавалось закрепить достигнутый успех. Наконец, поход объединённой рати нескольких русских князей под предводительством Дмитрия Донского под стены Твери в 1375 году положил конец притязаниям Михаила. Но дружба княжеских династий не состоялась. Михаил не принял участия в Куликовской битве, а после сожжения Москвы Тохтамышем ещё раз попытался получить в Орде великокняжеский ярлык.

Сын Михаила Александровича Иван старался поддерживать в отношениях с Москвой политику нейтралитета. Он скончался от чумы в мае 1425 года, ему наследовал сын Александр, прокняживший всего несколько месяцев и тоже умерший от мора. Ещё через месяц от чумы умер и следующий тверской князь, сын Александра Юрий. Наконец, после трёх смертей подряд в Твери вокняжился брат Юрия Борис.

Во время его правления отношения Твери и Москвы были дружественными. В период усобной борьбы Василия II и семейства Юрия галичского Тверь поддерживала московского князя, что было подтверждено обручением, а затем и женитьбой в 1452 году наследника московского престола Ивана на дочери Бориса Марии (ум. в 1467). После смерти Бориса Александровича (10.02.1461) тверским князем

стал его малолетний сын Михаил. Тверь продолжала сохранять мир с Москвой, тверские отряды участвовали в обоих походах на Новгород в 1471 и 1478 годах, в «стоянии на Угре» в 1480 году. Однако в те годы из Твери начался массовый выезд удельных князей и бояр на службу к Ивану III. Силы Михаила Борисовича таяли с каждым годом. Стремясь хоть как-то остановить упадок Твери, князь пытался заручиться поддержкой литовского князя и польского короля Казимира IV. Зимой 1484/85 года Михаил заключил с Казимиром договор, что означало разрыв с Москвой. Иван III спешно собрал войска и двинул их на Тверь. Не готовый к войне Михаил Борисович запросил мира и заключил с Иваном договор, в котором признал себя «молодшим» братом. Круг сторонников Михаила таял с каждым днем, его бояре уезжали в Москву.

Михаил предпринял последний отчаянный шаг спасти своё княжество. Он отправил к Казимиру гонца с просьбой немедленно начать войну с Москвой, но посланец был перехвачен. В июле 1485 года в Москву прибыло тверское посольство, но Иван даже «их на очи не пустил», отвергнув любую возможность примирения. 21 августа войска великого князя вышли из Москвы, а уже 8 сентября, в день Куликовской битвы, москвичи осадили Тверь. Был подождён посад. 11 сентября к Ивану перебежали новые тверские князья и бояре. Следующей ночью Михаилу Борисовичу в сопровождении небольшой свиты удалось вырваться из города и бежать. За ним послали погоню, которая смогла захватить лишь казну тверского князя. Сам Михаил Борисович скрылся в Литве. На следующий день князь Михаил Дмитриевич Холмский (потомок одной из ветвей тверского княжеского рода) сдал Ивану Тверь. Горожане присягнули на верность Москве, и новым тверским князем формально стал сын и наследник Ивана III и племянник Михаила Борисовича Иван Иванович, а московским наместником в Твери — боярин В. Ф. Образец-Добрынский. Михаил же Борисович прожил остаток своей жизни в Литве, где скончался в начале XVI века. В одной из летописей он получил такую характеристику: «Борисович Михайло. Играл в дуду. И предал Тверь. Бежал в Литву». Так закончилось долголетнее соперничество Москвы и Твери, и завершилась история Великого княжества Тверского.

От тверской династии помимо рода князей Холмских отделились и другие ветви: Кашинская, Дорогобужская, Микулинская... От них, в свою очередь, произошли князья Пунковы, Телятевские и Телятевские-Вашутины, Чернятинские. Почти все они пресеклись ещё в XVI веке. Среди потомков тверских князей выделяются своими деятелями два рода.

Князья Холмские. Князья Холмские (село Красный Холм в верховьях реки Шоши, притока Волги) пошли от одного из сыновей Александра Михайловича тверского — Всеволода, князя Холмского (ум. от чумы в 1364). Среди Холмских бесспорно выдающейся личностью был князь Даниил Дмитриевич — видный полководец эпохи Ивана III. Его старший брат Михаил, приближённый последнего тверского князя Михаила Борисовича, сдал Тверь московским войскам в 1485 году. Это не уберегло его от опалы — Иван III обвинил князя в том, что он

предал своего господина, перейдя на службу к Москве. К тому времени его брат Даниил уже служил воеводой в московских полках. Особенно выдвинулся он во время похода Ивана III на Новгород в 1471 году. Разграбив город Старую Руссу и разгромив новгородские отряды, Холмский и другой воевода князь Фёдор Давыдович Пёстрый из старородских князей (о нём говорилось ранее) подошли к реке Шелони. Здесь произошло решающее сражение с новгородцами (значительно превосходящими по численности «москвичей»), в результате которого 12 тысяч из них осталось лежать на поле боя, а ещё две тысячи с лишним попали в плен. Битву выиграла благодаря решительному натиску Холмского на растерявшуюся новгородскую рать. В честь этой победы, произошедшей в воскресенье 14 июля, князь Холмский со своими соратниками выстроил один из приделов (во имя Воскресения Христова) Архангельского собора Московского Кремля. В следующем году Даниил Дмитриевич возглавлял русские войска, направленные против шедшего на Русь хана Ахмата и преградившие ему дорогу, — тогда Ахмат предпочёл отступить.

В 1473 году Иван III направил Холмского воеводой в Псков. На этом посту князь добился заключения 20-летнего перемирия с Ливонским орденом, угрожавшим Пскову, этот договор псковичи окрестили «Данильевым миром». За столь важные успехи Холмский получил чин боярина. Но его возвышение кое-кого при дворе раздражало. На князя поступил донос, и, обвинив в умысле «отъехать к иноземцам», его арестовали. Только поручительство высшего духовенства и восьми знатнейших бояр, обещавших выплатить в казну 2 тысячи рублей в случае бегства воеводы, спасло Даниила Дмитриевича от опалы. Он целовал крест на верность Ивану III и был прощён.

В дальнейшем на счету полководца прибавилось ещё несколько побед. В 1477 году Холмский — в числе воевод передового полка русской рати, направленной на покорение Новгорода. Войска, руководимые князем, по льду перешли озеро Ильмень и взяли город в кольцо блокады. Затянувшаяся осада завершилась полным подчинением Новгорода Московскому государству. Во время стояния на реке Угре в 1480 году Иван III направил Холмского к своему сыну Ивану Ивановичу, руководившему русскими войсками. Был момент, когда великий князь дрогнул и приказал своему наследнику отступить от Угры, когда же Иван отказался это сделать, государь приказал Холмскому силой доставить ослушника в Москву. Но Холмский не выполнил приказ, и русская рать осталась стоять на Угре. Чем закончились эти события, общеизвестно: времена ордынской власти на Руси ушли в прошлое. В 1487 году князь командовал большим полком «судовой рати» в походе на Казань. Тогда город был взят, а хан попал в плен, и в этом тоже немалая заслуга Холмского. Один из ближних воевод при Иване III, Даниил Дмитриевич умер в 1493 году. Он был женат на правнучке боярина И. Д. Всеволожского, известного деятеля времён усобицы в московской династии при Василии II.

Один из сыновей Холмского, Василий, в 1500 году женился на дочери Ивана III Феодосии. Она вскоре скончалась, а Василий Данилович умер в заключении уже при Василии III, вероятно, опасавшемся

своего знатного родственника. Род князей Холмских закончился в конце XVI века.

Князья Телятевские. Свою фамилию они получили по селу Телятеву, которым владел правнук тверского князя Михаила Александровича — князь Фёдор Александрович из микулинской ветви тверского рода. Его старший сын боярин Михаил Фёдорович имел прозвище Вашута, и потому его потомки прозывались князьями Телятевскими-Вашутиными. Правнук Вашуты — боярин князь Андрей Андреевич Телятевский Хрипун известен тем, что его военным холопом был когда-то Иван Болотников. В 1606 году Болотников возглавил мощное движение, выступавшее под знаменем борьбы за законного царя Дмитрия Ивановича. В советской историографии это восстание называли «крестьянской войной». Однако среди его активных деятелей и руководителей были и казакий «царь» Петрушка (Лжепётр), и дворяне Истома Пашков и Прокопий Ляпунов (изменившие Болотникову), и даже потомки известных княжеских родов. В числе титулованных аристократов, поддержавших «крестьянскую войну», были князь Г. П. Шаховской и... бывший хозяин Болотникова князь Андрей Телятевский. Оба князя оставались с восставшими до конца, их выдали царю Василию Шуйскому вместе с Болотниковым и Лжепетром защитники осаждённой правительственными войсками Тулы.

На детях князя Андрея род князей Телятевских извёлся.

МОСКОВСКАЯ ДИНАСТИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

Обратимся теперь к истории московских Рюриковичей, потомков младшего сына Александра Невского — Даниила Александровича.

Даниил Александрович родился в 1261 году. Он занимал московский стол с начала 1280-х годов. Одним из первых удачных действий по укреплению своего авторитета для Даниила стал успешный поход на Рязань, в результате которого был захвачен в плен рязанский князь Константин Романович. Он пробыл в заточении несколько лет и был убит по приказу Юрия Даниловича в 1306 году. После смерти в 1302 году бездетного переяславского князя Ивана Дмитриевича, племянника Даниила, последний самовольно захватил Переяславль, присоединив его к Москве. В следующем, 1303 году Даниил скончался, приняв перед смертью иноческий образ, и был похоронен в основанном им древнейшем монастыре Москвы — Даниловом, где его мощи (вернее то, что осталось от них после большевистского погрома) находятся и донныне. Православная церковь причислила его к лику святых.

У ИСТОКОВ ПРИЗРАЧНОГО ВЕЛИЧИЯ

После смерти Даниила Александровича московский княжеский стол по праву занял старший из сыновей святого — Юрий Данилович, которому тогда было около 25 лет. Человек со сложным, противоречивым характером, он обладал неумной жадной деятельностью, и эта активность зачастую толкала его во всевозможные авантюрные предприятия. В отличие от уравновешенного отца, «тихого» князя, Юрий «наследовал» пассионарность своего великого деда Александра Невского, но не обладал тем размахом мышления, который был присущ герою Ледового побоища. Интересы Юрия практически полностью сосредоточились на своём уделе и собственном положении и благополучии. В соответствии с этим сложились и основные направления его деятельности. Весь смысл правления Юрия Даниловича был сведён к попыткам решения двух задач: расширить пределы своего княжества и первым из московских князей вступить в борьбу за великое княженье владимирское, не имея на него достаточно весомых прав.

Политика приобретения для Москвы новых земель была начата Юрием практически сразу же по вступлении на княжеский стол. Во время смерти отца Юрий находился в Переяславле-Залесском, который тогда принадлежал великому князю владимирскому Андрею Александровичу по праву «выморочного» княжества. Но жители города не хотели признать Андрея своим князем и даже не отпустили Юрия на похороны отца. Однако Андрей Александрович не смирился со своим поражением и отправился в Орду за ярлыком на переяславское княжение. В это время Юрий Данилович, удачно воспользовавшись моментом, вместе со своими братьями захватил Можайск, который тогда принадлежал смоленским князьям. Можайский князь Святослав Глебович был пленен и приведен в Москву.

Следующей победой Юрия стал княжеский съезд в Переяславле осенью 1303 года. Андрей Александрович вернулся из Орды с ярлыком на переяславское княжение, и князья, среди которых были и Юрий Данилович с братьями, и Михаил Ярославич тверской, собрались в «спорном» городе, дабы мирно разрешить все вопросы. На съезде присутствовал также и духовный глава Руси митрополит Максим. Несмотря на ханский ярлык, Юрий отказался отдать Переяславль Андрею, и этот древний город, для строительства которого много сделал Юрий Долгорукий, остался во владениях московских князей. Андрей Александрович после съезда уехал в свою отчину Городец, где и скончался в следующем, 1304 году.

В 1306 году Юрий захватил Коломну, которая входила в Рязанское княжество, таким образом, всё течение Москвы-реки от Можайска до впадения в Оку оказалось в руках Юрия. Сам же рязанский князь Константин Романович находился в московском плену ещё со времен Даниила московского. Желая подчинить себе всю Рязанскую землю и опасаясь мести Михаила Ярославича тверского, который в то время занимал владимирский великокняжеский стол, Юрий приказал убить Константина. Несмотря на это, результат так и не был достигнут: в Рязани утвердился сын убитого князя — Василий Константинович, самое же главное — от руки московского князя пролилась первая кровь родственника. С этого времени убийства стали одним из важнейших методов политики московских правителей. За всю свою трехсотлетнюю историю в борьбе за пресловутое «единство» Руси московские князья замучили, заморили голодом, отравили, а то и прямо растерзали 25 своих близких и дальних родственников. Эту зверскую традицию основал именно Юрий Данилович, и, что бы ни говорили об исторической оправданности этих действий, достигнутый результат не даёт права забывать о них, мучениках Московского княжеского Дома.

В 1311 году скончался бездетный городецкий князь Михаил Андреевич, сын великого владимирского князя Андрея Александровича, внук Александра Невского. Юрий захватил выморочное княжество и посадил на городецкий стол своего младшего брата Бориса Даниловича. При новом князе центром этой земли стал Нижний Новгород.

Но главным смыслом жизни, как уже отмечалось, была для Юрия борьба за великое княжение владимирское. Он выступил в качестве претендента на ханский ярлык еще в 1304 году. Тогда по праву старше-

го в роде великим князем владимирским должен был стать тверской князь Михаил Ярославич, доводившийся двоюродным дядей Юрию и племянником Александру Невскому. Оба претендента не хотели уступать, и русские земли оказались на грани усобицы. В это время в одной из стычек между московским войском, которым руководил Иван Данилович, младший брат Юрия, и тверичами погиб поддерживавший тверского князя боярин Акинф Великий, потомок Ратши, родоначальника Пушкиных, и непосредственный предок дворянского рода Бутурлиных. Митрополит Максим пытался отговорить Юрия Даниловича от поездки в Орду и призывал его отказаться от притязаний на великокняжеский стол. Но не таков был характер московского правителя. Юрий и Михаил поехали в Орду, и там спор был решен в пользу Михаила, который в 1305 году занял владимирский стол. Понимая, что Юрий так просто не сдастся, Михаил Ярославич предпринял несколько военных походов на Москву, которые, впрочем, оказались безуспешными. Единственное, чем довольствовался новый великий князь, стал захват Переяславля и временное его устранение из орбиты московского влияния.

До 1313 года борьба между Москвой и Тверью затихла, в этот период Юрий накапливал силы и готовился к решительной схватке. К тому времени был утверждён и новый владимирский митрополит, на пастырскую кафедру взошел вольнский игумен Пётр. Ныне он почитается как первый московский святитель. А в 1313 году умер хан Золотой Орды Тохта, и ему наследовал другой чингисид хан Узбек (1313—1341), один из самых выдающихся деятелей ордынской истории, личность, ставшая легендой у тюркских народов. При нём произошёл подлинный расцвет улуса Джучи и утверждение там ислама (по имени Узбека назвался даже целый народ — узбеки).

Русские князья, как обычно, должны были ехать в Орду, чтобы у нового хана получить подтверждение своих прав. Михаил Ярославич отправился в Сарай, а Юрий Данилович воспользовался его отлучкой и решил попытаться занять Великий Новгород, древнюю северную русскую столицу, имевшую важнейшее политическое и экономическое значение. К тому же новгородцы были недовольны наместниками Михаила Ярославича. Горожане собрались на вече и обратились к Юрию с просьбой взять Новгород под «свою руку». Московский князь послал в город воеводу князя Фёдора Ржевского, который, собрав новгородское войско, пошел войной на Тверь. Поскольку Михаил Ярославич находился в Орде, войнство тверичей возглавил его старший сын Дмитрий Михайлович, получивший в истории прозвание Грозные Очи. До сражения дело, впрочем, не дошло: соперники поладили миром, и новгородцы послали в Москву за Юрием. Зимой 1314 года Юрий Данилович въехал в Новгород вместе с младшим братом Афанасием и сделался новгородским князем. То был крупный политический успех московской династии, имевший и определённое духовное значение. Московский князь становился правителем города, являвшегося центром русской государственности, история которого была освящена Святой Софией, величайшей святыней Руси.

Вскоре вести о Юрии достигли Орды, и Михаил Ярославич принёс жалобу на него Узбеку. Хан затребовал московского князя в Орду, а Михаил был отпущен на Русь с большой ратью, посланной «для усмирения» Новгорода. Юрий оставил в Новгороде брата Афанасия, а сам выехал в Орду окольным путем, не желая встречи с Михаилом. Афанасий Данилович и князь Фёдор Ржевский собрали ратников и выступили навстречу Михаилу. Противники сошлись в жестокой сече под Торжком 10 февраля 1315 года. Здесь Михаил одержал победу, новгородское войско было разбито, а Афанасий Данилович, Фёдор Ржевский и некоторые новгородские бояре попали в плен.

Между тем Юрий Данилович прибыл в Сарай. Здесь московский князь, используя все свои способности и раздаривая богатые подарки, сумел войти в доверие к Узбеку. Два года Юрий провёл в Орде и женился там во второй раз (первая его жена к тому времени уже умерла), да не на ком-нибудь, а на родной сестре хана Узбека Кончаке, получившей в крещении имя Агафьи. Узбек вручил шурина ярлык на великое княжение владимирское и отпустил на Русь с женой и послом Кавдыгаем, которого сопровождал крупный ордынский отряд.

Осенью 1317 года Юрий прибыл в Кострому, где произошла его встреча с Михаилом тверским. Последнему пришлось уступить Юрию великое княжение владимирское, ибо права московского князя утвердил сам ордынский хан. Между тем Михаил понимал, что Юрий не сложит оружия, отправился в свою столицу и предусмотрительно заложил новый кремль, ожидая нападения. Так и случилось. Юрий собрал большую рать и вторгся через Переяславль-Залесский и Дмитров в пределы Тверского княжества. 22 декабря 1317 года при селе Борте-неве недалеко от Твери произошло решающее сражение, в котором Юрий был наголову разгромлен. Более того, Михаил Ярославич захватил в плен его младшего брата Бориса и жену Агафью, которая затем неожиданно умерла в тверском плену. В промосковски настроенных кругах ходили упорные слухи о её отравлении, чем и не преминул воспользоваться Юрий во время следующей поездки в Орду. Пока же московский князь бежал в Новгород, где намеревался переждать некоторое время.

Летом 1318 года снова кружным путем ханский шурин вместе с Кавдыгаем поехал в Орду к «высшему арбитру» Узбеку. Там Юрий сообщил хану о насильственной смерти его сестры и передал слухи о том, что Михаил не подчиняется его власти, утаивает часть ордынской дани и вообще собирается бежать «к немцам». Несмотря на полную абсурдность этих вымыслов, Узбек с радостью «ухватился» за подходящий случай в очередной раз «столкнуть лбами» непримиримых политиков. Хан, гений принципа «разделяй и властвуй», прекрасно понимал, что Русь никогда не станет сильной, если между князьями будут беспрерывно продолжаться раздоры. Поэтому осенью 1318 года Узбек вызвал Михаила Ярославича в Орду. Эта поездка кончилась для тверского князя трагически. После долгих мучений и издевательств по приказу Узбека он был убит 22 ноября 1318 года — у него вырезали из груди сердце. Ужасная кончина князя потрясла русских людей. Юрий, торжествуя посмотрев на лежавшее в пыли бездыханное тело свое-

го заклятого врага, забрал его и отвёз на Русь. Но не искры сострадания проснулись в его черством сердце — по своей природе он не был способен на жалость и доброту. Во всём прежде всего преследуя собственную выгоду, он «обменял» труп Михаила Ярославича у тверичей на тело своей жены. Михаил стал первым мучеником тверской династии, впоследствии он был канонизирован Русской православной церковью. Была причислена к лику святых и его супруга, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича — Анна Кашинская, прославившаяся своей праведной жизнью.

Так Юрию удалось избавиться от своего главного врага. Хан вручил ему ярлык на великое княжение. Победа была достигнута ценой крови второго своего родича. Весной 1319 года Юрий Данилович вернулся в Москву. Его княгиню Агафью, которую привезли тверичи, похоронили в ростовской церкви Богородицы.

Гибель князя Михаила тверского подлила масла в огонь, и вражда тверских и московских князей вышла за рамки личного конфликта, превратившись с этого времени в родовую войну, которая окончательно завершилась лишь при Иване III, в 1485 году.

После 1319 года в жизни Юрия наступает так называемый «новгородский период», когда новгородцы, теснимые шведами, обратились за помощью к великому князю. В 1322 году после смерти брата Афанасия, княжившего в Новгороде, Юрий приехал в его стольный град. Оттуда он совершил поход, целью которого был захват шведской крепости Выборг, но длительная осада измотала силы русских, и Юрий был вынужден отступить. Зато вскоре он совершил два дела, имевших гораздо большее значение в жизни Русского Севера. В 1323 году Юрий вновь двинулся на шведов. Во время этого похода он основал крепость Орешек в истоках Невы, фактически первый русский форпост на Балтике (будущий Ноттебург — Шлиссельбург — Петрокрепость). Потом, как известно, Петру Великому пришлось отвоевывать у Швеции эти области, которые русские осваивали еще в XIV веке. Здесь Юрию удалось установить со шведами мир. Другой поход с новгородцами Юрий сделал в Заволочье, взял город Устюг Великий (один из трёх русских городов, вместе с Новгородом и Ростовом, имевший этот эпитет в названии) и заключил договор с устюжскими князьями. К Новгородской земле отошли верховья реки Северной Двины.

Между тем сын убитого Михаила Ярославича — тверской князь Дмитрий Михайлович жаждал отомстить за отца. Осенью 1322 года он отправился в Орду. Дмитрий решил воспользоваться тем же оружием, что и его противник, он пожаловался Узбеку на Юрия, который якобы присвоил собранную в Твери дань. Узбек, недолго думая, выдал Дмитрию ярлык на великое владимирское княжение и отправил на Русь посла Ахмыла, который должен был привезти Юрия в Сарай. Дело затянулось. Юрий Данилович понимал, что без богатых подношений в Орде делать нечего. Поэтому только в 1325 году, собрав весьма значительные денежные средства, он поехал на ханский суд. Одновременно из Твери выехал и Дмитрий, боясь, что он будет, подобно своему отцу, оклеветан беспринципным московским князем. Неизвестно,

чем закончилась бы поездка, если бы соперники случайно не встретились в ставке хана, по пути в церковь. Молодая кровь выиграла в жилах юного тверского князя. Он не мог равнодушно смотреть на подлого ханского наушника, хотевшего в очередной раз подкупить ордынских вельмож. Смертельная вражда вспыхнула с новой силой, и 21 ноября 1325 года в припадке ярости Дмитрий, не раздумывая, прикончил Юрия. Тело его было привезено в Москву, где погребено митрополитом Петром в одном из московских кремлёвских храмов. А новым московским князем стал младший брат Юрия Иван, получивший в истории прозвание «Калита».

Итак, правление Юрия Даниловича окончилось трагически. Да оно и не могло завершиться по-иному. Избрав орудиями достижения своих целей ложь, подкуп, удары из-за угла, тайные убийства, Юрий Данилович неизбежно должен был пасть жертвой своей же собственной политики. Расплата рано или поздно должна была наступить.

Но дело его не пропало. Сверкающий меч, выпавший из рук Юрия Даниловича, ловко подхватил младший брат — Иван Данилович, превративший его скорее в кошель. Методы, которыми пользовался Юрий, трансформировались: они утончились и стали более изощрёнными.

Юрий Данилович хотел быстрым натиском решить все проблемы, пытался наскоком поднять значение Московского княжества. И в какой-то степени это ему удалось — Москва приобрела некоторый авторитет, а московский правитель впервые получил великокняжеский ярлык. К тому же границы княжества заметно «округлились». Но московские князья столкнулись с сильным и не менее решительным противником — тверской княжеской династией. Именно Юрий начал кровопролитную, ожесточенную и упорную борьбу Москвы и Твери за лидерство среди русских земель. Однако финал жизни Юрия Даниловича показал, что тактика наскока не может дать прочных результатов в такой ситуации и нужна более гибкая, осторожная политика постепенного наращивания сил и ликвидации соперников. Москва была ещё очень слаба, а отношения с Ордой требовали большого умения, если не сказать, пиетета. На этот путь и встал преемник Юрия Иван Калита.

«МАКИАВЕЛЛИ» МОСКОВСКОГО ДВОРА

Когда говорят об Иване Калите, на протяжении 15 лет правившем Московским княжеством, прежде всего вспоминают два расхожих штампа, прочно утвердившихся в историографии: «денежный мешок» и «собиратель русских земель». Князь-скопидом, получивший прозвище за свою бережливость, объединявший удельные княжества под властью Москвы, достаточно хитрый и в меру расчётливый — вот образ, создающийся на основе таких определений. Между тем обе характеристики верны лишь отчасти. Относительно первой всё решается довольно просто: в древнерусском языке слово «калита» действительно означало сумку или мешок, которые привешивались к поясу и в которых могли храниться деньги (к слову сказать, среди Рюриковичей был ещё один Иван Калита, только не Данилович, а Иванович — так звали одного из князей Селеховских (ветвь смоленской династии), жившего в конце XIV века). Но смысл этого прозвища отнюдь не однозначен, и мы уже упоминали о том, что порой можно встретить такое его толкование: знаменитую калиту князь Иван носил с собой якобы исключительно для раздачи милостыни беднякам. В этом случае прозвище свидетельствует скорее о щедрости, нежели о скарденности.

Вторая характеристика Калиты как «собирателя земель» тоже поверхностна, так как, во-первых, важен результат этого «собирания», а во-вторых, методы, которыми оно осуществлялось.

О молодых годах Калиты известно очень мало. Можно лишь предположить, что он родился 1 октября 1288 года. Уже в 1300 году отрок-княжич Иван был крестным отцом сына московского боярина Фёдора Бяконта — Елевферия. Елевферий впоследствии обратился к духовной стезе и стал московским митрополитом Алексием (1354—1378), оказывавшим постоянную поддержку сыновьям Калиты и его внуку Дмитрию Донскому. Этот факт весьма знаменателен: и основатель политической силы Москвы, и проводник ее духовной мощи, один из самых великих русских святых, были связаны крепкими духовными узами. Так 1300 год стал предвестником будущего московского расцвета. До 1325 года Иван Данилович оставался в тени своего старшего брата, но он прошел хорошую «школу», убедившись, как тяжело и смертельно опасно крепить ростки

московской самостоятельности, и осознав, «каким путём надо идти». И он действительно пошёл «другим путём».

За эти годы Калита участвовал в некоторых военных походах Юрия, оставаясь в его отсутствие наместником Москвы и ездил в Орду, где жил в ставке хана Узбека. Непосредственное наблюдение за потенциальным противником или союзником (в зависимости от обстоятельств) привели Ивана к мысли, что союзником быть все же выгоднее. А уж своей-то выгоды он никогда не упускал. Да и конфликтовать с Ордой в те времена было делом абсолютно безнадежным: силы не равны. Можно, правда, отойти в сторону, «стушеваться»... Но это Калиту никак не устраивало, ему нужна была власть.

С 1322 года Иван стал-таки фактическим князем Москвы, так как брат с этого времени находился в Новгороде, а после в Орде. Смерть Юрия глубоко потрясла Калиту. Митрополит Петр пытался, как мог, утешить его, называя Юрия первым «мучеником» московской княжеской династии (для тверского рода таковым являлся Михаил Ярославич — вот уж о какой семье можно говорить как о мученической!). Иван нашел в лице Петра реальную поддержку и обратился к укреплению как «физической», так и духовной силы Москвы. 4 августа 1326 года он заложил Успенский собор, впоследствии главную святыню Москвы и главный храм всей России. Митрополит Петр явился его основателем, но не дожидаясь до освящения, которое произошло в августе следующего, 1327 года. Пётр совершил ещё один важный шаг в русской истории — он переехал из Владимира в Москву и перенёс местопребывание митрополита русской церкви на новое место. С этого времени Москва постепенно становится церковной столицей Руси, ещё до того, как окончательно сделалась столицей политической. Довольно пока слабое княжество начало и своё духовное восхождение.

Политическая ситуация на Руси оставалась напряженной. Князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи, сын Михаила Ярославича тверского, изведенного московским князем, надеясь, что Узбек простит ему самосуд над Юрием, глубоко заблуждался. Хан не потерпел самоуправства и повелел взять Дмитрия под стражу, а через год, 15 сентября 1326 года, ханские палачи убили его. По изуверскому замыслу Узбека злодеяние совершилось в день рождения Дмитрия, когда ему исполнилось всего 28 лет. Земля обогрилась кровью ещё одного русского князя-мученика. Можно представить, с какими чувствами отправились в Орду новые претенденты на освободившийся великокняжеский ярлык: братья погибших князей — Александр Михайлович тверской и Иван Данилович московский.

Узбек, сочетавший в себе черты истинно восточного деспота: коварство, расчётливость и изворотливость ума, остался верен себе. Он поддерживал постоянное соперничество между двумя княжествами, не допуская усиления одного за счет другого. «Покарав» тверского князя, хан проявил «неожиданную» милость и отдал ярлык на великое княжение не Калите, а Александру Михайловичу. Это ещё больше усилило взаимную неприязнь обоих князей. Но Калита не решился на открытый конфликт. Московский князь призвал на помощь время, он никуда не спешил и терпеливо ждал, пока ситуация не изменится и он

не сможет во всеоружии выступить против соперника. И случай, как и всегда, помог ему.

15 августа 1327 года в Твери неожиданно вспыхнуло антиордынское восстание. Дело в том, что одновременно с получением великокняжеского ярлыка Александром Михайловичем в Тверь был направлен Узбеком большой ордынский отряд под командованием двоюродного брата хана — Чолхана (в русском варианте — Шевкала или Шелкана). Таким образом Узбек старался полностью держать под контролем ситуацию в княжестве. Однако антиатарские настроения среди простых тверичан были необычайно сильны. В памяти стояли картины зверской расправы с двумя тверскими князьями, и ненависть к ордынцам настолько усилилась, что достаточно было незначительного повода, чтобы разгорелся пожар.

Именно с такого пустяка и началось восстание 15 августа. Ранним утром перед праздничным торгом (в этот день праздновалось Успение Пресвятой Богородицы) некий дьякон по прозвищу Дудко вывел свою кобылу к Волге, чтобы напоить её. Случайно увидевшие это ордынцы «положили глаз» на холёную лошадку и, естественно, тут же отняли её у хозяина. Возмущённый таким открытым разбоем, дьякон со слезами возопил: «Люди тверские, не выдайте!», и находившиеся поблизости горожане, разумеется (в те времена ещё существовала такая традиция), ринулись на помощь. Они набросились на татар, и началась драка, которая затем переросла в настоящее побоище. Все новые тверичи и ордынцы ввязывались в него, наконец ударил набат, и на врагов устремились русские дружинники. Князь Александр всполошился, он сначала, видимо, как-то пытался успокоить толпу, но страсти раскались до такой степени, что теперь уж горожан было не остановить. Тогда князь впустил отбивавшихся ордынцев за ворота своего терема. Тверичи неистовствовали и требовали выдачи всех чужаков на расправу. Александр вынужденно уступил, и княжеский терем был сожжен вместе со всеми находившимися там ордынцами, включая и Чолхана, дотла. В этот день тверичи перебили всех татар, которые находились в городе, в том числе и ни в чём не повинных купцов:

Вскоре весть о тверском погроме достигла Сарая. Узбек был взбешен и решил жестоко покарать ослушников. Но, прирожденный интриган, хан понимал: орудием возмездия должен стать именно русский князь. Выбор пал на Калиту, как на главного противника Твери. Уже осенью 1327 года гонец вёз в Москву приказ хана явиться князю в Орду. И Калита, конечно же, явился. Там Ивана Даниловича поставили во главе пятидесятитысячного ордынского войска. Одного из темников звали почему-то Фёдорчюком (вероятно, этот татарин был христианином), поэтому войско получило на Руси прозвание «Фёдорчюковать». Одновременно с Калитой в Орде оказался и суздальский князь Александр Васильевич, внук Андрея Ярославича (троюродный брат и Калиты, и Александра тверского). Боявшемуся за судьбу своего удела бедняге ничего не оставалось, как присоединиться к Калите. Ордынская «армия возмездия» выступила в поход. Тверские князья бежали: младшие дети святого Михаила — Константин и Василий вместе с матерью нашли убежище в далёкой Ладого, князь Александр попы-

тался было укрыться в Новгороде, но новгородцы отказали ему. Тогда он перебрался в Псков. Страшная Фёдорчукова рать обрушилась на Тверское княжество. Были взяты и разорены Тверь и Кашин. Каратели двинулись и на Новгород, но жители «вольного города» сумели откупиться серебром. Видимо, «по пути» была разорена Рязанская земля, а местный князь Иван Ярославич погиб. Кровавым смерчем пронеслась месть Узбека по Руси, и невяной тенью скользила за ней крадущаяся фигура Ивана Даниловича. Выказав внешнюю покорность хану, он сумел сохранить свой удел от разгрома.

После этих трагических событий Узбек решил по-новому распределить власть над Русской землей. Уже летом 1328 года князей вызвали в Орду. Вернулись из Ладоги, несмотря на большую опасность, и тверские княжичи Константин и Василий. Первого поставили князем Твери, второго — князем Кашина, а территорию великого владимирского княжения хан разделил между двумя претендентами. Ярлык получили Калита и Александр суздальский. Иван Данилович получил Кострому и Новгород Великий, а Александр Васильевич — столичный Владимир, Переяславль-Залесский и Нижний Новгород. Этот раздел просуществовал до 1331 года, пока не скончался суздальский князь. Тогда только Калита стал единоличным великим князем. (Кстати, уже с середины XIV века многие удельные князья стали употреблять в своих титулах слово «великий». Так появились великие князья рязанские, тверские и т. д.)

По-видимому, в том же 1328 году Калита получил от хана ярлык ещё на три крупные русские территории: Галич, Углич и Белоозеро. Эти «земли-купли» имели весьма оригинальный характер: формально во всех трёх уделах продолжали сохраняться княжеские династии (потомки других ветвей рода Всеволода Большое Гнездо). Но Калита приобрел право верховной власти над этими землями и сношения с ханом, поскольку местные князья не были в состоянии вовремя и в полном объёме поставлять в Орду дань. Калита-то уж, конечно, смог бы обеспечить должный порядок. «Приобретя» Углич, Галич и Белоозеро, Иван Данилович сосредоточил в своих руках громадные богатства, поскольку эти территории не только находились на перекрёстках важных торговых путей, но и обладали значительными природными ресурсами, прежде всего пушниной (в историографии существуют и другие гипотезы относительно того, чем же на самом деле являлись пресловутые «купли» Ивана Калиты).

В 1331 году Иван Данилович делает ещё одно присоединение к Москве. После смерти бездетного ростовского князя Фёдора Васильевича, которому принадлежала половина Ростовского княжества и Сретенская часть самого города (Ростов тогда был разделен на две части между двумя линиями ростовской княжеской династии), выморочный удел перешёл к Калите. Московский воевода вошёл в город и привёл его «под руку» своего князя. Главным в таких случаях было вовремя сориентироваться. К тому же реальных соперников у Калиты тогда почти не осталось — с ордынским «другом» не поспоришь.

Но очень болезненным оставалось для Ивана Даниловича существование хоть и вдали от своих земель Александра Михайловича твер-

ского. Отправляя князей на Русь в 1328 году, хан приказал доставить к нему мятежного Александра. Тот, конечно же, не пошёл в Орду с повинной, а решил следовать примеру своего деда Ярослава III, который некоторое время скрывался на севере Руси, пока не получил ханского прощения. Исполняя распоряжение Узбека, Иван Калита собрал большое войско и вместе со своим соправителем Александром суздальским, а также с младшими братьями Александра — Константином, который, по меткому выражению историка А. В. Экземплярского, «шел за Калитой как бы на привязи», и Василием отправился к Пскову. Калите очень не хотелось доводить дело до крови, полководческими талантами он не блистал, да и к чему разорять свои же земли. Поэтому хитроумный князь послал к Александру боярина Луку Протасьева, а новгородцы направили туда же архиепископа Моисея и тысяцкого Авраама. Однако бывший тверской правитель ответил решительным отказом на требование поехать в Орду.

26 марта 1329 года Иван Данилович въехал в Новгород. Здесь он был возведён на новгородское княжение. Ни у кого из князей теперь уже не было желания идти войной на Псков, и они пригласили в Новгород митрополита Феогноста, грека с Пелопоннеса, сменившего на митрополичьей владимирской кафедре умершего Петра. Феогност направил Александру грамоту с увещеваниями, а когда и это не подействовало, отлучил Александра и всех псковичей от церкви.

Затем союзное войско князей под предводительством Калиты выступило на Псков. Движение его было медленным. Угрожающе приближались враждебные рати к Пскову. Наконец, остановившись у городка Опоки, Калита прочёл послание псковского веча, в котором сообщалось, что князь Александр уехал из Пскова, а псковичи «кланяются» своему господину Ивану Даниловичу. Так мирно разрешился опасный конфликт. Александр Михайлович уехал в Литву, а Иван Данилович заключил с псковичами в деревне Болотово мир и вернулся в Москву.

В 1331 году Калита вновь обратил свои взоры на Русский Север. Оказалось, что Александр совсем не собирался мириться с ролью изгнанника. При поддержке литовского князя Гедимина он вернулся в Псков. В то же время скончался Александр Васильевич суздальский. Теперь Калите просто необходимо было ехать в Орду: и хлопотать о выморочном наследстве своего родича, и предпринимать шаги для борьбы с тверским «мятежником». Эта поездка, состоявшаяся зимой 1331/32 года, дала много: Иван Данилович не только получил всё великое княжение владимирское, но и выхлопотал право самолично распределять ордынские дани по русским землям. Он решил, что основную тяжесть новых платежей должен взять на себя отнюдь не бедствовавший Новгород, территория которого заметно увеличилась за счёт колонизации новых областей в верховьях Камы, по Печоре и Вычегде. Московский князь потребовал от новгородцев новую дань — так называемое «закамское серебро». Горожане поначалу возмутились и отказались выплатить новоизобретенную подать. Тогда в 1332 году Калита военным путём отнял у Новгорода Торжок и Бежецкий Верх. Новгородцы начали спешно укреплять город новыми крепостными стенами

и затем быстро присягнули литовскому князю Наримунту Гедиминовичу (он, кстати, является предком князей Хованских, Голицыных и Куракиных). «Вооружённое противостояние» завершилось лишь в 1334 году — новгородцы согласились выплачивать дань, а в феврале 1335 года Иван Данилович сам приехал в город. Власть московского, а точнее владимирского, князя в Новгороде была восстановлена.

В последние годы жизни Калите довелось вновь столкнуться с Тверью. Конфликт закончился трагически, но Иван Данилович и на этот раз «вышел сухим из воды». Как уже говорилось, его давнишние противники «восстали» из небытия. Александр Михайлович направил к Узбеку своего сына Фёдора, и эта «разведочная» миссия окончилась удачно. Узбек уверил Фёдора, что милостиво поступит с его отцом и даже вернёт ему княжение. Это крайне обеспокоило московского князя. Он даже пригласил в Москву «золотые пояса», то есть богатейших новгородских бояр, которые могли бы щедро субсидировать его поездку в Орду. Затем Калита зимой 1336/37 года бросился к Узбеку, был отпущен оттуда, по словам летописей, «с честью», но изменить ход событий в свою пользу так и не смог.

Осенью 1337 года Александр наконец-то прибыл на поклон в Сарай. Его триумф оказался полным: изгнанник вернул себе отцовский престол. Торжественное возвращение «нового старого» князя произошло в начале 1338 года. Калита, никогда не ссорившийся с Ордой, не посмел помешать этому. Но и не отступил. Опять встал вопрос о великом княжении владимирском: Александр был сильным претендентом и решил снова попытаться счастья. Тверской князь отправил к Узбеку сына, дабы иметь в Орде своего «постоянного представителя», и начал собирать войско против Москвы. Многие недовольные Калитой потянулись на сторону Твери. К Александру перешёл даже зять московского князя Василий Давыдович Грозные Очи, правитель Ярославля. Тогда Калита решил применить испытанный прием предков: он собрал внушительный «компромат» на Александра, и с этим ворохом клевет поехал в Орду. Там он обвинил своего противника в связях с Литвой и коварными замыслами против Орды. Надо сказать, что в это время Калита уже был тяжело болен. Он, вероятно, предчувствовал свою скорую кончину и прибыл в Орду в сопровождении сыновей Семёна и Ивана, представленных Узбеку, а также предъявил хану своё завещание. Больной, умирающий московский князь даже на краю могилы продолжал сражаться с соперником. И ему-таки удалось увидеть результат своих усилий. Возмущенный Узбек вызвал Александра в Орду. Тверской князь поехал туда вместе с сыном, а Калита послал к хану троих своих сыновей. Некоторое время, пока Узбек принимал решение, Александр пробыл в его ставке, а потом ему объявили смертный приговор. Вместе с отцом смерть принял и его старший сын — юный княжич Фёдор. Конец обоим был ужасен. 28 октября 1339 года ордынцы сорвали с них одежду, зарезали ножами, а затем отсекали головы. Истерзанные тела долго ещё лежали в грязи на земле, пока хан не разрешил перевезти их на Русь. Мученики князя Александр Михайлович и Фёдор Александрович стали очередными и, к сожалению, не последними жертвами ордынской власти и московской политики.

Сыновья Калиты привезли Узбеку богатую дань и были отпущены в Москву «с честью и любовью». Иван Данилович хотел не просто уничтожить своих врагов, он жаждал унижить их, втоптать тверичей в грязь, как втоптали в грязь тела их несчастных князей ханские палачи. Даже мучимый болезнью, этот человек не испытывал ни малейшего угрызения совести и христианского милосердия. Он приказал своим приспешникам поехать в Тверь и на глазах у всех жителей снять с соборной колокольни города самый большой, набатный колокол, а потом привезти его в Москву. Это был символ полной победы московского князя, знак его власти и его упоения своими черными делами. Как живучи традиции! Через полтора века точно так же поступит с непокорными новгородцами потомок Калиты — Иван III. Он увезет в Москву символ новгородской вольности — вечевого колокол и тем самым прервёт самостоятельную жизнь Господина Великого Новгорода.

Истово веруя только в то, что Москва во что бы то ни стало должна сделаться Великим Градом, подлинной опорой православия, а он, московский князь, должен заложить эту основу, Иван Данилович возводит многочисленные храмы. Уже говорилось о постройке Успенского собора, ставшего великой святыней Руси. Храм был посвящен Пресвятой Богородице, небесное покровительство которой, как считали москвичи, с тех пор над их городом не ослабевало. С 1326 по 1333 год Калита построил в Кремле пять белокаменных храмов. Церковь Иоанна Лествичника, духовного патрона князя, была освящена 1 сентября 1329 года, то есть в Новогодие по принятому на Руси византийскому летосчислению. Эта церковь стала основой будущей колокольни Ивана Великого. В том же 1329 году решено было построить придел Успенского собора — Поклонения веригам апостола Петра. И это строительство носило глубокий смысл. Верига Петра хранилась в приделе Константинопольского храма Святой Софии, и Калита подчеркивал тем самым преемственность Москвы от Константинополя. С другой стороны, очевидна связь и с именем митрополита Петра, основавшего Успенский храм. Закладка придела состоялась 13 августа 1329 года в день памяти Максима Исповедника, который являлся небесным покровителем предшественника Петра — митрополита Максима. А 14 октября уже произошло освящение придела.

Тогда же Калита задумал построить мужской монастырь (по аналогии с придворными монастырями Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо). Для этого перенесли на новое место, поближе к княжескому терему, существовавший в Москве Спасский монастырь, а в нём возвели белокаменный собор, заложенный 10 мая 1330 года. Наконец, Калита построил и второй главный храм Руси — Архангельский собор. Михаил Архангел считался покровителем Киева, он изображён на городском гербе. Возможно, Иван Данилович таким образом старался подчеркнуть преемственность и от этой древней русской столицы. Собор был освящен 20 сентября 1333 года. Со временем он превратился в усыпальницу Московского княжеского дома, и первым обрел в нем вечный покой его основатель — Иван Калита.

Москва преображалась, на глазах становясь крупным центром русской государственности. Сумев накопить значительные денежные бо-

гатства, Иван Данилович всячески покровительствовал торговле, упорядочил налоговую систему.

Удачной была и династийная политика Калиты. Его дочери вышли замуж за удельных князей: Мария — за Константина Васильевича ростовского, Феодосия — за Фёдора Романовича белозерского, а Евдокия — за Василия Давыдовича ярославского прозванием Грозные Очи.

В одну из своих поездок в Орду Иван Калита получил в подарок от хана Узбека красивую восточную шапку-тюбетейку. Позже она была отделана мехом и украшена драгоценными камнями. Со временем её истинное происхождение забылось, и в московской династии прочно утвердилось мнение, что это — знаменитая шапка Мономаха, якобы привезённая на Русь из Византии и принадлежавшая прародителю московских князей Владимиру Мономаху. Поколение за поколением московские князья и цари венчались на московский стол этой шапкой, ставшей ещё одной русской национальной святыней. Основание ей положил тоже Иван Данилович Калита.

25 ноября 1339 года началось строительство дубовых стен вокруг Московского Кремля. Но Калита не дожидаясь его конца. Он умер 31 марта 1340 года, ненадолго пережив Александра тверского. Перед смертью принял постриг с именем Анания, а потом был и посхимлен. Согласно завещанию Ивана Даниловича, земли Московского княжества были распределены между его тремя сыновьями: Семёном, Иваном и Андреем. Хан Золотой Орды Узбек ушел из жизни в следующем, 1341 году.

Период истории Москвы после получения Калитой великокняжеского ярлыка русские летописи иногда называли «Великой тишиной». Она продолжалась якобы 40 лет, то есть до 1368 года, до начала войн Москвы с Литвой. Эта «тишина», конечно, способствовала росту духовных сил русского народа, за эти условные 40 лет выросло новое поколение, дышавшее явно свободнее, не скованное страхом ордынского террора. Именно это поколение дало России Сергия Радонежского, происходившего из ростовского рода, переселённого на московские земли в 1328 году.

Мы не можем судить, помогла ли Калите перед смертью его необходимость. Мы должны помнить, что именно он заложил фундамент будущего могущества Московского государства. Но и о том, как действовал этот человек с изворотливым умом и душою торговца, забывать не имеем права.

ДВА «МИМОЛЁТНЫХ» КНЯЗЯ

Эти два кратковременных правления почти неизвестны широкому читателю. Лишь несколько слов можно обнаружить в учебниках истории о Семёне Гордом и Иване Красном. Гордый — потому что ни перед кем не склонял головы, почему Красный — это особая история, и о ней мы расскажем позже. Но дело не в прозвищах. Периоды их правлений действительно бедны на яркие события, они малоизучены и малоинтересны, но в истории нет случайных людей, все, даже самые незаметные или «спокойные» личности, имеют свою неповторимую ценность. Вот почему хоть и мельком, но всё же задержим свой взгляд и на этих двух братьях.

По завещанию Ивана Даниловича его старший сын Семён Иванович получил часть Москвы и города Можайск и Коломну с волостями и селами. Таким образом, он становился как бы главным наследником «собирателя русских земель». Можайск и Коломна обеспечивали контроль Москвы над всем торговым путем, проходившим по Москве-реке. Разделение же самой Москвы между тремя сыновьями Ивана Даниловича, пожалуй, лишь способствовало их единению. Семён, Иван и Андрей Ивановичи ощущали себя не только преемниками отца, но и единым родом, члены которого совместно владели московскими землями. Кстати, такая традиция разделения Москвы на несколько частей существовала ещё очень долго.

Как старший брат, Семён являлся и естественным наследником Калиты в качестве великого князя владимирского. Такое самоощущение было характерно для нового московского князя. Именно во время его правления начали явно выступать претензии Москвы и её княжеской династии на общерусское лидерство. Недаром Семён Иванович получил прозвание Гордый. Период постепенного, но верного накопления сил при Калите завершился, и Москва получила возможность уверенно выступить в качестве признанного центра русских земель, за которой стояла и грозная сила Орды.

Симеон (Семён) Иванович родился в Москве 7 сентября 1317 года. Когда ему исполнилось 16 лет, его обвенчали с литовской княжной Аигустой, дочерью князя Гедимины, получившей при крещении имя Анастасии. Это был первый династический брак московского князя с пред-

ставительницей династии великих литовских князей, которая впоследствии стала одной из самых значительных в Европе. Литва была ближайшим соседом Руси на Западе, а сформировавшееся в XIII веке Литовское государство стало одной из ведущих политических сил в Восточной Европе на протяжении последующих нескольких веков. Именно Литва приняла под свою власть почти все старшие династии Рюрикова рода. В состав Литовского княжества влились земли таких русских княжеств, как Полоцкое, Киевское, Галицкое, Волынское, Черниговское, Переяславское, Туровское, Пинское, Смоленское — то есть почти вся Русь, кроме Новгорода, Пскова, Рязани и всего Владимирского региона.

Брак Семёна имел важнейшее значение для укрепления Москвы, тем более что Тверь, противник московских князей, уже имела в своём «арсенале» такой династический союз. В 1320 году Дмитрий Михайлович Грозные Очи женился на другой дочери Гедимины — Марии. Дружба с западным соседом была необходима Москве, ведь таким образом обеспечивались «крепкие тылы» при взаимоотношениях с Ордой.

После смерти Калиты Семён Иванович, как и полагалось, отправился к Узбеку. Туда же потянулись и другие русские князья, в том числе Василий Давыдович ярославский, Константин Васильевич суздальский, Константин Михайлович тверской. Хан пожаловал Семёну ярлык на великое княжение, а все остальные князья «под руке его даны». Вернувшись из поездки, осенью Семён торжественно взойшёл на владимирский стол. Тогда же все Ивановичи целовали крест у гроба отца, чтобы быть всем заодно, иметь общих друзей и врагов, младшим чтить старшего за отца, и ни одному без других никаких договоров не заключать. Так было подтверждено единство Московского княжества и княжеского рода, выраженное в завещании Калиты.

В качестве великого князя Семён отправил своих заместителей в Новгород для сбора дани. Однако новгородцы перехватили их в Торжке и посадили в заключение. Инцидент закончился тем, что жители Торжка, испугавшись ответных действий Семёна, освободили его людей и прогнали новгородцев. Но московский князь, видимо, решил наказать непокорный Новгород. Он собрал большое войско, в походе участвовало несколько князей, и в их числе Василий ярославский, Константин ростовский и некоторые другие. Причём князья беспрекословно повиновались Семёну и никто из них не выразил никаких колебаний. Рать великого князя вошла в Торжок и уже приготовилась выступить на Новгород, как вдруг новгородцы сами прислали посольство и попросили закончить всё дело миром. Был заключён договор, Новгород и Торжок выплатили положенную дань, и Семён вновь направили своих заместителей в Господин Великий Новгород.

Незадолго до своей смерти хан Узбек передал нижегородское княжение суздальскому князю Константину Васильевичу. С этих пор Нижний Новгород оказался в руках этой династии потомков Всеволода Большое Гнездо (от суздальско-нижегородских князей произошли князья Шуйские, один из которых был даже московским царем в период Смуты). Семён Иванович, скрепя сердце, принял эту потерю. Хотя московский князь и считал себя старейшим по отношению к другим русским князьям и никто из них не перечил ему, всё-таки Москва

не была ещё достаточно сильной, чтобы выступить против Орды и не принять какого-либо её решения. Нескоро ещё московские князья вернут Нижний Новгород в состав Московского государства.

В 1341 году «гроза Руси» великий хан Узбек скончался. Его преемники не обладали его талантами и его авторитетом. В разгоревшейся после смерти хана усобице между его сыновьями победу одержал Джанибек, убивший двух своих братьев. В 1342 году московский князь вместе с другими князьями ездил в Орду, дабы подтвердить свои права на уделы. Джанибек благосклонно относился к Семёну. В последующие годы князь ещё несколько раз посещал Орду и каждый раз бывал отпущен «с честью и почетом». Он удерживал великое княжение в своих руках вплоть до смерти, после чего ярлык перешёл к его наследникам.

По-иному складывались взаимоотношения московского князя с митрополитом Феогностом. В частности, Семён и другие князья добились, чтобы русская церковь наравне со светской властью несли финансовые повинности в пользу Орды. Ведь ордынцы освободили русскую церковь от дани. Они отличались большой веротерпимостью, и до эпохи Узбека некоторые из потомков Чингисхана даже исповедовали христианство, правда, несторианского толка. Однако Феогност сумел добиться у Джанибека подтверждения льгот для церкви и даже получить от жены хана Тайдулы указ, обращенный к русским князьям. В нём говорилось, что митрополит не только является духовным главой Руси, но также и «молебником» за хана и его семью (несмотря на официальное принятие в Орде ислама), а все конфликты между светскими и церковными властями надо решать на совместном суде. Попытка подчинить церковную власть светской, если я не ошибаюсь, первая за постмонгольский период, провалилась. Окончательно добьется этого только Петр Великий, а полностью завершит процесс Екатерина II.

Жена Семёна — дочь Гедимины скончалась 11 марта 1345 года, и он женился вторично, на дочери смоленского князя Фёдора Святославича — Евпраксии. Но тут случилось нечто совершенно с точки зрения тогдашних норм жизни удивительное. Брак закончился разрывом. Причины этого так до конца и не ясны. Говорили, что, когда Семён входил к жене в спальню, она казалась ему мёртвой. Может быть, таким образом древнерусские книжники указывали на холодность супруги князя? Как бы то ни было, в 1346 году Евпраксию отправили обратно к отцу. Фёдор смоленский дочь назад принял, причём не высказал ни малейшего возмущения. Видно, сила Семёна была действительно велика, если даже прямое оскорбление княжеской семьи сошло ему с рук. Весной 1347 года Семён женился в третий раз. Московской княгиней стала княжна тверская Мария, дочь несчастного тверского князя Александра Михайловича, убитого в Орде в 1339 году. Так дети двух врагов — Калиты и Александра — соединили свои судьбы.

Конечно, этот брак носил политический характер и был призван урегулировать отношения Москвы и Твери. В это время Тверь, обескровленная предыдущими трагическими событиями и управлявшаяся младшим Михайловичем — Константином, женатым на двоюродной сестре Семёна — Софье Юрьевне (княжил до 1346 года, затем тверским князем стал князь Всеволод Александрович Холмский, а после

еще один сын Михаила — Василий), фактически находилась в фарватере московской политики. Можно сказать, что на некоторое время Москва одержала верх в упорной борьбе и стала наиболее сильным русским княжеством среди прочих земель Северо-Восточной Руси. Но в третий раз жениться князю не полагалось. Это противоречило всем церковным канонам. Поэтому митрополит Феогност отказался благословить Семёна на этот брак и «церкви затвори». Тогда московский князь воспользовался тем, что русская церковь в административном отношении не являлась самостоятельной, а подчинялась Константинопольскому патриархату, то есть Византии. Он напрямую обратился к высшему арбитру — патриарху Константинополя и отправил ему свою просьбу, сопроводив ее богатыми подарками. Разумеется, владыка согласился и благословил этот брак.

С конца 1340-х годов отношения Москвы с Литвой начали постепенно ухудшаться. Сын Гедимины Ольгерд пытался договориться с ханом Джанибеком о совместных враждебных действиях по отношению к Москве. Возможной причиной такой напряжённости стал поворот политики Ольгерда в сторону Твери, чему способствовал его брак с тверской княжной Ульяной, дочерью Александра Михайловича. Однако хан не пошёл на провокацию и выдал литовских послов в Москву. В 1350 году Ольгерду пришлось пойти на мировую и отправить в Москву посольство. Вскоре прежние взаимоотношения двух государств были восстановлены. Вообще же Семёну Ивановичу в течение всего своего правления удавалось сдерживать конфликты как между русскими княжествами, так и с другими соседними государствами. Он обладал большим авторитетом, и, как писал историк А. В. Экземплярский, «умел дать почувствовать не только русским (Северо-Восточной Руси), но и русско-литовским князьям свою силу и энергию умного человека». Удельные князья ни разу не противоречили Семёну. Пользовавшийся полным доверием хана московский князь был главным арбитром для них, даже литовские князья спрашивали у него разрешения, когда собирались жениться на русских княжнах других династий.

В 1351 году Семён вместе с братьями совершил поход на Смоленск, причины которого не совсем ясны. На реке Протве к московскому князю прибыло посольство литовцев, заключившее, вероятно, мир. Затем Семён дошел до реки Угры (где в 1480 году произошло знаменитое «Великое стояние»). Сюда подошли послы смоленского князя, с которыми был также заключен мир, а московская рать вернулась назад. Так, практически во все время правления Семёна и не было ни одного крупного военного столкновения, ни одной войны с другими княжествами или соседними странами.

В начале 1350-х годов Семён заключил с братьями договор, в котором подтверждался раздел Калитой Московского княжества и признавалась наследственность этих уделов. Таким образом, были созданы основания для возникновения новых княжеских династий уже внутри самого Московского Дома. Такую династию основал младший сын Калиты, Андрей Иванович, от которого пошли князья серпуховские и боровские.

В 1353 году на Русь пришла чума, которая до этого свирепствовала в Западной Европе. В марте умерли митрополит Феогност и малолет-

ний сын Семёна Иван. Весной скончался другой сын князя — Семён. 26 апреля умер сам Семён Иванович, а в июне — младший сын Калиты серпуховской князь Андрей Иванович. Семён Гордый был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля. Он оставил своему наследнику сильное княжество, пользовавшееся большим авторитетом среди других русских земель, уравнивавшую внешнюю политику, хорошую экономическую базу, не разрушенную войнами, прочный мир и дружественные отношения с Ордой. Наследие Калиты было укреплено и умножено. Москва практически на протяжении десятилетия не вела войн — и это, наверное, главная заслуга Семёна Гордого перед Отечеством.

Иван Иванович Красный, второй (из оставшихся в живых к моменту смерти отца) сын Ивана Калиты, имел такое прозвище оттого, что родился 30 марта 1326 года в Фомино воскресенье, именуемое в народе Красной горкой. После смерти Калиты он получил во владение часть Москвы и ряд городов, из которых самым важным был Звенигород. В октябре 1339 года, когда ему было только 13 лет, он побывал в Орде (причем отец отправил его к хану одного) и с тех пор крепко усвоил принцип политики Калиты по отношению к Сарая. Эту политику продолжил он и после вступления на великокняжеский стол.

Иван женился первый раз в 15-летнем возрасте на дочери брянского князя Феодосии Дмитриевне, которая умерла через год после свадьбы. Второй раз он женился одновременно с братом Семёном. Его избранницей стала некая Александра, возможно, дочь московского тысяцкого Василия Вельяминова. Так род московских князей породнился с родом знатных московских бояр, возводивших себя к варягам XI века.

Зимой 1353 года после смерти братьев Иван Красный отправился в Орду за ярлыками на московское и великое владимирское княжения. Но тут появился у него соперник. Видимо, удельные князья понимали, что Иван не обладает качествами, которые были присущи Семёну Гордому, и можно попытаться лишить Москву её ведущей роли среди русских земель. В Орду приехал нижегородский князь Константин Васильевич. Тверь, раздираемая внутренними усобицами, пока затихла, и теперь Нижний Новгород вступил в борьбу за лидерство на Руси (эта борьба разгорелась с особенной силой в первый период московского княжения Дмитрия Донского). На стороне Константина выступил и Новгород Великий, направивший в Орду своего посла Семёна Судачкова просить за суздальско-нижегородского князя. Но хан всё-таки решил спор в пользу Ивана Ивановича. 25 марта 1354 года московский князь стал великим князем владимирским Иваном II. В это же время свершилось поставление на митрополичью кафедру нового духовного владыки Руси. Им стал русский по происхождению, сын боярина Фёдора Бяконта, москвич Алексей. Этот великий Святитель сыграл огромную роль в истории Москвы, в самый тяжелый для неё период он «не дал свече угаснуть», не дал прерваться традиции и сохранил малолетнего князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского, вновь поднявшего Москву на высоту главы Русской земли.

Иван II продолжал мирную политику своего брата. Но если такая важная обеспечивалась Семёном его личными качествами и незаурядны-

ми способностями государственного деятеля, то кроткий Иван Иванович, будучи фигурой в этом плане, безусловно, менее значительной, всячески старался умиротворить своих противников своей незлопаметностью и добротой. Полтора года длилось противостояние Ивана с Новгородом, но оно не вылилось в военное столкновение, в конечном итоге примирение было достигнуто. В 1355 году московский князь установил мир с суздальским владетелем Константином Васильевичем, а после встречался в Переяславле с сыном его Андреем. Еще когда Иван был в Орде, рязанские войска под водительством молодого князя Олега Ивановича захватили город Лопасню и пленили московского наместника (впоследствии тот был выкуплен). Лопасня входила в удел Андрея Ивановича серпуховского и тогда принадлежала его малолетнему сыну Владимиру (будущему Храброму и Донскому). Иван II не стал воевать с Рязанью, а выделил Владимиру Андреевичу из своего удела другие бывшие рязанские земли.

Вскоре в Орде начались трагические события. В 1357 году туда ездил митрополит Алексей, который вылечил заболевшую ханшу Тайдулу, но он быстро уехал оттуда, поскольку хан Джанибек был убит. Злодейство совершил его сын Бердибек, убивший к тому же еще и 12 своих братьев. Бердибек потребовал московского князя к себе, и Иван поехал в Орду. В его отсутствие в Москве случился мятеж: 3 февраля 1357 года перед заутреней на площади нашли убитым московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста (предок дворянского рода Хвостовых, в том числе и поэта графа Д. И. Хвостова), а часть московских бояр уехала в Рязань. Видимо, сыграли свою роль какие-то противоречия в окружении князя. Правда, через год Иван перезвал своих бояр из Рязани обратно. Получив ярлык у нового хана, московский князь вернулся на Русь.

В 1358 году Иван послал Можайскую рать вместе с тверскими полками на Литву. Это единственное военное предприятие за все время правления Ивана закончилось успешно: была взята Ржева, хотя и ненадолго.

Ко времени Ивана относятся и первые, правда, еще очень-очень робкие попытки московских князей освободиться от ордынской зависимости. Вероятно, Иван II решил по возможности начать политику самостоятельного, без контроля хана управления Русью. Тем более что ситуация тому благоприятствовала: в Орде было неспокойно, и в воздухе витал дух «замятни». В 1358 году Бердибек послал в Рязань царевича Мамат-Ходжу, который объявил великому князю, что хочет провести четкую границу между владениями московского и рязанского князей. Иван не пустил ордынца в свои земли. Это был первый случай неповиновения московского князя Орде. Никаких ответных действий со стороны Орды не последовало.

13 ноября 1359 года Иван Иванович в возрасте 33 лет скончался. Его похоронили в Архангельском соборе. Он оставил двух малолетних сыновей, в том числе девятилетнего наследника Дмитрия Ивановича, впоследствии Донского. Поколение сыновей Калиты ушло в небытие, а московская династия состояла теперь только из трёх маленьких детей.

ГЕРОЙ ТИХОГО ДОНА

Дмитрий Донской родился 12 октября 1350 года. После смерти Ивана Красного московская княжеская династия оказалась в критическом положении. Лишь три мальчика составляли княжеский род: Дмитрий — как наследник московского княжения, его младший брат Иван, умерший в 1364 году, и их двоюродный брат Владимир Андреевич, продолжатель боровско-серпуховской ветви династии. Естественно, они не могли соперничать с более могущественными родственниками в тяжбах за ярлык на великое княжение владимирское. Хан Навруз, захвативший ордынский престол, убив своего предшественника, отдал великокняжеский ярлык суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, принадлежавшему к ветви суздальско-нижегородских князей, потомку младшего брата Александра Невского Андрея. 22 июня 1360 года Дмитрий Константинович приехал во Владимир. Так перед Москвой вновь встала задача вернуть в княжеский род достоинство великого князя владимирского. Борьбе способствовала и крайне нестабильная обстановка в Орде. Здесь начались длительные усобицы между разными ханами, свергавшими и убивавшими друг друга, так что смена власти была непрерывной. Это время в Орде русские летописи называли «великой замятней».

Дмитрий Иванович, а точнее стоявшие за ним московские бояре и духовный лидер Москвы митрополит Алексей, не примирились с победой суздальского князя. В 1362 году им удалось добыть в Орде у хана Мурата (Мюрида) для Дмитрия великокняжеский ярлык и организовать поход московского войска против Дмитрия Константиновича. Тот, не выдержав натиска, бежал в свою отчину, а воинство малолетнего Дмитрия заняло Владимир. В 1363 году во Владимир приехал посол от хана Авдула (Абдуллаха) с великокняжеским ярлыком для Дмитрия. Тогда враждовавший с Авдулом Мурат направил через своего посла Ильяка аналогичный ярлык Дмитрию Константиновичу. Вновь разгоревшаяся война двух Дмитриев окончилась победой московского. Суздальский князь был изгнан из Владимира и вынужден был просить мира. Одновременно Дмитрий Иванович выгнал князей из Галича и Стародуба, которые отправились «под крыло» к суздальскому князю. С тех пор Дмитрий Константинович не решался тягаться с Москвой

и даже отказался от владимирского ярлыка, который ему привёз из Орды сын. Оба Дмитрия стали даже союзниками, с помощью московских войск Дмитрий Константинович в 1365 году изгнал из Нижнего Новгорода брата Бориса. А в 1366 году союз князей был скреплён и родственными узами: Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия Константиновича — Евдокии.

В то же время разворачивалась и деятельность литовского князя Ольгерда, продолжавшего укреплять и расширять владения своего государства. В 1363 году литовцы разбили ордынские войска на реке Синие Воды (левый приток Южного Буга — река Синюха). Ольгерд присоединил к своим землям Киев. Так древняя русская столица оказалась под властью Литвы и Польши (оба государства позднее объединились в Речь Посполитую), и вновь русским Киев стал лишь в середине XVII века.

В 1365 году в Москве произошёл страшный пожар. В два часа город выгорел дотла. Беде помогли сильная жара и ветер, разметававший огонь по всему кремлю и посаду. Это событие явилось причиной новой волны каменного строительства в Москве. В 1367 году Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем начинает строительство нового кремля — белокаменного. Старые дубовые стены Калиты полностью обветшали, и укрепление междукняжеского и международного положения Москвы потребовало создания нового «облика» града. Белокаменная крепость теперь могла надёжно защитить столицу княжества от вражеских набегов.

А ситуация в русских землях оставалась тревожной. Вновь на первый план вышли отношения Москвы с давним и сильным соперником — Тверью. Здесь князем был Михаил Александрович, сын, племянник и внук убитых в Орде (не без участия Юрия Даниловича и Калиты) тверских князей, названный в честь деда Михаила Ярославича (имя Михаил вообще стало родовым именем тверской династии). Союзником Твери выступала и Литва: на сестре Михаила Александровича — Ульяне был женат литовский князь Ольгерд (сын Гедимины). Ситуация осложнилась и распрями внутри самой тверской династии: некоторые родственники открыто выступили против Михаила Александровича, а князь дорогобужский Еремей Константинович даже уехал к Дмитрию в Москву.

В 1368 году Дмитрий вызвал Михаила в Москву «любовию», но там неожиданно приказал его схватить и «держаша в истоме». Лишь ожидание приезда ордынского посольства заставило московского князя освободить пленника. Но уже осенью того же года Дмитрий послал на Тверь войска. Михаил бежал в Литву и просил помощи у Ольгерда. Литовский князь собрал сильную рать и вместе с братом Кейстутом и племянником Витовтом двинулся в поход на Русь. Нападение Ольгерда оказалось для Дмитрия полной неожиданностью. Легко сломив сопротивление нескольких местных князей, по владениям которых двигалось литовское войско, и разгромив на реке Тростне небольшой сторожевой полк москвичей, 21 ноября 1368 года Ольгерд появился у стен Москвы. Хотя трёхдневная осада города не дала результата, Ольгерд сжёг весь посад, опустошил окрестности и захватил богатую добычу. Дмитрию пришлось примириться с тверским князем.

Передышка длилась недолго. Оправившись после разгрома, Дмитрий Иванович в августе 1370 года сложил крестное целование Михаилу и начал военные действия против Твери. Московские войска взяли города Зубцов и Микулин, разорили многие тверские волости и захватили большой полон. Не надеясь на свои силы, Михаил бросился к Ольгерду, но помощи не получил, поскольку Литва была занята борьбой с немцами. Тогда тверской князь спешно отправился в Орду, где у хана Магомет-султана выпросил великокняжеский ярлык. На Русь Михаил возвращался уже с ордынским послом. Дмитрий надеялся перехватить тверского князя, но тот, предупреждённый сторонниками, кружным путём направился вновь в Литву. На этот раз его хлопоты увенчались успехом. Осенью новое войско Ольгерда двинулось на Москву. 6 декабря литовцы уже жгли московский посад. Дмитрий, как и в прошлый раз, заперся в городе. Восемь дней длилась осада. Получив известие о сборе Владимиром Андреевичем большого войска, Ольгерд заключил перемирие с московским князем и повернул назад. Михаил Александрович ушёл в Тверь.

В начале 1371 года Михаил опять поехал в Орду. Там он снова получил великокняжеский ярлык и в апреле направился во Владимир. Однако горожане, присягнувшие Дмитрию, не пустили нового князя. Ордынский посол потребовал от Дмитрия признания великого княжения за Михаилом, но московский князь гордо ответил: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Володимерское не пушу, а тебе, послу, путь чист». Это было уже прямое неповиновение Орде. Но Дмитрий понимал, что открытое выступление против ордынской власти может обернуться трагедией для Москвы. Он вызвал посла к себе и склонил на свою сторону богатыми дарами. В июне 1371 года московский князь, которого благословил митрополит Алексей, сам поехал к хану. Установился мир и с Литвой. Дочь Ольгерда — Елена стала женой Владимира Андреевича серпуховского. Лишь один Михаил остался в проигрыше: в злобе он разорил Кострому, Углич и другие земли по Волге.

В Орде Дмитрий был принят хорошо. Всеми делами при ордынском дворе заправлял темник Мамай, который возводил на престол своих ставленников. Не будучи сам чингисидом, он не мог стать ханом и поэтому действовал через ханов-марионеток. Дмитрий был отпущен с «большой честью». Ему даже выдали находившегося в Орде сына Михаила тверского — Ивана, который потом был выкуплен из московского плена за 10 000 рублей.

Но борьба Москвы с другими княжествами не утихла. Ещё одним противником Дмитрия стал рязанский князь Олег Иванович. Начало войн с Олегом было положено самим Дмитрием. 14 декабря 1371 года московский князь послал на Рязань рать под командованием князя Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского (этот потомок литовских князей служил Дмитрию Ивановичу). Как отмечает летописец, рязанцы хвастались перед боем: «Не возьмём с собой ни щитов, ни копий, никакого иного оружия, а только верёвки, чтобы вязать пленных москвичей, ибо они трусы». Но в битве при Скорнице рязанское войско было наголову разбито, а сам Олег едва спасся бегством.

Между тем Михаил Александрович начал воевать московские волости. В 1373 году он чуть было не взял Дмитров, а в мае захватил Торжок, входивший во владения Новгорода, поскольку жители Торжка ограбили тверских купцов. Одновременно он опять уговорил Ольгерда начать войну. Литовское войско было встречено московскими полками при Любутске, но до главного сражения дело не дошло. Дмитрий заключил перемирие и с Ольгердом, и с Михаилом. Однако все понимали, что это лишь временная передышка.

В Москве Дмитрий Иванович проводил политику укрепления собственной власти. В городе существовала должность тысяцкого, представлявшего интересы горожан и обладавшего существенной властью. Тысяцкими были представители рода Вельяминовых, потомки ещё ростовского тысяцкого Георгия Симоновича, «пестуна» Юрия Долгорукого. При Дмитрии тысяцким был Василий Васильевич Вельяминов, его сын Микула был женат на дочери князя Дмитрия Константиновича суздальского. 17 сентября 1373 года Василий Васильевич умер, и Дмитрий упразднил саму должность московского тысяцкого. Вероятно, многие горожане были недовольны этим. Во всяком случае, сын умершего тысяцкого Иван Васильевич в 1375 году бежал в Тверь к Михаилу вместе с неким Некоматом Сурожанином (очевидно, греческим купцом). Судя по всему, Иван Васильевич считал себя законным претендентом на должность тысяцкого и составлял какой-то заговор против Дмитрия. В 1379 году он был хитростью пойман в Серпухове и 30 августа публично казнен в Москве, на Кучковом поле. Многие москвичи плакали, уничтожение городского самоуправления не всем пришлось по душе.

Но вернемся в 1375 год. Некомат отправился из Твери в Орду и 14 июня привез Михаилу ярлык на великое княжение владимирское. В тот же день тверской князь разорвал договорные отношения с Дмитрием. Этот шаг дорого обошелся Михаилу. Дмитрий собрал в Волоке-Ламском огромное войско — настоящую коалицию князей. Здесь были и Дмитрий Константинович нижегородский, и его брат Борис князь городецкий, и Владимир Андреевич серпуховской, а также ростовские, ярославские, белозерские, стародубский, брянский, новосильский, торусский, оболенский и многие другие князья. 29 июля воинство вышло из Волока, и грандиозный поход начался. 5 августа Дмитрий стоял у Твери. Тут к нему присоединились и новгородцы. Месячная осада окончательно подорвала силы Михаила. Он поначалу надеялся на литовскую помощь, но даже Ольгерд не решился воевать против такого большого войска. Когда положение стало полностью безнадежным, ворота Твери открылись, и делегация бояр во главе с епископом Евфимием направилась в ставку московского князя. Михаил просил мира. Договор был заключен, и 3 сентября Дмитрий снял осаду. Это был последний акт длительной борьбы двух княжеств за великое княжение, за лидерство среди русских земель. Тверь оказалась побежденной.

Следующий период деятельности Дмитрия Ивановича связан с взаимоотношениями с Ордой. Здесь выделяются четыре узловых события, которые, с одной стороны, показали возросшее могущество Московского княжества, а с другой — свидетельствовали о наличии

значительного потенциала и у ордынского государства. Русь и Орда впервые встали практически на один уровень. Если раньше силы Орды были несоизмеримо больше русских, то теперь оба государства стали фактически на равных, хотя определенная зависимость от ханов оставалась. Тем не менее именно во время Дмитрия Донского чаши весов качнулись в пользу Москвы и начался процесс падения Орды и окончательного освобождения Руси от позорного ига.

В 1377 году Дмитрий получил от Дмитрия Константиновича известие, что ордынский царевич Арапша (Араб-шах) продвигается к Нижнему Новгороду. Московский князь выступил в поход, но, поскольку об Арапше ничего не было слышно, оставил войско в Нижнем, а сам вернулся в Москву. Русские отряды переправились за реку Пьяну (левый приток Суры) и вели себя крайне беспечно. Не ожидая скорого подхода противника, русские воины скинули доспехи, оружие было в беспорядке, часто ратники даже напивались и хвастались, что каждый может одолеть чуть ли не сотню татар. Но на деле всё, конечно, случилось иначе. 2 августа Арапша внезапно с тыла атаковал русские полки. Началась паника, воины бросились к реке, многие были порублены татарами, а многие и утонули. Среди погибших оказался и сын Дмитрия Константиновича — Иван, утонувший при переправе через реку. Затем ордынцы подошли к Нижнему Новгороду. Оставшийся без войск Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, а нижегородцы в лодках уплыли в соседний Городец. Нижний был сожжён, а его окрестности опустошены.

В том же 1377 году в Литве умер Ольгерд, и князем стал его сын Ягайло. Один из старших сыновей Ольгерда — князь полоцкий Андрей уехал на службу к Дмитрию. В Москве же скончался митрополит Алексей, один из самых замечательных русских святых. Он благословил перед смертью Дмитрия, которого всегда опекал и поддерживал.

Орда продолжала свою прежнюю политику. В 1378 году татары вновь подошли к Нижнему Новгороду. Дмитрий Константинович попытался было откупиться, но только начавший отстраиваться город был опять сожжён. На Москву Мамай послал войско под началом мурзы Бегича. Дмитрий Иванович выступил навстречу и встретил врага в Рязанской земле на реке Воже (приток Оки). Несколько дней войска стояли напротив друг друга на обоих берегах. Наконец 11 августа ордынцы переправились через реку и начали сражение. Князь Даниил пронский, окольный Дмитрий Тимофеев и сам Дмитрий Иванович с трех сторон ударили на татар и погнало их к реке. В схватке ордынцы потерпели поражение и побежали. Бегич был убит. Битва на реке Воже была первой крупной победой русского оружия над Ордой. Она стала как бы прелюдией к Куликовскому сражению.

Воспользовавшись смутами в Литве, Дмитрий в 1379 году послал Владимира Андреевича серпуховского, Андрея Ольгердовича и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского в литовские земли. Князья взяли Трубчевск и Стародуб. Трубчевский князь Дмитрий Ольгердович перешел на службу к Дмитрию. Его потомки стали именоваться князьями Трубецкими.

1380 год ознаменовался для Руси нашествием Мамая. Две громадные силы противостояли друг другу. Помимо ордынцев на стороне Мамая в походе участвовали отряды черкесов и осетин, болгары и мордва, наемники-итальянцы, пришедшие из Таны (Азова). Союзником Мамая выступил также литовский князь Ягайло, тайные переговоры велись и с князем Рязани Олегом Ивановичем. Олег оказался между двух огней, его пограничное княжество в большей степени страдало от ордынских набегов. Князь пытался вести двойную игру: одновременно он извещал Дмитрия о действиях противника. Дмитрий Иванович собрал московские, ростовские, ярославские, белозерские, владимирские, костромские, переяславские полки, пришли отряды и из других городов. Разумеется, верным соратником был Владимир Андреевич, присоединились к московскому войску и отряды литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Сложно определить численность обеих ратей: у татар была примерно сотня, может быть более, тысяч, войско Дмитрия, вероятно, было несколько меньше.

Сбор русских ратей происходил в Коломне. Дмитрий получил благословение от св. Сергия Радонежского. 20 августа, благословленные коломенским епископом Герасимом, войска выступили в поход. 1 сентября состоялась переправа через Оку. 8 сентября воинство встало на Куликовом поле между Доном и его притоком, речкой Непрядвой. Сюда же подошло воинство Мамая, который расположил свою ставку на вершине Красного холма в южной части поля. Русское войско было разделено на шесть полков: Сторожевой, Передовой, Большой,левой и Правой руки и Засадный, спрятавшийся в дубраве на левом фланге. Засадным полком командовали Владимир Андреевич и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. По преданию, сражение началось с поединка между монахом Александром Пересветом и ордынцем Челубеем. Атака ордынцев увенчалась успехом: ряды русских были прорваны, полковое знамя в Большом полку подсечено, а Дмитрий Иванович ранен. Исход битвы решил Засадный полк, в самый критический момент устремившийся на врага. Ордынцы были сметы и побежали, преследование их продолжалось до речки Красивая Меча. В сражении погибли многие русские герои, в том числе воевода Михаил Бренк и белозерский князь Фёдор Романович. Источники сохранили нам имена и других героев: инока Осляби, Юрки Сапожника, Васюка Сухоборца, Сеньки Быкова, Гриди Хрулева. 21 сентября русские войска вернулись в Коломну, а 1 октября победителей радостно встречала Москва. В ознаменование победы за Дмитрием Ивановичем закрепилось прозвание Донской, такое же прозвище принадлежало и Владимиру Андреевичу, именовавшемуся также Храбрым.

Ягайло, находившийся у города Одоева и шедший на соединение с Мамаем, узнал о поражении ордынцев и повернул назад. Олег Иванович бежал в Литву, но вскоре вернулся и заключил с Дмитрием договор.

Судьба Мамая оказалась печальной. Остатки его воинства были разгромлены чингисидом Тохтамышем, утвердившимся на ханском престоле. Эта битва произошла на реке Калке, той самой, где когда-то впервые были побеждены монголами русские войска. Мамай бежал

в Крым, в город Кафу (Феодосия), являвшийся генуэзской факторией. Там Мамай был убит при неясных обстоятельствах. Его потомки отправились в Литву и именовались там князьями Глинскими. При Василии III Глинские перешли на русскую службу, из этого рода происходила и мать Ивана Грозного, который, таким образом, был потомком одновременно и Дмитрия Донского по отцу, и Мамаю по матери.

Победа на Куликовом поле имела огромное историческое значение. Это была первая крупная победа русского оружия над Ордой, и, если бы не было Куликовской битвы, вряд ли состоялись и события на Угре в 1480 году.

Но Орда ещё была сильна. Здесь появился новый знаменитый деятель — Тохтамыш, последний великий чингисид, объединивший на недолгое время государство и усиливший его мощь. В 1381 году он отправил в Москву посла Акхозю звать Дмитрия в Орду. Но посол доехал только до Нижнего Новгорода, а в Москву ехать не решился. В следующем году Тохтамыш, собрав большое войско, внезапно двинулся на Русь. Нижегородский князь Дмитрий Константинович в страхе отправил к хану своих сыновей с изъявлением покорности. Олег Иванович указал Тохтамышу броды на Оке, надеясь спасти свое княжество от разгрома. Дмитрий Донской оказался застигнутым врасплох. Он уехал из Москвы в Переяславль, а оттуда в Кострому, надеясь там собрать войска. Таким образом, он заложил основы своеобразной «традиции»: с тех пор московские князья вплоть до Ивана Грозного при приближении ордынцев к Москве уезжали из города.

В Москве началась паника. Часть москвичей собралась бежать, другие затворили ворота и никого не выпускали. Горожане стали вооружаться. Пытавшихся бежать хватили и грабили. С трудом отпустили митрополита и великую княгиню. Оборону города взял на себя оказавшийся в ту пору в Москве некий литовский князь Остей, названный в летописи внуком Ольгерда. Между тем Тохтамыш сжёг Коломну, и 23 августа его сторожевые отряды появились у стен Москвы. На следующий день началась осада города. Во время неё москвичи применили пушки. Три дня продолжался приступ, наконец, у стен появилось ордынское посольство, в котором были и нижегородские князья. Послы обещали, что Тохтамыш не будет жечь город и убивать москвичей, только примет от них дары и уйдет восвояси. Поверившие обману князь Остей с духовенством и боярами 26 августа вышли из ворот кремля с дарами. Ордынцы тут же убили Остея и ворвались в город. Более страшного разгрома Москва не знала, пожалуй, со времен монгольского нашествия 1238 года. Город был полностью сожжён, жители перебиты или уведены в плен. От Москвы осталось лишь дымящееся пепелище. Отряды татар грабили московские земли, лишь у Волоколамского один из отрядов был разбит Владимиром Андреевичем. Разорив владения Дмитрия, Тохтамыш ушёл в Орду. В разгромленную Москву вернулись Дмитрий и Владимир. Убитых оказалось почти 25 тысяч человек. Олег Иванович был наказан за предательство. Донской отправил войско в Рязанские земли, и Олег бежал в Литву.

Сила Орды убедила Дмитрия покориться, и в 1383 году он отправил к Тохтамышу своего сына Василия за ярлыком. Воспользовавшись

поражением Москвы, встrepенулся и тверской князь Михаил Александрович. Он тоже отправил к хану сына, надеясь получить великокняжеский ярлык. Но Тохтамыш отдал ярлык Дмитрию. Михаил получил только ярлык на Тверь. Мальчик Василий был оставлен в Орде в качестве заложника, однако вскоре ему удалось бежать. В 1384 году Дмитрий начал сбор ордынской дани.

Ослабление Москвы сыграло на руку и Олегу Ивановичу. Рязанский князь захватил Коломну, которая когда-то входила в состав Рязанского княжества и которую Олег, вероятно, считал своим владением. Рать Владимира Андреевича, направленная Дмитрием на Рязань, была разбита. Лишь заступничество Сергия Радонежского, примирившего Дмитрия и Олега, спасло Русь от очередной усобной войны. Союз князей был скреплен и родственными узами: дочь Донского была выдана замуж за сына Олега — Фёдора.

Новгород тоже захотел воспользоваться сложным положением Москвы. Ушкуйники, то есть ватаги вооруженных новгородцев, промышленявших разбоем, разграбили Кострому и Нижний Новгород. Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем отправился в поход на Новгород (1386 г.), горожане несколько раз просили о мире и, наконец, откупились от Дмитрия 8000 рублей.

Чуть было не началась вражда и между самими Дмитрием и Владимиром. Причины ее не ясны, но дело закончилось миром 25 марта 1389 года. А уже 19 мая Дмитрий Донской скончался в возрасте 38 лет. Он разделил свои владения между сыновьями: старший Василий (30.12.1371—27.02.1425), наследник, стал великим князем московским, Юрий (26.11.1379—5.06.1434), крестник Сергия Радонежского, — князем галицким и звенигородским, Андрей (1382—1432) — можайским и верейским, Петр (1385—1428) — дмитровским, Иван (умер в 1393) был болезненным и получил только две волости, а младший Константин (1389—1434) родился за несколько дней до смерти отца и потому по завещанию не получил удела, потом он занимал угличский стол. Дочь Дмитрия Донского — Анна была женой литовского князя Юрия Патрикеевича, потомка Гедимины (от Юрия Патрикеевича произошли знаменитые княжеские роды Голицыных и Куракиных, давшие России многих известных деятелей).

Дмитрий был замечательным политическим деятелем, опиравшимся на таких, в свою очередь, незаурядных людей, как митрополит Алексей, Сергий Радонежский, серпуховской князь Владимир Андреевич. Великая заслуга Донского перед Отечеством состоит и в укреплении московского княжества, и, конечно же, в знаменитой Куликовской победе. Собор Русской православной церкви в 1988 году во время празднования 1000-летия крещения Руси причислил Дмитрия Донского к лику святых. Дмитрий, таким образом, стал вторым по хронологии святым московской княжеской династии. Его жена княгиня Евдокия прославилась благочестивой жизнью, она возглавляла в Кремле Вознесенский монастырь (ставший усыпальницей женщин из московского княжеского и царского рода), приняв в нём постриг с именем Евфросинии. Она также канонизирована Русской православной церковью.

«ЦАРСТВЕННЫЙ» СЫН

После разгрома Москвы Тохтамышем в 1382 году тверской князь Михаил Александрович вместе с сыном Александром отправился окольными путями в Орду, чтобы, воспользовавшись удачной ситуацией, получить ярлык на великое княжение. Дмитрий Донской в апреле 1383 года послал к Тохтамышу 11-летнего сына Василия с боярами, чтобы воспрепятствовать интригам тверского князя. Княжеские споры окончились неудачей для обеих сторон: Михаил так и не получил желанного ярлыка, а маленький Василий был оставлен в Орде в качестве заложника. Жизнь в неволе, разумеется, была не сладкой. И тогда юный княжич решился на смелый и рискованный шаг. Осенью 1386 года он бежал из Орды, причём, опасаясь погони, направился в Подолию и на Волынь. Там произошла встреча Василия с литовским князем Витовтом, изгнанным своим двоюродным братом Ягайло из Литвы и скитавшимся за рубежом. Витовт хотел заручиться поддержкой Москвы в борьбе за литовский стол, и Василий, понимая, что союз с Литвой будет полезен и для Москвы, договорился с Витовтом о будущем браке с его дочерью — Софьей, который состоялся уже после восшествия Василия на московский престол. Ободренный Витовтом и окрыленный свободой молодой княжич в январе 1387 года вернулся в Москву.

Так закончилось первое «политическое приключение» будущего великого князя московского. В нём, как в зеркале, отразилась вся последующая его деятельность. На протяжении своего правления Василий находился как бы между двух огней: Ордой и Литвой, и своей умелой политикой отстаивал в этих условиях независимость Москвы.

В своем завещании Дмитрий Донской распорядился владимирским княжением как своей вотчиной. То, что старший сын Василий становился его наследником, как бы само собой подразумевалось, и 15 августа 1389 года юный князь был посажен на великокняжеский стол во Владимире ханским послом Шахматом. Деятельность нового московского государя в последующие несколько лет оказалась на редкость успешной.

Во-первых, удалось предотвратить опасные внутрирусские конфликты. Серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич Хра-

брый, вероятно, обидевшийся на племянника за что-то, выехал было из Москвы со своими приближёнными в Серпухов, а затем в Торжок. Но вскоре оба князя примирились и заключили договор. Василий прибавил к вотчине дяди еще два города — Волок и Ржев. Мирные отношения поначалу установились и с Новгородом, в 1390 году к московскому князю прибыли послы новгородские и «взяли мир по старине». Во-вторых, состоялась свадьба Василия с Софьей Витовтовной, что имело большое международное значение. И в-третьих, Василию удалось присоединить к Москве несколько новых городов.

В июле 1392 года московский князь отправился в Орду, к Тохтамышу, с которым он решил поддерживать дружественные отношения. Вероятно, ещё до своей поездки Василий впервые в истории Северо-Восточной Руси ввёл постоянное финансовое обложение церкви. Таким образом, церковники должны были также платить ордынский «выход», как и другие слои общества. Конечно, такая мера не могла не понравиться хану. Великий князь был чрезвычайно любезно принят в Орде, что объясняется, впрочем, и неопределённым положением Тохтамыша в то время. Тогда другой быстро выдвинувшийся восточный завоеватель, сумевший закрепиться в Средней Азии, Тимур (Тамерлан) постепенно начал продвигаться к границам Золотой Орды и представлял для хана серьёзную опасность. Конечно, Тохтамышу вовсе не хотелось союза Москвы с Тимуром, поэтому он предпочёл обезопасить себя благожелательным отношением к великому князю. Василий тоже не сидел сложа руки, он раздавал богатые подарки, надеясь на приращение своих владений, и не ошибся. Тохтамыш выдал ему ярлык на нижегородское княжение, а также на города Тарусу, Муром, Городец и Мещёрскую область. Получив желаемое, московский князь поспешил уехать на Русь, обеспокоенный активностью Тимура. Наконец-то Нижний Новгород, присоединённый к Москве ещё в первой половине XIV века, но затем отобранный Ордой, вновь возвращался в состав Московского государства. Вместе с Василием поехал в Московскую землю и посол хана Улан-царевич, который должен был возвести Василия на нижегородский стол.

Нижним владел в то время князь Борис Константинович, брат знаменитого суздальского князя Дмитрия Константиновича, соперничавшего с Донским. Услышав о приближении московского князя, Борис собрал своих бояр и, полностью осознавая свою слабость, сказал им со слезами на глазах: «Господа и братья, бояре и друзья мои! Вспомните своё крестное целованье, вспомните, как вы клялись мне!» Старший боярин некий Василий Румянец отвечал князю: «Не печалься, все мы тебе верны и готовы головы сложить за тебя и кровь пролить». А сам между тем уже начал тайные переговоры с Василием, обещая выдать своего князя. Когда под Нижний подошла московская рать с ордынским послом, Борис заперся в городе, но Румянец уговорил его открыть ворота, заверяя, что и московские бояре, и Улан-царевич прибыли с мирными намерениями. Простодушный князь впустил их в город, и москвичи приказали тут

же звонить в колокола, собрали народ и объявили, что город переходит под власть московского князя. Борис Константинович попытался обратиться к своим приближённым с увещаниями, но был тут же схвачен и посажен в темницу. Там он и окончил свои дни, горько сожалея о своей нерешительности и доверчивости. Сыновья Бориса были высланы в дальние города, а Василий Дмитриевич некоторое время спустя прибыл в город, взошёл на княжеский стол и назначил в Нижний наместника. Однако спор вокруг этого удела не утих, но об этом будет сказано позднее.

А в 1392 году произошло печальное событие. Скончался великий Святитель земли Русской, основатель знаменитой обители — Сергей Радонежский. С его уходом Москва потеряла одного из самых замечательных своих духовных деятелей. Но дело его не прервалось. Многочисленные ученики по всей Руси основали много новых прославленных обителей, среди которых мы можем отметить и Московский Андроников, и Звенигородский Саввино-Сторожевский монастыри.

В начале 1390-х годов так славно начавшееся правление Василия омрачилось внутрирусскими распрями. Вновь непокорность проявил Великий Новгород. Его свободолюбивые жители отказались приезжать на суд к митрополиту Киприану, отказались и заплатить пошрины Москве. Тогда великий князь послал против Новгорода Владимира Андреевича серпуховского и своего брата Юрия Дмитриевича звенигородского. Большое войско подошло к Торжку. В городе началась страшная паника, и многие новоторжцы бежали с семьями в Новгород, куда стекались толпы народу и из других новгородских волостей. Без труда москвичи овладели Торжком, а после начали воевать другие земли новгородские, в частности захватили и Вологду. Новоторжцы подняли было мятеж, даже убили великокняжеского боярина, некоего Максима, за что жестоко поплатились. Зачинщики были схвачены, привезены в Москву и казнены. Новгород решил предпринять ответные шаги. Его войска начали нападать на земли великого князя, взяли Устюжну, пожгли Устюг и Белоозеро. Но вскоре новгородцы поняли, что их силы слишком слабы и обратились к Василию с просьбой о мире. По договору Новгород обязывался выплатить московскому князю все пошрины и ещё 350 рублей Василию и митрополиту лично.

Только успокоилось на севере, как пришла беда с востока. В 1393 году в тюрьме умер бывший нижегородский князь Борис Константинович, о котором говорилось ранее. Однако на свободе остались его неугомонные племянники Дмитриевичи — Василий Кирдяпа и Семён. Они некоторое время жили в Суздале, но после смерти дяди бежали в Орду, видимо, надеясь получить ярлыки на свою вотчину. Была послана погоня, но князья ушли от неё. Назад князь Семён вернулся с ордынским войском некоего Ейтяка. Вероятно, это были казанские татары, по собственной инициативе вызвавшиеся помочь ему. Три дня московские воеводы выдерживали осаду Нижнего, но, наконец, взяв с осаждавших клятву, что они не будут захватывать в плен и грабить горожан, открыли ворота. Орда ворва-

лась в Нижний, и начались грабежи и разбой. Князь Семён оправдывался так: «Не я обманул, а татары; я в них не волен и ничего не могу с ними сделать». Бесчинства продолжались две недели. И лишь когда ордынцы услышали о приближении большой московской рати, они спешно собрались и убежали в Орду. Семён бежал туда же. Войско, во главе которого стоял брат Василия — Юрий Дмитриевич, дошло за Волгу и на Каму, три месяца воевало татарские области и взяло несколько поволжских городов, в том числе Казань, Болгар и Жукотин. Была захвачена большая добыча и наказаны клятвopепреступники-ордынцы.

В это время в Орде вообще было неспокойно. Тимур вторгся в пределы ханства, и в решающем сражении Тохтамыш был разбит наголову. Тимур преследовал его до Волги, посадил в Орде нового, покорного себе хана и двинул свои полчища на север к русским границам. Нашествие нового врага всколыхнуло Русь. Василий собрал полки и, оставив в Москве Владимира Андреевича, выступил к Коломне и остановился на берегу Оки, ожидая неприятеля. Тимур тем временем взял Елец, пленил местного князя и разорил прилегавшие области. Москвичи, объятые ужасом, постились и молились. Василий приказал срочно укреплять все города и написал послание митрополиту Киприану с просьбой перенести в Москву из Владимира чудотворный образ Владимирской Богоматери. Заступничество Божией Матери спасло Русь. Простояв 15 дней в Рязанской земле и опустошив донские земли, Тимур повернул свои войска назад в тот самый день, когда москвичи встречали образ Богородицы, принесенный из Владимира. Великий князь вернулся в столицу, где с великой радостью был принят духовенством и народом. С тех пор Русская церковь установила праздник в честь сретения иконы Владимирской Богоматери 26 августа, так как именно в этот день она была принесена в Москву. Улица Москвы, где встречали икону, с тех пор носит название Сретенка.

Золотая Орда, разгромленная нашествием Тимура и обескровленная, уже не могла представлять для московского князя существенной опасности. Поэтому Василий прекратил посылать хану дань, и Русь впервые на длительное время освободилась от ордынской зависимости. Зато усилился западный сосед — Великое княжество Литовское, где с 1392 года укрепился Витовт. Он начал проводить крайне агрессивную внешнюю политику, пытаясь расширить границы своего государства за счёт русских земель. Московский князь поддерживал с Литвой в это время политику вооружённого нейтралитета. В 1395 году Витовт захватил Смоленск, а князь Юрий Святославич смоленский бежал в Рязань к своему тестю князю Олегу Ивановичу. Василий I приехал вместе с митрополитом Киприаном в Смоленск к своему тестю — Витовту — на Пасху в 1396 году. Затем Витовт начал войну с Рязанью и опустошил многие рязанские волости. Василий не противодействовал ему, поскольку был заинтересован в ослаблении ещё одного давнего соперника Москвы.

Витовт приехал к великому князю в Коломну. Здесь оба правителя по инициативе литовского князя договорились отправить послов нов-

городцам с требованием расторгнуть мир с немцами. Новгород с его богатством и выгодным торговым положением вообще был лакомым куском для Литвы и давно привлекал к себе взоры литовских завоевателей. Витовт считал Новгород сферой своего влияния и, вероятно, мечтал утвердиться на новгородском княжеском столе. Василий I, выполняя союзнический долг, отправил в Новгород послов. Но новгородцы не захотели отказываться от выгодного торгового соглашения с Любеком, Готландом, Ревелем и Дерптом. Поэтому горожане послали московскому князю такой ответ: «Господин великий князь, у нас с тобой мир, с Витовтом — иной и с немцами — иной». Эти слова побудили Василия к более решительным действиям. В 1397 году он послал своих бояр на Двину в Заволочье, и все жители Подвинья присягнули на верность Москве. Рати великого князя захватили Волок-Ламский, Торжок, Бежецкий Верх и Вологду, входившие в состав земель новгородских.

«Лучше умереть нам за святую Софию, нежели в обиде быть от своего великого князя!» — заявили новгородские воеводы и начали ответные военные действия. Белозерские волости и само Белоозеро были взяты на шит, пограблены и сожжены, белозерские князья с великокняжескими воеводами выплатили новгородцам 60 рублей откупа, но войско «Великого Господина» не остановилось. Забрав громадный полон и много скота, оно опустошило Кубенские волости, вторглось в вологодскую землю, захватило и сожгло Устюг. В Устюге новгородцы стояли четыре недели, отсюда они послали часть полков на юг, которые всего на один день пути не дошли до Галича. По дороге новгородцы всё предавали огню и мечу и забрали полон, который, впрочем, отдавали за выкуп, так как суда не могли нести всей тяжести добычи (!). Грабеж продолжался и в других областях. Так, двинцы выплатили Новгороду 2000 рублей и передали 3000 коней, по числу новгородских ратников. Из пленных главного «переметчика» заволочского воеводу Ивана Никитина в Новгороде сбросили с моста в Волхов, были казнены и другие воеводы.

Наконец, удовлетворившись местью, Новгород послал своих представителей в Москву для заключения «мира по старине». Василий согласился на это предложение и отправил на княжение туда своего младшего брата Андрея, князя московского. Такая странная уступчивость великого князя, объясняется тем, что он весьма опасался Витовта, который мог попытаться захватить Новгород в любой момент. Поэтому Василию приходилось лавировать между Литвой и Новгородом, дабы сохранить свою власть над северной русской столицей. К тому же в 1398 году Витовт заключил договор с магистром Ливонского ордена, по которому литовский князь обязывался помогать Ордену в завоевании Пскова, а Орден, в свою очередь, должен был оказывать поддержку Витовту в покорении Новгорода. Витовт не сразу обнаружил свои враждебные замыслы по отношению к Москве, так как некоторое время был занят ордынскими делами, пытаясь возратить на золотоордынский престол свергнутого Тохтамыша. С помощью последнего литовский правитель самодовольно надеялся и Москву прибрать к своим рукам:

«сесть на Москве на великом княжении, на всей Русской Земле». Но коварным замыслам не суждено было осуществиться. План Витовта потерпел полный крах в битве на Ворскле 12 августа 1399 года, когда с помощью Едигея ордынский хан Темир-Кутлук наголову разбил литовцев. Разгромленный литовский князь поспешил заключить мир с Новгородом (1400 г.), а затем и с Псковом (1401 г.).

Теперь Василий Дмитриевич мог не бояться ослабленной Литвы и выступить против Новгорода в полной силе. В Москве был арестован находившийся здесь новгородский епископ, а великокняжеское войско пошло в Двинскую землю, вновь подвергнувшуюся жестокому опустошению. Новгородские воеводы выступили против Москвы и сразились с войсками Василия в битве при Холмогорах, одержав победу. Между тем в Торжок вошла небольшая московская рать (300 человек). Находившиеся в городе новгородские бояре были схвачены и привезены в Москву. В 1402 году Новгород запросил мира, и Василий отпустил заложников. Тогда же московский князь направил в Псков своего наместника. Вероятно, город, заключивший с Витовтом вечный мир, не решился оказать сопротивление великому князю. Власть Москвы над северными русскими областями была восстановлена.

Но, как только начались описанные выше события, напомнил о своем существовании скрывавшийся у казанских татар князь Семён Дмитриевич суздальский. В 1401 году Василий послал своих воевод Ивана Уду и Фёдора Глебовича на поиски мятежного князя. В мордовской земле их отряд обнаружил жену Семёна Александру с детьми. Их схватили и привезли в Москву. Узнав о судьбе своей семьи, Семён «вниде в покорение»: поехал в Москву и заключил с Василием мир, отказавшись от претензий на Нижегородское княжество. Взяв жену и детей, князь отправился в Вятку, где и скончался пять месяцев спустя. Таким образом, Нижний Новгород остался во владениях московского князя.

В первые годы XV века Василий I старался поддерживать дружественные отношения с Литвой. Правда, несколько раз дело чуть было не доходило до вооружённого столкновения, но каждый раз здравый смысл подсказывал обоим князьям не начинать широкомасштабной войны, и все конфликты завершались миром. Не в малой степени этому способствовали и родственные отношения Витовта и Василия.

Но если отношения с Литвой стабилизировались, то Орда вновь стала представлять для Руси большую опасность. Здесь появился новый «пассионарий» — Едигей, происходивший из знатного ордынского рода. Постепенно ему удалось захватить всю реальную власть в Орде, а женившись на дочери одного из ханов, Едигей стал фактическим хозяином государства (хотя ханский престол занимали потомки Чингисхана, и Едигей, не будучи чингисидом, не имел на это права). Хитрый временщик воспользовался тем, что Василий не платил дань в Орду очень долгое время, и обратился к московскому князю с таким посланием: «От Едигей поклон Ва-

силию, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышанье учинилось такое, что неправо у тебя чинят в городах, послы цареви и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините — это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир-Котлуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата ни с каким словом. А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал, и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни брата своего не присылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слушали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то всё джал: что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде...»

Вознамерившись восстановить зависимость Московского княжества от Орды, Едигей осенью 1408 года внезапно подошел с большими силами к Москве. Застигнутый врасплох, Василий оставил для обороны города в Москве Владимира Андреевича Храброго и своих младших братьев Андрея Можайского и Петра Дмитровского, а сам с семьей бежал в Кострому, где намеревался собрать войско. 26 ноября 1408 года Едигей встал в Коломенском, а 1 декабря отправил отдельные отряды воевать другие русские земли. Ордынцы захватили и сожгли Переяславль, Ростов, Дмитров, Юрьев, Городец, Клин, Верею, Серпухов и Нижний Новгород. В это же время была разорена и Рязанская земля. 34-тысячный отряд ордынцев был также послан в погоню за Василием, но неудачно. Москва была осаждена, и Едигей намеревался зазимовать под её стенами, чтобы измором взять город. Причём он пытался использовать и давнюю вражду Москвы с Тверью — вызвал с «тюфяками», то есть с пушками, князя Ивана Михайловича тверского. Но князь поступил умно. Не желая ссориться с Василием, он выступил в поход, но шел крайне неспешно. Дойдя до Клина, тверское войско, отпустив ордынских посланцев, медленно повернуло назад и ушло в Тверь. Простояв у стен Москвы несколько недель, Едигей получил от хана Булат-Салтана известие о начавшейся в Орде смуте, с требованием срочно вернуться назад. Завоеватель отпустил в Орду несколько отрядов, а сам начал переговоры с москвичами. Не зная об истинных причинах такой перемены, Москва с радостью согласилась на предложения Едигея и выплатила ему 3000 рублей откупа. Теперь Едигей снял осаду и ушёл в Орду. Таким образом, Москва была вторично спасена от разгрома в правление Василия I. Правда, московский князь показал себя при этом не с лучшей стороны. Едигей ещё несколько лет действовал в Орде, пока не погиб в усобной стычке. Его потомки переселились на Русь и стали здесь называться князьями Урусовыми и Юсуповыми.

В Орду Василий I первый и последний раз в своей жизни поехал лишь в 1412 году. Тогда новый хан, сын Тохтамыша Джелал-ад-Дин-Султан (тот самый, что начал Грюнвальдскую битву на стороне Польши и Литвы), передал ярлык на нижегородское княжение суздальским князьям, потомкам Бориса и Дмитрия Константиновичей. В августе московский князь с боярами и богатыми дарами выехал в Орду, а вернулся в середине ноября. За это время Джелал-ад-Дин скончался, а занявший его место Керим-бердей весьма благосклонно отнесся к московскому князю и вернул ему Нижний Новгород. Через некоторое время суздальские князья явились с повинной, а ещё позже Василий передал Нижний покорному князю Александру Ивановичу Брюхатому, бывшему потомком суздальской династии и находившемуся в родстве с московской (зять Василия I). Этот шаг окончательно поставил крест на притязаниях Нижнего Новгорода на лидерство среди русских земель и закрыл страницу борьбы Москвы с нижегородскими князьями навсегда.

В правление Василия ордынцы еще несколько раз совершали набеги на Русь, но это были локальные и весьма незначительные случаи. Василий также укрепил ряд городов, пограничных с Литвой, прежде всего Ржеву. Последние годы правления великого князя были относительно спокойными, и Москва получила возможность продолжать накапливать силы, укреплять свой экономический потенциал.

Время Василия I — период небывалого подъема русской культуры. Именно тогда создаются величайшие произведения древнерусского искусства. В области литературы — замечательная поэма «Задонщина», красочно описывающая историю Куликовской битвы. Образцом для этого шедевра несомненно явилось «Слово о полку Игореве». Уже в первой половине XV века было создано и другое произведение о Куликовской победе — «Сказание о Мамаевом побоище». Появились также «Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша» и «Повесть о Темир-Аксаке», отразившая события 1395 года. Быстрым ходом идет строительство: воздвигается Спасский собор Андроникова монастыря, старейшее из сохранившихся зданий Москвы, Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре, другие храмы. Из Новгорода в Москву приезжает знаменитый иконописец преподобный Феофан Грек. Его мастерство, основанное на многовековом опыте византийской и древнерусской духовной традиции, было особенно важно для становления искусства юной, но уже сознающей своё мировое значение державы. В Москве Феофан написал центральные фигуры деисусного чина иконостаса московского Благовещенского собора (1405 г.), другие работы мастера не сохранились, хотя их в Москве было немало — недаром на одной из миниатюр Лицевого свода Феофан изображен пишущим фреску перед удивленной его мастерством толпой москвичей. Под общим руководством прославленного живописца работали и его ученики: Даниил Черный (Прохор, старец с Городца?) и Андрей Рублев. Преподобный Андрей Рублев (между 1360 и 1370—1430) — величайший иконописец Руси, творил именно в эпоху Василия I. Тогда создал он «Троицу», фрески Успенского собора во Владимире, Звенигородский чин, иконостас Троицкого собора Сергиева монастыря и другие

замечательные произведения. Развивались и прикладные искусства, в частности шитье. Примером высокого мастерства в этой области может служить Покров на гробницу Сергия Радонежского (1424 г.). Подлинный расцвет московской культуры — так можно назвать княжение Василия I.

Еще в 1410 году скончался двоюродный брат Донского, его верный друг и сподвижник, защитник Москвы Владимир Андреевич Храбрый Донской, основатель Серпухова, князь боровский и серпуховской. От брака с дочерью литовского князя Ольгерда — Еленой он оставил нескольких сыновей, между которыми также разделил свои владения: Иван (1381—1423) стал князем серпуховским, Семён (ум. в 1426) — боровским, Ярослав-Афанасий (18.01.1388—16.08.1426) — малоярославецким (в его честь и был основан этот город), Андрей (ум. 5.11.1426) — радонежским и Василий (ум. в 1427) — перемышльским. Четверо из них умерли от чумы, свирепствовавшей на Руси в 1425—1427 годах, и весь боровско-серпуховской удел вновь объединился под властью внука Владимира — Василия Ярославича (ум. в 1483). От того же мора умерло трое тверских князей.

Василий Дмитриевич скончался 27 февраля 1425 года также от чумы. Сын Дмитрия Донского был похоронен рядом с отцом в Архангельском соборе Московского Кремля. По его завещанию, великим князем владимирским и московским становился его сын Василий II при поддержке своей матери, дочери литовского князя Витовта — властолюбивой Софьи (1371—1453).

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Княжение сына Василия I, Василия II, получившего в истории прозвание Тёмный, — сложный период развития Московского княжества. Это время — как бы переходный этап от эпохи самоутверждения Москвы в качестве главы русских земель к расцвету московского великодержавства при Иване III и Василии III. Этот переход сопровождался трагическим надломом, выразившемся, прежде всего, в четвертьвековой междоусобной войне между двумя семьями рода Калиты. Эта усобица за первенство и власть над Русью принесла большие беды Московскому княжеству, но оно смогло выбраться из нее еще более окрепшим и закаленным. В это же время продолжается и татарская активность, хотя вопрос взаимоотношений Орды и Москвы стоит уже не так остро, как ранее. Тем не менее Орда представляла собой еще достаточно грозную силу, и Василию II пришлось последним из московских князей ездить туда за ярлыком. Ситуация в начале правления Василия осложнилась и тем, что к моменту своего восшествия на великокняжеский стол князю было всего 10 лет, и, конечно, он один, без помощи преданных людей не смог бы удержать власть в своих руках.

Василий Васильевич родился 10 марта 1415 года, причем его рождение, по свидетельству летописцев, сопровождалось примечательными явлениями. В день рождения сына Софья Витовтовна так занемогла, что, казалось, вот-вот умрет. Василий I послал в монастырь Св. Иоанна Предтечи, что за Москвой-рекой, к известному своей праведной жизнью старцу, чтобы он помолился о здравии княгини. Старец отвечал, что Софья будет здорова и в этот вечер родит сына, что и сбылось. Сразу после появления младенца на свет в келью великокняжеского духовника в Спасском монастыре кто-то постучал и сказал: «Иди, наречи имя великому князю Василию». Открыв дверь, духовник, однако, никого не нашёл, но решил всё-таки идти в великокняжеский дворец. По наречению имени княжичу святой отец пытался выяснить, кто посылал за ним прежде, но ни у кого не мог добиться ответа. Таким образом, как бы Божьим провидением было указано имя новорожденного.

В Смутное время в Кремле. Гонцы. Художник А. М. Васнецов

Восстание Болотникова. Художник Э. Лиснер

Оборона Троице-Сергиева монастыря. Художник С. Милорадович

Освобождение Москвы в 1612 г. Художник Э. Лиснер

Монета эпохи Святого Владимира

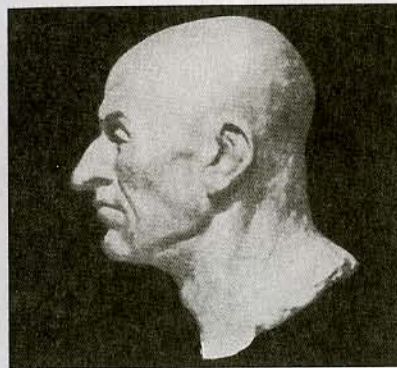
Ярослав Мудрый.
Реконструкция М. М. Герасимова

Саркофаг Ярослава Мудрого
в Софийском соборе в Киеве

Борис и Глеб. Икона

Буй-Тур Всеволод Святославич.
Реконструкция М. М. Герасимова

Монета эпохи Владимира Мономаха

Анна Ярославна.
Скульптура в монастыре
св. Винсента
(Франция)

Памятник Юрию Долгорукому в Москве

Андрей Боголюбский.
Реконструкция М. М. Герасимова

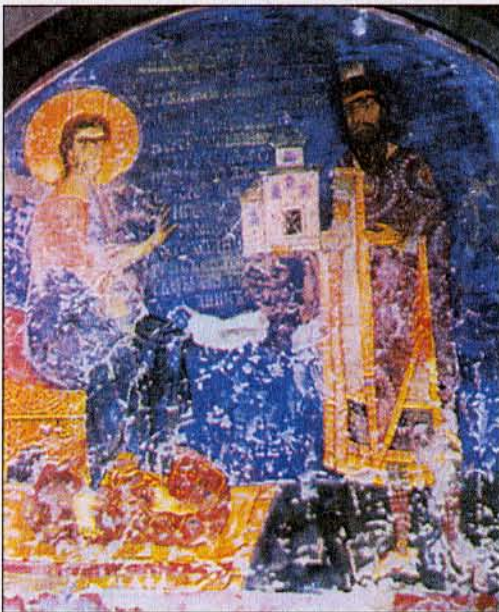

Предполагаемое изображение Всеволода III на иконе Дмитрий Солунский

Скульптурный портрет Всеволода с сыновьями

Портрет Ярослава Всеволодовича
в церкви Спаса Нередицы

Покров «Князь Георгий
Всеволодович». XVII в.
Шитье.

Александр Невский. Фреска Архангельского собора Московского Кремля

Князь Лев Данилович Галицкий.
Художник Л. Долинский. XVIII в.

Иван Калита

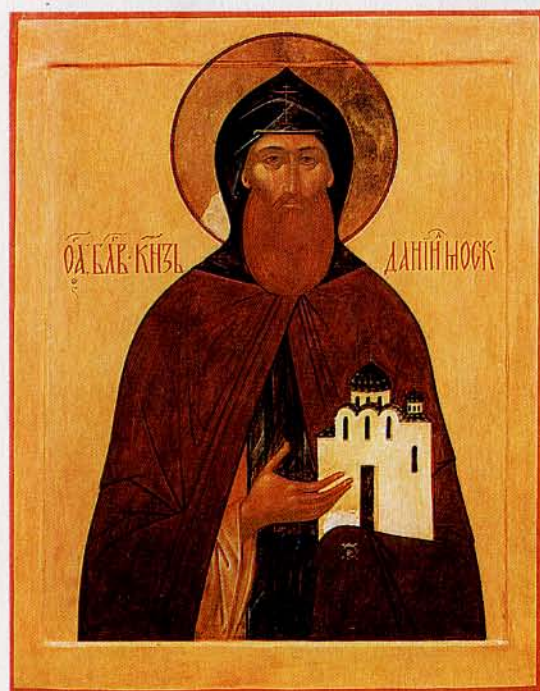
Семён Гордый

Фрески Архангельского собора Московского Кремля

Иван II

Дмитрий Донской

Князь Даниил Александрович
Московский.
Современная икона

Василий I
и Софья
Витовтовна.
Фрагмент
саккоса митро-
полита Фотия

Князь Василий Ярославич Боровский.
Фреска Архангельского собора Московского
Кремля

Василий II Темный.
Миниатюра Титулярника 1672 г.

Иван III. Портрет XVI в.

Софья Палеолог.
Реконструкция С. А. Никитина

Василий III.
Портрет XVI в.

Предполагаемое изображение
княгини Ефросинии Старицкой.
Фрагмент плащаницы «Положе-
ние во гроб». 1565 г.

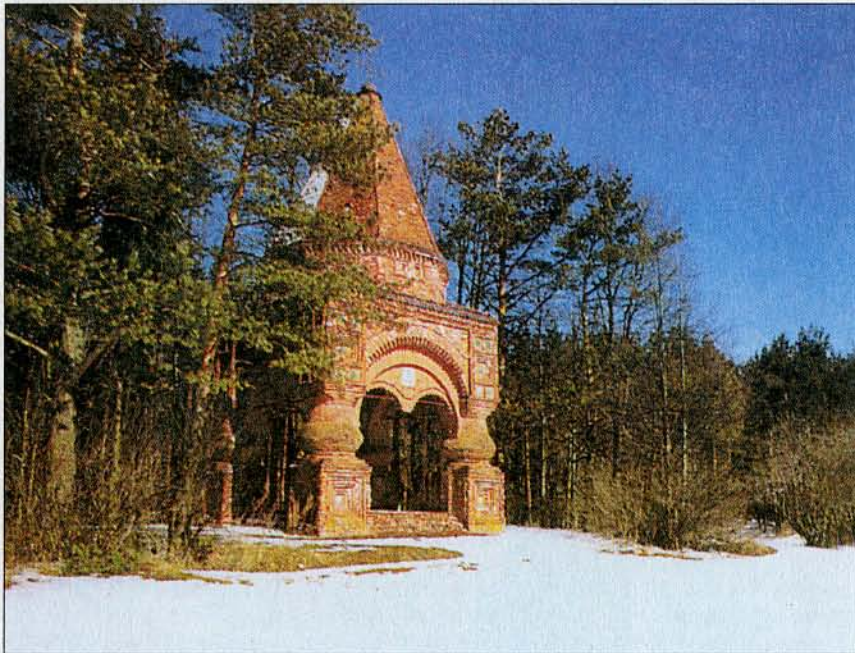
Иван Грозный.
Парсуна XVI в.

Царь Фёдор Иоаннович.
Парсуна

Часовня «Крест» на месте рождения царя Фёдора

После смерти Василия I, поскольку новый московский князь был еще ребенком, реальная политическая власть сосредоточилась в руках энергичной и властолюбивой его матери — Софьи Витовтовны, а также деятельного митрополита Фотия и боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, который начал играть большую роль при московском дворе. Ситуация осложнялась тем, что у молодого князя имелось несколько дядьев, среди которых особенно выделялся Юрий (Георгий) Дмитриевич, князь звенигородский, унаследовавший пассионарность своего великого отца — Дмитрия Донского.

С первых же дней правления Василия II Юрий выступил в качестве претендента на московский великокняжеский стол. Тому имелись некоторые основания. В своих претензиях князь опирался на завещание Дмитрия Донского. Дело в том, что в этом завещании, написанном незадолго до кончины героя Куликовской битвы, в 1389 году, было такое место: «А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князю Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгиня». То есть в случае смерти Василия I московский стол должен был перейти к следующему по старшинству сыну Дмитрия Донского, каковым и являлся Юрий. Намерения Донского можно легко объяснить: он хотел, чтобы московский стол оставался в его семье, а не перешел, например, к Владимиру Храброму, то есть к другой ветви рода Калиты. Когда составлялась духовная, Василий I ещё не был женат и у него не было детей. Также и другие сыновья Дмитрия Донского потомков не имели. Поэтому Донской говорил только о своих детях, а не о внуках, которые ещё не родились. Василий I, умирая, передал своё наследие сыну. Таким образом, получилось противоречие между двумя документами. Когда Юрий предъявил претензии на стол, он буквально трактовал завещание своего отца, не основываясь на его внутреннем смысле. Василий II исходил, напротив, из реального положения дел. Думается, Юрий осознавал неправильность своих притязаний, но решил «уцепиться» за букву духовной грамоты, имевшей 35-летнюю давность. Юрий Дмитриевич был человеком, миновавшим уже 50-летний рубеж своей жизни, и имел четырёх молодых, уже самостоятельных сыновей в возрасте 20–24 лет, которые стремились к самоутверждению. В целом вся эта семья представляла большую опасность для малолетнего Василия.

Сразу после смерти Василия I митрополит Фотий послал в Звенигород своего боярина Акинфа Ослебятева. Посланец должен был пригласить Юрия в столицу для принесения присяги новому князю. Выбор посла был удачен — родственник героя Куликовской битвы Осляби должен был внушить доверие сыну Дмитрия Донского. Однако Юрий уклонился от приглашения. Опасаясь, возможно, западни, он не только не поехал в Москву, но и покинул Звенигород, отправившись в далёкий Галич. Так было положено начало московской усьобицы 1425—1453 годов. Уже из Галича Юрий отправил своих послов в Москву просить временного перемирия до конца июня, на что получил положительный ответ. Эту передышку Юрий использовал для подготовки к осуществлению своих коварных за-

мыслов. В Галиче начали собираться верные Юрию войска для похода на Москву.

Но и в Москве «не дремали». При поддержке других своих дядьев, находившихся тогда в столице, Василию удалось собрать большое ополчение. Оно двинулось к Костроме, желая, таким образом, предупредить действия Юрия. Юрий, очевидно, не был готов к борьбе и бежал в Нижний Новгород, а оттуда ещё дальше — за реку Суру. В погону за мятежным князем был направлен его младший брат Константин Дмитриевич. Но его действия не были успешными, вскоре он вернулся в Москву, куда затем прибыли послы Юрия, возвратившегося, когда миновала опасность, в Галич. Звенигородский князь опять просил у Василия перемирия на год.

В июне 1425 года в Галич выехал митрополит Фотий, который должен был договориться с Юрием о мире, а не о временном перемирии. Юрий Дмитриевич собрал множество людей из своих городов и деревень и расположил их на загородной горе, по которой проезжал митрополит. Таким образом, Юрий хотел показать митрополиту, а вместе с тем и московскому князю, что у него имеются значительные силы для войны с Москвой. Прибыв в Галич, Фотий совершил моление в соборной церкви Преображения Господня, а затем, окинув взором толпу народа, обратился к Юрию со следующими словами: «... сыну, не видах столико народа в овчих шерстех, вси бо бяху в сермягах». Язвительное замечание митрополита свело на нет предполагавшийся эффект от демонстрации, устроенной Юрием. Фотий заговорил с князем о мире, Юрий же настаивал только на перемирии. Оно было нужно князю для того, чтобы накопить силы и начать переговоры в Орде.

Надо заметить, что Юрий решил в своей дальнейшей политике попытаться использовать авторитет Орды, которая оставалась пока ещё страшной силой. По мнению звенигородского князя, утверждение великого московского и владимирского князя должно было произойти по повелению золотоордынского хана. В этом случае Юрий выглядел бы как законопослушный, преданный хану правитель, а Василий — как мятежник и отступник. Переговоры закончились разрывом. Фотий в гневе покинул город и не дал благословения ни Юрию, ни его сторонникам. В это время вдруг начался мор в Галиче. Юрий, придав этому огромное значение как каре за противоречие митрополиту, быстро сел на коня и пустился вдогонку. Он нагнал Фотия в селе Пасынкове и едва уговорил вернуться в город. На этот раз звенигородский князь оказался уступчивее. Удалось утвердить мир, по которому Юрий обязывался не искать великокняжеского стола самолично, в то же время спорный вопрос о престолонаследии должен был быть решен в Орде ханом. Этот компромисс, вероятно, устроил обе стороны. Фотий благословил галичан, и мор прекратился. Вновь наступила небольшая передышка.

В это время активизировался беспокойный литовский князь Витовт, не оставлявший надежду захватить власть в северных русских городах — Пскове и Новгороде. В 1426 году Витовт вторгся в земли Псковского государства и подошел к Опочке (в войске Витовта значи-

тельную силу составляли и ордынцы). Жители города придумали хитрость. Они построили на пути к Опочке мост, который держался на тонких веревках, а под мостом поставили частокол острыми концами кольев вверх. Когда воины литовского князя бросились по мосту на город, русские подрезали веревки, и враги попадали вниз на колья. Много литовцев было взято в плен и казнено. Витовт отступил к городу Вороначу. Но и здесь неудачи сопутствовали ему. Над станом князя разразилась страшная гроза. Ураган настолько потряс Витовта, что этот грозный воитель, в страхе цепляясь за шатерный столб, вопил беспрерывно, думая, что земля под ним вот-вот разверзнется и поглотит его. Псковичи тем временем снеслись с великим князем, который направил к своему деду посольство с просьбой о мире. К словам псковичи добавили и 3000 рублей. Витовт, взяв почему-то только 1000 и вняв ходатайствам Василия, заключил с Псковом мир и отошёл домой.

Между тем вопрос о поездке князей в Орду затягивался. В 1428 году дядя и племянник заключили новый договор, очень выгодный для Юрия, признавшего себя «младшим братом» по отношению к московскому князю. Удел Юрия ограничивался Галичем и Вяткой. При этом Василий обязывался помогать галицкому князю, что вскоре и доказал на деле. В 1429 году к Галичу подошли ордынцы. Они осаждали город примерно месяц, но не могли взять его, разоряя лишь окрестности. На Крещение (6 января 1429 года) набегом была взята Кострома и два других небольших городка. Захватив добычу, ордынцы ушли на Волгу. Василий послал за ними погону под водительством князей Андрея и Константина Дмитриевича и нескольких воевод. Поход оказался неудачным, лишь отдельным отрядам удалось разгромить небольшие группы врагов и отбить полон. «Царевича и князя» Алибабу так и не догнали. Неблагодарный Юрий зимой 1430 года «разверже мир» с Василием, и московский князь послал дядю Константина на Галич. Ситуация 1425 года повторилась в точности: Юрий бежал на Суру, а Константин не сумел переправиться за реку и вернулся в Москву. Юрий перебрался в Нижний Новгород, а потом вернулся в Галич.

В 1430 же году Василий ездил к Витовту на пир в Троки по случаю предполагавшейся его коронации. Туда же, помимо московского князя и митрополита Фотия, приехали князья тверской, рязанский, представители ордынцев, послы Византии, находившийся в изгнании Валашский господарь, король Польши Ягайло, великий магистр Прусский, ландмаршал Ливонский и некоторые другие, более мелкие правители. Но коронация расстроилась из-за активного противодействия польских магнатов, и Витовт так и остался без короны. Эта неудача, по-видимому, настолько сильно подточила его силы, что в том же году он скончался, а литовским князем стал другой Гедиминович, брат Ягайло, — Свидригайло. Со смертью Витовта ушла в небытие целая эпоха истории Литвы и русско-литовских взаимоотношений. В следующем году, 2 июля, скончался и митрополит Фотий. Уход с политической арены таких крупных фигур развязал руки Юрию, решившему, что те-

перь он может добиться успеха в Орде. Оба князя начали приготовления к отъезду.

В августе, после длительных молебнов и раздачи милостыни по монастырям, отобедав на луку против Симонова монастыря, Василий II поехал в Орду ко двору хана Улу-Мухаммеда в сопровождении хитрого и ловкого боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, потомка смоленских удельных князей, служившего по Москве. Чуть позже, в середине сентября того же 1431 года, поспешил в Орду и Юрий, вернувшийся великому князю договор 1428 года со «складною вместе». Оба претендента отправились к хану с богатыми дарами, без которых, как водится, ни одно дело не решалось. В Орде у Василия нашёлся влиятельный покровитель — некий вельможа Минбулат, который оказывал московскому князю «честь великую». Юрия же он держал «в истоме», то есть попросту в плену. Но и за Юрия вступился покровитель — знатный ордынец Тегиня из известного рода Ширинов. Он «силою» забрал галицкого князя от Минбулата и вместе с ним отправился в Крым, где они и провели всю зиму. Тегиня обещал Юрию поддержку, но и москвичи не сидели сложа руки. Боярин Всеволожский провёл в пользу Василия большую «работу» среди ордынской аристократии. Особым влиянием здесь пользовался князь Айдар, которому Всеволожский сумел внушить мысль, что в случае передачи ярлыка Юрию возрастёт и влияние при дворе Тегини, грозившее Айдару и другим князьям серьёзными осложнениями («а вас что тогда будет?»). Кроме того, Юрий был «по-братимом» Свидригайло, с которым у ордынских вельмож сложились сложные отношения.

Власть хана в Орде всё более и более попадала в зависимость от влияния тех или иных усилившихся вельмож, это не было уже прежде единодержавие, поэтому голоса Айдара и других ордынцев достигли цели. Улу-Мухаммед решил передать стол Василию и приказал, как только появится Тегиня, убить его. Весной 1432 года Тегиня и Юрий приехали из Крыма. Они были предупреждены верными людьми о решении хана, но Юрий решил идти до конца. Разгорелся спор князей, каждый предъявлял свои аргументы, но исход дела решил все тот же Всеволожский. Он выступил перед ханом с речью, в которой отметил, что Юрий хочет стать князем не по воле хана, а по «мертвой грамоте отца своего», Василий же, напротив, добивается, прежде всего, ханского ярлыка, так как признаёт себя вассалом Орды, а Русь ее улусом. К тому же хитрый царедворец как бы невзначай заметил, что Василий уже который год сидит на престоле, исправно неся службу «тебе, своему государю». Эти слова решили исход разбирательства: Улу-Мухаммед отдал ярлык Василию, но, опасаясь Тегини, присоединил к владениям Юрия и выморочный Дмитров. Юрий должен был вести коня под Василием в знак покорности, но великодушный великий князь освободил своего дядю от такого унижения. По возвращении на Русь Василий был поставлен в Москве на великокняжеский стол ордынским послом царевичем Мансыр-уланом 5 октября 1432 года. Юрий ушел к себе в Галич, Дмитров Василий скоро присоединил к своим владениям. Но успокоение на Руси опять оказалось лишь временным.

Дальнейшая борьба за Москву разгорелась по инициативе все того же боярина Всеволожского.

Московский князь достиг совершеннолетия, надо было подумать и о будущем престола. Поэтому осенью 1432 года состоялось обручение Василия с сестрой серпуховского и боровского князя Василия Ярославича — Марией. Это событие привело в смятение Всеволожского. Хитрый авантюрист стремился к лидирующему положению в политической жизни Руси. Проводя умелую матримониальную политику, он хотел подчинить своему влиянию практически все крупные княжества. Сам Всеволожский был женат на внучке Василия Вельяминова, московского тысяцкого, одна из дочерей Ивана Дмитриевича была женой сына Владимира Храброго — Андрея Радонежского. Их дочь, в свою очередь, обручилась с Василием Юрьевичем, сыном Юрия звенигородского и галицкого. Ещё одна дочь Всеволожского вышла замуж за тверского великого князя. Мечтал Всеволожский и о родстве с Василием, намереваясь выдать за него какую-либо свою родственницу. И вот теперь планы интригана рушились. Желая добиться реванша, Всеволожский отправился в Углич к Константину Дмитриевичу, затем в Тверь, но, не найдя ни там, ни там поддержки, наконец, прибыл в Галич к Юрию.

Между тем 8 февраля 1433 года в Москве состоялась свадьба Василия II с Марией боровской. На свадьбе Юрий не присутствовал, но были приглашены два его сына — Василий и Дмитрий Шемяка (прозвище Шемяка происходит от татарского слова «чимэк» — «наряд»; помимо Дмитрия Юрьевича, это прозвание носили из Рюриковичей ещё два князя — князь Иван Васильевич Пронский, потомок рязанских князей, живший в XVI веке, и князь Дмитрий Данилович Гагарин, из рода стародубских князей, служивший воеводой в Свяжске в 1571 году). Во время пиршества великая княгиня Софья Витовтовна увидела на Василии Юрьевиче драгоценный пояс, который когда-то принадлежал Дмитрию Донскому. По преданию, этот пояс был приданым Евдокии, но на свадьбе Донского тысяцкий Василий Вельяминов якобы подменил его. Потом пояс перешёл к сыну Вельяминова — Микуле, от него к его дочери, ставшей женой Ивана Всеволожского, и далее, через родственные связи оказался в руках Василия Юрьевича. Софья в гневе сорвала пояс с Василия прямо на пиру, и оскорбленные Юрьевичи уехали из Москвы к отцу. (Этот исторический момент послужил впоследствии сюжетом для известной картины П. П. Чистякова, хранящейся в Русском музее и ныне.) По некоторым известиям, пояс на Василии опознал боярин Захарий Иванович Кошкин, предок Романовых, который был двоюродным дядей Марии Ярославны.

Страсти разгорелись, давняя вражда вспыхнула с новой силой. Юрий собрал войско и выступил на Москву. Великий князь узнал о действиях своего дяди, когда тот уже был в Переяславле. Василий II отправил спешно к Юрию посольство, которое прибыло к нему у Троице-Сергиева монастыря. Предложение о мире было отвергнуто главным образом благодаря всё тому же неугомонному Всеволожскому. Боярин не дал послам «о миру ни слова молвити», вследствие чего

между боярами «бысть брань велика и слова неподобныя». Послы великого князя вернулись в Москву «бездельными», то есть ничего не достигши. Василий II, собрав сколько мог воинов, выступил в поход и встретил дядю на берегу Клязьмы в верстах 20 от Москвы. Нестройные полки Василия II не выдержали боя, московское же ополчение вообще показало себя с самой худшей стороны, москвичи не оказали никакой реальной помощи: «мнози бо от них пьяни бяху, а и з собою мёд везяху, чтоб пити еще». Приехав в Москву, Василий забрал жену и мать и ринулся в Тверь, а оттуда в Кострому. Юрий отправился вслед за ним и захватил великого князя в плен. Василию II пришлось бить челом новому московскому князю. Юрий дал в удел племяннику Коломну и после пира отпустил его туда вместе со всеми боярами. Сам же бывший звенигородский князь наконец-то достиг желанной цели: занял московский великокняжеский стол.

При Юрии ведущее положение в управлении государством занял его фаворит боярин Семён Морозов. Именно через Морозова Василий II выхлопотал себе Коломну. Это вызвало неудовольствие многих бояр, настроенных решительно на борьбу с Василием II. Закрепившись в Коломне, Василий «нача звати к себе людей ото всюду». Из Москвы стали уезжать видные бояре, преданные Василию. Усилилось недовольство и Морозовым, что способствовало бегству из города и части бояр Юрия. Всё это делало власть Юрия непрочной, а положение шатким.

Морозов вызвал неудовольствие и сыновей Юрия — Василия и Дмитрия Шемяки. В сенях кремлевского дворца между ними разгорелась бурная сцена, в результате которой братья убили Морозова, а сами, опасаясь гнева отца, бежали в Кострому. Юрий, видимо, поняв, что ему не удастся удержать власть, сам обратился к Василию с предложением о мире. Прибыв в Москву, Василий заключил с дядей договор, по которому Юрий отказывался за себя и за младшего сына Дмитрия Красного не принимать к себе и не поддерживать старших сыновей, возвращал Василию II все его владения, включая Дмитров, а также всё захваченное в Москве и пленников. После этого Юрий уехал в Звенигород, а затем в Галич. Боярин Всеволожский, изменник и предатель, был схвачен и ослеплён, а всё его имущество перешло в казну.

В том же 1433 году Василий II послал войско под руководством своего воеводы князя Юрия Патрикеевича (это предок князей Хованских, Голицыных и Куракиных) в Кострому против Юрьевичей. На реке Куси произошла битва, в которой войнство великого князя было разбито (28 сентября 1433 г.). Юрий Дмитриевич, видимо, нарушил свой договор, так как на стороне Юрьевичей сражались и его полки. В ответ Василий II с большой ратью приступил к Галичу и сжёг его. Юрий бежал в Белоозеро, а потом вернулся в разорённый Галич, откуда призвал своих сыновей объединиться в борьбе с Василием II. Весной 1434 года войско Юрия встретилось с войском Василия II в Ростовской области. Московский князь потерпел поражение и бежал в Новгород. 31 марта 1434 года Юрий без труда овладел Москвой, пленил обеих вели-

ких княгинь и отправил их в Звенигород. Так Юрий вторично стал московским князем.

Василий II тем временем перебрался в Нижний Новгород, куда Юрий послал рать во главе с сыновьями для поимки бывшего московского князя. Но в пути Юрьевичи узнали о внезапной кончине своего отца 5 июня 1434 года. Московский стол занял Василий Юрьевич, но не удержался на нём более месяца. Его братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не поддержали его и пригласили в Москву Василия II. Василий Юрьевич бежал в Кострому, Василий II вновь стал московским князем, а Шемяка получил Углич и Ржеву. Василий Юрьевич попытался было взять реванш и отправился из Костромы на Москву, но 6 января 1435 года в битве на реке Которосли, между Ростовом и Ярославлем, был разбит и бежал назад. Василий II двинулся на Кострому, но до сражения дело не дошло, Василий Юрьевич признал себя «младшим братом» московскому князю и довольствовался Дмитровом.

И снова докончание оказалось недолговечным. Пробыв в Дмитрове всего месяц, Василий Юрьевич отправил московскому князю «размётные грамоты», а сам уехал в Кострому. Зимой 1435/36 года он захватил Галич и Устюг. Тем временем в Москву приехал Дмитрий Шемяка звать Василия II на свою свадьбу в Углич. Московский князь приказал схватить его. Это вызвало неудовольствие сторонников Шемяки, и весь его двор переметнулся на сторону Василия Юрьевича. Снова началась война. Войска двух Василиев встретились в сражении на реке Черехе (Ростовская земля) 14 мая 1436 года. Рать Василия Юрьевича была наголову разбита, а сам незадачливый авантюрист попал в плен. Его привезли в Москву и взяли под стражу. 21 мая 1436 года Василий Юрьевич был ослеплён по приказу Василия II и стал таким образом «Косым», под этим прозвищем войдя в историю. Еще один противник Василия II был повержен. Косой прожил после этого 12 лет (очевидно, в тюрьме) и умер в 1448 году. После победы над Косым Василий II призвал к себе Шемяку, который до этого был препровожден на жительство в Коломну, и Дмитрий Юрьевич в страхе прибыл в Москву. Великий князь заключил с двоюродным братом договор и отпустил его в свой удел (Углич и Ржева). Однако Шемяка затаил злобу на московского князя, которая потом стала причиной ещё одного витка московской великой усобицы.

Тем временем изменения политического характера произошли и в Орде. Здесь один из сыновей Тохтамыша — Сеид-Ахмед изгнал Улу-Мухаммеда, и тот с небольшим отрядом пришел в район города Белева на русской границе, поставил там городок и решил зимовать (1437 г.). Это, конечно, не могло понравиться Василию II. Московский князь направил против бывшего хана рать во главе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Еще недавно Василий ездил к Улу-Мухаммеду на поклон, и вот теперь сам хан принужден был искать спасения в русских землях. По пути к Белёву братья Юрьевичи вели себя как заправские разбойники: «все пограбиша у своего же православного христьянства, и мучаху людей из добытка, и животину бьюще, назад к себе отсылаху, все грабаху и неподобная и скверная деяху». Первона-

чально успех сопутствовал московскому войску, ордынцы были разбиты и отброшены в город. Хан отправил к Юрьевичам посольство, предлагая своего сына в заложники и обещая (в случае занятия ханского престола) всяческую помощь Москве и отказ от русской дани. Бывший властитель Золотой Орды, таким образом, почти оказался на положении пленника. Воеводы Василия отвергли все предложения хана и решили добить ордынцев. 5 декабря 1437 года состоялось новое сражение, в котором, благодаря измене мценского воеводы Григория Протасьева, Улу-Мухаммеду удалось разбить русские полки. Впоследствии Протасьев был «пойман» и по приказу Василия ослеплён. Изпод Белева Улу-Мухаммед отошел на Волгу, где формировалось Казанское ханство. Бывший хан Золотой Орды стал правителем этого государства.

Ободренный успехом «белёвщины», 3 июля 1439 года Улу-Мухаммед внезапно с большими силами подступил к стенам Москвы. Действия Василия II не отличались оригинальностью. Не успев, разумеется, подготовиться к отпору врага, он уехал из Москвы за Волгу. Оборону города возглавил воевода Юрий Патрикеевич. Ордынцы стояли под Москвой 10 дней, взять город им не удалось, но они сожгли посад и захватили большой полон. На обратном пути хан сжег Коломну «и людей множество плени, а иных изсекл». После отхода Улу-Мухаммеда Василий отправил в Москву наместником Дмитрия Красного, а сам прожил всю зиму в Переяславле и Ростове, «бе бо посады пожджены от татар, и люди посечены, и смрад велик от них». Во время осады Москвы Шемяка не послал свои полки на помощь великому князю.

Неприятные отношения между кузенами вылились вскоре в очередной конфликт. Осенью 1441 года Василий неожиданно пошёл на Углич. Для Шемяки это было полной неожиданностью, и он мог попасть в плен, если бы не предупреждение дьяка Кулудара Ирежского. Впоследствии дьяк был лишён своего звания и наказан по распоряжению Василия кнутом. Князь Дмитрий бежал в Бежецкий Верх, откуда послал в Новгород просить новгородцев принять его. Ответ горожан был уклончив: «Хошь, княже, и ты к нам поеди; а не всхошь, ино как тебе любо». Шемяка, видимо, решил, что пока с новгородцами связываться не стоит, и, собрав рать, двинулся на Василия. К Юрьевичу присоединился и князь Александр Чарторыйский, потомок Гедимины, недавно убивший вместе с братом Иваном великого литовского князя Сигизмунда.

Под Троицким монастырем врагов помирил игумен Зиновий. Василий и Дмитрий составили договор, по которому в удел Шемяки входили Галич, Руза, Вышгород, Углич и Ржева.

Ордынцы продолжали совершать набеги на русские земли. Зимой 1443 года царевич Мустафа пошёл в Рязанскую землю, пожёг села и забрал большой полон. Потом он продавал пленников самим же рязанцам. Зима выдалась лютой, стояли трескучие морозы, и Мустафа вновь вернулся в Рязань, но теперь уже не в качестве захватчика, а на зимовку. Узнав об этом, великий князь послал на Мустафу войско под руководством воевод князей Василия Оболенского и Андрея Фёдоровича

Голтяева. К ним присоединилась и мордва на лыжах. Бой произошел на реке Листани. Ордынцы не могли стрелять из обледеневших луков, но сражались отчаянно, не желая сдаваться в плен. Татарское войско было разбито, среди погибших был и Мустафа.

Казанский хан Улу-Мухаммед также продолжал беспокоить русские пределы. Зимой 1444 года он вошел в Нижний Новгород, а затем захватил и Муром. В Нижнем небольшая кучка жителей заперлась в крепости, построенной ещё князем Дмитрием Константиновичем, и выдержала ордынскую осаду. Василию II удалось выбить татар из Мурома, но весной в Москву пришло известие, что Улу-Мухаммед послал на великого князя своих сыновей Мамутяка и Якуба. Собрав войско, Василий выступил в поход и вскоре был в Юрьеве. Сюда прибежали и нижегородские воеводы. Доведенные голодом до крайности и не выдержав долгой осады, они ночью подожгли крепость и бежали. Поход Василия был плохо организован. Шемяка вообще не явился на помощь. 6 июля 1445 года русское войско вышло к реке Каменке и остановилось у Спасо-Евфимьева монастыря недалеко от Суздаля. Ранним утром 7 июля Василий получил известие, что ордынцы перешли реку Нерль. Битва у монастыря оказалась трагедией для русских. Великий московский князь попал в плен.

Остановившиеся в Евфимьевом монастыре ордынцы послали в Москву одного из своих с известием к великим княгиням о пленении Василия II. В качестве доказательства ордынец вез нательный крест московского князя. Узнав о случившемся, москвичи всполошились. Ситуацию усугубил страшный пожар 14 июля, во время которого город сильно пострадал, в огне сгорело 2000 человек. В Москве началась паника. Все ожидали прихода Улу-Мухаммеда. Великие княгини выехали в Ростов, многие горожане стали также покидать Москву. Однако паника улеглась, когда сами москвичи организовались: стали укреплять городские ворота, а тех, кто хотел бежать, хватили и ковали в цепи. Власть в городе перешла к Дмитрию Шемяке, который вернул Софью Витовтовну силой назад. Улу-Мухаммед направил к Шемяке своего посла Бегича, тот был принят новым князем и отпущен «с честью» вместе с дьяком Фёдором Дубенским, через которого Шемяка просил хана не выпускать Василия из плена.

Но события повернулись по-иному. Долгое время не получая известий от Бегича, Улу-Мухаммед решил, что он убит Шемякой, и 1 октября отпустил Василия II и других пленников на Русь с условием выкупа. Вместе с Василием в Москву двинулся большой ордынский отряд. Посольство Бегича было перехвачено, а сам мурза погиб. Шемяка в ужасе бежал в Углич. 17 ноября Василий подъехал к Москве и остановился в Ваганькове, в доме своей матери, а затем переехал в дом князя Юрия Патрикеевича, поскольку после пожара город еще не успели отстроить.

Дмитрий Юрьевич, впрочем, вовсе не собирался мириться со своим положением и решил использовать антиордынские настроения русского общества для создания коалиции против Василия. Апеллируя, прежде всего, к тому, что Василий навёл на Русь татар и хочет отдать им на откуп все русские земли, а самому сесть в Тве-

ри, Шемяке удалось привлечь на свою сторону князя Ивана Андреевича Можайского, князя Бориса Александровича тверского, многих бояр, воевод, даже монахов Троицкого монастыря. Заговорщики ждали лишь удобного случая для осуществления своих замыслов. В начале февраля 1446 года Василий отправился на богомолье в Троицкий монастырь поклониться мощам святого Сергия. Воспользовавшись этим, Шемяка и Иван Андреевич ночью 12 февраля внезапно взяли Москву. Они схватили обеих великих княгинь и всю великокняжескую казну. Шемяка отправил Можайского князя к Троицкому монастырю, чтобы захватить Василия. Московский князь был предупрежден об опасности, но ограничился лишь установлением «сторожи» на горе у Радонежа.

Иван Андреевич применил хитрость. К Радонежу подошел обоз из саней, в санях же под рогожей спрятались по два ратника, а третий шел сзади саней, как будто извозчик с обыкновенным возом. Когда обоз миновал стражу, воины Ивана повыскакивали из саней и захватили всех стражников Василия. Затем сторонники Шемяки ворвались в Троицкий монастырь и пленили московского князя. В ночь с 13 на 14 февраля Василий II был привезён в Москву и ослеплён. С тех пор он стал «Тёмным», под таким прозвищем войдя в историю. Несчастливого князя, который на себе испытал ужас этой казни, применявшейся им самим ранее неоднократно, отправили в Углич, Софью Витовтовну сослали на Чухому. Детям Василия удалось спастись еще из Троицкого монастыря, они укрылись в Муроме. Началось новое московское княжение, во главе государства стал Дмитрий Шемяка.

Но князь-узурпатор недолго удержался на столе. Положение его было шатким. Сторонники Василия составили сильный заговор с целью освободить бывшего великого князя.

Пытаясь как-то нейтрализовать врагов, Шемяка созвал в Москве нечто вроде церковного собора, на котором присутствовали также и видные бояре. Он обратился к собравшимся с просьбой о совете, как ему быть далее. Иерархи высказались за переговоры с Василием. Вместе с участниками совета Шемяка выехал в Углич, где встретился с великим князем. Василий II прилюдно покаялся в своих грехах, а именно в нарушении крестного целования, в убийствах многих людей и т. д. Во всем он возлагал вину на себя и говорил даже, что достоин смертной казни и только по милости Шемяки жив. Слова Василия возымели действие. Шемяка примирился с ним, 15 сентября 1446 года выпустил из тюрьмы и дал в удел Вологду. Теперь Вологда, а после и Тверь, куда переехал Василий, стала центром оппозиции Шемяке. В Твери состоялось и обручение сына Василия — Ивана, будущего III, с дочерью князя Бориса — Марией.

Шемяка и Иван Можайский выступили из Москвы навстречу своим врагам и остановились в Волоколамске. Между тем отряд сторонников Василия на Рождество (25 декабря 1446 г.) внезапно захватил Москву. Тогда из столицы выезжала вдова князя Василия Владимировича (это сын Владимира Храброго) Ульяна, и по этому случаю городские ворота были открыты. Захватив Москву, воеводы Василия привели жителей к присяге и стали укреплять город. Ос-

новные силы Василия из Твери пошли на Волок. Узнав о захвате Москвы, Шемяка и Иван Андреевич, войско которых распалось и таяло с каждым днем, поспешно бежали в Галич, затем в Чухому, а потом в Каргополь.

Василий въехал в Москву 17 февраля 1447 года, а вскоре добился от Шемяки освобождения и Софьи Витовтовны. В 1448 году двоюродные братья заключили мир, который на следующий же год был нарушен. В 1449 году Иван Можайский перешёл на сторону великого князя. Наконец, в январе 1450 года войско московского князя подошло к Галичу. В битве 27 января Шемяка потерпел сокрушительное поражение и едва спасся. Юрьевич «окопался» в Новгороде, откуда ещё раз пытался изменить положение вещей, стремясь захватить Устюг. Но Василий с помощью ордынских отрядов пресёк эту попытку.

Конец многолетней вражде князей был положен лишь 18 июля 1453 года, когда Шемяка скоропостижно скончался в Новгороде, отравленный «агентами» Софьи Витовтовны. Подьячий Беда, привезший весть о смерти Шемяки в Москву (23 июля), был пожалован в дьяки.

Так завершилась Великая московская усобица. Василий II одержал в ней победу и двинулся дальше по пути укрепления Московского государства. Ордынская зависимость ушла в небытие, из врагов татары всё чаще и чаще стали превращаться в союзников великого князя. Правда, в 1451 году сын хана Сеид-Ахмеда царевич Мазовща совершил поход на Москву. Не успев собрать силы, Василий вышел было навстречу неприятелю, но повернул назад. Оставив в Москве Софью Витовтовну, митрополита Иону, сына Юрия и бояр, князь с сыном Иваном поехал к Волге, а жену с малолетними детьми отправил в Углич. 2 июля ордынцы подошли к Москве и зажгли посад. Стояла сильная жара, огонь разошёлся очень быстро, перекинулся на Кремль, горели церкви, и от дыма ничего нельзя было видеть... Наконец, пожар затих, и дым рассеялся. Москвичи стали делать вылазки за городские ворота. Освобождению Москвы способствовало странное явление. В одну ночь ордынцы услышали в городе страшный шум: думая, что это пришел с войском Василий, они побросали всю добычу и в спешке бежали из-под стен города. Получив известие об отступлении татар, великий князь вернулся в столицу.

Попытка другого сына Сеид-Ахмеда Салтана добиться успеха в русских землях не привела к реваншу ордынцев (1455 г.). Последующие вторжения татар в русские пределы (1459 и 1460 гг., во второй раз татар возглавлял хан Ахмат, будущий противник Ивана III на реке Угре) были также неудачны. В конце жизни Василий вышел в поход на Казань, но дело ограничилось миром с новым ханством.

Разделавшись с Шемякой, Василий попытался установить своё влияние и в других русских княжествах. В 1456 году он провёл три «мероприятия»: ходил в поход на Новгород, разбил его войско, взял откуп в 1000 рублей и заключил договор с городом в Яжелбицах. Затем приказал схватить князя серпуховско-боровского Василия Ярославича, верой и правдой ему всегда служившего. Василий, который к тому же был братом жены великого князя, был посажен в тюрьму, где и скон-

чался в 1483 году. И наконец, рязанский князь Иван Фёдорович дал Тёмному в опеку и свою землю, и своего сына-наследника. Василий II, однако, не решился присоединить Рязань к своим владениям и ограничился установлением контроля над ней. Таким образом, был вновь подчинен Новгород, ликвидирован серпуховско-боровский удел и династия потомков Владимира Храброго и почти лишена независимости Рязань.

В 1462 году дворяне Василия Ярославича составили заговор с целью освобождения своего князя. Однако замысел их раскрылся, и Василий II приказал казнить их страшной смертью: несчастных били кнутом, отсекали руки, вырывали ноздри и отрубали головы.

Вскоре после казней великий князь занемог. Болезнь прогрессировала, и Василий хотел принять постриг, но домашние удержали его от этого. 27 марта 1462 года Василий Тёмный скончался и был похоронен в Архангельском соборе Кремля. Свое княжество он разделил между сыновьями. Наследником великого княжения московского и владимирского становился его старший сын Иван (22.01.1440 — 27.10.1505); Юрий (1441—1473) получил Дмитров, Можайск, Серпухов и некоторые другие города; Андрей старший (1446—1494) — тоже ряд городов, в том числе Углич, Устюжну, Бежецкий Верх, Звенигород; Борис (1449—1494) — Ржев, Волок и Рузу; Андрей меньшой (1452—1481) — Вологду с Кубеной и Заозёрьем и некоторые костромские волости; вдове Марии Ярославне достались в числе прочего Ростов и Нерехта.

Правление Василия II ознаменовалось не только войнами, но и другими важными событиями. В результате денежной реформы, например, был создан в Москве единый монетный двор и установлен единый вес монет, что способствовало единению Руси. Произошли изменения и в церковной жизни. С конца 1430-х годов византийские императоры, желая обезопасить себя от угрозы турецкого завоевания, вступили в переговоры с римским папой о возможности унии, то есть объединения православной и католической церквей. По этому поводу в 1438—1439 годах в Ферраре и во Флоренции проходил церковный собор, который 5 июля 1439 года провозгласил унию, то есть фактически объединение обеих ветвей христианства под верховенством папы. Унию подписал и московский митрополит Исидор, широко образованный грек-гуманист, приехавший на собор по просьбе престарелого Константинопольского патриарха Иосифа II. В марте 1441 года Исидор вернулся в Москву и во время литургии в Успенском соборе торжественно провозгласил буллу папы Евгения IV о воссоединении церквей. Это вызвало возмущение и князя, и клира, и мирян. На четвертый день по приезде Исидора арестовали и заточили в Чудовом монастыре. Был срочно созван церковный собор, на котором большую роль играл суздальский епископ Авраамий, подписавший вместе с Исидором унию, а затем отрекшийся от нее. Собор единодушно осудил «латынство» Исидора. В сентябре 1441 года Исидор бежал из-под стражи сначала в Тверь, оттуда в Литву и потом в Рим. Московские власти направили послание патриарху Константинополя Митрофану

с просьбой фактической автокефалии русской церкви. Решение вопроса затянулось, и только 15 декабря 1448 года русским митрополитом стал рязанский епископ Иона, принимавший деятельное участие в событиях усобицы (он даже некоторое время был невольным сообщником Шемяки). Отныне избрание митрополита стало делом русского первосвященного собора, а не прерогативой константинопольского патриархата, и русская церковь, по сути, стала независимой.

В 1453 году пал Константинополь, Византийская империя прекратила свое существование, и с этого момента Русь становится главной опорой православия. Осознание этого, выраженное в концепции Москва — Третий Рим, оформилось уже во времена Василия III.

Важным результатом правления Василия II стало не только укрепление единства Московского государства, но и фактическая ликвидация ордынского ига. Василий последний из русских князей ездил в Орду. При нём на Волге было создано Касимовское ханство, вассальное от России и являвшееся своеобразным буфером на границе с Большой Ордой. Москва вышла из бурного времени кровавой усобицы и мятежей окрепшей и закалённой. Теперь ничто не мешало окончательно оформить сильное государство, освободиться от Орды, ликвидировать остатки удельной Руси и встать вровень с другими великими европейскими державами. Осуществить все это выпало на долю преемника Василия — Государя Всея Руси Ивана Великого.

ОСНОВАТЕЛЬ НОВОЙ РОССИИ

Иван III является одним из самых замечательных правителей Руси и самым выдающимся представителем династии Рюриковичей эпохи позднего средневековья. При нем окончательно завершился процесс объединения русских земель под эгидой Московского княжества, было создано сильное и могущественное государство, ликвидирована позорная зависимость Руси от Орды. Русь вышла на международную арену в качестве великой европейской державы, ничем не уступавшей другим странам, в том числе и Священной Римской империи. Москва стала естественной преемницей Византии, навсегда ушедшей в политическое небытие. Опора православия, наше государство при Иване III достигло небывалого доселе духовного расцвета. Мудрый политик, Государь Всея Руси заложил основы того, что мы и сейчас называем Великой Россией. Московское великое княжество уверенно встало на путь, ведущий к апогею своего развития — к провозглашению себя царством. Отныне страна стала подлинно независимой, и мрачные времена ордынского «царского» контроля ушли в прошлое. По сути, Иван III завершил почти все те начинания, основа которых была заложена его предками из династии Калиты. Их наследие было приумножено взвешенной политикой Ивана, принесшей превосходные плоды.

Княжич Иван родился в Москве 22 января 1440 года. С детских лет он был вовлечен в усобицу своего отца с галицко-звенигородской ветвью династии. Так, в 1447 году в Твери семилетний княжич был обручен с дочерью тверского правителя Бориса Александровича — Марией, своей троюродной сестрой. Разумеется, этот факт имел чисто политическое значение и должен был способствовать единению обоих княжеств в борьбе с Шемякой. Венчание состоялось позже, 4 августа 1452 года. Жениху было в то время 12 лет, невесте — 10. Первый ребёнок родился у Ивана в 1458 году, это был княжич Иван Иванович, имевший впоследствии весьма печальную судьбу.

После смерти отца Иван становится великим московским князем Иваном III. Начав самостоятельное правление, новый великий князь действовал, прежде всего, в двух направлениях. Во-первых, он стремился постепенно присоединять к своему государству другие русские

княжества и земли, продолжая политику централизации, начатую его предшественниками. Во-вторых, встал вопрос о выходе Руси на широкую международную арену. Сделать это было нельзя, не ликвидировав зависимость от Орды, характеризующуюся униженным положением московского князя перед ордынским «царем».

В первом направлении Иван действовал различными способами. Мы помним, что ещё при Василии II рязанский князь Иван Фёдорович перед смертью «передал» своего малолетнего сына Василия под опеку великого князя. Воспитанный в Москве княжич подрос, и в 1464 году женился на сестре Ивана, Анне. Московский князь проявил истинное великодушие: не нарушил данное его отцом слово и не воспользовался благоприятным случаем, чтобы ликвидировать самостоятельное Рязанское княжество, хотя имел для этого все возможности. Василий с молодой женой отправился на своё княжение, и Рязань таким образом оказалась в политическом плане подчиненной Москве. В сентябре 1472 года скончался один из младших Ивановых братьев князь Юрий дмитровский. Он не был женат, и поэтому его удел оказался выморочным. Перед смертью Юрий не сделал никакого завещания, и его земли должны были быть разделены между остальными братьями. Однако Иван самовольно присоединил Дмитров, Можайск и Серпухов к своим владениям. Это, безусловно, вызвало неприязнь братьев, и, чтобы как-то смягчить положение, московский князь пожаловал брату Борису Вышгород, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрею большому был передан матерью городок Романов. В 1473 году братья заключили договоры, по которым младшие обязывались «не вступаться» за земли покойного Юрия. В 1474 году Иван купил у одной из линий ростовской княжеской династии их вотчину — половину Ростова и Ростовского княжества. Таким образом, и эти традиционно великокняжеские, исконно русские земли вошли в состав Московского государства.

Одним из важнейших мероприятий Ивана III в процессе объединения русских земель вокруг Москвы стало присоединение Новгорода, начавшееся ещё в начале 1470-х годов. Уже давно на город положили глаз литовские князья, мечтавшие присоединить Новгород к своему государству или хотя бы поставить в зависимость от своей власти, используя его как опорный пункт для борьбы с Москвой. Тем не менее и московские князья считали Новгород своей вотчиной, так как он входил в круг владений великого князя. Конфликт начался в 1470 году, когда в Новгороде появился князь Михаил Олелькович, потомок Ольгерда, ставленник великого литовского князя Казимира IV Анжее Ягеллончика. Новгородцы разделились: одни поддерживали литовцев, другие — москвичей. На вече дело дошло даже до рукопашной схватки. В конечном итоге «литовская» партия одержала верх. Душой этой группировки были видные бояре Борецкие — вдова Марфа и дети покойного посадника Исаака Андреевича, склонявшиеся к признанию Казимира новгородским князем. Они уже подготовили dokonчание с великим литовским князем об этом и выгнали Михаила Олельковича из города. Это было, по сути, началом войны Новгорода за отделение от Москвы. Причём союзниками новгородских бояр

выступил не только Казимир, но также магистр Ливонского ордена Вольгус фон Герзе, предъявивший территориальные претензии верному Москве Пскову, и хан Большой Орды Ахмат. В Орду приехал посол Литвы некий Кирей Амуратович, уговаривавший Ахмата выступить в поход на Русь.

Иван III не испугался надвигавшейся опасности, в послании к новгородцам он особо подчеркнул свои родовые права на власть над городом. Это вызвало бурю на вече, и сторонники Борецких открыто заявили: «Московский князь многие обиды и неправды над нами чинит, хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимира». Великий князь Московский и митрополит Филипп направили к новгородцам посольство, пытаясь сохранить мир. Однако горожане не хотели идти на соглашение с Москвой. Весной 1471 года Иван принял решение начать войну. Впервые московский князь собирался в поход на Новгород в летнее время, которое традиционно считалось по погодным условиям неблагоприятным. Тем не менее московские рати выступили в поход. Очень быстро отдельные отряды новгородцев были разбиты московским войском. Псковичи в качестве союзников тоже начали войну с Новгородом. 14 июля на реке Шелони произошло решающее сражение, в котором войска Новгорода потерпели сокрушительное поражение. Исход битвы, вероятно, решила мощная московская конница.

Прибыв в Русь, Иван III приказал казнить часть попавших в плен бояр, взял выкуп с горожан и «мелких людей» отпустил. Вскоре в Коростыни был заключён мирный договор, по которому Новгород должен был выплатить великому князю 16 000 рублей откупа. Кроме того, для новгородцев устанавливался и великокняжеский суд. В 1475 году Иван выезжал в Новгород для суда над несколькими посадниками, на которых жаловались горожане (так называемое «Городищенское стояние»). В 1477 году в Москву прибыло посольство от части новгородского боярства, которое, стремясь сохранить свое привилегированное положение, предложило Ивану III называть себя их «государем», полностью ликвидировать новгородскую автономию, установить в городе власть княжеских наместников. Весной Иван направил ответное посольство, но, как только московский боярин Фёдор Давыдович изложил предложения Ивана по организации политической власти в городе, вече взбунтовалось. Противники Москвы опять взяли верх, и разъяренная толпа убила великокняжеских послов.

9 октября 1477 года Иван III начал новый поход против Новгорода. Новгородское войско заперлось в городе, и Иван, не встречая сопротивления, двинулся по новгородским землям. В конце ноября, пройдя по льду Ильмень-озера, московские отряды взяли город в осаду. Сам Иван 27 ноября встал на левом берегу Волхова. Начались долгие переговоры. Между тем в городе наступил голод, начался мор. Под угрозой возмущения горожан новгородские бояре приняли все предложения Ивана, согласившись даже передать ему часть владичных и монастырских земель. Это был первый в русской истории случай конфискации княжеской властью церковных имуществ, считавшихся издревле неприкосновенными. Таким путем новгородские боя-

ре пытались сохранить свои вотчины. Наконец в четверг, 15 января 1478 года, самостоятельному существованию Новгородского государства пришел конец. В город въехали московские бояре и дьяки. Во всех пяти новгородских концах горожане целовали крест великому князю. Самоуправление ликвидировалось полностью, и новгородское вече с тех пор перестало собираться. Иван «града же пленити не повелел», то есть никакое насилие над горожанами не учинялось, и присоединение Новгорода произошло мирным путем. Репрессии коснулись лишь восьмью бояр, которых, в том числе и знаменитую Марфу Борецкую («Марфа-посадница»), под конвоем отправили в Москву. Вечевой колокол Новгорода также был привезен в русскую столицу. Это означало, что Новгород органично влился в структуру земель Московского княжения. С тех пор значение его стало постепенно падать, пока и вовсе не сошло на нет. История Новгородского государства завершилась.

Присоединение новых земель к Москве продолжалось и в других северных направлениях. В 1471 году Иван направил отряд под командованием воеводы князя Фёдора Давыдовича Пёстрога-Стародубского на исследование северо-восточных земель, прилегавших к Русскому государству. Всю зиму 1471/72 года московское войско шло через непроходимые и глухие таежные леса, пока, наконец, не добралось до Камы. Оттуда воевода «на плотах и с коньми» двинулся дальше по её притокам, а затем на Чердынь. В Перми в то время находился некий князь Михаил, в политическом отношении зависевший от Новгорода. В нескольких сражениях с перьяками (самое крупное — у реки Колвы, где был взят в плен пермский воевода Качаим) московские рати одержали победу. Были захвачены некоторые городки, в том числе Искор. На слиянии рек Колвы и Почки был построен новый городок — форпост московского влияния на северо-востоке. Таким образом, северная часть Пермской земли вошла в состав Руси, и граница государства Ивана III подошла к Северному Уралу и бассейну реки Обь, тем самым Кондийским, Обдорским и Угорским землям, которые были освоены русскими позднее. Эта колонизация Севера проходила в большинстве случаев мирным путем. Постепенное продвижение на север и восток сопровождалось приведением местных племен к присяге великому князю и обложением их данью.

Объединение русских земель продолжалось и за счёт уделов ближайших родственников Ивана. Так, в июле 1481 года в Москве скончался бездетный младший брат великого князя Андрей Меньшой, владевший Вологдой. Весь свой удел он завещал Ивану. В 1482 году московский властитель заключил договор со своим родственником — внуком Дмитрием Донского Михаилом Андреевичем верейским. Последний отказывался от своих прав на Белоозеро и оставался лишь пожизненным его владельцем без права передачи владения своему сыну Василию. Однако вскоре Василий, получивший в истории прозвище «Удалой», своими руками поставил точку в недолгой истории всего Верейского княжества. Когда у Ивана III родился внук, великий князь захотел «одарить» сноху семейными ценностями. Но оказалось, что жена Ивана Софья Палеолог раздаривала великокняжеские драгоценности своему брату Андрею и его дочери Марии, жене Василия Ми-

хайловича. Разъяренный Иван приказал изъять у верейского княжича всё «приданое», а самого его схватить и посадить в тюрьму. Не дожидаясь этого, Василий Удалой бежал в Литву, где Казимир IV пожаловал ему Любеч. Поскольку наследник верейского стола остался в Литве навсегда, его отец Михаил Андреевич вынужден был заключить с Иваном договор о передаче в удел великого князя после своей смерти всех своих владений. Старый Михаил Андреевич скончался в апреле 1486 года, и его земли Верея и Малоярославец были присоединены Иваном к Московскому княжеству.

В январе 1483 года умер рязанский князь Василий Иванович. С его сыном Иваном, племянником Ивана III, был заключён новый договор, по которому Рязани запрещалось вести самостоятельную внешнюю политику. Таким образом, хотя формально княжество оставалось самостоятельным, важнейшая сфера жизни любого независимого государства была для него закрыта.

В середине 1480-х годов наступил черед другого некогда сильного княжения, давнего соперника Москвы — Твери. Силы Твери были уже не те, что раньше. Слабое княжество, под управлением князя Михаила Борисовича, который не отличался выдающимися государственными способностями, не могло более соперничать с усилившейся Москвой. Еще ранее 1485 года многие тверские бояре покинули Михаила Борисовича, видя возможный скорый конец Твери. Не имея внутренней поддержки, тверской князь мог рассчитывать только на союз с противниками Москвы, прежде всего с королем Казимиром. Это был последний шанс сохранить политическую независимость. Зимой 1484/85 года Михаил принял решение жениться на внучке короля. Это означало разрыв Твери с Москвой и её переориентацию на Литву. Иван III спешно собрал войска и двинул их на Тверь. Не готовый к войне Михаил Борисович запросил мира и заключил с Иваном договор, в котором признал себя «молодшим» братом. В договоре Иван именовал себя «великим князем Всея Руси» — в соглашении с немосковским князем этот титул фигурирует впервые. По договору Тверь отказывалась от самостоятельной внешней политики. А в сентябре 1485 года Михаил Борисович бежал в Литву, и Тверь вошла в состав Московского государства.

Другим важнейшим направлением деятельности Ивана III была борьба с Ордой и её сателлитами. Перед новым могучим государством встала задача окончательно сбросить с себя позорное ярмо ордынского ига. Уже при восшествии на престол Иван даже не стал обращаться к Орде за формальным разрешением. Время, когда московские князья униженно ездил в Орду за ярлыками на свои земли, безвозвратно прошло. Да и сама Орда вырождалась как государство. Экономика её была примитивной, ордынцы жили преимущественно грабежом соседей, взиманием дани с мелких племен, войнами. Былая слава Орды навсегда закатилась, и дряхлеющее государство лишь по инерции ещё продолжало верить в своё могущество. Но на развалинах Джучиева улуса создавались и крепились новые государства, в них ордынские силы как бы обретали второе дыхание: Казанское ханство, Астраханское, опасным соседом был и Крым. Однако их силы были несоизмеримо

меньшими, чем у Золотой Орды Узбека или Тохтамыша. Они могли лишь совершать кратковременные набеги на Русь, и, разумеется, не в состоянии были достичь превосходства над Москвой.

Мир с Казанским ханством, заключённый еще Василием II, оказался непрочным. На престоле ханства утвердился противник Москвы хан Ибрагим. Впрочем, и у великого князя был союзник — сын Улу-Мухаммеда Касым, дружественно расположенный к Москве. Иван III в 1467 году впервые попытался утвердить своего союзника в Казани, но потерпел поражение. Ибрагим не пустил Касыма и его сторонников за Волгу. Началась война, длившаяся около двух лет с переменным успехом, которая в источниках отражена под названием «Первая Казань». Летний поход 1469 года на Казань был особенно значимым. Две части русского воинства собирались в Нижнем Новгороде и в Вятке. На Казань должна была напасть лишь небольшая часть войска. Однако чуть ли не все русские воины обязательно хотели участвовать в захвате Казани, помня о том, что там в плену находились их соотечественники. На расвете 21 мая воевода Иван Руно внезапно захватил посад Казани и освободил многих пленных. Но бой с главными силами хана оказался для русских неудачным. Пришлось отступить. Северная рать также двигалась к Казани, но при впадении Камы в Волгу была встречена сильным казанским войском. В жестокой сече, понеся большие потери, русским удалось прорваться к Волге и уйти к Нижнему Новгороду. Первый этап похода окончился плачевно. Но уже в августе на Казань двинулось войско под командованием младшего брата Ивана III Юрия Васильевича. Казань была взята в осаду, и хан запросил мира. 1 сентября 1469 года был заключён мирный договор, по которому освобождались все русские пленники. Победа над Казанью была, по сути, первой после Куликовской битвы победой русских над Ордой. Иван III показал себя сильным правителем, способным противостоять ордынской опасности.

А опасность оставалась. В Большой Орде властвовал хан Ахмат, потомок старшего сына Джучи Орду, который мечтал возродить былое величие Орды. Летом 1472 года Ахмат двинул на Русь свои силы, предварительно вступив в соглашение с королем Казимиром. Возможной причиной войны была невыплата Москвой дани. Однако Казимир не помог Ахмату, так как сам в это время оказался втянутым в политическую борьбу за венгерский королевский престол.

Русские войска подошли к оборонительному рубежу Оки. Именно здесь традиционно проходили ордынцы на Москву, двигаясь через Коломну. Но Ахмат рассредоточил свои силы и решил попытаться обойти этот важный рубеж через Алексин. Небольшой городок не был готов к обороне. 29 июля ордынцы начали бешеный штурм города, но сразу взять его не удалось. Жители отчаянно сопротивлялись, не желая сдаваться. Ордынцы подожгли город и лишь 31 июля взяли его. Практически все жители Алексина погибли в огне пожаров или в боях с врагом. Сам городок сгорел дотла. Это была, пожалуй, последняя крупная жертва, принесённая Русью на алтарь войны с Ордой. Но Ахмату не удалось переправиться через Оку, он был остановлен русскими войсками.

В Москве меж тем было неспокойно. 20 июля ночью начался пожар, перекинувшийся почти на весь посад: «Огонь метало за 50 дворов и боле, а с церквей и с хором верхи срывало». Чуть было не загорелся и Кремль. Иван III проявил большое мужество, князь самолично «много постоял на всех местах, гоняючи со многими детьми боярскими, гасящи и разметываючи». Такое поведение было нетипичным для государя того времени. Казимир IV, например, в аналогичных случаях, «выбегал» с двором и казною в поле.

Получив известие о нападении на Алексин, Иван «не вкусив ничто же» поехал в Коломну, отправив сына в Ростов. У Коломны ожидали следующую попытку прорыва. В войсках великого князя были и касимовские татары во главе с царевичем Данияром, и казанский царевич Мустафа, приведший с собой значительные силы. Ахмат, увидев огромное войско, не решился начать бой и отступил. Отступление напоминало бегство: Ахмат достиг своей ставки через 6 дней. Впервые за всю историю русско-ордынских отношений хан Орды не принял вызова и ушел в степле. Это было огромной моральной победой Руси над Ордой. О выплате дани теперь не могло быть и речи.

В 1474 году Иван III пошел на союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, который очень опасался усиления Ахмата. Был заключен договор о единстве действий. С другой стороны, и сам Ахмат пытался выиграть время, прислав в Москву Кара-Кучюка с богатыми дарами. Но войны было не избежать. В 1476 году в Москве проявилось новое посольство. Посол Бочюка звал Ивана «ко царю в Орду». К этому времени Ахмату удалось свергнуть Менгли-Гирея и поставить в Крым своего союзника Джанибека. Обезопасив тылы, Ахмат решился вновь потягаться силами с Русью. Иван направил в Орду вместе с Бочюкой и своего посла, но сам явиться к хану отказался. 6 сентября 1476 года Москва провожала последнее в русской истории ордынское посольство. Ахмат, тем временем одержав ещё ряд побед (в Средней Азии и на Северном Кавказе), обратился с посланием и к турецкому султану Мухаммеду II, победителю Константинополя, но не смог долго удерживать Крым, где в 1479 году ханом вновь стал Менгли-Гирей. В 1479 году Ахмат заключил союз с Казимиром IV и определил время нападения на Русь — весна 1480 года. Оба войска должны были ударить на Москву с двух сторон. Ахмат тщательно готовился к выступлению. Он мечтал о воссоздании империи Чингисхана, считал себя наследником славы Батыея. Стремясь возродить давно ушедшее, Ахмат действовал достаточно умело. Безусловно, это был талантливый политический деятель, вновь на какое-то время поставивший Орду в ранг ведущих государств (переговоры Ахмат вёл даже с Венецианской республикой).

Момент для нападения был выбран удачно: северные области Руси конфликтовали с Орденом, внутри самой страны произошла ссора Ивана с братьями, чуть не приведшая к гражданской войне. И вот огромная Орда двинулась на Русь. Давно уже не было такого масштабного нашествия. Ахмат не рассчитывал на внезапность, желая самим движением бесчисленного войска вселить страх в души русских людей, заставить их вспомнить прежние времена. Хан как бы повторял «подвиг» Батыея.

8 июня 1480 года из Москвы отправилось передовое войско во главе с сыном великого князя Иваном Ивановичем. Русские стали создавать оборонительную линию по Оке. 23 июля в поход к Коломне выступили и основные силы во главе с Иваном III.

Однако беда, как известно, не приходит одна. Одновременно с нашествием Ахмата активизировался Орден. Магистру Бернду фон дер Борху удалось собрать стогтысячное войско и двинуться на Русский Север. Был осажден Изборск, затем Псков. Русские города подверглись бомбардировке, но пятидневная осада Пскова не принесла результатов. Магистр отступил, но это не означало конца войны. Псковичи было обратились за помощью к братьям Ивана III Андрею и Борису, которые в то время начали фактически открытую войну с Москвой, но потом не приняли их условий. В ответ братья разорили Псковскую землю и взяли с неё большой выкуп.

Между тем русское войско стояло на Оке уже несколько месяцев, изредка наблюдая на противоположном берегу реки ордынские разъезды. Увидев, что русские прочно держат оборону, Ахмат решил обойти их с фланга и двинулся к впадению в Оку реки Угры (Угра находилась на границе Руси и Литвы). Здесь Ахмат мог попытаться прорвать оборону русских, отсюда можно было ожидать и подхода войск Казимира. В этой обстановке часть русского войска начала передислокацию к Угре, а Иван выехал в Москву, где состоялся его совет с боярами и духовенством. Было принято решение ни в коем случае не уступать Ахмату и призвать на помощь братьев Ивана — мятежных князей Андрей и Бориса. Последнее удалось, так как братья видели бесперспективность своего положения: гражданскую войну им разжечь не удалось.

Нахождение Ахмата у Угры создавало непосредственную угрозу столице. Перейдя реку, хан мог очень быстро достичь московских стен. По приказу Ивана были эвакуированы некоторые русские городки, стоявшие на возможном дальнейшем пути хана. Сожгли и эвакуировали Каширу. Окрестное население стекалось в Москву, пряталось за крепостными стенами. Государева казна и семья Ивана были отправлены в Белоозеро. Мать Ивана старая Мария Ярославна (инокия Марфа) наотрез отказалась покинуть столицу и осталась в Москве. Оборона города была поручена боярину князю Ивану Юрьевичу Патрикееву (потомок Гедимины). Было принято беспрецедентное решение об эвакуации всего московского посада, который предполагалось сжечь, а жителей перевести в Кремль. Конечно, это вызвало роптание москвичей, но до мятежа, слава богу, дело не дошло. 3 октября, закончив все приготовления, Иван выехал из города. На рассвете 6 октября стоявшие у Угры русские войска увидели приближающуюся Орду. Сам Иван с основными силами подошел два дня спустя. Ахмат попытался перейти реку, но встретил мощное сопротивление русского войска, впервые в нашей истории применившего пищали. Артиллерийский огонь заставил ордынскую конницу остановиться. Четыре дня продолжались бои. Наконец 11 октября к Угре подошло войско великого князя, и хан отступил, перейдя к обороне. Началось знаменитое «стояние». За это время постоянно происходили перестрелки и локальные

попытки ордынцев то тут, то там перейти реку. Стояние затянулось, от польского короля Ахмат так и не получил подкрепления, вот-вот на помощь Ивану должны были подойти отряды Андрея и Бориса Васильевичей. Стремясь выиграть время, Иван отправил к Ахмату посольство во главе с Иваном Фёдоровичем Товарковым-Пушкиным. Переговоры результатов не дали.

Наступил ноябрь и вместе с ним ранняя зима. Угра и Ока стали покрываться льдом. В этих условиях, когда ордынцы могли быстро переправиться по льду через реки, Иван приказал основным своим силам отступить к Боровску, пытаясь занять более выгодную в стратегическом отношении позицию. На Угре были оставлены лишь сторожевые отряды. Напряжённое ожидание затянулось. И вдруг случилось необъяснимое: 9 ноября 1480 года войска Ахмата стали поворачиваться и уходить в степь. Отступление огромного войска сопровождалось разорением нескольких русских волостей и захватом полона. Конные полки братьев Ивана двинулись в погоню за ханом, при их приближении ордынцы бежали. 28 ноября Иван III с войском вступил в Москву. «И возрадовшиися все людие радостию велию зело».

12 ноября 1480 года, воскресенье, было последним днем ордынского ига на Руси, то есть последним днем эпохи русской истории, начатой в декабре 1237 года походом Батыея на Русь, и первым днем истории новой, возрожденной России. 243 года длился этот кошмар, и наконец тучи рассеялись, ордынская власть над Русью пала. Современники, вероятно, еще не понимали значения того, что совершилось на Угре, и лишь позже пришло осознание случившегося. Рассказы о падении ига обростали легендами, самая известная из которых повествовала об эпизоде, когда Иван III в гневе разорвал ханскую грамоту, что послужило формальным поводом к войне. Как бы то ни было, личное участие великого князя в этих событиях было чрезвычайно велико и сыграло большую роль в успехе всего дела.

Отошедший на зимовку в степь хан Ахмат был в январе 1481 года убит внезапно напавшим на него тюменским ханом. Войска Ахмата, лишённые вождя, распались, и Большая Орда вскоре перестала существовать как государство. С тех пор слава Ордынской империи безвозвратно ушла в прошлое. На её обломках остались мелкие государства, сила которых была несопоставима с бывшим могуществом Орды. В 1486 году в Москву прибежал один из сыновей казанского хана Ибрагима, Мохаммед-Эмин, враждовавший с братом, Али-ханом. Мохаммед признал себя вассалом Ивана III и просил у него помощи в войне с братом. 11 апреля 1487 года русские войска под предводительством князя Даниила Дмитриевича Холмского выступили в поход на Казань. В мае началась её осада, Али-хан пытался сопротивляться, но силы были неравными. 9 июня русские войска впервые вошли в Казань, Али-хан сдался в плен, ханом стал Мохаммед-Эмин. Таким образом, Казань стала вассальным государством Руси. Это была крупная политическая и военная победа.

Вслед за Казанью в 1489 году был совершен поход на Вятку, сохранявшую политическую независимость. Хлынов был осаждён,

но вятчане предпочли сдаться. Вятка стала частью единого Русского государства.

Непросто складывались отношения Ивана III со своими младшими братьями. Особенно выделялся среди них Андрей Васильевич Большой, князь угличский, который, в отличие от Юрия Васильевича и Андрея Васильевича Меньшого, считал себя полноправным правителем отдельного княжества и полагал возможным проводить свою собственную политику. За Андреем Большим увлекся и Борис Васильевич, князь волоцкий. Эти братья великого князя встали в оппозицию к Москве. Первой ласточкой конфликта была смерть бездетного Юрия Васильевича, князя дмитровского, и отказ Ивана III разделить его владения. Но ссору удалось потушить стараниями матери — Марии Ярославны. Она вообще очень нежно относилась к Андрею Большому, сыну, родившемуся в дни тяжелого заточения. Заступничество Марии Ярославны оберегало строптивого князя и позже. Иван не решался перечить матери. В 1480 году Андрей Большой и Борис подняли мятеж, обратившись за помощью к королю Казимиру, который в завещании Василия II был назван опекуном его сыновей. Братья попытались начать широкомасштабную смуту, но вмешательство матери и надвигавшаяся гроза Ахматова вторжения спасли положение. Иван примирился с князьями, и на Угре их полки уже стояли рядом с московским войском. Со смертью Марии Ярославны в 1485 году у Ивана III оказались «развязаны руки», и он лишь ждал случая, чтобы приструнить непокорных братьев.

В мае 1491 года Иван получил известие о том, что сыновья Ахмата начали войну с крымским ханом Менгли-Гиреем и приближаются к его владениям. Верный союзническому долгу, великий князь собрал рать и направил её на помощь хану. При этом Иван приказал и братьям прислать войска. Борис подчинился, а Андрей не послал свои отряды. Хотя до боя дело не дошло и «царевичи» отступили, Иван III запомнил своеволие Андрея. 19 сентября 1491 года угличский князь был по приглашению Ивана в Москву, а затем был схвачен и посажен в тюрьму. В ноябре 1493 года он скончался в темнице от голода; его сыновья провели в заключении и в монастыре остаток своих дней. Таким образом, Угличский удел был ликвидирован.

С Борисом Иван поступил иначе. В октябре он и его вызвал в Москву, но отпустил в свой удел «с миром». Борис умер в 1494 году в Волоке и разделил свои владения между сыновьями: Фёдор получил Волок, а Иван — Рузу. Иван умер еще в 1503 году, при жизни Ивана III, и завещал великому князю свой удел. Фёдор скончался при Василии III, в 1513 году. После его смерти Волок был присоединен к Москве.

Первая жена Ивана III Мария Борисовна тверская скончалась очень рано, в 1467 году. Возможно, она была отравлена; во всяком случае сам Иван верил в это. 11 февраля 1469 года в Москву прибыло посольство из Рима во главе с греком Юрием Траханиотом. Через послов кардинал Виссарион предложил Ивану проект брака с византийской принцессой Зоей Палеолог. Зоя доводилась племянницей последнему византийскому императору Константину XI. После падения Константинополя Фома, деспот провинции Мореи (территория Пелопонне-

са), отец Зои, вынужден был бежать в Италию. Дети Фомы жили в Италии на скромную пенсию папы и под опекой кардинала Виссарииона. Есть свидетельства о том, что Зоя вышла замуж за итальянского князя Карраччиоло, но рано овдовела. Она была бедна и не слишком привлекательна, поэтому претендентов на руку бедной принцессы не находилось. Зоя отличалась ярко выраженными византийскими чертами лица, о чем свидетельствует её скульптурный портрет, воссозданный по черепу, и полнотой. Один язвительный итальянец писал, что после её посещения ему всю ночь снилось сало, масло и прочая жирная снедь. Брак Зои с Иваном III отвечал интересам римской курии, желавшей наладить хорошие отношения с Москвой, тем более что эти отношения так быстро разрушились после Флорентийского собора, получившего на Руси печальную известность.

С ответным посольством в Рим был направлен Джанбатиста Вольпе («Иван Фрязин»), заключивший с папой предварительное соглашение о женитьбе Ивана на Зое. Затем произошёл ещё один обмен посольствами. В Москву приехал Антонио Джисларди, который привёз Ивану портрет Зои. Видимо, это было первым знакомством Москвы с живописью итальянского Возрождения. Наконец, в 1472 году новое посольство Вольпе привезло Зою на Русь, 12 ноября был совершен обряд венчания, и Зоя «превратилась» в московскую великую княгиню Софью Фоминичну. С тех пор установились связи Москвы с Италией и непосредственно с папской курией, но планам возвращения русской церкви в лоно унии так и не суждено было осуществиться.

У Ивана появилась новая семья. Софья родила ему нескольких сыновей и дочерей, старшим был Василий. В то же время у Ивана оставался и старший сын от первого брака — Иван Иванович (Молодой); он скончался в молодом возрасте в 1490 году. Иван Иванович был женат на дочери валашского господаря Стефана Елене (её брат Иван — предок великого композитора С. В. Рахманинова). От этого брака родился сын Дмитрий (так называемый Дмитрий Внук). Таким образом, возникала проблема престолонаследия и начиналась борьба двух направлений: одно ориентировалось на Дмитрия, другое — на Василия. Иван III склонялся больше к первому варианту. Узнав об этом, Софья добыла яд. Сторонники Василия предполагали его бегство на север, в Вологду и Белоозеро. Там княжич должен был захватить великокняжескую казну и начать открытую борьбу. Но заговор был раскрыт, Иван отобрал у жены «зелье», сына запер во дворце, а заговорщиков казнил. 4 февраля 1498 года Дмитрий был торжественно коронован шапкой Мономаха (это первое её упоминание в качестве государственной регалии) на великое княжение владимирское и московское, то есть официально объявлялся наследником престола. Однако уже в 1499 году Василий был выпущен из-под стражи и объявлен «великим князем, правителем Новгорода и Пскова». В 1502 году по приказу Ивана III Дмитрий Иванович вместе с матерью был схвачен и посажен в тюрьму (Елена Стефановна погибла в тюрьме в январе 1505 года, Дмитрий Иванович был убит в 1509-м, последние годы его держали в «оковах»), а Василий стал полноправным наследником великого князя.

Дочери Ивана III удачно были выданы замуж. Евдокия Ивановна в 1506 году вышла за казанского царевича Куйдакула Ибреимовича, получившего в крещении имя Пётр. Некоторое время царевич Пётр считался наследником русского престола в случае гибели Василия III (тогда еще бездетного). Одна из старших дочерей Ивана III — Елена — в 1494 году была выдана замуж за великого литовского князя Александра.

Отношения Ивана III с Литвой были непростыми. В 1492–1493 годах Иван совершил походы на Литву с целью освобождения некоторых русских городов. По мирному договору с Литвой границы Руси перемещались на запад до Дорогобужа, а в состав русских земель вошла Вязьма. Тогда же московского и литовского князя связали узы родства. В договоре Иван именовался Государем Всея Руси, что ставило его вровень с правителем мощного Литовского государства. Позже Александр стал королем Польши, объединив в своих руках власть над обеими державами. В 1500 году началась новая русско-литовская война, ознаменовавшаяся разгромом литовского войска в битве у реки Ведроши (14 июля 1500 г.) и в битве под Мстиславлем (4 ноября 1501 г.). Затем были освобождены Чернигов, Гомель, Стародуб и другие города. На стороне Литвы в войну включился и Орден, которому не удалось захватить ни Изборск, ни Псков. Смоленск русским войскам взять не удалось. 25 марта 1503 года Иван заключил перемирие с Литвой сроком на 10 лет. В состав Руси вошли все отвоёванные земли, и граница государства Ивана III подошла к Киеву и Днепру. Это было крупным достижением московского государя.

Впоследствии Елена Ивановна, уже будучи вдовой, попыталась уехать на Русь, но новый король Сигизмунд приказал её арестовать. Она умерла в 1513 году.

При Иване III, входя в круг ведущих государств мира, Русь установила связи с Священной Римской империей и с Османским султанатом. В январе 1489 года в Москву приехал представитель императора Фридриха III Николай Поппель, который предложил Ивану королевскую корону. Таким образом, великий московский князь становился как бы вассалом императора Священной Римской империи наравне с другими европейскими государствами. Но эта сомнительная честь, которой прельстился в годину опасности в своё время Даниил галицкий, была Иваном отвергнута. После свержения ордынского ига Русь не захотела создавать иго новое. В своём ответе, переданном через дьяка Фёдора Курицына 31 января 1489 года, Иван III гордо заявил: «Мы... государи на своей земле изначально, от первых своих прародителей. А поставление имеем от Бога, как наши прародители. (...) А поставления, как есмь наперёд сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Посольство Фридриха попыталось установить и династические связи, предложив брак дочери Ивана с маркграфом Баденским. Но Иван III считал, что только сын императора может быть ровней его дочери. Однако эти планы не осуществились.

В 1496 году Иван направил в Турцию первого русского посла — Михаила Андреевича Плещеева. Ему был дан наказ только на равных вести переговоры с султаном. В ответной грамоте Баязид II пи-

сал о необходимости расширить торговые контакты между обеими державами. Это было началом русско-турецких дипломатических отношений.

Всё это свидетельствовало об одном: в Европе возникло новое государство, независимое и достаточно сильное, единое и не желавшее подчиняться воле ни императора, ни турецкого султана. Дальнейшему государственному строительству способствовало и принятие Судебника 1497 года, свода законов для всей Руси. Судебник завершил эпоху удельного права, когда в каждом княжестве были свои правовые нормы. Отныне Русь должна была жить по единым правилам. Создавалась новая структура общества, более чёткая и ясная, чем ранее.

В Москве активно развернулось строительство. Во время нескольких крупных пожаров Ивана правления город сильно пострадал, но каждый раз Москва отстраивалась. Огромное значение имело строительство Успенского собора, ставшего главным храмом не только Москвы, но и всего Русского государства. Белокаменный собор, построенный митрополитом Петром при Иване Калите, пришел к тому времени в ветхость. По мысли Ивана, новый Успенский собор должен был иметь прототипом Успенский собор во Владимире, в котором проходили поставления князей на владимирский стол. Это подчеркивало преемственность Москвы как новой столицы Руси от Владимира. Торжественная закладка храма состоялась 30 апреля 1472 года. Однако 20 мая 1474 года недостроенный собор рухнул. В июле в Венецию, в ответ на посольство дожа, выехал посол Ивана С. И. Толбузин, в задачу которого, помимо дипломатических переговоров, входило «приискание» мастера церковного. В марте 1475 года вместе с Толбузиным в Москву приехал Аристотель Фиоравенти, первый представитель плеяды мастеров Возрождения, появившийся в России. За баснословное по тем временам жалованье Фиоравенти создал по типу Успенского Владимирского собора величественный храм, который и ныне остается украшением Московского Кремля. Он был освящен 12 августа 1479 года. Вслед за Фиоравенти в Москву начали приезжать и другие итальянцы (вообще Иван приглашал талантливых мастеров со всей Европы, среди них был даже «органный игрец»). Один из них, Амборджо Контарини, оставил нам единственное дошедшее до нас от современника описание внешности Ивана III: «Он высок, но худощав. Вообще он очень красивый человек».

Московский Кремль, построенный Донским, тоже обветшал. Иностранцы даже считали его деревянным, видимо, так велики были деревянные «заплатки» на белокаменных стенах. Иван III начал строительство новых стен и башен из красного кирпича. Итальянские мастера и здесь «приложили руку»: они создали тот облик крепостной стены с башнями, который почти без изменений просуществовал до нашего времени. Иван III буквально до последних дней заботился о строительстве в Москве, в 1505 году он приказал разобрать Архангельский собор и церковь Иоанна Лествичника, чтобы на их месте заложить новые храмы. Любимым его детищем была также церковь Иоанна Златоуста в московском посаде (в честь этого святого получил своё имя великий князь).

Потребности государства росли, нужно было осваивать природные богатства страны. Начались экспедиции «рудознатцев». В 1491 году месторождение серебряной и медной руды было найдено на реке Цильне. Это был первый на Руси горно-металлургический промысел, возникший по прямому почину великого князя, снарядившего несколько экспедиций. В них активное участие принимали и иностранцы: немцы и итальянцы. А в Москве на Пушечном дворе создавалась русская артиллерия. Так, в 1488 году итальянец «Павел Фрязин» Дебоссис отлил пушку в 1000 пудов весом.

Рассказ о государственной деятельности Ивана Великого был бы неполон, если бы мы не упомянули о «балтийском» направлении его политики. Весной 1492 года во время литовской войны по приказу Ивана строится город-крепость против Ругодина, то есть Нарвы, который получает имя Ивангород. Новый город стал первым русским портом Балтийского моря. Из Ивангорода русские суда плавали по всей Балтике, доходили до Копенгагена.

В 1493 году Москва заключила с Данией мирный договор. Основным противником обоих государств на Балтике выступал Ганзейский торговый союз. Осенью 1494 года в Новгороде по распоряжению Ивана был закрыт Ганзейский двор и конфисковано имущество ганзейских купцов. Это означало начало войны с Ганзой за балтийскую торговлю. Союз с Данией предопределил и войну Ивана со Швецией, которая началась в 1495 году. Во время неё наше войско предприняло штурм Выборга, вышло в район города Або, были захвачены шведские суда, и даже часть Северной Финляндии признала вассальную зависимость от Руси. При этом русские послы в Данию прошли северным морским путем вокруг Скандинавии более чем за полвека до плавания Ченслера в Архангельск! В 1496 году шведам удалось захватить и сжечь Ивангород, но вскоре враг отступил. Город был заново отстроен. Война не принесла существенных успехов ни одной из сторон. В марте 1497 года в Новгороде было заключено перемирие со Швецией сроком на 6 лет. Главное — была обеспечена свобода торговли на Балтике, в том числе и для русских судов. Так Иван III первым из русских государей, задолго до Петра Великого, попытался «прорубить» окно в Европу. Это было началом балтийской политики нашего государства и его борьбы за выход к морю.

Сложными были взаимоотношения у Ивана III с православной церковью. В это время в русской церкви возникли два идейных течения — «нестяжателей», главой которых был Нил Сорский, и «иосифлян», идеологом которых являлся Иосиф Волоцкий. «Нестяжатели» вели борьбу против превращения церкви в богатый государственный институт, «иосифляне», напротив, способствовали укреплению церкви и ее позиций в экономической и политической жизни страны. Иван III стремился подчинить церковь своей власти, вмешиваясь не только в проблемы церковного землевладения, но даже в обрядность. На этой почве у великого князя разгорелся конфликт с митрополитом Геронтием, а после его смерти отношения и с его преемниками продолжали оставаться напряженными. Тогда же на Руси появляются первые «ереси», проходит несколько процессов над еретиками. Дело дошло даже

до сожжения нескольких обвиненных в ереси лиц (декабрь 1504 г.). В 1503 году в Москве состоялся церковный собор, на котором Иван III предложил проект секуляризации церковных земель (лишённые земель иерархи и монастыри должны были получать взамен ругу — государево жалованье). В поддержку реформы Ивана выступили Нил Сорский и его сторонники, против — иосифляне, которые в конечном итоге победили. Таким образом, Иван III предлагал провести секуляризацию задолго до Петра и Екатерины, которая осуществила эту реформу лишь в 1764 году.

В 1503 году Иван III перенёс инсульт. С тех пор здоровье его пошатнулось. Он составляет духовную грамоту, в которой разделяет государство на несколько уделов. Наследником и великим князем московским, тверским и новгородским объявлен Василий. Впервые Москва не «делится по частям», а полностью переходит к старшему сыну князя. Юрий Иванович становится князем дмитровским, в его владения входят также Звенигород, Кашин, Руза, Брянск и Серпейск. Дмитрий Иванович, получивший в истории прозвание «Жилка», становится князем угличским и владельцем ещё нескольких городов. Семён Иванович получает Калугу, Бежецкий Верх и Козельск. Наконец, младший Андрей Иванович — князь старицкий и верейский. Эти мелкие владения не составляют единых территориальных комплексов, это лишь отдельные города и волости, вкрапленные в государственную территорию. Выделение новых княжеств Иваном — дань традиции, не более того. Поэтому власть князей в них можно считать номинальной. Василий III предпринял попытку остановить дальнейшее дробление княжеств и запретил своим братьям жениться до тех пор, пока у него самого не родится наследник (что произошло только в 1530 году, когда на свет появился Иван Грозный).

В начале 1505 года Иван заболел. Перед смертью он не принял пострига, хотя всю жизнь носил второе христианское имя — Тимофей. Иван III скончался вечером 27 сентября 1505 года и был похоронен в Архангельском соборе Кремля.

Закончилась великая эпоха его правления. Иван III сделал Русь великой державой, он создал единое государство, присоединив к Московскому княжеству другие русские земли: Новгород, Тверь, Вятку, Белоозеро, Вязьму. Иван окончательно избавился от власти Орды, установил контроль над Казанским ханством, на равных общался с Турцией, Священной Римской империей, европейскими государствами. При Иване Русь стала наследницей Византии, оплотом православной веры. Именно Иван создал такие русские национальные святыни, как Успенский собор и двуглавый орел в качестве государственного символа. Русь превращалась в Россию. Великий князь московский стал Государем Всея Руси.

ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ К ЦАРСТВУ

В изданиях «Записок» барона Сигизмунда Герберштейна, дважды побывавшего в России в начале XVI века, помещены портреты Василия III, изображающие князя сидящим рядом с гербом Москвы — всадником, поражающим копьём змия. Этот герб тогда воспринимался иностранцами как герб всего Русского государства. И не случайно, ведь время Василия III — конец последних уделов, объединение всех русских земель под властью московского князя.

Василий III понимал, что только сильная великокняжеская власть в состоянии удержать страну от крайностей анархической вольности и кровавой тирании. Он был немилолюбив к боярам, редко прибегал к их советам и не терпел противоречия себе. Ближайшими его помощниками были люди незнатного происхождения, преимущественно дьяки, но круг этих лиц был ограничен. В основном великий князь самостоятельно принимал все государственные решения. Тех же, кто пытался «высокоумничать», ждали опала, заточение, а то и казнь. Казалось, времена боярского всевластия уходили в небытие. Можно сказать, что Василий III был первым самодержавным государем Руси, решительно вставшим на путь абсолютизма. В этом случае особую роль приобрела личность самого правителя, его характер. Наследник Василия Иван IV (Грозный) тоже был неограниченным самодержцем, но, будучи психически больным человеком, он превратил русское самодержавие в восточную деспотию. Василий же был человеком совсем другого плана: он был жёсток и суров, но справедлив и незлобен.

Великий князь Василий Иванович был старшим сыном Ивана III от его второго брака с Софьей Палеолог. Он родился 25 марта 1479 года. Отец оставил в наследство сыну сильную державу, и Василий продолжил дело отца, стремясь ещё более укрепить мощь и единство страны.

К 1505 году на Руси оставалось всего два независимых княжества: Псков, формально сохранявший самостоятельность (хотя псковскими князьями считались князья московские), и Рязань, лишенная, впрочем, возможности проводить независимую от Москвы внешнюю политику. Присоединение Пскова к Москве было проведено Василием мирным путем, правда, для этого великий князь пошёл на прямое ве-

роломство. В 1508 году он назначил в Псков своим наместником князя Ивана Михайловича Оболенского. Великокняжеский наместник повел себя своевольно, он практически не прислушивался к мнению веча, управлял городом, как сам считал нужным, и наконец, вызвал неудовольствие псковичей. Кроме того, он послал Василию на псковичей донос, обвиняя их в самоуправстве. Псковичи не остались в долгу и тоже послали жалобу на Оболенского.

В сентябре 1509 года великий князь отправился в Новгород, взяв с собой, разумеется, верные войска. Как бы решившись начать суд, великий князь потребовал, чтобы все обиженные Оболенским псковичи прибыли к нему. Это был ловкий политический ход. Псковские посадники, боярство, наиболее активные горожане приехали в Новгород, но Василий сказал им, чтобы ждали Крещения, тогда, мол, и суд будет. В Крещение великокняжеские бояре зазвали всех псковичей на владычный двор якобы для суда, и, когда все собрались, Василий приказал их арестовать. Схваченной верхушке псковских бояр были объявлены требования Василия: устроить вече, снять вечерней колокол, предоставить право суда исключительно великокняжескому наместнику. Посадникам и именитым людям ничего не оставалось, как целовать крест Василию и обещать ему выполнение всех условий.

Между тем весть об аресте псковской верхушки достигла самого Пскова. Её принес некий купец, ехавший в Новгород и дорогой узнавший о несчастье. Город был встревожен, началась паника, ударили в вечерней колокол. От ужаса, как пишет летописец, у псковичей «горло пересохло и уста слепились». Собравшееся вече гудело как разворошенный улей. Наиболее ярые псковичи требовали запереть город и подготовиться к обороне. Однако благоразумие взяло верх: горожане помнили, что в руках Василия находятся их соотечественники, которые присягнули ему и в случае нарушения присяги могут распротиться с жизнями. Схваченные Василием горожане прислали в Псков увещевание подчиниться воле великого князя и не доводить дело до усобицы. Под давлением «умеренных» вече приняло решение направить Василию челобитную. В ней горожане изъявили покорность великому князю. В ответ 12 января 1510 года в город прибыл дьяк Третьяк Далматов, который на вече провозгласил решение Василия, требовавшего снять вечерней колокол и подчиниться воле княжеских наместников. Вече просило посла подождать до завтра. Всем было ясно, что самостоятельному существованию Пскова как государства пришел конец, горожане со слезами прощались с псковской «старинной». По словам летописца, день прошёл в плаче и рыданиях. На рассвете 13 января вечерней колокол загудел в последний раз. Перед Далматовым на вече взойшёл на ступени посадник и от имени горожан принял условия Василия. Ничего не ответив, дьяк приказал спустить колокол и повёз его в Новгород.

Через некоторое время в Псков прибыл сам Василий III с войском. 27 января он созвал именитых горожан и объявил свою волю: около 300 знатных псковских семейств должны покинуть город и переселиться в московские земли, а на их место приедут москвичи. Так, перемещая людские массы, Василий хотел фактически уничтожить «ли-

цо» города, «растворив» коренное население в приезжих. Великий князь действовал по методу отца, ранее почти таким же образом расправившегося с новгородцами. (Точно так же впоследствии будет поступать и Советская власть!) Псков был покорён, однако московский суд и московские порядки не пришлись по душе псковичам, сильно пострадала и торговля, отягощённая новыми пошлинами. Многие горожане приняли постриг в монастырях, только бы не уходить из родного Пскова! Присоединение Пскова нанесло сильный удар по экономике и уровню жизни жителей этой земли.

Затем настала очередь Рязани. Там княжил Иван Иванович, отпрыск древней династии, начавшейся ещё в XII веке. При Иване III Рязань была фактически лишена независимости, но Иван Иванович решил освободиться от диктата Москвы. Василий III получил известие о том, что рязанский князь имеет тайные сношения с крымским ханом Махмет-Гиреем и даже хочет жениться на его дочери. Самостоятельная внешняя политика была Рязани запрещена. Раздражённый Василий вызвал рязанского князя в Москву. Здесь Иван Иванович был схвачен. Его мать Агриппину постригли в монахини. В 1521 году Ивану Ивановичу удалось бежать из московского плена. Он собрал небольшое войско и подступил к стенам своего города, но, поняв, видимо, что сопротивляться Василию бесполезно, повернул и ушёл в Литву, где и жил вплоть до своей смерти в 1534 году. В Рязань же был поставлен московский наместник, а часть жителей города выселена, то есть повторился опыт Новгорода и Пскова. Впрочем, Махмет-Гирей во время похода на Москву попытался было овладеть Рязанью, но отошёл от города, не добившись успеха.

В 1523 году Василий расправился и с внуком Дмитрия Шемяки — князем Василием Ивановичем Шемяичем, который выехал из Литвы на службу к Ивану III, поскольку не хотел переходить в католичество. Шемяич княжил в Новгороде-Северском. Его неоднократно пытались оклеветать перед великим князем, но Василий каждый раз щадил родича. Однако после набега Махмед-Гирея Шемяич был вызван в Москву. Поначалу он отказался приехать, требуя охранной грамоты. Митрополит Даниил дал ему «крестоцеловальную запись», и тогда в апреле 1523 года Василий Иванович приехал к великому князю. Василий III встретил Шемяича с почётом, но 12 мая приказал схватить его и посадить в темницу. Его жена и дочери были пострижены в монастырь. Шемяич умер в заточении 10 августа 1529 года. Так род старого врага Василия II окончательно сошёл с исторической арены. Потомство Шемяки более не могло беспокорить московских князей.

Исчезли с «лица» Русского государства последние уделы. Теперь остались лишь земли, которыми владели братья Василия. Однако покуситься на них великий князь не решался. Он поставил братьев под строгий контроль, окружив их верными ему людьми, сообщавшими в Москву о всех их действиях. Вообще же Василий относился к ним снисходительно. Семён Иванович калужский попытался бежать в Литву, но был прощён Василием. В 1518 году он умер, и Калуга вновь вошла в удел великого князя. В 1521 году скончался и другой сын Ивана III — Дмитрий Жилка, оставивший Углич также Василию III. Оба

брата были бездетными. Теперь оставались еще два удела: Дмитров, которым владел Юрий, и Старица, принадлежавшая Андрею. Оба князя погибли уже после смерти своего могущественного старшего брата.

Так был завершен процесс объединения русских земель в единое государство, начатый ещё первыми московскими князьями и длившийся несколько веков. Московская ветвь Рюриковичей выполнила одну из своих важнейших политических задач: Русь стала единой державой. Теперь возникла новая задача: отвоевание старых русских земель у западного соседа и главного соперника — Великого княжества Литовского, во владениях которого находились территории, ставшие впоследствии Белоруссией и Украиной, а также исконно великорусские области, в частности территория бывшего Смоленского княжества.

Борьба за Смоленск началась в 1510-х годах. В 1506 году король Александр скончался, правителем Литвы и Польши стал его брат Сигизмунд I. Василий III пытался повлиять на литовские дела сначала через вдову Александра — свою сестру Елену, а затем через знатного вельможу князя Михаила Глинского. Князья Глинские были старинным родом, предком которых был знаменитый темник Мамай. После гибели Мамаю в Кафе его сыновья направились в Литву, где поступили на службу к литовским князьям. Их потомки и именовались князьями Глинскими. Внутриполитическая обстановка в Литве толкнула князя Михаила на союз с Москвой. Василий не преминул воспользоваться подвернувшимся союзником. В 1507 году, когда московские войска вторглись в литовские владения, Глинский сразу же присоединился к ним. Сигизмунд оказался не подготовленным к войне и в 1508 году поспешил заключить мир, по которому признавал за Москвой в «вечное» владение все земли, отнятые у Литвы Иваном III. Глинские выехали на Русь, вскоре заняв ведущее положение при дворе Василия.

Но мир с Сигизмундом продержался недолго. Осенью 1512 года, используя незначительный повод, московский князь объявил Литве войну. При этом Василий III начал переговоры с императором Максимилианом Габсбургом, также претендовавшим на часть польских земель. Но разделу Польши в то время не дано было осуществиться. Основной удар Василия был направлен на Смоленск. Дважды московские войска пытались овладеть городом, но безуспешно. Наконец в июле 1514 года город был подвергнут сильному артиллерийскому обстрелу. Польский наместник Юрий Сологуб и владыка Варсонофий сдали Смоленск 30 июля 1514 года. С великой радостью Василий III 1 августа въехал в город, поставив своим наместником князя Василия Васильевича Шуйского. Таким образом, древний русский город вновь вошел в состав Русского государства.

Недоволен был лишь Глинский, который мечтал о том, что Василий даст Смоленск ему в удел. Раздосадованный князь начал тайные переговоры с Сигизмундом, обещая помощь ему в войне с Василием. Но перебежчик был схвачен, доставлен в Москву и посажен в темницу. Война продолжалась. 8 сентября 1514 года русское войско потерпело сокрушительное поражение под Оршей от князя Константина Острожского, бывшего московского подданного, а те-

перь литовского воеводы. В кровопролитной битве погибло 30 000 русских воинов, многие воеводы и бояре московские попали в плен. Поражение под Оршей воодушевило Литву, теперь один город за другим стремился сдать победителю. В Смоленске созрел заговор, во главе которого встал владыка Варсонофий. Он предложил Сигизмунду сдать Смоленск без боя. Однако князь Шуйский не допустил измены, он приказал схватить всех заговорщиков, в том числе и владыку. Когда войска Острожского подошли к стенам города, то взору князя открылась жуткая картина. На городской стене были повешены все изменники, на одном была богатая шуба, на шее другого висел серебряный ковш и т. д. — каждый с тем подарком, которым одарил его Василий III, принимая к себе на службу. Варсонофию, впрочем, удалось избежать этой позорной казни. Острожскому не удалось взять Смоленск.

После этого русско-литовская война приняла вялотекущий характер, обе стороны были истощены значительными потерями. Развязке способствовали действия крымского хана. Махмет-Гирей пытался возвести свой род на престол Казанского ханства. Однако, когда скончался казанский правитель Махмед-Амин, Василий III, не желая укрепления Гиреев, сделал ханом своего ставленника Шиг-Алея. Тогда Крым начал широкомасштабную войну. Крымские татары подошли к Казани, Шиг-Алей был низложен, и Казань оказалась в руках Гиреев. Сам крымский хан в 1521 году направился с большим войском на Москву. К татарам присоединились и днепровские казаки. Из Казани также выступило войско. Московское войско, которым руководили брат Василия Андрей Старицкий и князь Дмитрий Бельский, бежало. Другие воеводы погибли в стычках с крымцами. Страшная гроза вновь нависла над столицей.

Василий III поступил неоригинально, как и все его предки, он при приближении опасности покинул столицу и отправился на восток собирать силы. Оборона Москвы была возложена на царевича Петра, крещеного татарина, мужа сестры великого князя. В Кремль стекались толпы людей. Наступил жаркий июль. Махмет-Гирей подошёл уже на несколько верст к Москве и направил послов, потребовавших от Москвы платить дань Крыму. В ответ московские послы привезли Махмет-Гирею грамоту, скрепленную великокняжеской печатью, в которой Василий обязывался платить дань. Удовлетворенный этим, Гирей не стал продолжать войну и повернул обратно. На пути он подошел к Рязани и, ссылаясь на грамоту, потребовал, чтобы наместник явился к нему. Воевода Хабар Симский, бывший в то время великокняжеским наместником в Рязани, пошел на хитрость. Он попросил хана прислать ему грамоту, чтобы лично удостовериться в её подлинности. Махмет Гирей отослал грамоту, Симский задержал её у себя, а затем внезапным артиллерийским огнём со стен города принудил татар отступить. В это время Гирей получил весть, что на Крым идут астраханцы, и поспешил уйти из Руси. Злополучная грамота осталась в руках умелого воеводы и, разумеется, была уничтожена. Так Московское государство было освобождено от унижительных обязательств по отношению к Крыму. Впрочем, Махмет-Гирей набрал большой полон

из Руси. Обогащение подобным образом было одной из печальных «традиций» Крымской Орды.

События 1521 года заставили Москву пойти на сближение с Литвой. В 1522 году было заключено перемирие на пять лет, затем оно было продлено до 1533 года стараниями барона Сигизмунда Герберштейна, приехавшего в Москву в качестве посла императора Карла V. Смоленск удалось удерживать, часть его жителей была переведена в Москву. В ознаменование победы под Смоленском в Москве был основан Новодевичий монастырь, в котором главный храм был посвящен Смоленской иконе Богоматери. Этот выдающийся памятник русской архитектуры и по сей день является одним из украшений нашей столицы.

Хорошие контакты были налажены Василием с Римом. Папы Лев X, а затем и Климент VII направляли в Москву посольства, предлагая Василию королевскую корону и склоняя его к унии. Великий князь не решился пойти на соглашение в делах церковных, но старался поддерживать связи со Св. Престолом.

Одним из последних дел Василия на внешнеполитическом поприще было восстановление на казанском престоле верных Москве ханов и изгнание Гиреев.

При Василии III процветали торговля и ремесло. В 1524 году была основана знаменитая Макарьевская ярмарка на Волге. Продолжалось строительство в Москве и в других городах. Большую роль здесь, как и при Иване III, играли иностранцы. В 1505–1508 годах итальянским архитектором Алевизом (Алоизиом) Новым был построен на месте прежнего обветшавшего новый белокаменный Архангельский собор, шедевр европейского зодчества того времени. Тогда же была возведена и колокольня Ивана Великого (верхний ярус построен в 1600 году при Борисе Годунове). В 1532 году зодчий Петрок Малый начал строительство звонницы при ней. Начато было строительство и другого великолепного архитектурного памятника — церкви Вознесения в Коломенском, в честь рождения первого сына Василия III — Ивана.

Семейная жизнь Василия III не была удачной. Первый раз он женился ещё в 1505 году, незадолго до смерти отца, на Соломонии Юрьевне Сабуровой. Однако брак оказался бездетным. Василий мечтал о наследнике, считая, что братья Юрий и Андрей не способны управлять государством. Наконец, в 1525 году, с благословения митрополита Даниила, Василий развёлся с женой. Под именем Софьи Соломония приняла постриг, причём пострижение было насильным: несчастная сопротивлялась так, что приближенным Василия пришлось применить плеть. В монастыре Соломония и умерла в 1542 году.

Новой женой царя стала представительница рода князей Глинских Елена Васильевна, которой тогда исполнилось всего 18 лет. Молодая великая княгиня была женщиной совсем другого плана, чем Соломония. Ее отец и дядя (знаменитый Михаил Глинский) были людьми, воспитанными западной культурой. Такова была и Елена. Василий настолько пленился ею, что пошёл на поводу у жены и остриг бороду, что по тем временам считалось совершенно недопустимым для православного человека. Появились при дворе и другие люди, брившие бороды

и носившие щегольское платье. На старости лет великий князь сделался поборником новых веяний, так что Петр I, устанавливавший «заморские» обычаи, имел предшественника в XVI веке.

В конце жизни Василию улыбнулось счастье. В 1530 году Елена родила ему сына Ивана, а в 1532-м — еще одного сына, Георгия (Юрия). Наследование престола было обеспечено. Тогда женился и брат Василий Андрей, у которого родился в 1533 году от брака с княжной Евфросиньей Хованской сын Владимир, будущий князь старицкий.

В сентябре 1533 года Василий с семьёй поехал на богомолье в Троицкий монастырь, а оттуда на охоту в Волоколамск, но на пути занемог (на левой ноге у него появился подкожный нарыв). Вернувшись в Москву, великий князь разболелся. В ночь с 3 на 4 декабря 1533 года 54-летний Василий III скончался, приняв перед смертью постриг с именем Варлаам. Он был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля рядом с отцом и дедом.

Старший сын Василия III появился на свет 25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенском и был наречён Иоанном, второй — Георгий (Юрий) оказался глухонемым от рождения и потому, как говорили современники, «умом был прост». В силу физической неполноценности Юрий в государственные дела не вмешивался. Номинально он являлся князем угличским, но жил все время в Москве, и поэтому на своей гробнице в Архангельском соборе Кремля назван «Московским». Он тихо скончался в 1564 году, а его вдова княжна Ульяна Палецкая ушла в Новодевичий монастырь, где постриглась под именем Александры. Она умерла в 1574 году.

К моменту смерти отца Ивану было всего три года, и в этом возрасте он стал великим князем московским. Впоследствии Иван Грозный даже гордился тем, что не помнил, как сделался великим князем, настолько был мал. Это придавало ему уверенности в законности собственной власти. Государь почти с рождения, Иван впоследствии попрекал низким происхождением своих политических противников — шведского короля Юхана III и польского Стефана Батория.

Вся реальная власть в государстве в период малолетства Ивана оказалась, конечно, в руках энергичной Елены Глинской. Ближайшим её сподвижником и фаворитом стал князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, молодой аристократ. Но у Василия III оставались еще и братья. Двое из них — Юрий дмитровский и Андрей старицкий — ко времени смерти Василия были живы и владели пусть небольшими, но все же уделами, сохранявшими хотя бы формальную самостоятельность, — последними осколками былой раздробленности, и только в «пределах» великокняжеской семьи. Но Юрий и Андрей опасны были, конечно, не этим. Взрослые князья при малолетнем государе, естественно, могли сами претендовать на московский престол, тем более что веками на Руси существовала система наследования от старшего брата к младшему, поколебленная Дмитрием Донским и уничтоженная Василием II, дедом старицкого и дмитровского князей. И хотя оба князя никак свои претензии не проявляли, Елена Глинская сразу же

решила «обезопасить» свою власть обычными для московских Юриковичей средствами. Сначала в опалу попал неженатый старший брат, то есть первый потенциальный претендент на великокняжеский стол — Юрий дмитровский. Прошло чуть больше недели после кончины Василия III, а Юрий Иванович уже был схвачен в Москве, куда приехал хоронить брата. Несчастливого заковали и посадили в ту самую темницу, где ранее содержался под стражей старший внук Ивана III — Дмитрий Иванович, там же и погибший. Два с половиной года провёл Юрий в тюрьме и умер от голода в августе 1536 года. Затем настал черёд и Андрея старицкого. Напуганный судьбой брата, он решил бежать в Литву, обычно принимавшую всех изгнанников русских престолов. Весной 1537 года он двинулся со своим двором к Новгороду, но путь ему преградили московские полки. Будучи не в состоянии дать сражение, Андрей понадеялся на обещания московских воевод, гарантировавших его безопасность, и с повинной поехал в Москву. Елена Глинская, как только князь оказался у нее в руках, приказала арестовать его. Андрея посадили в ту же тюрьму, где до этого умер Юрий. Всех приближенных Андрея подвергли пыткам и казням. Сам князь был убит через несколько месяцев «под шляпою железною».

Впрочем, Елене Глинской недолго пришлось торжествовать победу: в апреле 1538 года она скончалась, как говорили, от яда. Исследование останков великой княгини, проведённое уже в наши дни, полностью подтвердило эти предположения. Вскоре погиб и ее фаворит князь Оболенский. Власть оказалась в руках соперничавших между собой боярских группировок, среди которых особенно выделялись старинные княжеские семьи — Шуйские и Бельские. Время боярского правления растянулось почти на девять лет. Центральная власть в этот период ослабла, и боярский произвол тяжело отразился на положении простого люда, обострив социальные противоречия.

Вот в такой обстановке вражды и интриг формировался характер молодого царя. Сам Иван так вспоминал впоследствии о своих детских годах: «Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чём нам воли не было; ни в чём не поступали с нами, как следует поступать с детьми. (...) Как исчислить подобные тяжёлые страдания, перенесённые мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом».

Неудивительно, что Иван вырос жестоким и коварным человеком, причём эти наклонности проявились у него уже в весьма раннем возрасте. Так, в 13 лет он приказал своим псарям схватить и убить одного из бояр — князя Андрея Шуйского. А когда Иван уже стал царем, в июне 1547 года к нему приехали 70 знатных псковичей с жалобой на злоупотребления своего наместника князя Пронского. Иван рассердился: как смеют простые «мужики» жаловаться на царского приближённого! — и приказал пытать псковичей самым жестоким образом: обливать горячим вином, палить бороды и волосы. Эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что казни и убийства были обычными методами политики царя задолго до ужасов опричного террора.

В январе 1547 года Иван объявил боярам и митрополиту Макарию, что хочет жениться и принять новый титул — царя. Собственно, ещё Ивана III и Василия III иногда величали царями, хотя формально они венчались только на великое княжение московское. На Руси царями издавна называли ханов Золотой Орды, но в 1480 году ордынская власть была окончательно ликвидирована, и Московская Русь стала независимым и единым государством. Кроме того, после гибели Византии в 1453 году она воспринималась как хранительница православия, наследница величия и славы Римской и Византийской империй — Третий Рим. Повышение международного престижа страны привело Ивана к мысли закрепить за собой царский титул окончательно. Поэтому 16 января 1547 года состоялась торжественная коронация Ивана в Успенском соборе Московского Кремля. К этому времени в Европе существовала только одна империя — Священная Римская германской нации, теперь появилось новое царство — Русь. Вскоре после этого Иван женился на юной боярышне Анастасии Романовне, принадлежавшей к древнему роду Захарьиных-Юрьевых. Ее брат Никита Романович стал одним из ярких государственных и военных деятелей того времени, а его внук — Михаил Фёдорович впоследствии, в 1613 году, был избран на царство.

В июне того же 1547 года на долю Ивана выпали новые испытания. Во время летней жары и сильного ветра в Москве вспыхнул страшный пожар, продолжавшийся десять часов. Город почти полностью выгорел, около 4 тысяч москвичей погибли от огня и дыма. Сам царь и его двор укрылись в подмосковном селе Воробьево. Доведенные до отчаянья люди во всем обвиняли князей Глинских, ближайших родственников Ивана, с которыми связывали беды боярского правления. Поползли слухи, будто бабка Ивана — Анна Глинская вызвала пожар своим колдовством. На Соборной площади Кремля собралось импровизированное вече, требовавшее расправы над Глинскими. Один из дядьев царя — Юрий был тут же растерзан народом, дворы других бояр подверглись разгрому и были сожжены. Толпа москвичей, вооружённая копьями и щитами, во главе с городским палачом двинулась к царю в Воробьево. С большим трудом Ивану удалось утихомирить народ, хотя сам он позже признавался: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». Народные волнения произошли ещё в нескольких городах, в том числе в Пскове и Устюге, и заставили правительство встать на путь реформ, которые осуществляли уже новые люди, появившиеся в окружении молодого царя. Они составили небольшой кружок, вошедший в историю под условным названием «Избранная рада».

Эта группировка возникла около 1549 года. Наиболее видными ее деятелями стали священник Сильвестр, служивший в «домовой» церкви государя — Благовещенском соборе Кремля, дворянин Алексей Фёдорович Адашев, князь Андрей Михайлович Курбский. Царь прислушивался к их советам, и в течение десяти лет рада провела ряд важных преобразований, укрепивших государственную власть. К середине XVI века процесс объединения русских земель вокруг Москвы окончательно завершился. Сформировалась территория централизованного государства, и предстояло окончательно скрепить

это единство во внутривластном плане. Это было достигнуто следующими мерами.

Появилась новая система государственного управления. Во главе государства стоял царь. Роль законодательного и совещательного органа при нём, как и прежде, играла Боярская дума. Но теперь ее состав увеличился почти вдвое, что дало возможность ослабить в ней роль старой боярской аристократии. Новым государственным органом стал Земский собор, впервые созданный в 1549 году. Он принял решение составить новый Судебник и наметил пути дальнейших преобразований. Впоследствии соборы созывались нерегулярно, но всё же достаточно часто, вплоть до 80-х годов XVII века. На них решались важнейшие государственные дела, прежде всего связанные с внешней политикой и финансами. Впоследствии в периоды междуцарствий на соборах выбирались и новые цари. В состав соборов входили Боярская дума, так называемый Освященный собор, состоявший из высших иерархов Русской православной церкви, представители различных сословий России — дворянства, посадских, на соборе 1613 года присутствовали даже черносошные крестьяне. Таким образом, это был сословный орган, принимавший участие в управлении страной.

К середине XVI века начала складываться система приказов — учреждений, ведавших отдельными отраслями государственной жизни или даже отдельными регионами государства. Само слово «приказ» произошло от того, что эти функции управления стали поручаться, «приказываться» боярам. При Иване Грозном сформировалось около двух десятков приказов, а впоследствии их число увеличилось и к концу XVII века достигло 50. Одним из первых приказов стал Посольский, занимавшийся внешней политикой государства. Его возглавлял дьяк Иван Михайлович Висковатый. Адашев стоял во главе Челобитного приказа, высшего контрольного органа, разбиравшего просьбы, о которых шла речь в челобитных. Поместный приказ ведал распределением поместий между служилыми людьми, Разрядный — военной службой бояр и дворян, Пушкарский — артиллерией, Разбойный боролся с «лихими людьми», разбойниками. Некоторые приказы занимались отдельными территориями государства, так, после присоединения Казанского и Сибирского ханств возникли приказы Казанского и Сибирского дворцов. Во главе приказа стоял боярин или дьяк — крупный государственный чиновник, которому подчинялись подьячие. Число их было невелико, но они вели всю делопроизводственную работу. Формой приказного делопроизводства были столбцы, то есть свитки склеенных друг за другом листов бумаги, достигавшие иногда нескольких десятков метров в длину.

Изменилась и система местного управления. Если раньше сбор налогов поручался боярам-«кормленщикам», которые становились фактически правителями отдельных областей и жили за счёт поборов с населения, то в 1556 году кормления были отменены. Власть на местах полностью перешла в руки выборных из местного населения: губных старост из дворян — в районах дворянского землевладения, земских старост из зажиточных крестьян — в районах черносошного крестьянства, городских приказчиков или изблюбленных голов из посадских —

в городах. Это позволило укрепить местную администрацию, ограничить боярский произвол, ввести элементы самоуправления.

Территория страны в административном отношении была разделена на уезды, границы старых удельных княжеств перестали существовать. Таким образом, государство приобрело единую территориальную структуру и четкую систему управления — сформировалась сословно-представительная монархия.

Изменения в государственном управлении вызвали необходимость в новом своде законов — в 1550 году был принят новый Судебник, взамен старого, существовавшего с 1497 года. Составители нового Судебника внесли в законодательство ряд изменений, связанных с усилением центральной власти. Текст свода был четко систематизирован по отдельным статьям. Впервые вводились наказания для взыскщиков — от самых мелких, подьячих, и кончая боярами. Право ухода крестьян от владельца в Юрьев день хотя и подтверждалось, но плата за «пожилое» была увеличена. Феодал теперь отвечал за преступления своих крепостных, что ещё больше связывало крестьян с их господином. Отдельные положения Судебника в последующей законодательной деятельности царя уточнялись и даже изменялись. Тем не менее вплоть до 1649 года Судебник Ивана Грозного оставался основным сводом законов Московского государства.

Единое государство ещё во время регентства Елены Глинской в 1534—1535 годах. Раньше на Руси существовало две системы денежного счёта — московская и новгородская. Теперь основной денежной единицей страны стал московский рубль (200 денег). Была изменена и налоговая система. Население России обязано было нести тягло — целый комплекс натуральных и денежных повинностей. В середине XVI века единицей налогообложения стала соха. В неё входило определенное количество четвертей земли в зависимости от качества земли (земли делились на «добрые», «средние» и «худые») и её принадлежности разным категориям владельцев (служилые, церковные и государственные). С каждой сохи население платило определённый налог.

Важные изменения затронули и вооружённые силы государства. Ядро армии составляло тогда дворянское ополчение. Для того чтобы сделать его сбор быстрым в случае военной необходимости, в 1550 году решено было отобрать тысячу «лутчих слуг» из числа дворян и выделить им поместья под Москвой. Всего таких дворян оказалось чуть больше тысячи — 1078 человек, они должны были стать верной опорой царской власти. Но, судя по всему, большинство из них так поместий и не получило, поскольку свободной земли в районе Москвы не нашлось. Зато правительство Ивана приступило к формированию постоянного стрелецкого войска. Первоначально его численность была невелика — около 3000 человек, однако они составили важную часть русского войска, входя в категорию так называемых «служилых людей по прибору», то есть по набору. Для унификации военной службы было принято в 1555—1556 годах соответствующее уложение. Оно ввело точный порядок службы, определило, с какого количества земли — вотчины или поместья — должно выставляться одного вооружённого воина

на коне. Было даже определено, что тот феодал, кто «выставит» больше людей, получит «помогу», своеобразную премию, а тот, кто меньше, должен будет заплатить определенный штраф. Все эти меры укрепили русское войско и подняли его боеспособность.

Четкой структуризации высшего сословия способствовало и ограничение местных споров, зачастую вносивших сумбур в государственную и военную жизнь. Около 1555 года был составлен «Государев родословец», официальный справочник о происхождении и генеалогии знатных русских родов. Тем самым оформилось объединение феодалов различных русских княжеств в единое сословие Московского царства.

Не обошли реформы и церковную жизнь. В 1551 году был созван церковный собор, получивший название Стоглавого, поскольку его решения были сформулированы в ста главах единого документа — «Стоглава». Непосредственное участие в организации собора принял и сам царь. Собор унифицировал церковные обряды для всей Русской православной церкви. Ещё так называемыми Макарьевскими соборами 1547 и 1549 годов был определён общерусский пантеон святых, многие местнопочитаемые святые были канонизированы официально. Регламентации подверглось и церковное искусство: предписывалось создавать новые произведения, следуя определенным образцам, среди которых особое место заняли творения Андрея Рублева. Возник вопрос и о церковном землевладении. Было решено оставить церкви все земли, приобретённые до Стоглавого собора, но впредь покупка и получение земли в дар должны были производиться только с царского разрешения. Таким образом, церковное землевладение было поставлено под царский контроль. Большое внимание собор уделил нравам духовенства. Монахам было запрещено пить водку, а протопопам предписывалось следить за поведением рядовых священников, чтобы «не билися и не лаялися и не сквернословили и пьяни бы в церковь и во святыи олтарь не входили, и до кровопролития не билися». Борьба за чистоту нравов должна была поднять авторитет духовенства и способствовать усилению престижа церкви в общественной и государственной жизни.

Единому государству требовались и единые символы. Таковыми стали знаки царской власти, и прежде всего шапка Мономаха, которой венчались русские цари. В качестве государственных эмблем России окончательно утвердились изображения коронованного двуглавого орла и всадника (царя), поражающего копьём змия. В большой государственной печати Ивана Грозного были объединены эмблемы с печатей бывших княжеств и земель, вошедших в состав Московского царства. Многие из них стали основой будущих территориальных российских гербов. Эти эмблемы помещались на печати по окружности, центр которой занимали государственные гербы. Следовательно, идея единства нового царства выражалась и на символическом уровне путём создания системы государственных эмблем.

Успешной была и внешняя политика Ивана Грозного в этот период. Её главным направлением была ликвидация татарских ханств, на которые распалось когда-то мощное ордынское государство. Среди

этих ханств к востоку от русских территорий располагались Казанское, Астраханское и Сибирское. Поволжские земли были богатыми в хозяйственном отношении, их освоение сулило большие выгоды, недаром один из идеологов Иванова царствования И. С. Пересветов называл их «подрайскими». Важны они были и для развития торговли, так как путь по Волге связывал российскую державу с Каспием и странами Востока.

Не следует думать, будто только Иван Грозный понимал это. Напомним, что ещё при Иване III предпринимались попытки установить русское влияние в Казани. Так, в июле 1487 года Казань была взята московскими войсками под руководством князя Даниила Холмского. Казанское ханство признало вассальную зависимость от Руси, но формально сохраняло автономию. Иван Грозный решил расправиться с ним окончательно. В 1552 году он двинул на Казань 150-тысячное войско. Чтобы облегчить задачу взятия города, в верховьях Волги была сооружена деревянная крепость, которую затем в разобранном виде сплавили вниз по реке до впадения в Волгу реки Свияги. Здесь крепость собрали вновь, и возник город Свияжск, ставший опорным пунктом в борьбе за Казань. После длительной осады Казань была взята 2 октября 1552 года. Под стены крепости был прорыт подкоп, куда заложили 48 бочек пороха. В назначенный час взрыва не произошло, и царь уже приказал было рубить головы мастерам, но потом все-таки взрыв прогремел. Часть стены обрушилась, и в образовавшийся пролом ворвались русские ратники. Казань пала. Хан был свергнут с престола и вывезен на Русь, где впоследствии перешел в православие. Вместе с ликвидацией Казанского ханства в состав России вошли территории, населенные поволжскими народами, в том числе чувашами и башкирами. Затем, в 1556 году, была взята и Астрахань. Упразднив оба ханства, Иван Грозный сделал Волгу русской рекой на всем её протяжении.

С этого времени Русское государство было избавлено от разорительных татарских набегов с востока. Чтобы обезопасить южные границы, на которые часто нападали крымские татары, была построена первая из засечных оборонительных черт — Тульская. Эта оборонительная линия состояла из завалов леса, так называемых засек, в промежутках между которыми возводили деревянные крепости. Впоследствии московские государи построили ещё две засечные оборонительные черты.

Много позже, с 1580-х годов, началось освоение Сибири. После взятия Казани сибирский хан попросил русского царя взять Сибирь «под свою руку». На некоторое время Сибирское ханство стало вассалом России. Но потом прежнего хана сверг другой чингисид, пришедший из Средней Азии, — Кучум. Он прекратил платить Москве дань и встал на путь войны. Ордынские отряды нападали на русские поселения, разоряли их, захватывали большую добычу. Земли в Приуралье Иван Грозный отдал на откуп богатым промышленникам Строгановым. Они занимались солеварением, но также и добычей руды, торговали пушниной. Строгановы приступили к освоению сибирского края. Они строили городки и приглашали для их защиты казаков. Один из казачьих отрядов, находившихся на службе у Строгановых,

возглавлял атаман Ермак Тимофеевич. Строгановы столкнулись с частыми нападениями татар. Тогда они решили организовать поход казаков в Сибирь. Во главе похода встал Ермак.

Войско Ермака насчитывало всего около 600 человек. На гребных судах казаки поднялись по реке Чусовой, потом волоком перевалили через Уральский хребет и вошли в реку Тагил. Дальше начиналось царство Кучума. Ермак приближался к столице Сибири — Кашлыку. По пути происходили мелкие стычки с татарами. Свои основные силы Кучум сосредоточил на обороне столицы. Под Кашлыком на высоком холме он расположил свои войска. Были построены деревянные укрепления, за которыми укрылись татарские лучники. Вооружение татар состояло из сабель и луков со стрелами. Казаки же прежде всего пускали в дело ружья. С огнестрельным оружием сибирцы были едва знакомы. Правда, у Кучума имелись несколько пушек. Две из них он установил на своих позициях, но в бой они так и не вступили. В конце концов татары в отчаянии просто сбросили их вниз, на наступавших казаков. Оружие Ермака произвело на воинов Кучума неизгладимое впечатление. Многих поразила стрельба без стрел, огнём, ранившим и убивавшим наповал.

Казаки сошли на берег и двинулись на татар. Но под градом стрел им пришлось вернуться к ладьям. Обрадованные татары вышли из-за укрепления и бросились вдогонку. Тут-то казаки и устремились на врага. В недолгой схватке они сокрушили татар, и те обратились в бегство. Так, выманив основные силы Кучума из укрытия, Ермак без труда разгромил их. Сам хан вместе с приближёнными бежал, бросив свою столицу на произвол судьбы. Вслед за ним ушло и почти всё население Кашлыка. 26 октября 1582 года Ермак вступил в опустевшую сибирскую столицу. Здесь казаки зазимовали. К ним начали приходить князьки окрестных сибирских племён. Ермак принимал их в русское подданство. Теперь они должны были платить ясак, то есть дань, взимаемую в основном пушшиной, не Кучуму, а Москве. Так началось освоение русскими Сибири.

Но Кучум ещё долго продолжал сопротивляться. Через несколько лет в одном из боёв Ермак погиб. На его небольшой отряд внезапно ночью под проливным дождём напали татары. Атаман, пытаясь спастись, бросился в воды Иртыша и утонул. Но дело Ермака не пропало. Вслед за ним в Сибирь устремились новые отряды казаков и стрельцов, а потом и русские крестьяне, ремесленники, охотники. В конце XVI века войска Кучума окончательно были разбиты, и Сибирское ханство перестало существовать.

Если на востоке внешняя политика Грозного была успешной, то на западе возникли большие трудности. Важной задачей, стоявшей перед Россией, была борьба за выход к Балтийскому морю — Московское царство оставалось отрезанным от морских путей на северо-западе. Балтика связывала Западную Европу с русскими землями, поэтому обладание этим регионом сразу бы сделало контакты России с Европой более тесными и эффективными. Развитие торговли благотворно сказалось бы на хозяйственной жизни, на новый уровень поднялись бы и культурные отношения с европейскими

странами. Однако путь к Балтике преграждал Ливонский орден. Ещё Иван III пытался укрепиться у балтийских берегов, построив Ивангород. Но продвинуться дальше без конфликта с ливонскими рыцарями было невозможно.

Иван Грозный решил сокрушить Орден и добиться выхода к морю. Для начала войны воспользовались двумя обстоятельствами. Во-первых, Орден уже несколько лет не платил России дань за город Юрьев (Дерпт). Город находился на орденской территории, но признавался русским. За право владения им Орден выплачивал русскому правительству ежегодную сумму. Во-вторых, рыцари задержали иностранных специалистов, приглашённых в Россию царём. Этого оказалось достаточно, чтобы в январе 1558 года Россия объявила Ордену войну. Эту войну, длившуюся четверть века, называют Ливонской.

Первоначально русские войска добились больших успехов. Они заняли почти всю Ливонию, захватив крупнейшие города. Ливонский орден развалился. В одном из сражений Великий магистр попал в плен. Новый магистр признал себя вассалом польского короля, который одновременно являлся и великим князем литовским.

Падение Ордена было чрезвычайно важно для России. Но теперь на земли Ордена претендовали сразу несколько государств. Во-первых, Великое княжество Литовское, находившееся в унии с польским королевством — Речью Посполитой. Северные территории мечтали захватить также Швеция и Дания. Так вместо одного противника перед Россией встали сразу три. Всё это сильно затянуло войну. Русские войска надолго «увязли» в Ливонии. Обстановка осложнялась и внутренними беспорядками. В России началась опричнина.

В Речи Посполитой после смерти короля наступило «бескоролье», когда на корону претендовало сразу несколько кандидатов. Возникли противоречия между Швецией и Данией. Военные действия велись с переменным успехом, то замирая, то разгораясь вновь. Наконец, на королевский трон Речи Посполитой взойшёл венгерский аристократ Стефан Баторий. Талантливый полководец, он сразу возобновил войну. Собрав сотысячное войско, Баторий взял Полоцк, ещё в начале войны отвоеванный русскими, и вынашивал планы похода на Москву. Северную Ливонию (территория нынешней Эстонии) оккупировали шведы. Война вплотную подошла к старым русским границам.

Здесь на пути Батория стоял древний Псков. Город окружали мощные каменные стены с башнями. Гарнизон города был невелик — всего около 20 тысяч человек, но на защиту Пскова поднялись все его жители. Обороной руководил опытный воевода князь Иван Петрович Шуйский. «За Псковград и русскую землю биться всем до смерти» поклялись защитники Пскова. В августе 1581 года войска Батория подошли к стенам города. Король предполагал взять крепость за один день. Его солдаты пообещали отужинать в русском Пскове. Для устрашения жителей они прошли перед городом военным парадом.

Но всё обернулось по-иному. Осада Пскова продолжалась около пяти месяцев! Захватчики били из пушек по стенам, но, когда ри-

нулись в образовавшиеся провалы, на их пути встали деревянные стены, сооружённые псковичами. Защитники города сражались отчаянно. В строй встали все от мала до велика. Женщины и дети помогали воинам: подносили боеприпасы, провизию, ухаживали за ранеными. В бой устремлялись даже священники и монахи. Более десяти раз штурмовал Баторий непокорный город, и каждый раз его атаки кончались безрезультатно. Однажды полякам удалось захватить две крепостные башни. Но псковичи устроили в них подкопы, заложили порох и взорвали башни вместе с вражескими солдатами.

Героическая оборона Пскова сорвала планы Батория. Мужество и стойкость русских людей преградили врагам путь на Русь. Столкнувшись с таким упорным сопротивлением и потеряв немало сил, Речь Посполитая согласилась на мирные переговоры. В 1582 году Россия заключила перемирие с Баторием, а в 1583-м — со шведами. Ливонская война завершилась.

Для России она окончилась поражением. Все земли, захваченные во время войны, пришлось отдать. Более того, к Швеции отошли и русские земли, включая города Ивангород, Копорье, всё течение реки Невы и часть Карелии. Россия не только не вышла к Балтийскому морю, но и оказалась ещё больше от него отброшена. Задачу, которую не выполнил Иван Грозный, спустя полтора века осуществил Пётр I.

Вместе с внешними неудачами происходил поворот во внутренней политике. Он был связан с началом oprичнины — страшного порождения русского царя.

СУМЕРКИ ДИНАСТИИ

Иван Грозный отличался непомерным властолюбием и маниакальной подозрительностью. С годами эти качества усилились. Он не доверял своим приближённым, всюду ему мерещились заговоры и измена. В неверности бояр он убедился ещё в 1553 году. Тогда царь тяжело заболел. Думая о скорой смерти, он приказал боярам присягать своему малолетнему сыну. Но знать не спешила этого делать, начались сомнения. Иван выздоровел, но поведение бояр запомнил. Кроме того, у Ивана ведь был двоюродный брат — Владимир Андреевич, владевший небольшим Старицким княжеством (столица — город Старица на Волге). Владимир Андреевич был абсолютно безобидным человеком, но он пользовался некоторой популярностью у родовой аристократии. Иван постоянно подозревал Владимира в измене, в желании захватить престол.

С детства Иван свято верил в безграничность царской власти. Любое ослушание расценивал как преступление. В отличие от деда противоречия себе не терпел и только своё мнение считал истинным. Присутствие в его окружении Сильвестра и Адашева все больше и больше внушало царю беспокойство, поскольку их идеи нередко не соответствовали его собственным. Единодержавная власть не приемлет разногласий, но она может принять во внимание другие точки зрения и править, опираясь на свой авторитет. Однако Иван пошёл по другому пути. Он стал подавлять несогласных силой, главным своим методом сделал террор и превратил самодержавную власть царя в открытую тиранию.

В 1560 году царь разогнал «Избранную раду». Ее участников ждали опала и ссылки. С этого времени Грозный стал править абсолютно самодично. А в декабре 1564 года неожиданно для всех Иван уехал после богомолья из Троице-Сергиева монастыря в Александровскую слободу (ныне город Александров Владимирской области). Люди не знали что и думать. В начале 1565 года царский гонец привез в Москву два послания. В них государь объявил, что отказывается от царства из-за измен бояр и духовенства, но на посадских людей зла не держит. Так Иван столкнул высшие сословия с городскими низами. Конечно, он был уверен, что его призовут назад. А когда так и случилось, выставил

свои условия и, прежде всего, заявил о своём праве казнить изменников по собственному усмотрению. Руки у Ивана теперь были развязаны. А чтобы эффективнее проводить свою политику, он разделил всё государство на две части.

Одна часть называлась земщиной, вторая — опричниной (от слова «опричь», то есть «кроме», поскольку в опричнину вошли земли, не попавшие в земщину). Опричнина была личным царским владением. В неё Иван забрал центральные и северные районы страны, наиболее доходные и развитые в хозяйственном отношении. Те землевладельцы, кто не хотел остаться в опричнине, должны были поменять свои владения на земские. Таким образом происходила перетасовка в высшем сословии России. На смену старому боярству приходили новые люди. В опричнине была даже своя Боярская дума. Забрал к себе царь и часть дьяков из московских приказов. По сути своей, опричнина становилась государством в государстве.

Для своей охраны и поддержки царь создал и собственное войско. Поначалу в него входило около тысячи человек, но число это постоянно росло. В опричники пошли не только бояре и дворяне, но и всевозможные авантюристы, в том числе и иностранного происхождения. Главное, что роднило их, — личная преданность царю и полная зависимость от него. Иван хотел создать слой, на который мог опереться и тем самым ещё больше укрепить свою безграничную власть. Центром опричного войска стала Александровская слобода.

В своем безумии Иван дошёл до прямого издевательства над церковью. Сам он был своего рода игуменом опричников, а опричники — монахами. Они одевались во все чёрное, а к седлам своих коней привешивали собачьи головы, означавшие собачью преданность царю, и метлы, чтобы «выметать» из страны измену. Только в отличие от монахов опричники занимались совсем другими делами.

Начался беспредельный террор. По приказу царя опричники громили усадьбы бояр и крестьянские дворы. Они грабили, убивали и насиловали. Кровь лилась рекой. Жесточайшие казни и разгульные попойки сменялись молитвами и постами. Царь буквально упивался убийствами. Казнили всех подряд — и аристократов, и незнатных дворян, и представителей духовенства. С прочим людом и вовсе не считались. Страну уничтожал собственный правитель. Временами казалось, Иван одумывался. Он бросался на колени перед иконами и отбивал земные поклоны. Но потом все начиналось снова. Безумие царя, которому всюду мерещились измены и крамола, толкало его на самые подлые преступления. В огне террора погибли десятки боярских родов. Земский собор обратился к царю с просьбой отменить опричнину. В ответ царь приказал казнить около двухсот челобитчиков. Решительно осудил опричнину и митрополит Филипп. Грозный приказал лишить его сана и сослать в монастырь. Там страдальца задушил один из главных опричных палачей — Малюта Скуратов. Пал жертвой и Владимир Андреевич. По приказу Ивана его отравили вместе с молодой женой и маленькими детьми. Мать Владимира Андреевича, княгиню Евфросинью, утопили в реке. Больше никаких родственников, кроме собственной семьи, у царя не осталось. Опричный разгул, массовые

казни, грабежи и погромы превратили опричное войско в банду убийц и мародеров. В 1570 году с этой бандой царь двинулся на Новгород.

Он обвинил новгородцев в желании перевернуться на сторону Речи Посполитой (напомню, что тогда шла Ливонская война) и извести своего царя. Этого оказалось достаточно для почти полного уничтожения города. Разгром Новгорода продолжался шесть недель. Казни сопровождались изуверскими пытками. Каждый день сотни людей сбрасывали под лед Волхова. Вода в реке покраснела от крови. Опричники рыскали по окрестным сёлам и деревням, расправлялись со всеми: боярами, священниками, купцами, ремесленниками. Погибли тысячи крестьян и посадских. Царь разорил в городе все церкви. Город был опустошен, как будто по нему прошли полчища Батые. После опричного разгрома Новгород из мощного городского центра превратился в провинциальное захолустье. Из похода опричники возвращались с награбленным добром. Царь хотел также разгромить и Псков, который лишь чудом уцелел. Говорят, что царя предостерег юродивый Николка, и от страха перед святым человеком Иван отступил.

Летом 1570 года начались казни в Москве. Перепуганных горожан сгоняли на площадь, где установили виселицы и плахи. Москвичи в ужасе говорили, что царь хочет уничтожить всех жителей столицы. Но казни затронули только работников приказов. Несколько часов продолжалось это побоище. Казнили более сотни человек. Царь и его сын Иван лично расправлялись с «изменниками».

За несколько лет Иван Грозный разорил свою страну. Какой же смысл был во всём этом? Долгое время историки полагали, что с помощью опричнины место старого боярства заняло дворянство, добивавшееся для себя ведущего положения в государстве. Но исследования А. А. Зимина, В. Б. Кобрин и других историков показали, что опричина вовсе не была направлена против бояр. С помощью этого «инструмента» Иван Грозный пытался избавиться от пережитков удельной системы: уничтожил последний удел — своего брата Владимира старичко, сохранявший хотя бы видимость какой-то самостоятельности, стремился подчинить своей воле церковь, ликвидировав митрополита Филиппа, наконец, разгромил Новгород, ещё помнивший о былой вольности. Но самое главное — Грозный укреплял свою абсолютную власть, недаром в опричнине состояли только лично преданные царю люди. Путь постепенных реформ «Избранной рады» оказался для Ивана менее приемлем, чем «шоковая терапия» опричного беспредела. Накладывала свой отпечаток и своеобразная личность самого царя.

Бежавший за границу бывший друг Грозного князь Курбский обличал в письмах к нему опричную политику: «За что, о царь, бояр побил и воевод, Богом данных тебе, различным смертям предал? За что победоносную и святую кровь их в церквах Божьих пролил и их мученической кровью обаграл церковные пороги? И на доброжелателей твоих, душу за тебя полагающих, неслыханные мучения, и гонения, и смерть замыслил и, обвинив без вины православных в измене, цардействе и в ином неподобном, тщетно пытался белое за чёрное и сладкое за горькое выдать! В чём провинились перед тобою, о царь, чем

прогневили тебя, христианский заступник? То ли нам, бедным, воздал, всячески губя нас? Или думаешь, что ты бессмертен, царь? Не думай, царь, не представляй мысленно, что мы, убитые, заточённые и изгнанные тобою без вины, уже погибли. Не радуйся этому, мнимой силой хвалясь: убитые тобою, стоя у престола Господня, просят отпущения; заточённые же и несправедливо изгнанные в другие края, взываем мы к Богу день и ночь».

Характерен ответ Ивана Грозного: «Мы не отняли ни у кого царства, но по Божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и Божиим повелением воцарились и взяли всё родительским благословением, а не похитили чужое. (...) Смотри и разумей: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретённой кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится Богу. Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести мученический венец? (...) Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить... Мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумываем, если же ты говоришь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят».

Опричнина и Ливонская война ослабили Московское царство. Тяжелым положением России не замедлили воспользоваться враги. В 1571 году к Москве внезапно подошло войско крымского хана Девлет-Гирея. Опричники, храбрые только в убийстве беззащитных людей, не смогли остановить татар. Царь Иван позорно бежал из столицы. Но Девлет-Гирей не стал штурмовать город, а поджёг посад. Вскоре огонь перекинулся и за кремлёвские стены. За несколько часов Москва сгорела дотла. Крымский хан в письме царю заявил, что это — месть за Казань.

На следующий год он решил повторить поход. Но соединенное земско-опричное войско под командованием воеводы князя Михаила Ивановича Воротынского разбило орду. Это случилось у села Молоди под Серпуховом. Москва была спасена. Но набеги крымцев показали царю, что опричнина изжила себя — его подопечные ни на что не способны. Вскоре Грозный отменил опричнину. Но, как и бывает у неуравновешенных людей, теперь он впал в другую крайность — теперь казнили уже самих опричников. Тем самым царь хотел вновь сменить своё окружение и таким образом укрепить собственную власть. Произносить слово «опричнина» запрещалось под страхом смерти. Но террор не прекратился, казни продолжались и в дальнейшем. В числе прочих погиб и спаситель Москвы князь Воротынский. Никто из русских государей ни до, ни после Грозного не запятнал своё имя такими кровавыми делами. Конечно, казни случались и раньше, и потом, но никогда они не принимали столь массовый характер. Лучшие люди России были уничтожены своим безумным царем.

В 1575 году произошла еще одна странная вещь. Царь провозгласил великим князем крещёного татарского хана Симеона Бекбулатовича, а себя объявил всего лишь московским князем. Таким образом, на российском престоле оказалась марионетка, которой Иван отдавал распоряжения в виде униженных челобитных. Этот нелепый маскарад продолжался около года, а потом все стало по-прежнему. Причины этого поступка Ивана до сих пор остаются непонятными.

Государство было разорено. Хозяйство пришло в упадок. Крестьяне нищали, запустели пашни, свирепствовала чума. Затяжная Ливонская война требовала невероятного напряжения сил. Единственным способом для правительства стало усиление налогового гнета, поэтому в 1581 году ввели практику «заповедных» лет. В эти годы Юрьев день вообще отменялся. Крестьяне не могли уйти от своего хозяина. Последующие годы тоже объявлялись «заповедными». Так появились зачатки крепостного права. Отсюда же и грустная поговорка: «Вот те, бабушка, и Юрьев день!» Все это привело к резкому экономическому спаду. В течение нескольких лет развился тяжелый хозяйственный кризис.

Под стать гибнущей стране был и сам её правитель. В свои 50 лет Иван Грозный выглядел дряхлым стариком. Он облысел, с трудом передвигался, плохо видел. Его личность всё более деградировала: приступы дикого гнева сменялись тупой апатией. В конце жизни он пережил еще одну, на этот раз семейную трагедию.

Вообще семейная жизнь царя была бурной. Первая жена, Анастасия, умерла в 1560 году, оставив ему нескольких детей. Старший сын Дмитрий ещё в младенческом возрасте утонул. Второй, наследник Иван, отличался таким же необузданным нравом, как и отец. Третий, Фёдор, наоборот, был тих и незлобен. Потом царь женился еще шесть раз. Его избранницами были женщины самого разного происхождения: от кабардинской княжны Марии Темрюковны до вдовы какого-то дьяка Василисы Мелентьевой. Поскольку церковь запрещала жениться более трех раз, с последними женами царь жил без венчания. Надоевших отправлял в монастырь. От второй жены княжны Марии (Кученей) Темрюковны (ум. 1569) у Ивана родился сын Василий, вскоре умерший. Остальные браки — с Марфой Васильевной Собакиной, Анной Алексеевной Колтовской, Анной Григорьевной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой Ивановой были бездетными. Седьмая жена Ивана — Мария Фёдоровна Нагая (ум. в 1611) родила сына Дмитрия (после смерти Грозного Дмитрия и Марию, монахиню Марфу, отправили в Углич, последний удел средневековой Руси, там Дмитрий погиб при невыясненных обстоятельствах 15 мая 1591 года). Незадолго до смерти Иван намеревался жениться в восьмой раз — на родственнице английской королевы Елизаветы I Марии Гастингс.

Царевич Иван Иванович также был женат трижды, но потомства не оставил. Единственный внук Грозного родился мертворождённым.

В 1581 году во вспыхнувшей ссоре царь ударом посоха в висок убил сына Ивана, а в 1584 году скончался и сам.

Царствование Ивана Грозного пришло к своему бесславному концу.

На престол взошёл сын Ивана Грозного и Анастасии Романовны — Фёдор Иоаннович (1557—1598). Он был полной противоположностью отцу. Уравновешенный и добрый, не переносил жестокости. Всю свою жизнь замаливал грехи родителя, проводя время в постах и молитвах. Современников удивлял этот странный человек. Привыкшим к ужасам и крови, им странно было видеть такого царя, поэтому многие считали царя Фёдора слабоумным, недалеким. Шведский король язвительно писал, что москвиты называют своего царя словом «durak». А вот как отзывались о царе Фёдоре другие современники: «Этот благочестивый самодержец, праведный и пречудный и крестоносный царь и великий князь Фёдор Иванович всеа Руси, древним царям благочестивым равнославен, нынешним же красота и светлость, будущим же — сладчайшая повесть и слуха благое наслаждение, не только в одной Российской богохранимой державе, но во всей вселенной — самый пречестнейший и с самой своей царской юности полон духовной мудрости. Хотя и держал он превысочайшего Российского царства честный скипетр, но ум свой и душевное око постоянно обращал к Богу, постоянно хранил сердечную веру и подкреплял её благими делами. Тело своё изнурял всенощными бдениями, воздержанием, постом, душу свою царскую умащал изучением божественных писаний» («Повесть о честном житии царя Фёдора» патриарха Иова). «Царь же Фёдор ростом был мал, образ имел постнический, смиренный. Заботился о душевной чистоте, часто молился. Постоянно подавал нищим милостыни. О мирских вещах мало думал, заботился о душевном спасении. Таким он был всю жизнь, с младенчества. За это благочестие Бог даровал его царству мир, врагов всех ему покорил и у ног его поставил. Время его правления для людей было благоутешным» («Летописная книга» 1626 года, приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому). В XVII веке Русская православная церковь рассматривала вопрос о причислении царя Фёдора к лику святых.

Он мало вмешивался в государственные дела, поручив их брату своей жены Ирины — боярину Борису Фёдоровичу Годунову. Годунов происходил из древнего, хотя и не очень знатного рода. Он выдвинулся при Иване Грозном, а при царе Фёдоре и вовсе вышел на первый план.

Хозяйственное положение в стране оставалось тяжелым. Крепостная зависимость усиливалась. В 1597 году был принят указ об урочных летах — пятилетнем сроке сыска беглых крестьян. Многие крестьяне тогда от безысходности подались на юг, на окраинные земли государства. Правительство искало их и возвращало прежним владельцам. Если не удавалось этого сделать в течение пяти лет, беглец становился вольным человеком. Этот указ стал еще одним шагом на пути к закрепощению. Потом срок сыска беглых всё больше и больше увеличивался.

А вот во внешней политике появились отрядные черты. В 1591 году отбили набег на Москву крымского хана Казы-Гирея. Это было послед-

нее появление татарского войска у стен русской столицы. В 1590—1595 годах велась война со Швецией. Она закончилась для России удачно: были возвращены Ивангород, Копорье и другие города, утраченные в ходе Ливонской войны.

Царствование Фёдора Иоанновича принесло временное успокоение разоренному государству. Вроде бы жизнь возвращалась в прежнее русло. Но в январе 1598 года царь Фёдор скончался.

Однако оставался ещё младший сын Ивана — Дмитрий. Его судьба, а точнее смерть стала кровавым прологом к событиям Смутного времени. После смерти Грозного Дмитрия, которому было всего полтора года, и его мать Марию Фёдоровну Нагую, седьмую по счёту и последнюю жену царя Ивана, отправили в Углич, последний, чисто номинальный удел средневековой Руси. Конечно, «устранение» Дмитрия из Москвы организовал Годунов. Он всеми способами стремился упрочить свою власть, а может быть, и сам надеялся в будущем занять трон. Ведь единственный ребёнок царя Фёдора и царицы Ирины — дочь Феодосия умерла, не прожив и двух лет.

Царевич Дмитрий от рождения страдал тяжёлым недугом — эпилепсией. Эту болезнь на Руси называли «падучей». Временами с царевичем случались припадки. Тогда он бросался оземь, а его тело билось в страшных судорогах. По характеру Дмитрий напоминал отца. Он отличался какой-то странной, недетской жестокостью. Любил, например, зимой лепить снеговиков, называть их именами бояр и «рубить» им головы. Говорил, что так будет поступать с придворными, когда станет царём, а первым «из снеговиков» оказывался Годунов.

В полдень 15 мая 1591 года жители Углича слышали набат. На дворе терема, где жил с матерью царевич, стряслась беда. Умиравший Дмитрий лежал на земле, истекая кровью. На крик мамки царевича Василисы Волоховой выбежала Мария Нагая. Она иступлённо кричала, что её сына убили. Сбежавшиеся горожане под руководством родственников царицы Нагих тут же расправились с теми, кого заподозрили в преступлении, и разгромили Приказную избу.

Четыре дня спустя в Углич прибыла специальная комиссия во главе с боярином князем Василием Ивановичем Шуйским. Она должна была провести расследование и установить истину. Вывод следствия был однозначен: царевич играл с ребятами в «тычку», то есть бросал ножик в очерченный на земле круг; во время игры у Дмитрия случился припадок, он случайно наткнулся на нож и поранил себя в шею. Как показала Волохова, Дмитрия «бросило о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Рана оказалась смертельной. Однако в народе поползли слухи, что царевича убили люди, подосланные Борисом Годуновым.

Как бы то ни было, смерть Дмитрия действительно облегчила Борису путь к власти. Теперь у царя Фёдора не осталось наследников. И царская династия Рюриковичей неминуемо должна была закончиться.

ПРИЗРАКИ ЦАРСКОГО РОДА

По некоторым сведениям, перед смертью в 1598 году Фёдор Иоаннович передал власть своей жене Ирине Годуновой. Однако она постриглась в Новодевичий монастырь под именем Александры (где и умерла в октябре 1603 года). Вопрос о наследнике престола оказался открытым, и тогда наступил звёздный час Бориса Годунова. Он сумел обойти соперников, и на Земском соборе его провозгласили московским царём. Таким образом, впервые в русской истории на престоле оказался человек, занявший его не по праву рождения, а в силу выбора. Род Годуновых хоть и был древним, не мог соперничать по знатности с многими другими боярскими фамилиями. Но узы родства связывали Бориса и с царём Фёдором, и с другими семьями, близкими ко двору. Сам он был женат на дочери Малюты Скуратова, а её сестра была супругой князя Дмитрия Ивановича Шуйского, старшего брата вышеупомянутого Василия Шуйского.

В момент коронации Годунов попытался привлечь на свою сторону разные общественные слои. Московский люд целую неделю бесплатно угощали мёдом и пивом. Боярам и дворянам выдали сразу тройное жалованье. Из тюрем освободили многих заключённых, а смертная казнь была вообще отменена на пять лет вперёд. Во время церемонии венчания на царство Борис заявил: «Бог свидетель сему, никто не будет в моём царствии нищ или беден», а потом, взявшись за ворот сорочки, сказал: «И сию последнюю разделю со всеми». Но эти обещания оказались не так-то легко выполнить.

Став царём, Годунов в 1600–1601 годах жестоко расправился с родственниками царя Фёдора по матери — боярской семьёй Романовых. Главу рода — Фёдора Никитича Романова, доводившегося двоюродным братом царю Фёдору, насильно постригли в монахи с именем Филарета и отправили в дальний монастырь. Других Романовых тоже ждали опала и ссылка.

Казалось бы, теперь за будущее царствования можно не волноваться. Борис продолжал проводить ту же политику, что и при царе Фёдоре, он даже пытался облегчить жизнь простого народа, уменьшить налоговое бремя. Но условия для него сложились неблагоприятно.

В 1601 году страну потряс страшный неурожай. Всё лето шли дожди, а потом ударили ранние морозы. То же самое повторилось и на следующий год. В России начался голод. Три года продолжался этот кошмар. Цены на хлеб выросли более чем в сто раз. Люди ели собак и кошек, глодали кору деревьев. Появились даже случаи людоедства. Начались массовые эпидемии, смерть тысячами косила людей. В одной только Москве за эти годы на трёх кладбищах похоронили 127 тысяч человек. Трупы не успевали убирать. А богачи между тем прятали в своих амбарах зерно. Царь пытался установить предел цен на хлеб, даже начал раздавать царские запасы, но всё тщетно. Шайки голодных бродили по стране. То тут, то там вспыхивали народные волнения, мятежи и бунты. Самым крупным из них было восстание в центральных уездах государства под предводительством атамана Хлопка Косолапа (1603 — 1604). В нём в основном участвовали холопы и казаки. С большим трудом правительственным войскам удалось подавить мятеж. Но пламя народного гнева было уже не остановлено.

Во всех бедах народ стал винить самого царя. В глазах людей Борис был узурпатором трона. Ведь он не принадлежал к царскому роду, получил власть неправым путём. Неурожай и мор воспринимались как Божье наказание за принятие «беззаконного царя», уничтожившего старую династию. Теперь мало кто сомневался, что Годунов повинен в гибели царевича Дмитрия. А некоторые обвиняли его и в убийстве Фёдора Иоанновича.

Но если этот царь беззаконен, то где-то должен быть и настоящий, истинный, «природный» потомок царского рода. Люди верили в «добророго» царя, готового прийти на смену Годунову. Народ ждал его. И он появился.

В 1602 году в Речи Посполитой молодой человек, физически крепкий и внешне немного напоминавший погибшего царевича, объявил себя чудесно спасшимся Дмитрием. Согласно проведённому позже сыску, этим молодым человеком был Юрий Богданович Отрепьев, сын небогатого галичского дворянина.

По семейной легенде, род Отрепьевых произошёл из Польши. Своим родоначальником они считали одного из рыцарей, приехавшего на службу к Дмитрию Донскому и сражавшегося в рядах русских полков на Куликовом поле. В юности Юрий находился на службе у Фёдора Никитича Романова, но после его опалы постригся в монахи с именем Григория. Некоторое время он жил в московском Чудовом монастыре и служил патриарху Иову. Вероятно, люди из романовского окружения и внушили Отрепьеву мысль, что он является на самом деле сыном Ивана Грозного — царевичем Дмитрием.

Вдохновлённый этой идеей, Григорий бежал в Польшу. Там он предстал перед видным магнатом князем Адамом Вишнёвским и открыл ему свою тайну. Главным покровителем Отрепьева в Речи Посполитой стал воевода города Сандомира Юрий Мнишек. Григорий договорился с ним о женитьбе на его дочери Марине, пообещав ей в случае занятия престола Новгородскую землю. Поляки поддержали самозванца, ведь Отрепьев щедро раздавал обещания. Так, он обязался передать Речи Посполитой Смоленскую и Северскую земли, с потерей

которых польское правительство так и не могло смириться. Кроме того, самозванец заручился поддержкой католической церкви. Тайно приняв католичество, Отрепьев после восшествия на престол должен был начать «окатоличивание» русских земель.

Политическая поддержка Речи Посполитой сыграла большую роль в истории Лжедмитрия I. Но и русский народ был готов пойти за самозванцем. Это вскоре показали последующие события.

В конце 1604 года с небольшим отрядом своих сторонников, поляков и казаков, самозванец вступил в пределы Московского государства. Он выбрал не короткий путь — через Смоленск, а длинный — через Чернигов и Северские земли. Там находилось немало казаков и холопов, недовольных политикой Годунова. И тут произошло «чудо». Русские города стали один за другим переходить на сторону Отрепьева. Его воинство росло с каждым днём. Повсюду радостно встречали «законного царя Дмитрия».

Годунов тоже собрал верные силы и под руководством боярина князя Фёдора Ивановича Мстиславского двинул их навстречу врагу. У села Добрыничи в январе 1605 года войско авантюриста было разгромлено. Но это поражение не сломило его. Уверенный в конечной победе, Лжедмитрий быстро оправился от удара и возобновил поход. Царь Борис не на шутку встревожился, власть быстро ускользала из его рук. В этой тревожной обстановке 13 апреля 1605 года Годунов внезапно скончался от апоплексического удара. Ходили слухи, что, не выдержав напряжения, царь принял яд.

Наследником Бориса стал его молодой сын Фёдор, начавший править под руководством матери — Марии, дочери Малюты Скуратова. Однако царствование Фёдора оказалось быстротечным.

Между тем под городом Кромь царские войска перешли на сторону самозванца. Теперь путь на Москву был открыт. Лжедмитрий направил в столицу двух дворян — Плещеева и Пушкина (оба — родственники известных русских поэтов). Они собрали на Красной площади народ и объявили о милостях нового царя. Привели Василия Шуйского, который вёл расследование гибели царевича Дмитрия. Перепуганный боярин заявил, что царевич и вправду спасся. Тогда заговорщики ворвались в Кремль. Фёдора Годунова и его мать арестовали, а затем убили. Вот как об этом рассказывается в «Новом летописце»: «Князь Василий Васильевич Голицын да князь Василий Мосальский, взяв с собой Михалку Молчанова и Андрея Шерешетдинова да трёх человек стрельцов, пошли на старый Борисов двор, где сидели под стражей царица и царевич, и вошли в дом. Они сидели там, как овцы, ожидая смерти. Стрельцы-убийцы развели их по разным комнатам. Царицу задушили тут же. С царевичем же долго не могли справиться, поскольку он был молод и силен и Бог дал ему мужество. Убийцы пришли в ужас, поскольку он один противостоял четырём. С трудом удалось им его скрутить и удавить. Князь Василий сказал собравшимся людям, что царица и царевич со страху сами отравились, жива только царевна».

Сестру Фёдора Ксению отвели на двор к князю Мосальскому, потом её забрал к себе самозванец. Позже Ксению постригли в монастырь с именем Ольги.

20 июня 1605 года «царевич Дмитрий Иоаннович» торжественно вступил в столицу, а через месяц венчался на царство. Обряд происходил в двух главных соборах страны: Успенском, где венчались на царство все московские цари, и в Архангельском, где «Дмитрий» плакал у гробов «предков». Из далёкого монастыря привезли мать Дмитрия Марию (в монашестве Марфу) Наугу. В подмосковном селе произошла её трогательная встреча с Отрепьевым, во время которой бывшая царица признала в самозванце «сына».

Новому царю удалось склонить на свою сторону большинство Боярской думы, во главе которой встал хитрый авантюрист Богдан Яковлевич Бельский, выдвинувшийся ещё при Иване Грозном. Вместо сторонника Годуновых патриарха Иова Лжедмитрий сделал патриархом своего ставленника грека Игнатия.

Однако, несмотря на энергичный характер, Лжедмитрий не оправдал ни надежд Польши, ни чаяний собственного народа. Он как бы оказался между двух огней: взяв обязательства перед поляками, должен был выполнить их, но понимал, что это вызовет недовольство в России. Поэтому не торопился ни отдавать Речи Посполитой русские территории, ни вводить в стране католичество, хотя сам открыто пренебрегал православными обычаями. Вместо же обещанных земель самозванец предложил полякам денежный выкуп.

Став московским государем, Лжедмитрий подтвердил принятые до него законы. Он даже увеличил срок сыска беглых крестьян. Для пополнения казны нужны были новые налоги... Однако решить насущные проблемы «царь Дмитрий Иванович» не успел.

Внешне Лжедмитрий не походил на предыдущих московских царей. «Летописная книга» Катыерева-Ростовского даёт ему такую характеристику: «Ростом мал, грудь имел широкую, мышцы толстые, лицо простое, не царского вида, кожу имел смуглую. Остроумен, образован, дерзок, многоречив, хорошо умел скакать на лошади. На врагов смело ополчался, храбр и силен, очень любил воинский чин». В нём не было степенства и важности. По дворцу он ходил так быстро, что бояре не поспевали за ним. Послеобеденный отдых заменял прогулками по городу. Вознамерился даже сам принимать челобитчиков. Всё это не укладывалось в традиционные представления о царе. Нарочитая простота Отрепьева отталкивала от него бояр. Станным он выглядел и в глазах простого люда.

Особенно возмутила свадьба Лжедмитрия с приехавшей в Москву Мариной Мнишек. Появившиеся в столице поляки вели себя нагло и бесцеремонно. В народе пошли толки о том, что царь отвернулся от православных обычаев, потворствует «латинянам». Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, с гневом вспоминал: «Охрану дворца поручил он немцам и литовцам. Полякам раздал все древние царские сокровища. Еретическое лютерское племя стало носить воду в серебряных сосудах, в бане мыться в золотых и серебряных тазах. Разрешил всем еретикам и жидам заходить в святые Божии церкви, даже в храм Успения Богородицы (в Успенский собор), и там класть локти и прислоняться к ракам великих чудотворцев Петра и Ионы. Гордясь в своём безумии, повелел

расстрига писать себя в титулах наяснейшим и непобедимым цесарем, полагая, что царский титул для него мал».

Зыбкой ситуацией решили воспользоваться несколько бояр во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским. Они организовали заговор против Лжедмитрия. В период свадебных торжеств обстановка в Москве накалилась, и ранним утром 17 мая 1606 года заговорщики проникли в Кремль. Отрепьева и Марину застигли врасплох. «Разом во всех церквах ударили в набат. Тогда из всех углов побежали толпами сотни и тысячи человек, кто с дубинками, кто с ружьями, кто с обнажёнными саблями, с копьями или с тем, что попало им под руку. Все они бежали к Кремлю. Сильно перепуганный Дмитрий швырнул в комнату свой палаш, стал рвать на себе волосы и, ничего не сказав, ушёл от немцев в свою спальню. Те бросились в соседнюю комнату и заперлись, но царя уже не было. Он ушёл из своей спальни потайным ходом, пробежал мимо царицыных покоев в каменный зал, где со страху выпрыгнул в окно с высоты 15 сажень на пригорок и спاسся бы, если бы не вывихнул ногу» (Конрад Буссов). Тут его настигли и убили.

Труп «царя Дмитрия Ивановича» выволокли за Спасские ворота. Потом привели инокиню Марфу, бывшую царицу Марию Нагую. Она тут же отреклась от самозванца. Тело Отрепьева сожгли, а пеплом, по легенде, зарядили пушку, выстрелившую в ту сторону, откуда пришёл Лжедмитрий на Москву. Дочь польского воеводы Марину арестовали и отправили в ссылку в Ярославль. В другие города под надзор выслали и польских шляхтичей из окружения самозванца.

Так закончилась авантюра «воскресшего из мёртвых» царевича. Гибель Лжедмитрия I означала падение престижа царской власти. Монарх уже не внушал прежнего трепета. Царя можно было свергнуть, а можно и убить. Тем самым открывался простор для последующих бесчинств Смутного времени.

Через два дня после гибели расстриги сторонники Василия Шуйского создали импровизированный Земский собор. На нём Шуйский был «выкликнут» московским царём и стал вторым избранным правителем в русской истории. Царь Василий Иоаннович дал крестоцеловальную запись — грамоту, в которой обязался сохранять привилегии боярства, не налагать опалы и не казнить без суда, не отнимать боярские вотчины без согласия Думы, то есть править в соответствии с интересами боярской верхушки. Но и другие подданные получали гарантии своих прав. Шуйский, таким образом, принёс первую в истории России присягу своему народу.

Новый царь не отличался особенными достоинствами. Этот маленький, подслеповатый, тщедушный человек главным орудием своей политики избрал хитрость и интригу. Он неоднократно менял убеждения в зависимости от обстоятельств, был подозрителен и лицемерен. Внушал скорее презрение, чем уважение. «Царь Василий ростом мал, некрасив, очи имел подслеповатые; в книжном учении сведущ, рассудителен и разумен; скуп очень и неотзывчив; единственно к тем благоволил, кто нащёптывал ему ложное на людей, он же их слушал с удовольствием и радостью; любил гадать у волхвов, а о воинах своих не радел» («Летописная книга» Катыерева-Ростовского). Не обладая та-

лантами государственного деятеля, Василий Иванович в критический момент встал во главе государства и не сумел установить в нём порядок и покой.

Чтобы пресечь всевозможные слухи о спасшемся царевиче, Шуйский организовал торжественное перенесение останков подлинного Дмитрия из Углича в Архангельский собор Московского Кремля. По его настоянию, погбиший царевич был причислен Русской православной церковью к лику святых. Во главе церкви вместо смещённого Игнатия теперь встал новый патриарх — казанский митрополит Гермоген. Теперь любое выступление «под знамёнами царевича Дмитрия» выглядело не просто самозванством, но и кощунством. Примкнувший же к мятежникам становился еретиком, дерзнувшим сомневаться в мученичестве святого царевича. Но это не остановило буйные головы на окраинах страны. Против царя Василия выступили воеводы некоторых городов, где уже зре-ли новые ростки смуты.

Призрак Лжедмитрия не давал покоя растревоженной стране. Он вновь стал знаменем и дворянской оппозиции, и широких народных масс. Нашёлся и новый вождь движения — Иван Исаевич Болотников. Сам он был, вероятно, мелким дворянином, но служил военным холопом у князя Андрея Телятевского. Болотников побывал в крымском и турецком плену, несколько лет рабски трудился гребцом на галере, потом был захвачен немецким кораблём. В Европе скитался из страны в страну, успев повоевать против турок на службе у австрийского императора. Наконец, попал в Речь Посполитую. Здесь он оказался в городе Самборе и в замке Мнишек встретился с двойником Отрепьева — Михаилом Молчановым, бежавшим из Москвы и выдававшим себя за чудом спасшегося царя Дмитрия. От Молчанова Болотников получил грамоту, скреплённую украденной из Москвы государственной печатью, в которой назначался воеводой «царя», и небольшую денежную сумму.

В России опорным пунктом «царского воеводы» стал город Кромь. В его окрестностях скопилось множество казаков — сторонников Лжедмитрия I, освободившего этот край от налогов на десять лет. Имя «царя Дмитрия» было здесь популярным, и потому Болотников без труда собрал из казацких отрядов небольшое войско. Во главе его он и начал свой поход на Москву.

К Болотникову со всех сторон стекались не только приверженцы первого самозванца, но и все недовольные новым московским царём. По своему составу это движение было разношёрстным. Активную роль в нём играли казаки, крестьяне, холопы и посадский люд. Но к войску Болотникова присоединялись и отряды, во главе которых стояли дворяне. Даже воеводы Путивля и Чернигова — князя Г. Шаховской и бывший хозяин Болотникова А. Телятевский тоже признали власть «царского воеводы». Поддержали Болотникова и народы Поволжья — мордва, марийцы, чуваша. Силы восставших росли с каждым днём. После того как им удалось разбить под Ельцом правительственные войска, они без труда захватили Калугу, Тулу, Каширу, Серпухов и другие города.

Восставшие не призывали изменить общественный строй. Они лишь боролись за себя, свою власть, положение и богатство. Но несмотря на то что Болотников выступал под монархическими знамёнами, в своих «прелестных письмах» (от слова «прельщать», так назывались грамоты-прокламации) он сулил народу смягчение крепостного гнёта. Всё это обеспечивало ему немалую популярность.

В октябре 1606 года воинство Болотникова подступило к Москве. Началась двухмесячная осада столицы. Лагерь мятежников находился у села Коломенского. Исход решающего сражения 2 декабря 1606 года решила измена дворянских отрядов, переметнувшихся на сторону царя Василия. Основные силы Болотникова были разгромлены, и он отступил к Калуге. Чтобы заручиться поддержкой дворянства, Шуйский в марте 1607 года обнародовал «Уложение о крестьянах», определявшее 15-летний срок сыска беглых крестьян. Впрочем, в условиях разрухи этот документ оставался декларацией и не смог укрепить власть «боярского царя».

Под Калугой, осаждённой царскими воеводами, судьба Болотникова казалась предreshённой. Но тут появилась неожиданная подмога. С Терека по Волге подошло войско, которое возглавлял новый самозванец, называвший себя «царевичем Петром». Им был казак Илья Иванов Коровин. В истории он известен с прозвищем Илейка Муромец, поскольку родился недалеко от этого города. «Второй Илья Муромец» оказался не храбрым богатырём, а ловким авантюристом-проходимцем. Он объявил себя сыном царя Фёдора Иоанновича, у которого якобы вместо дочери Феодосии родился сын Пётр. Царевича будто бы подменили девочкой, вскоре умерщвлённой Годуновым, Петра же верные люди долго скрывали в надёжном месте, и вот настало время, когда он объявился. Таким образом, Лжепётр (иногда его называли «Петруша») даже оказался «более законным» наследником престола, чем Лжедмитрий.

Войско Болотникова обрело нового претендента. С его помощью восставшим удалось вырваться из осады и подойти к Туле. Поход на мятежный город возглавил сам царь Василий. Три месяца длилась осада, и только благодаря вероломству Шуйского удалось захватить Тулу. Поверив его обещаниям сохранить им жизнь, повстанцы открыли городские ворота. Царь жестоко расправился с участниками движения. Болотникова ослепили, а затем утопили в далёком Каргополе, Лжепётр был привезен в Москву и публично казнён. Второй виток борьбы за «справедливого царя Дмитрия» был окончен. Но борьба неожиданном образом продолжилась.

Ещё во время осады Тулы царскими войсками в городе Стародубе Северском, недалеко от русско-польской границы, объявился новый самозванец. Видя, что движение Болотникова вышло из-под контроля и теперь стояло на краю гибели, польские магнаты решили поддержать очередного проходимца. Происхождение этого человека, объявившего себя спасшимся уже теперь из Москвы «царём Дмитрием», до сих пор неизвестно. По одной из версий, он был крещёным евреем по имени Богданко, который служил школьным учителем в городе Шклове.

С помощью польских отрядов Лжедмитрий II в мае 1607 года перешёл русскую границу, укрепился в Стародубе и вскоре двинулся в глубь русских земель. Его движение быстро приобрело популярность. К самозванцу потянулись отряды разгромленных сторонников Болотникова, присоединились и казаки под руководством лихого атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, и прочий люд, недовольный правлением Василия Шуйского.

Узнав о новом «царе Дмитрие», Болотников призвал его на подмогу, но тот не спешил к Туле и обосновался в Путивле. Как только движение Болотникова было разрознено, в начале 1608 года войско Лжедмитрия II двинулось на Москву. С ходу захватить столицу самозванцу не удалось, и в июне 1608 года он обосновался в подмосковном селе Тушино. Здесь образовался настоящий военный лагерь, где главную роль играли поляки и казаки. Польский дворянин Мартин Стадницкий вспоминал: «К востоку расположились донские казаки со своим атаманом И. Заруцким. Касимовский хан с татарами расположился на берегу Москвы-реки. У противоположного входа в лагерь находилась лёгкая конница. Тыльная часть лагеря охранялась русскими и поляками. Такое устройство уподобляло его городу: в нём были улицы, площади, рынки и лавки. Он был окружён толстыми и большими стенами и палисадами из остроконечных кольев, кроме того, неширокими, но глубокими рвами».

По названию села за самозванцем закрепилось презрительное прозвище «Тушинский вор». «Ворами» на Руси называли государственных преступников, а не только грабителей. Так началась новая осада Москвы, затянувшаяся на полтора года. Сюда, в Тушино, приехала и освобождённая по настоянию польского короля Сигизмунда III Марина Мнишек. Внешне Лжедмитрий II никак не походил на её мужа, но жажда власти рассеяла все сомнения, и Марина «с радостью» признала в нём бывшего супруга. «Воссоединение семьи» было затем подкреплено тайным браком по католическому обряду.

Власть Лжедмитрия II постепенно распространилась на довольно значительную территорию. Тушинский лагерь стал своего рода второй столицей Русского государства. Правда, столицей с несколько уголовным оттенком. Здесь возникла даже своя система государственного управления: свои Боярская дума и приказы, даже свой патриарх — им стал митрополит Филарет, тот самый Фёдор Романов, постриженный по приказу Годунова. Развал государства и всеобщая деградация породили и такое уродливое явление, как «тушинские перелёты». Так называли предприимчивых бояр, которые в поисках лёгкой наживы, неоднократно переходили от Василия Шуйского к Лжедмитрию II и обратно. Некоторые стремились заручиться поддержкой сразу обоих царей.

Самозванец по-прежнему оставался марионеткой в руках польских воевод, которые ринулись открыто грабить окрестные русские земли. Так, отряд Яна Сапеги в сентябре 1608 года осадил Троице-Сергиев монастырь. Монахи и укрывшиеся в монастыре местные жители сумели организовать оборону обители. В течение почти полутора лет доблестные защитники русской святыни героически отбивали присту-

пы польских захватчиков и выстояли в этой борьбе, сохранив монастырь от разорения.

В Тушине Лжедмитрию II пришлось столкнуться с таким сюрпризом, как появление новых «родственников». Самозванство оказалось популярным делом: на казачьих окраинах один за другим стали «воскресать» многочисленные дети и внуки Ивана Грозного, в реальности никогда не существовавшие. В общей сложности их объявилось более пятнадцати. В числе прочих оказались даже царевич Иван Иванович, убитый отцом в 1581 году, и чуть ли не сам царь Фёдор. Каждый из самозванцев сколачивал отряды сторонников и занимался разбоем, пытаясь закрепиться в каких-нибудь городках.

Многие, конечно, не верили авантюристам и относились к ним с пренебрежением, о чём свидетельствуют имена некоторых самозванцев: «царевичи» Мартынка, Гаврилка, Федорка. Но отдельным из них удавалось «выбиться на поверхность», чему способствовали слабость центральной власти и всё возрастающая анархия на местах. Так, крупный торговый город Астрахань в течение некоторого времени находился в руках самозванца Ивана-Августа.

Некоторые из проходимцев налаживали друг с другом связи и даже попытались «обрадовать» своим появлением Лжедмитрия II. В Тушине к нему явились два таких «царевича» — Август, «сын» Ивана Грозного, и Лаврентий, «внук» Грозного от царевича Ивана. Лжедмитрий сперва милостиво принял «родственников», но потом приказал их повесить. Однако на этом всплеск самозванства не прекратился.

В чём причина удивительной живучести этого явления? Самозванцы воплощали народную веру в «хорошего и доброго» царя, их считали носителями законной власти. Само это явление было способом борьбы с правящим режимом и даже оправдывало эту борьбу. При священном отношении к царской власти поддержка «истинного» государя становилась действием, угодным Богу и потому справедливым. Во времена смут и усобиц самозванцы обретали большую силу не потому только, что ловко обманывали людей, а потому, что люди сами хотели им верить. И здесь уже неважно, кем был тот или иной самозванец и были ли в нём «царские» черты. Главное, он становился заложником веры людей в «своего», «справедливого», а значит, и «настоящего» государя. Начавшись в Смутное время, самозванство так и живет до сих пор, то затухая, то снова поднимая голову.

Месяц за месяцем Лжедмитрий безуспешно осаждал Москву. Василий Шуйский понял, что без внешней помощи ему не обойтись. Союзником московского царя стала Швеция. В 1609 году в Выборге был заключен русско-шведский договор, по которому Россия отказалась от претензий на Балтике, уступила северному соседу Корельскую волость, а Швеция предоставляла свои войска для борьбы с Лжедмитрием. Со стороны Москвы договор заключил дальний родственник царя — воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Таким образом, Шуйские фактически открыли границы государства для шведских солдат. И хотя московские полки под командованием Скопина-Шуйского при поддержке шведов одержали ряд побед над сторонниками Лжедмитрия, мирный договор со Швецией привёл к от-

крытой войне с Речью Посполитой. Король Сигизмунд III решил сам вмешаться в русские дела. Поскольку Польша находилась в состоянии войны со Швецией, польский король объявил войну и России.

Большая польская армия вступила в пределы Московского царства. В сентябре 1609 года Сигизмунд осадил Смоленск. Его жители во главе с воеводой боярином Михаилом Борисовичем Шеиным героически защищали город в течение 20 месяцев. Начало открытой войны началось и конец авантюры Лжедмитрия II. Теперь он был больше не нужен Речи Посполитой. После того как Сигизмунд приказал всем полякам покинуть Тушино и идти под Смоленск, лагерь самозванца развалился.

В конце 1609 года Лжедмитрий бежал из Тушина в Калугу, а тушинские бояре отправились под Смоленск. Там они заключили с Сигизмундом соглашение о призвании на московский престол его 16-летнего сына Владислава. Условия договора сохраняли основы русского строя жизни. Принц (на Руси его называли «королевич») должен был принять православие, сохранить прежний административный порядок и сословную структуру, его власть ограничивалась Боярской думой и Земским собором. В ряде статей договора содержалась попытка защитить интересы русских землевладельцев от посягательств польских панов. Но главным камнем преткновения оказался вопрос вероисповедания. Сигизмунд в будущем планировал соединить Речь Посполитую и Московское царство в единое государство и противился переходу Владислава в православие. В итоге вопрос так и не был решён.

В марте 1610 года Скопин-Шуйский торжественно въехал в спасённую Москву. Именно на него возлагали москвичи главную надежду в войне с Польшей. Но в апреле 1610 года молодой воевода внезапно умер после пира. Ходили слухи, что его отравила свояченица царя Василия (жена его брата Дмитрия, сестра бывшей царицы, жены Бориса Годунова, и дочь Малюты Скуратова), который испугался популярности Скопина. Во главе московских войск встал брат царя — князь Дмитрий Шуйский.

Летом 1610 года, оставив в тылу сопротивлявшийся Смоленск, основные польские силы двинулись к Москве. В сражении у села Клушино близ Можайска войска гетмана Станислава Жолкевского наголову разбили русскую рать. Путь на Москву был свободен. В это время из Калуги к Москве вдруг вновь подступил Лжедмитрий II, потребовавший открыть ворота города «природному государю».

С разгромом русской армии оказались развязанными руки и у шведов. Они начали захватывать северные русские земли, а в июле 1611 года заняли Новгород, о котором давно мечтали. Местные власти заключили со шведским королём Карлом IX соглашение, по которому новгородским государем становился его сын Карл Филипп. Территория Московского царства начала сужаться. На русской земле хозяйничали теперь польские и шведские отряды, разбойничали шайки мятежников и самозванцев. Воспользовавшись хаосом, возобновили свои набеги на южные рубежи и крымские татары.

Власть быстро ускользала из рук царя Василия. Оставленный всеми, он понимал, что сил для сопротивления больше нет. Группа бояр

и дворян в июле 1610 года осуществила переворот. «Дворяне начали съезжаться с воровскими полками (*тушинцами*) и договариваться, чтобы те отстали от Тушинского вора, «а мы де все отстанем от царя Василия». Тушинцы согласились, но неискренне, что отстанут от своего и вместе изберут нового государя. В это время Прокопий Ляпунов (*рязанский воевода*) послал грамоту в Москву к князю Василию Васильевичу Голицыну и к брату своему Захарии Ляпунову и ко всем своим сторонникам, чтобы свести с престола царя Василия. Захарий Ляпунов и Фёдор Хомутов выехали на Лобное место со своими сторонниками и стали кричать, что царя Василия следует свергнуть. К ним присоединились многие москвичи, и вместе они вошли в Кремль и стали требовать от патриарха Гермогена и бояр того же. Патриарх стал возражать, тогда его насильно вывели из Кремля и отправили за реку. Бояре сначала пытались защитить царя, но потом разошлись. Царь Василий, сидя на троне, услышал в свой адрес брань и крики с угрозами. Под конец его свояк князь Иван Михайлович Воротынский во главе толпы вошёл во дворец и насильно вывел царя Василия и царицу из дворца и отвёл на его старый боярский двор» («Новый летописец»).

Шуйского арестовали и через два дня насильно постригли в монахи с именем Варлаам, позже он был выдан Жолкевскому и вывезен в Речь Посполитую. Там бывший «московитский царь» предстал перед торжествующими магнатами. Это было неслыханным унижением для Москвы. Жалкий старик мог ещё понадобиться полякам, поэтому Шуйского заточили в Варшаве в тюрьму, где он провёл два года. Там он и умер в сентябре 1612 года, а возможно, был убит, когда оказался для польской политики совсем бесполезным. Позже, в 1634 году его останки перевезли в Москву и захоронили в Архангельском соборе Кремля у самого входа, недалеко от могилы Владимира Андреевича старицкого. Так бесславно закончил свою жизнь второй избранный русский царь.

После свержения Шуйского к власти в Москве пришла группа членов Боярской думы. Они вошли в историю под названием Семибоярщина. Возглавлял её один из самых влиятельных бояр князь Фёдор Иванович Мстиславский (ум. в 1624). Поначалу Семибоярщина действительно состояла из семи бояр, но потом её состав менялся. В первый состав Семибоярщины кроме Мстиславского входили князь Иван Михайлович Воротынский (ум. в 1627), князь Андрей Васильевич Трубецкой (ум. около 1612), князь Василий Васильевич Голицын (ум. в 1619), князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский (ум. в 1646), боярин Иван Никитич Романов (брат Филарета, ум. в 1640) и боярин Фёдор Иванович Шереметев (ум. в 1650). Таким образом, в Семибоярщину входили два князя Рюриковича, три Гедиминовича и два потомка Андрея Кобылы, представители старых московских родов. Многие члены Семибоярщины были связаны между собой родственными отношениями.

В августе 1610 года Семибоярщина заключила с командующим польскими войсками С. Жолкевским договор. Бояре приглашали на русский престол Владислава на условиях, во многом схожих с договором тушинских «бояр». Религиозный вопрос был поставлен жёстко.

Условием присяги польскому принцу стало обязательное принятие им православия. Вскоре в Москве состоялась присяга новому «московскому царю». Начали чеканить монеты с именем «государя Владислава Жигимонтовича» (то есть Владислава Сигизмундовича). А в сентябре бояре открыли ворота города полякам, и Москва была оккупирована захватчиками.

После вступления в Москву польских войск Лжедмитрий II опять отошёл к Калуге. Здесь, окружённый немногочисленными сподвижниками, он и обосновался. В один из декабрьских дней 1610 года самозванец, как обычно, отправился на загородную прогулку, но в дороге его приближённый князь П. А. Урусов зарубил своего сюзерена. Теперь лагерь приверженцев Лжедмитрия II почти распался. Но буквально через месяц Марина Мнишек родила сына, которого в честь «деда» назвала Иваном. Этот младенец и стал разменной монетой в бурной деятельности ловкой авантюристки. Так появился новый самозванец, на этот раз «потомственный», названный современниками «ворёнком».

Прибытие Владислава затягивалось. Поляки вели себя в Кремле как хозяева. Чтобы решить все вопросы, к Сигизмунду направили Великое посольство, в состав которого вошёл и бывший «тушинский» патриарх Филарет. Но Сигизмунд отказался снять осаду Смоленска и отпустить сына в Москву. Он сам мечтал взойти на русский престол. Переговоры зашли в тупик, и король просто приказал арестовать послов. Перед нашей страной встала реальная угроза потери независимости.

В этих условиях большую роль в отпоре врагу сыграла Русская православная церковь. Именно она призвала к защите православной веры и восстановлению царства. Патриарх Гермоген снял присягу Владиславу и призвал народ к сопротивлению. За это поляки посадили его в темницу кремлёвского Чудова монастыря. Но слова опального патриарха и обращения настоятеля Троице-Сергиева монастыря Дионисия нашли отклик в сердцах людей. В начале 1611 года в Рязани стало формироваться всенародное ополчение для освобождения Москвы. Во главе него встал дворянин Прокопий Петрович Ляпунов. К рязанцам присоединились жители ещё нескольких городов: Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Муром. Соратниками Ляпунова стали также бывшие сподвижники «Тушинского вора» казачий атаман Иван Мартынович Заруцкий и боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, возглавлявший остатки тушинцев. Было создано и временное правительство — «Совет всей земли». В марте того же года войска ополчения подошли к Москве. В городе вспыхнуло восстание против оккупантов, которые, пытаясь его ликвидировать, подожгли посад. С большим трудом ополченцам удалось захватить Белый город. Во время уличных боёв был тяжело ранен предводитель одного из передовых отрядов князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Китай-город и Кремль остались в руках польского гарнизона.

С ходу освободить Москву не удалось. Началась затянувшаяся осада, во время которой ополчение развалилось. Причиной тому стали противоречия, возникшие в рядах самих ополченцев. Среди них было

много казаков, оттеснённых от управления. Требуя для себя привилегий, казачество постоянно роптало. Противниками казаков оказались дворянские руководители ополчения и прежде всего Ляпунов. По его инициативе в июне 1611 года был принят «Приговор всей земли», восстановивший прежние крепостнические порядки. Слухи о готовящейся расправе дворян над казаками взорвали обстановку. 22 июля 1611 года казаки вызвали Ляпунова на свой круг и убили его. С потерей главного руководителя стало распадаться и всё ополчение. Осада Москвы вяло продолжалась, но в начале 1612 года атаман Заруцкий со своими отрядами ушёл из Москвы в Коломну. Там он встал на сторону Марины Мнишек и «ворёнка». Остальные ополченцы вскоре присягнули вновь появившемуся «царю».

Он объявился в конце 1611 года в Ивангороде, на северо-западной окраине Московского государства. Московский дьякон Матюшка (по другим сведениям, его звали Сидорка) бежал из Москвы в новгородские земли. Здесь, не сумев найти себе пропитания, он решил вступить на опасную стезю самозванства, благо северорусские территории были вдали от московской политики и здесь мало кто мог уличить его в обмане. И Матюшка открыл простодушному люду свою «тайну». Оказывается, он и есть тот самый царь Дмитрий Иванович, который не погиб в Угличе, не был убит в Москве и даже уцелел от сабли в Калуге. Трижды воскресший «царь Дмитрий» в декабре 1611 года обосновался в Пскове, почему и получил прозвание «Псковский вор».

Слух о новом чудесном спасении «царя» достиг стоявших под Москвой ополченцев. Вскоре в Псков отправилась делегация. Хотя Матюшка, конечно, совсем не был похож ни на Григория Отрепьева, ни на Богданку Шкловского, ни тем более на подлинного царевича Дмитрия, казаки признали в нём царя. В марте 1612 года казачий круг провозгласил Лжедмитрия III московским царём. Самозванство превратилось в откровенный фарс.

Между тем ещё в июне 1611 года польская армия взяла Смоленск. Россия находилась на грани полной катастрофы. Интервенты один за другим отторгали от неё всё новые и новые земли. В западных уездах хозяйничали войска Сигизмунда III. Новгород захватили шведы. В Пскове сидел Лжедмитрий III. В Коломне обосновались Марина Мнишек с сыном-«ворёнком» и атаманом Заруцким. В Московском Кремле бесчинствовал польский гарнизон и окопались остатки Семибоярщины. Под Москвой закрепились ополченцы князя Трубецкого. По всей стране разгуливали шайки разбойников и авантюристов. Управление государством было полностью нарушено. Страна погрузилась в хаос и анархию.

В этих условиях народ вновь нашёл в себе силы подняться. Новое освободительное движение зародилось в Поволжье, крае, наименее затронутым Смутой. В сентябре 1611 года в Нижнем Новгороде посадский староста Кузьма Минин (Минин — это не фамилия, а отчество) призвал народ к освобождению Родины. Под его руководством начался сбор средств и организация нового ополчения. Многие люди отдавали последнее ради спасения Отчизны. Во главе войск ополчения встал Рюрикovich — князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Местом

Рака царевича Дмитрия. XVII в.

Царь
Василий Иванович (Шуйский)

Князь
Константин
Острожский

Князь
Владимир Фёдорович Одоевский

Светлейший князь
Александр Михайлович Горчаков

Князь
Михаил Никитич Волконский

Князь
Сергей Григорьевич Волконский

Князь
Александр Иванович Барятинский

Князь
Николай Васильевич Репнин.
Неизвестный художник. Конец XVIII в.

Княжна
Прасковья Николаевна Репнина.
Художник Д. Г. Левицкий

Князь
Дмитрий Дмитриевич Оболенский

Князь
Сергей Сергеевич Оболенский

Князь
Василий Михайлович Долгоруков-Крымский.
Неизвестный художник. 1770-е гг.

Князь
Пётр Владимирович Долгоруков

Князь
Владимир Андреевич Долгоруков

Князь
Алексей Григорьевич Щербатов

Князь
Пётр Андреевич Вяземский

Князь
Павел Дмитриевич Долгоруков

Князь
Михаил Михайлович Щербатов

Князь
Пётр Алексеевич Кропоткин

Княгиня
Екатерина Романовна Дашкова

Иван Иванович Дмитриев

Модест Петрович Мусоргский

Князь
Дмитрий Иванович Шаховской

Князь
Всеволод Николаевич Шаховской

Князь
Александр Александрович Шаховской

Пётр Дмитриевич Еропкин

Князь
Георгий Евгеньевич Львов

Князь
Александр Александрович Прозоровский

Княгиня
Ольга Константиновна Орлова,
урожденная княжна Белосельская-Белозерская.
Художник В. А. Серов

Епископ Андрей
(князь Александр Алексеевич Ухтомский)

Князь
Алексей Алексеевич Ухтомский

Князь
Михаил Васильевич Скопин-Шуйский

Князь
Дмитрий Михайлович Пожарский

Сёстры А. Г. и В. Г. Гагарины

Князь-кесарь
Фёдор Юрьевич Ромодановский

Князь
Андрей Яковлевич Хилков

Княгиня
Вера Фёдоровна Вяземская,
урожденная княжна Гагарина

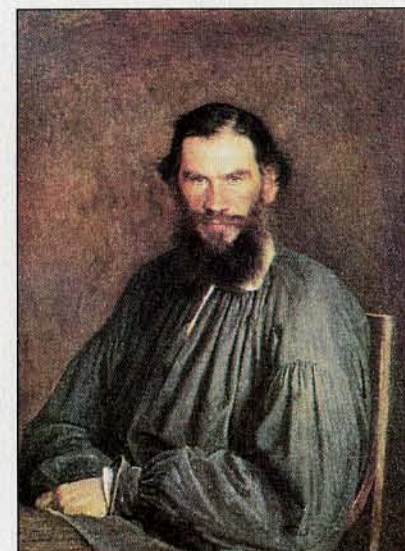
Князь
Григорий Григорьевич Гагарин

Дмитрий Владимирович Веневитинов

Граф
Лев Николаевич Толстой

Граф
Сергей Юльевич Витте

Елена Петровна Блаватская

Владимир Владимирович Набоков

Наталья Николаевна Пушкина (Ланская)

Пётр Аркадьевич Столыпин

Василий Дмитриевич Поленов

Михаил Матвеевич Херасков

Александр Сергеевич Пушкин

Денис Иванович Фонвизин

Михаил Александрович Фонвизин

Александр Сергеевич Даргомыжский

Граф
Фёдор Петрович Толстой

сбора ратных людей стал Ярославль. Здесь в апреле 1612 года образовался второй «Совет всей земли», были созданы приказы для управления страной.

Население многих русских городов деятельно участвовало в создании ополчения. Уже летом 1612 года войска Второго ополчения подошли к Москве, где соединились с остатками Первого, которые возглавлял князь Трубецкой. «Совет всей земли» сложил присягу Лжедмитрию III и с новыми силами начал осаду Китай-города и Кремля, однако польский гарнизон полковника Струся героически сдерживал натиск. Между тем в разорённом Кремле начался голод. Поляки ели собак и ворон. Ещё в феврале 1612 года в заточении от голода скончался патриарх Гермоген.

На помощь осаждённым к Москве двинулось большое польское войско под командованием гетмана Ходкевича. Но в августе под Москвой он потерпел поражение, а в день обретения Казанской иконы Богородицы 22 октября 1612 года был освобождён Китай-город. Впоследствии в память об этом на Красной площади возвели Казанский собор. Вскоре настал черёд и Кремля. 26 октября польский гарнизон сдался. Сначала поляки выпустили небольшую группу русских бояр, жалких остатков Семибоярщины. Её возглавлял князь Мстиславский, который, охая и стеная, представлял себя жертвой произвола захватчиков. Потом вышли и сами польские воины. Москва была освобождена.

Теперь перед «Советом всей земли» встала главная задача — избрать нового государя. Люди устали от бесконечной смуты, они хотели успокоения. С ностальгией вспоминали время царя Фёдора Иоанновича. Образ этого правителя ассоциировался со спокойной и мирной жизнью. Прежний порядок по сравнению со всем пережитым казался счастливой, безмятежной порой. Нужен был новый, законный монарх.

Для подготовки Земского собора «Совет всей земли» разослал на места соответствующие грамоты. В столицу стали съезжаться представители различных уездов, городов и сословий. По некоторым сведениям, на собрании присутствовали даже выборные от черносошных, то есть государственных крестьян.

Этот Земский собор был самым представительным из всех Земских соборов. Он начал свою работу в январе 1613 года. Возникло несколько претендентов на престол. Некоторые из них принимали самое активное участие в событиях Смуты. Среди других выделялись руководители Семибоярщины князь Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский и В. В. Голицын, главы обоих ополчений князь Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский. Появилась и малоподходящая кандидатура «царевича» Ивана, того самого «ворёнка», родителями которого были Лжедмитрий II и Марина Мнишек. Некоторые, видимо, вспоминая старые времена, предлагали сыновей татарских ханов. Другие считали, что нужно пригласить государя из иностранных земель. Пусть уж лучше будет царь «природный», а не бывший государев слуга. Так заговорили о несостоявшихся русских правителях — польском принце Владиславе и шведском Карле Филиппе.

За избрание разгорелась нешуточная борьба. Некоторые претенденты не скупались, чтобы привлечь к себе сторонников. Так, князь Трубецкой чуть ли не ежедневно на своём дворе устраивал щедрые пиры для казаков. В полтора месяца у него перебивало несколько десятков тысяч (!) человек. Казаки охотно угощались, но сами в душе посмеивались над расточительностью «хлебосольного» хозяина. На 20 тысяч рублей опустела мошна князя Пожарского. Другие претенденты тоже не отставали от них.

Но выбрали московским царём всё-таки совсем другого человека. Того, у кого и в мыслях не было претендовать на российский престол. 21 февраля 1613 года собор избрал на царство 16-летнего Михаила Фёдоровича Романова, сына того самого Филарета (в миру Фёдора Никитича Романова), который когда-то принял постриг по приказу Годунова, потом побывал в Тушинском лагере, а теперь находился в польском плену. Почему же выбор остановился именно на Михаиле?

Юный Михаил Фёдорович приходился роднёй последнему царю из династии московских Рюриковичей — двоюродным племянником Фёдору Иоанновичу. Романовы пользовались немалой популярностью, прежде всего в среде казачества. Казаки верили, будто царь Фёдор передал престол отцу Михаила — Фёдору Никитичу, но трон узурпировал Годунов. Потом пошла черед «беззаконных» царей, и вот теперь всё следовало вернуть к прежнему порядку. Так что в избрании Михаила казачество сыграло важную роль.

Помимо родства с царским родом Михаил Фёдорович имел и другие «достоинства». Он не был связан ни с какими политическими группировками времён Смуты и поэтому устраивал всех. Кроме того, молодой царь боярам казался не опасен. Один из бояр даже говорил: «Миша Романов-де молод, умом ещё не дошёл и нам будет поваден». Бояре надеялись, что им без труда удастся управлять неопытным самодержцем. Избрание нового царя сулило долгожданное умиротворение и надежды на то, что не будет опал и ссылок, всё пойдёт по-старому, и жизнь вернётся в привычную колею.

Так в феврале 1613 года на русском престоле оказалась новая династия — Романовых. Узнав об избрании Михаила Фёдоровича, князь Трубецкой свалился в тяжёлом недуге: «Лицо у него с кручины почернело и лежал три месяца, не выходя из двора своего».

Сам Михаил Фёдорович вместе с матерью инокиней Марфой находился в это время в Ипатьевском монастыре под Костромой, оправляясь от тяжелой жизни в период Смуты. Туда и прибыли посланцы Земского собора. Марфа никак не хотела отпускать сына на царство. Она помнила о судьбе его предшественников, боялась за своё чадо и только после долгих уговоров дала согласие. Вскоре Михаил с матерью отправились в Москву. По пути к ним стекался разный люд, видя в новом царе своего заступника. 11 июля 1613 года Михаил Фёдорович Романов был торжественно венчан на царство в Успенском соборе Московского Кремля. В церемонии приняли участие видные деятели той бурной эпохи: два члена Семибоярщины князь Ф. И. Мстиславский и дядя царя И. Н. Романов, руководители ополчений князь Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский. Так начиналась новая историческая эпоха.

Рюриковичи сыграли большую роль в событиях Смуты. Одному из них удалось на четыре года занять русский трон. Но судьба не дала шанс новой династии — князей Шуйских. Столь же неудачным оказались и попытки других князей Рюриковичей привлечь на свою сторону участников Земского собора. А казалось бы, кто ещё, как не князь Пожарский, например, был достоин этого? Но главное состояло в другом. Потомки Рюриковичей уже не воспринимались народом как члены правящей династии. Все они стали лишь подданными, одними из первых, но не равными царской семье — одной их ветви — московской династии. Когда же она пресеклась, более важным оказалось родство именно с последними царями этой семьи, а не происхождение от одного с ними предка. В этом и следует видеть причины неудач русских князей Рюриковичей и успеха семьи Романовых.

...Утасали последние отблески московской династии. Её последним потомком была дочь Владимира старицкого Мария, жена марионеточного короля Ливонии датского принца Магнуса, использованная Иваном Грозным в целях своей внешней политики. Инокиня Марфа, такое имя получила она при постриге, пережила вместе с другой царственной монахиней Ольгой (царевной Ксенией Годуновой) все тяготы Смуты. Они провели все месяцы жестокой осады в Троице-Сергиевом монастыре в 1608—1610 годы, а потом перебрались в московский Новодевичий монастырь, где осенью 1610 года их ограбили казаки. Во время сбора Второго ополчения одним из примеров бедственного положения страны служила печальная судьба «ограбленных донага» «бедных черниц» Марфы и Ольги. Дочь несчастного старицкого князя умерла в 1613 году, а бывшая царевна Ксения — в 1622-м (в Княгининском монастыре под Владимиром). В разгар Смуты ушла из жизни и Мария Нагая, ей так и не удалось вернуться на царский трон. А в апреле 1626 года в одном из монастырей скончалась инокиня Дарья — четвёртая жена Ивана Грозного — Анна Алексеевна Колтовская. История Московского княжеского Дома завершилась.

Но история Рюриковичей не закончилась. Потомки первой династии России не исчезли. Они и сейчас продолжают и будут продолжать своё служение России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РЮРИКОВИЧИ — ВЕЛИКИЕ КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ

За основу взят список «Киевские князья-сениоры X — середины XIII в.» из книги: Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. СПб., 1996. С. 472–474, составленный А. Поппэ.

1. Игорь Рюрикович	912 — ноябрь 944/945
2. Ольга (Елена)	945–11.07.969
3. Святослав Игоревич	945 — весна 972
4. Ярополк Святославич	Весна 972–980
5. Владимир (Василий) Святославич	980–15.07.1015
6. Святополк (Пётр) Владимирович (Окаянный)	Июль 1015 — конец 1015
7. Ярослав (Георгий) Владимирович (Мудрый)	Конец 1015 — после 22.07.1018
8. Святополк Окаянный (второй раз)	14.08.1018 — конец 1018
9. Ярослав Мудрый (второй раз)	1019–20.02.1054
10. Изяслав (Дмитрий) Ярославич	Февраль 1054–15.09.1068
11. Всеслав Брючиславич	15.09.1068 — апрель 1069
12. Изяслав Ярославич (второй раз)	2.05.1069 — март 1073
13. Святослав (Николай) Ярославич	22.03.1073–27.12.1076
14. Всеволод (Андрей) Ярославич	1.01.1077 — июль 1077
15. Изяслав Ярославич (третий раз)	15.07.1077–3.10.1078
16. Всеволод Ярославич (второй раз)	Октябрь 1078–13.04.1093
17. Святополк (Михаил) Изяславич	24.04.1093–16.04.1113
18. Владимир (Василий) Всеволодович (Мономах)	20.04.1113 — 19.05.1125
19. Мстислав (Фёдор) Владимирович (Великий)	20.05.1125 — 15.04.1132

20. Ярополк Владимирович	17.04.1132 — 18.02.1139
21. Вячеслав Владимирович	22.02.1139 — 4.03.1139
22. Всеволод (Кирилл) Ольгович (Всеволод II)	5.03.1139 — 1.08.1146
23. Игорь (Георгий?) Ольгович	1 — 13.08.1146
24. Изяслав (Пантелеймон) Мстиславич	13.08.1146 — 27.08.1149
25. Юрий Владимирович (Долгорукий)	Конец августа 1149 — лето 1150
26. Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем (оба вторично)	Лето 1150
27. Юрий Владимирович (второй раз)	До осени 1150 — весна 1151
28. Изяслав Мстиславич с Вячеславом Владимировичем (оба в третий раз)	Весна 1151–13.11.1154
29. Вячеслав Владимирович с Ростиславом (Михаилом) Мстиславичем	Ноябрь — декабрь 1154
30. Изяслав Давыдович	Начало — март 1155
31. Юрий Долгорукий (третий раз)	20.03.1155–15.05.1157
32. Изяслав Давыдович (второй раз)	19.05.1157 — декабрь 1158
33. Мстислав (Фёдор) Изяславич	22.12.1158–11.04.1159
34. Ростислав Мстиславич (второй раз)	12.04.1159 — между 8 и 12.02.1161
35. Изяслав Давыдович (третий раз)	12.02.–6.03.1161
36. Ростислав Мстиславич (третий раз)	Март 1161–14.03.1167
37. Владимир Мстиславич	Март — май 1167
38. Мстислав Изяславич (второй раз)	19.05.1167–12.03.1169
39. Глеб Юрьевич	Март 1169 — конец февраля 1170
40. Мстислав Изяславич (третий раз)	Начало марта — 13.04.1170
41. Глеб Юрьевич (второй раз)	Апрель 1170–20.01.1171
42. Владимир Мстиславич (второй раз)	15.02.–10.05.1171
43. Роман (Борис) Ростиславич	Июль 1171 — февраль 1173
44. Михаил и Всеволод (Дмитрий) Юрьевичи	18.02.–24.03.1173
45. Рюрик (Василий) Ростиславич	24.03. — осень 1173
46. Ярослав (Иоанн) Изяславич	Ноябрь — декабрь 1173
47. Святослав (Михаил) Всеволодович	12 дней в декабре 1173 или в январе 1174
48. Ярослав Изяславич (второй раз)	Начало — лето 1174
49. Роман Ростиславич (второй раз)	Лето 1174 — июль 1176
50. Святослав Всеволодович (второй раз)	20.07.1176 — август/сентябрь 1180
51. Рюрик Ростиславич (второй раз)	Август/сентябрь 1180 — лето 1181
52. Святослав Всеволодович (третий раз)	Лето 1181–25.07.1194

53. Рюрик Ростиславич (третий раз)	Июль 1194 — осень 1201
54. Ингварь Ярославич	Осень 1201 — конец 1202
55. Рюрик Ростиславич (четвёртый раз)	1/2.01.1203 — зима 1204
56. Роман Мстиславич	1204 — лето 1205
57. Рюрик Ростиславич (пятый раз)	Июль 1205—1206
58. Всеволод (Даниил) Святославич (Чермный)	Лето — осень 1206
59. Рюрик Ростиславич (шестой раз)	Осень 1206 — весна 1207
60. Всеволод Святославич (второй раз)	Весна — ноябрь 1207
61. Рюрик Ростиславич (седьмой раз)	Ноябрь 1207 — осень 1210
62. Всеволод Святославич (третий раз)	Осень 1210—1212
63. Ингварь Ярославич (второй раз)	1212
64. Мстислав (Борис) Романович	1212—1218
65. Владимир (Дмитрий) Рюрикович	1219
66. Мстислав Романович (второй раз)	1219—31.05.1223
67. Владимир Рюрикович (второй раз)	16.06.1223 — июнь 1235
68. Изяслав Мстиславич	Июнь — конец 1235
69. Владимир Рюрикович (третий раз)	Конец 1235—1236
70. Ярослав (Фёдор) Всеволодович (Ярослав II)	1236 — весна 1238
71. Михаил Всеволодович	Лето 1238 — весна 1240
72. Ростислав Мстиславич	Весна — лето 1240
73. Даниил (Иоанн) Романович	С лета 1240

6 декабря 1240 г. Киев был взят Батыем.

Приложение 2

РЮРИКОВИЧИ — КОРОЛИ РУСИ (ГАЛИЦКИЕ КНЯЗЬЯ)

1. Король Даниил Романович	1253—1264
2. Лев Данилович	1264 — 1301?
3. Король Юрий Львович	1301?—1308
4. Андрей и Лев Юрьевичи	1308—1323

Приложение 3

РЮРИКОВИЧИ — ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМИРСКИЕ, МОСКОВСКИЕ, ЦАРИ

1. Андрей Юрьевич (Боголюбский)	4.06.1157—29.06.1174
2. Ярополк Ростиславич	Осень 1174—15.06.1175
3. Михаил Юрьевич	Июнь 1175—19.06.1176
4. Всеволод (Дмитрий) Юрьевич (Большое Гнездо, Всеволод III)	Июнь 1176—15.04.1212
5. Юрий Всеволодович	Апрель 1212—21.04.1216
6. Константин Всеволодович	Апрель 1216—2.02.1218

7. Юрий Всеволодович (второй раз)	Февраль 1218—4.03.1238
8. Ярослав (Фёдор) Всеволодович (Ярослав II)	1238—30.09.1246
9. Святослав (Гавриил) Всеволодович	1246—1248
10. Михаил Ярославич (Хоробрит)	1248—1249
11. Андрей Ярославич	1249 — июль 1252
12. Александр Ярославич (Невский)	1252—14.11.1263
13. Ярослав (Афанасий) Ярославич (Ярослав III)	1264—16.09.1271
14. Василий Ярославич	1272 — январь 1276
15. Дмитрий Александрович	1276—1281
16. Андрей Александрович	1281—1283
17. Дмитрий Александрович (второй раз)	1283—1294
18. Андрей Александрович (второй раз)	1294—27.07.1304
19. Михаил Ярославич	1304—1317
20. Юрий Данилович	1317—1322
21. Дмитрий Михайлович (Грозные Очи)	1322—1326
22. Александр Михайлович	1326—1328
23. Александр Васильевич	1328—1331
24. Иван Данилович (Калита, Иван I)	1328—31.03.1340
25. Семён Иванович (Гордый)	1340—27.04.1353
26. Иван Иванович (Красный, Иван II)	1353—13.11.1359
27. Дмитрий (Фома) Константинович	22.06.1360—1362
28. Дмитрий Иванович (Донской)	1362—19.05.1389
29. Василий I Дмитриевич	15.08.1389—27.02.1425
30. Василий II Васильевич (Тёмный)	1425—25.04.1433
31. Юрий Дмитриевич	Апрель — лето 1433
32. Василий II (второй раз)	Лето 1433—20.03.1434
33. Юрий Дмитриевич (второй раз)	31.03.—5.06.1434
34. Василий Юрьевич (Косой)	Июнь — июль 1434
35. Василий II (третий раз)	Июль 1434 — февраль 1446
36. Дмитрий Юрьевич (Шемяка)	12.02.1446—февраль 1447
37. Василий II (четвёртый раз)	17.02.1447—27.03.1462
38. Иван III (Тимофей) Васильевич (Великий)	1462—27.10.1505
39. Василий III (Гавриил) Иванович	1505—4.12.1533
40. Иван IV Васильевич (Грозный)	1533—18.03.1584, царь с 16.01.1547
41. Фёдор Иоаннович	1584—7.01.1598
42. Василий Иоаннович (князь Шуйский)	19.05.1606—17.07.1610

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ МОСКОВСКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ

Колено I

1. Святой Даниил Александрович (1261—4/5.03.1303, Москва). Младший сын Александра Невского. Московский князь с 1280-х гг. Умер в схиме. Похоронен в Даниловом монастыре. Ж.: Мария (?).

Колено II

2(1). Георгий (Юрий) Данилович (1281? — убит 21.11.1325 в Орде князем Дмитрием Михайловичем Тверским. Похоронен 8.02.1326 в Архангельском соборе Москвы). Князь Московский с 1303, великий князь Владимирский в 1317 — 1322. Ж.: 1) в Ростове с 1297, вероятно, ростовская княжна, дочь князя Константина Борисовича; 2) с 1317 — Кончака (Агафья), ум. в 1318 в Твери, похоронена в Ростове, сестра хана Узбека.

3(1). Афанасий Данилович (ум. 1322 иноком в Новгороде, похоронен в Спасской церкви на «Городище»). Князь Новгородский в 1315—1322. Ж.: Анна (ум. после 1326).

4(1). Александр Данилович (ум. осенью 1308).

5(1). Борис Данилович (ум. в 1320, похоронен в Успенском соборе Владимира). Князь Нижегородский с 1311.

6(1). Андрей Данилович (?).

7(1). Семён Данилович (?).

8(1). Иван Данилович Калита (в иночестве Ананий) (ок. 1288—31.03.1340, Москва). Князь Московский с 1325, великий князь Владимирский с 1328. Ж.: 1) Елена, ум. 1.03.1331; 2) с 1332 — Ульяна, ум. после 1340, от неё родились две младшие дочери.

Колено III

9(2). Софья Георгиевна (Юрьевна), ум. до 1339, с 13.11.1320 в Костроме за Константином Михайловичем (1306—1345), впоследствии князем Тверским (сын Михаила Ярославича тверского).

10(8). Симеон (Созонт) Иванович (7.09.1317—27.04.1353, Москва). Князь Московский и великий князь Владимирский с 1340. Ж.: 1) с зимы 1333 — Айгуста (в крещении Анастасия) Гедиминовна, ум. в схиме 11.03.1345, дочь великого литовского князя Гедимины; 2) с 1345 — Евпраксия, дочь Фёдора Святославича, князя Смоленского, развод — 1346; 3) с весны 1347 — Мария (в иночестве Фетинья), ум. 17.03.1399, дочь Александра Михайловича, князя Тверского.

11(8). Даниил Иванович (1320 — до 1336).

12(8). Мария Ивановна (ум. летом 1356 от мора). С 1328 за Константином Васильевичем, князем Ростовским (ум. в 1365 в Ростове от мора), принадлежал к младшей линии князей Ростовских. Их потомки: князья Хохолковы-, Катыревы-, Буйносовы-, Яновы-, Губкины-, Тёмкины-, Касаткины-, Ласткины-, Пужбольские-, Бычковы-, Бригые-, Лобановы-Ростовские.

13(8). Евдокия Ивановна, ум. 1342. С 1330-х гг. за Василием Давыдовичем Грозные Очи, князем Ярославским (ум. зимой 1345, претендент на великокняжеский стол в 1340). Их потомки: князья Курбские, Троекуровы, Алабышевы, Аленкины, Сисеевы, Шастуновы, Тагины, Пенковы, Кубенские, Засекины, Сонцовы, Щетинины, Юхотские и Шаховские.

14(8). Феодосия Ивановна (в иночестве Феодора), ум. после 1389. Жена Фёдора Романовича, князя Белозерского, погибшего в Куликовской битве 8.09.1380.

15(8). Феотиния Ивановна.

16(8). Иван II Иванович Красный (30.03.1326, Москва — 13.11.1359, там же). Князь Московский и великий князь Владимирский с 1353 (занял Владимирский стол 25.03.1354). Ж.: 1) с зимы 1341 — Феодосия, ум. 1342, дочь Дмитрия Романовича, князя Брянского; 2) с 1345 — Александра (в иночестве Мария), ум. 27.12.1364 от мора, вероятно, дочь московского тысяцкого Василия Вельяминова.

17(8). Андрей Иванович (4.07.1327—6.06.1353, от мора). Родоначальник династии серпуховских и боровских князей. Ж.: с 1345 — Мария (в иночестве Марфа), ум. 2.12.1389, дочь Ивана Фёдоровича, князя Галицкого (потомство Константина Ярославича, младшего сына Ярослава II).

18(8). Мария Ивановна.

19(8). Феодосия Ивановна.

Колено IV

20(10). Василий Семёнович (12.04.1337 — нач. 1338).

21(10). Василиса Семёновна (ум. 20.04.1368), с зимы 1349/50 за Михаилом Васильевичем (1331—20.12.1373), князем Кашинским (внуком Михаила Ярославича тверского).

22(10). Константин Семёнович, род. и ум. в 1341, жил один день.

23(10). Даниил Семёнович (15.12.1347 — ум. в младенчестве?).

24(10). Михаил Семёнович (1348 или сент. 1349 — ум. в младенчестве).

25(10). Семён Семёнович (февраль 1352 — сер. марта 1353, умер от мора).

26(11). Иван Семёнович (зима 1350/51 — март 1353, умер от мора).

27(16). Святой Дмитрий Иванович Донской (12.10.1350—19.05.1389, Москва). Князь Московский с 1359, великий князь Владимирский с 1362. Канонизирован Русской православной церковью на Поместном соборе в июне 1988. Ж.: с 18.01.1367 в Коломне — Евдокия, в иночестве Евфросиния (ум. 7.06.1407, похоронена в основанном ею Московском Вознесенском монастыре), дочь Дмитрия Константиновича, князя Нижегородского. Канонизирована Русской православной церковью.

28(16). Иван Иванович (после 1350—23.10.1364, умер от мора). Князь Звенигородский с 1359.

29(16). Анна Ивановна, за князем Дмитрием Михайловичем Боброк-Волынским, героем Куликовской битвы, внуком Гедимины (?).

30(16). Любовь (?) Ивановна, за литовским князем Дмитрием Ко-риатовичем, внуком Гедими́на.

31(17). Иван Андреевич (между 1345 и 1353—1358).

32(17). Владимир Андреевич Храбрый Донской (15.07.1353 — май 1410). Князь Серпуховской (основал город в 1374), Боровский, в разное время владел также Угличем, Галичем, Дмитровом и другими городами. Ж.: с 1372 — Елена (в иночестве Евпраксия) Ольгердовна, ум. 15.09.1438, дочь великого литовского князя Ольгерда, внучка Гедими́на. Владела Лужею, а из московских сёл Коломенским и Ногатинским.

Колено V

33(27). Даниил Дмитриевич (до 1371 — до 1383).

34(27). Василий I Дмитриевич (30.12.1371, Москва — 27.02.1425, там же). Великий князь Владимирский и Московский с 1389 (поставлен на владимирский стол ордынским послом 15.08.1389). Ж.: с 9.01.1391 — Софья (в иночестве Синклитиния) Витовтовна (1371—5.07.1453), дочь великого литовского князя Витовта, правнучка Гедими́на.

35(27). Георгий (Юрий) Дмитриевич (26.11.1374, Переяславль, крещён Сергием Радонежским — умер скоропостижно 5.06.1434, Москва). Князь Галичский и Звенигородский с 1389, великий князь Московский (апрель — лето 1433 и с 31.03.1434). Ж.: с 1400 в Москве — Анастасия, ум. 11.06.1422 в Звенигороде, дочь Юрия Святославича, князя Смоленского.

36(27). Семён Дмитриевич, ум. 11.09.1379.

37(27). Софья Дмитриевна, с сент. 1386 за Фёдором Ольговичем, князем Рязанским (умер ок. 1427).

38(27). Анастасия Дмитриевна, с 23.09.1397 за князем Иваном Всеволодовичем Холмским (умер 27.03.1402).

39(27). Мария Дмитриевна, ум. 15.05.1399, с 14.06.1394 в Москве за литовским князем Лугвением-Семёном Ольгердовичем, внуком Гедими́на.

40(27). Андрей Дмитриевич (14.08.1382—9/10.07.1432, Можайск). Князь Можайский и Верейский с 1389. Ж.: с 8.10.1403 в Москве — Аграфена (Агриппина), дочь Александра Патрикеевича, князя Стародубского, правнука Гедими́на.

41(27). Пётр Дмитриевич (29.07.1385, крещён Сергием Радонежским — февраль 1428). Князь Дмитровский с 1389. Ж.: с 16.01.1406 в Москве — Евфросинья Полиевктовна, умерла в иночестве в апреле 1466, внучка московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова.

42(27). Анна Дмитриевна, родилась 8.01.1388, вышла замуж за князя Юрия Патрикеевича, правнука Гедими́на, родоначальника князей Голицыных, Куракиных и Щенятевых.

43(27). Иван Дмитриевич (в иночестве Иоасаф), умер в июле 1393.

44(27). Константин Дмитриевич (14 или 15.05.1389—9.05.1434, похоронен в Симоновом монастыре), в иночестве Кассиан. Князь Угличский. Ж.: Анастасия, ум. в октябре 1419.

45(32). Андрей-большой Владимирович, ум. до 1410.

46(32). Иван Владимирович (весна 1381, Москва — 7.10.1422). Князь Серпуховской с 1410. Ж.: с весны 1401 в Москве — Василиса Фёдоровна, дочь рязанского князя Фёдора Ольговича.

47(32). Семён Владимирович (в иночестве Савва), умер осенью 1426 от мора. Князь Боровский с 1410. Ж.: с января 1404 в Москве — Василиса (в иночестве Мария), ум. после 1462, дочь Семёна Романовича, князя Новосильского.

48(32). Ярослав-Афанасий Владимирович (18.01.1388, Дмитров — 16.08.1426, умер от мора). Князь Малоярославецкий с 1410 (в его честь был основан город Малоярославец). Ж.: 1) с зимы 1408 — Анна, ум. 1411 в Боровске, дочь князя Семёна Васильевича Новленского; 2) Мария Фёдоровна Кошкина-Голтязева, ум. после 1456, дочь родоначальника рода Романовых. Дети родились от второго брака.

49(32). Фёдор Владимирович (26.01.1389 — ум. до 1406).

50(32). Андрей-меньшой Владимирович (ум. 5.11.1426 от мора). Князь Радонежский с 1410. Ж.: Елена, ум. между 1428 и 1432, дочь боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского.

51(32). Василий Владимирович (9.07.1394—1427, умер от мора). Князь Перемышльский с 1410, совместно с братом Андреем владел Угличем. Ж.: Ульяна, ум. после 1446.

Колено VI

52(34). Георгий (Юрий) Васильевич (30.03.1393 или 1395—30.11.1400).

53(34). Иван Васильевич (15.01.1396—20.07.1417). Ж.: с 14.01.1416 — дочь Ивана Владимировича, князя Пронского.

54(34). Даниил Васильевич (6.12.1401 — апр. 1402).

55(34). Василиса Васильевна, в первом браке с 5.02.1419 за князем Александром Ивановичем Брюхатым, во втором — за князем Александром Ивановичем Взметнем (оба происходят из династии Суздальско-Нижегородских князей).

56(34). Семён Васильевич (13.01. — апр. 1405).

57(34). Анна Васильевна (1400—1417, умерла от мора в Константинополе), с 1411 за Иоанном Палеологом (впоследствии император Иоанн VIII, ум. 31.10.1448), сыном византийского императора Мануила II.

58(34). Анастасия Васильевна, с 1417 за князем Олелько Владимировичем киевским (ум. в 1455), внуком великого литовского князя Ольгерда.

59(34). Василий II Васильевич Тёмный (10.03.1415—27.03.1462, Москва). Великий князь Московский с 1425 (с перерывами), поставлен на великокняжеский стол в Москве ордынским послом 5.10.1432, ослеплён 14.02.1446 в Москве. Ж.: с 8.02.1433 — Мария (в иночестве Марфа) Ярославна, княжна Боровская (приняла постриг 2.02.1478, ум. 4.07.1485), владела Ростовом и Нерехтой.

60(35). Василий Юрьевич Косой (ум. 10.11.1448). Князь Московский в июне — июле 1434, князь Звенигородский с 1434, ослеплён 21.05.1436. Ж.: с 1432 — дочь князя Андрея Владимировича радонежского.

61(35). Дмитрий Юрьевич Шемяка (ум. 17.07.1453 в Новгороде, оравлен, ныне похоронен в новгородском Софийском соборе). Князь Московский с 12.02.1446 по начало 1447, князь Галичский до 1450. Ж.: с 1436 — Софья, дочь Дмитрия Васильевича, князя Заозерского. 7.02.1456 бежала из Новгорода в Литву, где и умерла.

62(35). Дмитрий Юрьевич Красный (ум. 22.09.1440 в Галиче). Князь Бежецкого Верха и Галича.

63(35). Иван Юрьевич, ум. в монашестве в 1432, с именем Игнатий (?).

64(40). Анастасия Андреевна (ум. 12.02.1451), первая жена Тверского князя Бориса Александровича (ум. 10.02.1461 в Твери).

65(40). Иван Андреевич (ум. после 1471). Второй князь Можайский с 1432, пленил Василия II 13.02.1446, в 1454 бежал с женой и детьми в Литву, где был владетелем Стародуба, Гомеля, Брянска, Любеча. Жена — дочь князя Фёдора Львовича Воротынского.

66(40). Михаил Андреевич (ум. 12.04.1486, похоронен в Пафнугьево-Боровском монастыре). Князь Верейский и Белоозерский с 1432, Вышгородский в 1450—1464. Жена — Елена Ярославна, княжна Боровская.

67(44). Семён Константинович.

68(46). Мария Ивановна, за Александром Фёдоровичем, князем Ростовским.

69(48). Василий Ярославич, умер зимой 1483 в заточении (на его захоронении в Архангельском соборе почему-то стоит дата 17.03.1462). Князь Боровский, схвачен 10.07.1456, сослан в Углич, а затем на Вологду. Ж.: 1) ум. до 1450; 2) с 1454, в 1456 бежала в Литву.

70(48). Мария Ярославна, с 1433 жена Василия II (№ 59).

71(48). Елена Ярославна, за Михаилом Андреевичем верейским (№ 66).

72(50). Дочь Андрея Радонежского, с 1432 за Василием Косым (№ 60).

Колено VII

73(59). Георгий (Юрий) Васильевич Большой (осень 1437 — янв. 1441).

74(59). Иван III (Тимофей) Васильевич Грозный или Великий (22.01.1440, Москва — 27.10.1505, там же). Великий князь Московский с 1462. Ж.: 1) с 4.06.1452 — Мария Борисовна, княжна тверская (1422—22.04.1467); 2) с 12.11.1472 — Зоя (Софья) Фоминична Палеолог (ок. 1448—17.04.1503), дочь деспота Морей, племянница последнего византийского императора Константина XII Палеолога Драгаша (ранее была просватана за принца Карачиоло).

75(59). Георгий (Юрий) Васильевич Меньшой (22.01.1441—12.09.1472, Москва), с 1462 князь Дмитрова, Можайска, Серпухова.

76(59). Андрей Васильевич Большой Горяй (13.08.1446, Углич — 6.11.1493, умер в заточении в Москве). Князь Угличский с 1462, схвачен 20.09.1491, уморен в темнице. Ж.: с 27.05.1470 в Москве — Елена, ум. 2.04.1483, дочь князя Романа Андреевича Мезецкого.

77(59). Семён Васильевич (1.09.1447 — между 1449 и 1451).

78(59). Борис Васильевич (21.07.1449—26.05.1494, Руза). Князь Волоцкий и Рузский с 1462, позднее Вышгородский и Суходольский. Ж.: с 9.05.1471 — княжна Ульяна Михайловна Холмская, ум. 4.11.1503 (из тверской династии Рюриковичей).

79(59). Андрей Васильевич Меньшой (8.08.1452—5.07.1481). Князь Вологодский с 1462, позднее Тарусский и Серпуховской.

80(59). Анна Васильевна (ум. в апреле 1501), с 28.01.1464 за Василием Ивановичем (ум. в 1483), князем Рязанским (своим троюродным братом).

81(59). Дмитрий Васильевич (30.09.1455 — до 1461).

82(59). Мария Васильевна (ум. в апреле 1465).

83(61). Иван Дмитриевич Шемякин (ум. после 1485), с 1454 в Литве, там был князем Рыльским и Новгород-Северским. Ж.: гречанка.

84(61). Мария Дмитриевна (ум. 13.02.1456 в Новгороде), с 1452 за князем Александром Васильевичем Чарторыйским (ум. после 1477).

85(65). Андрей Иванович (ум. ок. 1487), князь Брянский (в Литве). Ж.: княжна Евдокия Александровна Чарторыйская.

86(65). Семён Иванович (ум. в феврале 1502), в Литве владел Стародубом, Любечем, Гомелем, Черниговом, Карачевом, с 1500 служил в Москве.

87(66). Анастасия Михайловна, не позже апреля 1486 вышла замуж за князя Осипа Андреевича Дорогобужского (из тверской династии Рюриковичей).

88(66). Василий Михайлович Удалой (ум. ок. 1501), князь Верейский (упоминается с 1468), в 1483 бежал в Литву с женой. С 2.10.1483 князь Любеча. Ж.: Мария Андреевна Палеолог, племянница Софьи Палеолог.

89(66). Иван Михайлович (ум. между 1476 и 1483).

90(69). Иван Васильевич (от первого брака), в 1456 бежал в Литву, где и умер. В Литве владел городами Клецком и Рогачёвом.

91(69) Иван Васильевич.

92(69). Андрей Васильевич.

93(69). Василий Васильевич. Все три сына Василия Ярославича родились от второго брака. Сосланы в Кострому, где и умерли.

Колено VIII

94(74). Иван Иванович Молодой (15.02.1458, Москва — в ночь на 8.03.1490, там же), великий князь Тверской с 1485. Ж.: с 7.01.1483 — Елена Стефановна (убита 18.01.1505), дочь валашского господара Стефана III Великого. С 1502 в заточении.

95(74). Елена Ивановна (18.04.1474 — после 1479).

96(74). Феодосия Ивановна (28.05.1475 — после 1479).

97(74). Елена Ивановна (19.05.1476—20.01.1513), с 15.02.1495 в Вильно за Александром Казимировичем (1461—1506), великим князем Литовским (с 1492), королём Польши (с 1501).

98(74). Василий III (Гавриил, в иночестве Варлаам) Иванович (25.03.1479, Москва — 4.12.1533, там же). Великий князь Московский с 1505. Ж.: 1) с 4.09.1505 по 1525 — Соломония Юрьевна Сабурова

(в иночестве Софья), ум. 18.12.1542 в Суздальском Покровском монастыре; 2) с 21.01.1526 — княжна Елена Васильевна Глинская (1508—3.04.1538).

99(74). Георгий (Юрий) Иванович (23.03.1480—3.08.1536, уморен голодом в темнице), князь Дмитровский, схвачен 11.12.1533.

100(74). Дмитрий Иванович Жилка (6.10.1481—14.02.1521, Углич), князь Угличский.

101(74). Феодосия Ивановна (29.05.1485—19.02.1501), с 13.02.1500 за князем Василием Даниловичем Холмским, ум. после 1508.

102(74). Семён Иванович (21.03.1487—26.06.1518), князь Калужский.

103(74). Андрей (церковное имя — Евгений) Иванович (5.08.1490, Москва — 10.12.1537, там же). Князь Старицкий, схвачен в июне 1537, погиб в темнице. Ж.: с янв. 1533 — княжна Евфросиния (в иночестве Евдокия) Андреевна Хованская, дочь князя Андрея Фёдоровича Хованского, с авг. 1563 инокиня, убита 20.10.1569 по приказу Ивана Грозного.

104(74). Борис Иванович, ум. после дек. 1503.

105(74). Евдокия Ивановна (1492 — февраль 1513), с 23.01.1506 за татарским царевичем Куйдакулом Ибреимовичем (с дек. 1505 — в крещении Пётр), ум. в марте 1523. Одна из их дочерей, Анастасия (ум. в 1540), с августа 1529 была женой князя Фёдора Михайловича Мстиславского (ум. в 1540). Их внучка (от сына Ивана, ум. в 1586) — Анастасия — жена Симеона Бекбулатовича (ум. в 1616), сделанного Иваном Грозным в 1575 московским государем (Симеон Бекбулатович был родным племянником второй жены Ивана Грозного — Марии Темрюковны и потомком последнего хана Золотой Орды — Ахмата).

106(76). Ульяна Андреевна (в иночестве Евпраксия), ум. 15.05.1537 (похоронена в московском Новодевичьем монастыре), до 1486 вышла замуж за князя Ивана Семёновича Кубенского (ум. в апреле 1500).

107(76). Дочь Андрея Горяя, до 1491 вышла замуж за князя Андрея Дмитриевича Курбского.

108(76). Святой Иван Андреевич (1477, Великие Луки — 19.05.1522, Спасо-Прилуцкий монастырь в Вологде, там же и похоронен), в иночестве Игнатий, схвачен в 1491, умер схимником в оковах. Канонизирован Русской православной церковью.

109(76). Дмитрий Андреевич (до зимы 1483 —?), с 1491 в заточении, 20.12.1540 с него были сняты оковы, после он жил в Переяславле. Похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре.

110(78). Фёдор Борисович, ум. 3.05.1513, князь Волоцкий с 1494, похоронен в Иосифо-Волоцком монастыре. Ж.: 1) с 1504 — Мария; 2) Анна.

111(78). Иван Борисович (между 1478 и 1479—28.11.1504, похоронен в Иосифо-Волоцком монастыре), князь Рузский с 1494.

112(78). Анна Борисовна, ум. до 1503, жена князя Петра большого Дмитриевича Хохолкова-Ростовского.

113(83). Василий Иванович Шемячич (ум. в Москве в заточении 10.08.1529), с 1500 служил в Москве, князь Новгород-Северский

и Рыльский, схвачен 12.05.1523. Ж.: в иночестве Евфимия, ум. в середине XVIII в. в Суздальском Покровском монастыре.

114(83). Семён Иванович Шемячич, умер до 1500 (?).

115(83). Владимир Иванович Шемячич.

116(83). Иван Иванович Шемячич.

117(83). Дочь (Мария?), за князем Юрием Васильевичем Путьиным.

118(85). Фёдор Андреевич, погиб в Брянске в 1486.

119(86). Василий Семёнович (ум. между весной 1515 и сент. 1518), с 1500 служил в Москве. Владел Стародубом, Гомелем, Черниговом, Карачевом и Любечем. Ж.: с 1506 — Мария Юрьевна Сабурова, сестра Соломонии.

120(88). Софья Васильевна (ум. в авг. 1549), за Ольбрахтом Мартиновичем Гаштольдом (ум. в 1539).

121(90). Князь Фёдор Иванович Боровский (ум. в 1521 в Литве бездетным). Владел городом Клецком. Ж.: с 1498 — княжна Александра Пинская.

122(90). Ульяна Ивановна, за князем Юрием Ивановичем Гольшанским (ум. в 1536).

123(90). Василиса Ивановна (ум. 11.05.1552), за Александром Ивановичем Ходкевичем.

Колоно IX

124(94). Дмитрий Иванович (Внук) (10.10.1483 — погиб в тюрьме 14.02.1504). Венчан на великое княжение Московское 4.02.1498. Схвачен 11.04.1502.

125(94). Иван Иванович (15.02.1485 —?, очевидно, умер в младенчестве).

126(98) Иван IV Васильевич Грозный (в иночестве Иона) (25.08.1530, село Коломенское — 18.03.1584, Москва). Великий князь Московский с 1533, царь с 16.01.1547. Ж.: 1) с 3.02.1547 — Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (ок. 1530—7.08.1560), дочь окольного Романа Юрьевича Захарьина; 2) с 21.08.1561 — княжна Мария (Кученей) Темрюковна Черкасская (ум. 06.09.1569); 3) с 28.10.1571 — Марфа Васильевна Собакина (1552—14.11.1571); 4) с 29.04.1572 — Анна Алексеевна Колтовская (с сент. 1572 инокиня Дарья, ум. 5.04.1626); 5) с янв. 1575 — Анна Григорьевна Васильчикова (ум. в иночестве в начале 1577, по другим сведениям — 7.01.1626); 6) с конца 1570-х гг. — вдова дьяка Василиса Мелентьевна Иванова; 7) с 6.09.1580 — Мария Фёдоровна Нагая (с 1591 — инокиня Марфа), ум. 28.06.1611.

127(99). Георгий (Юрий) «Московский» (30.10.1532—24.11.1563). С авг. 1560 — князь Угличский и Калужский. Ж.: с 3.11.1547 — княжна Ульяна Дмитриевна Палецкая, дочь князя Дмитрия Фёдоровича Палецкого (с 30.04.1564 — инокиня Александра, ум. 8.05.1574 в московском Новодевичьем монастыре).

128(103). Владимир (церковное имя — Иакинф) Андреевич (3 или 18.07.1533 — погиб по приказу Ивана Грозного 9.10.1569). Князь Старицкий с дек. 1541, Дмитровский с 1566. Ж.: 1) с 18 (или 31).05.1550 — Евдокия Александровна Нагая (ум. 1557); 2) с 28.04.1558 — княжна Ев-

докия Романовна Одолевская, погибла вместе с мужем 9.10.1569 (двоюродная сестра князя Андрея Михайловича Курбского).

129(113). Иван Васильевич Шемячич-Севрюк, ум. в монастыре 5.11.1561.

130(113). Дочь (Мария?) Василия Шемячича.

131(113). Дочь (Евфросинья?) Василия Шемячича. С апреля 1524 обе дочери — монахини Суздальского Покровского монастыря.

Колено X

132(126). Анна Ивановна (10.08.1549—20.07.1550, похоронена в московском Новодевичьем монастыре).

133(126). Мария Ивановна (17.03.1551 — до 1552).

134(126). Дмитрий Иванович (окт. 1552 — утонул 4.06.1553).

135(126). Иван Иванович (28.03.1554, Москва — 19.11.1581, Александровская слобода). Ж.: 1) с 4.11.1571 — Евдокия Богдановна Сабурова, до 1575 — инокиня Александра (ум. 28.11.1614 или в 1620? в Суздальском Покровском монастыре); 2) с лета 1575 — Феодосия (Пелагея) Михайловна Петрова-Солового, с 1579 — инокиня Прасковья (ум. в 1621 в московском Иверском монастыре); 3) с 1580 — Елена Ивановна Шереметева, с 1581 — инокиня Леонида (ум. 25.12.1586 в московском Новодевичьем монастыре).

136(126). Евдокия Ивановна (26.02.1556 — июнь 1558).

137(126). Фёдор Иванович (31.05.1557, под Переяславлем-Залеским — 6.01.1598, Москва). Царь с 1584, последний царь московской династии Рюриковичей. Ж.: до весны 1575 — Ирина Фёдоровна Годунова, с 1598 — инокиня Александра (ум. 26.10.1603 в московском Новодевичьем монастыре).

138(126). Василий Иванович (род. и ум. в 1563).

139(126). Святой Дмитрий (Уар) Иванович (19.10.1582, Москва — 15.05.1591, Углич), князь Углича с 1584 (номинально). Погиб при невыясненных обстоятельствах. Канонизирован Русской православной церковью.

140(127). Василий Георгиевич (Юрьевич) (февраль 1559—20.02.1560).

141(128). Василий Владимирович (ок. 1552—1574), князь Дмитровский с 1573.

142(128). Евфимия Владимировна (ок. 1553—1571).

143(128). Мария (в иночестве с 1586 Марфа) Владимировна (ок. 1560—13.06.1613 или лето 1614, похоронена в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря), с 12.04.1573 за Магнусом (1540—18.03.1583), принцем Датским, сыном короля Христиана III, королём Ливонии. У них была дочь Евдокия (1579—17.03.1589, похоронена в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря).

144(128). Юрий Владимирович (1563 — погиб 9.10.1569).

145(128). Евдокия Владимировна (20.02.1560—20.11.1569).

146(128). Татьяна Владимировна (ум. в янв.1564).

147(128). Анастасия Владимировна (ум. в янв. 1568).

148(128). Иван Владимирович (6.01. — погиб 9.10.1569).

149(128). Мария Владимировна (погибла 9.10.1569).

Колено XI

150(137). Феодосия Фёдоровна (29.05.1592—25.01.1594).

Рассматривая имена московских Рюриковичей, можно заметить, что в целом их состав не слишком велик. Наиболее популярным именем было Иван — известно 24 случая его употребления, что объясняется памятью об Иване Калите, так как весь московский род произошёл именно от него. Это имя очень редко употреблялось среди Рюриковичей домонгольского периода.

На втором месте по распространённости имя Василий («царский») — 13 случаев. Оно было одним из наиболее популярных христианских имён среди Рюриковичей, поскольку креститель Руси князь Владимир Святославич получил его при крещении. Предок московских князей Владимир Мономах также носил это имя. В форме Василько оно часто употреблялось у представителей различных династий Рюриковичей, в том числе и во Владимиро-Суздальском Доме (св. Василько Константинович ростовский). Один из братьев Александра Невского — князь костромской и великий князь владимирский также носил имя Василий.

На третьем месте у Даниловичей стоит имя Семён (10 случаев). Это объясняется тем, что оно принадлежало старшему сыну Калиты, в домонгольский период оно практически у Рюриковичей не употреблялось.

На четвертом месте — Андрей и Дмитрий (по 9 случаев). Имя Андрей вошло в именованье Владимиро-Суздальского Дома, поскольку его основатель, сын Ярослава Мудрого Всеволод получил это имя при крещении. Андреем звались его внук (Андрей Владимирович Добрый), правнук (Андрей Юрьевич Боголюбский) и другие потомки (наиболее известны Андрей Ярославич, брат Александра Невского, и Андрей Александрович, его сын). Имя Дмитрий получило особенное распространение оттого, что его носил в качестве христианского общий предок владимиро-суздальских князей Всеволод Большое Гнездо, в честь которого был основан город Дмитров. «Дмитрий» с тех пор употреблялся у всех династий, происходивших от Всеволода, не только в московском роде, но и в тверском (Дмитрий Грозные Очи), и в нижегородском (Дмитрий Константинович).

Наконец, ещё одним частым именем было имя Георгий (Юрий) (8 случаев). Конечно же, эта популярность обусловлена его принадлежностью предку московского рода Юрию Долгорукому.

Остальные имена употреблялись реже: четыре раза известен Даниил (основатель собственно московской династии), затем можно отметить следующие имена: Фёдор, Борис, Владимир, Константин и Михаил. Последние несколько имён известны в именованье домонгольских Рюриковичей и не являются особенной принадлежностью владимирского Дома или московской династии (имя Михаил было популярно в тверской княжеской династии).

Среди женских имён наиболее распространены были Софья, Анна, Анастасия, Мария, Евдокия, Василиса.

НЕКРОПОЛЬ РЮРИКОВИЧЕЙ В АРХАНГЕЛЬСКОМ СОБОРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

С XIV века Архангельский собор Московского Кремля служил родовой усыпальницей для московских великих и удельных князей и царей. Здесь находится 54 захоронения представителей московской династии Рюриковичей и династии Романовых XVII века. Начиная с петровской эпохи роль такого некрополя постепенно перешла к Петропавловскому собору в Петербурге. Единственным исключением стало погребение в Архангельском соборе императора Петра II, умершего от оспы в Москве в 1730 году. Захоронения расположены в определённом порядке. Как правило, великие князья похоронены вдоль южной стены собора, удельные князья — вдоль западной, опальные или умершие насильственной смертью — вдоль северной. Романовские захоронения сосредоточены у столпов в центральной части собора. В алтарной части погребены Иван Грозный с двумя сыновьями и в одном из приделов — князь М. В. Скопин-Шуйский. У северо-западного и юго-западного столпов погребены два чингисида, принявших православие и находившихся при московском дворе. Умершие захоронены в белокаменных саркофагах под полом в земле, над местами захоронения установлены надгробия с белокаменными плитами, а в начале XX века надгробия были помещены в медные застеклённые футляры. На плитах надгробий и на крышках медных футляров помещены надписи о том, кто похоронен и когда скончался. Надписи на крышках не всегда совпадают с надписями на надгробиях, поскольку при переводе дат с древнерусской системы счёта лет на современную были допущены ошибки. В нижеприведённой таблице даются номера надгробий в соответствии с планом, имена погребённых с номером, указывающим на место в родословной росписи, даты на белокаменных плитах и медных крышках.

1. Ярослав (Афанасий) Владимирович (№ 48)	16.08.6934	16.08.1426
2. Иван Владимирович (№ 46)	7.10.6931	7.10.1423 ¹
3. Андрей Васильевич меньшей (№ 79)	5.07.6999	5.07.1481
4. Борис Васильевич (№ 78)	29.05.7002	29.05.1494
5. Георгий Васильевич (№ 75)	12.09.6981	12.09.1473 ²
6. Семён Иванович (№ 102)	26.06.7026	26.06.1518
7. Иван Васильевич (№ 53)	10.07.6925	10.07.1417
8. Пётр Дмитриевич (№ 41)	10.08.6936	10.08.1428
9. Андрей Дмитриевич (№ 40)	10.07.6940	10.07.1432
10. Георгий Дмитриевич (№ 35)	19.08.6940	19.08.1432 ³
Василий Юрьевич (Косой) (№ 60)		10.11.1448
Дмитрий Юрьевич (Красный) (№ 62)		22.09.1441 ⁴

¹Дата переведена неверно, если это сентябрьский стиль, то она соответствует 1422 г.

²То же, должен быть 1472 г.

³Дата явно ошибочная, т. к. не соответствует данным письменных источников.

⁴Дата переведена неверно, если это сентябрьский стиль, то должен быть 1440 г.

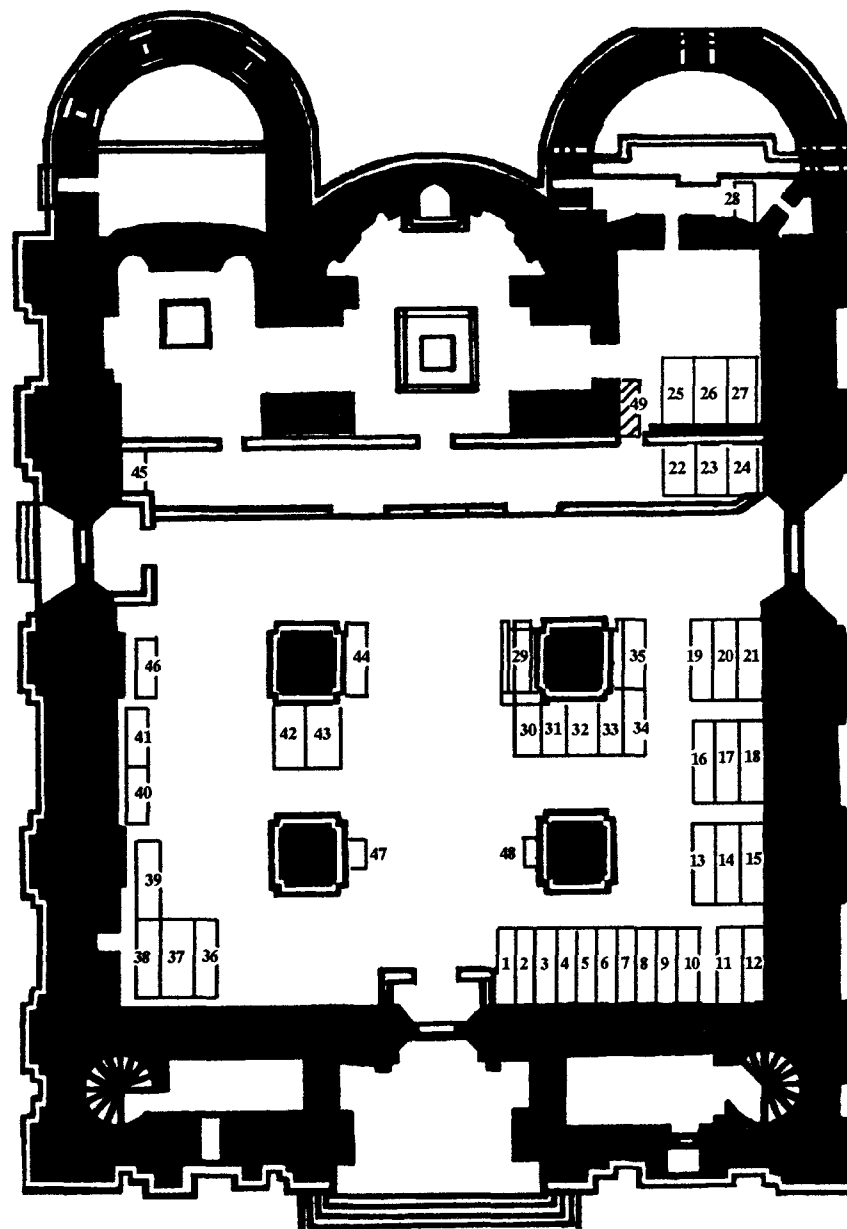

Схема расположения погребений в Архангельском соборе
Московского Кремля.

11. Владимир Андреевич (Храбрый, Донской) (№ 32)	12.08.6918	12.08.1410 ⁵
12. Андрей Иванович (№ 17)	6.06.6061	6.06.1353
13. Дмитрий Иванович (Внук) (№ 124)	14.02.7012	14.02.1504
14. Иван Иванович (Молодой) (№ 94)	7.03.6998	7.03.1490
15. Василий I Дмитриевич (№ 34)	27.02.6933	27.02.1425
16. Дмитрий Иванович (Жилка) (№ 100)	14.02.7029	14.02.1521
17. Дмитрий Иванович (Донской) (№ 27)	19.05.6897	19.05.1389
18. Иван II Иванович (Красный) (№ 16)	13.11.6967	13.11.1359
19. Георгий Васильевич (Московский) (№ 127)	25.11.7072	25.11.1564 ⁶
20. Семён Иванович (Гордый) (№ 10)	26.04.6861	26.04.1353
21. Иван I Данилович (Калита) (№ 8)	31.03.6849	31.03.1341 ⁷
22. Василий III Иванович (№ 98) Царевич Дмитрий Иванович (№ 134)	4.12.7042	4.12.1534 ⁸
23. Иван III Васильевич (№ 74)	6.06.7062	6.06.1554
24. Василий II Васильевич (Тёмный) (№ 59)	28.10.7013	28.10.1505 ⁹
25. Царь Фёдор Иоаннович (№ 137, ум. 6.01.1598)	28.03.6970	28.03.1462
26. Царевич Иван Иванович (№ 135, ум. 19.11.1581)		
27. Царь Иван IV Васильевич (Грозный) (№ 126, ум. 18.03.1584)		
28. Кн. Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (ум. 24.04.1610)		
29. Царевич Дмитрий Иванович (№ 139, убит 15.05.1591)		
30. Царь Алексей Михайлович	29.01.7184	29.01.1676
31. Царевич Алексей Алексеевич	17.01.7178	17.01.1670
32. Царь Михаил Фёдорович	12.07.7153	12.07.1645
Царевич Василий Михайлович		25.03.1639
33. Царевич Иван Михайлович	10.01.7147	10.01.1639
34. Царевич Дмитрий Алексеевич	6.10.7158	6.10.1650

⁵По данным летописей, Владимир Андреевич умер в мае 1410 г.

⁶Дата переведена неверно, по сентябрьскому стилю при переводе должен быть 1563 г. Князь Георгий Васильевич скончался, как следует из надписи на надгробии, во втором часу ночи, т. е. между половиной четвёртого и половиной пятого вечера 24 ноября.

⁷По ультрамартовскому стилю эта дата соответствует 31.3.1340.

⁸Дата переведена неверно, по сентябрьскому стилю при переводе должен быть 1533 г.

⁹Иван III умер в 1 час ночи, т. е. около 7 часов вечера 27.10.1505 г.

Царевич Семён Алексеевич		19.06.1669
35. Царевич Илья Фёдорович	21.07.7189	21.07.1681
Царевич Александр Петрович	13.05.7200	13.05.1692
36. Царь Василий Иванович (кн. Шуйский)	12.09.7121	12.09.1613 ¹⁰
37. Владимир Андреевич (№ 128, погиб 9.10.1569) Василий Владимирович (№ 141, умер в 1574 г.)		
38. Андрей Иванович (№ 103)	11.12.7045	11.12.1537
39. Георгий Иванович (№ 99)	3.08.7044	3.08.1536
40. Андрей Владимирович (№ 50)	5.11.6934	5.11.1426
41. Андрей Васильевич Большой (Торяй) (№ 76)	6.11.7002	6.11.1494 ¹¹
42. Царь Иван V Алексеевич		29.01.1696
43. Царь Фёдор Алексеевич		27.04.1682
44. Император Пётр II Алексеевич	18.01.1730	18.01.1730
45. Василий Ярославич (№ 69)		17.03.1462 ¹²
46. Михаил Всеволодович, черниговский князь, погибший в 1246 г. — рака.		
47. Пётр (Куйдакул Ибреимович «Маматяков»), казанский царевич		13.03.7031 (1523)
48. Александр Сафагиреевич (Утемиш-Гирей), казанский царь		11.06.7074 (1566)
49. Место первоначального погребения царя Бориса Годунова в 1605 г.		

Следует заметить, что многие даты на надгробиях вызывают вопросы и, вероятно, содержат ошибки, связанные с переводами по различным стилям, во всяком случае, некоторые из них обнаруживают расхождения с письменными источниками.

В настоящее время в подвальной палате Архангельского собора находятся и саркофаги с останками женщин — великих княгинь, княжон, цариц и царевен. Все они когда-то были похоронены в Вознесенском соборе кремлёвского Вознесенского монастыря, но в 1929 году, перед сносом монастыря, сотрудники музея перенесли их в Архангельский собор. Из Рюриковичей здесь похоронены Евдокия Дмитриевна (жена Дмитрия Донского), Мария Борисовна и Софья Палеолог (жёны Ивана III), Софья Витовтовна (жена Василия I), Еле-

¹⁰Дата переведена неверно, по сентябрьскому стилю при переводе должен быть 1612 г.

¹¹По всей видимости, дата переведена неправильно, если это сентябрьский стиль, то год соответствует 1493.

¹²Появление этой даты, возможно, связано с казнями сторонников Василия Ярославича, которые состоялись в марте 1462 г. На самом деле Василий Ярославич умер в 1483 г.

на Глинская (жена Василия III), четыре жены Ивана Грозного (Анастасия Романова, Мария Темрюковна, Марфа Собакина и Мария Нагая), Ирина Годунова (жена Фёдора Иоанновича), Екатерина Буйносова-Ростовская (жена Василия Шуйского), правнучка Ивана III княгиня Евдокия Фёдоровна Мстиславская, дочь Фёдора Иоанновича Феодосия, дочь Василия Шуйского Анна, женщины семьи Владимира Старицкого (мать Евфросинья, жена Евдокия, дочери Мария, Евдокия, Анастасия) и др.

Приложение 6

**МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ
ПО ИСТОРИИ РОДА РЮРИКОВИЧЕЙ**

Нижеприведённая библиография включает в основном работы генеалогического и биографического характера. Она разделена на пять частей, но не по научной значимости трудов, а по условному тематическому принципу. Первый раздел содержит генеалогические и биографические справочники, специально посвящённые Рюриковичам или охватывающие значительные «пласты» их генеалогии. По правившим Рюриковичам наиболее представительными являются работы А. В. Экземпларского, Н. А. Баумгартена, О. М. Рапова, Л. В. Войтовича, Д. В. Донского. Во второй части даются работы общеисторического характера, важные для изучения истории рода, и содержащие биографии князей Рюриковичей, — это труды в основном монографического плана. Сюда же включены и исследования по истории отдельных русских княжеств. Третий раздел составляют работы, посвящённые в основном локальным вопросам генеалогии и биографий князей Рюриковичей, а также те, в которых генеалогические сюжеты присутствуют, но не являются основной темой исследования. В четвёртый раздел вошли работы по генеалогии различных родов Рюриковичей, уже после того, как они утратили свои суверенные владения, и в продолжение их дальнейшей истории. Наконец, в пятом разделе помещены энциклопедические и биографические справочники, которые содержат информацию о конкретных потомках Рюрика, упоминаемых в книге.

Деление библиографии условно и в силу многоплановости многих трудов. Библиография не претендует на исчерпывающую полноту и лишь намечает в очень приблизительной степени основной круг литературы, посвящённой истории рода Рюриковичей за весь период его существования.

1.

- Baumgarten N. A.** *Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle // Orientalia Christiana.* Т. 9. Part. 1. № 35. Roma, 1927.
- Baumgarten N. A.** *Généalogie des branches régnautes des Rurikides du XIIIe au XIVe siècle // Orientalia Christiana.* Т. 35. Part. 1. № 94. Roma, 1934.
- Власьев Г. А.** *Потомство Рюрика.* Т. 1. Ч. 1 — 3. СПб., 1906—1907; Т. 2. Кн. 1. Пг., 1918.

- Войтович Л. В.** *Генеалогія династії Рюриковичів.* К., 1990.
- Войтович Л. В.** *Генеалогія династії Рюриковичів і Гедеміновичів.* К., 1992.
- Войтович Л. В.** *Удільні князівства Рюриковичів і Гедеміновичів у XII—XVI ст.* Львів, 1996.
- Головин Н. Г.** *Родословная роспись потомства великого князя Рюрика.* М., 1851.
- Дворянские роды Российской Империи /** Под ред. С. В. Думина. Т. 1—3. СПб., М., 1993—1996.
- Кн. Долгоруков П. В.** *Российская родословная книга.* 4 т. СПб., 1854—1857.
- Донской Д. В.** *Справочник по генеалогии Рюриковичей (сер. IX — нач. XIV в.) /* Под ред. кн. Д. М. Шаховского. М.; Ренн, 1991.
- Рапов О. М.** *Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в.* М., 1977.
- Творогов О. В.** *Князья Рюриковичи. Краткие биографии.* М., 1992.
- Ткаченко В. А.** *Московские великие и удельные князья и цари.* М., 1998.
- Хмыров М. Д.** *Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов Царствующего Дома Романовых.* Ч. 1 (А — И). СПб., 1871.
- Экземпларский А. В.** *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период.* 2 т. СПб., 1889, 1891.
- 2.
- Абрамович Г. В.** *Князья Шуйские и российский трон.* Л., 1991.
- Александров Д. Н.** *Русские княжества в XIII—XIV вв.* М., 1997.
- Алексеев Л. В.** *Полоцкая земля в IX—XIII вв.* М., 1966.
- Алексеев Л. В.** *Смоленская земля в IX—XIII вв.* М., 1980.
- Алексеев Ю. Г.** *Государь всея Руси.* Новосибирск, 1991.
- Алексеев Ю. Г.** *Под знамёнами Москвы.* М., 1992.
- Андриашев А. М.** *Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст.* К., 1887.
- Артамонов В. А., Мезенцев Е. В., Морозова Л. Е., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В.** *Создатели Московского государства.* М., 1997.
- Архангелов С. А.** *Святая благоверная княгиня-инокиня Анна Кашинская.* СПб., 1909.
- Багалея Д. И.** *История Северной земли до половины XIV ст.* К., 1882.
- Беляева С. А.** *Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв.* К., 1982.
- Болеслав-Юрий II,** князь всей малой Руси: Сб. материалов и исслед. СПб., 1907.
- Борисов Н. С.** *Иван Калита.* М., 1995.
- Борисов Н. С.** *Иван III.* М., 2000.
- Борисов Н. С.** *Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.).* М., 1999.
- Борисов Н. С.** *Русские полководцы XIII—XVI веков.* М., 1993.
- Борзаковский В. С.** *История Тверского княжества.* СПб., 1876.
- Голубовский П. В.** *История Северной земли до половины XIV ст.* К., 1881.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. К., 1895.

Горский А. А. Русские княжества и земли в XIII—XIV вв. М., 1996.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. К., 1891, 1991.

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. К., 1896.

Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. К., 1873.

Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. К., 1891.

Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 76—126.

Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, 2001.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. 3 ч. Львов, 1852—1855.

Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времён до конца XIV века. Одесса, 1895.

Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884.

Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989.

Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1986, 1999.

Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997.

Карпов А. Ю. Русь Московская. М., 1998.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI вв. М., 1967.

Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.

Клюг Э. Княжество Тверское. Тверь, 1994.

Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995.

Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.

Коринный Н. Н. Переяславская земля: X — первая половина XIII в. К., 1992.

Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

Котляр Н. Ф. Данило Галицкий. К., 1979.

Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. К., 1986.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. К., 1984.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. № 5—6. 1995.

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. № 1. 1995. С. 93—107.

Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII ст. К., 1897.

Махновец Л. Е. Про автора «Слова о полку Игоревім». К., 1989.

Михаил Ярославич. Великий князь Тверской и Владимирский. Тверь, 1995.

Молчановский Н. В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. К., 1885.

Морозова Л. Е. Два царя: Фёдор и Борис. М., 2001.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. № 2—3. 1991.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.

Орлов В. А. Евфросиния Полоцкая. Минск, 1992.

Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996.

Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Перхавко В. Б. История России в лицах: IX — начало XVII в. М., 2000.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995.

Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530—1584); Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998.

Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. М., 1998.

Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978.

Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.

Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982, 1991.

Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...» Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

Сахаров А. Н., Назаров В. Д., Боханов А. Н. Подвижники России. М., 1999.

- Сизов Е. С. «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969.
- Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.
- Скрынников Р. Г. Лихолетье. Москва в XVI—XVII веках. М., 1988.
- Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
- Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1985.
- Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.
- Творогов О. В. Древняя Русь: события и люди. СПб., 1994.
- Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях. М., 1992.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К., 1987.
- Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности. К., 1980.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.
- Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
- Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.
- Шеков А. В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII — середины XVI в.). Тула, 1993.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1—2. М., 1970; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3. М., 1998.
- Яновский А. М. Юрий Долгорукий. М., 1955.
- 3.
- Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
- Азбелев С. Н. К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 2. М., 1994. С. 363—374.
- Азбелев С. Н. Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // ИРГО. Вып. 1. СПб., 1994. С. 45—46.
- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // Византийский временник. Т. 41. М., 1980. С. 113—124.
- Баумгартен Н. А. Добронега Владимировна, королева польская, дочь св. Владимира // Благовест. № 2—3. Париж, 1930. С. 102—109.
- Баумгартен Н. А. К происхождению князей Вяземских // ЛИРО. Вып. 1—4, 1915. С. 64—69.
- Баумгартен Н. А. Ода Штаденская, внучатая племянница папы Льва IX — невестка Ярослава Мудрого // Благовест. № 1. Париж, 1930. С. 95—102.

- Баумгартен Н. А. Родословные отрывки: 1. Старшая ветвь Черниговских Рюриковичей; 2. Старшая ветвь Мономаховичей; 3. К родословию последних великих князей Рязанских; 4. К родословию князей Мезецких; 5. Первая ветвь князей Галицких: Потомство Владимира Ярославича; 6. К родословию великих князей Владимирских: Мать Александра Невского; 8. Феофания Музалонисса — жена Олега Святославича Черниговского, родоначальника князей Черниговских; 9. Вторая ветвь князей Галицких: Потомство Романа Мстиславича; Дополнение к первой ветви князей Галицких; 10. Кунигунда Орламондская, княгиня Русская и её потомство; 11. К родословию Святополковичей Турово-Пинских. Княгиня Евфросинья Борисовна Пинская; 12. Прибыслава (Примислава, Предислава) Ярослава, княгиня (герцогиня) поморская; 13. Силезские герцоги — претенденты Галицкие; 14. Вышеслава (Вячеслава) Святославна, королева Польская; 15. София Владимировна, королева Датская, затем ландграфиня Тюрингенская; 16. Елена Ростиславна Смоленская, жена Казимира II Польского; 19. Предслава (Передслава) Святополковна, жена Альмоса Венгерского; 20. Князя Болховские и Изяслав Мстиславич; 21. Сбыслава Святополковна, жена Болеслава Кривоустого; 22. Дополнение к заметке о Кунигунде Орламондской; 23. Мария Мстиславна, жена Всеволода II Ольговича // ЛИРО. Вып. 4, 1906. С. 13—20 (№ 1—2); Вып. 3, 1907. С. 3—8 (№ 3—4); Вып. 4, 1908. С. 3—30 (№ 5—8); Вып. 1, 1909. С. 3—46 (№ 9); Вып. 3, 1909. С. 31—55 (№ 10—13); Вып. 1, 1910. С. 22—37 (№ 14—17); Вып. 4, 1910. С. 27—40 (№ 18—19); Вып. 2, 1912. С. 11—28 (№ 20—23).
- Баумгартен Н. А. София Русская, королева Датская, а затем ландграфиня Тюрингенская // Seminarium Kondakovianum. Т. IV. Prague, 1931. P. 95—104.
- Баумгартен Н. А. Ярослав Святополкович, князь Владимиро-Волынский. Его происхождение, браки и потомство // ИРГО. Вып. 4, 1911. С. 35—49.
- Baumgarten N. A. Le dernier mariage de Saint Vladimir // Orientalia Christiana. T. 18. Part. 2. № 61. Roma, 1930. P. 165—168.
- Baumgarten N. A. Pribyslava de Russie. Cunégonde d'Orlamnde // Orientalia Christiana. T. 20. Part. 3. № 66. Roma, 1930. P. 157—168.
- Белецкий С. В. К вопросу о правовом статусе Святополка Ярополчича в годы великого княжения Владимира Святого // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы к конф. М., 1998. С. 7—10.
- Белецкий С. В. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.) // У источника. Вып. 1. М., 1997. С. 93—171.
- Белецкий С. В. Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Материалы конф. М., 2001. С. 25—29.
- Беляев Н. Т. Рорик ютландский и Рюрик начальной летописи // Seminarium Kondakovianum. Т. III. Prague, 1929. P. 215—270.
- Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28. М., 1968. С. 127—135.

Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 113–121.

Виролайнен М. Н. Загадки княгини Ольги (Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом аспекте) // Русское подвижничество. М., 1996. С. 64–71.

Высоцкий С. А. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 154–161.

Гадло А. В. Восточный поход Святослава (К вопросу о начале Тмутараканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59–67.

Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедёй, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 95–96.

Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 7. М.; Л., 1940. С. 57–66.

Гинзбург В. В., Герасимов М. М. Андрей Боголюбский // Там же. Вып. 11. М.; Л., 1945.

Глазырина Г. В. Свидетельства древнескандинавских источников о браке Харальда Сурового и Елизаветы Ярославны // Внешняя политика Древней Руси. Тез. докл. М., 1988. С. 14–16.

Глазырина Г. В. О русско-шведском брачном союзе конца X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы к конф. М., 1998. С. 16–21.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. К., 1988.

Голубовский П. В. Новые исследования о жизни французской королевы Анны Ярославны // Киевская старина. Т. 54. К., 1886. С. 12–16.

Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 76–110.

Горский А. А. Замужества дочери Василия I и судьба Нижегородского княжения // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Материалы конф. М., 2001. С. 71–74.

Горский А. А. О происхождении князя Изяслава (XIII в.) // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобриня. Тез. докл. М., 1992. С. 44 — 46.

Гричёв Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 31–43.

Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889.

Гушин А. Р. Из наблюдений над именованьем домонгольских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1995. С. 9–11.

Гушин О. Вступ Чернігівських Ольговичів у боротьбу за Галицько-Волинську спадщину: трагедія Ігоревичів // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези конф. Львів, 1993. С. 95–97.

Гушин А. Р. Структура древнерусского княжеского рода в домонгольский период // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. Тез. докл. М., 1996. С. 17–23.

Данилевич В. Е. К вопросу о Параскеве-Праксиде, княжне полоцкой. Харьков, 1905.

Джаксон Т. Н. Ингигерд, жена князя Ярослава Мудрого, в изображении «Пряди об Эймунде» // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1994. С. 14–15.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Скандинавский сборник. Вып. 27. 1982. С. 107–115.

Дригалкін В. І. До біографії князя Ярослава Мудрого // УІЖ. № 2. 1970.

Еремян С. Т. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Научные труды Ереванского государственного университета. Т. 23. Ереван, 1946. С. 389–421.

Загорюльский Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск, 1994.

Зиборов В. К. Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого (источниковедческий анализ) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 80–94.

Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. V. Л., 1973. С. 182–195.

Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161–188.

Иловайский Д. И. Вероятное происхождение святой княгини Ольги и новый источник о князе Олеге. М., 1914.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и её источник. М., 1957.

Иноземцев А. Д. Удельные князья Кашинские // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 4. Отд. 1. М., 1873. С. 31–58.

Исаевич Я. Д. Галицко-Волынское княжество в конце XIII — первой трети XIV в. // ДГ. 1987. М., 1989. С. 71–77.

Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972. С. 107–118.

Исаевич Я. Д. «Королевство Галиции и Володимирии» и «Королевство Руси» // ДГ. 1985. М., 1986. С. 62–64.

Kazhdan A. (Каждан А.П.) Rus'-Byzantine princely marriages in the eleventh and twelfth centuries // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XII/XIII. 1990. P. 414–429.

Карсанов А. Н. Ясыня из Волжской Болгарии // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 6. Ч. 2. М., 1994. С. 385–397.

Каштанов С. М. Была ли Ода Штаденская женой великого князя Святослава Ярославича? // Восточная Европа в древности и средневе-

- ковье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Тез. докл. М., 1994. С. 15–19.
- Каштанов С. М.** К вопросу о расшифровке имени «Игошь» в уставе великого князя Всеволода-Гавриила Мстиславича // Образование древнерусского государства. Тез. докл. М., 1992. С. 23–25.
- Каштанов С. М.** Кто был Карл, «сестричич» Василия III? // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тез. докл. М., 1989. С. 22–26.
- Кишкин Л. С.** Мария Всеволожая — ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 253–269.
- Коваленко В.** Распад. Земли-княжества домонгольской Руси // Родина. № 8. 1999. С. 38–43.
- Комарович В. Л.** Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. Л., 1960. С. 84–108.
- Королёв А. С.** История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X века. М., 2000.
- Котляр Н. Ф.** Государь всея Волыни и Галичины. Жизнь и смерть Даниила Романовича, князя и короля, ратника и «отчича» // Родина. № 8. 2001. С. 38–43.
- Котляр М. Ф.** Загадковый Изяслав з Галицько-Волинського літопису // УІЖ. № 10. 1991.
- Котляр Н. Ф.** Роман Мстиславич и Романовичи в исторической и поэтической памяти // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Материалы конф. М., 2001. С. 99–104.
- Котляр М. Ф.** Тріумфірат Ярославичів (1054–1073) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. № 5. Львів, 1998. С. 337–343.
- Котляр М. Ф.** Чи Святополк убив Бориса і Гліба? // УІЖ. № 12. 1989. С. 110–122.
- Крузе Ф. О.** происхождении Рюрика // Журнал Министерства народного просвещения. № 1. Янв. 1836. С. 43–73.
- Кузьмин А. Г.** К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 42–53.
- Куник А. А.** Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896.
- Куник А. А.** О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича // Записки Императорской академии наук. Т. 28. СПб., 1876. С. 156–164.
- Кучкин В. А.** Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365–384.
- Кучкин В. А.** К биографии Александра Невского // ДГ. 1985. М., 1986. С. 71–80.
- Кучкин В. А.** Княгиня Анна — тётка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 4–11.

- Кучкин В. А.** О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. № 2. 1986. С. 174–177.
- Кучкин В. А.** «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. № 11. 1985. С. 19–35.
- Кучкин В. А.** Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. № 8. 1979. С. 104–116.
- Кучкин В. А.** Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и Новое время. М., 1999.
- Леонардов Д. С.** Полоцкий князь Всеслав и его время // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1912. Вып. 2. С. 121–216; 1916. Вып. 3. С. 87–180.
- Архимандрит Леонид (Кавелин).** Откуда родом была святая великая княгиня русская Ольга? // Русская старина. № 7. 1888. С. 215–224.
- Линниченко И. А.** Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Т. 1. К., 1884.
- Литаврин Г. Г.** К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985. М., 1986. С. 49–57.
- Ловмянский Х.** Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Т. 7. 1963. С. 221–249.
- Лонгинов А. В.** Князь Фёдор-Любарт Ольгердович и родственные связи русских князей с Угорским королевским домом. Вильна, 1893.
- Лопарёв Х. М.** Византийская печать с именем русской княгини // Византийский временник. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1894. С. 159–167.
- Лопарёв Х. М.** Брак Мстиславны (1122 г.) // Византийский временник. Т. 9. Вып. 3–4. СПб., 1902. С. 418–445.
- Лосева О. В.** Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Материалы конф. М., 2001. С. 126–133.
- Малахов С. Н.** Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в. // Аланика. № 2. 1992. С. 128–135.
- Мальшевский И. И.** Происхождение русской великой княгини Ольги Святой. К., 1889.
- Медведев И. П.** Русская княжна на византийском троне // Вопросы истории. № 2. 1995. С. 144–147.
- Мельникова Е. А.** Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.** Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. № 2. 1995. С. 44–57.
- Молчанов А. А.** Древнерусский антропонимический элемент в династических традициях стран Балтии XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1994. С. 24–26.
- Молчанов А. А.** Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование

- Древнерусского государства. Спорные проблемы. Тез. докл. М., 1992. С. 44–47.
- Молчанов А. А.** Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 16. Л., 1985.
- Мятлев Н. В.** Родословные заметки. 5 ч. М., 1906–1911.
- Назаренко А. В.** Когда же ездил княгиня Ольга в Константинополь? // Византийский временник. Т. 50. 1989. С. 66–83.
- Назаренко А. В.** Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. № 2, 1993. С. 65–78.
- Назаренко А. В.** О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. № 4–5. 1994. С. 181–194.
- Назаренко А. В.** О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // ДГ. 1990. М., 1991. С. 167–190.
- Назаренко А. В.** Родовой созеренитет Рюриковичей над Русью // ДГ. 1985. М., 1986. С. 149–157.
- Назаров В. Д.** Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975.
- Назаров В. Д.** Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества и первые годы правления Ивана III // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрин. Тез. докл. М., 1992. С. 131–134.
- Назарова Е. Л.** Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсике и Кокнесе // ДГ. 1992–1993. М., 1995. С. 182–196.
- Новик Т. Г., Шевченко Ю. Ю.** Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995. С. 96–100.
- О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя киевского.** Хронологические разыскания Н. Ламбина, А. Куника и В. Васильевского. СПб., 1876. С. 119–156.
- Кн. Оболенский Д. Д.** К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 36–47.
- Палаузов С. Н.** Ростислав Михайлович, князь Мачвы // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Август. Отд. II. С. 28 — 49; сентябрь. Отд. II. С. 73–101.
- Палацкий Фр.** О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты, и роде его // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. Разд. 3. М., 1846. С. 3–16.
- Панова Т.** Опальный род Старицких // Наука и жизнь. № 7. 1995. С. 46–49.
- Пападимитриу С. Д.** Брак русской княжны Мстиславны Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комненом // Византийский временник. Т. 11. № 1–2. СПб., 1904. С. 73–98.
- Перхавко В. Б.** Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. Тез. докл. М., 1996. С. 70–75.

- Петров А. Е.** Внук Кончака и князя Игоря // Родина. № 8. 1999. С. 34–37.
- Поппэ А.** Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 64–91.
- Поппэ А.** Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16), 1997. С. 102–120.
- Pritsak O. (Прицак О.)** When and Where Was Ol'ga Baptized? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. IX. 1985. P. 5–24.
- Прозоровский Д. И.** О родстве святого Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. Т. 5. М., 1864. С. 17–26.
- Пчелов Е. В.** Генеалогия графини Оды, жены киевского князя Святослава Ярославича // Славяне и немцы. Средние века — раннее Новое время. Тез. конф. М., 1997. С. 134–137.
- Пчелов Е. В.** Летописный рассказ о призвании варягов как династическая легенда // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конф. М., 2000. С. 28–35.
- Пчелов Е. В.** Польская княгиня — Мария-Добронегга Владимировна // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1994. С. 31–33.
- Пчелов Е. В.** Происхождение династии Рюриковичей // Труды Историко-архивного института. Т. 34. М., 2000. С. 139–183.
- Пчелов Е. В.** Русско-осетинские династические связи конца XII в. // Гербовед. № 44. М., 2000. С. 103–106.
- Пчелов Е. В.** Ярослав Мудрый: вопросы биографии // Персонажи российской истории (история и современность). Тез. докл. СПб., 1996. С. 15–17.
- Рапов О. М.** Когда родился великий киевский князь Святослав Игоревич? // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 4. 1993. С. 92–96.
- Розанов С. П.** Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) // Известия Академии наук СССР. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. № 8. Л., 1929. С. 617–646.
- Розанов С. П.** Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Там же. 1930. № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.
- Рохлин Д. Г.** Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 7. М.; Л., 1940. С. 49–56.
- Рохлин Д. Г., Майкова-Сырочанова В. С.** Рентгеноантропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. С. 9–10.
- Рукавишников А.** Бастарды. Незаконнорожденные князья в домонгольской Руси // Родина. № 6. 2000. С. 13–16.
- Рыбаков Б. А.** Запись о смерти Ярослава Мудрого // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 59–64.
- Рыдзевская Е. А.** Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 7, 1940. С. 66–72.
- Савёлов Л. М.** Родство потомков Владимира Святого с домом Пястов // Сборник в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916. С. 249–260.

Сахаров А. Н. Балканские походы Святослава и дипломатия Древней Руси // Вопросы истории. № 2. 1982. С. 81–107.

Сахаров А. Н. Дипломатия княгини Ольги // Вопросы истории. № 10. 1979. С. 25–51.

Свердлов М. Б. Rorik (Hrrikr) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1994. С. 36–37.

Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історично конференції. Чернігів, 1996.

Соловьёв А. В. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941. С. 37–64.

Соловьёв А. В. Восемь заметок по «Слову о полку Игореве». 6. Жена и дети Игоря // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 378–382.

Soloviev A. V. (Соловьёв А. В.). Marie, fille de Constantin IX Monomaque // Byzantion. T. 33. fasc. 1. 1963. P. 241–248.

Стародубец П. А. Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в начале XIII в. // Средние века. Т. 7. М., 1955. С. 199–216.

Столярова Л. В. Кто был князь Василий Данилович, умерший в 1390 г.? // Историческая генеалогия. № 2. 1993. С. 19–21.

Столярова Л. В. Мария Дмитриевна — жена псковского князя Довмонта // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 58–75.

Сухотин Л. М. Брачные союзы ближайших потомков князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 175–187.

Творогов О. В. На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 48–51.

Тимирязев В. А. Французская королева Анна Ярославна // Исторический вестник. Т. 55. СПб., 1894. С. 198–209.

Титов А. А. Предания о Ростовских князьях. М., 1885.

Тихонравов К. Н. Великая княгиня Соломония // Русская старина. Т. 16. Кн. 6. СПб., 1876.

Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. № 6. 1991. С. 3–15.

Цветаев Д. Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СХСХVI. СПб., 1878.

Штернберг Я. И. Анастасия Ярославна, королева Венгрии // Вопросы истории. № 10. 1984. С. 180–184.

Щавелева Н. И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы к конф. М., 1998. С. 132–136.

Щавелева Н. И. Польки — жёны русских князей // ДГ. 1987. М., 1989.

Щавелева Н. И. Русские княгини в Польше // Внешняя политика Древней Руси. Тез. докл. М., 1988.

Юрасов М. К. Отражение перемен в политической ситуации Венгрии эпохи Арпадов в генеалогии Ласло Сара // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. Материалы конф. М., 2001. С. 204–210.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

Янин В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. К., 1965. С. 76–90.

Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и её сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 4. 1963. С. 142–164.

Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 204–221.

Яценко Б. И. Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве»? // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 296–304.

Яценко Б. И. Северские князья в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. № 3. 1981. С. 106–110.

Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. 1224–1246. Toronto, 1981.

4.

Абросова Е., Фёдоров А. Родословная князей А. Г. Щербатова и А. А. Щербатова — последних владельцев Васильевского // Мاريно. Вып. 1. М., 1996. С. 40–66.

Акиншин А. Н. О происхождении князя А. Б. Лобанова-Ростовского по материнской линии // ИРГО. Вып. 10, 1999. С. 5–12.

Аракчеев В. А. К изучению родословной М. П. Мусоргского // Труды Псковского музея-заповедника. Вып. 1. Псков, 1994. С. 67–72.

Безроднов В. С. Новое о князьях Стародубских // Рождественские чтения. Вып. 3. Ковров, 1996. С. 3–7.

Белоус Ф. Род князей Острожских, защитителей Юго-Западной Руси. Львов, 1883.

Беляев И. С. Остафьево. Материалы о прежних владельцах и к родословию князей Вяземских. М., 1906.

Бенцианов М. М. Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. (Князья Оболенские, Ростовские, Суздальские, Ярославские, Стародубские, Мосальские в середине XVI в.) // Историческая генеалогия. № 8. 1995. С. 4–22.

Беспалова Е. К. Род и предки И. И. Дмитриева // Симбирский вестник. Вып. 1. Ульяновск, 1993. С. 33–34.

Гр. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесённые в Общий Гербовник Всероссийской Империи. 2 т. СПб., 1890.

Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989.

Богданович Е. В. Род князей Барятинских. СПб., 1898.

Бранденбург Н. Е. Род князей Мосальских. СПб., 1892.

Бычков Ф. А. Родословная рода князей и дворян Бычковых-Ростовских. СПб., 1880.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Власьев Г. А. Князья Острожские и Друцкие // ИРГО. Вып. 4, 1911. С. 1–30.

Всейков И. Г. (игумен Ювеналий). Поколенная роспись или родословие князей Вадбольских. М., 1792.

Кн. Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

Всеволожский А. Н. Род Всеволожских. Симферополь, 1866.

Кн. Гагарин А. П., Шумков А. А. Князья Гагарины // Дворянский календарь. Тетр. 4. СПб., 1997. С. 25–40.

Кн. Голицын М. М. Материалы для истории рода князей Прозоровских. М., 1899.

Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000.

Дмитриевы-Мамоновы А. И. и В. А. Дмитриевы-Мамоновы. СПб., 1912.

Добровольская М. А. Личные печатки рода Огиньских в Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 21. Л., 1981. С. 186–192.

Кн. Долгоруков П. В. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842.

Кн. Долгорукой Ф. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913.

Дурасов В. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. 1. СПб., 1906.

Еропкин В. В. Еропкины // Русская старина. Т. 49. № 3, 1886. С. 561–570; Т. 50. № 4, 1886. С. 221.

Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 103. 1979. С. 195–241.

Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 28–56.

Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976. С. 56–69.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Золотарёв В. Родословные А. С. Пушкина, гр. Л. Н. Толстого, П. Я. Чаадаева, Ю. Ф. Самарина, А. И. Герцена, кн. П. А. Кропоткина, кн. С. Н. Трубецкого // Русский евгенический журнал. Т. 5. Вып. 3–4. М., 1927. С. 113–132.

Кобеко Д. Ф. К родословию князей Волконских // ИРГО. Вып. 2. Отд. 1. СПб., 1903. Прил., с. 1–9.

Кобеко Д. Ф. Шереметевы и Полевы // ИРГО. Вып. 1. Отд. 1. СПб., 1900. С. 7–30.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.

Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 14. Л., 1983. С. 50–58.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.

Кудрявцев Ф. Из рода Дмитриевых-Мамоновых // Куранты. Вып. 3. М., 1989. С. 207–215.

Архимандрит Леонид (Кавелин). Село Полево или Полевщина и её владельцы Полевы и Балк-Полевы // Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. Кн. 4. 1872. С. 1–14.

Лихачёв Н. П. Документы о князьях Сицких // ИРГО. Вып. 3. Отд. 2. СПб., 1908. С. 216–352.

Лихачёв Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. СПб., 1900.

Лихачёв Н. П. К родословию князей Долгоруких // ИРГО. Вып. 1. Отд. 1. СПб., 1900. С. 162–163.

Кн. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2 т. СПб., 1895.

Любимов С. В. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Зотовы, Остерманы, Сибирские. Кострома, 1915.

Любимов С. В. Князья Костровы и Мусоргские. Псков, 1916.

Любимов С. В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.

Любимов С. В. (Васильевич С.). Титулованные роды Российской Империи. 2 т. СПб., 1910.

Мельцин М. О. «Крымская» ветвь князей Долгоруковых в XIX–XX вв. // Из глубины времён. Вып. 9. СПб., 1997. С. 139–160.

Мельцин М. О. Род князей Долгоруковых в XVIII — начале XX века: демографический аспект // Проблемы социального и гуманитарного знания. Вып. 1. СПб., 1999. С. 43–94.

Мещерин Г. В. Заметка о роде князей Шуйских вообще и о младшей его ветви, князей Горбатовых-Шуйских // Русская старина. Т. 87. № 7. 1896. С. 118–125.

Минюшский Ф. П. О роде князей Пожарских // Труды Рязанской учёной архивной комиссии. Т. 10. Вып. 1. 1895. С. 97–100.

Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 28. М., 1970. С. 326–340.

Мятлев Н. В. Князья Мышецкие // ИРГО. Вып. 4. Отд. 1. СПб., 1911. С. 93–107.

Назаров В. Д. Князья Пожарские и Ряполовские по новым документам из архива Суздальского Спасо-Ефимовского монастыря // Историческая генеалогия. № 4. 1994. С. 74–79.

Назаров В. Д. Князья Ногтевы-Суздальские в XV в. (по материалам архива Суздальского Спасо-Ефимовского монастыря) // Там же. С. 80–95.

Вел. кн. Николай Михайлович. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1902.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. 2 т. М., 1991.

Плешко Н. Д. Князья Оболенские. Родословие. Нью-Йорк, 1959.

Плешко Н. Д. Князья Оболенские. Родословие (дополнения к 31–34-му поколениям). Париж, 1976.

Пташинский С. Л. Князья Пузыны. Историко-генеалогические материалы. СПб., 1899.

- Пчелов Е. В.** Дмитриевы-Мамоновы — потомки Смоленских князей // Смоленское дворянство. Вып. 1. М., 1997. С. 66–77.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.** Родословный сборник русских дворянских фамилий. 2 т. СПб., 1886–1887.
- Русина Е. В.** Персональный состав Северских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. № 2. 1993. С. 14–18.
- Савёлов Л. М.** Князя Ковровы // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 286–296.
- Савёлов Л. М.** Князя Пожарские // ЛИРО. Вып. 2–3, 1906. С. 1–88.
- Савёлов Л. М.** Князя Щербатовы по Белоозеру в XVII веке // ИРГО. Вып. 4. Отд. 1. СПб., 1911. С. 51–58.
- Савёлов Л. М.** Родословные записи (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). Вып. 1–3. М., 1906–1909.
- Семёнищева Е. В.** Род князей Вадбольских // Новодевичий монастырь в русской культуре. М., 1998. С. 144–152.
- Татищев С. С.** Род Татищевых. СПб., 1900.
- Татищев Ю. В.** Материалы для родословия Внуковых // ЛИРО. Вып. 3, 1909. С. 7–13.
- Татищев Ю. В.** Род князей Мезецких // ИРГО. Вып. 2. Отд. 1. СПб., 1903. С. 48–84.
- Татищев Ю. В.** Татищевы и Писемские // ЛИРО. Вып. 1–4, 1915. С. 70–78.
- Татищева М. Д.** Татищевы. К 600-летию рода // Дворянское собрание. № 10. М., 1999. С. 79–89.
- Телетова Н. К.** Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. См. также: Род и предки А. С. Пушкина. М., 1995. С. 335–388 (История рода Ржевских).
- Титов А. А.** Род ярославских князей Троекуровых // Русский архив. № 7. 1895. С. 377–382.
- Тихомиров С. А.** Графы Дмитриевы-Мамоновы и их владения в Устюженском уезде // Устюжна. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 134–146.
- Фадеева Н.** Заметка о родословии князей Долгоруковых // Русский архив. № 8–9. 1866. С. 1340–1348.
- Кн. Шаховской Д. М.** Общество и дворянство российское (Societ et noblesse russe). 4 т. Ренн, 1978–1986.
- Шумаков С.** Акты Литовской метрики о князе А. М. Курбском и его потомках // Книговедение. № 7–8. 1894. С. 17–20.
- Кн. Щербатов М. М.** Родословная князей Щербатовых. Род князей Репниных. Род Сонцовых. Род князей Мосальских. Род князей Одоевских. Род Шаховских // Древняя российская вивлиофика. Ч. IX. М., 1789. С. 1–386.
- Яковенко Н. М.** Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. К., 1993.
- Ferrand J.** Les familles princières de l'ancien Empire de Russie. Vol. 1–3. Paris, 1979–1982; 2-e éd. Vol. 1–2. Paris, 1997–1998.

- Ferrand J.** Les princes Obolensky. Recueil généalogique et photographique (31e, 32e, 33e et 34e générations). Paris, 1992; Les princes Obolensky. Complément. Paris, 1995.
- Ikonnikov N. F.** La noblesse de Russie (2-e édition). Paris, 1956–1966.
- Kuczyński S. M.** Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.
- Wolff J.** Kniaziowie Litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

5.

- Декабристы:** Биографический справочник. М., 1988.
- Отечественная история.** История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. 3 т. М., 1994–2000.
- Политические деятели России.** 1917: Биографический словарь. М., 1993.
- Политические партии России.** Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.
- Русские писатели.** 1800–1917: Биографический словарь. 4 т. М., 1989–1999.
- Русский биографический словарь /** Изд. А. А. Половцов. Т. 1–25. СПб., 1896–1918.
- Словарь русских писателей XVIII века.** Вып. 1–2. Л.(СПб.), 1988–1999.
- Шилов Д. Н.** Государственные деятели Российской Империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве».** 5 т. СПб., 1995.

ДГ — Древнейшие государства на территории СССР, Восточной Европы.

- ИРГО** — Известия Русского генеалогического общества. СПб.
- ЛИРО** — Летопись Историко-родословного общества в Москве. М.
- ТОДРЛ** — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Л., СПб.
- УИЖ** — Украинский Историчний журнал. Київ.

Приложение 7

РЮРИКОВИЧИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Многие Рюриковичи оставили яркий след в русской поэзии (А. А. Ржевский, И. И. Дмитриев, кн. П. А. Вяземский, кн. А. И. Одоевский, кн. З. А. Волконская, кн. Ф. Н. Касаткин-Ростовский и др.), но также и ряд эпизодов истории Рюриковичей и образов древнерусских князей получили отражение в произведениях русских поэтов. Если материалом для изучения представлений о прошлом может в какой-то степени служить иллюстративный ряд этой книги, то предлагаемая вниманию читателя небольшая антология показывает интерес к тем или иным сюжетам и личностям древнерусской истории у классиков нашей литературы.

1. ХАРАЛЬД СИГУРДАРСОН. «ВИСЫ РАДОСТИ»

Всего норвежский конунг Харальд Сигурдарсон (Харальд Суровый) сочинил 16 вис, посвящённых своей невесте, дочери Ярослава Мудрого Елизавете. Сохранилось лишь 6 вис. Ниже они приводятся в современном прозаическом переводе. (*Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000. С. 102–103.*)

Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

У трёндов¹³ оказалось больше войска; мы выдержали поистине горячий бой; будучи молодым, я расстался с молодым конунгом, павшим в бою. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Нас было шестнадцать на корабле, когда внезапно поднялась буря; нагруженный наш корабль был полон воды, которую мы вычерпывали. Я меньше всего надеюсь на то, что бездельник будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Я владею восьмью искусствами: умею слагать стихи; умею быстро ездить верхом; иногда я плавал; умею скользить на лыжах; я опытен в метании копья и владении веслом; я также умею играть на арфе и знаю восемь приёмов борьбы.

Я родился там, где упландцы¹⁴ натягивали луки; теперь у меня есть корабли, ненавистные населению, которые плавают среди островов; с тех пор как мы спустили его на воду, корабль мой рассекал много морей. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

Кроме того, ни женщина, ни девушка не смогут отрицать, что мы у южного города храбро сражались своими мечами: там есть доказательства наших подвигов. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности.

2. К. Н. БАТЮШКОВ. «ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО»

А вот переложение тех же вис, сделанное Константином Николаевичем Батюшковым с французского перевода швейцарского историка П.-А. Малле (чем и объясняются некоторые расхождения с оригиналом) в 1816 г. Это яркий образец романтической поэзии, хотя сам Батюшков в шутку признавался, что во время работы с французским оригиналом романтический норвежский конунг неожиданно превра-

¹³ Жители норвежской области Трёндалёг.

¹⁴ Жители норвежской области Упллэнд.

тился для него в длинноволосого дикаря, разрывающего руками мясо и пьющего вино из черепа поверженного врага. Вероятно, сказала некая суровость французского перевода, а может быть, и само прозвание Харальда — Суровый. Но романтическая струя всё же взяла верх, и перед читателями предстал прекрасный образец героически приподнятой песни, в которой отразилась и судьба самого поэта — в то время Батюшков тяжело переживал неразделённую любовь к воспитаннице А. Н. Оленина Анне Фёдоровне Фурман. (*Батюшков К. Н. Избранные сочинения. М., 1986. С. 101–102.*)

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далёко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покроствуют нам!
О други! Как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской¹⁵ земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! Я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма¹⁶ вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледныя класы¹⁷ под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на лёгком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь чёрная в полдень нависла с громами
И Гела¹⁸ зияла в солёной волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упряждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

¹⁵ Сицилии.

¹⁶ Грандхейм — область в Норвегии.

¹⁷ Колосья.

¹⁸ Хель — владычица преисподней в скандинавской мифологии.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы¹⁹ —
Лук звонкой и лыжи, и в грозных битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны, по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

3. К. Д. БАЛЬМОНТ. «УБИЙЦА ГЛЕБА И БОРИСА»

Константин Дмитриевич Бальмонт в своём необозримом творчестве неоднократно обращался к темам русской истории. Как всегда у него, они трактуются в возвышенно-преувеличенном духе: любить — так безоглядно, ненавидеть — так до конца. Летописный сюжет о преступлении Святополка Окаянного под пером светоча символизма превратился в гневный обличительный приговор. Гипертрофированность неприязни выразилась и в преувеличенности преступлений, наслаивающихся одно на другое («обманно захватил престол», «зарезал» Глеба и Бориса, «умертвил» Святослава, «отдал на посрамленье» родную сестру польскому «крулю» и т. д.), и в подчёркнуто экспрессивной лексике, вплоть до крайности утверждений («какому в мире нет подобных»). Конечно, историческая правда при этом теряется, зато с каким мастерством изображены помрачение героя и его «закономерный» конец! Это стихотворение, пусть и в явно преувеличенной форме, отражает распространённый и традиционный взгляд на личность Святополка Окаянного. (*Бальмонт К. Д. Стихотворения. М., 1990. С. 126–128.*)

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
Пушкин

Едва Владимир отошёл,
Беды великие стряслися.
Обманно захватил престол
Убийца Глеба и Бориса.

Он их зарезал, жадный волк,
Услал блуждать в краях загробных,
Богопротивный Святополк,
Какому в мире нет подобных.

Но, этим дух не напитаю,
Не кончил он деяний адских,
И князь древлянский Святослав
Был умерщвлён близ гор Карпатских.

Свершил он много черных дел,
Не снисходя и не прощая.
И звон над Киевом гудел,
О славе зверя возвещая.

¹⁹Ловитва — ловля, охота.

Его ничей не тронул стон,
И крулю Польши, Болеславу²⁰,
Сестру родную отдал он
На посрамленье и забаву.

Но Бог с высот своих глядел,
В своём вниманье не скудея.
И беспощаден был удел
Бесчеловечного злодея.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенеги,
Его как мёртвого несли,
Он позабыл свои набег.

Не мог держаться на коне
И всюду чуял шум погони.
За ним в полночной тишине
Неслись разгневанные кони.

Пред ним в полночной тишине
Вставали тени позабытых.
Он с криком вскакивал во сне,
И дальше, дальше от убитых.

Но от убитых не уйти,
Они врага везде нагонят,
Они — как тени на пути,
Ничьи их силы не схоронят.

И тщетно мчался он от них,
Тоской терзался несказанной.
И умер он в степях чужих,
Оставив клычку: Окаянный.

4. К. Д. БАЛЬМОНТ. «СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КРАСНОГО. ПРЕДАНИЕ»

В основе стихотворения Бальмонта, написанного в 1900 г., лежит реальный летописный рассказ о смерти галицкого князя Дмитрия Юрьевича Красного, младшего брата Василия Косого и Дмитрия Шемьяки, умершего в сентябре 1440 г. Бальмонта интересуют прежде всего таинственные обстоятельства кончины князя, то «пограничное» состояние между жизнью и смертью, в котором возможно осуществление неких чудес, приоткрывающих великую тайну ухода человека и пугающих своей загадочностью. Удивление перерастает в ужас перед непостижимостью таинственного — князь обретает облик святого, что корреспондируется и с летописным повествованием: когда гроб с телом князя привезли в Москву, чтобы похоронить, то, открыв его, увидели нетленные останки — «лицо же его было, яко у спящего». (*Бальмонт К. Д. Избранное. М., 1990. С. 34–35.*)

Нет, на Руси бывали чудеса,
Не меньшие, чем в отдалённых странах.
К нам также благосклонны небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.

²⁰Болеслав был не королем, а князем, короноваться он так и не успел.

Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, доли,
Врываясь в сёла шайками теней,
Терзали нас бесчинные моголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный.
Незримая меж ним и небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины.

Кровь из носу без устали текла.
Быть приобщён хотел Святых он Таин,
Но страшная на нём печать была:
Вкруг рта — всё кровь, и он глядел — как Каин.

Толпились бояре, позабыв
Себя, пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих,
Вздыхнув, заснул, и всем казался мёртвым.
И некий сон, но не из снов земных,
Витал над этим трупом распростёртым.

Оплакали бояре мертвеца,
И крепкого они испивши мёда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнув чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал,
И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полнотной тьмы,
Бояре во дворец народ впустили.
А мёртвый, стоя, белый, пел псалмы
И толковал значенье русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер, как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

5. К. Д. БАЛЬМОНТ. «В ГЛУХИЕ ДНИ. ПРЕДАНИЕ»

Тем же 1900 годом датируется и следующее стихотворение Бальмонта. Беды, ознаменовавшие царствование Бориса Годунова, поэтом сознательно утрируются, он не жалеет красок, чтобы живописать все

ужасы того времени, — повествование разворачивается «по нарастающей», заканчиваясь закономерной точкой — началом новой эпохи — восстанием из мёртвых, как перед концом Света. Воскрешение мёртвого царевича, «переселившегося» свой дух в Отрепьева, — итог всех народных страданий и природных катаклизмов. (Бальмонт К. Д. *Избранное*. М., 1990. С. 32–33.)

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дальний мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился на царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, — озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мёртвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарились,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы царили с криком над Москвой,
На перекрёстках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

6. И. А. БУНИН. «КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ»

Иван Алексеевич Бунин одно из своих стихотворений посвятил полоцкому князю Всеславу Брючиславичу (Вешему). В основу произведения легли мотивы «Слова о полку Игореве», откуда поэт непосредственно заимствовал и некоторые образы (князь «копьем до тронулся Стола», «звон полоцкой Софии» и др.). Но для Бунина Всеслав — жертва «людской жестокости», а не авантюрист-чародей, хитростью захвативший киевский престол. Стремительность князя и его связь с тёмными силами, отмеченная в «Слове...» («скакнул... лютым зверем в полночь...», «объятый синей мглой...», «в ночи волком

рыскал...»), подчёркиваются и Буниным («глухие, воровские дороги», «тёмный» князь и морозный ночной Полоцк в противовес светлому Киеву), но приобретают несколько иной смысл. Звон колоцкой Софии, слышимый Всеславом в киевской темнице (по «Слову...»), превращается в звон киевского собора, слышимый в Полоцке и напоминающий князю его мимолётное счастье в сердце «матери русских городов». Промелькнувшая реальность становится призрачной мечтой-воспоминанием, навсегда сохранённой в душе «ушедшего в ночь» князя. «Темнота» его нынешнего бытия усиливается мифической деталью — князь удалился от мира и принял схиму. Стихотворение Бунина написано в 1916 г. (*Бунин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 306.*)

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на князем месте:
Лишь копьём дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает тёмный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! — Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нём, и церкви, и снега...
Далеко до света, — чуть сереют
Мёрзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грёзе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.

7. ГР. А. К. ТОЛСТОЙ. «РОМАН ГАЛИЦКИЙ»

Несколько исторических баллад принадлежит перу графа Алексея Константиновича Толстого. Он писал в духе народных сказаний, иногда имитируя песенный размер. Одна из таких баллад создана по мотивам «Вис радости» Харальда Сурового. Другая рассказывает о галицком и волынском князе Романе Мстиславиче. В основе сюжета — эпизод из «Истории...» Н. М. Карамзина, проскальзывают летописные речевые обороты (Роман «храбр аки тур и сердит аки рысь» — ср. Ипатьевскую летопись), но, конечно, главное — итог переговоров с папским посланцем: остроумный отказ князя принять корону ради верности своей Родине и православной вере. Стихотворе-

ние написано в 1870 г. (*Толстой А. К. Стихотворения. Царь Фёдор Иоаннович. Л., 1952. С. 262–263.*)

К Роману Мстиславичу в Галич послан
Прислал папа римский легата.
И вот над Днестром, среди светлых хором,
В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершися на меч.
И молвит легат: «Далеко ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
Ты в русском краю
Как солнце на всех изливаешь щедроты,
Врагам ты в бою
Являешься Божиим громом;
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
От синего Дона шелоном;
Ты храбр аки тур и сердит аки рысь -
Но ждёт тебя большая слава:
Лишь римскому папе душой покорись,
Святое признай его право!
Он может по воле решить и вязать²¹,
На дом он на твой призовет благодать.
На недругов Божье проклятье!
Приими ж от него королевскую власть,
К стопам его пасть
Спеши - и тебе он отверзет объятия,
И сыном коль будешь его нареком,
Тебя опояшет духовным мечом!»
Замолк. И лукавую выслушав речь,
Роман на свой меч
Взглянул, и его вполовину
Он выдвинул вон из нарядных ножен:
«Скажи своему господину:
Когда так духовным мечом он силён,
То он и хвалить его волен;
Но пусть он владеет попрежнему им.
А я вот и этим железным своим
Доволен!
А впрочем за ласку к Червонной Руси
Поклон ему наш отнеси!»

8. В. Я. БРЮСОВ. «РАЗОРЁННЫЙ КИЕВ»

Валерий Яковлевич Брюсов широко использовал разнообразные исторические сюжеты в своём творчестве, чему способствовало его блестящее образование, полученное на историческом отделении историко-филологического факультета Московского университета. Наибольшее стихотворение «Разорённый Киев» переносит нас в середину XIII века, в эпоху, когда Киев был разгромлен ордами Батые. Возможно, на тему стихотворения повлияло свидетельство европейского путе-

²¹ Отпускать или не отпускать грехи.

шественника Иоанна дель Плано Карпини, вкратце описавшего на пути в Орду своё впечатление от разрушенной русской столицы. Брюсов выбирает противоположное движение, взгляда русского человека (не стороннего наблюдателя!), стремящегося с востока (из Орды?) на благодатный запад Руси, также подвергшийся монгольскому опустошению (отсюда весьма неожиданное «ещё спустя три дня открылись нам Карпаты» как точка некоторого успокоения от неизбежности пути, а может быть, кто знает, одновременно и предчувствия новых безрадостных картин). Стихотворение отличается сдержанной экзальтированностью, в духе чисто «брюсовского» раннего символизма, написано в 1898 г. (*Брюсов В. Я. Стихотворения. М., 1990. С. 62.*)

Четыре дня мы шли опустошённой степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепию!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы — разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаянем объаты,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путём...
Ещё спустя три дня открылись нам Карпаты.

9. В. Я. БРЮСОВ. «О ПОСЛЕДНЕМ РЯЗАНСКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ»

К 1899 г. относится стихотворение Валерия Брюсова, герой которого — последний великий рязанский князь Иван Иванович. Это стихотворение написано размером, имитирующим стиль народной песни, что должно было придавать ему некоторый фольклорно-исторический оттенок. Несмотря на «балалаечный» запев, оно проникнуто грустью о судьбе последнего независимого князя средневековой Руси, который мог бы быть первым среди русских князей, а теперь как последний вор сидит в темнице. В описании этой судьбы чувствуется некая ирония, данная как бы от лица москвичей (недаром проскальзывает московская лексика — «давеча»), хотя и не без сожаления об участи князя. Ситуацию усугубляет и верно представленная генеалогическая картина — Иван Иванович действительно был по родовому старшинству выше Мономашичей, к которым принадлежали также и московские князья. Он верно характеризуется как «Святославич», т. е. потомок сына Ярослава Мудрого — Святослава, хотя далее Брюсов допускает ошибку, именуя князя «Ольговичем» (возможно, сознательно), хотя на самом деле Иван Иванович являлся потомком Ярослава — младшего брата Олега Святославича. Реальные события (плен рязанского князя) усилены некоторыми нереальными эпизодами (рязанского князя вряд ли вели по улицам Москвы на глазах у горожан, и уж,

конечно, не могла состояться его казнь — московские князья своих родичей если и убивали, то делали это тихо, а Иван Иванович, как известно, вырвался из плена и потом бежал в Литву). (*Брюсов В. Я. Стихотворения. Ростов н/Д., 1995. С. 83*)

Ой вы, струночки, — многозвончаты!
Балалаечка, — многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,
Под замком сидит, на Москву глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без вины полонён,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский народ,
Провожал, смеясь, до калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:
В старшинстве своём на злат-стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом — лучи!
Поклоняются князья — Мономаховичи.
Но и тех любить всей душой он рад,
В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!
На коне он сам поведёт свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крым...
(А не хоче кто, отъезжай к другим!)
Споют гуслиры про славную брань
Потешат, прославят древнюю Рязань.

Но кругом темно — тишина, —
За решёткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич.
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь за кремлёвский ров.

Ой вы, струночки, — многозвончаты!
Ой, подруженька, — многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

10. А. Н. МАЙКОВ. «В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ»²²

Замечательный поэт Аполлон Николаевич Майков также не оставил без внимания древнерусскую сюжетику. Она предстаёт в его произведениях исключительно в патриотическом духе, весьма характер-

²² Городец на Волге; там умер на возвратном пути из Орды в. к. Александр Ярославич Невский в 1263 году. (*Примеч. А. Н. Майкова.*)

ном для творчества приверженца классически «чистой» поэзии. Не-превзойдённый мастер слова, Майков рисует впечатляющую картину кончины Александра Невского — одной из центральных фигур русского средневековья. Величественность и одновременно удивительная возвышенность ухода Александра из жизни подчёркивается повторяющимся рефреном, предвещающим светлую смерть князя. Классическая ясность стиха и искренность чувства не снижают глубины смысла поэтического творения. Перед умирающим князем предстают картины смерти его отца Ярослава Всеволодовича на пути из Орды в 1246 г., гибели в ханской ставке в том же 1246 г. князя Михаила черниговского, взбунтовавшегося новгородского веча, отказывающегося платить дань татарам, — и каждый раз звучит оправдание поступков самого Александра, пошедшего на внешний союз с Ордой, смирившего свою гордость ради блага своей страны. Майков как бы отвечает обвинителям Александра, раскрывая те идеи, которыми руководствовался князь в своей политике. Как закономерный итог возникает сцена перенесения Петром I мощей прославленного церковью князя из Владимира в Александро-Невский монастырь (лаву) в Петербурге в 1724 г., разворачивающаяся на берегах той самой Невы, где когда-то юный полководец разгромил шведское войско. «Переключка» эпох — последний миг перед смертью Невского, великолепная концовка стихотворения знаменуется словами русского митрополита, открывающими путь последующей канонизации. Произведение создано в 1875 г. (Майков А. Н. *Избранные произведения*. Л., 1977. С. 378–381.)

Ночь на дворе и мороз.
Месяц — два радужных светлых венца вокруг него...
По небу словно идёт торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби и слёз...

Тихо лампада пред образом Спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам;
Тих и недвижим лежит, головой к образам,
Князь Александр, чёрною схимой покрыт..
Страшного часа все ждуг: нет надежды, уж нет!
Слышится в келье порой лишь болящего бред.
Тихо лампада пред образом Спаса горит..
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит..
Сон ли проходит пред ним, иль видений таинственных цепь —
Видит он: степь, беспредельная бурая степь...
Войлок разостлан на выжженной солнцем земле.
Видит: отец! смертный пот на челе,
Весь измождён он, и бледен, и слаб...
Шёл из Орды он, как данник, как раб...
В сердце, зная, сил не хватило обиду стерпеть...
И простонал Александр: «Так и мне умереть...»

Тихо лампада пред образом Спаса горит..
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит..
Видит: шатёр, дорогой, златотканый шатёр...
Трон золотой на пурпурный поставлен ковер...
Хан восседает среди тысячи мурз и князей...

Князь Михаил перед ставкой стоит у дверей...
Подняты копыта над княжеской светлой главой...
Молят бояре горячей мольбой...
«Не поклонюсь истуканам вовек», — он твердит..
Миг — и повержен во прах он лежит..
Топчут ногами и копьями колют его...
Хан, изумлённый, глядит из шатра своего...
Князь отвернулся со стоном и, очи закрыв,
«Я ж, — говорит, — поклонился болванам, чрез огонь я прошёл,
Жизнь я святому венцу предпочёл..
Но, — на Спасителя взор устремив, —
Боже! ты знаешь — не ради себя —
Многострадальный народ свой лишь паче души возлюбя!...»
Слышат бояре и шепчут, крестьяне:
«Грех твой, кормилец, на нас!»

Тихо лампада пред образом Спаса горит..
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит..
Снится ему Ярослав в Новгороде двор...
В шумной толпе и мятеж, и раздор...
Все собрались концы и шумят..
«Все постоим за святую Софию, — вопят, —
Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...
Немцам и шведам страшной нет грозы...
Сам ты водил нас, и Биргер твоё
Помнит досель на лице, чай, копьё!..
Рыцари, — памятен им постаявший лёд!..
Конница словно как в море летит кровяном!..
Бейте, колите, берите живьём
Лживый, коварный, пришельческий род!..
Нам ли баскаков пустить
Грابتь казну, на правёж нас водить?
Злата и серебра горы у нас в погребях, —
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых, татар!...»
И разлилася река, взволновался пожар...
Князь приподнялся на ложе своём;
Очи сверкнули огнём,
Грозно сверкнули всем гневом высокой души, —
Крикнул: «Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Время нести — так всем миром нести!
Дружно, чтоб бор вековой, подыматься, расти,
Веруя в чаянье лучших времён, —
Всё лишь в конец претерпевый — спасён!...»²³

Тихо лампада пред образом Спаса горит..
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит..
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним...
Видит он: облитый словно лучом золотым,

²³ Фраза восходит к евангельскому тексту (Матф., X, 22).

Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... Народом кишат берега...
Флагами веют цветными кругом корабли...
Гром раздаётся; корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым высоким челом...
Кормчего все называют царём...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздаётся, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот перед гробом земные поклоны творит...
Следом — все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж, — князь видит, — он сам...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игумен к нему подошёл и дрожащей рукой
Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: »Наше солнце зашло!»²⁴

11. К. Ф. РЫЛЕЕВ. «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»

Один из руководителей декабристского движения Кондратий Фёдорович Рылеев получил известность и как талантливый поэт. Ему принадлежит целый цикл исторических «дум», посвящённых наиболее ярким личностям и моментам русской истории. Среди них думы «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Рогнеда», «Мстислав Удалый», «Михаил Тверской». Здесь приводится дума «Димитрий Донской», написанная в 1822 г. Это яркое, «порывное» стихотворение, окрашенное в романтически приподнятые тона. В нём ощущается задор юности и горячность чувств, но при воплощении героической страницы исторического прошлого Рылеев остаётся верен своим свободолюбивым идеям. Пафос всего произведения — тираноборчество, борьба за вольность, обретение желанной свободы (эти мотивы характерны практически для всех рылеевских дум). В то же время думу отличает и высокое религиозное чувство — русским воинам помог Бог по молитвам преподобного Сергия, именно Всевышнему и возносит Димитрий хвалу после сражения. Искренний религиозный настрой может показаться странным для тех, кто привык видеть Рылеева в образе несгибаемого революционера-борца, идеолога декабризма. Примечательна и лексика думы, некоторые элементы которой (например наименование ордынцев «моголами» — искажённое «монголы», как именовали этот народ в Индии) весьма распространены в русской классической поэтической традиции. (*Рылеев К. Ф. Думы. Поэмы. Стихотворения. Проза. М., 1989. С. 52 — 54.*)

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу

И заодно с презренным ханом
Похорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! За Дон!.. настало время!
Надежда наша — Бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамаю сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь Бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! За Дон! — вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!»
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пёстрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут, как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрём, когда судьба судила!» —
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простёрся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зелёный побагрóвел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,

²⁴ Слова митрополита Кирилла о смерти Александра Невского.

Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И чёрный стяг был пасть готов,
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Сїлен русский Бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушён гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы²⁵,
Дмитрий ранен... страшный вид!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стенающему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!» —
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет, — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас:
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

12. М. А. ДМИТРИЕВ. «МОНОМАХИ»

В 1849 г. Михаил Александрович Дмитриев создаёт незамысловатое, но искреннее стихотворение, рассказывающее об истории своего древнего, но небогатого рода дворян Дмитриевых, потомков Владими-

ра Мономаха. Дмитриев подчёркивает главное богатство своей семьи — честь и главную идею жизни её представителей — «стоять за правду», быть верным своему долгу, совести и России. Перед нами предстаёт галерея образов предков поэта — здесь и сам Владимир Мономах, и прародитель Дмитриевых — Александр Нетша, и дядя Михаила Александровича — тоже поэт и сановник Иван Иванович Дмитриев. Все они объединены общим родовым именем Мономахи, подчёркивающим общность идеалов на протяжении многих столетий. Стихотворение интересно тем, что рисует типичную судьбу многих старинных дворянских родов — потомков Рюриковичей. (Дмитриев М. А. *Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти.* М., 1985. С. 125–126.)

Мой предок — муж небезызвестный,
Единоборец Мономах —
Завет сынам оставил честный:
Жить правдой, помня Божий страх.

Его потомок в службу немцев
Хоть и бежал от злой Литвы,
Не ужился у иноземцев
И отдался в покров Москвы.

С тех пор мы немцев невзлюбили,
С тех пор взлюбили мы Москву,
Святую Русь и правду чтили,
Стояли царства за главу!

Мой пращур в бунт второй стрелецкий²⁶,
Когда Пётр маленький ушёл,
Свой полк с отвагой молодецкой
Под стены Троицы привёл.

Зато землёй и деревнями
Нас Пётр великий подарил,
Но между новыми князьями
Титул наш старый позабыл!

Но дух отважный Мономаха
С княжою шапкой не пропал²⁷:
За правду мы стоим без страха,
И каждый предка оправдал.

Мой дед — сызранский городничий,
Прямой Катон в глуши своей —
Был чужд и славы, и отличий,
Но правдой был — гроза судей!

Отец мой — он в руках со шпагой,
Собрав отважнейших в рядах,
Зажжённый мост прошёл с отвагой
Противу шведов на штыках!

²⁶ Это слово следует читать «стрелецкой», что является признаком старинного московского говора.

²⁷ Имеются в виду княжеская шапка и мантия в гербе Дмитриевых, свидетельствующие об их княжеском происхождении

²⁵ Выражение летописца (Примеч. К. Ф. Рыльева.)

Мой дядя — верный страж закона,
Прямой министр, прямой поэт —
Высок и прям стоял у трона,
Шёл смело в царский кабинет!

А я, безвестный стихотворец,
Не князь, а просто дворянин,
В Сенате был единокореец —
За правду шёл на всех один!

13. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ». ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

Бессмертный шедевр русской литературы «Слово о полку (т. е. походе) Игоре» конечно, не могло оставить безучастными многих замечательных поэтов. Известно немало число поэтических переводов и переложений этого произведения, принадлежащих перу самых прославленных авторов (В. А. Жуковский, А. Н. Майков, Л. А. Мей, К. Д. Бальмонт и др.), здесь же приводится перевод, а вернее, «свободное воспроизведение» (как определил сам поэт) древнерусского памятника Николаем Алексеевичем Заболоцким. Этот перевод можно считать одним из самых лучших: его отличают чёткость, простота и в то же время глубокая передача содержания и смысла всей поэмы. К переводу сделаны краткие примечания, объясняющие некоторые реалии «Слова...» — в основе их лежит комментарий Д. С. Лихачёва. (*Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М., 1989. С. 317–345.*)

От переводчика.

Моя работа над «Словом о полку Игоре» не претендует на научную точность строгого перевода и не является результатом новых текстологических изысканий. Это — свободное воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи. Оно предназначено для читателя, которому трудно разобраться в оригинале, но который хочет иметь о памятнике живое поэтическое представление. По мере своих сил я пытался воспроизвести древнюю героическую поэму русского народа во всей полноте её социального и художественного значения.

Н. Заболоцкий

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игорево²⁸ слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —

²⁸ Игорь Святославич (1151–1202), внук Олега (Гориславича), князь новгород-северский, позднее черниговский.

В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вешему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орёл, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток.
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятком.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярослав²⁹.
Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Редёю заколол
Перед всей касожскою дружиной³⁰,
И Роману Красному³¹ хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времён Владимира княженье³²
Доведём до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повёл полки родного края,
Половецким степям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вешему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава³³;

²⁹ Ярослав Мудрый (ум. в 1054 г.), киевский князь.

³⁰ Речь идёт о поединке брата Ярослава — Мстислава тмутараканского с касожским (адыгским) князем Редёей в 1022 г.

³¹ Тмутараканский князь Роман Святославич, убитый половцами в 1079 г., внук Ярослава Мудрого.

³² Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), крестившего Русь.

³³ Игорь был сыном черниговского князя Святослава Ольговича (ум. в 1164 г.), в то же время его сюзереном был великий киевский князь Святослав Всеволодович (ум. в 1194 г.).

Если б ты Траяновой³⁴ тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Траянов:
«То не буря соколов несёт
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов³⁵, наш военный стан:
«За Сулою³⁶ кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде³⁷ трубы громкие трубят,
Во Путивле³⁸ стяги бранные стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода³⁹ ждёт.
Молвит буй-тур⁴⁰ Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А курыне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скажут по полю волками

³⁴ Существуют разные версии о том, кто такой Траян, упоминаемый в «Слове...»: по одной, имеется в виду римский император Траян, по другой — славянское языческое божество.

³⁵ Велес — языческий бог скота, возможно, также был богом поэзии.

³⁶ Левый приток Днепра, близкий к половецкой степи.

³⁷ Имеется в виду Новгород-Северский, где княжил Игорь.

³⁸ Путивль тоже входил в состав Новгород-Северского княжества, там сидел сын Игоря Владимир.

³⁹ Брат Игоря — трубчевский и курский князь Всеволод Святославич (ум. в 1196 г.).

⁴⁰ Туром в Древней Руси называли дикого быка или зубра.

И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла⁴¹.
И не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несётся, полон гнева,
Кличет Див⁴² над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож⁴³, на Поморье,
Корсуню⁴⁴ и всей округе ханской,
И тебе, болван⁴⁵ тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги⁴⁶,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,

⁴¹ Солнечное затмение 1 мая 1185 г.

⁴² Вероятно, мифическое существо, символизирующее восточные, враждебные Руси страны.

⁴³ Город Судак в Крыму.

⁴⁴ Крымский город Херсонес.

⁴⁵ Идол.

⁴⁶ Овраги.

А беда несётся вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Клик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червлёные⁴⁷ лисица
Дико брешет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щёкот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах.
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счёта,
Грудю аксамитов⁴⁸ и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами⁴⁹ красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,
Чёлку⁵⁰ и копьё из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега⁵¹ —
Далеко продвинулось оно!
Залетело храброе далече,
И никто ему не господин:

Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то чёрный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак⁵² спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвешают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали⁵³,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки⁵⁴ —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несётся, поле покрывая,
Стяги плещут: половицы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских⁵⁵ с громом

⁴⁷ Яркого розово-красного цвета.

⁴⁸ Орнаментированная ткань типа бархата.

⁴⁹ Накидки, плащи.

⁵⁰ Имеется в виду бунчук — конский хвост на древке — знак ханской власти.

⁵¹ Общий предок отправившихся в поход князей — Олег Святославич (ум. в 1115 г), внук Ярослава Мудрого.

⁵² Половецкие ханы Гзак и Кончак, неоднократно ходившие на Русь.

⁵³ В походе участвовало четверо князей: кроме Игоря и Всеволода, их племянник Святослав Ольгович, князь рыльский, и сын Игоря Владимир.

⁵⁴ Стрибог — языческий бог ветра.

⁵⁵ Авары, кочевой народ, исчезнувший ещё к IX в., здесь — поэтическая метафора для обозначения степняков.

Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне* своей!

12

Были, братья, времена Траяна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег⁷⁷ мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчому престолу,
Сея стрелы и готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани.
В злат стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир⁷⁸ за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава⁷⁹,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между выюков,
Святополк отца⁸⁰ увёз в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславицем в народе,
Князь Олег пришёл на Русь как враг.
Внук Даждь-бога⁸¹ бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнею кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...

* Жена Всеволода, внучка Юрия Долгорукого — Ольга Глебовна.

⁷⁷ Имеется в виду Олег Святославич, дед Игоря.

⁷⁸ Это место в тексте «Слова...» испорчено, исследователи восстанавливают его как «сын Всеволод, Владимир» — т. е. Владимир Мономах.

⁷⁹ Внук Ярослава Мудрого Борис Вячеславич погиб в усобной битве у Нежатиной Нивы в 1078 г. На месте этой битвы, вероятно, текла река Канина.

⁸⁰ В этой же битве погиб и киевский князь Изяслав Ярославич. Святополк — его сын, впоследствии киевский князь (1093—1113) в той битве не участвовал.

⁸¹ Языческий бог света и солнца (?), под внуками Даждь-бога следует понимать русичей.

Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова,
С вечера до самого утра,
Бьётся войско князя удалого
И растёт кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные⁸² трещат.
Мёртвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошёл великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле перед зарёю?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида из курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,

⁸² Вероятно, булатные.

Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушёл на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после лютой сечи!
И явилась Карна, и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя⁶³ по дорогам,
Потрясая искромётным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жёны русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растёт крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный,
Святослава храбрые сыны, —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозой
Усыпил отец их Святослав!⁶⁴
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил:
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами

И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья⁶⁵ пересек.
А того поганого Кобяка⁶⁶
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и моравы⁶⁷
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеётся гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кашеево⁶⁸ седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далёком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали чёрной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг⁶⁹ на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске⁷⁰ кричал
И летел, шумя, на сине море».

⁶⁵ Азовское лукоморье — устье реки Дона.

⁶⁶ Половецкий хан Кобяк попал в плен к Святославу.

⁶⁷ Имеются в виду венецианцы, византийцы и чехи.

⁶⁸ Т. е. рабское седло, попал в плен к половцам. Кошами называли половецкие семьи.

⁶⁹ Жемчуг в народных приметах считался предвестником слёз.

⁷⁰ Или город в Галицком княжестве, или местность под Киевом.

⁶³ Карна, вероятно, олицетворение кары и скорби, желя — плач по убитым.

⁶⁴ Подразумевается двоюродный брат Игоря и Всеволода — киевский князь Святослав Ольгович, совершивший успешный поход на половцев в 1184 г. Отцом князей он назван как их «феодальный глава».

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада,
Поднялись над полем незнакомым
Понскать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали,
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились⁷¹.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землёю.
И, как барсы⁷² лютые, на нас
Кинулись поганые войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя избылье.

Девы готские⁷³ у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово⁷⁴ поют.
Мечь лелеют Шаруканью⁷⁵,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

И тогда великий Святослав
Изронил своё златое слово,
Со слезами смешано, сказав:

⁷¹ Имеются в виду Игорь и Всеволод, их племянник Святослав, Олег, сын Игоря, родившийся в 1175 г. и, по летописным известиям, также принимавший участие в походе.

⁷² В оригинале «Слова...» названы пардусы — гепарды.

⁷³ Готы жили в Крыму, а также около Тмуторакани.

⁷⁴ По всей видимости, антский вождь Бос, побеждённый готским королём Винитаром в 375 г. Антами называли предков восточных славян.

⁷⁵ Дед Кончака — хан Шарукан потерпел поражение от русских князей в 1106 г.

«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Но с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав⁷⁶,
Где его черниговские слуги?
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревути?⁷⁷
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы праделовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмём,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом⁷⁸ кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир⁷⁹ в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

Князь великий Всеволод⁸⁰ Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем орадеть?
Ты и Волгу вёслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружён⁸¹.
Если бы ты привёл на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг⁸².

⁷⁶ Брат Святослава — князь Ярослав Всеволодович черниговский.

⁷⁷ Племена кочевых народов, осевшие в Черниговской земле и выступавшие союзниками русичей.

⁷⁸ Римов — небольшой город в Переяславском княжестве. Разгромив Игоря, Гзак и Кончак двинулись на Русь.

⁷⁹ Переяславский князь Владимир Глебович был ранен при осаде половцами своего города.

⁸⁰ Великий владимирский князь Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо).

⁸¹ Сыновья рязанского князя, подвластные Всеволоду.

⁸² Ногата и резана — мелкие денежные единицы. В гривне было 20 ногат или 50 резан.

Вы, князь буй Рюрик и Давид!⁸³
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шелома?⁸⁴
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От калёной сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремя
За обиду в этот чёрный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

Ярослав, князь галицкий!⁸⁵ Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпёр железными полками.
На своём престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовёт тебя кругом
Осмомысл — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В Киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы⁸⁶.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

Вы, князь Мстислав и буй Роман!⁸⁷
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несётесь вы на вражий стан,
Соколом ширясь сквозь туман,

⁸³ Братья Рюрик и Давид Ростиславичи, внуки Мстислава (Великого), правнуки Владимира Мономаха.

⁸⁴ Вероятно, имеется в виду битва с половцами на реке Орели в 1183 г., в которой сражались оба брата-князя.

⁸⁵ Галицкий князь Ярослав Осмомысл, тесть Игоря.

⁸⁶ Возможно, галичане участвовали в третьем крестовом походе против султана Саладина.

⁸⁷ Роман Мстиславич, князь волынский, и, вероятно, его двоюродный брат Мстислав Ярославич пересопницкий.

Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь.
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги⁸⁸,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья обронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси⁸⁹ счёту нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовёт нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

Князь Ингварь, князь Всеволод!⁹⁰ И вас
Мы зовём для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас⁹¹,
Шестокрыльцев⁹² княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляхской стали?⁹³
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

Уж не течёт серебряной струёю
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын⁹⁴, мечами
В литовские шелома позвонил,

⁸⁸ Хинова — возможно, какие-то восточные народы, ятвяги — одно из литовских племён, деремела — по всей видимости, ятвяжское племя.

⁸⁹ Притоки Днепра, граничившие с половецкой стеною.

⁹⁰ Ингварь и Всеволод — сыновья луцкого князя Ярослава Изяславича.

⁹¹ Вероятно, сыновья Мстислава Изяславича — Роман (уже упоминавшийся ранее), Святослав и Всеволод, княжившие в Волынской земле.

⁹² Т. е. соколов.

⁹³ По матери Мстиславичи были внуками польского короля Болеслава Кривоустого, Польша неоднократно оказывала военную поддержку волынским князьям.

⁹⁴ Неизвестный летописец один из князей полоцкой династии, правивший в Гордене (?).

Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею калёной,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагрённый,
Упал на щит червлённый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птички крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!⁸⁵
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шёл седьмой по счёту век Траянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав⁸⁶
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашёл,
И примчался к древнему престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву

⁸⁵ Две большие ветви рода Рюриковичей — потомки Ярослава Мудрого и Всеслава Вещего. Это место в «Слове...», вероятно, следует читать как «Ярославли вси внуце и Всеславли!», т. е. «все Ярославовы внуки и внуки Всеслава».

⁸⁶ Рассказ о полоцком князе Всеславе Вещем, ставшим киевским князем в 1068 г. Он же потерпел поражение от Ярославичей на реке Немиге (на которой стоял Минск), захватывал Новгород. Дудutki — вероятно, местность под Новгородом.

До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладёт он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав!
Не добром засял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмутарокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу⁸⁷ бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,¹
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют Божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира⁸⁸ уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

⁸⁷ Языческий бог солнца.

⁸⁸ По всей видимости, Владимир Святославич — креститель Руси, общий предок всех русских князей, совершавший многочисленные походы за пределы Киевской земли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землёй
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны⁹⁹ молодой:

«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой¹⁰⁰,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

«Что ты, ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем моё веселье
В ковылях навеки развеял ты?»

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:

«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слёзы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,

⁹⁹ Жена князя Игоря, дочь Ярослава Осмомысла галицкого.

¹⁰⁰ В оригинале, по всей видимости, имеется в виду «бобрый» рукав, т. е. из белой шелковой ткани особой выделки.

Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам Господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур¹⁰¹. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрыгнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь,

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьётся в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьёт к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит, —

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

¹⁰¹ Крещеный половец Лавр, помогший Игорю бежать из плена.

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет весёлый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

И на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принёс веселье,
Из неволи к дому возвратись».
«О река, — ответил князь, — немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный¹⁰² устлала
Для него зелёною травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла»

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав¹⁰³.
Плачет мать над тёмною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле.

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетаёт в терем,
Соколёнок попадёт впросак —
Золотой стрелой его подстрелим»

¹⁰² В водах Донца несло немало мела, оседавшего летом на берегах реки, казавшихся, таким образом, серебряными.

¹⁰³ В Стугне утонул молодой брат Владимира Мономаха — Ростислав в 1093 г.

И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколёнок попадёт впросак —
Мы его опутаем девицей»¹⁰⁴.
«Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится
И начнёт нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землёй:
Горько ей без Игоря одной.

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей Богородице святой¹⁰⁵.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князьям и дружине слава!¹⁰⁶

14. И. И. КОЗЛОВ. «ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»

Один из наиболее известных отрывков «Слова...» — «Плач Ярославны» также известен в многочисленных переводах и переложениях.

¹⁰⁴ Имеется в виду женитьба сына Игоря — Владимира на дочери хана Кончака.

¹⁰⁵ Боричев подъем вел от пристани к центру Киева, Церковь Богородицы Пирогощей была построена в 1130-х годах и называлась так по иконе Богородицы, привезенной в Киев из Константинополя.

¹⁰⁶ В подлиннике поэма заканчивается словом «Аминь»

Пожалуй, лучшим за дореволюционную эпоху следует признать перевод Ивана Ивановича Козлова, осуществлённый в 1825 г. и посвящённый знаменитой княгине Зинаиде Волконской. Перевод Козлова лиричен, выделяется искренностью чувств и классической ясностью, напевностью стиха. (*Стихотворения И. И. Козлова. СПб., 1892. С. 168 — 169.*)

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще тёмной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе чёрны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты лёгкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы Половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил:
Не волнуи же, Днепр широкий,
Быстрый ток студёных вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывёт».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:

«О река! отдай мне друга, —
На волнах его лелей,

Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слёз к нему не слала
Синим морем на заре».
В Путивле плачет Ярославна,
Зарёй, на городской стене:
«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Изушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».
И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

«Слово о полку Игореве» вызвало многочисленные поэтические «отражения». Герои и сюжеты по-новому «обтыгивались» поэтами, раскрывая всё новые и новые грани человеческих чувств и переживаний. О поэтических «откликах» на «Слово...» существует даже специальная литература (см., например, работы Л. А. Дмитриева, Л. И. Сазоновой, И. П. Смирнова). Ниже приведены лишь два таких «отклика» — изящная элегия Игоря Северянина и трагически пронзительное стихотворение Марины Цветаевой. Но вначале ещё одно «отражение» образа древнерусской княгини Ольги.

15. Н. С. ГУМИЛЁВ. «ОЛЬГА»

В стихотворении Николая Степановича Гумилёва этот образ полностью освобождается от христианского воплощения, возвращаясь «к истокам» — к скандинавскому, языческому началу, жестокому и диковатому. Стихотворение написано в ноябре 1920 г. и посвящено актрисе и художнице Ольге Николаевне Арбениной (Гильдебрант-Арбениной). (*Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 332—333.*)

«Эльга, Эльга!» — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

«Ольга, Ольга!» — вопили древляне
С волосами жёлтыми, как мёд,
Выцарапывая в раскалённой бане
Окровавленными ногтями ход.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твоё лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом всё неизбежней
Запевают в крови века.
Опьянён я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы¹⁰⁷.
Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты.

16. ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН (И. В. ЛОТАРЁВ). «ИГОРЬ И ЯРОСЛАВНА»

Игорь Северянин создаёт лиричный и грустный рассказ о желанной встрече и расставании двух любящих людей — это изящное произведение несёт элемент формы «рондо», завершаясь двумя начальными строчками, что придаёт ему ещё более искренний оттенок. (*Песнь любви. Лирика русских поэтов XIX и XX веков. М., 1988. С. 313.*)

То было, может быть, давно,
А может быть, совсем недавно.
Ты, опираясь на окно,
Ждала меня, как Ярославна.

А я, как Игорь, что в полон
Был взят ордою половецкой,
Томился, звал, — и Аполлон
Манил меня улыбкой детской.

Не мог препятствия кандал
Я сбросить, пылу чувств в угоду,
И я страдал, и я рыдал,
Моля судьбу вернуть свободу.

Мне улыбнулся как-то день, —
И я бежал к тебе бесславно.
Ты шла по саду, точно тень,
Грустна, верна, как Ярославна.

Была задумчивая ночь
Погружена в свои загадки...
Ты шла спокойно, без оглядки,
Я — за тобой, но вскоре — прочь:

¹⁰⁷ Обитель мёртвых в скандинавской мифологии.

Раз не почувствовала ты
Своей душой, чутьём прихода
Того, кто близок, — что мечты!
Что упоенье! Что свобода!..

И я ушёл... В душе темно...
А ты всё ждёшь, как Ярославна...
То было, может быть, давно,
Но может быть, совсем недавно.

17. М. И. ЦВЕТАЕВА. «ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»

Наконец, Марина Цветаева в 1921 г. создаёт новый, трагический плач Ярославны, полный безысходного горя по погибшей России. Надлом начала XX века остро переживается поэтессой, оплакивающей конец Белого дела, и если плач в «Слове...» имеет счастливый «исход» — Игорь возвращается из плена, то здесь он приобретает черты безнадежной скорби и ощущения бессмысленности жизни. Трагическое звучание усиливает и ассоциация, связанная с образом Дона — реки, к которой шёл князь Игорь и на которой зарождалось Белое движение. (*Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений. Т. 1. М., 1990. С. 400–401.*)

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
С башенной вышечки
Непрервный
Вопль — неизбывный:
— Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!
Ворон, не слезь
Плз моих — пусть
Плачут!
Солнце, мечи
Стрелы в них — пусть
Слепнут!
Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!

Лжёт летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошёл — обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец — плещут,
Пал меж знамён Игорь на сон — вечный.

Белое тело его — ворон клевал.
Белое тело его — ветер сказал.

Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,

Таблица 4

Турово-Пинская ветвь Рюриковичей

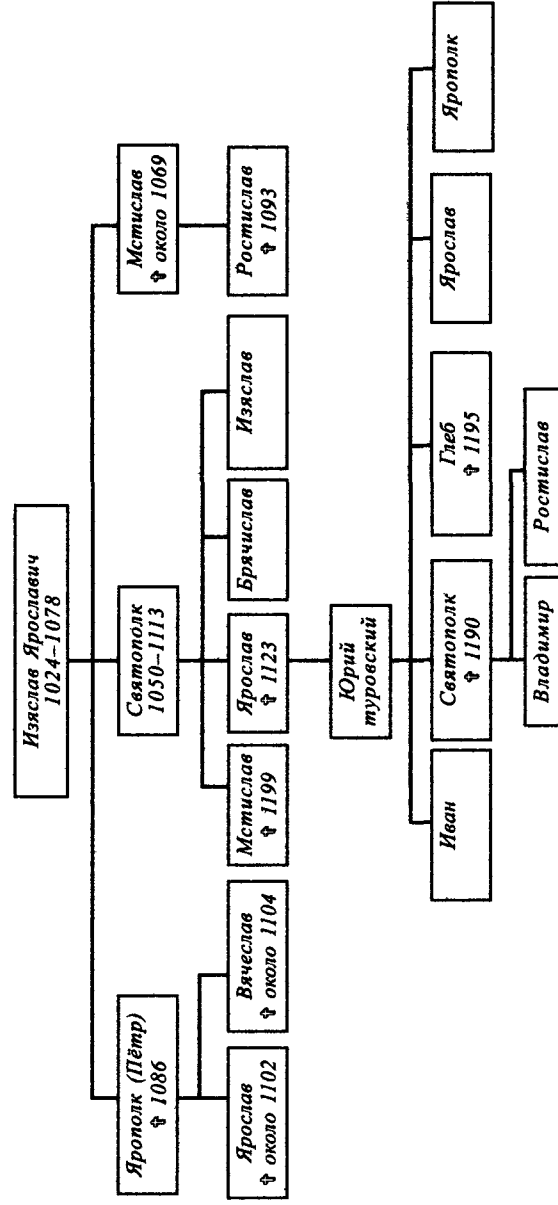
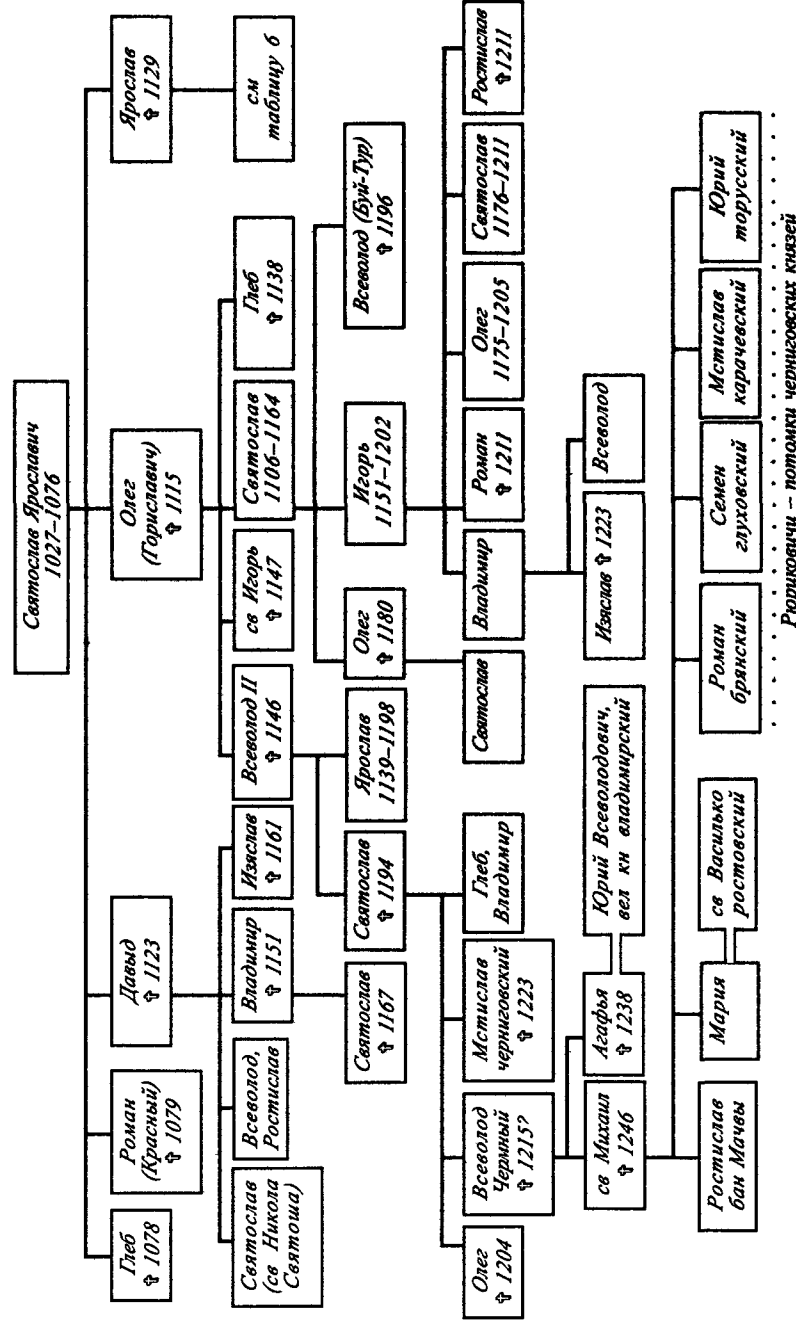

Таблица 5

Черниговская ветвь Рюриковичей

..... Рюриковичи – потомки черниговских князей

Таблица 8

Мономашичи – потомки Юрия Долгорукого

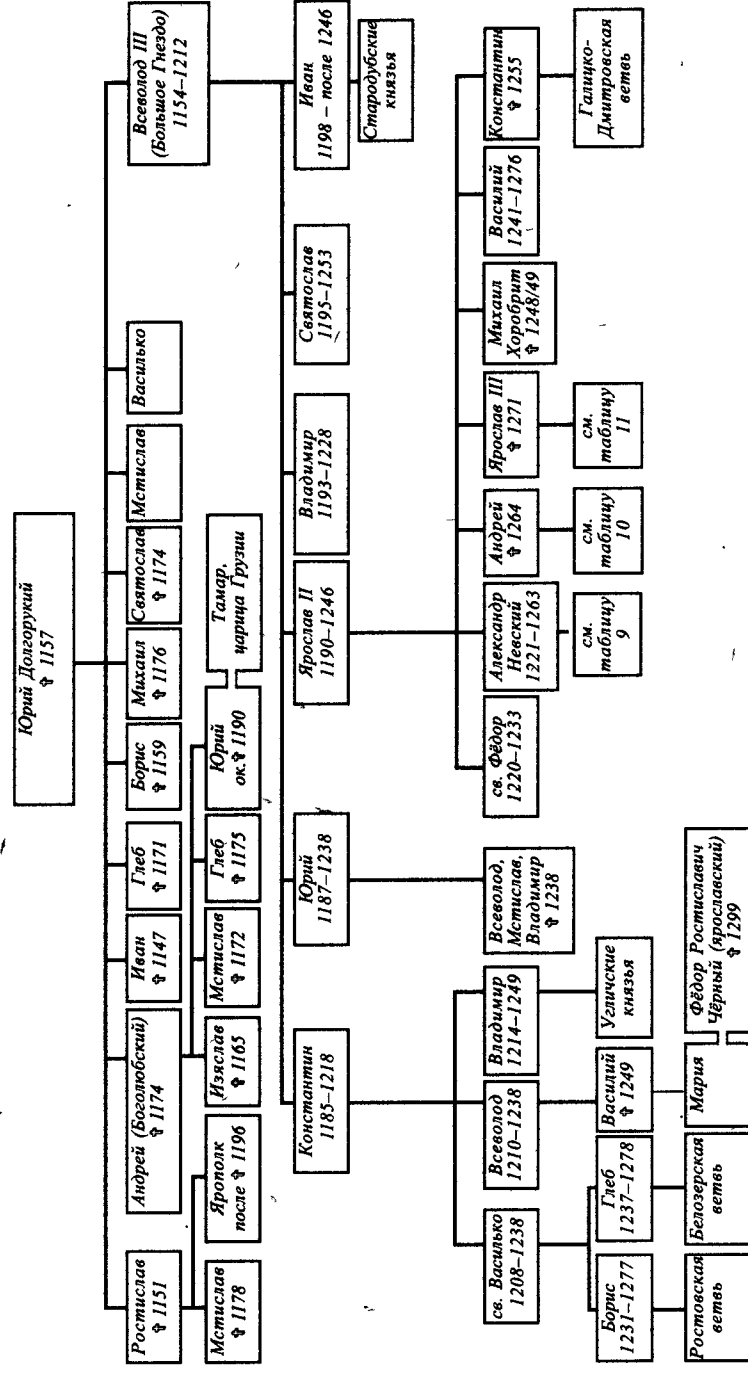

Таблица 9

Потомки Александра Невского. Московская династия

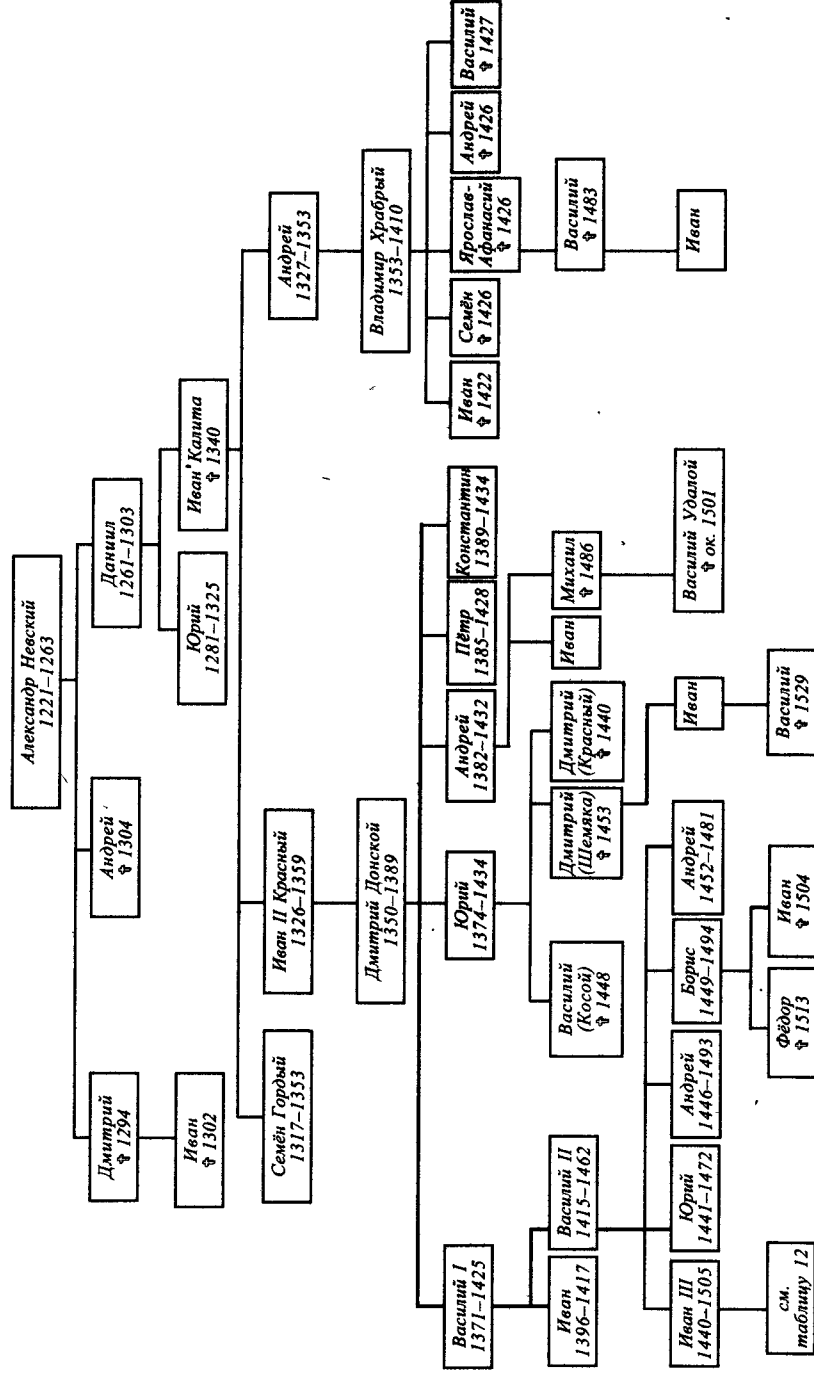

Таблица 10

Суздальско-Нижегородская ветвь

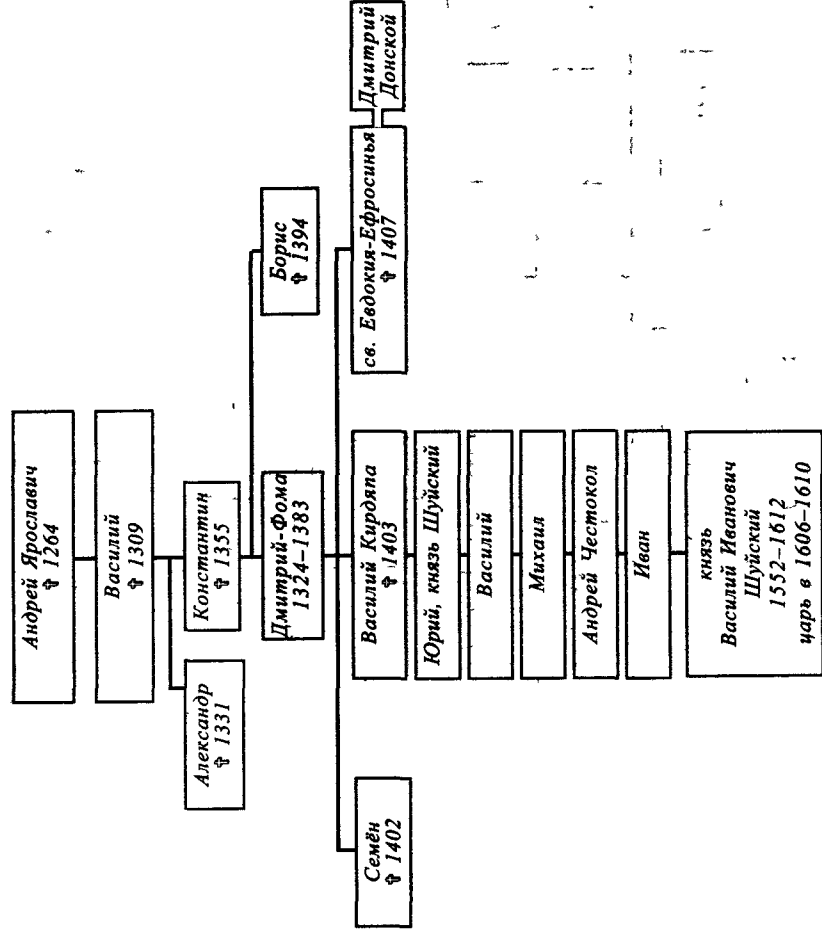
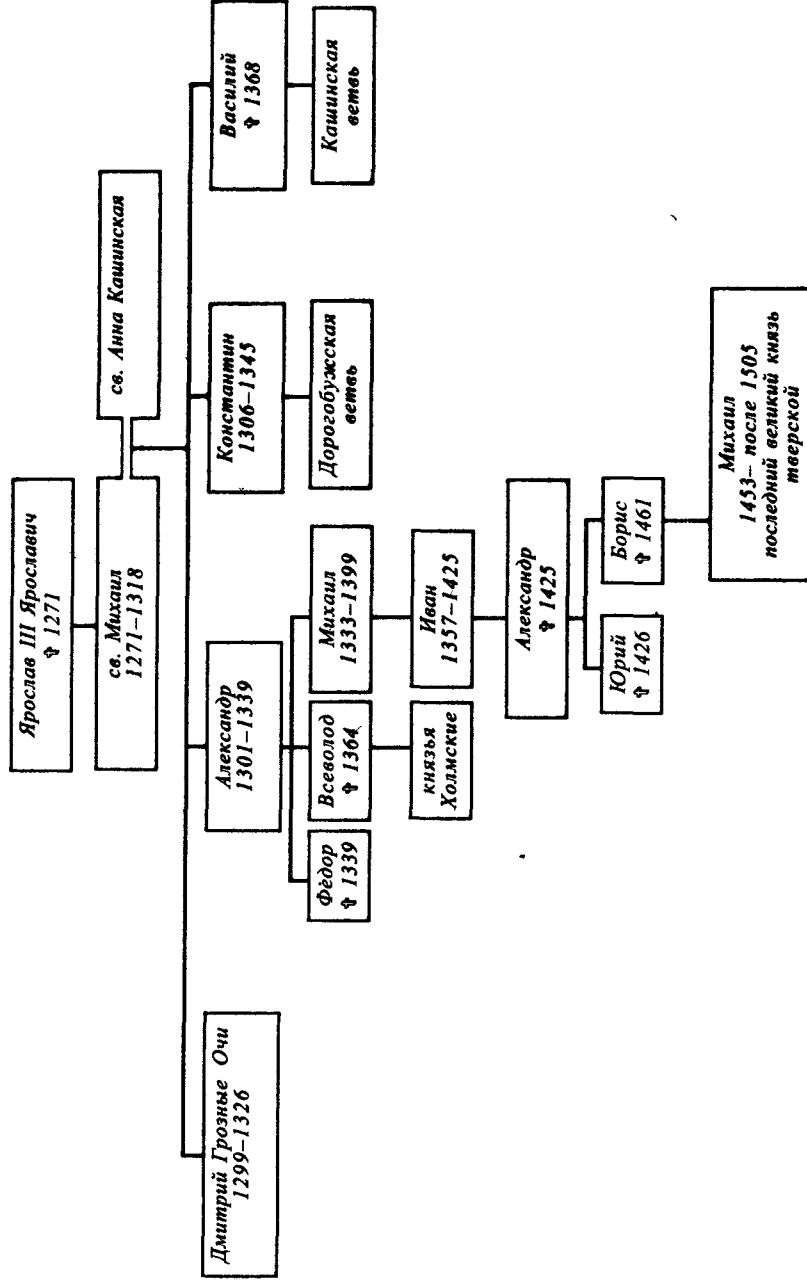
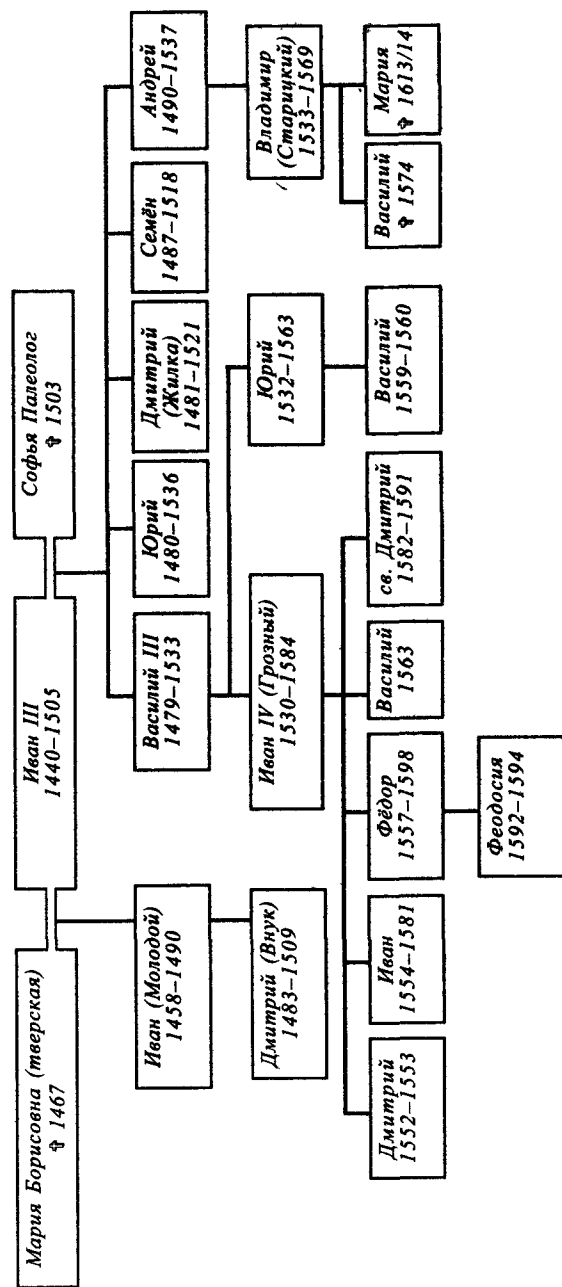

Таблица 11

Тверская ветвь

Потомки Ивана III

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	4
РАССВЕТ НА БАЛТИКЕ	7
РЮРИК: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ	16
РЕРИК СЛАВЯНСКИЙ И РОРИК ЮТЛАНДСКИЙ.....	27
«ЕГО РОД И ВЕРНАЯ ДРУЖИНА»	36
«МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ»	39
ВЕЛИКАН ИСТОРИЧЕСКОГО СУМРАКА	44
«ЖАЛКАЯ СУДЬБА» СЫНА РЮРИКА	51
ПЕРВАЯ РУССКАЯ СВЯТАЯ.....	58
СВЯТОСЛАВ И ЕГО СЫНОВЬЯ	66
РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КРЕСТИТЕЛЬ РУСИ.....	75
КТО УБИЛ БОРИСА И ГЛЕБА?	82
МУДРЫЙ ХРОМЕЦ	87
ЛЕСТВИЦА И УСОБИЦЫ	95
УДЕЛЬНАЯ РУСЬ	103
ДОЛГОРУКИЙ ОСНОВАТЕЛЬ МОСКВЫ	108
«ЗЕМЕЛЬНЫЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ»	127
Киев в разгар княжеских усобиц.....	127
Нашествие	128
Полоцкая династия	135
«Вторая Русь»	138
Первая Галицкая династия	145
Турово-Пинская династия.....	148
Черниговский княжеский дом	150
Рязанская династия	185
Потомки Мстислава Великого	188
Потомки Юрия Долгорукого.....	241
Потомки Ярослава Всеволодовича	256
Герой Ледового побоища и его сыновья.....	269
Суздальско-Нижегородская династия	273
Тверская ветвь.....	279

МОСКОВСКАЯ ДИНАСТИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ	283
У истоков призрачного величия	283
«Макиавелли» Московского двора	289
Два «мимолетных» князя	297
Герой Тихого Дона	303
«Царственный» сын	311
Династическая война	320
Основатель новой России	334
От великого княжения к царству	349
Сумерки династии	365
Призраки царского рода	372
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>Приложение 1.</i> Рюриковичи — великие Киевские князья	388
<i>Приложение 2.</i> Рюриковичи — короли Руси (Галицкие князья)	390
<i>Приложение 3.</i> Рюриковичи — великие князья Владимирские, Московские, цари	390
<i>Приложение 4.</i> Родословная роспись Московской княжеской династии	392
<i>Приложение 5.</i> Некрополь Рюриковичей в Архангельском соборе Московского Кремля	402
<i>Приложение 6.</i> Материалы к библиографии по истории рода Рюриковичей	406
<i>Приложение 7.</i> Рюриковичи в русской поэзии	423
1. Харальд Сигурдарсон. Висы радости	424
2. К. Н. Батюшков. Песнь Гаральда Смелого	424
3. К. Д. Бальмонт. Убийца Глеба и Бориса	426
4. К. Д. Бальмонт. Смерть Димитрия Красного. Предание	427
5. К. Д. Бальмонт. В глухие дни. Предание	428
6. И. А. Бунин. Князь Всеслав	429
7. Гр. А. К. Толстой. Роман Галицкий	430
8. В. Я. Брюсов. Разорённый Киев	431
9. В. Я. Брюсов. О последнем рязанском князе Иване Ивановиче ..	432
10. А. Н. Майков. В Городце в 1263 году	433
11. К. Ф. Рылеев. Димитрий Донской	436
12. М. А. Дмитриев. Мономахи	438
13. Слово о полку Игореве. Поэтический перевод Н. А. Заболоцкого ..	440
14. И. И. Козлов. Плач Ярославны	459
15. Н. С. Гумилёв. Ольга	461
16. Игорь Северянин (И. В. Лотарёв). Игорь и Ярославна	462
17. М. И. Цветаева. Плач Ярославны	463
<i>Приложение 8.</i> Родословные таблицы Рюриковичей (1 — 12)	465

Евгений Владимирович Пчелов

РЮРИКОВИЧИ

ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ

Редактор *Е. Абоева*

Младший редактор *О. Никанорова*

Художественный редактор *И. Суслов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректор *Л. Логунова*

